



АЛЕКСЕЙ ВЕЛИЧКО

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

**От Феодора I Ласкариса
до Константина XI Палеолога**

Москва
«ВЕЧЕ»



Величко, А.М.

В27 История византийских императоров. От Феодора I Ласкариса до Константина XI Палеолога / Алексей Величко. — М.: Вече, 2015. — 560 с. : ил.

ISBN 978-5-4444-3551-9

Знак информационной продукции **12+**

Шеститомное сочинение А.М. Величко «История Византийских императоров» раскрывает события царствования всех монархических династий Священной Римской (Византийской) империи — от св. Константина Великого до падения Константинополя в 1453 г. Это первое комплексное исследование, в котором исторические события из политической жизни Византийского государства изображаются в их органической взаимосвязи с жизнью древней Церкви и личностью конкретных царей. В работе детально и обстоятельно изображены интереснейшие перипетии истории Византийской державы, в том числе в части межцерковных отношений Рима и Константинополя. Приводятся многочисленные события времен Вселенских Соборов, раскрываются роль и формы участия императоров в деятельности Кафолической Церкви. Сочинение снабжено портретами всех императоров Византийской империи, картами и широким справочным материалом.

Для всех интересующихся историей Византии, Церкви, права и политики, а также студентов юридических и исторических факультетов.

Настоящий том охватывает эпоху от Феодора I Ласкариса (1204—1222) до Константина XI Палеолога (1448—1453).

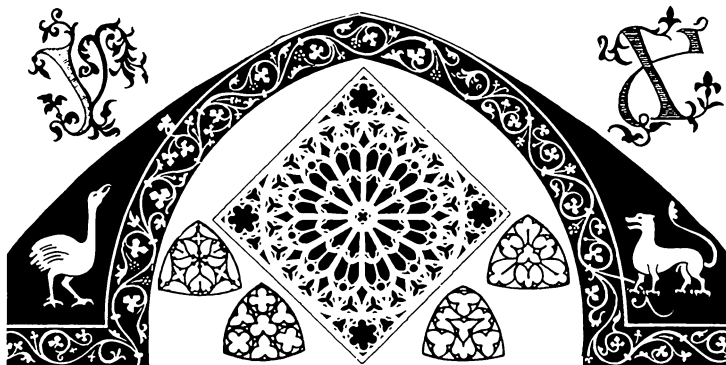
УДК 94(3)

ББК 63.3(0)4



ДИНАСТИЯ ЛАСКАРИДОВ





ЛХVIII. ИМПЕРАТОР ФЕОДОР I ЛАСКАРИС (1204—1222)

Глава 1. Осколки Византийской империи

«Редко в истории проводились более последовательные мероприятия, чем раздел поверженной Византийской империи», — писал один автор; и он, конечно же, прав¹. В 1204 г. на территории Византии помимо Латинской империи образовался целый ряд самостоятельных государств, совершенно не связанных между собой никакой общей идеей. На землях, где обосновались крестоносцы, заметно от других выделялись *королевство Фессалоникийское (Бонифаций Монферратский)* и *герцогство Афинское (Отто де ля Рош)*. Рядом с ними расположился *Иконийский султанат (Кей-Хозров I)* и *Второе Болгарское царство (Иоанн I Калоян)*.

Чуть позднее на Пелопоннесе выделится княжество Ахайа, основанное *Гийомом Шамплиттом* (1205—1209) и *Готфридом I Виллардуэном Младшим* (1209—1229). Однако последний скончался в 1209 г., и Готфрид Виллардуэн, воспользовавшись случаем, взял правление Ахайи в свои руки. В 1218 г. ему наследовал старший сын *Готфрид II* (1218—1246), а затем младший сын *Вильгельм* (1246—1278). Все они были высокообразованными и умными людьми, умевшими организовать добрососедские отношения латинян с местным населением. Князья Виллардуэн твердой рукой сдерживали алчность своих рыцарей и гасили церковные расколы, а потому страна быстро оправилась от былых потрясений и чрезвычайно расцвела, принося своему правителю до 100 тысяч золотых монет ежегодного дохода².



Из *византийских* владений, помимо воли Латинского императора созданных на осколках Восточной Римской империи, следует отметить Эпирский деспотат. Основатель этого государства *Михаил I Комнин Дука* (1205—1215), незаконнорожденный сын севастократора Иоанна Дуки, приходился родственником сразу трем царственным фамилиям — Комнинам, Ангелам и Дукам, а потому использовал три имени. В молодости он был отдан заложником к Германскому королю Фридриху I Барбароссе, затем служил по финансовому ведомству в Малой Азии. Но настоящую известность, хотя и «черную», Михаил получил после перехода на сторону Иконийского султана. Во главе шайки турецких разбойников он настолько активно грабил окрестности Меандра, что в 1201 г. Византийский царь был вынужден направить против него целое войско. Затем мятежный аристократ вернулся в Северную Грецию, где имел множество родственников по линии жены и отца, правителя фемы Этолии и Никополя. После взятия Константинополя Михаил явился к Бонифацию Монферратскому, которому обещал завоевать весь Эпир, и тот поверил. Но вместо этого Михаил быстро привел в повиновение *себе* области, густо заселенные греками, и вскоре предстал в качестве самостоятельного правителя, который в глазах местного населения стал олицетворять борьбу с ненавистными латинянами. Даже поражение под Кундуrom от пилигримов не подорвало веру эпирцев в своего правителя. Впрочем, пока еще Михаил Ангел Комнин Дука не решался принять титул «императора», именуясь «деспотом»³.

Первоначально территория деспотата простиралась от Диррахия на севере до Коринфского залива на юге. Столицей государства являлся город Арта. Во внутреннем управлении Эпирский деспотат использовал уже созданную ранее византийскую административную систему. Окруженный многими врагами — болгарами, крестоносцами и венецианцами, Михаил I был вынужден сразу же создавать мощную армию, способную противостоять им. Деспот полагал себя самостоятельным правителем, и церковная иерархия Эпира считалась независимой от кого бы то ни было. По приказу Михаила I местные митрополиты приступили к рукоположению епископов. Хотя это было относительно сильное государство, никаких враждебных действий со стороны Эпирского деспота при Михаиле I по отношению к Никейской империи, о которой речь пойдет ниже, пока не наблюдалось, хотя впоследствии ситуация резко изменится⁴.

Другим активным участником тех далеких событий являлась *Трапезундская империя*, где правил внук Византийского императора



Андроника I Комнина *Алексей I* (1204—1222), создавший династию «*Великих Комнинов*». Это новое греческое государство первоначально возникло из двух частей — фемы Халдии, где правил Алексей Комнин, и земель Пафлагонии и Ираклии Понтийской, которыми владел его брат *Давид*. Отделенная от Никейской империи сельджукскими владениями, она вскоре вышла из борьбы за право стать центром объединения византийцев, став самостоятельным государством с автономными интересами. Однако претензии «Великих Комнинов» называться *единственными* легитимными Римскими василевсами не прекращались долгое время, что впоследствии создало много напряженных отношений между ними и правителями *Никейской империи*, о которой речь пойдет ниже⁵.

Помимо этих политических образований и их правителей, в Мосиполе еще проживал престарелый Алексей III Ангел Комнин, а в Чорлу (Цуруле) прятался Алексей V Дука Мурцуфл. В Филадельфии в качестве независимого государя утвердился Феодор Манкафа, в долине Меандра — Мануил Маврозом, а в Сампсоне у Милета — Савва Асидин. В Самсуне правил Феодор Гавра, потомок Таронских князей. На Родосе титул кесаря принял Критский архонт Лев Гавала. Впрочем, в описываемых нами событиях никакой самостоятельной роли они не играли⁶.

Но если три греческих государства разом, как конкуренты, претендовали на роль *объединяющего центра* византийской нации, то интересы и замыслы правителей латинских государств во многом отличались друг от друга. Император Балдуин I мыслил свое государство на западно-феодальный манер: единый государь на фоне ленных наделов независимых вассалов. Но в действительности он стал *номинальной* фигурой на фоне могущественных ленников, число которых достигло 600, поскольку сам оказался отстраненным от раздачи земельных наделов. По этой причине Балдуин I не мог создать и полноценной армии — она формировалась исключительно совместным Франко-венецианским Советом. И хотя император по должности возглавлял его, секретарем Совета являлся правитель венецианской части Константинополя.

Этот Совет имел власть бо́льшую, чем Балдуин, поскольку мог отменять его распоряжения и руководить военными действиями. Был принят и основной закон Латинской империи «*Assises de Romania*», скопированный с Иерусалимского законодательного свода. Для споров императора с ленниками был создан специальный суд, и в итоге Балдуин мог считаться лишь председателем Совета среди других дворян нового государства. Руководимый во



всем грекофобом Дандолом, Латинский император совершенно не ставил в расчет византийцев и их интересы — для него они являлись подданными его ленников, не более того. И хотя формально было провозглашено равенство Восточной и Римско-католической церквей, в скором времени почти весь греческий епископат был заменен латинским⁷.

Напротив, Бонифаций Монферратский, как наиболее глубоко мыслящий человек среди вождей 4-го Крестового похода, намеревался создать прочные основания своей власти. А потому надеялся вступить в более тесные отношения с византийской аристократией, проживавшей на территории его королевства. Его совершенно не интересовал Латинский император, у которого он тайно надеялся забрать столь понравившуюся ему Фессалию. Свой план Бонифаций вынашивал в уме еще в те дни, когда в Константинополе выбирали главу Латинской империи. К недоумению всех крестоносцев, он буквально перед днем выборов женился на бывшей супруге императора Исаака II Ангела *Марии Венгерской* — чрезвычайно очаровательной и молодой особе⁸.

Тогда этот поступок не был понят никем, кроме, возможно, хитроумного дожа Дандоло, с которым Бонифаций, очевидно, договорился заранее. И тот, как опытный политик, понял, что таким способом Бонифаций формирует легитимные основы своей власти. Дож не ошибся: 12 августа 1204 г. граф Монферратский заключил договор с Венецией, согласно которому итальянцы признавали за ним Фессалоники, а он передавал Республике остров Крит. Стороны специально оговорили между собой все нюансы. И хотя они отметили, что обязуются «не нарушать прав и интересов Латинской империи и императора», но совершенно обошли французов, крайне разочарованных этим соглашением⁹. Когда об этом договоре узнал император Балдуин I, находившийся в те дни в Мосиполе, он буквально впал в шоковое состояние, обзывая графа Монферратского «криводушным и вероломным изменником». Но Бонифаций Монферратский мало волновался нелестными эпитетами в свой адрес. Он созвал представителей византийцев и поклялся прекратить сношения с остальными латинянами, соблюдая исключительно интересы греков. А затем объявил Мануила, сына Марии Венгерской, рожденного еще от Исаака II Ангела, *Римским императором*, предоставив тому право ношения пурпурной одежды. Это известие окончательно вывело Латинского императора из состояния равновесия. Разъяренный Балдуин отправился в поход, намереваясь захватить Фессалоники и восстановить собственные права.

Он дошел до города, где его встретили местные жители, просившие взять их под свое покровительство — несмотря на все обещания итальянца, византийцы не очень доверяли Бонифацию Монферратскому. Латинский император дал свое согласие и даже подписал хрисовул, сохраняющий за фессалоникийцами их старые права. Но тут последовало сообщение из Константинополя о том, что дож Дандоло *настоятельно требует* его возвращения в столицу. После этого можно было с уверенностью сказать, что граф Монферратский выиграл дипломатическую битву у французов. Теперь императору нужно было *завоевывать* Фессалоники, если он хотел наказать Бонифация¹⁰.

Эта история имела дальние и весьма опасные последствия для Балдуина и попутно дарила шанс на жизнь молодому Никейскому государству, куда в массе своей бежали потерявшие отечество византийцы. Ведь на Фракию претендовали *болгары* — куда более опасный соперник, чем свергнутые цари Византии или Бонифаций Монферратский. Было чудом, что Латинский император, вектор интересов которого *объективно* лежал на Востоке, упрямо смотрел на Фракию. Вместо пустых ссор с соотечественниками ему следовало прибрать к своим рукам Малоазиатские владения Византии. И если он хотел не только *называться* Латинским императором, но и быть им, то Балдуину необходимо было предоставить Вифинию своему вассалу *Луи, герцогу Никейскому*¹¹. И, без сомнения, этот поход мог стать гибельным для Никеи, если бы внезапно Балдуин не вынужден был потратить время на выяснение отношений с Бонифацием¹².

Еще одним подарком судьбы стало то, что Балдуин высокомерно отверг предложение о дружбе, направленное Иконийским султаном Кей-Хосровом I. Этим самым он лишил себя могущественного союзника в Малой Азии, совместно с которым мог легко захватить Вифинию и Мезию¹³.

Оставив в Константинополе дожа Дандоло, Балдуин вместе с братом Генрихом Фландрским отправился с небольшой армией во Фракию. Но воевать с Мурцуфлом ему не пришлось — того ослепил тесть и выдал латинянам. Вскоре Алексей V был казнен в Константинополе. Как рассказывают, по совету дожа Дандоло бывший император был сброшен вниз со столпа святого императора Феодосия — латинянам очень хотелось, чтобы эта казнь была *доступна* всем для обозрения¹⁴. Конечно, данная акция не прибавила любви к латинянам со стороны византийцев — каким плохим ни был Мурцуфл, он являлся Римским императором. Как



известно, в истории Византии насчитывается немало случаев, когда цари не просто свергались конкурентами, но и погибали вследствие дворцовых переворотов. Но разве можно было бы предположить, что василевс, пусть даже и бывший, будет казнен *публично*?! И его позорная казнь стала откровенной издевкой латинян над византийцами и их традициями.

Алексей III также не доставил Балдуину больших хлопот — его вместе с бывшей царицей Ефросиньей арестовали и отправили в Германию, куда, впрочем, как мы вскоре узнаем, он не прибыл. Казалось бы, теперь Латинский император получил возможность направить свою армию против Никеи. Но и в эту минуту Бог уберег Ласкариса и никейцев от страшной опасности, столкнув латинян с новым врагом, выпестованным их собственным высокомерием. Перед Балдуином предстал Болгарский царь Иоанн I Калоян, чьи интересы также лежали во Фракии. До некоторого времени болгары искренне желали победы крестоносцев над византийцами, и еще при осаде Константинополя Калоян обещал латинянам прислать 100 тысяч войска для помощи. Но затем наступил резкий обрыв отношений, который, безусловно, предвидел Бонифаций Монферратский, подталкивая императора Балдуина к походу во Фракию, на которую претендовал Калоян.

Дело в том, что царю болгар были вовсе не безразличны территориальные притязания латинян на Балканах. Человек, хорошо знающий себе цену, имеющий хорошую и многочисленную армию, Калоян был чрезвычайно щепетильным, если речь заходила о внешних формах, и как ни в чем не бывало подписывался титулом «император». Когда в том же году император Балдуин пожелал принять присягу от Калояна на верность, то возникла первая размолвка. Болгарский царь надеялся заключить союз с латинянами *как равный с равными*. Но получил надменный ответ: Балдуин заметил, что болгарину надлежало обращаться к Латинскому императору как *к своему господину*, а не как к товарищу. Было бы удивительным, если бы Болгарский царь оставил такие выпады в свой адрес без удовлетворения. Война стала неизбежной. После этого можно было с уверенностью говорить, что надежды папы Иннокентия III на продолжение 4-го Крестового похода стали совершенно иллюзорными — при таком клубке противоречий и все явно проявляющихся векторах столкновений ни о каком походе на Иерусалим не могло быть и речи.

В ноябре 1204 г. французский рыцарь Ренье Тритский во главе отряда из 120 всадников занял Филиппополь, на который претен-

довали болгары; и жители приняли его с радостью. В свою очередь при поступлении известий о приближении Балдуина многие фракийские города направили своих делегатов к Калояну с просьбой принять их в свое подданство. В этом нет ничего удивительного — крестоносцы на землях Латинской империи устроили настоящий *террор*, нисколько не собираясь считаться с правами ни византийской аристократии, ни низших слоев населения. Желая привлечь дополнительные военные силы, Балдуин разослал письма в Германию и Палестину, соблазняя рыцарей обширностью свободных владений и богатством Византии. И не без успеха: из одной только Кремоны приехало около 1 тысячи рыцарей, а из Сирии и Палестины к Латинскому императору прибыло 100 рыцарей с оруженосцами и двумя папскими легатами.

Всем им, равно как и участникам штурма Константинополя, Балдуин щедро нарезал владения, совершенно игнорируя права прежних владельцев. Византийцы, чья национальная гордость была попрана осквернением святынь, разорением Константинополя и убийствами, теряли теперь свободу и последнее имущество. Естественно, ни о каком примирении с латинянами с их стороны не могло быть и речи. Тем более что западные христиане относились к византийцам с нескрываемым презрением как к людям «второго сорта»¹⁵.

Вскоре началась война между латинянами и болгарами. Французский гарнизон в Дидимотихоне был уничтожен местными горожанами, а прибытие болгарского войска вынудило латинян спешно очистить Адрианополь. Месяц спустя под его стены явился сам Балдуин всего со 140 рыцарями и небольшим отрядом вспомогательных сил, надеясь осадой вернуть город. Но к нему уже приближался Калоян со своими союзниками половцами, силой до 14 тысяч всадников. В четверг, 14 апреля 1205 г., под Адрианополем состоялась историческая битва, в ходе которой болгары заманили французов в ловушку и почти всех уничтожили. Сам Балдуин попал в плен, погибли многие знатные лица: епископ Пьер Вифлеемский, Этьен дю Перш, Рено де Монмирай, Матье де Валенкур, Робер де Ронсуа, Жан де Фризе, Готье де Нюлли, Эташ де Эмон, Бадуин де Невилль и многие, многие другие¹⁶. В точности неизвестно, что происходило с Латинским императором в болгарском плену, но абсолютно достоверно, что там он погиб.

Чувствуя себя хозяином положения, Калоян решительно отказался выполнить просьбу Римского папы Иннокентия III об



освобождении Балдуина. Следует отметить, что понтифик вовсе не собирался воевать за интересы Латинского императора. Его письмо Калояну можно отнести к хрестоматийным образцам такта и корректности. Апостолик напомнил, что особой благодатью отличает Болгарского царя из всех христианских владык, поскольку тот добровольно посвятил Римской церкви свое царство, «как частное достояние святого апостола Петра». В свою очередь, только послушание Апостольской кафедре позволило Калояну достигнуть таких великих успехов, вещал папа. Нет сомнений, что их интересы совпадают, и даже более того, успехи царя болгар ему дороже собственных. Но поскольку на Западе собирается новое войско для войны с болгарами, Иннокентий III *советует* Калояну освободить Балдуина и заключить мир с Латинским императором, иначе латиняне совместно с венграми могут победить его. Напротив, письмо брату погибшего Балдуина Генриху Фландрскому, жаждавшему мести, было чрезвычайно лаконично. Папа настоятельно рекомендовал тому заключить мирный договор с Калояном, т.к. эта дружба принесет им обоим много пользы. «Нужнее дела, чем слова», — закончил понтифик свой монолог¹⁷.

После гибели французского войска и ухода папы Иннокентия III в сторону от схватки западные провинции Византии стали объектом добычи болгар и половцев, растекшихся по ним. В скором времени от владений Латинской империи во Фракии остался только Константинополь, Родосто и Силимврия. Не удовлетворившись этими успехами, Иоанн Калоян напал на владения Бонифация Монферратского. Летом 1205 г. его полководец Шишман осадил Фессалоники, где находилась Мария Венгерская, и хотя Бонифаций спас свою супругу, всем остальным пришлось пожертвовать. В скором времени болгары заняли почти всю Македонию¹⁸. Ренье в Филиппополе оказался отрезанным от своих соотечественников, и его разгром был лишь делом времени, что и произошло в действительности.

Нужно было предпринимать срочные меры, и взамен павшему императору Балдуину правителем (байлом) Латинской империи 20 августа 1206 г. был избран его брат *Генрих Фландрский* (1206—1216). Возможно, конкурентом ему мог стать старец Дандоло, но тот скончался спустя несколько недель после страшного поражения франков у Адрианополя¹⁹. Кстати сказать, избрание байла также не обошлось без некоторой конфронтации между французами и венецианцами. Узнав о том, что франки желают остановить свой выбор

на Генрихе, венецианцы потребовали безвозмездной передачи им чудотворной иконы Богородицы «Одигитрия». Только после того, как требуемое соглашение было заключено и венецианцы получили величайшую святыню христианства, Генриха Фландрского короновали императорским венцом²⁰.

Генрих (Анри или Эрик, как его называли соответственно французы и греки), в отличие от многих других латинян, относился к византийцам великодушно и мудро. Если бы все остальные правители латинских государств брали его поведение в качестве примера для подражания, история взаимоотношений Запада и Востока могла бы быть иной. Особенно ярко это проявилось в вопросе о веротерпимости. Надо сказать, что если по вопросу об участии папы Иннокентия III в деле захвата латинянами Константинополя существуют разные мнения, то последующая вероисповедальная политика Римского епископа оценивается всеми исследователями *однозначно*. Для понтифика вопрос о подчинении византийцев Римской церкви являлся сугубо юридическим. И само подчинение предполагало целый ряд действий, включая перекрещивание византийцев и принесение ими присяги апостолику.

Первоначально Иннокентий III призывал латинян проявлять мягкость и терпимость к «недостаткам» греков, но его слова оставались не услышанными. Латинские клирики грубо вмешались в иерархическую структуру Восточной церкви, упраздняя некоторые епископские кафедры или принижая их в достоинстве. Митрополит и архиепископ нередко оказывались лишенными своей епархии и становились викарными архиереями. Например, на Кипре Православная церковь, автокефальная с 431 г., т.е. со времен Халкидонского Собора, быстро утратила свою автономию. А в 1231 г. состоялось страшное преступление: латиняне сожгли 13 греческих монахов Кипра, отказавшихся подчиниться Римскому папе. На Крите уже к 1220 г. не осталось православных епископов, а византийским духовенством управлял латинский пресвитер; все хиротонии осуществлялись вообще за пределами острова. Стоит ли удивляться, что многие епископы и клирики стремились эмигрировать в Никею, где их статус ни у кого не оставлял сомнений?²¹

Попутно папа Иннокентий III направил в столицу Латинской империи легата Пелагия, наделив того патриаршими прерогативами. Желая продемонстрировать всем свой высочайший статус, Пелагий надел на ноги красные сапоги — знак царской власти, и пурпурную одежду. Таким же цветом была покрашена попона его



коня и уздечка. Жестокий и надменный, он в буквальном смысле слова *изводил* константинопольцев, принуждая принять латинские обряды и признать над собой власть Римского папы. С этим историческим персонажем мы вскоре еще столкнемся. Перед византийцами возникла сомнительная по перспективе дилемма: или признать апостолика первым архиереем Кафолической Церкви, или принять смерть. Дошло до того, что византийцы напрямую обратились к Генриху Фландрскому с просьбой освободить их от ненавистного папского легата. В качестве ультиматума они заявили: либо Латинский император урезонит зарвавшегося Пелагия, либо они уйдут к своим соотечественникам в Никею и Эпир. Генрих был не настолько глуп, как легат, а потому тут же приказал открыть все православные храмы и освободить из тюрем всех греческих монахов и священников²².

Перемена в политике Латинского императора не осталась незамеченной со стороны византийцев, а дикий нрав половцев вскоре ожесточил сердца греков, понявших, что они напрасно надеялись увидеть в Иоанне Калояне своего освободителя. В Филиппополе восстал Алексей Аспиет, с которым болгары разделились очень жестоко, и это было только начало византийского сопротивления. Весной 1206 г. война возобновилась, и болгары тысячами уводили греков в плен, принудительно расселяя их на берегах Дуная. Как выяснилось, Калоян очень хотел получить прозвище «*истребитель римлян*», определенно заявляя, что в его сердце уже давно живет месть к византийцам за дела императора Василия II Болгаробойцы.

Но уже во второй половине лета 1206 г. болгарам пришлось испытать на себе крепость латинских рыцарей — отважный Генрих Фландрский смело нападал на фракийские владения Калояна, имея большой успех. Он заставил болгар снять осаду Дидимотиона и отвоевал Адрианополь, радостно приветствуемый местными греками. Затем Генрих нанес Калояну новое поражение, отбив громадный обоз и освободив всех пленных византийцев. Союзники постепенно оставили Калояна — вначале половцы бросили осаду Адрианополя и возвратились в свои становища, а затем от него ушел Никейский император Феодор Ласкарис, примирившийся с латинянами²³.

Успехи латинян были бы несравнимо большими, если бы в военных кампаниях 1205—1206 гг. венецианцы действовали с ними солидарно. Но — ничуть не бывало. Новый дож Венеции *Пьетро*

Дзиани (1205—1229) присвоил себе титул «деспот», подписывал свои документы пурпурными чернилами, как Византийские императоры, и претендовал как минимум на *равенство* с Латинским императором. Когда Генрих Фландрский отправился в поход на болгар, венецианцы даже не попытались помочь ему, но, воспользовавшись ситуацией, отправились грабить побережье Мраморного моря. Тем не менее позднее Латинскому императору удалось урегулировать с ними отношения, и венецианцы пошли на уступки, опасаясь, что генуэзцы захватят их острова в Ионическом море. Однако время было потеряно²⁴.

В июле 1207 г. Генрих Фландрский имел свидание с Бонифацием Монферратским, с которым договорился о совместных действиях против болгар. Увы, им не пришлось воевать рука об руку — на обратном пути, осенью 1207 г., граф Монферратский попал в засаду и был сражен стрелой; его голову принесли Калояну в качестве дара. Но и сам Болгарский царь доживал свой век: 8 октября 1207 г. его убил копьем один половец, любовник царицы, этнической половки, которого она же и наняла на эту роль. Так закончилась жизнь самого опасного врага латинян и византийцев, которого греки называли не иначе как Скило-Иоанн («Собачий Иоанн»)²⁵.

Смерть Калояна оказалась катастрофичной для Второго Болгарского царства — его правителем стал не законнорожденный сын царя, а племянник *Борил* (1207—1218). Он не пользовался авторитетом у болгар, считавших его узурпатором, и вскоре деспот *Алексей Слав* (1207—1230), племянник предыдущих царей, правитель Мельника в Родопских горах, объявил себя независимым государем и стал добиваться Болгарского престола при помощи латинян. А венгры завладели Белградской и Браничевской областями, которые Калоян отвоевал у них в 1203 г.²⁶

В день Святой Троицы 1208 г. Латинский император Генрих получил известия о начале похода болгар и половцев на Константинополь. Немедленно собрав ополчение, он выступил к Адрианополью, надеясь отомстить за смерть брата. Но у Веррии его ждало поражение — ранним утром болгары напали на его войско, еще не готовое к бою, и оно едва не погибло. Кое-как собравшись с силами, латиняне отправились к Филиппополю, надеясь взять город штурмом. Как выяснилось, местность близ города была разорена, а сзади уже наседали болгары. Однако «храбрость города берет» — в завязавшемся сражении успех сопутствовал франкам, развеяв-



шим болгар, как пыль. Сразу после этого к Генриху явился Алексей Слав, признавший себя его вассалом и получивший в лен «Великую Влахию» на Средних Карпатах²⁷.

Впрочем, и эта победа не смогла консолидировать латинян, живущих своими представлениями *о личных правах*. По другую сторону Родоп располагались ленные владения ломбардийцев, вассалов Фессалоникийского короля. Когда Бонифация Монферратского не стало, они отказались от своей вассальной присяги и объявили о независимости Фессалоникийского королевства. А один из ломбардийцев — Альбертино из Каноссы, даже напал на Афинского герцога Оттона де ля Роша и отнял у того Фивы²⁸.

Положение «византийских латинян» осложнялось тем, что на Западе разгорелась борьба между Германскими императорами и Римской кафедрой. Получалось, что весь латинский мир оказался расколотым на две части, одинаково именовавшие себя «империями», а их главы — императорами Божьей милостью. Интересы императора Генриха Фландрского также далеко не всегда совпадали с интересами понтифика. Папа жаждал подчинить себе Восточную церковь, но Генрих прекрасно понимал, что поддержка им этой духовной экспансии подорвет слабые основы его мирного сосуществования с греками. Кроме того, и латинские бароны, и сам Генрих за истекшее время уже «пропитались» духом византийского «цезаропапизма» и выражали недвусмысленные претензии на руководство церковными делами — по крайней мере в самом Константинополе и в их владениях²⁹.

На некоторое время болгары и латиняне замирились между собой. Генрих Фландрский начал войну на Востоке против Никеи, а царь Борил был занят искоренением ереси богомилов. Но в 1211 г. военные действия были возобновлены по инициативе болгар, недовольных территориальными потерями последних лет. Несомненно, их активные действия против Генриха Фландрского были подготовлены широкомасштабной деятельностью бывшего Константинопольского патриарха Иоанна Каматира, проживавшего в Эпире и желавшего образовать союз византийцев и болгар против латинян. Его слова попали на благодатную почву: болгары не получили от Рима того, что хотели, да и латинские обряды не прижились на болгарской земле, воспитанной в византийской культуре. Кроме того, болгарскую аристократию покорило тот факт, что Римский папа под давлением Венгерского короля *Имре* (1196—1204) и его преемников *Ласло II* (1204—1205) и *Андраша II*

(1205—1235) соглашался признать венгерский протекторат над Сербией — болгары имели свои интересы в этом регионе³⁰.

Возникла призрачная надежда создать на месте завоеванных латинянами областей великое *Греко-болгарское царство* с центром в Константинополе. Поскольку никакой альтернативы Болгарскому царю не было, все считали, что главой нового государства станет Борил³¹. Примечательно также, что Борил выступил против французов именно в тот момент, когда все силы Латинского императора были брошены на Никею — едва ли это простое совпадение. В апреле 1211 г. болгарин попытался дать сражение Генриху Фландрскому, но побоялся рисковать и отступил. Зато его брат, севастократор *Стрез* (1211—1214), напал на латинян, квартирующих в Фессалониках. На его беду, на помощь латинянам пришел Эпирский деспот Михаил I Комнин Дука, при помощи которого французы одержали решительную победу над болгарами. Резкая перемена политики Эпира, чьи воины еще несколько месяцев тому назад грабили вместе с болгарами Южную Македонию, была вызвана опасением эфирцев за свои собственные территории, могущие стать объектом будущих нападений воинов Борила.

Война продолжалась, но была неудачна для болгар. В октябре 1212 г. Борил потерпел очередное поражение от латинян, которым помогал Алексей Слава, государь «Великой Влахии». Борилу оставалось только просить мира и предложить Генриху Фландрскому в жены свою дочь *Марию*, девушку необычайной красоты. Свадьба состоялась в октябре 1213 г., и этот союз упрочил отношения болгар с латинянами. Более того, мудрый Генрих начал переговоры с Феодором Ласкарисом о женитьбе на том своей племянницы, а другую родственницу выдал замуж за короля Андраша II Венгерского.

К этому моменту выяснилось, что Болгаро-греческий союз — миф. Болгары полагали в византийцах лишь своих заклятых врагов, которыми они *могли править*, но не дружить. В свою очередь греки увидели в Никейском императоре своего мессию-освободителя от ненавистных латинян. После того как их интересы с византийцами разошлись, болгары стали надежными союзниками французов и вместе отправились на войну с сербами, не так давно поддерживавшими Стрезу при нападении на Фессалоники. Особых успехов эта война не имела, и вскоре вылилась в затяжной спор из-за границ между венграми, болгарами и сербами. Смерть в 1216 г. Генриха Фландрского — лучшего из Латинских императоров, лишила Борила могучего союзника и привела к скорому прекращению его царствования³².



Глава 2. Феодор I Ласкарис и Никийская империя

Говоря словами современника, после взятия латинянами Константинополя вся Византийская империя распалась на части, «как некогда Израиль и Иудея. Одна часть держалась одного вождя, другая — склонялась на сторону другого. Даже когда пробуждалось в народе чувство некоторого рода дружественной связи, то оно выражалось не в том, чтобы все одушевились одной мыслью об обороне отечества, но единственно одними толками об избрании нового царя»³³.

Но, как вскоре выяснилось, византийский дух еще не иссяк и теперь медленно, но верно пробивал себе дорогу через руины, в которые крестоносцы превратили великолепную Византию. Хотя предыдущие императоры своими поступками и образом жизни во многом скомпрометировали царскую идею, но на фоне того, *что* творили латиняне с Римским государством, многое было прощено и забыто. «Все грехи дома Ангелов, весь глубокий вред царского абсолютизма бледнели в глазах греков перед страшным впечатлением громадного несчастья, обрушившегося на древнее Византийское царство после кровавых апрельских дней 1204 г.»³⁴ Оставалось лишь найти человека, которому по силам будет объединить разрозненный великий народ, пребывавший, как некогда израильтяне, в изгнании. И им стал великий **Феодор I Ласкарис (1204—1222)**, о трудах и подвигах которого у нас пойдет речь.

Никейская империя охватывала обширные территории от Кари и реки Меандра на юге до Галатийского Понта и Каппадокии, включая в себя Вифинию и Мезию. Почему именно Никея стала новым центром политической и церковной жизни византийцев? Дело в том, что Никея издавна считалась процветающим и богатым городом с множеством храмов и монастырей. Когда-то давно она была захвачена мусульманами, но в ходе 1-го Крестового похода пилигримы освободили Никею, *вынужденно* передав ее императору Алексею I Комнину.

Один из современников так обращался к Никее: «Ты превзошла все города, так как Ромейская (Римская) держава, много раз поделенная и пораженная иностранными войсками, только в тебе одной основалась, утвердилась и укрепилась». Здесь компактно проживало греческое население, а горные хребты и узкие дороги затрудняли захват областей, отошедших под власть Никейского



императора. С другой стороны, сообщения между городами Вифинии были также очень затруднены, население еще не забыло тирании Андроника I Комнина и не очень, мягко говоря, доверяло администрации. Повсюду были разбросаны отдельные владения византийских аристократов, которых следовало убедить в священной миссии Феодора Ласкариса. Собственно, Ласкарису еще предстояло создать единую *национальную власть*, которой практически не существовало.

Что это был за человек? Феодор I родился в 1173 или 1175 г. в знатном семействе Ласкарисов, где был четвертым сыном. Получив соответствующее его положению образование, Ласкарис слыл интеллектуалом и в то же время одним из самых искусных воинов Византии. Внешность Феодора I была самая что ни на есть обыденная: маленького роста, смуглолицый мужчина с длинной черной бородой. Император был одновременно отважен в бою и доступен некоторым чувственным наслаждениям; особенно он любил женщин. Гневливый, но отходчивый, Ласкарис был необычайно щедр к людям, верно служившим ему³⁵.

Именно он стал национальным лидером византийского народа, общим и *единственным* освободителем византийцев от латинян. Человек *скромных* военных дарований, но невероятно энергичный и стойкий, не привыкший впадать в уныние, Феодор I был великолепным организатором, политиком и дипломатом. Поражения никогда не пугали его, и, сделав правильные выводы, он умел находить единственно верные шаги в самых сложных и запутанных ситуациях. Но самое главное — он был настоящим *патриотом своего отечества*, нисколько не сомневаясь, что его историческая роль заключается не в наслаждении властью, а в освобождении отечества от ига латинян.

В «Силенциуме» — тронной речи царя, присутствуют следующие строки: «Моя императорская власть была свыше поставлена, подобно отцу, над всей Ромейской державой, хотя со временем она стала уступать многим. Десница Господа возложила на меня власть за усердие». Верный идее «единая Империя — единая Церковь», Ласкарис говорил: «И да будет едино стадо и один пастырь», разумея под пастырем, конечно, себя, как Римского императора. И хотя титул Ласкариса не коррелировал с фактическим положением дел, для многих, очень многих византийцев он являлся единственным легитимным Римским царем, продолжателем старых династий³⁶.

Однако Феодору Ласкарису, венчанному патриархом Иоанном Каматиром в Святой Софии венцом Римского императора, при-



шлось приложить немало трудов, чтобы снискать доверие и уважение никейцев. Позднее, уже под конец жизни, Феодор I напишет в одном из писем: «Знайте все вы, знайте труды мои и бессонные ночи, переезды из одних мест в другие, козни и злые умыслы коекого, неоднократные поездки к соседним жителям и соглашения, потоки пота. Все пришлось вынести мне и совершить моему царству не из личной корысти — не настолько я честолюбив, сколько люблю свою родину, — но чтобы выгнать из восточных городов западную проклятую рать, безвозбранно вторгшуюся в Ромейскую державу, истреблявшую ее и опустошавшую, как туча саранчи. Чтобы отразить наступающее латинское войско, которое всегда захватывает ближайшее, как гангрена. С таким намерением и убеждением мое царство странствовало вперед и назад подобно прибою»³⁷.

Задача, выпавшая на долю Ласкариса, была невероятно трудна. Иконийский султан, с которым внезапно резко осложнились отношения, теснил никейцев с востока, с запада наступал Генрих Фландрский. На территории самой Никейской империи полыхали огни локальных междоусобиц. Турки прочно утвердились на плоскогорье, в Троаде армяне, давно ненавидевшие греков, выступили в качестве потенциальных союзников всех записных врагов Никеи. Безвластие стояло полное, и каждый рассчитывал сам на себя. Неудивительно, что когда Феодор I после падения Константинополя прибыл в город с женой Анной и тремя дочерьми — Ириной, Марией и Евдокией, никейцы просто отказались впускать его в город, не говоря уже о том, чтобы признать Ласкариса законным императором.

К чести нашего героя, он не испугался, но, деятельно засучив рукава, принялся за дело. Колыбелью Ласкариса стала даже не Никея, а Южная Вифиния и Мизия, где ему пришлось начинать свою объединительную деятельность при помощи родственников из семейства Ангелов и ближайшего сподвижника знатного аристократа Андроника Контостефана, скончавшегося в 1209 г.³⁸

С большим трудом уговорив никейцев оставить у себя свою семью, он отправился к Иконийскому султану, у которого нанял войско, и овладел городом Прусом и близлежащими областями. Взамен по договоренности с Кей-Хосровом I он уступил его тестю Мануилу Маврозоу Лаодикию Фригийскую, город Хоны и местность по течению реки Меандр³⁹.

Самой серьезной угрозой являлись, конечно, латиняне. Поскольку император Балдуин искренне считал Никею и Вифинию своим наделом, осенью 1204 г. три небольших отряда французов

выступили в Малую Азию. Один из них занял Никомедию, второй направился к Никее. А третий, возглавляемый Петром Брашейлем и Пайеном Орлеанским, занял Пиги и Адрамиттий, отрезав Ласкариса от Трояды. Перед противниками раскинулась Мизия, по которой теперь передвигался Петр Брашейль, имея своей целью захват крепости Лопадий, располагавшейся на переправе через реку Риндак, впадающую в Аполлониадское озеро. Феодор I, находившийся в глубине Мизии, решил ударить французов в бок.

6 декабря 1204 г. на равнине у крепости Пиманинон состоялось первое крупное сражение между никейцами и латинянами⁴⁰. Как полагают, силы греков не превышали 800 тяжеловооруженных всадников, а у французов насчитывалось 140 рыцарей, не считая оруженосцев и прислуги. Сначала, благодаря численному превосходству, победа клонилась в сторону Феодора Ласкариса. Но потом ромеи не выдержали натиска латинян и обратились в бегство. Лопадий встречал победителей «с крестными знаменами и святым Евангелием». Поражение византийцев было полнейшим⁴¹.

Победный ход латинян застопорился только у Прусы. Осадив этот город, крестоносцы предложили византийцам сдаться, но получили отказ. В отдельных стычках успех попеременно сопровождал каждой из воюющих сторон. Но в целом разрозненные греки *стратегически* уступали закованным в броню и сплоченным единой жадой наживы латинянам. Наиболее тяжелое поражение византийцы потерпели у Кесарии. Там Феодор Филадельфийский решил закрепить свои претензии на независимое царство, но ему противостоял сам Генрих Фландрский, и удача отвернулась от византийцев⁴².

Не расстроившись из-за поражения, Ласкарис собрал новое войско, передав командование им брату Константину Ласкарису. В воскресенье, 19 марта 1205 г., во время Великого поста, никейцы подошли к Адрамитии. Как полагают, на этот раз численность их войска была выше — около 3 тысяч солдат. Кроме тяжеловооруженных вифинских всадников, присутствовала пехота — знаменитые никейские лучники, отлично показавшие себя в бою под Прусой. Армия французов под командованием Генриха Фландрского включала в себя ударную группировку в количестве 120 отборных рыцарей, а всего насчитывала 300 рыцарей, 500 конных сержантов и 500 конных лучников («туркополов»). Формально византийцы имели численное превосходство, но в целом их армия уступала французам в качестве и вооружении.

Никейцы напали первыми, стеснили латинян своей численностью, а затем почему-то остановились — видимо, сказала

обычная несогласованность действий между командирами разных уровней. Генрих Фландрский мгновенно оценил обстановку и направил против византийцев «железный кулак» из отборных рыцарей. В скором времени все было кончено — никейцы побежали и потерпели очередное сокрушительное поражение⁴³.

От последующих крупных неприятностей Феодора Ласкариса спасла уже не раз упоминавшаяся катастрофа 1205 г. императора Балдуина во Фракии. И есть много оснований полагать, что нападение болгар на Адрианополь и убийство Латинского императора Балдуина в плену явились следствием тайных договоренностей между Ласкарисом и Калояном. Но, получив передышку от французов, Ласкарис был вынужден заняться обороной своих владений от греков Трапезунда. Давид, брат Трапезундского императора Алексея I, стремился захватить Вифинию, находившуюся в составе Никейской империи, но опасность со стороны сельджуков ранее сковывала его силы. Теперь он решил рискнуть, но ранней осенью 1205 г. потерпел поражение от Феодора Ласкариса у Никомедии. В поисках союзника Давид заключил 23 августа 1206 г. соглашение с императором Генрихом Фландрским. В ответ в 1206 г. Феодор Ласкарис выступил в поход на Пафлагонию и осадил Ираклию, где скрывался Давид. Но подоспевшее латинское войско заставило Феодора Ласкариса снять осаду и вернуться обратно⁴⁴.

Осудив полезность союза с латинянами, Давид решил укрепить дружеские связи. Он даже пошел на то, чтобы признать свою *вассальную зависимость* от Латинского императора, хотя православный клир не принял унии с Римом — вообще Трапезунд считался местом прибежища гонимых латинянами греческих священников. Но в целом после 1206 г. военная инициатива Давида постепенно сошла на «нет».

В результате Ласкарис неожиданно оказался *единственной* реальной военной силой в Малой Азии и получил время для передышки и упрочения своей власти. Популярность Феодора I резко выросла — восточные греки справедливо увидели в нем своего защитника и благочестивого царя, при дворе которого строго соблюдались старые обычаи, а церковная иерархия чтилась невероятно высоко. Свободное время армия и придворные проводили в посте и молитве, самого Ласкариса знали повсеместно как милостивого государя, способного отдать нищему последний кусок хлеба⁴⁵.

Теперь Никея была готова признать над собой власть Феодора Ласкариса. В 1206 г., т.е. спустя 2 года, на общем собрании граждан города Феодор Ласкарис был объявлен *деспотом Никеи*. Но воз-

никала заминка: Константинопольский патриарх Иоанн Каматир категорически отказался венчать Ласкариса вторично — он сообщил всем, что добровольно сложил с себя патриарший сан. Тогда в Никее по инициативе Ласкариса местными епископами был избран новый «Вселенский патриарх» *Михаил Авториан* (1206—1212), образованный человек и горячий патриот своего отечества. Он и венчал Феодора I Ласкариса императорским венцом⁴⁶. Новому царю в то время было всего 30 лет. Интересно, что Ласкарис взял титул «императора восточных римлян», что вполне соответствовало действительности. Но в правовом смысле этого слова ему передавались бразды правления над всей Римской империей вплоть до того дня, когда Константинополь будет освобожден от латинян⁴⁷.

Никейская империя была еще очень слаба, а потому весной 1207 г. Феодор I Ласкарис благоразумно решил заключить соглашение с Генрихом Фландрским. Выгода его была очевидна для греков, но нужно было *силой* убедить французов принять мирные предложения. Ласкарис обещал Генриху Фландрскому свою помощь в войне французов с болгарами, чтобы взамен Латинский император отказался от владений Ласкариса. Если же Генрих не примет предложенного союза, закончил свое послание Ласкарис, то его армия может напасть на Константинополь, где практически не оставалось войска, и, таким образом, французы будут зажаты в кольцо осады. Но, опасаясь недовольства вассалов, Генрих все равно не дал положительного ответа.

Тогда Феодор I собрал всех, кто был у него под рукой, посадил армию на корабли и в субботу третьей недели Великого поста осадил город Киботос. В крепости находилось не более 40 рыцарей — ничтожное по численности воинство, а потому, получив в Константинополе известия о наступлении никейцев, Генрих срочно собрал все силы и поспешил на помощь соотечественникам. На счастье осажденных, он подоспел вовремя. Напав на византийцев из города и со стороны моря, латиняне заставили Ласкариса снять осаду⁴⁸.

Но едва французы направились на войну с болгарами, как византийцы вновь вторглись в их владения, осадив уже Никомедию. Оставив болгар в покое, Генрих отправился на Ласкариса, но тот успел оставить спорную территорию. Однако едва Латинский император вернулся в Константинополь, как Ласкарис в очередной раз напал на отряд пилигримов под командованием Дитриха фон Лоса и Гийома дю Перша и разгромил его. Остатки латинян засели в Никомедии, которую тотчас осадили греки. Пока Генрих вновь



собирался против византийцев, местное население активно нападало на французских фуражиров, уничтожая их. В результате, когда Феодор Ласкарис предложил Латинскому императору перемирие на 2 года при условии передачи грекам Кизика и Никомедии, латиняне дружно посоветовали своему императору согласиться. «Лучше потерять эти два города, чем Адрианополь и лишиться большей части Латинской империи» — был общий итог обсуждения. Соглашение было заключено, никейцы стали союзниками латинян в войне с болгарами, а все пленные французы получили свободу⁴⁹.

После примирения с французами Ласкарис отправился на юг своего государства, чтобы привести к повиновению отдельные города и области, а также отразить очередное нападение трапезундцев. В 1207 г. Давид Великий Комнин и Генрих Фландрский, нарушивший перемирие с Ласкарисом, начали совместную операцию против Никейской империи, но неудачно — в одном из сражений погибло почти 300 французских рыцарей. Успехи Ласкариса были несомненны и наглядны — территория его государства увеличилась почти вдвое. Помимо Вифинии и Мезии, власть Феодора I Ласкариса признали завоеванные им области побережья Эгейского моря до Меандра с городами Смирной, Филадельфией, Эфесом. Помимо этого, в состав Никейской империи вошли Галатия и Каппадокия, со стороны полуострова ее границы доходили до Филомилия во Фригии. К тому времени авторитет Феодора Ласкариса заметно вырос, и патриарх Михаил Авториан потребовал от православного духовенства принести клятву в том, что оно не будет поддерживать никого, кроме Ласкариса.

Завоевание богатых земель позволило Ласкарису укрепить многие крепости, нанять вполне приличную армию и даже сформировать собственный флот. На его сторону перешел итальянский корсар Стирион, ранее служивший Византийским императорам. Оставалось разделаться с Давидом Трапезундским, политические амбиции которого не уменьшались со временем⁵⁰.

Конечно, сам Давид уже не мог справиться с Ласкарисом, набравшим большую силу, но ему в очередной раз пришли на помощь французы из Константинополя, крайне обеспокоенные могуществом Никейского императора. Чтобы нейтрализовать Генриха Фландрского и получить признание в Европе, Феодор Ласкарис мудро попытался привлечь на свою сторону Римского папу Иннокентия III, чей авторитет на Западе был почти непререкаем. В своем послании понтифику царь перечислил все беды, которым

подверглись византийцы от латинян, упрекнул Генриха Фландрского в нарушении условий мирного договора и просил папу выступить посредником между Константинополем и Никеей. Увы, эта попытка не удалась — в своем ответном письме Иннокентий III ответил не императору, а «*знатному мужу Федору*», что тот обязан подчиниться настоящему императору Генриху Фландрскому и принести ленную присягу на верность. Поведения крестоносцев папа не извиняет, но тут же поясняет, что они — следствие отпадения греков от Римской церкви (!). В заключение апостолик предлагал Ласкарису направить своего посла в Константинополь, где папский легат мог совместно с ним составить договор о ленной присяге Феодора I Латинскому императору.

Конечно, Никейский царь даже не думал следовать советам Иннокентия III — тонкий политик и дипломат, папа на этот раз проявил совершеннейшую недальновидность и непонимание истинной ситуации на Востоке. Ласкарис уже был настолько силен, что сам Петр Брашейль, победитель греков, охотно дал согласие служить ему против Латинского императора, заставившего его отказаться от лена Кизика. Они даже вместе замыслили *поход на Константинополь* (!), но вскоре Брашейль попытался изменить Ласкарису, был схвачен и казнен византийцами за измену — говорят, с него сняли кожу⁵¹.

Расширение Никейской империи и ее укрепление вызвало понятную озабоченность Иконийского султана. И в 1209 г. он при посредничестве венецианцев заключил тайный союз с Латинской империей против Nikei. Но и Ласкарис предпринял ответные шаги. Он вступил в союз с царем Киликийской Армении Левоном II, у которого также были основания опасаться Рум-сельджуков, и даже женился на его племяннице в 1214 г.; впрочем, брак распался буквально через год⁵².

Постепенно положение дел складывалось не в пользу Трапезундской империи. В 1212 г. Давид, приняв перед смертью монашескую схиму, скончался. А в 1214 г. на его области напали войска Ласкариса и захватили Пафлагонию. Пользуясь случаем, турки тут же оторвали от Великих Комнинов Синоп — важнейший для них выход к Черному морю, а Феодор Ласкарис — Пафлагонию. После этого территория Трапезундской империи ограничилась землями от Термодонта на западе до Чороха на востоке.

Помимо Трапезунда, силу окрепшей Никейской империи почувствовали на себе турки. Первоначально Кей-Хосров I мудро

хранил нейтралитет и даже именовал царицу Ирину своей сестрой, поскольку некогда император Алексей III Ангел усыновил его. Но аппетиты султана разгорались, и он был совсем не против того, чтобы подчинить Иконии богатые земли Никейского царства. Повод для войны сельджукам дал бывший император Алексей III Ангел Комнин, обобранный крестоносцами до нитки. В свое время отосланный в Германию в качестве «ценного приза», он сумел подкупить капитана корабля и высадился вместе с женой Ефросиньей в гавани Салагоре, что находилась под властью Эпирского деспота Михаила I. Деспот очень радушно принял бывшего царя, и, возможно, не без его участия Алексей III Ангел стал инициатором одной хитроумной комбинации, целью которой являлось разрушение Никейского царства и обеспечение первенства Эпира⁵³.

Узнав о том, что его зять Феодор Ласкарис стал императором Никейской империи, Ангел, вместо того чтобы подумать о спокойном предсмертном пристанище, взревновал к его славе и в 1211 г. отправился через Эгейское море к правителю турок. Получив аудиенцию у султана, он просил восстановить себя в царском достоинстве, напоминая о старинных дружеских отношениях и обещая горы золота за эту услугу. Султан решил использовать столь удачную возможность поживиться за счет соседа и отправил к Ласкарису послов с вполне реальными угрозами начать войну, если тот добровольно не уступит власть. Но Феодор I Ласкарис был не тем человеком, которого можно так легко испугать. Помолившись Богу и отдав себя в Его волю, Феодор I собрал войско, куда вошел сильный отряд наемников-латинян, и отправился к Антиохии на Меандре, осажденной турками. Марш никейцев был столь стремительным, что сельджуки опешили от неожиданности, увидав врагов рядом с собой уже на 11-й день начала войны.

Турок было не менее 20 тысяч, и султан решил, что действия императора как минимум легкомысленны, а сам он обречен. В завязавшейся битве западные рыцари ударили в центр построения турецкого войска и легко пробили его шеренги. Завязалась отчаянная сеча, и тут сказалось численное превосходство мусульман — почти все 800 латинских (вероятно, генуэзских, поскольку их называли «итальянцами») рыцарей погибло в атаке. По счастью, все решил один эпизод. Уверенный в победе, султан решил сразиться с Ласкарисом и в поединке нанес тому сильнейший удар мечом по шлему. Ласкарис упал, но, влекомый неведомой силой, встал, мечом подрубил ноги султанского коня, а потом добил врага уже

на земле. Отрубив сарацину голову, он поднял ее над собой — зрелище полностью деморализовало сельджуков, поспешно бежавших с поля боя. Вступив в Антиохию под радостные крики греческого населения, он вскоре заключил мирный договор с сельджуками, а своего тестя, доставленного в Никею, постриг в монахи, обеспечив тому, тем не менее, вполне сносное существование⁵⁴.

Это поражение не могло, конечно, кардинально изменить соотношение сил — Иконийский султанат все еще оставался очень крепким и могущественным государством. И не случайно император Феодор Ласкарис вынужден был признать себя данником нового султана *Кей-Кавуса I* (1211—1219), впрочем, не он один. В скором времени в этом же качестве стал пребывать Трапезундский император. Затем султан сумел отторгнуть от Малой Армении часть земель до Селевкии включительно и в конце концов в 1218 г. столкнулся с Айюбидами, собираясь за год до своей кончины идти походом на Алеппо⁵⁵.

Хотя данная победа не принесла больших территориальных приобретений Ласкарису, ее моральное значение трудно переоценить. Никея воспрянула духом, и теперь не только малоазиатские, но и европейские греки всерьез поверили в Никейскую империю как собирательницу Византийской державы. Интересно, что Афинский митрополит Михаил Хониат, брат известного византийского историка, прислал Ласкарису поздравление, в котором напрямую предложил приобрести трон святого и равноапостольного императора Константина Великого и поставить его в том месте, где он ранее и находился, т.е. в Константинополе⁵⁶.

Однако эта победа только ускорила войну никейцев с французами. Генрих Фландрский узнал, что на землях бывшей Византийской империи были распространены послания Феодора I, в которых тот предлагал всем грекам объединиться под своими знаменами, чтобы отвоевать от «собак-латинян» священный для византийцев Константинополь. Такая постановка вопроса находилась за гранью понимания Латинского императора — он искренне недоумевал, зачем Феодору I Ласкарису, имевшему богатые земли и устойчивое положение, рисковать всем благополучием ради призрачной идеи восстановления Византии.

Так или иначе, но Латинский император решил навязать своему противнику собственную военную стратегию, а потому, спешно собрав войска, первым двинулся в поход на Никею. Уже в июле 1211 г. ромеи потерпели поражение под Пигами, которую осаждало



войско Ласкариса, а 15 октября 1211 г. — на реке Риндаке около Лопадия. После этого византийские мобильные отряды отваживались только на мелкие нападения и засады, причиняя тем не менее определенное беспокойство французам. 13 января 1212 г. Генрих Фландрский занял Пергам. Сначала он думал захватить резиденцию Ласкарисов — Нимфей, городок в 15 км восточнее Смирны. Но затем решил, что не имеет смысла отвлекаться от главной задачи. Французы повернули к Опсикию, надеясь захватить сильные крепости Лентианы и Пиманион. По счастью для византийцев, замысел Генриха Фландрского не удался, поскольку каждая победа доставалась тому высокой ценой.

В частности, только задействовав все свои силы, Генриху удалось взять крепость Лентианы. Ее защитники покрыли себя бессмертной славой, 40 дней отбивая непрерывные штурмы без воды и пищи. Византийцы ели кожу со своих щитов, но не сдавались. Когда стены пали под стенобитными орудиями, Константин Ласкарис, начальствующий над ними, приказал зажечь огромный костер по периметру, и крепость продолжала держаться. Но герои не могли более удерживать оборону и летом 1212 г. сдали крепость латинянам⁵⁷.

Латинский император, сраженный мужеством «людей, посвятивших себя Аресу», поступил мудро: он отпустил военачальников — Константина Ласкариса и царского зятя Андроника Палеолога, а остальных воинов взял себе на службу. Разбив их на отряды, он поставил во главе греков Георгия Феофилопула и отправил охранять восточные пределы Латинской империи. Однако осада этой крепости поглотила последние силы латинян, и осенью 1212 г. Генрих Фландрский заключил с Феодором Ласкарисом перемирие. Они договорились, что всеми землями к Западу от Кимины (так называется гора около Ахирая) вместе с самим Ахиром отныне владеют латиняне. К владениям Ласкариса отошли Неокастра и города Кельвиан, Хлиар и Пергам, а также земли, лежащие между фемами Магидия и Опсикия. Кроме того, Никейской империи стала принадлежать территория, начинающаяся от Лопадия и включающая Прусу и Никею. Но главное заключалось в том, что Латинский император *официально* признал существование независимого от Константинополя Никейского царства. Это была выдающаяся победа Феодора I Ласкариса, сумевшего ценой невероятных усилий остановить натиск латинян на свои владения. Отныне стратегическая инициатива будет принадле-

жать только византийцам — латиняне обессилели и уже не могли наступать, как ранее⁵⁸.

После этого Ласкарису выпала большая удача — несколько относительно мирных лет. Использовал их император с большой пользой. Первой его заботой стало войско. Появившиеся средства позволили императору Феодору I набрать неплохую армию и даже привлечь на свою сторону пленных латинских рыцарей, от которых за свободу он требовал только одного — верной службы. И не ошибся: вскоре отряд французских рыцарей стал одной из ударных группировок никейской армии. Сила Никеи и внутреннее разрушение Латинской империи были настолько очевидными для умных людей, что в 1219 г. Венецианский подеста, будущий дож Джакомо Тьеполо (1229—1249) заключил с Феодором I Ласкарисом торговый договор, в котором Никейским царь именовался «Римским императором»⁵⁹.

Единственное беспокойство теперь доставлял только Эпирский деспотат, сила которого также нарастала. Достаточно было появиться на Эпирском престоле человека с далеко идущими намерениями, как неизбежно интересы двух греческих государств должны были столкнуться. Так и случилось.

На службе у Ласкариса находился *Феодор*, брат деспота Михаила I Ангела Комнина Дуки, которого тот просил отпустить к себе. Наперед взяв клятву с Феодора, что он никогда не будет воевать с ним, Ласкарис выполнил просьбу деспота. Но вскоре Михаила I убили, а *Феодор Ангел Комнин Дука* (1215—1230) стал его преемником. При помощи братьев Константина и Михаила он значительно расширил границы своих владений, присоединив к деспотату Ахриду, Албану, Прилапу и Диррахий. Под Диррахием он нанес поражение новому Латинскому императору *Пьеру II Куртене* (1216—1217) — Генрих Фландрский к тому времени скончался, как полагают, от яда. Как рассказывают, после избрания императором Куртене направился в Рим, где папа *Гонорий III* (1216—1227) венчал его короной, но не в храме Святого Петра, а в другой церкви, наглядно демонстрируя всем, что в его глазах Латинская империя заметно отличается от Западной Римской империи. На обратном пути Куртене остановился в Диррахии, надеясь сухопутной дорогой добраться до Константинополя. Но в горах попал в засаду, устроенную ему новым Эпирским деспотом. Император погиб в плену, а в Константинополе регентом при малолетнем сыне покойного *Пьера Роберте Куртене* (1221—1228) была объявлена вдова-императрица *Иоланта Куртене* (1217—1219)⁶⁰.

Продemonстрировав свои агрессивные планы, Феодор Эпирский в 1222 г. захватил Фессалонику, после чего откровенно заявил претензии на титул Римского царя, не признав, естественно, таковым Никейского императора. И нашел поддержку на Западе. Соблазнив понтифика обещаниями, Феодор Эпирский добился того, что папа Гонорий III провозгласил его царем греков⁶¹.

Падение Фессалоники первоначально навело на латинян жуткий страх, и *Гульельмо VI*, маркграф Монферратский (1207—1225), отказался от своих прав на город. Всем казалось, что Эпирское царство, врезавшееся клином в латинские владения, может стать непреходящей основой для восстановления византийской государственности. Естественно, за счет Никейской империи, интересы которой Феодор Эпирский ничуть не учитывал⁶².

Правда, возник довольно щепетильный вопрос: *кто* будет венчать Феодора Ангела Комнина Дуку на царство? И здесь ему на помощь пришел знаменитый Болгарский архиепископ Димитрий Хоматин, совершивший это Таинство. В своем послании архиерей ссылаясь на то, что это событие произошло с согласия всего греческого народа, жившего на Западе, синклита, воинства и епископата. Теперь Феодор Ангел Комнин Дука начал носить пурпурную одежду и сапоги, переименовал Эпирский деспотат в *Фессалоникийскую империю*, и его война с Никеей стала неизбежной⁶³.

Для нейтрализации этой угрозы Ласкарис предпринял ответные меры. Став к тому моменту вдовцом, Феодор I женился в 1218 г. на *Марии*, которая, приходилась сестрой Роберту Куртене. Однако супруга была бесплодна и не оставила наследника; к тому же через 3 года она скончалась⁶⁴. Помимо этого, были налажены добрые отношения и заключены мирные договоры с целым рядом государств, способных при желании объединиться и смести с лица земли молодое Никейское государство. В 1219 г. были подписаны соглашения с Генуей и Венецией, а также с новым Иконийским султаном *Кей-Кубадом I* (1219—1237). Примечательно, что в тексте договора с турками Ласкарис именуется уже «Феодором, во Христе Боге верным царем и самодержцем римлян и присно Августом Комнином Ласкарисом».

Необычайно вырос и авторитет Никейского патриарха. В 1219 г. сын короля Стефана Немани *Савва* в обход архиепископа Охридского, которому формально была подчинена Сербская церковь, обратился в Никею для посвящения в сан архиерея, что и произошло⁶⁵.

Глава 3. 5-й Крестовый поход

Пока на территории Византийской империи происходили описанные события, Запад мучился в муках рождения нового, уже *5-го Крестового похода*. Папа Иннокентий III решительно желал реабилитироваться после позора 4-го Крестового похода и уже нашел, как ему казалось, добросовестного исполнителя своей воли. Им стал некогда малолетний сын короля Генриха VI *Фридрих II Гогенштауфен* (1194—1250). Пока Филипп Швабский и Оттон IV Брауншвейгский боролись за власть на континенте, Фридрих жил вместе с матерью на Сицилии, находясь под защитой Римского епископа. В скором времени он освободился от могущественных конкурентов: в 1208 г. Филиппа убил безвестный наемный убийца, а Оттон IV, решивший захватить Сицилию, зашел слишком далеко и попутно вторгся в папские владения, в Тоскану. Его немедленно отлучили от Церкви, а совет князей, собравшийся в сентябре 1211 г., объявил короля низложенным⁶⁶.

В 1208 г., достигнув совершеннолетия, Фридрих II был увенчан короной Сицилии, а в 1211 г. — короной Германии. Торжественная процедура возведения на престол состоялась в любимом городе Карла Великого Ахене в 1215 г. Взамен юный король дал клятву Иннокентию III возглавить в 1217 г., когда закончится срок перемирия с Иконийским султаном, новый Крестовый поход. Папа умер в 1216 г., даже не подозревая, что именно теперь, как никогда ранее, ошибся в человеке⁶⁷.

Пока же на призыв Иннокентия III откликнулись... дети. В мае 1212 г. в Сен-Дени, где пребывал Французский король, появился пастушок по имени *Этьен*, передавший Филиппу II Августу письмо, написанное, по его словам, Самим Христом. Тот приказал мальчику возвращаться домой, но мальчик не послушался его и начал широкую проповедь Крестового похода у входа в собор. Этьен был на редкость красноречив, и вскоре под его началом собралось до 30 тысяч детей. Они пешком двинулись к Марселю, абсолютно убежденные в том, что при их приближении море расступится велением Христа. Когда же этого не произошло, часть детишек, разочаровавшись в своем вожде, вернулась домой. А оставшихся ребят двое купцов — *Гюг Железный* и *Гийом Свинья* (иногда нужно, чтобы история сохраняла не только имена героев, но и мерзавцев тоже) предложили бесплатно перевезти на Святую землю. Участь малышей была печальной: купцы оказались работоторговцами и продали детей сарацинам в Багдад и Алжир. Лишь в 1229 г., после заключе-

ния мирного договора с сарацинами, часть их была освобождена. А возмездие, хотя и запоздалое, ждало и двух упомянутых выше негодяев — их повесили по приказу короля Фридриха II⁶⁸.

Весной 1213 г. папа Иннокентий III вновь разослал письма во все государства Европы, приказав ежедневно совершать специальные молитвы и ежемесячно устраивать особые процессии о даровании Богом победы над неверными. Этот призыв имел большой успех: многотысячные толпы обывателей приносили присягу идти в новый Крестовый поход. А после поражения *альбигойцев* в сентябре 1213 г. при Мюре от крестоносцев, высвободились силы, которые Запад мог вновь направить для покорения Иерусалима. Короли *Иоанн Английский* (1199—1216) и *Педро II Арагонский* (1196—1213) объявили свои страны церковными ленами, *Андраш II Венгерский* принял крест, да и сам Германский король 25 июля 1215 г. принял присягу крестоносца⁶⁹.

Однако первым мероприятием, которое начал осуществлять Фридрих II, стала не подготовка к походу, а получение императорского титула. Пока новый Римский епископ *Гонорий III* (1216—1217) и король обсуждали условия получения императорства, первые отряды крестоносцев из Германии, Венгрии и Австрии начали прибывать в Палестину. К ним присоединился известный германский проповедник и ученый Оливер Падерборнский, *Жан де Бриенн* (1210—1212), титулярный король Иерусалима, ставший временным лидером пилигримов, рыцари из орденов тамплиеров и госпитальеров, а также бароны Леванта. Официально целью похода был объявлен Иерусалим — само собой. Но только после того, как... будет захвачен Египет — в этом отношении новые крестоносцы были согласны с планом, выпестованным еще Ричардом Львиное Сердце и вождями 4-го Крестового похода. Ключом Египта, как тогда говорили, являлся город Дамьетта, расположенный в 160 км от Каира. Именно сюда в мае 1218 г. и прибыли первые отряды пилигримов.

Эмир Египта, *аль-Камиль*, сын легендарного султана *Саладина*, вывел свои войска из Каира, надеясь отбросить крестоносцев, но, застигнутый врасплох, он не успел собрать достаточно войска, чтобы рассчитывать на победу. Эмир Египта разрывался между двумя проблемами: организовать оборону страны и необходимостью обеспечить верховенство среди братьев, правивших в Дамаске и Джазире⁷⁰.

Попутно с этим часть крестоносцев под командованием Венгерского короля *Андраша II*, герцога Баварского *Людвига I* (1183—

1231) и герцога Австрийского *Леопольда VI* (1198—1230) прибыли в Зару, и венецианцы взялись перевезти их в Святую землю взамен окончательной уступки этого города Республике. Как полагали, со времен 3-го Крестового похода христиане не собирали такую многочисленную армию. Но прибыв в Палестину, пилигримы оказались на грани голода, который доводил их до разбоя. Поэтому, во избежание худшего, вожди крестоносцев не стали ждать прибытия отставших отрядов, а двинулись в поход⁷¹.

Они начали наступление из Акры в направлении к Изреельской долине. *Аль-Адил*, брат Саладина, направил своего сына *аль-Муаззама* в Иерусалим организовать оборону города, но у того было мало сил. Поэтому сарацины решили перекрыть дорогу на Дамаск, отступив за Иордан, но, как выяснилось, большой опасности и не предвиделось. Пилигримы перешли Иордан, поднялись по берегу Генисаретского озера, но не рискнули идти на Дамаск и вернулись в Акру. После Рождества 1217 г. отряд венгров, вопреки советам местных латинян, отправился в грабительский поход к замку Бофор, в долину Бекаа, но лишь понес потери вследствие внезапно разыгравшейся снежной бури. Еще год венгры пробыли в Святой земле, но затем король Андраш II посчитал свой обет исполненным и, несмотря на негодования Иерусалимского латинского патриарха Рауля и великую анафему, которой его подвергли, отправился через владения Иконийского султана в Константинополь, а оттуда — домой⁷².

Тем не менее часть его армии еще оставалась в Акре. И потому, как казалось какое-то время, совместные успехи обещали очевидные успехи пилигримам, но, как обычно, вмешалось несколько «но». Тщательно продуманная стратегия папы Иннокентия III, на которую тот так рассчитывал, на деле оказалась малоудовлетворительной. Понтифик полагал, что возможность осуществлять замену крестоносцев, уже подуставших на фронте, новыми соединениями прибавит импульс походу. На деле вышло совсем иначе: едва вожди движения устанавливали дисциплину между своими подчиненными, как те убывали на родину, а на их место прибывали новые пилигримы, которых еще предстояло приучить к дисциплине. Поэтому никаких новых результатов крестоносцы не добились, продолжая осаждать Дамьетту. Все очень надеялись на скорое прибытие Фридриха II, но тот продолжал свой спор с папой относительно условий императорства. Вместо него в лагерь латинян неожиданно прибыл *Франциск Ассизский*, проделавший путь по Египту в лохмотьях. Он даже явился в лагерь сарацин для



переговоров, надеясь склонить султана к переходу в христианство, но аль-Камиль, посчитав его за безобидного попрошайку, просто выдворил Франциска вон⁷³.

В первых числах сентября 1218 г. прибыло еще одно подкрепление взамен отбывшим на родину пилигримам, которое перевез нанятый папой Гонорием III за 20 тысяч серебряных монет итальянский флот. Вслед за ними начали прибывать корабли из Генуи, нанятые графом Эвре де Невером и *Гюго IX де Лузиньяном, графом де Ла Марш* (1173—1219), участником еще 3-го Крестового похода. К глубокому несчастью, помимо других архиереев, прибывших для поддержки крестоносцев, корабль доставил к Дамьетте уже знакомого нам легата папы кардинала Пелагия — чрезвычайно властного, самодовольного и исключительно упрямого человека. Его уже отправляли в Константинополь в качестве посланника понтифика, но он своими действиями только усилил злобу византийцев к Римской кафедре. Теперь его перебросили на другой участок борьбы, и легат вовсе не желал удовлетвориться ролью наблюдателя. Используя свое влияние на итальянцев и рыцарские ордена, он быстро сместил с командования армией Иоанна де Бриенна под ту оговорку, что сам готов объединить все собранные в лагере христианские народы до прибытия короля Фридриха II. К этому времени де Бриенн уже утратил титул короля Иерусалима, поскольку его супруга королева Иерусалима *Мария Монферратская* (1205—1212), вследствие женитьбы с которой он и стал венценосной особой, скончалась. От их короткого брака родилась *Иоланта Иерусалимская* (1212—1228), регентом которой и стал отныне Иоанн де Бриенн. Его смещение с должности главнокомандующего оказалось, как мы увидим, роковой ошибкой⁷⁴.

К сентябрю 1219 г. положение гарнизона и жителей Дамьетты стало отчаянным — у них почти полностью закончились припасы. Желая спасти своих подданных, эмир предложил крестоносцам добровольно вернуть под сень креста Иерусалим, несколько замков и значительную часть Палестины в обмен на снятие осады города. Это было очень выгодное предложение, однако венецианцы, тамплиеры и госпитальеры высказались категорически против него, хотя каждым из них двигали собственные соображения. Венецианцам был ни к чему Святой город, Демьетта, как центр торговли, интересовала их гораздо больше. А рыцари орденов опасались изоляции Иерусалима без поддержки со стороны Египта, находя предложение эмира «даром данайцев», и в известной степени были правы. Все же в ноябре 1219 г. Дамьетта пала. Вошедшие

в город, усеянный мертвыми телами скорченных от мук голода людей, крестоносцы получили богатую добычу, но развить свой успех не сумели.

Несмотря на отъезд Венгерского короля, в скором времени в Птолемаду прибыло большое подкрепление рыцарей из Голландии, Франции, Италии, которые до этого отличились в боях с маврами в Португалии и нанесли им несколько тяжелых поражений. Прибытие этих опытных воинов резко подняло боевой дух крестоносцев⁷⁵.

В ноябре 1220 г. папа Гонорий III сдался наконец уговорам Фридриха II, венчав того императорским венцом. И уже весной 1221 г. в Дамьетту начали прибывать новые отряды пилигримов, снаряженные Германским императором. Однако напрасно Пелагий пытался заставить их выполнять свои приказы — солдаты откровенно говорили, что готовы служить лишь под командованием Иоанна де Бриенна. Рим направил кардиналу послание, в котором предлагал тому согласовать стратегию будущего похода с курией. Это тем более касалось каких-либо мирных инициатив, которые исходили от сарацин. Дело в том, что к тому времени аль-Камиль еще более расширил свои условия в пользу пилигримов. Он не только предлагал вернуть Иерусалим, но также всю Трансиорданию, выплатить большую денежную компенсацию и заключить мир на 30 лет. Однако Пелагий, не поставив даже в известность папу, отверг это предложение, что выглядело просто глупо, поскольку к тому времени султан сумел восстановить флот и значительно укрепить свою армию. Но это не остановило кардинала, сумевшего настоять на походе против сарацин⁷⁶.

И уже в июне 1221 г. крестоносная армия под командованием кардинала Пелагия, к несчастью для латинян взявшего управление походом в свои руки, попала в засаду, организованную эмиром Египта и, спасаясь от гибели, 30 августа 1221 г. заключила мирный договор. По его условиям крестоносцы обязались вернуть с таким трудом завоеванную Демьетту и всех мусульманских пленников без какой-либо компенсации⁷⁷.

Исполнение своих обязательств перед султаном резко осложнилось вследствие того простого обстоятельства, что буквально в это же время к Дамьетте стали прибывать новые отряды германских крестоносцев, направленных Фридрихом II. Они не только были крайне озлоблены на незадачливого Пелагия, так легко разменявшего труды пилигримов на собственную глупость и заносчивость, но и озадачились более насущными проблемами — что делать

дальше? Как и раньше, возникло сразу несколько точек зрения, обусловленных различными интересами. Венецианцы особенно негодовали из-за потери Дамьетты, а потому пытались всеми силами удержать город в руках крестоносцев. Но поскольку остальные пилигримы их не поддержали, венецианцы были вынуждены примкнуть к большинству, поскольку собственными силами города они удержать не смогли бы. Наконец, 7 сентября 1221 г. Дамьетта была очищена от христиан и передана султану⁷⁸.

Такой итог крестоносного похода вызвал бурю негодования и критики, причем первым ей подвергся Фридрих II, который вместо борьбы за Святую землю предпочитал укреплять империю Гогенштауфенов. Таким способом папа Гонорий III решил отвести критику от Римской курии, не самый достойный представитель которой банально провалил блестяще организованный поход. Но император, небольшого роста, пузатенький и с плохим зрением, слыл большим оригиналом и крайне независимой фигурой. Он был начитан, слыл великолепным лингвистом и свободно владел арабским, французским, германским, итальянским и греческим языками, латынью, хорошо знал право и медицину, историю, философию, держал на службе мусульманских телохранителей и даже имел гарем. Согласимся, при таких чертах характера и личностных качествах трудно оставаться исключительно пасомым лицом. И потому, взвесив все обстоятельства, не спешил оставлять родные пенаты⁷⁹.

В 1221 г. возникла еще одна идея, которая должна была, по мысли папы, увлечь Фридриха II в новый Крестовый поход — его женитьба на Иоланте Иерусалимской, титулярной наследнице королевства, внучке короля Кипра и Иерусалима Амори I. Первоначально эта идея не понравилась Фридриху II: *нищая* невеста, которая была младше его вдвое; Иерусалим, как пустой звук — с одной стороны, и безумные затраты на новый поход ради призрачного успеха — с другой. Но потом под давлением понтифика все же согласился⁸⁰.

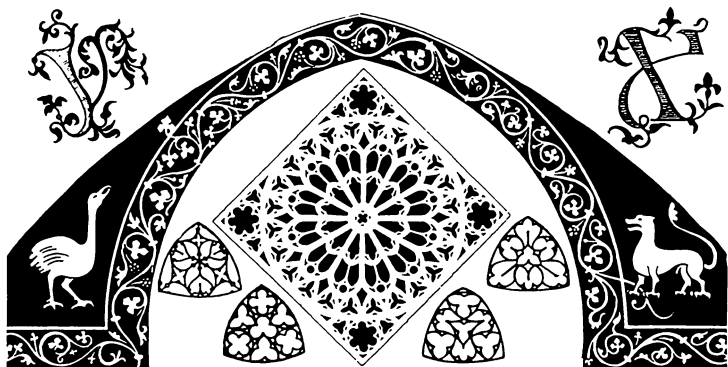
Правда, это будет еще в будущем. А пока вернемся к герою нашего повествования, срок земной жизни которого уже истекал. Последним мероприятием Ласкариса стала попытка захвата в 1221 г. Константинополя, когда юный Латинский император Роберт на время отлучился из него с основным войском. Был уже составлен и план кампании, но регент, старый крестоносец Конон де Бетюн, своевременно предупредил своего государя, и тот успел вернуться в город до подхода византийцев. Здесь-то и сказалась предусмо-

трительность Ласкариса: он тут же направил свою жену Марию к брату в качестве посредника, инцидент был улажен, а византийцы и латиняне заключили новый мирный договор, обменяв попутно пленных⁸¹.

Желая упрочить отношения с Латинским императором, Ласкарис решил выдать за него свою дочь *Евдокию*, против чего решительно восстал патриарх Михаил Авториан. Неизвестно, чем бы закончилось дело, но в 1222 г. 45-летний император внезапно скончался и был погребен в монастыре Иакинфа в Никее⁸².

Слава Феодора I Ласкариса не меркнет с течением веков. В глазах византийцев он стал «родоначальником нации», «новым Моисеем», «Божьим семенем»⁸³. Как писал Афинский митрополит Михаил Хониат, «столица, выброшенная варварским наводнением из стен Константинополя на берега Азии в виде жалкого обломка, тобой принята, руководима и спасена. Тебе надо было бы навеки называться новым строителем и населителем града Константина. Видя в тебе одном спасителя и общего освободителя и называя тебя таким, потерпевшие кораблекрушение во всеобщем потоке, прибегают под твою державу как в тихую гавань. Никого из царей, царствовавших над Константинополем, не считаю равным тебе, разве из новых — великого Василия Болгаробойцу, а из более древних — благородного Ираклия»⁸⁴.





ЛХІХ. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ИОАНН ІІІ ДУКА ВАТАЦ (1222—1254)

Глава І. «Фракийский узел». Попытка унии с Римом

Два брака покойного императора Феодора І Ласкариса не дали ему наследника престола. А его единственный брат Константин Ласкарис погиб при обороне крепости Лентяны в 1211 или 1212 г. Поэтому новым Никейским царем по общему согласию стал 30-летний **святый Иоанн ІІІ Дука** по прозвищу **Ватац**. Слово «Ватац», по-видимому, переводится с фракийского как «кустарник» — прозрачная ссылка на многочисленность этой семьи. Новый царь происходил из прославленного рода фракийских архонтов из Дидимотиха и приходился внуком известному дукe фемы Фракийская в Малой Азии. Но уже в XI веке некоторые представители рода Ватацев состояли членами синклита и находились в родстве с Дуками, Ангелами и Ласкаридами.

Святый Иоанн был женат на третьей дочери Ласкариса Ирине — женщине энергичной и честолюбивой, чья воля и настойчивость сыграли решающую роль в его избрании. Как и некоторые другие императоры из ранних веков римской истории, св. Иоанн ІІІ Дука стал императором по праву своей супруги, а потому продолжил *династию Ласкаридов*, не начав собственной. К моменту воцарения св. Иоанн занимал должность протовестиария⁸⁵.

Святой Иоанн III Дука Ватац, позднее прославленный Церковью, навсегда остался в памяти греческого народа как человек, обрамленный ореолом святости. Император обладал многим достоинствами — был честен, расчетлив, упорен и осторожен. Кроме того, св. Иоанн III по праву слыл замечательным хозяином, умным и бережливым. Как сказал один летописец, «он ничего не делал, не обдумав, и не оставлял ничего, обдумав; на все у него было своя мера, свое правило и свое время»⁸⁶. На войне он был терпелив и мужественен, но вообще-то не любил сражений, полагая, что военное счастье изменчиво и ненадежно, а потому на него полагаться нельзя. Царь любил *терпением* достигать побед. Если было необходимо, он мог всю зиму провести с армией в чистом поле, но добиться перевеса над противником. И, действительно, как правило, враги утомлялись и оставляли лучшие позиции, не выдержав капризов погоды и отсутствия продовольствия⁸⁷.

Опытный военачальник, св. Иоанн III Ватац сумел создать новую *национальную армию* из греков горных областей Вифинии и других мест. Кроме этого, царь, мудрыми распоряжениями которого государственная казна вскоре быстро стала наполняться золотом, позволил себе сформировать новые отряды из наемников — варягов и итальянцев. В общем, при нем византийская армия стала сильной, как никогда ранее⁸⁸.

Хотя личная жизнь Ватаца не была идеальной, он отличался справедливостью и совестью. Для личности св. Иоанна III характерен один эпизод, случившийся с ним уже под конец жизни. Потеряв первую жену, царь женился на германской аристократке Анне. Отношения со второй женой складывались «дипломатические»: это был *брак по расчету*, и нет ничего удивительного в том, что Ватац вскоре страстно влюбился в одну из женщин, входивших в свиту его супруги, — некую Маркесину. Они открыто встречались, и император даже разрешил возлюбленной носить знаки царского достоинства. Любовь любовью, однако благочестие превалировало в императоре. Как рассказывают, однажды Маркесина в сопровождении большой свиты направилась в храм на Литургию, но монах Влеммид, известный своей строгостью, затворил перед ней двери изнутри церкви. Посчитав, что ее унизили, пассия Ватаца в гневе обратилась к нему с требованием наказать монаха, но получила неожиданный ответ. Глубоко вздохнув, царь сказал: «Зачем вы советуете мне наказать мужа праведного? Если бы я жил безукоризненно и целомудренно, то сохранил бы в неприкосновенности и царское достоинство, и себя. Но так как я сам дал повод бес-

честить и себя, и свое достоинство, то вот и получаю приличное возмездие: злые семена приносят свои плоды»⁸⁹.

Все современники единодушны в том, что Ватац был весьма щедр по отношению к Церкви. Вместе с первой супругой — царицей Ириной они построили великолепный храм в Магнезии во имя Богородицы, другой — в Никее во имя преподобного Антония Великого. Кроме того, императрица выделила личные средства для возведения в Прусе церкви в честь Честного Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. По распоряжению царя на содержании государственной казны находились многие монастыри и больницы, а также странноприимные дома для немощных и нищих⁹⁰.

Едва ли жесткая национальная политика Феодора I Ласкариса во имя восстановления Византийской империи, продолженная св. Иоанном III Ватацем, могла понравиться византийской аристократии, более расположенной к западноевропейским «личным правам». Практически сразу была предпринята попытка усомниться в правах св. Иоанна III на царство. Два брата Феодора I Ласкариса, севастократы Алексей и Исаак, попытавшись захватить с собой дочь покойного царя Евдокию, невесту Латинского императора Роберта, убежали в Константинополь, надеясь получить там помощь. Без сомнения, они имели тайную поддержку со стороны других византийских аристократов, а потому малейший успех предателей мог вызвать широкий резонанс с самыми губительными для Никейского государства последствиями.

Оба севастократы вскоре явились в Троаду с отрядом французских рыцарей и в 1224 г. у Пиманинона встретились с никейской армией, которую вел в бой лично св. Иоанн III Дука Ватац. Это была очень упорная и кровопролитная битва. Видимо, латиняне превосходили численностью византийское войско и, атаковав его, прорвали фронт. Все решила *личная храбрость* императора, который во главе небольшой группы смельчаков сумел остановить свои дрогнувшие войска и перейти в контратаку. В конце концов удача сопутствовала никейцам, оба брата попали в плен и были ослеплены. В назидание другим остальные изменники были казнены. Как говорят, «нет худа без добра»: после этой блистательной победы Ватаца многие города Малой Азии сбросили в себя иго латинян и присоединились к Никейской империи. Важнейшими из них стали Пиманинон, Лентианина, Хариар и Вервенияк⁹¹.

Вскоре, благодаря успехам византийского оружия, форпост Латинской империи в Малой Азии стал рядовой провинцией Никейского государства. Помимо этого, св. Иоанн III завладел островами

Самосом, Хиосом, Митиленой (Лесбосом), Аморгосом и добился признания своей власти со стороны Родосского кесаря Льва Гавалы. Дальше — больше. Никейские корабли вошли в Дарданеллы и начали грабить венецианские колонии на побережье. Затем византийцы без сопротивления овладели Галлиполи, Мадитом, Систом. Во избежание большего зла, император Роберт Куртене срочно заключил соглашение со св. Иоанном III, согласно которому к Никейской империи отошел город Пиги, последняя опора латинян на побережье Мраморного моря, и лен Петра Брашейля. Он посчитал за счастье, что Ватац согласился (пока еще) признать область Никомедии франкской территорией, и возобновил вопрос о помолвке Евдокии с Латинским императором⁹².

Как Ватаца любили в народе, так ненавидели в кругах высшей аристократии — минувший урок научил *не всех*. В 1225 г. св. Иоанну III пришлось столкнуться с заговором сановников, во главе которого стоял Андроник Нестонг, а в состав заговорщиков входил брат царя и начальник царской гвардии. В это время Ватац собирався выступить в поход на латинян и собрал приличный флот, должный обеспечить поддержку сухопутным войскам. И тут пришло сообщение о начале мятежа. Царь, отдав приказ сжечь готовый к походу на французов флот, дабы тот не достался врагу, вернулся в Никею и обезвредил преступников. Правда, наказания, которым они подверглись, были мягкими: только двоих заговорщиков император приказал ослепить, остальные отделались легким тюремным заключением. Сам Нестонг, приходившийся родственником царю, оказался в темнице, но св. Иоанн III сделал все, чтобы тот получил возможность бежать из заключения к туркам. С тех пор св. Иоанн III стал гораздо осмотрительнее и окружил себя стеной телохранителей⁹³.

Обсуждая ту или иную проблему, он обычно предлагал высказаться своим придворным, никогда не комментируя их слова. О принятом царем решении вельможи узнавали, что называется, «по факту». Нередко молодые аристократы горячечно выговаривали василевсу претензии на этот счет, но Ватац неизменно хранил мудрое молчание. Опасаясь даже близких родственников, император отодвинул в сторону своих братьев Михаила и Мануила и категорически не желал даровать им высокие чины и титулы⁹⁴.

Захватив стратегическую инициативу, византийцы продолжали наступать по всему фронту против латинян. Об опасности, угрожавшей французам в Константинополе, были прекрасно осведомлены на Западе и, в частности, в Риме, где пытались организовать по-

мощь гибнущему Константинополю. В мае 1224 г. папа Гонорий III отправил послание Французской королеве *Бланке Кастильской* (1188—1252), жене короля *Людвика VIII* (1223—1226), в котором содержатся следующие строки: «Сила французов на Востоке уменьшилась и уменьшается, в то время как их противники против них серьезно крепнут. Если императору не будет оказана быстрая помощь, то можно опасаться, что латинянам будет угрожать непоправимый ущерб как в людях, так и в средствах». Он настоятельно просил королеву помочь латинянам в Константинополе⁹⁵. Однако в то время Франция активно соперничала с Англией за спорные владения на континенте, и помощь соотечественникам из Парижа поступит еще очень не скоро.

Впрочем, тревоги пока что были преувеличены: Константинополь оставался неприкосновенным до тех пор, пока никейцы не решили вопрос о Фракии. На эту плодородную и богатую местность помимо латинян претендовал Болгарский царь *Иоанн II Асен* (1218—1241), св. Иоанн III Дука Ватац и Фессалоникийский император Феодор Ангел Комнин Дука. И, разумеется, не случайно — отсюда латинянам могла поступать вооруженная помощь из Европы, и, главное, это был второй (помимо Вифинии) центр компактного проживания греческого населения. Кто подчинит его себе, тот и откроет ворота в Константинополь. Сама логика исторических событий влекла св. Иоанна III во Фракию, и в том же году его войска подошли к Адрианополю (!) под радостные крики горожан.

Однако затем Никейскому царю пришлось столкнуться с сильной армией Эпирского царства, и никейцам пришлось уступить Адрианополь Феодору Ангелу Комнину Дуке⁹⁶. К тому времени тот уже захватил Фессалоники, помазался на царство и методично расширял пределы своего государства. Фракийские и македонские города были почти полностью разорены латинскими и болгарскими нашествиями, а потому *обреченно* признавали на этот раз власть эфирцев, окончательно добивавших их⁹⁷.

Нельзя поэтому сказать, что симпатии населения были на их стороне. Феодор завел целый штат царских придворных, но порядки в его дворце были болгарские или *варварские*, как заметил современник. Кроме того, «самодостаточность» деспота, за которую так ратовал Дмитрий Хоматин, Болгарский архиепископ, встретила сопротивление у другого иерарха — Фессалоникийского митрополита Константина Месопотамита, не признавшего Феодора Ангела Комнина Дуку царем⁹⁸. Несложно заметить, что именно

поддержка патриарха, резиденция которого находилась в Никее, обеспечила св. Иоанну III Ватацу легитимные основы власти. Дмитрий Хоматин мог сколь угодно долго рассуждать о праве Феодора Ангела называть себя Фессалоникийским царем, но в глазах подавляющей массы византийцев *единственным* законным Римским императором был только Никейский василевс, которого венчал на царство «Вселенский» патриарх.

Объяснение этому явлению заключается в том, что в среде иерархов Восточной церкви не было и не могло быть даже намека на примирение с Римской кафедрой, помимо всего прочего освятившей тот разгром Византии, который был учинен крестоносцами. Именно Церковь стала носителем национальной идеи, объединителем византийской нации. И в этих условиях подлинным Византийским императором мог стать только тот, кто получил поддержку восточного епископата и монашества, т.е. Никейский император⁹⁹.

Но перевес в *военных силах* был пока на стороне Феодора Ангела Комнина Дуки. Кроме всего прочего, Фессалоникийский император отличался гибким умом и решительностью. Его успехи против латинян вызывали в северных греках восхищение — его называли «могучим Комнином», «вершителем великих дел». Вскоре он захватил Фессалоникийское королевство — несостоявшееся детище давно уже погибшего Бонифация Монферратского, — и присоединил к своим владениям целый ряд областей Фессалии и Македонии. Но едва Рим, взволнованный успехами эмирского оружия, объявил о Крестовом походе против Фессалоникийского царства, как Феодор тут же направил посольство к папе, заявив о своей покорности Апостольскому престолу. Обрадованный понтифик немедленно отменил Крестовый поход и даже запретил венецианцам покушаться на Диррахий, который много раз безуспешно осаждали латиняне¹⁰⁰.

На некоторое время движение никейцев на север приостановилось, что не мешало Ватацу удерживать за собой контроль над ситуацией и ранее завоеванными областями. И заодно начать операции на Средиземном море против венецианцев и латинян, к сожалению, малоуспешные. Даже номинальное подчинение Родоса Никее было крайне болезненно воспринято венецианцами, поскольку этот остров лежал на перепутье разветвленных торговых морских путей. При их тайной поддержке родосцы подняли мятеж, с которым оказалось очень не просто справиться. Сам император направился с флотом к острову, но потерпел неудачу от армии

Льва Гавалы. Вторая экспедиция под командованием Андроника Палеолога была успешнее — византийцы захватили остров, но не смогли взять крепость, ключ его обороны. После этого венецианцы *открыто* заключили договор с Львом Гавалой, согласно которому Родос обязывался предоставить венецианским купцам торговые привилегии и направлять ежегодную «ризу» на престол св. Марка в Венецию. А те соответственно признали его независимость.

Хотя Никея не обладала физическими возможностями воевать с могущественной Венецией, все же св. Иоанн III напал на остров Крит, принадлежавший Республике, надеясь на помощь восставших критян. Однако подход мощного венецианского флота заставил византийцев спешно отступить, а в налетевшей буре их корабли потонули. Все же никейцы завоевали острова Ретимно, Милопотамо, Кастельнуово¹⁰¹.

Относительная неудача у Крита и Родоса не остановила стратегическое наступление на дряхлеющую и стагнирующую Латинскую империю, император которой Роберт Куртене окончательно дискредитировал себя в глазах французской аристократии альковными похождениями. Оставив Константинополь, он бежал в Афины, где и умер в 1228 г. Его преемником стал 11-летний *Балдуин II* (1228—1261). Слабость Латинской империи была заметна невооруженным глазом. В этот момент в головах у некоторых французских баронов даже возникла идея объявить регентом Балдуина II Болгарского царя Иоанна II Асеня.

Надо сказать, именно с именем этого царя связан расцвет и пик могущества Второго Болгарского царства. Не казнивший за свое царствование ни одного человека, добрый и благочестивый, но одновременно с этим смелый, решительный, воинственный, хитрый и своенравный, он снискал любовь болгар¹⁰². Один современник так писал о нем: «Иоанн Асень, великий и благочестивый царь, сын старого царя Асеня, возвеличил в сильной любви к Богу Болгарское царство больше, чем все предшествовавшие ему Болгарские цари. Он строил монастыри и украшал их золотом, жемчугом и благородными камнями, одарял все святые Божьи церкви многочисленными подарками и проявлял относительно их большую щедрость. Всякий чин духовный, архиереев, иереев и диаконов он наделял многими почестями»¹⁰³.

Конечно, Асень с радостью принял это *предварительное* предложение, пообещав взамен отвоевать у Фессалоникийского царства в пользу латинян Адрианополь, а для гарантии обручил Балдуина II со своей дочерью Еленой. Этот союз мог стать губительным для

никейцев, мечтавших о воскресении Византии. И, по их счастью, под влиянием Римского папы регентом малолетнего императора был избран другой человек — прославленный герой Иоанн де Бриенн¹⁰⁴.

В ответ разгневанный Болгарский царь вступил в союз с Фессалоникийским царем и укрепил его брачными узами, женив *Мануила*, брата Феодора Ангела Комнина Дуки, на Марии, своей побочной дочери. Однако вскоре эфирцы начали откровенно тяготиться этой «дружбой», поскольку, как выяснилось, они и болгары претендовали на одни и те же земли Фракии, а в перспективе — и на Константинополь. Весной 1230 г. царь Фессалии выступил с войском против болгар, и в апреле этого же года нынешние враги и вчерашние друзья встретились у селения Клокотницы между Адрианополем и Филиппополем. Асень приказал прибить к копью расторгнутый Феодором договор и во главе 1 тысячи половцев смело напал на противника, буквально разметав его. Поражение Феодора Комнина Ангела Дуки было полным, более того, он сам попал в плен и был ослеплен. После этого болгары без труда заняли Адрианополь, Македонию и почти всю Албанию. Отдадим должное Иоанну II Асеню: он был милостив к побежденным византийцам и ничуть не ухудшил их положения новыми податями и налогами. Новым правителем Эпирского (Фессалоникийского) царства стал брат ослепленного царя *Мануил Комнин Дука* (1230—1237, 1239—1241), женатый на Марии, незаконнорожденной дочери Иоанна II Асена.

Теперь Второе Болгарское царство проявилось во всем блеске своей славы: оно имело границу по трем морям и включало в себя кроме дунайской Болгарии Белград и Браничев, Ниш и Вельбуж, Фракию, Адрианополь, Македонию и Албанию. Супруга Сербского короля приходилась сестрой Асеню, во главе Фессалоникийского царства, вернее его остатков, стоял зять Болгарского царя Мануил¹⁰⁵. Сам Феодор Ангел Комнин Дука по причине ослепления уже не мог являться императором, хотя все еще исподволь участвовал в Балканской политике. Конечно, у Мануила был уже «не тот» титул, каким владел Феодор Ангел Комнин Дука, а бледная тень бывшего величия.

Пока болгары воевали с эфирцами, Иоанн де Бриенн наконец-то сумел в 1233 г. выступить против никейцев, высадившись в гавани Лампсака. Силы византийцев к тому времени были несколько подорваны войной с Родосом и Венецией, а потому св. Иоанн III решил отступить в Сигриадские леса. Но максимум, что удалось

латинянам, — захватить город Пиги вследствие измены одного франка. Византийцы заблокировали латинян в захваченной крепости, преградив подвоз продовольствия, и де Бриенну пришлось ни с чем вернуться в Константинополь¹⁰⁶. Все же регенту удалось нанести грекам несколько сильных ударов, выгоды от которых, тем не менее, достались не Латинской империи, а венецианцам. В 1234 г. Родос признал власть над собой Венецианской республики, равно как и Крит, где в 1235 г. венецианцы сумели разгромить отряд никейцев и захватить остров¹⁰⁷.

Все же новый союз болгар и Мануила Фессалоникийского был ненадежен. Как человек горячий, Асень вскоре же сам и нарушил этот союз, желая полностью подчинить Болгарии Фессалоникийское царство¹⁰⁸. В качестве ответной меры Мануил написал Римскому папе тайное послание, в котором соглашался признать не только духовную, но и *светскую власть* понтифика над своим царством. Разумеется, он надеялся, что строгий окрик апостолика сможет остановить наступательный порыв болгарина¹⁰⁹. Одновременно с этим, желая получить помощь из Никеи, Мануил отправил послание патриарху *Герману* (1222—1240), называя того «Вселенским патриархом», «непреложным вождем христиан во всей Вселенной», прося о посредничестве между собой и св. Иоанном III Дукой Ватацем. Никейская сторона ответила благосклонным согласием, и патриарх даже направил в Эпир своего митрополита для посвящения епископов. Но в скором времени от Фессалоникийского царства остались два-три скромных удела, *одним из которых правил Мануил Ангел Комнин Дука*¹¹⁰.

В 1235 г. в Галлиполи был подписан мирный договор между св.Иоанном Ватацем и Иоанном II Асенем, предусматривавший союзнические обязательства. По условиям договора Болгарская церковь получала статус «патриархата», находящегося под номинальным главенством Никейского архиерея¹¹¹.

Тем не менее ситуация для Никейской империи оставалась весьма тревожной. Было очевидно, что союз с болгарами ненадежен, а латиняне и турки, с двух сторон нависавшие над последним очагом византийской государственности, в любой момент могли начать (или, вернее, *продолжить*) экспансию. Это был, без сомнения, самый сложный момент в царствовании св. Иоанна III Дуки Ватаца. Хорошо еще, что в данный момент времени ему удалось установить добрые отношения с сельджуками, но оставался Запад, с которым бороться можно было только через Рим. И император тут же предпринял необходимые меры. Еще в 1232 г., словно пред-

чувствуя грядущие события, св. Иоанн III дал поручение своему патриарху Герману вступить в переговоры с Римским престолом о возможности заключения унии. Правда, это письмо, переданное папе *Григорию IX* (1227—1241) с проезжими францисканскими монахами, было написано *с позиции равноправного собеседника* и вовсе не производило впечатления капитуляции. При всем изобилии почтительных фраз и дружелюбных выражений, оно довольно остро ставило вопрос о некоторых латинских новшествах, не приемлемых для *греков*. Именно этот термин вместо традиционного «*ромей*» использовал восточный архиерей, и это — верное свидетельство тому, что Восточная церковь стала считать себя *национальной, греческой*.

Довольно смелая дипломатия царя с Римской курией кажется невероятной на фоне почти абсолютного могущества папства в XIII веке и не очень стабильной власти Никейского императора. Но следует учесть то немаловажное обстоятельство, что новый Крестовый поход против никейцев, которым понтифик мог напугать св. Иоанна III Ватаца, все более и более становился фикцией. Со временем сама крестоносная идея стала получать все более расплывчатое содержание. Да и силы Западной Европы начали отвлекаться на другие цели, кроме Иерусалима. Например, очень много сил отняла Реконкиста в Испании, где сражалось не менее 50 тысяч вооруженных паломников-рыцарей из всей Европы. Сам папа в 1207 г. объявил крестовый поход против альбигойцев, что проживали в Южной Франции. И поход занял с перерывами несколько десятилетий. Другие направления движения, никак не сходные с прежними крестоносными маршрутами, демонстрировали германские рыцари. Около 1230 г. они начали свой знаменитый «*Drang nach Osten*» и почти полностью свернули операции в Палестине. Поэтому папы нередко оказывались бессильными против этого *распыления* крестоносного движения, не имея под рукой наличных сил для войны с греками¹¹². Естественно, никейцы этим активно пользовались, что и отразилось на характере переписки между царем и апостоликом.

В обратном послании понтифик обращается не к «Вселенскому» или «Константинопольскому патриарху», как раньше, а к «главе Греческой церкви». Вкладывая в это словосочетание свой, конечно, смысл, явно уничижительный. Тон его письма, в целом доброжелательный, тоже оттеняли обычные сетования на отпадение греческих священников от Римской матери-церкви и отдание себя светской власти. Оттого, считал папа, вера греков охладела, а священнический сан находится в упадке.

Затем в Рим прибыло второе послание, написанное в том же духе, привезенное легатами в Никею в самом начале 1234 г. Они были встречены с честью и имели семь заседаний с греческими епископами по спорным вопросам, в первую очередь о *Filioque*. Никейцы настаивали на неизменности Никео-Цареградского Символа Веры, и диспут был настолько острым, что решением св. Иоанна III его прекратили. Затем речь зашла об опресноках, но с тем же результатом. Тогда патриарх Герман предложил созвать Вселенский Собор, но легаты не поддержали его, а просто уехали в Константинополь¹¹³.

На Пасху 1235 г. папские послы были приглашены вновь, но уже в город Нимфей, где находилась старинная резиденция дома Ласкаридов. Однако и на этот раз встреча двух Церквей оказалась *провальной* по результату. Обе стороны высказывали друг другу претензии, и на упрек патриарха Германа, что его имя вычеркнуто из римских диптихов, последовал дерзкий ответ: «Твоего имени никогда там и не стояло, а о предшественниках сам смотри, кто тому виной». Тогда греческие епископы сообща написали акт о недопустимости опресноков. Латиняне ответили письменным анафематствованием всех тех, кто не признает *Filioque*, объявили греков еретиками и покинули Собор. Восточные архиереи кричали им вслед: «Сами вы еретики!» Дошло до того, что, проигнорировав приказ царя и патриарха, у легатов отобрали вещи и лошадей, пешком отправив в Константинополь¹¹⁴.

Поскольку примириться с Римом не удалось, св. Иоанну III Ватацу пришлось бороться с мощными, хотя еще и разьединенными силами. Разочарованный в результатах минувших переговоров, папа призвал Венгерского короля *Беллу IV* (1235—1270) и Ахейского князя Виллардуэна помочь Балдуину II и отправил Ватацу резкое письмо, требуя от того подчиниться Латинскому императору.

Ответ св. Иоанна III Дуки не заставил себя ждать. Хорошим литературным языком, но едва сдерживаясь, император достойно ответил папе, позволившему именовать его «знатным мужем Ватацем». «Царству моему подали твое письмо, но царство мое ввиду нелепости написанного полагало, что такое исходит не от тебя, но от “сожительствоющего с крайним безумием” и с душой, полной надменности и дерзновения. Таков тот, кто обратился к царству моему, как к какому-то не имеющему имени и бесславному, неизвестному и незнатному, не будучи научен должному ни опытом действительности, ни величием державы нашей. Твое же святей-

шество украшено и разумом, и рассудительностью, выделяясь из большинства людей».

И далее: «Ты требуешь признать права твоего престола. Отчего нам не потребовать от тебя признания прав тысячелетней Империи Константина и его преемников, бывших из нашей нации, вплоть до нас. По-твоему, мы нигде не царствуем и не правим, а Иоанн из Бриенна тобой рукоположен в цари. По какому праву? Если мы, принужденные насилием, переменили место пребывания, то наши права на Империю и державу мы неизменно и неотступно удерживаем за собой, по милости Божьей. Извещаешь нас о грозном сборе крестоносцев. Благовидным предложением прикрывается, как всегда, жажда власти и золота. Твоя честь нас наставляет не докучать императору Иоанну Бриенну, для моей же пользы. Нужно тебе знать, что мое царское величество не понимает, где на суше или на море расположены владения означенного Иоанна, а потому никогда не покушалось на то, что ему принадлежит. Если же речь идет о Константинополе, который мы желаем у него взять, то мы заверяем и объявляем тебе и всем христианам, что никогда не перестанем сражаться и воевать с захватчиками Константинополя. Мы были бы преступниками перед законами природы, уставами родины, могилами отцов и Божьими святыми храмами, если бы из всех сил не боролись за это!»¹¹⁵ Достойный и убедительный ответ!

Затем — следующая победа, на этот раз *дипломатическая*: Ватац сумел склонить на свою сторону могущественного Болгарского царя, все еще обиженного отказом латинян признать его регентом Балдуина II. С 1235 г. они начали совместные действия против французов и венецианцев. Вновь замаячила перспектива Греко-болгарского союза, и на этот раз данное предприятие казалось успешным. Оба царя договорились скрепить мирный договор брачными узами, одновременно с этим заключив военный союз против латинян. В 1235 г. Асень и Ватац вместе с женами появились под стенами осажденного болгарами Галлиполи, занятого венецианским гарнизоном, где произошла помолвка 11-летнего царевича *Феодора Ласкариса*, сына св. Иоанна III, и 9-летней дочери Иоанна II Асеня *Елены*. Затем невеста отправилась в Лампсак, где патриарх Герман в присутствии царицы Ирины совершил торжественное бракосочетание. Болгары получили то, чего так давно добивались от Рима и Константинополя, — автокефалию Болгарской церкви и признание ее архиерея патриархом. В 1235 г. Тырновский архиепископ Иоаким был торжественно провозглашен в Лампсак *Болгарским патриархом*, чем наносился тяжелый



удар по главе западного греческого духовенства, квартировавшего в Охриде, Первой Юстиниане¹¹⁶. Одной пулей Ватац убил двух зайцев: оказал громадную услугу болгарскому клиру и еще более возвысил собственного патриарха, у которого теперь не было конкурентов.

После этого объединенные никейские и болгарские войска начали уже масштабное наступление на Латинскую империю. Асень захватил почти всю Фракию, а св. Иоанн III Ватац занял Фракийский Херсонес и прилегающую область от Марины до Ганоса. В этом же году Ватац разгромил город Галлиполи, принадлежащий Венеции, и захватил все области между Мраморным морем и Марицей, включая крепость Цурула. А Асень тем временем опустошил север Фракии, принадлежащий Латинской империи.

В 1236 г. никейцы и болгары подошли к стенам Константинополя. Но тут сыграла свою роль Римская курия. Папа отлучил Асень от Римской церкви, а венецианцы совместно с войсками князя Ахейского *Готфрида II* (1231—1246) сумели прорваться к осажденному Константинополю. Затем Иоанну де Бриенну удалось разбить греческое войско на суше, а венецианцам нанести поражение союзническому флоту на море.

Маятник весов истории качнулся в другую сторону, разрушив одни союзы и создав другие. 22 марта 1237 г. умер Иоанн де Бриенн и Асень решил, что ему неинтересен союз с никейцами. Он быстро сошелся с Римом, испросив прощения и получив его, и заключил мирный договор с Латинской империей. Безусловно, он рассчитывал на то, что теперь-то французы признают его регентом Балдуина II¹¹⁷. Отсюда, как казалось Болгарскому царю, был один шаг к тому, чтобы закрепить свои притязания на Константинополь. Болгарин без каких-либо сомнений порвал соглашение с Никеей и потребовал обратно свою дочь, выданную замуж за царевича Феодора.

К счастью, Болгарский царь не относился к лицам, честно выполняющим свои обязательства, — его союз с Римом также оказался недолговечным. Асень вовсе не собирался всерьез признавать главенство над собой Римского папы и вводить в Болгарской церкви латинские обряды. Понятно, что, помимо прочих негативных обстоятельств, он тем самым резко понижал бы статус Болгарского патриарха, с таким трудом приобретенный 2 года тому назад. Кроме того, как человек толерантный и мудрый, он не спешил предать богомилов казням, как это произошло в Европе с альбигойцами, чем вызвал новый гнев понтифика. Уже в феврале 1238 г. папа *Гри-*

горий IX (1227—1241) потребовал от Венгерского короля Беллы IV и Латинского императора Балдуина II начать новый Крестовый поход против болгар, после чего дружба Асень с папой закончилась. К негодованию апостолика, лелеемый им Крестовый поход не состоялся — Асень без труда убедил Балдуина II заключить с ним мирный договор в обмен на обещание оберегать французов от греков.

Удивительно, но в этом невообразимом и непредсказуемом калейдоскопе минутных комбинаций и союзов в выигрыше оказался св. Иоанн III Ватац. Ему удалось миновать рифы политических бурь, рассорить врагов между собой и поддержать высокий авторитет православной царской власти в глазах греков, гордых за то, что их император ни в чем не уступил проклятым латинянам, — ни на войне, ни в вопросах веры. И в то же время выбил из рук врагов дипломатическое оружие, продемонстрировал желание идти на разумные компромиссы.

Глава 2. Возрождение Византийской империи

Все же объективно положение Никейской империи оставалось очень тревожным. Продолжалась война за Балканы, и в 1239 г. Асень вместе с французами и половцами начал осаду крепости Цурула. Правда, вскоре болгарин получил известие о смерти своей жены, сына и патриарха Иоакима от моровой язвы. Посчитав это Божьей карой за свои вероломства в отношении византийцев, Асень тут же сжег осадные машины, отвел войско обратно и заключил новый мирный договор с Ватацем¹¹⁸. Естественно, соглашение с французами было аннулировано, а дочь Болгарского царя вернулась в Никею, к своему юному супругу.

Увы, это была не последняя дипломатическая комбинация Асени. Вскоре, испугавшись союза св. Иоанна III Ватаца с Германским королем и нарастающей мощи Никеи, Болгарский царь тайно помог пройти через свои земли в Константинополь Балдуину II с армией из 700 рыцарей, набранных в Европе, и 20 тысячами вспомогательных сил. В 1240 г. Асень женился на дочери ослепленного им Феодора Ангела Комнина Дуки, освободил тестя и при его помощи взял Фессалоники, захватив в плен Мануила. Для поддержания внешней преемственности Эпирский трон был передан сыну Феодора Ангела Комнина Дуки *Иоанну* (1237—1244). Свергнутый

правитель Фессалоники Мануил добрался до Никеи, где принес клятву верности св. Иоанну III. При его помощи он соединился с братьями Константином и Феодором и покорил Фарсал, Лариссу и Платамот. Но тут же решил, что не имеет смысла выполнять слова присяги Никейскому царю, и отложился от св. Иоанна III, заключив мирный договор с латинянами в Пелопоннесе. Впрочем, вскоре он умер, горько раскаиваясь в своем клятвopеступлении¹¹⁹.

А тем временем Иоанн II Асень в очередной раз действовал по-своему: презрев договоренности с византийцами, он присоединился к латинянам Балдуина II, осадившим многострадальную крепость Цурула. Ее гарнизон возглавлял великий хартулларий Иоанн Петралифа — мужественный и опытный военачальник. Но силы были настолько неравными, что спустя короткое время никейцы сдали крепость. Пленных французы не пощадили, и вместе с великим хартулларием отправили в Константинополь, где продали в рабство своим родственникам.

В качестве ответной меры император св. Иоанн III Ватац во главе сильного войска взял города Лакивизе и Никиат, а затем, доверив свой флот неопытному, к сожалению, в морском деле армянину Исфре, направил корабли против латинян. Как и следовало ожидать, в морском сражении малоопытный византийский флотоводец был разгромлен меньшими силами врагов. На этом военные действия фактически прекратились, и Болгарский царь, исподволь ослабив своего могучего конкурента, поспешил направить к св. Иоанну III посольство с предложением мира, который, конечно, был заключен¹²⁰.

Наверняка Болгарский царь на этом бы не успокоился и мог доставить еще много хлопот Никейской империи, но, по счастью для греков, в июне 1241 г. Иоанн II Асень скончался. Его престол достался малолетнему *Коломану I Асеню* (1241—1246). В этом же году скончалась супруга святого императора Иоанна III Дуки Ирина¹²¹.

Смерть великого Болгарского царя означала начало постепенного упадка Второго Болгарского царства, который заметно ускорился под мощным напором *татар*. Под этим термином мы впредь будем называть совокупность монгольских, тунгузских и тюркских народов, сбитых в общую массу знаменитым *Чингисханом* (1206—1227). Подчинив своей власти близлежащие степные племена, Чингисхан в 1206 г. был провозглашен на курултае правителем монголов, Великим ханом, после чего принялся за завоевание Северного Китая. Затем последовал захват Хорезма

и Самарканда (1220 г.), после чего татары вторглись на территорию Кавказа. Смерть Чингисхана в 1227 г. на 66 году жизни ничуть не остановила татарскую экспансию. Его сын и преемник *Угедей* (1227—1241) успешно преодолел остатки сопротивления в Средней Азии и вскоре вышел на Рум-сельджуков. Заняв Багдад, одна часть татар оккупировала районы Каспия и Азии, вторая направилась через донские степи на Запад, где новые пришельцы нанесли страшное поражение половцам, стремительно убегающим от них, и переправились через Истр. Многие европейские правители посчитали за благо нанять остатки половцев на свою службу; не стал исключением и св. Иоанн III Ватац. Одну часть половцев он расселил во Фригии, вторую — в Македонии и Фракии¹²².

Затем вектор нападения татар изменился на северо-запад. В 1236—1241 гг. были завоеваны Волжская Булгария и многие княжества Руси. В 1241 г. внук Чингисхана *Бату-хан* (1241—1256) или *Батый* вторгся в Польшу и Чехию, а его полководец Субудай — в Венгрию, рассеяв армию Венгерского короля Беллы IV. Пострадали Хорватия, Сербия, Болгария, и татары захватили их территории вплоть до Нижнего Дуная. Сами болгары избежали поражения только благодаря инициативному предложению выплачивать татарам дань, которую они ежегодно вносили хану с 1242 по 1300 г. Татарское влияние было достаточно сильным и долгим, чтобы Болгария навсегда потеряла лидирующее положение на Балканах, где теперь господство вновь перешло к византийцам¹²³.

Силы Никейского императора уже были столь мощны, что св. Иоанна III не испугал ни отказ от союзнического договора со стороны генуэзцев, ни известия о приближающихся венграх-крестоносцах во главе с Латинским императором Балдуином II. Как ни в чем не бывало он начал наступление из Никомедии и занял Харакс, Дакивизу и Никитиат. Переманив на свою сторону половцев и отдельные отряды наемников, сражавшихся у болгар, св. Иоанн III вступил во Фракию, надеясь присоединить к Никейской империи европейских греков. Против него располагались войска Эпирского царя Иоанна. Император без особого труда победил его, и тот добровольно сложил с себя царский титул, назвался «деспотом» и признал над собой власть Никейского императора. Без сомнения, этот поход 1242 г. мог стать вершиной царствования св. Иоанна III Ватаца, мечтавшего присоединить к Никее всю Македонию. Но в самый разгар кампании он получил сообщения от сына Феодора Ласкариса о том, что на соседние сельджукские государства напали неизвестные им татары¹²⁴.



В 1243 г. состоялось одно из решающих сражений Рум-сельджуков с татарами, предопределившее их последующую судьбу. Султан *Кей-Хосров II* (1237—1246) выставил против степняков 22-тысячное войско, которое еще вчера весьма успешно сражалось и с византийцами, и Айюбидами, и хорезмийцами. Но едва сельджуки увидели 10-тысячный отряд татар, как бросились бежать. Причем настолько стремительно, что враги еще сутки ожидали подвоха, не решаясь преследовать из-за опасения, что их заманивают в ловушку. Султан был вынужден выплачивать татарам дань, и эта история стала началом конца Иконийского султаната¹²⁵.

Турки, теснимые татарами, истошно просили Nikeю о помощи. Желая разузнать все на месте, император направился в Триполис для переговоров с султаном. Он пообещал *в целом* оказывать туркам содействие, но не сделал ничего конкретного — и весьма мудро, поскольку в противном случае участь Nikeйского царства оказалась бы незавидной. А теперь его тыл был защищен сельджуками, причем и татары не могли вменить ему это соглашение в вину, поскольку оно не предусматривало совместных действий против них со стороны греков; это был исключительно *мирный договор*, а не военный союз. В скором времени Румский султанат пал под натиском татар, и если бы Ватац благоразумно не отошел в сторону, то сейчас столкнулся бы с самым опасным и многочисленным врагом из всех нападавших на Римское государство¹²⁶.

Интересно, но это был не единственный маневр, обезопасивший Nikeю от татарского нашествия. Опасаясь, что татары вступят в соглашение с Римом, царь направил к папе послов, намекая на возможность заключения унии. И когда в Рим действительно прибыли послы татар, предлагавшие апостолику начать совместные действия против св. Иоанна III Дуки, понтифик под благовидным предлогом отказал им. Кроме того, для обеспечения безопасности своей державы св. Иоанн III построил сеть крепостей в горах с хорошим запасом вооружения и крепкими гарнизонами. Таким образом, восточная граница Nikeйской империи оказалась в безопасности.

Теперь император получил возможность обратиться к Балканам, тем более что вследствие слабости прежних соперников перед ним открывались широкие и ясные перспективы. Благодаря своей выверенной дипломатической игре, св. Иоанн III Ватац вскоре приобрел мощного и надежного союзника — Германского короля Фридриха II Гогенштауфена, самого активного и непримиримого врага Римского папы и папской политики. Как повествуют лето-

писцы, уже на своей коронации Фридрих II, 21-летний юноша, откровенно дал понять, что не намерен становиться слепым орудием в руках Рима. Именно он положил начало традиции *независимости* Германии от Апостольского престола¹²⁷.

Не желая оставаться марионеткой в руках Рима, король вступил в незримую борьбу с папой, который упорно пытался заставить Фридриха II выступить в Крестовый поход. Действительно, поскольку клятва на сей счет была дана, ее нужно выполнять. Но оставался неурегулированным вопрос *времени* начала похода короля. В какой-то момент понтифик сумел вырвать у Фридриха обещание, что тот выступит не позднее весны 1225 г. Однако в марте 1224 г. германец попросил перенести начало мероприятия в связи с волнениями мусульман на Сицилии. С великим трудом Гонория III удалось убедить перенести крестоносное мероприятие на лето 1227 г. За это король обещал снабдить крестоносцев Востока 100 тысячами уний серебра, предоставить Великому магистру Тевтонского ордена *Герману фон Зальцу* (1209—1239) флот из 150 судов и набрать армию из 1 тысячи рыцарей, которых эти корабли и должны перевезти в Акру.

В действительности даже теперь Фридрих II не собирался воевать, находя это занятие неумным и чрезвычайно затратным. За спиной у папы он одновременно вступил в тайную переписку с Иоанном де Бриенном, состоявшим регентом при своей малолетней дочери-королеве Иерусалима *Изабелле II* (1212—1228), и аль-Камилем. Причем оба верили, что смогут использовать Фридриха в собственных целях. Первым разочарование испытал де Бриенн. Когда в 1225 г. Фридриха удалось уговорить на брак с Иерусалимской королевой, германец немедленно заявил свои права, как супруг, на Палестину и заставил франкскую знать Леванта склониться перед ним. Теперь Фридрих II приобрел титул Иерусалимского короля.

С аль-Камилем ситуация выглядела сложнее. Султан Египта в то время был сильно озабочен столкновениями с братом — эмиром Дамаска аль-Муаззамом, установившим союз со свирепыми хорезмийцами, вытесненными из Средней Азии татарами. И вот сейчас султан предложил королю отдать Иерусалим и Палестину в обмен на помощь против брата. Отношения между двумя монархами стали столь тесными, что доверенное лицо султана *Фахр-ад-Дин* был произведен Фридрихом II в рыцари в знак дружбы¹²⁸.

Однако наступал срок начала похода, оговоренный с Римским епископом. Не распространяясь о своих договоренностях с аль-

Камилем, опасаясь быть отлученным от Церкви за несоблюдение крестоносной клятвы, 8 сентября 1227 г. Германский император отплыл из Бридзи вместе со своим товарищем ландграфом *Людвигом VI Тюрингским* (1217—1227), но через несколько дней оба заболели холерой. Пришлось срочно приставать к берегу, но Людвиг скончался еще в море. Фридрих срочно отправил письмо в Рим, в котором обещал, если Господь дарует ему выздоровление, выступить в Крестовый поход в марте следующего года. Но папу Григория IX эта история не растрогала, и 29 сентября 1227 г. он торжественно анафематствовал Германского императора. Если бы Фридрих играл эту партию пассивно, то вслед за этим мог потерять права на Сицилийскую корону — ведь остров по-прежнему считался в собственности Римской кафедры. Но император был опытным игроком, а потому сделал еще более ловкий ход: невзирая ни на что, 28 июня 1228 г. отплыл в Святую землю. Общественное мнение тут же склонилось в его сторону. По Европе пронеслась целая серия пророчеств, будто именно Фридриху даровано Богом вернуть Иерусалим христианам, и когда король прибудет свой щит к сухому дереву, проклятому Христом, оно немедленно расцветет. Явно не в пользу Григория IX короля сравнивали со Спасителем, гонимым первосвященником Каиафой¹²⁹.

Однако ситуация за это время существенно изменилась. От приступа дизентерии скончался враг аль-Камиля аль-Муаззам, вследствие чего султан перестал нуждаться в военной помощи императора. А в марте 1228 г. при родах умерла Изабелла II, даровав жизнь своему сыну *Конраду*. Теперь Фридрих Гогенштауфен автоматически из короля Иерусалима переходил в статус регента своего сына, наследственного монарха Святого города. Но эти обстоятельства не смутили Фридриха. 21 июня 1228 г. он прибыл на Кипр, сместил *Иоанна де' Ибелина*, регента юного короля *Генриха I* (1218—1253), и подтвердил свои права на доходы от острова. Хуже обстояли дела в Палестине, где тамплиеры и госпитальеры не спешили помогать королю, ссылаясь на его отлучение от Церкви. В действительности они ревновали императора к Тевтонскому ордену, которому тот оказывал большую денежную помощь. Но и это не обескуражило короля. Он вернулся к тайным переговорам с аль-Камилем и Фахр-ад-Дином, подкрепляя свои письма маневрами крестоносной армии из Акры в Яффу по пути короля Ричарда Львиное Сердце. Поскольку в это время аль-Камиль вместе с братом аль-Ашрафом, правителем Джазира, осаждал Дамаск, где скрывался их племянник *ан-Насир Дауд*, сын покойного аль-Муаззама, присутствие Гоген-

штауфена с сильной армией становилось серьезным фактором, который нельзя было не учитывать.

Ан-Насир Дауд уже обратился за помощью в Хорезм, и если бы Фридрих II внял его предложению о сотрудничестве, дела братьев стали бы совсем плохими. Незаменимый Фахр-ад-Дин пытался урезонить германца, пытаясь сохранить за своим господином Палестину, но король открыл ему, что Иерусалим как таковой ему не нужен. Но город имеет большое значение в его борьбе с Римским папой. Едва ли это как-то отразилось на переговорах, но как только пришло известие о приближающейся армии *Джелаль-ад-Дина* (1199—1231), шаха Хорезма, аль-Камиль согласился на предложение Фридриха¹³⁰.

18 февраля 1229 г. было подписано соглашение, согласно которому султан обещал 10 лет хранить военный нейтралитет, вернуть христианам Иерусалим, Вифлеем и Назарет в обмен на помощь в защите от внешних врагов, если таковые объявятся. Это была *уникальная* дипломатическая победа: впервые за 40 лет Иерусалим переходил в руки христиан. Причем сделал это в одиночку отлученный от Церкви король, не проливший ни капли крови! 17 марта германская армия вошла в Святой город, полностью очищенный от мусульман. А 19 марта 1229 г. Фридрих II собственноручно возложил на свою голову королевский венец Иерусалима в храме Гроба Господня, а затем обратился с манифестом ко всем жителям Земли. В нем Гогенштауфен сравнивал себя с Ангелами, которые занимают промежуточное положение между людьми и Богом, а также с Израильским царем Давидом, который, как известно, считался предвестником Христа, священником и пророком.

Это окончательно вывело папу из себя. В состоянии крайнего раздражения понтифик писал одному своему контрагенту, желая представить Гогенштауфена в самом невыгодном свете: «Этот царь пагубы, как мы можем доказать, открыто заявляет, что мир был обольщен тремя обманщиками: Иисусом Христом, Моисеем и Мухаммедом, и двое из них умерли в почете, третий — на кресте. Мало того, он утверждает, что только дураки могут верить, будто девственница могла родить от Бога, Творца Вселенной; он говорит, наконец, что человек должен верить только тому, что может быть доказано силой вещей или здравым смыслом»¹³¹.

В тот же день латинский архиепископ Кесарии от имени латинского патриарха Иерусалима наложил на город интердикт. Более того, пользуясь отсутствием короля, папа организовал военное вторжение в Южную Италию с целью захвата Сицилии, чем вы-



звал шок и осуждение всей Европы. Что ни говори, но Фридрих II являлся крестоносцем и совершил беспрецедентный подвиг. Ни для кого не было тайной, что понтификом двигали исключительно своекорыстные интересы и жажда наживы¹³². Даже враги не могли не признать, что Гогенштауфен был и остается верным католиком; мало найдется людей, настолько преданных Богу и Церкви, сделавшего много доброго и очень желавшего спасти свою душу¹³³.

В не лучшем положении оказался и султан, которого осудили собственные имамы. А ан-Насир Дауд объявил траур в Дамаске по поводу измены исламу. Никто не желал слушать его объяснений относительно того, почему и как Святой город перешел в руки Германского императора¹³⁴.

Но путешествие Гогенштауфена по Святой земле длилось недолго. 29 мая 1229 г. Германский император тайно отплыл из Акры и вскоре был уже в Сицилии. Папа моментально смирил гнев на милость и вполне дружелюбно оповестил Фридриха II, что утверждает его договор с аль-Камилем. «Ученик Мухаммеда» снова стал «любимым сыном Церкви»¹³⁵. Так закончился 5-й Крестовый поход, не оправдавший замыслы Римской курии, зато вернувший христианам Иерусалим. Как видно, сам по себе результат был неинтересен Риму. И когда в 1235 г. папа объявит новый Крестовый поход, он публично заявит, что именно Фридрих II Гогенштауфен является самой серьезной помехой на пути крестоносцев¹³⁶.

Краткое перемирие между Римской курией и Германским императором не могло никого обмануть. Между двумя центрами власти Запада шла война не на жизнь, а на смерть, сопровождавшаяся дипломатическими трюками, богословскими сочинениями о верховенстве той или иной стороны и резкими выпадами. В 1236 г. без всякого смущения папа Григорий IX заявил Фридриху II, что Апостольский престол передал ему власть меча и царство, но Рим вовсе не собирается отказываться от своих собственных верховных прав на Империю. Иными словами, Германскому императору недвусмысленно дали понять, что он — ленник понтифика. «В пику» королю апостолик после своего торжественного вступления в должность установил отныне особый обряд собственной коронации — садился на трон с короной на голове в виде земного круга. В близких к папе кругах корона называлась *«императорским украшением»*¹³⁷.

В таких условиях Гогенштауфен искал союзника, которого с ним объединяют не только враги, но и сходство убеждений. Хотя Рим и французы негодовали на него, но в целом Фридрих II при-

держивался той же «грекофильской» политики, которую избрали еще Конрад III и Генрих IV, дружившие с Комнинами против норманнов и Рима. Фридрих II хотел сделать свою власть столь же полнокровной, как во времена святого Константина I Великого, святого Юстиниана I Великого и Карла Великого. Одним словом, желал такого же могущества, каким обладали ранее Византийские императоры¹³⁸.

Эта прямая политика не могла не провоцировать Римского епископа на ответные меры; и наоборот. В 1237 г. произошло неудачное столкновение ломбардцев, которых Фридрих II разгромил и безжалостно наказал. Для понтифика это был очевидный сигнал тому, что может ожидать его. Следующим этапом стали приготовления к свадьбе Энцо, незаконнорожденного сына Фридриха II, на Сардинии с девушкой из аристократической семьи и назначения его королем этого острова, который относился к папским владениям. Накал страстей дошел до того, что король называл Римского епископа не иначе как «развратником, помазанным елеем скверны», а тот в ответ объявил Гогенштауфена «зверем Апокалипсиса». Папские агенты разъезжали по Германии и Италии, подталкивая к выступлению против короля. А Фридрих тем временем вел тайные переговоры с кардиналами, чтобы вообще лишить Григория IX папского сана¹³⁹.

В 1239 г. Фридрих II вновь был отлучен от Церкви и объявлен врагом всех христиан. В ответ он дошел до Рима и окружил город своими войсками. Не выдержав этого зрелища, папа скончался. Новый папа *Иннокентий IV* (1243—1254), 48-летний энергичный и властолюбивый генуэзец, потратил громадные суммы денег для того, чтобы свергнуть могучего Гогенштауфена. Дошло до того, что в 1244 г. понтифик объявил крестовый поход против Гогенштауфена, что привело к открытым военным действиям, продолжавшимся до смерти короля в 1250 г.¹⁴⁰ Примечательно, что кончина императора вызвала совершенно неадекватную с точки зрения морали реакцию Римского престола. Иннокентий IV, живший в изгнании в Лионе, обратился к пастве со следующими словами: «Да возрадуются Небеса! Да наполнится весельем земля, ибо с падением тирана Господь Всемогущий сменил бури и грозы, которые посылал на ваши головы, на ласковый ветерок и питающий влагой дождь»¹⁴¹.

Для нас изложение этих событий интересно еще и тем, что позволяет иллюстрировать довольно очевидный факт: в лице Фридриха II и св. Иоанна III встретились два «империалиста», мыслящие христианскую цивилизацию только в форме Священной Римской

империи, власть над которой, включая, разумеется, главенство в церковном управлении Кафолической Церкви, принадлежит исключительно Римскому императору. Теоретически для этого нужно было «всего-навсего» вернуть настоящему хозяину — Византийскому императору Константинополь, урезонить Римского папу и соединить две половины в одно целое. Конечно, на заключительной стадии потенциально должен был возникнуть вопрос о том, *кто именно* вправе претендовать на титул Римского императора — Никейский царь или Германский король. В частности, обещая вернуть грекам их Константинополь, он тут же выставял условие — чтобы св. Иоанн III Ватац признал себя его вассалом. Но до этого было еще далеко, а *пока* никаких противоречий Фридрих II и св. Иоанн III Ватац между собой не замечали.

Зато отныне любая попытка Запада помочь Латинской империи в ущерб Никеи натывалась на противодействие Германского короля. Отчаявшись в одиночку справиться с бедами, в 1238 г. Балдуин II явился во Францию и, заложив Терновый венец Христа Французскому королю *Людовику IX Святому* (1226—1270), а также заняв у того некоторую сумму денег, набрал значительное войско. Однако Фридрих II Гогенштауфен просто запретил армии Балдуина II проход через свои земли¹⁴².

Дезорганизующую политику Римской кафедры вскоре почувствовали на себе и пилигримы Леванта, положение которых стало отчаянным. Роберт, латинский патриарх Иерусалима, отчаянно взывал к западным государям. Но на его призыв, поддержанный папой, откликнулись лишь некоторые знатные персоны Европы. Граф *Тибо IV Шампанский* (1225—1253) и брат Английского короля *Генриха III* (1216—1272) принц *Ричард Корнуоллский* (1227—1272) в 1239 и 1241 гг. организовали две небольших экспедиции, объединив отряды своих баронов — так называемый Крестовый поход баронов. Они имели некоторый успех: захватили Галилею и укрепили Аскалон. Но это были уже последние успехи крестоносного движения. Скооперировавшись с папой и латинянами Леванта, они вступили в конфронтацию с Германской империей, переставшей им помогать, и теперь всецело зависели от рыцарских орденов, мощь которых также шла на убыль¹⁴³.

Пока европейцы воевали друг с другом, на Востоке появились новые лидеры. В начале 1240-х годов первенство получил старший сын аль-Камиля *аль-Салих Айюбид*, султан Египта, вступивший в союз с хорезмийцами. Летом 1244 г. отряды *Берке-хана*, включавшие в себя множество степных наемников, были наняты им для

нападения на Иерусалим. Штурм был внезапным и жестоким. Хорезмийцы не щадили никого из христиан, умерщвляя несчастных прямо у порога Гроба Господня. Пилигримы, заключив союз с эмиром Дамаска, попытались отомстить хорезмийцам. Была собрана значительная армия, которая включала в себя 1 тысячу рыцарей и 6 тысяч тяжеловооруженной пехоты, а также 4 тысячи сирийских всадников. Возглавлял армию крестоносцев и их союзников граф Яффы и Аскалона *Готье IV де Бриенн* (1205—1246). Им противостояли 10 тысяч хорезмийских всадников и 6 тысяч *мамелюков* из Египта. Возглавлял эти ударные части *Бейбарс* (1223—1277), командующий египетскими войсками, будущий султан Египта¹⁴⁴.

Осенью 1244 г. на Гадарской равнине, у деревни Ла-Форби, состоялась историческая битва, которая закончилась очередным разгромом крестоносцев. Полегло несколько тысяч рыцарей из числа тамплиеров, иоаннитов, рыцарей из Антиохии, Кипра и Германии. Достаточно сказать, что из 44 рыцарей Тевтонского ордена в живых осталось лишь трое¹⁴⁵. Погиб Великий магистр тамплиеров *Арман де Перигор* (1232—1244) и архиепископ Тира. В плен попали магистр ордена госпитальеров, коннетабль Триполи и 600 французских рыцарей, из всех орденских пилигримов спаслось только 33 тамплиера и 26 госпитальеров. Это поражение практически *уничтожило* военные силы Леванта. От немедленного уничтожения Латинскую Палестину спасло лишь то, что ас-Салих Айюбид Египетский был вынужден отвлечься на войну со своим дядей *ас-Салихом Исмаилом Дамаским*¹⁴⁶.

Но это уже мало волновало великого германца. В том же 1244 г. Гогенштауфен сосватал за овдовевшего св. Иоанна III свою побочную дочь *Анну* и активно поддерживал зятя, отступившись от Латинской империи в тот самый момент, когда помощь ей была крайне необходима. Своим союзом с Никейским императором Гогенштауфен не оставлял «Новой Франции» в Константинополе никаких шансов. Справедливо отмечают, что к моменту его смерти, наступившей в 1250 г., участь Латинской империи уже была предreshена¹⁴⁷.

На Лионском соборе 1245 г. Германский король был отлучен (в четвертый раз!) от Римской церкви. Опасаясь, что Собор германских епископов не поддержит инициативу Римской курии, папа Иннокентий IV написал, что избрал соборную форму исключительно для придания атмосферы торжественности акту отлучения. Хотя, к слову сказать, данное событие было вопиюще беспрецедентным

в истории Западной империи: отлучали от Церкви не «рядового» короля, а *действующего императора*. Например, Генрих IV, вечный враг папы Григория Гильдебранда, не являлся на момент унижения в Каноссе императором, а лишь собирался им стать. И вот теперь понтифик решился на небывалый поступок. Впрочем, Фридриху II вменили в вину многое: нерадение о делах веры, нечестивый союз с мусульманами и «греческими раскольниками» (откровенный намек на императора св. Иоанна III Ватаца), личное аморальное поведение, несоблюдение клятв и обещаний. Ввиду необычности предмета обсуждения, вплоть до последнего заседания Собора, которое состоялось 17 июля 1245 г., многие его участники надеялись на мирный исход, чего, впрочем, не произошло¹⁴⁸.

Фридрих II ничуть не смутился этим и написал св. Иоанну III Ватацу: «*Так называемый папа* за наши отношения и любовь к ним, христианнейшим и самым благочестивым образом расположенным к Христовой вере, возбудил против нас свой необузданный язык, называя *благочестивейших греков*, от которых христианская вера распространилась до крайних пределов Вселенной, нечестивейшими и православных еретиками». Горячий поклонник византийского «цезаропапизма», безусловно убежденный в праве (обязанности) монарха выступать в качестве блюстителя веры и главы церковного управления, он высказывал в адрес Римского папы следующие слова: «Все мы, земные короли и князья, особенно ревнители православной (*orthodoxe*) религии и веры, питаем вражду к епископам и внутреннюю оппозицию к главным предстоятелям Церкви. О, счастливая Азия! О, счастливые государства Востока! Они не боятся оружия подданных и не страшатся вмешательства пап»¹⁴⁹.

Другому государю — Английскому королю Генриху III Гогенштауфен писал не менее резкие строки: «Римская церковь опять вспылала горячей алчностью и охвачена столь очевидной жадностью, что, не довольствуясь церковными владениями, не стесняется отбирать у императоров, королей и князей мира сего их наследственную собственность и обложить ее налогами. Я уже не говорю о симонии, о различных и с начала времен неслыханных вымогательствах, непрерывно осуществляемых курией и папой против духовных особ, о явных и тайных ростовщиках, притесняющих весь мир. Словами слаще меда и глаже масла ненасытные кровопийцы постоянно толкуют, будто Римская курия — наша мать и кормилица, хотя она есть *корень и начало всех зол*»¹⁵⁰.

Его ненависть к Риму была такова, что Фридрих II искренне обиделся, когда узнал о посольстве, направленном св. Иоанном III к папе. Они откровенно помогали друг другу: император — деньгами, король — вооруженными силами и дипломатией. Германец мечтал закрепиться в Италии и искренне радовался, когда узнал о том, что Никейский император захватил наконец-то Родос¹⁵¹.

Как раз закончил свой земной путь деспот Фессалоники Иоанн, тихий и благочестивый человек, и его брат *Димитрий* направил к св. Иоанну III Ватацу послов с просьбой закрепить за ним вдовствующий трон. Он получил просимое, но недолго пользовался властью. Вскоре от своих тайных агентов император узнал, что тот вовсе не собирается выполнять условия договора с Никеей. Кроме того, своим беспутным образом жизни Димитрий создал внутри города мощную оппозицию, решившую организовать заговор. Фессалоникийский деспотат уже давно не играл никакой самостоятельной роли, и его судьба была фактически предрешена. Ватац не стал мешать заговорщикам, о которых ему донесли, и даже немного приободрил их, пообещав свою помощь и поддержку. Осенью 1246 г. со своей армией император двинулся на Фессалоники и без труда овладел ей, лишив Димитрия титула «деспот», но сохранив ему жизнь и не ослепив, как того просили некоторые придворные. Вскоре Димитрий заболел, принял постриг и скончался. Новым *наместником* Фессалоники был поставлен Андроник Палеолог Комнин — опытный управленец и мужественный воин. А в 1247 г. св. Иоанн III овладел Визией и Цурулом¹⁵². Фессалоникийское, а ранее Эпирское царство *перестало существовать*, и слепой Феодор Ангел Комнин Дука, бывший царь Эпира, теперь являлся лишь правителем областей Водины, Старидола и Стровоса¹⁵³.

Продвигаясь по западным областям с войском, император узнал о кончине Болгарского царя Коломана и воцарении сына Асеня от последнего брака с Эпирской царевной *Михаила II* (1246—1256), совсем еще маленького мальчика. В планы царя не входила война с Болгарией, с другой стороны — совершенно неправильно было бы не использовать внутренний кризис сильного противника себе на пользу. Разослав своих дипломатических агентов, св. Иоанн III вскоре получил то, чего хотел.

В ноябре 1246 г. вся Македония практически без потерь досталась византийцам, а многие области Болгарского царства в еди-

нодушном порыве пожелали признать над собой власть сильного правителя, сын которого Феодор Ласкарис к тому же приходился родственником по жене царственной семье Асений. Эти договоренности облекли в письменную форму, и границы Никейского царства расширились за счет Родопа, Стенимаха, Ценены, Стумпиона, Хотовоса, Велевудия, Скопия и Просака. А Болгарское царство потеряло почти треть своей территории¹⁵⁴.

В 1247 г. св. Иоанн III Ватац вернулся во Фракию и присоединил к Никейской империи несколько фракийских городов, принадлежавших Латинской империи. Теперь св. Иоанн Ватац стал во главе всего греческого мира. За исключением Константинополя, Средней Греции и Пелопоннеса, Византийская империя была *практически восстановлена в прежних размерах*¹⁵⁵.

Силы св. Иоанна Ватаца были теперь таковы, что он без труда мог позволить себе войну на два фронта. Когда в 1248 г. генуэзцы захватили Родос, он тут же направил морскую экспедицию, вернувшую в 1250 г. остров под власть Никейского царя. Французских рыцарей, помогавших на Родосе генуэзцам, конечно, перебили, но благоразумный царь не стал портить отношения со своими традиционными союзниками, с которыми обошлись весьма снисходительно. Даже смерть Фридриха II не нанесла ущерба Никее, находившейся на подъеме¹⁵⁶.

Глава 3. 6-й Крестовый поход и смерть императора

Как уже указывалось выше, после страшного поражения в 1244 г. положение дел латинян Леванта стало совершенно отчаянным. Но тут к ним на помощь пришел один из по-настоящему великих государей Запада — Французский король Людовик IX Святой, задумавший организовать *6-й Крестовый поход*. Светловолосый и худощавый, чрезвычайно обходительный человек, он часто болел, порой довольно опасно.

В декабре 1244 г., находясь в Париже, король внезапно сильно занемог и, прося помощи у Бога, дал обет крестоносца Парижскому епископу Гийому Овернскому. Получив внезапное исцеление, Людовик Святой не посмел нарушить своей клятвы и горячо взялся за дело, с точностью педанта начав организацию крестоносной экспедиции. Как говорят, общая сумма расходов на Крестовый поход составила около 250 тысяч ливров — гигантские

по тем временам средства. Четыре года шли приготовления, было учтено, казалось, все.

Напрасно Фридрих II пытался предложить свои услуги и возглавить этот Крестовый поход. Как отлученный от Римской церкви, король не имел права принять участие в данной экспедиции. Выяснилось, что Английский король также не был намерен участвовать в Крестовом походе. Британское священство было крайне недовольно поборами Рима и тем, что епископские кафедры на острове занимают итальянцы, ставленники понтифика¹⁵⁷.

12 июня 1248 г. папский легат, кардинал Тускулума Эд де Шатору вручил в Сен-Дени королю посох и суму, а также *Орифламу* — священное знамя Франции. В Париже Людовик босиком прошел до Нотр-Дам де Пари, отстоял мессу и простился с парижанами. В августе того же года он отправился из Эт-Морта на Кипр с весьма внушительной армией, которую перевозили из Марселя венецианцы, весьма неодобрительно относившиеся к этому походу из-за неизбежных потерь в торговле. С королем отправилась в поход его супруга королева *Маргарита Прованская* (1234—1270), братья — графы *Роберт д'Артуа* (1237—1249) и *Карл Анжуйский* (1227—1285), герцог *Гюг IV Бургундский* (1218—1272), *Гюг X де Лузиньян* (1219—1270), граф де Ла Марш, 25-летний Жан де Жуанвиль, сенешаль Шампани и множество других аристократов. Прибыли добровольцы из Германии, Норвегии и Шотландии, а также из Англии. Их привел *Уильям II, граф Солсбери* по прозвищу Длинный меч. В сентябре все войска собрались на Кипре. В их рядах состояло 20 тысяч солдат, из них 2,5 тысячи рыцарей и 5 тысяч лучников и арбалетчиков¹⁵⁸.

Туда прибыла и императрица *Мария де Бриенн* (1225—1275), прося помощи у короля для своего супруга, Латинского императора Балдуина II. Несмотря на радушный прием и две сотни посланий, которые многие крестоносцы передали через нее в Константинополь для своих друзей и родственников, императрица получила лишь весьма расплывчатые заверения в том, что *после завершения* Крестового похода добровольцам будет разрешено отправиться на помощь Латинскому императору¹⁵⁹.

Наступил сезон штормов, и потому пилигримам пришлось задержаться на Кипре. Помимо прочего, вожди похода собрались, чтобы определить свою цель. Тамплиеры надеялись, что король двинется в сторону Акры, чтобы оттуда идти на Иерусалим. Но тот решил плыть к Египту, повторив тем самым путь 5-го Крестово-

го похода. Разумеется, это вызвало охлаждение рыцарей орденов к королю и отбытие части из них из состава армии¹⁶⁰.

8-месячное ожидание на Кипре сказалось на крестоносцах чрезвычайно негативно. Армия проводила время в бездействии, разлагавшем ее. Кроме того, войско понемногу таяло: множество просителей, получивших у Людовика IX аудиенцию, уводили с собой небольшие отряды солдат. Те отбыли в Антиохию, Константинополь и даже Киликию, куда их сманили хитрые армянские послы обещаниями невероятных богатств. В ставке короля побывали даже татарские посланники хана *Гуяка* из далекого Мосула, предлагавшего напасть на совместного врага — Багдадского халифа¹⁶¹. Кроме того, закончились денежные средства, которые король собрал для похода¹⁶². Но хуже всего было то, что внезапная эпидемия сильно проредила ряды пилигримов. В короткое время умерло 260 рыцарей, не считая простолудинов. Болезнь настолько запечатлелась в памяти современников и потомков, что никогда более Кипр не будет использоваться в качестве плацдарма для новых операций на Востоке. Остров будет использоваться только для краткой стоянки кораблей, не более того¹⁶³.

Пора было срочно собираться к отплытию. И тогда Людовик Святой письменно уведомил о своем походе Египетского султана, который, впрочем, и так был осведомлен об этой опасности, и предложил тому креститься для разрешения всех конфликтов. Понятное дело, султан отказался. В мае 1249 г. крестоносцы высадились у города Дамьетты в устье Нила, а им навстречу выдвинулся аль-Салих Айюбид со своим войском. Первое столкновение было героическим: король в числе первых спрыгнул за борт корабля и, находясь по грудь в воде, под стрелами сарацин поспешил к берегу. Завязалась отчаянная схватка, в которой успех сопутствовал французам — они отбросили турок от берега; 6 июня 1249 г. крестоносцы вступили в город¹⁶⁴.

Но здесь вождя крестоносного воинства ждал первый неприятный сюрприз: наступил разлив Нила, делавший дальнейший поход на Каир совершенно невозможным. Пришлось оставаться в Демьетте, где бароны проводили время в пиршествах и поединках, а простые воины — в объятиях продажных женщин. Тем временем вокруг города кружили конные разъезды врага. Не ведающие дисциплины, вожди крестоносцев совершали отдельные нападения на сарацин, заканчивающиеся, как правило, трагично. Зато египтяне каждую ночь убивали часовых и поджигали город. Надежда

на пополнение, которое должен был привести брат короля граф де Пуатье, оказалась тщетной. Нет, корабли с новыми крестоносцами прибыли, но налетевшая буря разметала их, и множество рыцарей утонуло в море, не успев сойти на берег¹⁶⁵.

Поняв, что промедление окончательно разложит армию, король по совету брата и некоторых видных военачальников решил направить свое воинство на Вавилон, и 28 ноября 1249 г. выступил из своего лагеря. А буквально за несколько дней до этого скончался султан аль-Салих Айюбид, и новым правителем Египта стал его сын *Туран-шах*. Но пока тот не прибыл из Месопотамии, войсками командовал мамелюк Бейбарс и Факр-ад-Дин. Пока крестоносцы строили дамбу через Нил, чтобы двигаться дальше, стычки между ними и сарацинами не прекращались ни на один день.

В открытых противостояниях успех, как правило, сопутствовал крестоносцам, впереди которых двигались отряды опытных тамплиеров. Но и египтяне действовали чрезвычайно успешно. Более того — они соорудили метательные орудия и снарядами с «греческим огнем» доставляли крестоносцам массу неприятностей. Каждый раз, когда начинался обстрел крестоносного лагеря из турецких орудий, король Людовик Святой поднимался из постели и молил Бога, чтобы Господь сохранил его людей от смерти¹⁶⁶.

21 декабря 1249 г. армия короля добралась до речки Бахр ас-Сагир, являвшейся притоком Нила, и разбила лагерь именно в том месте, где в 1221 г. останавливались крестоносцы под руководством кардинала Пелагия. Армия египтян под командованием Факр-ад-Дина расположилась на противоположном берегу, в 3 км от города аль-Мансуры. Шесть недель противники стояли друг напротив друга, но в феврале какой-то бедуин предал своих товарищей и за большое вознаграждение показал пилигримам брод на другой берег. Эта операция, состоявшаяся 8 февраля 1250 г., стоила им многих жертв: авангард крестоносцев подвергся яростной атаке турок. Очень скоро погибли граф д'Артуа, Рауль де Куси, Уильям, граф Солсбери и более 280 рыцарей-тамплиеров. Еще несколько сотен воинов получили тяжелые ранения. Правда, и сарацины несли тяжелые потери. А в самом начале сражения погиб Факр-ад-Дин: он столкнулся с двумя рыцарями-тамплиерами, и те зарубили его¹⁶⁷.

Войска христиан переправлялись на другой берег и тут же вступали в бой. Но турки сумели прорвать их центр и вклиниться между двумя частями крестоносного воинства. В скором времени в бой вступил уже сам король Людовик Святой со своими рыцарями. На-

конец, сражение, длившееся весь день, завершилось. Город взять пилигримам не удалось, и они отошли в свой лагерь¹⁶⁸.

Но едва наступила ночь, как сарацины внезапно напали на них. Первыми атакам подверглись воины графа Анжуйского, брата короля, к которому тот поспешил на помощь. Затем сражение закипело по всему фронту. К утру египтяне отступили, а крестоносцы праздновали победу, потеряв, правда, вновь множество прекрасных воинов и военачальников. Через 9 дней на поверхность воды стали всплывать трупы убитых при переправе рыцарей и мусульман. Их было такое множество, что король, опасаясь эпидемии, нанял сотню бродяг, которые за деньги взялись захоронить покойников.

В пятницу, 11 февраля 1249 г., мамелюки снова нанесли смелый и неожиданный удар по лагерю крестоносцев. Эти бесстрашные воины, набираемые из числа белых мальчиков-рабов покоренных народов (прообраз будущих *янычар*), наступали настолько дерзко и мощно, что многие пилигримы впоследствии говорили, будто никогда ранее не видели такой смелой атаки. Многие латиняне погибли в этом бою, включая Великого магистра тамплиеров. Однако и сарацины потеряли до 4 тысяч воинов убитыми¹⁶⁹.

А затем в лагерь крестоносцев проник голод — самое страшное оружие. Подвоз продовольствия из Дамьетты был крайне затруднен — повсюду разъезжали конные отряды сарацин, и в крестоносном лагере наступила страшная дороговизна. Как рассказывают современники тех событий, один бык стоил не менее 80 ливров, а баран или свинья — по 30 ливров. Вскоре положение французов стало бедственным — многие воины были ранены, а поправить здоровье им мешало отсутствие пищи. Чтобы избежать гибели, Людовик Святой решил отвести свои войска к Дамьетте, где располагался лагерь герцога Бургундского¹⁷⁰.

Для обеспечения своего отхода Людовик IX попытался договориться с султаном, но Туран-шах, уже прибывший в Египет и принявший командование армией, прекрасно осведомленный об истинном положении дел пилигримов, наотрез отказался от каких-либо переговоров. От безысходности 5 апреля французы и их союзники двинулись в обратный путь в полном окружении врагов. Король находился впереди армии во главе отряда телохранителей. Задача осложнялась тем, что Людовик Святой, и ранее не отличавшийся железным здоровьем, заболел дизентерией. Он едва держался в седле и под конец дня потерял сознание. В довершение всех бед в спешке по чьей-то ошибке забыли уничтожить сооружен-

ный ранее понтонный мост, и теперь сарацины беспрепятственно перешли реку и бросились в погоню за крестоносцами¹⁷¹.

Королю становилось все хуже, раздавались даже голоса, что он не доживет до рассвета следующего дня. И потому пришлось срочно отправлять его в близлежащую деревню, Мунтьян Абу-Абдаллах. А остальная армия оказалась окруженной у деревни Шаримши. Правда, пилигримы отбили все атаки сарацин, но тут некий гонец из числа французских сержантов по имени Марсель, подкупленный султаном, прибыл к латинянам и передал, будто король отдал приказ сложить оружие. Вслед за теми наступила очередь и короля — он оказался в плену вместе со своими товарищами!¹⁷²

Это была позорная, неслыханная ситуация — король Франции оказался в руках у турок. Помимо этого, сарацины захватили весь крестоносный флот, а также несколько десятков тысяч пленных. Не все из них имели счастливую судьбу: заболевших пилигримов египтяне безжалостно убивали на месте, а остальных пешком погнали в аль-Мансуру. Там их партиями по 200—300 человек выводили на базарную площадь и требовали принять ислам; несогласных казнили тут же¹⁷³.

Известия об этой катастрофе не быстро дошли до Европы, где все были убеждены в том, что Людовик IX захватил Египет. Когда первые гонцы прибыли в Париж со скорбными вестями, их сгоряча просто бросили в тюрьму, как распространителей ложных слухов. Но затем все подтвердилось. В отчаянии Римский епископ послал остальным монархам Европы и епископату письмо, в котором содержались следующие строки: «О, обманчивые страны Востока! О, Египет, царство мрака. Неужели ты сулил радостные новости в начале войны только для того, чтобы повергнуть нас в мрачную тьму и самому оставаться похороненным во тьме глубокой ночи?!» Эффект от поражения крестоносцев был таков, что, по словам Матфея Парижского, в городах Италии многие разуверились. Но была и обратная реакция. Английское рыцарство возмутилось бездействием собственного короля. Германский император Фридрих II отправил послов к султану с просьбой освободить Людовика IX. А король Кастилии *Фернандо III Святой* (1230—1252), несмотря на собственную войну с сарацинами, дал клятву отправиться на Восток для отмщения погибшим французским рыцарям¹⁷⁴.

Ввиду бедственного положения супруга королеве Маргарите Прованской пришлось срочно приступать к переговорам о выкупе Людовика Святого, который тем временем находился под арестом

в доме секретаря султана. За свое освобождение и выдачу пленных крестоносцев Людовик обещал сутану вернуть Дамьетту и внести помимо этого еще 500 тыс. ливров. Тот требовал помимо этого Иерусалим, но король отвечал, что Святой город принадлежит не ему, а Конраду, сыну Фридриха II. Наконец, явно насмехаясь над ним, султан обещал вернуть ему 100 тысяч ливров, вполне удовлетворяясь оставшейся суммой. Для вызволения короля из Иерусалима прибыл латинский патриарх, но его участие не ускорило процесс переговоров. Венценосного крестоносца и его спутников держали в безобразных условиях, кормили червивой пищей, и лишь на Пасху разрешили употребить яйца, окрашенные в разные цвета. В один из моментов всем крестоносцам, находившимся рядом с королем, казалось, что их ждет скорая и страшная смерть. Лишь 7 мая 1250 г. король и его товарищи были освобождены¹⁷⁵.

В июне 1250 г. Людовик Святой прибыл в Акру, где был принят как герой. Несмотря на страшные потери и разочарования, он не желал оставлять Крестовый поход, хотя отослал Карла Анжуйского на родину. Все это время благородный монарх употреблял на то, чтобы выкупить из плена оставшихся крестоносцев. В это время к нему прибыли послы от Алеппского и Дамасского эмиров с предложением объединить усилия для войны с Египтом. Король отказался, ссылаясь на свой договор с султаном. Но тут же уведомил того о том, что в случае сохранения в сарацинском плену пленных рыцарей готов поддержать его врагов. Султан немедленно освободил 200 французов. В своих мечтах Людовик Святой рисовал новый Крестовый поход, но этим мечтам не суждено было сбыться.

Испанский король скончался, а его преемник *Альфонсо X* (1252—1284) больше интересовался защитой собственной страны от африканских сарацин, чем далеким Египтом. Французский король активно агитировал на Кипре, Романии и Морее, но, несмотря на его титанические усилия, удалось собрать не более 700 рыцарей, часть которых являлась теми пленниками, которые только что освободились из мусульманского плена. Нищие и раздетые, без средств к существованию, они не могли составить конкуренции сильным мамелюкам. Разумеется, с такой малочисленной и слабой армией не было никакой возможности начинать новую войну¹⁷⁶.

Вплоть до весны 1254 г. король оставался на Востоке, пытаясь собрать новые силы и выискивая союзников, среди которых едва не оказались татары — с ними Людовик состоял в длительной переписке. Наконец, убедившись в бесполезности своих попыток

освободить Иерусалим, король дал приказ готовить корабли к отплытию во Францию. 6-й Крестовый поход завершился...

А что же наш герой? Используя выпавшую ему передышку, Никейский император приложил немало усилий для увеличения благосостояния своих подданных. Оставив себе столько земли, сколько необходимо для обеспечения царского стола, а также содержания немощных и больных из государственной казны — не более, св. Иоанн III раздал остальные имения никейцам. Он приказал делать запасы из урожая каждого года, начал разводить лошадей, коров, овец и свиней и требовал того же от вельмож. Вскоре эти мероприятия обеспечили хороший достаток для всего населения. И когда у турок случился неурожай и его естественное следствие — голод, византийцы по высоким ценам продавали сельджукам продукты питания. Казна государства и частных лиц быстро наполнилась деньгами. Рассказывают, что, продав все яйца, которые снесли его курицы, царь на вырученные деньги купил императрице корону с драгоценными камнями. Ее так и называли — «*яичной короной*».

Кроме того, заботясь о благосостоянии греков, император категорически, под угрозой лишения звания и состояния, запретил никейцам приобретать дорогие иностранные ткани, на покупку которых уходили, как правило, большие деньги. Это был очень тонкий момент, больно ударивший по венецианцам. С одной стороны, Ватац не отказал им в торговых привилегиях, с другой — своим запретом фактически лишил венецианских купцов рынков сбыта дорогих изделий в Никейской империи. Формально они не могли высказать претензии о нарушении торговых договоров, но терпели громадные убытки. Напротив, «пышность у римлян вошла в границы, и богатство потекло из дома в дом же»¹⁷⁷.

Но достаток и завоевания во Фракии и Македонии являлись не главным; впереди у императора св. Иоанна III была высшая цель — Константинополь, ради достижения которой он мог пожертвовать многим. Хотя его дипломатические маневры вызывали ранее законное недовольство Фридриха II Гогенштауфена, Никейский царь регулярно отправлял посольства в Рим. Поразительно, но царь сумел-таки убедить папу Иннокентия IV в том, что единственной помехой воссоединения Западной и Восточной Церквей является не Никейское царство, а *Латинская империя* (!). Правда, потом папа все же «не поверил» в такие умозаключения, но было поздно — в 1251 г. византийцы уже подступили к стенам Константинополя и начали осаду. В ответ Римский епископ направил осажденным

латинянам послание, в котором обещал тем денежную помощь, если те выдержат осаду в течение 1 года.

К этому времени дипломатическая линия Германия — Никея несколько ослабла. Дела сына старого союзника Никеи — *Конрада IV* (1250—1254), сына покойного Фридриха II Гогенштауфена, были уже не очень хороши, к тому же в апреле 1254 г. он скончался. А регент *Манфред* (1232—1266) при малолетнем короле *Конрадине* (1254—1268) уже не имел возможности так стойко противостоять Риму, да и относился к грекам с нескрываемым подозрением¹⁷⁸.

Ситуацию усугубил понтифик, направивший посланников в Венецию для организации нового Крестового похода. Ватац тут же внес необходимые коррективы. Дипломатия царя, который «играл с Римской курией не хуже болгар», была понятна и близка греческому высшему духовенству. В 1253 г. патриарх *Мануил* (1244—1255) направил папе послание, согласованное с царем. В нем он соглашался признать главенство понтифика в Кафолической Церкви, включить его имя в диптихи, присягнуть в повиновении апостолику, признать за папой право председательствовать на Вселенских Соборах и единолично высказываться по догматическим вопросам, если только такие суждения не будут противоречить древним канонам и общеустановленным догматам. Нет сомнений в том, что патриарх и император хорошо поняли друг друга: пусть папа вернет грекам Константинополь, а потом уже будет видно, на какие уступки можно пойти, а на какие — нет.

В 1254 г. царь направил пышное посольство во главе с Арсением Авторианом, будущим Константинопольским патриархом, митрополитами Кизикским и Сардикским, в Рим. Выступая *от имени всей Восточной церкви*, св. Иоанн III соглашался признать примат Римского папы в Кафолической Церкви при условии *немедленного* удаления Латинского императора из Константинополя и передачи ему, Ватацу, древней византийской столицы. А также выдворения всех латинских священников из греческих земель¹⁷⁹. Конечно, Иннокентию IV не могли не понравиться подобные инициативы. Он ответил в том духе, что готов выступить в качестве посредника между св. Иоанном III и Балдуином II, а также обеспечить права Никейского императора по мере того, как тот начнет выполнять свои обещания. Это была большая дипломатическая победа — Римский папа *добровольно* и публично отказался от звания защитника Латинской империи¹⁸⁰.

Как полагают, был даже подготовлен проект договора на этот счет. А примиряющая политика Ватаца привела к тому, что стал

возможным Вселенский Собор, на котором мог бы быть решен вопрос о примирении Церквей. К сожалению, ранняя смерть Римского папы Иннокентия IV оборвала эту перспективу. А затем вмешались иные, трагичные обстоятельства¹⁸¹.

Согласно преданию, окончив дела в Македонии и Фракии, царь распустил войско по домам и возвращался в любимую им Никею. По дороге ему сделалось дурно — очень болела голова; некоторые даже думали, будто у св. Иоанна III открылась эпилепсия. Три дня он был недвижим, и только искусство врачей вернуло его к жизни. *Почти год* болезнь медленно одолевала закаленное тело царя-воина, причиняя ему нестерпимые боли. Наконец, 3 ноября 1254 г. св. Иоанн III Дука Ватац скончался. Похоронили императора в монастыре Спасителя в Созандрах, который они возвели с царицей Ириной близ Нимфеи, где находится резиденция дома Ласкарисов¹⁸².

Результаты многолетнего царствования св. Иоанна III Дуки Ватаца громадны. Прекрасно ориентируясь в тонкостях дипломатических игр, чувствуя нюансы отношений между своими противниками и замечательно используя их, св. Иоанн III уберег Никейскую империю от многих неприятностей. Более того, император разгромил Фессалоникийское царство, смирил болгар, собрал под свое знамя большинство греческих земель — причем наиболее богатых и густонаселенных. Ватац полностью обессилил Латинскую империю, и, как справедливо говорят, просто *случайность*, что он не овладел Константинополем.

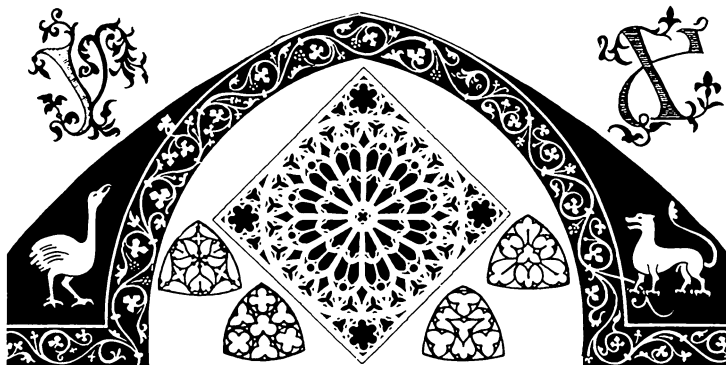
Внутри государства он усмирил аристократию, навел порядок в финансах, причем без возложения на рядовых обывателей дополнительных тягот и налогов. Действительно, царь был несколько подозрителен — объяснимая черта характера для человека, в отношении которого дважды как минимум устраивали заговоры со стороны самых близких товарищей и даже родственников. Но при всем этом св. Иоанн III никого не отправил на эшафот ради подозрений, всегда считая за необходимость устроить публичное судебное разбирательство и дать возможность подсудимому оправдаться.

Это был настоящий самодержец, «народный царь», воля которого являлась безусловной по всем вопросам. Он имел непререкаемый авторитет среди всех слоев населения, но никогда не злоупотреблял своим правом царя творить суд и закон¹⁸³. Как говорили, «мировой столп, который поднял власть ромеев на поднебесную высоту и сделал ее известной всем, покачнулся и разрушился. Упало высокое дерево с широкой кроной, которым осенялись все земли

во вселенной. Погасло славное и светлое солнце, благодаря которому мы избежали камней преткновения, благодаря которому нам был приятен свет и при котором мы достойно совершали путь как днем»¹⁸⁴.

Память о нем долго жила в Византии, и с его личностью в устных преданиях связывались многие чудотворения. Как рассказывают, спустя 50 лет, в 1307 г., когда турки начали наступление на границы воссозданной Византийской империи, местный правитель Атталиоты приказал перенести мощи св. Иоанна III в Магнезию. И, действительно, туркам не удалось взять штурмом этот город, что отнесли к заступничеству и помощи святого императора. «Призрак Ватаца» вносил сумятицу и страх в ряды турок, и позднее, когда город был все же взят, мстительные мусульмане сбросили мощи св. Иоанна III Дуки в овраг¹⁸⁵.





ЛХХ. ИМПЕРАТОР ФЕОДОР II ЛАСКАРИС (1254—1258)

Глава 1. «Певец царской власти» и византийский «просвещенный абсолютизм»

Новый Римский император **Феодор II Ласкарис**, сын св. Иоанна III Дуки Ватаца, вступил на престол в возрасте 33 лет, избранный после смерти отца на общем собрании войска и вельмож и поднятый на щит по старинному обычаю. Интересно, что при жизни Ватац решительно не желал объявлять Феодора II своим соправителем, как это было обыкновенно принято. На это имелись свои причины. Во-первых, обычная неспешность и вдумчивость мудрого царя, во-вторых, более веские соображения. Своим приближенным св. Иоанн III Ватац объяснял, что опасается, как бы после объявления сына соправителем к тому не прильнули молодые повесы, способные сбить царевича с праведного пути. *Смирная* горячего сына — а это качество в Феодоре II отмечали практически все современники, св. Иоанн III Дука не спешил с решением. Однако при этом тайне сделал все для того, чтобы после его смерти Феодор II смог по праву стать новым Никейским императором¹⁸⁶.

Это было особой удачей, настоящим подарком судьбы, что Провидение сжалилось над Византией, послав подряд ей трех замечательных и энергичных государей династии Ласкаридов. Первый Ласкарис создал в Никее национальный центр, который смог не

просто устоять в борьбе с болгарами и латинянами, но и сплотил вокруг себя практических всех греков. Святой Иоанн III Ватац нейтрализовал главные опасности и значительно расширил границы Никейского царства, по праву именуясь уже не Греческим, а *Римским императором*. А его сыну досталась доля укрепить основы самодержавной власти и создать предпосылки для *преображения* Никейской империи. Внешние враги боялись его ничуть не меньше предыдущих императоров. Некий анонимный историк XIII века так писал о нем: «Многие удивляются его несравненной любви к знанию и мудрости, другие — его искусству военачальника и храбрости, которыми он поразил всех своих врагов. И его соседи сельджуки пришли вместе со своим государем на поклон и с дарами. И даже Арабский князь прислал ему ценные дары. Иные, наконец, прославляют его за щедрость и великодушие»¹⁸⁷.

Надо сказать, Феодор II Ласкарис был одним из самых образованных людей своего времени, к тому же неоднократно пробовал себя в богословии и гимнографии. В частности, его перу принадлежит Великий молебный канон Богоматери «Колесницегонителя Фараона погрузи...», вошедший в славянские Октоих и Псалтирь с восследованием¹⁸⁸. Им написано множество тропарей и ирмосов и подобраны музыкальные переливы, трогающие душу всякого верующего христианина. Не случайно весь православный мир до сих пор молится по ним. Любимые слова молитвы царя: «Кому, как не к Тебе, Пречистая, обратиться мне, погрязшему в грехах?», по справедливому замечанию одного историка, могут принадлежать только верующей и пламенной душе, которой, безусловно, обладал Ласкарис¹⁸⁹.

Как отмечал современник Феодора II, он был рожден для того, чтобы стать царем. Хотя по глубокомыслию и благоразумию молодой император явно уступал отцу, зато отличался похвальной быстротой, великодушием и воинственностью. От матери он приобрел необыкновенную душевную щедрость и любовь к наукам, отличаясь высоким стилем и способностью к писательству. Достаточно сказать, что за свой короткий век император оставил большое количество сочинений философского, богословского, политического и риторического характера. Известность получили такие его труды, как трактаты против латинян, обширная работа «Восемь книг христианского богословия» и «Раскрытие космических явлений»¹⁹⁰.

Благодеяния, которыми он одаривал своих подданных, буквально текли рекой, и никто не уходил от него, не получив какого-

нибудь подарка. Ученые и поэты, философы и учителя, нищие и больные — все они становились объектами тщательного внимания со стороны василевса. Пожалуй, единственное, что угнетало самодержца, — слабое здоровье, окончательно расшатанное впоследствии тяготами государственного управления и сознанием высокой личной ответственности царя за судьбу отечества, съедавшей его изнутри. Император слишком близко принимал к сердцу любые неурядицы, отдавая всего себя без остатка для торжества собственных идеалов.

Благочестивый донельзя, как, наверное, уже не было «принято» в Западной Европе, император не пропускал ни одной Литургии, принимая в них самое деятельное участие. Каждый раз, когда нужно было идти на церковную службу в память того или иного святого, царь оставлял все дела и «сам совершал наилучшее служение празднуемому святому», оказывая бесчисленные благодеяния чтецам и клирикам.

Убежденный в том, что пышность императорского двора и лично Римского царя являются неперемненными атрибутами его власти, он не жалел денег на торжества — благо, государственная казна была полна. Вместе с тем «*милостивый царь*», как его звали в народе, был воспитан в строгих правилах и скромности.

Как рассказывают, еще на заре юности его отец заметил на сыне золотую одежду. Остановив Феодора II, св. Иоанн III Дука Ватац скорбно заметил: «Разве ты не знаешь, что эти золотошвейные сирские ткани вытканы из римской крови? И что их надо употребить только тогда, когда через это ты хочешь оказать пользу римлянам? Когда, например, нам представляются иностранные послы, мы, величаясь одеждой, даем знать иностранным дворам о богатстве римлян. Ведь богатство царя почитается богатством его подданных. И употребление его не для этой цели, а для порабощения себе других своих соотечественников достойно клятвенного отрицания. Ты не размышляешь, сколько делаешь вреда, употребляя одежду попусту». Конечно, такие уроки не проходят даром, и с тех пор Ласкарис не давал повода отцу сделать себе замечание¹⁹¹.

Набожный, но *самостоятельный* во всех государственных и церковных делах, он совершенно отодвинул епископат от управления Никейской империей, закрыв тему «восточного папизма» в годы своего царствования. Его финансы были в полном порядке, причем без наложения на греков новых повинностей, и Ласкарис всегда располагал полной казной для реализации собственных замыслов. *Фанат армии*, он мечтал создать *национальные* вооруженные силы

и многое сделал для этого. Но по-прежнему с охотой использовал наемников. Кроме того, царь организовал милиционные части, охранявшие восточные границы от сельджуков и татар. «В некоторых отношениях он возвысился над византийской рутинной еще более своих великих предшественников», — справедливо писал о нем один исследователь¹⁹².

Василевс был настоящим *певцом царской власти*, прекрасно чувствуя свою ответственность перед Богом и людьми. Интересна переписка императора со знаменитым монахом Влеммидом, одним из самых образованных людей современности, в ходе которой раскрылась идея царской власти в редакции Феодора II Ласкариса. Когда Влеммид обвинил Ласкариса в гонениях, устроенных им на аристократов, тот отвечал: «Удел царя — защищать государство от врагов. Нужно выбирать между интересами государства и разумной справедливостью, с одной стороны, и мотивами человеколюбия, с другой. Ты настаиваешь, чтобы царская справедливость уступала неразумным обладателям власти, дарованной им разумно моим родителем. Деятельность его имела целью истинное познание интересов родины и справедливый суд в отношении подданных».

Возражая на упреки в сребролюбии, василевс возражал: «Разве на излишние расходы требуем мы золота? Тратим ли его на охоту, на пиры, на неумеренные попойки, на беспутную невоздержанность или на ненавистные новшества? Какая существует для нас забава или высшее занятие? *Мы во цвете лет состарились душой*. На восходе солнца, проснувшись, мы посвящаем свои заботы солдатам, а когда солнце поднимается — более высокому делу, приему послов. Далее мы делаем смотр войскам, в полдень — рассмотрение текущих дел по гражданскому управлению, и мы едем на лошади разбирать тяжбы лиц, не имеющих доступа внутрь дворцовых ворот. Когда солнце склонится к закату, я исполняю решения склоненных предо мной вельмож и утверждаю представленные приговоры. На закате же, так как душа связана с материей, должен я естественно вкусить пищи, и тогда не переставая говорить о нашем уделе. А когда солнце уйдет за берега океана, мы печемся о делах, касающихся походов и снаряжений. Что праздное мы делаем? За что бранят нас? Мы бодрствуем и благодарим Бога, поставившего нас не по заслугам опекать многих. Вражья сила бушует, и народы ополчаются на нас. А кто поможет нам? Иконийский султан поможет *эллину*? Итальянец особенно неистовствует, болгарин тоже самым очевидным образом, а серб угнетается и унывает — он то наш, то не наш. Только *эллинский народ* сам себе поможет, обходясь собственными

средствами. Решимся ли мы урезать войско или средства на его содержание? В обоих случаях мы лишь поможем врагам»¹⁹³.

Главную задачу царя Ласкарис сформулировал следующим образом: «У меня одна истина, одна цель, одно стремление — всегда собирать Божье стадо и охранять его от враждебных волков»¹⁹⁴. Император Феодор II был необычайно строг при определении обязательных добродетелей и качеств царей. По примеру Платона он считал оптимальным, чтобы над обществом царствовал царь-философ и царь-полководец, но сам же отмечал, что это — идиллия. Как правило, отмечал император, цари находятся в рабстве своих страстей и творят многие несправедливости. Однако когда они подпадают под влияние народа или аристократии, положение дел в государстве становится совсем плачевным. Образцом царя, по мнению Ласкариса, являлись Моисей и Иисус Навин, отличавшиеся богобоязненностью, мужеством, справедливостью и ревностью о судьбе своего народа. В итоге Феодор II Ласкарис полагал, что царь должен стремиться во всем соответствовать Богу, от Которого и получил свою власть¹⁹⁵. Согласимся — высочайшие требования!

Но, к сожалению, в нем присутствовали и дурные качества — Феодор II Ласкарис *немедленно* рубил сплеча, когда, как ему казалось, возникала опасность для императорского достоинства. Кроме того, он иногда бывал надменным и несдержанным по отношению к своим приближенным, и грубым. Как мы вскоре увидим, его решительность, твердость и горячность, помноженные на идейный категоризм, в скором времени породят явления, едва ли украшающие светлый образ царя.

Еще одна немаловажная особенность — Ласкарис, воспитанный на Аристотеле и произведениях классических греческих философов, стал *глашатаем эллинизма*. Не случайно в предыдущем отрывке встретился термин «эллин» и «эллинский» народ. Как отмечают исследователи, у него был исключительный энтузиазм возрождения национальной эллинской культуры. Мы замечаем естественную закономерность: Восточная церковь еще раньше приняла наименование «Греческой церкви», а теперь «римляне» сменились «эллинами». И хотя эти термины еще не стали общепризнанными среди ромеев, но тенденция перехода к ним совершенно очевидна. Почему это произошло? Потому, что в глазах Феодора II, перерождение и обновление Византии должно случиться не под знаменем обезличенного в национальном отношении «ромейства», но исключительно под влиянием античного национального элли-

низма. Император любил греческий язык «более дневного света», распространяя эллинское образование и просвещение самыми разнообразными способами. Римская империя как бы осталась прежней. Но теперь вместо политико-правового понятия «римлянин» основой государственности стала *этническая категория «грек»*. И если ранее «эллин» обозначал язычника, *нехристианина*, то теперь он начал применяться с положительным содержанием как антитеза европейскому бескультурию и «западно-римскому» духу, с которым греки как раз боролись.

Эллинизация совпала с проявлением высочайшего религиозного патриотизма — Православие стало для византийцев смыслом жизни и буквой повседневного закона. В общих чертах этот процесс понятен: в Никею эмигрировало духовенство, спасшееся из Константинополя; здесь создалась богословская и философская академии. «Обращение к старым традициям, сознательно противопоставлявшимся ненавистной латинской культуре, было не только естественным, но и в какой-то мере неизбежным», — справедливо сказал один автор. Возрождение национального самосознания играло виднейшую роль и проявлялось повсеместно: в политическом, культурном и религиозном планах. Никейская империя сознавала себя православной в противоположность *латинскому* Западу. Различие между культурно-политической жизнью и религиозной фактически исчезло. Носителем религиозной идеи стала Восточная Церковь. Именно она сумела сохранить свое монолитное единство в трагический для Византии момент. И борьба с Западом и латинянами была не только национальной и культурной, но в первую очередь *религиозной* задачей.

Неудивительно, что для Ласкариса просвещение стало *национальным проектом*, и при Никейском дворе преклонение перед античным прошлым стало обычным делом, своего рода «правилом хорошего тона». В своем произведении «Похвала мудрости» Феодор II отмечал, что наука делает человека разумным и доводит до Бога. Основа мудрости — боязнь Бога; а, уча добродетели, мудрость сама становится основой добродетели. Лишь тот, кто познает науку до конца, владеет добродетелью, а невежда остается рабом страстей и заблуждений. В другом трактате, «Об общении природных сил», василевс обосновывал тот вывод, что образование для человека то же самое, что форма для материи. Иначе говоря, образование — вторая, высшая природа человеческой личности¹⁹⁶.

При Феодоре II Ласкарисе, как никогда ранее, открылось множество школ и собрался широкий круг ученых мужей, с которыми

император коротал редкие свободные минуты. Он очень любил обсуждать такие вопросы, как организация школьного дела, учебные программы и задачи обучения. В одном из своих писем василевс писал: «Ничто другое так не радует душу садовника, как видеть свой луг в полном цвету. Если же он по красивому и цветущему саду судит о цветении растений, то на основании этого может предположить, что в свое время будет наслаждаться плодами приятности и красоты. Хотя я страшно охвачен страшным недугом из-за предводительских обязанностей, в то время как мой ум отвлекался в разные стороны восстаниями, битвами, противодействиями, сопротивлениями, хитростями, переменами, угрозами, тем не менее, мы никогда не удаляли нашей главной мысли от красоты луга умственного»¹⁹⁷.

При Ласкарисе Римская империя начала утрачивать свои вселенские черты, перерастая в *национальное государство*, сохранявшее, тем не менее, при этом имперские формы и традиции. Наверное, для крепости государственных устоев Никейской империи это было полезно и объективно необходимо. Но для традиционной Римской империи такое положение дел было, конечно, неприемлемо. Оно являлось первым предвестником скорой смерти тысячелетнего римского духа.

Феодор II Ласкарис искренне полагал, что причина крушения Византии в 1204 г. заключалась в забвении национальных основ, растворении титульной нации и размывании национальной эллинской культуры. А также потому, что царская власть была *недостаточно самодержавной*. Теперь эти ошибки нужно было исправлять. Преобразование Римского государства, по мысли императора, мыслимо лишь на основе крупных и широкомасштабных культурных и социально-политических преобразований. Ласкарис мечтал создать «*национальную народную монархию*», а не восстанавливать аристократическую Империю времен Дуков или Ангелов.

А это было далеко не простым делом, если учесть, что в Никейской империи роль провинциальной аристократии, владевшей громадными земельными наделами, была чрезвычайно велика. Феодалные тенденции, проявлявшиеся еще при Ангелах, в силу ослабления государства и царской власти необычайно окрепли. Отдавал себе отчет в опасности такого положения дел еще св. Иоанн III Дука Ватац, делавший ставку на «средних» землевладельцев. Теперь же Феодору II со своей идеей «просвещенного абсолютизма» предстояло довести его дело до логического конца, невзирая на сопротивление никейских феодалов, с которыми он вступил в жесткую конфронтацию¹⁹⁸.

Глава 2. «Мы во цвете лет состарились душой»

После торжественных похорон отца молодой император отправился в Никею, где первым делом озабочился избранием нового «Константинопольского» патриарха. Собралось до 40 архиереев, и возник горячий спор о предстоятеле Восточной церкви. Некоторые предлагали избрать патриархом Влеммида, монаха, известного своей ученостью и твердостью характера — именно он в свое время не допустил царскую пассию в храм, обвинив ее в блуде. Но, как говорят, против него активно высказывались многие епископы. Вероятно, и сам василевс тайне побаивался образованного и *слишком* самостоятельного монаха, предпочитая видеть его в качестве мыслителя, но не высшего церковного иерарха. Когда ситуация зашла в тупик, царь предложил решить вопрос жребием. Брали Евангелие и наугад открывали страницы. Некоторым кандидатам попадались слова «потонули», другим — «им не удастся», наконец, монаху Арсению из обители у Апполониадского озера выпали слова «он и Его ученики». Все посчитали это добрым знаком, и новый «Вселенский патриарх» *Арсений* (1254—1260, 1261—1264) после утверждения Ласкарисом результатов выборов вступил на вдовствующий престол. Нет сомнений в том, что это была креатура царя, поскольку ни образованностью, ни иными заслугами Арсений не мог составлять конкуренции монарху — идеальный типаж патриарха, по мнению Феодора II. За одну неделю Арсений был посвящен в диаконы, пресвитеры и патриархи. И уже на Рождество 1254 г. он венчал Феодора II на царство¹⁹⁹.

Однако василевсу не удалось заняться мирным строительством. Вскоре взбунтовали болгары, посчитавшие, что после смерти страшного для них св. Иоанна III Ватаца им нечего бояться. С ними скооперировался Фессалоникийский правитель Михаил, решивший отложиться от Никеи. Но Феодор II все делал обдуманно, не торопясь. Вначале он пролонгировал договор с турками, и только после этого обратил свой взор на Запад. Ласкарис созвал совет, на который были приглашены его дядья — Михаил и Мануил Ласкарисы, которых царственный племянник только что возвратил из ссылки. Опасаясь неудачи, робкие и нерешительные, они предложили Феодору II не спешить с походом. Напротив, сверстник и близкий товарищ императора Георгий Музалон рекомендовал немедленно отправиться в поход; и оказался прав. Никейское

войско нанесло болгарам под Адрианополем тяжелое поражение, их царь *Михаил II Асень* (1246—1256) бежал, а византийцы попутно захватили Охриду, Родопы и Старую Загору (Веррию).

Не менее эффективно разобрались и с Фессалией. Поняв, что его дело безнадежно, изменник Михаил Фессалоникийский отправил к императору свою жену, которая выпросила дочь царя Марию в жены своему сыну Никифору, а также возвратила Ласкарису все, что ранее было захвачено фессалоникийцами²⁰⁰. Император согласился простить мятежника, но потребовал сверх того Диррахий и Сервию; его условия были, конечно, приняты²⁰¹.

Несмотря на успех византийской армии, некоторые военачальники, недовольные строгой дисциплиной, установленной императором, отказались подчиняться ему — в частности, Стратигопул и Торник, родственники семьи Палеологов. Испугавшись трудностей зимней войны, они отозвали войска и попытались вернуться в Малую Азию. Узнав об этом, император в гневе потребовал от них вернуться туда, откуда пришли, и продолжать войну²⁰².

Пока шли эти странные «маневры», начальник мельникского войска Драгота, этнический болгарин, поднял мятеж и осадил крепость Мельник в Родобах, которую защищали Феодор Нестонг и Иоанн Ангел. Они мужественно сопротивлялись бунтовщикам, но недостаток воды вынудил их в скором времени сдать город. Феодору II Ласкарису пришлось проявить всю свою энергию, чтобы сломить сопротивление восставших и спасти героический гарнизон. В течение всего 10 дней он перевел армию из Адрианополя в Серес и разбил врагов в ночном сражении. Сам Драгота был ранен под копытами коней отступавших солдат и через 3 дня скончался²⁰³. В этот момент царь тяжело заболел какой-то эпидемической болезнью и был вынужден оставаться до полного выздоровления в Водине.

Затем император перешел в Македонию, занял Водену, Велес и Прилеп, но потом едва не погубил все войско, решив зимой штурмовать крепость Чепена в Родобах, господствующую над дорогой из Филиппополя в Македонию. В суровых условиях, почти без продовольствия, сумев удержать армию в порядке, он продолжил военные действия, но потом все же отступил к Стенимаху, а весной повторил попытку. К несчастью, и она оказалась безуспешной. Тогда василевс вернулся в Малую Азию, категорично запретив своим полководцам, которых он оставил в Болгарии, вести без него военные действия.

В Никее царь продолжил политику своего отца, повсеместно вытесняя из государственного управления знатных аристократов и заменяя их верными служаками из простых семей. Знатного протовестиария Алексея Рауля он отстранил от должности и назначил на его место верного Георгия Музалона, даровав любимцу титул протовестиария и женив на девице из семьи Кантакузенов, родственников Палеологов²⁰⁴. Должности *строевых ижемонов* получили такие «выросшие на ячменном хлебе напополам с мякиной» лица, как Мануил Ласкарис и Константин Маргарит. Вскоре Георгий Музалон, которого царь любил больше всех, стал протосевастом, его брат Андроник — великим domestikом, Иоанн Ангел — протостратором, Карионит — протовестиарием. Аристократия была крайне недовольна этими назначениями, но царь проигнорировал ее протесты, из-за чего вскоре открылось настоящее противостояние между царской властью и самыми знатными семьями Никейской империи, лидером которых являлись Палеологи²⁰⁵.

Видимо, в эту минуту сказался горячий нрав Феодора II Ласкариса, не привыкшего спокойно смотреть на *любое* посягательство своей власти, каким бы иллюзорным оно не казалось. Вместе с тем, очевидно также, ему пришлось столкнуться не только с иллюзиями, но и *реальными* поползновениями на прерогативы Римского царя. Получив соответствующие сведения о намечающемся заговоре, император приказал ослепить знатных аристократов — Константина, сына Алексея Стратигопула, Феодора Филеса и некоторых других вельмож²⁰⁶.

Сам Алексей Стратигопул, позднее ставший героем Византии, томился в тюрьме. Рядом с ним ожидал своей смерти будущий Римский император *Михаил Палеолог*. Начальнику царской канцелярии Алиату отрезали язык, а паракимомен Загароммати был пострижен в монахи вместе с Торником, родственником Палеологов. Поскольку семейство Палеологов вызывало особую неприязнь и страх у Феодора II Ласкариса, он однажды под влиянием не самых нравственных мотивов приказал выдать замуж за старика, не способного к супружеской жизни, девицу Феодору, уже обрученную племянницу Михаила Палеолога. Затем ее обвинили в колдовстве и посадили в мешок, полный голодных куниц. В результате девушка приняла страшную смерть²⁰⁷.

Конечно, эти страницы ничуть не славят биографию нашего героя, но вместе с тем едва ли подобные наказания носили *массовый* характер — летописцы не оставили имен каких-либо иных потерпевших лиц. По-видимому, устранялись *отдельные* подо-

зрительные фигуры, хотя и здесь не обошлось без ошибок. Кроме того, все приговоры санкционировал «Вселенский патриарх» Арсений — верное свидетельство тому, что царской власти действительно угрожали, и не раз²⁰⁸.

Внутренние угрозы царской власти сочетались с внешними опасностями Никейскому государству. Весной 1256 г. Болгарский царь Михаил II Асень вторгся во Фракию и разбил Мануила Ласкариса, послушавшегося приказа василевса, причем в плен попали многие видные греческие военачальники. Получив об этом известия, царь за один день сделал переход длиной 400 стадий и прибыл с войском к Болгарофигу (Баба-Эски). Болгары частично были разбиты, частично — побежали в панике, едва увидев императорский штандарт. Болгарский царь немедленно запросил мира и получил его в обмен на крепость Чепены.

Могущество Никейской империи вызывало уже не просто уважение, а *страх*. Римский папа *Александр IV* (1254—1261), озабоченный спасением Латинской империи и заключением соглашения с Феодором II Ласкарисом, направил к нему в 1256 г. своего легата. Тому были даны инструкции согласиться на условия унии, которые ранее предлагал Римскому папе Иннокентию IV император св. Иоанн III Дука Ватац. За это апостолик предлагал свое посредничество между Никейским и Латинским императорами. Более того, обещал папа, если вдруг Балдуин II заупрямится, то он сам готов обеспечить удовлетворение всех требований Никейского императора. Попутно понтифик предлагал вынести вопрос о статусе Восточного патриарха на Вселенский Собор, разрешая вековой спор о полномочиях Константинопольского архиерея и Римского папы и их местах в иерархии священноначалия. Но тут же оговаривался, что *лично* готов признать Арсения Восточным архиереем сразу после взятия греками Константинополя.

Однако теперь Ласкарис мог позволить себе сбросить с лица маску, которую временами надевали его предшественники. Он был абсолютно убежден в том, что и без содействия папы Латинская империя вскоре падет. Единственным союзникам латинянам в Константинополе традиционно считался Французский король. Но как раз в это время король Людовик IX Святой отходил от сарацинского плена и унижений 6-го Крестового похода и ему явно было не до Балдуина II. Кроме того, Никейский царь был прекрасно информирован о том, что все поездки Балдуина II по дворам европейских государей ничего, кроме небольших денежных вспомоществований, ему не приносят.

Предложения понтифика не произвели на Феодора II никакого впечатления. И папского легата просто не пустили в Никею (!), уведомив еще в Македонии о том, что царь не намерен вести с ним переговоры. Затем Ласкарис направил письмо понтифику, в котором категорично отверг идею подчинения Восточной Церкви Риму и предложил подумать о воссоединении Церквей путем *взаимных* уступок и компромиссов. По примеру императора св. Юстиниана I Великого, который являлся для василевса образцом для подражания, Феодор II Ласкарис соглашался созвать Вселенский Собор. Но, конечно, не для обсуждения прерогатив Константинопольского патриарха, а для урегулирования догматических и обрядовых разногласий. И только при условии своего председательства на нем.

«Но обрати внимание и вот на что, священнейший человеце, — пишет император. — Из столь многих бывших Соборов, на которых сходились все архиерейски председательствующие в церквях, ни один Собор не произошел по повелению кого-нибудь из таковых архиереев: ни блаженнейшего папы старейшего Рима, ни патриарха Константинопольского, ни папы Александрийского, ни Иерусалимского, ни иного кого, но все Соборы собирались по царским повелениям. Ибо царь был имеющим власть их созыва, и без царского приказа ничего такого не совершалось. Ведь и издержки делались царем. И созыв и собрание в нужном месте и, еще важнее, то, что когда освященные разногласили о догматах, кто кроме самого царя мог бы отличить глаголющих истину? Ибо он сидел среди них с избранными сенаторами и выдающимися чиновниками, и они выносили суждение, вроде: “Эти говорят истину, а те расположены противно истине”. Случалось, что и царь, причастный образованности, сам по себе познавал того, кто истинствует. Если же царь был не таковой, недостаток восполнялся изрядными мужами из сенаторов. Ибо без такового судии и различителя, который нес силу начальства и был препоясан мощью власти, как возможно было бы одних принимать как мыслящих истину, а других отсылать осужденными как еретичествоющих и истину не догматствующих? Ибо он был царем не более тех, чем этих; царь существует равно для всех и равно всеми и именуется и читится и с равным расположением относится ко всем. Пусть не бояться единойязычия или инойязычия. Царь не угождает в большей степени единойязычным, но он ко всем равен и подобным образом расположен ко всем подчиненным и есть судия истины и отличитель акривии. Ибо некогда еретичествоющих грекоязычных

царь, будучи им единоплемен, осуждал как еретиков и высылал, и иноязычных, исповедующих истину, принимал, и наоборот. Так что и вновь, если необходимо созвать Собор для исследования истины, должно быть так, и царскими указами сойтись в том месте, где он прикажет, так что и средства туда будут собираться, и все необходимое. И царь воссядет посреди, чтобы *по старому тому обыкновению рассуживать говорящих*. Если сие так произойдет, истина, наверное, будет легчайше установлена силой лучшего, и ложь отражена благодатью Духа. Ибо иначе не может произойти исправления мнения»²⁰⁹.

Папа Александр IV не являлся прирожденным дипломатом, а потому, получив *такое* письмо, отказался от дальнейших переговоров. Хотя, очевидно, император был прав и занимал более традиционную, разумную и выверенную позицию²¹⁰.

Помимо традиционных двигателей истории, в это время все активнее проявлял себя новый народ, о котором писалось выше, — татары. С ними связан один малозаметный инцидент из числа тех, которые многое меняют на политической карте мира. Когда Французский король Людовик IX Святой начал 6-й Крестовый поход, к нему на Кипр 14 декабря 1248 г. явилось посольство Татарского хана Хулагу (1217—1265), внука Чингисхана. Послы предложили королю союз против турок, поскольку собирались вторгнуться на земли Багдадского халифата. Но это, так сказать, на текущий момент. А в целом татары поведали перспективы раздела *всего мира* (!) между Французским королем и ханом Хулагу, который являлся *несторианином* по вероисповеданию. Его старшая жена *Докузхатум*, весьма влиятельная женщина, также была христианкой и покровительствовала Церкви. Несторианином являлся и один из самых удачливых полководцев Хулагу — *Найман Кутбука*. Хан передал, что очень надеялся при помощи Людовика IX и в союзе с ним обратить в христианство *всех татар* (!).

Это необычное положение дел было обусловлено тем, что некогда гонимые официальными властями Византии несториане устремились на Восток, в земли, где еще не восторжествовал ислам. Монголы и подчиненные им тюркские народы, все еще пребывавшие в язычестве, оказались чрезвычайно податливыми влиянию несторианских миссионеров. Как выяснилось при общении с послами, среди татарской знати было много христиан, в становищах отстроены храмы, звонили колокола, стояли кресты. Причем среди татар оказались не только несториане, но и ортодоксальные хри-

стиане, число которых быстро пополнялось за счет захваченных русских пленных, перешедших на татарскую службу.

Принадлежность к христианству становилась фактором, решающим самые сложные политические вопросы. В частности, король Киликийской Армении *Хетум I* (1226—1270) направил в том же 1248 г. к хану послом своего брата, заключил союзный договор и был освобожден от всех податей и дани. В скором времени союзниками татар стали христиане Ближнего Востока, ассирийцы и греки, видевшие в них своих освободителей, а также князь Антиохии *Боемунд VI* (1251—1275)²¹¹.

Между Римским престолом и татарами также завязалась активная переписка. Папского посла Татарский хан спросил, кто является властителем Западного мира, и получил ответ: Римский епископ и император. Разумеется, с точки зрения татарина, второй был явно лишним. Поэтому он отправил апостолику обратное письмо, в котором величал себя «крепостью Божьей», «повелителем всех людей», а папе оставил титул «великий». Он подтвердил свое желание заключить мирный договор с Западом при условии, что папа и король придут к нему в ставку. Помимо прочего, это подразумевало закамуфлированную просьбу о принятии татар под папский омофор²¹².

Чтобы не пасть под татарскими ударами, в 1253 г. Трапезундский император *Мануил I Великий Комнин* (1238—1263) обратился к Французскому королю с предложением сочетать их детей браком для организации военного союза.

Замечательно, что в 1253 г. хан Хулагу организует так называемый «Желтый Крестовый поход», направленный против исмаилитов-низаритов (или ассасинов) и Багдада. Он завершился полной победой татар, подчинивших себе ассасинов и взявших в 1258 г. Багдад, халиф которого *аль-Мустасим* (1213—1258) самонадеянно отказался подчиниться татарам. Город был разрушен, население умерщвлено и пленено, включая самого халифа, и только христиане вместе с евреями не претерпели никаких лишений. А в сентябре 1259 г. хан Хулагу опустошит Сирию. В ходе войны местные христиане примкнули к татарам и вместе с ними начнут громить мусульман²¹³.

В этом же году три сына погибшего Иконийского султана Кей-Хосрова II *Кылыч Аслан IV*, *Кей-Кубад II* и *Кей-Кавус II* явятся к хану Хулагу и получат от него ханские ярлыки на правление уделами.

Если бы Французский король отдавал себе отчет о грядущих перспективах, он не стал бы легкомысленно относиться к пред-

ложению Хулагу. К сожалению, король не видел будущего у этого союза, ответил неопределенно и всего лишь направил к Великому хану обратное посольство, подарив тому чаши, литургические украшения и шатер в виде часовни, изготовленный из тонкой ткани. Два года длилось путешествие французов в Татарию, но прием, оказанный им, не устроил их, и они вернулись обратно без результата. Все это привело к тому, что вскоре Египетский султан Бейбарс, аккумулировав все силы мусульманского мира, сумеет не только отбить татарское нашествие, но и захватит последние остатки христианских владений в Сирии и Палестине. *Ислам был спасен*, а возможность христианизации татар прошла мимо²¹⁴.

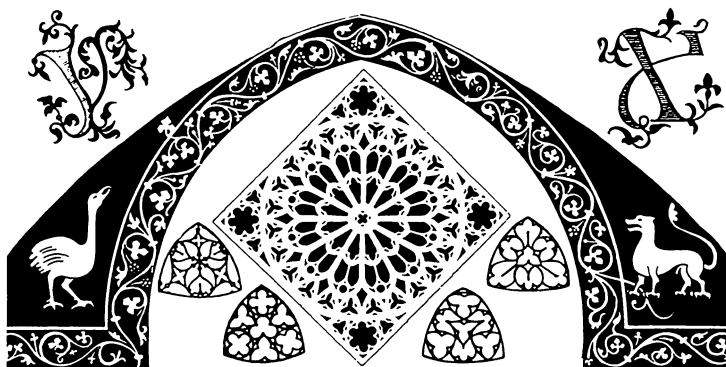
В таких условиях Феодору II нужно было сохранять предельную осторожность в отношениях с соседями, чтобы не поссориться с могущественными татарами и сохранить в целостности свои владения. Разделенный между братьями Иконийский султанат недолго оставался в состоянии мира. Кылыч-Аслан IV активно интриговал против брата, обвинил того *в переходе в христианство (!)*, а Кей-Кубад II погиб в 1257 г. при невыясненных обстоятельствах. Кей-Кавус II попытался начать тайные переговоры с султаном Египта о совместных действиях против брата и татар, но его переписка стала известной, и он бежал в Никею²¹⁵.

Связанный договором, заключенным еще его отцом, Феодор II выделил сельджуку 400 всадников, не могущих играть никакой роли в предстоящих баталиях, и отказался *открыто* вмешиваться в отношения турок с татарами. В свою очередь, чтобы у татар создалось превратное, преувеличенно-опасное впечатление о его стране, он приказал вести их посольство, вскоре прибывшее к нему, самыми трудными горными дорогами. Когда те наконец прибыли к дворцу, их встретили многочисленные отряды византийских воинов, закованных в броню. Татары подумали и решили заключить мир. Никейская империя была спасена от татарского нашествия²¹⁶.

Но здоровье царя оказалось подорванным тяжелой борьбой и внезапно открывшейся болезнью. Ласкарис резко похудел, и никто из врачей не мог ему помочь. Лицо его стало багрово-красным, и он, теряя сознание, нередко падал наземь без чувств²¹⁷. Феодор II умирал очень тяжело, прекрасно понимая, что Палеологи не забудут и не простят ему тех обид, которые он им нанес. И наверняка захотят сполна расплатиться с 8-летним **Иоанном IV Ласкарисом** — единственным отпрыском мужского рода в импе-

раторской семье, ставшим новым Римским царем. Со слабой надеждой он назначил регентом своего верного Георгия Музалона, ненавистного аристократии всей Никейской империи, первого министра двора²¹⁸.

Как рассказывают, перед смертью император принял вначале малую, а потом *великую схиму*. Призвав архиепископа Митиленского, он исповедался у него, прерывая слова криками: «Оставил я тебя, Христе мой!», и 16 августа 1258 г. скончался в Магнезии на Ерме. Похоронили Феодора II Ласкариса вместе с отцом в монастыре Спасителя в Созандрах²¹⁹.



ЛХХІ. ИМПЕРАТОР ИОАНН ІV ЛАСКАРИС (1258—1261)

Глава 1. Страсти вокруг царственного агнца и «конституционная монархия» Палеолога

Царствование нового императора, краткое, но содержательное, примечательно тем, что *ни одного* активного и волевого действия со стороны царя по причине его малолетства не произошло. Юный Ласкарис был и оставался *царственным агнцем*, влекомый судьбой и человеческими страстями по волнам истории. Весь его удел состоял в том, чтобы прикрыть своим статусом стремительное возвышение другого человека, настоящего спасителя Византии, одного из ее главных и, увы, не оцененных героев, худая молва о котором исказила истину. Но, поскольку в течение нескольких лет Римская держава официально находилась под главенством этого мальчика, мы не станем нарушать традицию и доведем повествование о его правлении до последнего дня.

У покойного императора Феодора II Ласкариса осталось после смерти пятеро детей — четыре дочери и мальчик **Иоанн IV Ласкарис**. Двух дочерей он успел выдать замуж — одну за этолийца Никифора, вторую — за будущего Болгарского царя *Константина I Тиха* (1257—1277). Две другие, выражаясь словами современника, «были обречены на иго сиротства». В последние дни своей жизни Феодор II Ласкарис позаботился о том, чтобы хоть как-то закрепить

права сына на царство и обезопасить его. Он составил письменный договор об опекунстве с Георгием Музалоном и патриархом Арсением, скрепленный письменными клятвами всех знатных лиц Римской империи. Интересно, что клятвы давались дважды: первый раз перед смертью царя, второй раз — сразу после его кончины.

Но, как известно, греки были не особенно шепетильны в таких вопросах, и уже вскоре многие аристократы начали возмущаться по поводу *незаслуженного*, с их точки зрения, возвышения Георгия Музалона. Нет, конечно, никто не собирался оспаривать прав малолетнего царя Иоанна IV, но это вовсе не означало, что все были согласны с кандидатурой его опекуна. Вспоминали, что Музалон не принадлежал к знатному роду, что именно он часто указывал покойному императору на кандидатуры аристократов, недовольных властью Ласкариса, и те вскоре оказывались в тюрьме. Кроме того, некоторые напрямую подозревали Музалона в стремлении присвоить себе царскую власть, пользуясь малолетством наследника престола.

Музалон, однако, всегда отличался проницательностью, а потому поспешил созвать совет, на котором предложил выбрать достойного человека, которому был бы готов передать опекунство над юным императором. С ответной речью выступил Михаил Палеолог, счастливо спасшийся от неминуемой гибели вследствие смерти Феодора II и освобожденный из темницы. Он заявил, что никто не в состоянии найти лучшего опекуна мальчику-царю, чем это сделал покойный государь: «Ведь ты и по достоинствам выше других, и по уму, в котором нет недостатка, над всеми первенствуешь. Итак, властвуй, пекись и о царе, и о делах Римской империи. Мы с удовольствием последуем за тобой, ибо не всем же начальствовать, не всем повелевать — *многоначалие есть безначалие*». Закончив, Палеолог окинул взором зал, стараясь увидеть не согласных с его мнением. Таковых не нашлось — напротив, все присутствующие в третий раз подтвердили слова присяги и собственные клятвы, и каждый призывал Небесные кары на свой род, если нарушит их. Успокоившийся Музалон направился в Магнезию, пригород Никеи, где располагался царский дворец, и начал заниматься обычными государственными делами²²⁰.

Но эта счастливая картина длилась недолго. Когда на 9 день после кончины императора Феодора II Ласкариса военачальники и вельможи собрались в монастыре Спасителя в Созандрах, где находился прах царя, в храм, где совершалась поминальная служба, внезапно ворвались солдаты с обнаженными мечами. Они

вошли в Святой алтарь, где несчастный опекун искал спасения, и изрубили в буквальном смысле слова *на куски* Георгия Музалона, двух его братьев и секретаря, которого ошибочно приняли за другого человека. Как рассказывают, этими солдатами были наемники-латиняне, а убил Музалона некто Карл, осмелившийся войти в Святой алтарь и совершить в нем святотатство — ни один византиец на это, конечно, не рискнул. Ошалевший народ толпами повалил из храма, по полу которого и стенам обильно текла кровь²²¹.

Прошло несколько дней, патриарх Арсений долго и безрезультатно размышлял над тем, кому можно было бы порекомендовать управление государством вместо погибшего Музалона. Ситуация складывалась очень непростая: при мальчике-царе находилось много представителей знатных фамилий, каждый из которых начинал осторожно заводить разговоры о своей персоне, как потенциальном опекуне Иоанна IV. Здесь были Кантакузены, Стратигопулы, Ласкарисы, Ангелы, Нестонги, Тарханиоты, Филантропины, и каждый из них имел родственные связи с прежними царями и нынешним императором.

Но один человек, очевидно, имел некоторые преимущества — Михаил Палеолог. Отличаясь приятной наружностью, веселым характером, щедростью, неоднократно отличившийся на полях сражений, он слыл кумиром аристократов и простых никейцев. А также являлся неформальной главой аристократической партии, с которой Феодор II Ласкарис так долго и жестоко воевал. Михаил происходил из царского рода — его бабушка приходилась дочерью Алексею III Ангелу и впоследствии была выдана замуж за Алексея Палеолога, получившего почти царственный титул *деснота*. Авторитет Михаила Палеолога был таков, что сам патриарх Арсений доверил ему ключи от царской казны и делился своими тайными мыслями о грядущих судьбах Римского царства²²².

Являясь сам по себе обеспеченным человеком, Палеолог теперь получил возможность использовать еще и средства казны для собственных целей, щедро подкупая клириков из числа ближайшего окружения патриарха и вельмож. И когда на тайных совещаниях вновь и вновь вставал вопрос о кандидатуре будущего опекуна, с уст епископов и монахов все чаще стало срывать имя Михаила Палеолога. Так и решили, а патриарх утвердил результаты общего избрания.

Здесь возникла интересная сцена: узнав о принятом решении, Михаил Палеолог неожиданно заупрямился и отказался прини-

мать в свои руки бразды правления Римским государством, ссылаясь на клятву, которую он дал покойному Феодору II Ласкарису. Палеолог был совсем не глуп и думал не только о сиюминутных благах, но и дальних перспективах. Уже тогда он *втайне* замышлял покуситься на царскую власть, а потому хотел обеспечить легитимные основы своего будущего царства. Естественно, эти мысли не высказывались вслух, и все выглядело как действительное нежелание со стороны Михаила Палеолога идти на клятвопреступление. Делать нечего, патриарх и синод составили письменный акт о том, что Палеолог освобождается от клятвы, и не только не даст ответа на Страшном Суде Христовом, но и, напротив, заслужит особую благодать Божью за то, что стал спасителем «христоименитого народа»²²³.

Но тут же возникло еще одно обстоятельство — *титул* опекуна. Византийцы всегда были щепетильны в вопросах формы, и сан опекуна, становившегося по факту третьим человеком в Римской империи (после самого царя и патриарха), имел далеко не мало-важное значение. Изначально предполагалось, что Палеолог получит титул *великого дукса*, но это означало, что, по византийской «табели о рангах», между ним и юным императором будут находиться «*промежуточные*» фигуры, обладавшие большими полномочиями. В таком случае положение опекуна не отличалось бы устойчивостью. А Михаил вполне резонно заметил как-то, почти вскользь, что его нынешний сан малопригоден для той высокой миссии, которую он на себя взял. Чтобы по праву слыть вторым после царя человеком в государственном управлении, ему нужен был сан *деспота*. Вновь собрали совет, на котором присутствовал синклит и синод. Опять началось обсуждение вопроса, причем, как можно легко понять, Палеолог заранее проговорил со своими сторонниками данную тему и вполне определенно мог рассчитывать на то, что его поддержат.

«Для чего бы Палеолог стал ежедневно беспокоиваться заботами и питать в себе столь сильный страх, если бы, принимая под свою опеку такой народ, не имел в виду своей пользы? — риторически вопрошали многие архиереи. — Опекуну царя позволительно уже величаться деспотом. Через это он сохранит чувство любви к тому, кто самым своим рождением назначен царствовать, и воздаст ему благодарность за свое достоинство. Что странного носить титул деспота тому, чей дед по матери, деспотствуя, совершил важнейшие подвиги против итальянцев? Разве мы не знаем, как чтит он Бога, как ревнует о добре, как сильно любит монахов

и все церковное? Хорошо, если бы опекун царя, помимо чести быть отцом царя, был почтен и другими достоинствами».

Епископам возражали некоторые аристократы, замечая, что живы царственные дочери Ласкариса, и каждая из них после замужества может почтить царскими титулами своих избранников-мужей. В таком случае деспот Палеолог, если, конечно, он получит желанный титул, станет невольной помехой будущим царям. В этой аргументации вслух не произносилось, что при описываемой гипотетической ситуации Палеолог сам может когда-нибудь заявить права на царство, но все понимали, о чем идет речь.

Им оппонировали давний друг Палеолога Алексей Стратигопул и представители семьи Торникиев: «Не для одного ребенка все эти хлопоты о такой Империи и о таких делах. Мы должны подумать о правительстве, чтобы самим спастись. Разве неизвестно, в каком бедственном положении находится сейчас Римская империя? У нас верность престолу почитается, конечно, делом хорошим. Но если нет спасения — верность становится напрасной. Какой вред царству, если к его попечителю присоединено будет самое достоинство? Мы бы удивились, если бы кто вздумал управлять Римской империей как-нибудь иначе, а не монархически»²²⁴. Иначе говоря, сторонники Палеолога полагали, что деспотство Михаила укрепит царскую власть юного Иоанна IV Ласкариса, а только в ней — залог безопасности и процветания Византии. Наконец, как и ожидал опекун, его сторонники взяли верх, а голоса их противников смолкли.

Поняв, что это — практически единодушное мнение епископата и синклита, патриарх Арсений утвердил данное решение и ввел Палеолога на высшую (после царя, конечно) ступень в византийской иерархии, объявив того деспотом²²⁵.

И, как оказалось, это назначение состоялось очень вовремя. Внешнее положение Никейского царства, окруженного врагами, оставалось очень сложным, и только человек сильной власти, человек характерный, способный сконцентрировать все силы Римского государства для отражения очередной агрессии, мог справиться со сложившейся ситуацией. В частности, узнав о смерти Феодора II Ласкариса, правитель Этолии и Эпира *Михаил II Ангел*, чей сын Никифор был женат на царской дочери Марии, решил заявить собственные права на Римское царство. Вскоре к нему подоспели союзники, преследовавшие, однако, свои цели в грядущем походе Михаила за царскую власть: король *Манфред Сицилийский* (1258—1266) и герцог Ахейский и Пелопоннесский *Гийом II Виллардуэн*

(1246—1278). Сообща они собрали громадное войско и летом 1259 г. начали поход. Получив сообщения о продвижении латинян и эпископов, Михаил Палеолог не стал медлить, направив навстречу врагам своих братьев севастократора Иоанна и кесаря Константина вместе с великим domestiком Алексеем Стратигопулом и великим примиком Константином Торникием с большим войском. Интересно, что помимо национальных греческих отрядов в армии византийцев насчитывалось много половцев, славян и турок²²⁶. Ускоренным маршем полководцы переправились через Геллеспонт, присоединяя к себе по дороге все римские гарнизоны и части. Наконец, на равнине Авлона, в Македонии, противники встретились.

Соотношение сил было не в пользу никейцев, а потому они пошли на хитрость, воспользовавшись тем обстоятельством, что все три союзника принадлежали к разным национальным группам, и их разъединяло гораздо большее, чем соединяло. Ночью перед битвой какой-то человек из византийского лагеря пробрался к правителю Эпира Михаилу II и поведал тому, что якобы герцог Ахайи и Сицилийский король тайно направили своих послов в византийский лагерь для переговоров. А потому, пока условия соглашения с ними до конца не определены, следует поспешать и спастись бегством. Михаил повелся на эту уловку и побежал, увлекая за собой свое войско. Проснувшиеся сицилийцы и латиняне не могли ничего понять, поутру обнаружив отсутствие союзника. И в это время началась атака византийской армии, закончившаяся полным поражением противника; сам герцог Ахайи попал в плен к грекам. Победа была полная и яркая²²⁷.

После такого события Михаилу Палеологу не стоило особого труда провести комбинацию, вследствие которой аристократы подняли вопрос о *царском достоинстве* опекуна-деспота. Казалось бы, никаких оснований даже поднимать такой вопрос не было. Он не приходился ему родственником и не был назначен покойным Ласкарисом в соправители Никейской империи. Однако здесь Палеологу невольно помогли представители аристократической партии, поставившие довольно неожиданный для византийского правосознания общий вопрос о легитимности *наследственной монархии*.

«Есть причины опасаться, — говорили друг другу некоторые высокие сановники, — что рожденный на престоле, имея нужду в очищении себя и образовании для хорошего царствования, будет особенно нечист. Потому что в царском дворце сопровождает его роскошь и нега, беседует с ним лесть, закрывается от него истина,

и самое дурное подделывается для него под самое хорошее». И далее: «Наилучшее царствование есть не наследственное, которое получить, по скользкому жребию судьбы, может иногда человек недостойный. И не родовое, которое часто предвосхищается людьми развратными и самыми дурными, каким хороший правитель не захотел бы дать место и в ряду своих подданных — но то, какое предоставляется правительственному лицу испытанной и высокой доблести». Иными словами, царь должен быть *избран* из числа аристократов правительством Римской империи. Идеологам такой философии активно поддакивал Палеолог, заявивший в качестве примера, что, если, к примеру, его сын будет признан недостойным царствования, он своими руками устранил его с престола²²⁸. Это было смелое заявление: по существу, Михаил солидаризовался с олигархами, посчитав не вполне легитимной власть юного императора Иоанна IV Ласкариса.

Данное обстоятельство в корне меняло дело: если все решили, что «правильный» царь тот, кто избран аристократией, то соответственно Михаил Палеолог мог стать и *выбранным* Римским царем, не имея для своих амбиций никаких привычных обоснований. То, что наряду с ним будет продолжаться царствование Иоанна IV Ласкариса, пока никого не смутило и не удивило. Сановники решили: пусть *пока* в Империи будут два царя — один избранный, второй — наследственный. А там будет видно... Соломоново решение! Похоже, что они готовы были бы совершенно устранить Иоанна IV: физическим путем или посредством отобрания у ребенка царской власти — это имело второстепенное значение.

Пожалуй, если и можно говорить о *нике олигархизма* в истории Римской империи, так применительно к данному периоду времени. Ни до, ни после никто не дерзал и не осмелился более заменять Божественную основу царской власти выборными началами в стиле самых слабых монархий Западной Европы. Примечательно, что обсуждался этот вопрос без синклита и патриарха, тайно, в узком кругу самых обеспеченных лиц Римской империи, которым уже давно надоело жить по принципам, установленным патристическими Ласкаридами, в условиях жесткой дисциплины и абсолютной власти императора.

По требованию вельмож Палеолог клятвенно пообещал безусловное выполнение неких обязательств. В частности, никогда не вторгаться в дела Церкви и не претендовать на главенство в церковном управлении — аристократы заранее решили смягчить легко ожидаемую негативную реакцию патриарха Арсения путем

наделения его дополнительными гарантиями неприкосновенности духовной власти. Затем назначать на высшие должности не родственников или знакомых, а лишь людей, опытом и знаниями доказавших свои способности. Из аристократов, конечно, и по совету с наиболее знатными людьми Империи. Будущий царь обещал также строго следить за законностью, чтобы ничьи права не нарушались. Палеолог клялся и в том, что не будет никого сажать в тюрьмы по доносам — только по суду. Отменялись судебные поединки и испытание железом, широко введенное в практику императором Феодором II Ласкарисом. За военачальниками сохранялись старые привилегии и поместья, в целом армия должна была сохранить то положение и содержание, какие имело при предыдущем царе. Наконец, Палеолог обещал поддерживать науку и сохранить жалованье ученым²²⁹. Конечно, это была самая настоящая «конституционная монархия» — дело невиданное в истории Римской империи. И, конечно, нежизнеспособное — по крайней мере, как вскоре выяснится, сам Михаил Палеолог принимал эти условия только в качестве тактического хода, вовсе не собираясь выполнять их, когда власть достанется ему в руки. Но в целом дело было сделано. 1 января 1260 г. в Магнезии его подняли на щит и провозгласили Римским императором, соправителем Иоанна IV Ласкариса, **Михаилом VIII Палеологом**.

Патриарх Арсений в те дни находился в Никее и был поражен неожиданной вестью. Первым его порывом было предать анафеме и Палеолога, и тех, кто провозгласил Михаила царем. Но, подумав, архиерей счел за лучшее связать Михаила VIII клятвами и сохранить за ним власть для блага Римского государства. Вскоре патриарх Арсений сделал то, чего так не хотел, — со священного амвона провозгласил Михаила VIII Палеолога Римским царем и украсил его голову императорской диадемой. Правда, он тут же оговорился в присутствии синклита и народа, что Палеолог обладает царской властью только *на время*, до совершеннолетия Иоанна IV Ласкариса, — важное уточнение, едва ли предусмотренное «реформаторами». Михаил VIII легко дал требуемое согласие, закрепив его словами клятвы, произнесенной публично²³⁰.

Правда, в свою очередь и Палеолог потребовал клятв и письменной присяги от Иоанна IV в том, что тот не задумает никакого заговора против своего соправителя. Наверняка это была *сцена*, должная судить вовне о якобы чистых намерениях Михаила VIII. С другой стороны, встречные клятвы маленького царя явились бесспорным подтверждением в глазах всех греков в том, что, при

всей неординарности возникшей ситуации, Иоанн IV Ласкарис сам также признал легитимность «выборного» царя²³¹.

Глава 2. Возвращение Константинополя. Конец династии Ласкаридов

Но, конечно, Палеолог вовсе не собирался выполнять слова присяги, прекрасно понимая всю шаткость своего положения. Если не сам Иоанн IV, когда подрастет, так какой-нибудь другой соискатель царского сана мог бы со временем сместить Михаила VIII. В конце концов, монархия стала «выборной», и где гарантии, что не изберут Римским царем другого? Поэтому Палеолог начал деятельно создавать положительное общественное мнение о себе и формировать группу союзников.

Первым делом он наградил полководцев, участвовавших в последнем сражении, почетными титулами и званиями. Севастократор Иоанн получил сан деспота, великий доместик — кесаря, а кесарь Константин, брат царя, — севастократора. Одновременно с этим под различными предлогами Михаил VIII освободил от должностей лиц, близких к семейству Ласкаридов, а самого близкого им человека, протовестиария Карианита, посадил в темницу по надуманному обвинению в государственной измене²³². Все лица, ранее сосланные Феодором II Ласкарисом или посаженные в темницу, получили полную реабилитацию. Кроме этого, Палеолог начал деятельно женить своих родственников на представителях самых знатных и влиятельных семей Византии, быстро создав «группу поддержки», заинтересованную в стабильности его власти²³³.

Наступил день коронации, и патриарх Арсений впервые жестоко разочаровался в своем простодушии. Накануне, когда вся церемония была уже проговорена и утверждена, Михаил VIII внезапно заявил некоторым архиереям, что негоже мальчику шествовать впереди взрослого мужа, прославленного на полях сражений и в мирной деятельности. Епископы согласились и пообещали убедить в необходимости корректировки торжественной процедуры патриарха Арсения. Но в действительности «Вселенский патриарх» узнал об этом только в самый день коронации.

Естественно, он возмутился, но, как выяснилось, его поддерживали только епископы Андроник Сардский, Мануил Фессалонийский и Дисипат. Остальные архиереи были целиком на стороне Михаила VIII. Возникла непредвиденная заминка; день проходил,

но никакого решения не принималось. Наконец, окружавшие патриарха сановники и архиереи буквально *заставили* его начать церемонию. Палеолог шел первым с венцом на голове, а Иоанн IV Ласкарис, накрытый всего лишь священным покровом, но без императорской диадемы, шествовал сзади²³⁴. Фактически это означало, что венчан на царство был один Палеолог — было от чего прийти в отчаяние патриарху. Отметим также, что первоначально Михаил Палеолог задумывал повести вместе с собой крошечного сына Андроника Палеолога как будущего соправителя Римской империи. Но затем передумал, опасаясь вспышки гнева со стороны аристократической партии, не желавшей восстанавливать монархические начала в их истинной редакции.

Вскоре в Никею прибыли послы от Латинского императора Балдуина II, потребовавшего вернуть ему Фессалию. Спокойно, но твердо, как человек, чувствующий силу, Палеолог ответил в том духе, что это — земля его предков, которые правили в ней, а потому передавать Фессалию латинянам он не намерен. Тогда латинские послы начали требовать уступки других территорий, но Михаил VIII неизменно находил удачный повод, чтобы отказать им. Латинские послы уехали ни с чем.

Надо сказать, Палеолог деятельно подтверждал свои права на власть, щедрой рукой раздавая деньги византийцам из государственной казны и быстро восстанавливая старые крепости и города. Вскоре он стал чрезвычайно популярным в народе. Победа над епирцами, латинянами и сицилийцами открыла византийцам новые возможности: за освобождение из плена герцог Ахайи отдал Никейской империи три лучших города — Спарту в Лакедемонии, Монемавасию и Мену у Левктров, а также принес оммаж Михаилу как ленник. Палеолог отправил правителем этих городов брата Константина, наделив того широкими полномочиями, и уже вскоре севастократор отвоевал у пелопоннесских латинян множество новых греческих городов, одержав блестящие победы. Эти события также легли в «копилку» популярности Михаила VIII.

Активность Михаила VIII Палеолога не укрылась от патриарха, и буквально в считанные месяцы между ними произошел конфликт, завершившийся освобождением «Вселенского архиерея» от кафедры и *добровольным* удалением на покой в Магнезию. Официально был запущен слух о том, что якобы патриарх Арсений дерзко вел себя с малолетним Иоанном IV Ласкарисом, — версия, в правдоподобие которой совершенно не верится. Этот демарш не входил в планы Палеолога: патриарха нельзя было снять по реше-

нию синода, поскольку тот ни в чем не провинился перед Православием и царской властью, но и возвращаться Арсений не желал. Михаил VIII был потрясен, синод боялся царя, но никак не мог ни вернуть патриарха на кафедру, ни избрать нового. Наконец вместо Арсения на патриаршество был возведен Эфесский митрополит *Никифор* (1260)²³⁵.

К сожалению, новый предстоятель Византии решил за благо для себя опорочить предшественника, активно распространяя мнение, будто тот получил патриарший сан в противоречии с канонами, поскольку всего за неделю прошел все степени посвящения. На самом деле, Никифору должно было знать, что эта практика не являлась чем-то из ряда вон выходящим в старые времена, и многие светильники Православия из числа Константинопольских архиереев стали патриархами именно таким способом²³⁶. Впрочем, правил Церковью Никифор всего 1 год, затем почил в Бозе, а вместе с ним и почти все епископы, которые подстроили изменение протокола венчания царей на царство. Византийцы справедливо посчитали, что свершился Божий суд над клятвопреступниками и клеветником.

Единственным выходом из случившегося кризиса власти были внешние успехи, позволяющие Палеологу завоевать симпатии населения. В 1260 г. Михаил VIII Палеолог переправился с войском во Фракию и осадил Константинополь со стороны крепости Галата, надеясь, что после овладения ею древняя столица Византии непременно падет. Однако осада не задалась — латиняне крепко сидели в Константинополе, хотя и терпели муки голода. Из-за отсутствия топлива французы пустили на растопку множество прекрасных зданий, но держали оборону.

Приказав войску возвращаться в Никею, Палеолог приказал оставшимся маневренным отрядам кавалерии производить постоянные набеги на латинян и оккупировать все близлежащие городки, чтобы Константинополь продолжал оставаться в кольце. Но, конечно, это была *мнимая* блокада, с которой французы разделались без особого труда. Примечательно, что при отступлении греков в пригороде Константинополя были случайно обнаружены останки императора Василия II Болгаробойцы, ранее выброшенные латинянами из царской гробницы. Узнав об этом, Палеолог тут же распорядился прислать парчовые покровы и предать прах торжественному погребению. Император Василий II нашел покой в монастыре Христа Спасителя в Силивкii²³⁷.

Возвращение Палеолога случилось вовремя, поскольку с Востока поступили вести, что татары, перейдя через Евфрат, вторглись

в Сирию, Аравию и Палестину. На следующий год они повторили нападение, дойдя до Каппадокии и Киликии и завладев Иконией, столицей Иконийского султаната. Султан явился к Михаилу Палеологу и напомнил о том, как некогда он приютил его у себя, когда Феодор II Ласкарис устроил настоящую охоту на слишком властолюбивого аристократа. Но Палеолог, как человек сугубо прагматичный, не пожелал удовлетворять его просьбы: или дать войско для войны с татарами, либо предоставить султану область римской земли в правление. Однако и лишать султана надежды не хотел, тонко уходя от прямых ответов²³⁸. В общем, благодаря его тонкой дипломатии, грекам в очередной раз удалось уйти в сторону от потенциального конфликта с татарами.

Решив проблемы на Востоке, Михаил VIII поставил перед собой *задачу максимум*: любым способом овладеть Константинополем и разрушить ненавистную Латинскую империю. Настойчивый и целеустремленный. Палеолог делал все, чтобы ослабить и без того уже «дышащее на ладан» Латинское царство. В марте 1261 г. он заключил торговый договор с генуэзцами, которые прекрасно понимали, что Рим не одобрит такой сделки. Но уж очень выгодными казались им ее условия! В свою очередь византийцы получали крепкого союзника и сильный флот и «добро» на территориальные приобретения: итальянцы согласились признать права Михаила VIII Палеолога на острова Кипр и Эвбею, а также город Смирну, если тот сможет их отвоевать. Византийцам в очередной раз удалось расколоть Запад, внеся в его ряды расстройство, и получить дополнительные возможности в будущих войнах, наверняка неминуемых, если, конечно, у них сохранялось желание вернуть себе древнюю столицу своих царей²³⁹.

Летом 1261 г. вновь поднял мятеж Эпирский правитель Михаил II Ангел, буквально год тому назад принесший клятву верности Никее. Поскольку византийская армия была разбросана по различным направлениям, под рукой у Палеолога находился небольшой конный отряд численностью 800 всадников, который он предоставил кесарю Алексею Стратигопулу, поручив ему по дороге присоединить к себе разрозненные римские гарнизоны во Фракии и Македонии. *Попутно* он приказал полководцу пройти мимо Константинополя и немного потревожить латинян, чтобы держать тех в страхе. Переправившись через Пропонтиду, Алексей стал лагерем у Регия, где случайно встретился с греками, продавцами лошадей, направлявшимися из Константинополя с товаром. На всякий случай кесарь решил расспросить их о силах французов

в столице, и те неожиданно поведали, что основная армия латинян отправилась в экспедицию на остров Дафнусий, а в самом городе остался лишь Балдуин II и небольшой гарнизонный отряд. Торговцы сказали также Стратигопулу, что знают тайный ход у храма Пресвятой Богородицы «У живоносного источника», через который одновременно могут пройти 50 солдат.

Это было совершенно неожиданное открытие, но византийскому полководцу некогда было направлять вестовых в Никею, чтобы получать инструкции. Ранее как минимум *трижды* греки пытались вернуть свой любимый город, и каждый раз удача отворачивалась от них. И вот теперь она сама шла в руки. Стратигопул был смелым и опытным военным, а потому без сомнений решил рискнуть, понимая, что такой шанс дается только раз в жизни. Один день ушел на подготовку, а затем византийцы сделали смелую вылазку в город. Чтобы посеять панику среди латинян, они пустили огонь по крышам домов ночного Константинополя, предав пожару венецианские кварталы. Когда Латинский император Балдуин II проснулся и понял, что на город произошло нападение, он тщетно попытался собрать разбросанных по ночлегам и сонных французов. Никто не знал, какими силами и откуда в Константинополь проникли византийцы, а, как говорится, у страха глаза велики. Бросив знаки императорского достоинства, одержимый одной мыслью — спасти свою жизнь, Балдуин II спешно сел на лодку и отплыл, куда глаза глядят. К утру 25 июля 1261 г. Константинополь вновь стал византийским²⁴⁰.

В тот же день остатки разгромленных и деморализованных французов достигли острова Дафнусий. Латиняне не стали терять времени и, срочно погрузившись на корабли, отплыли к городу, надеясь штурмом вернуть его обратно. Однако толком никто не знал, какими силами византийцы захватили его, а опытный Алексей Стратигопул постарался создать видимость многочисленного войска. И когда латиняне подплывали к стенам, из-за бойниц на них смотрели копья. На самом деле Алексей привлек местных жителей, восторженно приветствовавших свержение ненавистных латинян, переодев их в воинов и *кое-как* вооружив. В конце концов, боясь потерпеть сокрушительное поражение, последние остатки французской армии отплыли в Италию, печально сообщая страшную для Запада весть о кончине Латинской империи²⁴¹.

Сам Михаил VIII Палеолог в это время спал в своем дворце в Никее, когда вдруг среди ночи получил известие от своей сестры Ирины, принявшей монашеский постриг с именем Евлогия. Ее

служитель случайно по дороге узнал об этом замечательном событии и поспешил обрадовать госпожу. Сестра ворвалась в спальную комнату Михаила VIII и громко крикнула: «Государь! Ты овладел Константинополем!» Палеолог очнулся, но ничего не понял. Тогда Евлогия произнесла: «Встань, государь, Христос даровал тебе Константинополь!» Срочно император созвал сановников, спрашивая у них, насколько верны выслушанные им известия. Как обычно, мнения кардинально разделились: кто-то уверял, что так все и есть, другие утверждали, что такой подвиг невозможен. Неизвестность давила на всех еще сутки, и лишь в следующую ночь прибыл гонец от Алексея Стратигопула с письменным известием об освобождении Константинополя²⁴².

Во все концы уже не Никейской, а *Римской империи* понеслись гонцы с царскими грамотами. «Вы знаете, — писал Палеолог, — мужи, подданные Римского царства, и вельможи, и сродники наши по крови, и простолюдины, что некогда предки наши по попущению Божьему изгнаны были из отечества итальянцами, будто бурным ветром, и как стеснены были пределы нашей Империи. Наша область ограничивалась Никеей, Бруссой, Филадельфией и окрестными странами. Да и этим нельзя было владеть безопасно, пока не доставало нам столицы. Кто только ни нападал на нас, ни оскорблял наших послов, как лиц, не имеющих города и по необходимости живущих вдалеке от царского престола? Ныне наступил торжественный день Божьего милосердия и, странно, наступил в наше царствование, тогда как о нас что можно сказать хорошее? Итак, по истине за возвращение престольного нашего города надо благодарить Господа и надеяться, что, как по падении его, пало и прочее, так по возвращении его нельзя не возвратиться и прочему. Теперь, по воле Бога, настало время переселения не под тень повозок, осененных ветвями, а под сень Божьей благодати»²⁴³.

Но только 14 августа 1261 г., когда Константинополь спешно подготовили к приезду царей, Михаил VIII Палеолог торжественно вошел через Золотые ворота. Прежде чем зайти в столицу, он потребовал внести в город чудотворную икону Божьей Матери «Одигитрия», по Преданию, написанную святым Евангелистом Лукой. Были прочитаны молитвы, и народ вместе с василевсом 100 раз на коленях провозгласил: «Господи, помилуй!» Затем царь отправился в Студийский монастырь, из него — в храм Святой Софии и оттуда — в Большой царский дворец. Город ликовал: не было такого места, где бы ни раздавались счастливые крики, и человека, чье лицо не озаряла бы радостная улыбка. До сих пор никто не верил,

что стал свидетелем *Божьего чуда* — так неожиданно свершилось это удивительное событие.

Империя восстанавливалась, и необходимо было срочно найти кандидатуру предстоятеля Константинопольской церкви. Из ссылки срочно был вызван Арсений, которому предложили вновь занять патриарший престол — он оставался все еще вакантным вследствие смерти патриарха Никифора. Арсения раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, ему очень хотелось войти в древнюю столицу Римской империи в качестве настоящего «Вселенского патриарха», с другой — волновала судьба царственного мальчика, которая легко угадывалась по минувшим событиям. В конце концов долг победил в нем, и Арсений принял предложение, став в очередной раз Константинопольским патриархом. Он прибыл в Константинополь, и император в присутствии многочисленных архиереев и константинопольцев провозгласил, держа Арсения за руку: «Вот престол твой, владыка, которого ты был так долго лишен! Займи же теперь свою кафедру!»²⁴⁴ Не был обойден почестями и кесарь Алексей Стратигопул, которому даровали триумф в Константинополе, украсили голову венцом, похожим на царскую диадему, и повелели поминать его имя на Ектиниях вместе с царями²⁴⁵.

Чтобы несколько затушить порыв латинян отвоевать Константинополь обратно, василевс целые дни проводил в приеме генуэзцев, венецианцев и прочих западных христиан, указывая им места для проживания и убеждая, что их интересы после возвращения грекам Константинополя не пострадают. Кроме того, желая хотя бы частично восстановить численность опустевшего при французах Константинополя, он приглашал деревенских жителей переселиться в столицу, выделял охотникам земельные участки и деятельно восстанавливал святые обители и храмы, пострадавшие при латинянах²⁴⁶. Он затеял также посольство в Рим, надеясь успокоить папу. Но из этого ничего не вышло: послы потерпели бесчестье, а один из них, Никифорица, был умерщвлен страшной смертью — итальянцы содрали с него кожу.

Наступила последняя стадия двоецарствия — возвращение Константинополя и восстановление Римской империи с железной неизбежностью ставили вопрос о царской власти. Михаил VIII все-речь опасался заговора со стороны недовольных вельмож и сторонников Ласкаридов, а потому спешил предпринять превентивные меры. Он спешно выдал двух остававшихся в девичестве дочерей покойного Феодора II Ласкариса: одну — за благородного, но не-

знатного латинянина, прибывшего по делам в Пелопоннес, другую — за генуэзского графа, приказав обоим немедленно покинуть пределы Римской империи²⁴⁷.

Желая подчеркнуть, что отныне он является *единственным* легитимным Римским царем, Палеолог попытался провести с патриархом Арсением переговоры о возможности своего *повторного* венчания на царство. Он надеялся, что архиерей, утомленный недавней ссылкой, не станет упорствовать. Для подкрепления своей просьбы царь передал Святой Софии множество даров и, к собственному удивлению, легко перехитрил патриарха Арсения. Тот посчитал, что венчать вторично великого дарителя и благотворителя Церкви после занятия древней римской столицы — благое дело и не заподозрил никакого подвоха. В назначенный день 1261 г. Михаил VIII Палеолог был вновь венчан на Римское царство как законный император²⁴⁸. Об императоре Иоанне IV Ласкарисе, которому уже исполнилось 10 лет, как-то «забыли».

Но его черед уже настал. По приказу Палеолога мальчика отнесли в крепостную башню и там ослепили. Из-за сострадания к ребенку его ослепляли не раскаленными спицами, а полуостывшим железом, так что зрение у мальчика немного сохранилось. В день Рождества, 25 декабря 1261 г., его, находящегося без сознания, перевезли в башню Никитской крепости неподалеку от Никомедии и оставили там для постоянного проживания²⁴⁹. Теперь Михаил VIII Палеолог стал единовластным правителем Римской империи.

Конечно, с *нравственной* точки зрения этот поступок невозможно оправдать, и объяснения типа «жестокое время — жестокие нравы» едва ли могут быть приняты во внимание. С другой стороны, нет никаких оснований демонизировать фигуру Михаила VIII Палеолога. При всех честолюбивых помыслах и известной неразборчивости в средствах, это был настоящий патриот своего отечества и опытный царедворец, прекрасно понимавший, что Иоанн IV *обречен*. Время и логика событий требовали сильной руки на кормиле власти Византийской империи, а царственный мальчик в силу возраста, очевидно, не был способен справиться с грядущими задачами. Неизбежно возникла бы новая комбинация с целью передать единоличную власть сильному правителю, но уже *другому* и обосновать его права на царство. Останься юный Ласкарис у власти, и легкомысленная толпа с подачи другого претендента могла снести Палеолога с царского трона, как человека, *не по праву* получившего императорство. Поэтому для Палеолога

ситуация выглядела следующим образом: «Или — благосостояние Римского государства, или — царственный мальчик»; и он после долгих сомнений и колебаний сделал свой выбор.

В качестве легкого оправдания можно напомнить, что, в отличие от других «жертв истории», Иоанн IV Ласкарис не был казнен или тайно умерщвлен, как это, например, имело место в отношении мальчика-императора Алексея II Комнина. Применили способ, традиционно преграждавший путь на вершину власти для любого претендента, — ослепление, и сделали так, чтобы Иоанн IV сохранил какую-то способность видеть. Действительно, с того дня покои бывшего царя охраняла крепкая стража, но мальчику было дано хорошее содержание, соответствующее его бывшему сану. Позднее его попытались использовать враги Византийского государства — французы Карла Анжуйского помогли ему бежать из заключения, но после поражения сицилийской армии бывший царевич был возвращен в свою крепость. Когда же смерть смежила веки и его обидчика — Михаила VIII Палеолога, новый василевс Андроник II Старший Палеолог предпринял попытку хоть как-то оправдаться в действиях отца. Он прибыл к Ласкарису в крепость и распорядился, чтобы царственный муж был обеспечен в полном избытке всем необходимым ему и сопутствующим его сану²⁵⁰. К тому времени Ласкарис принял монашеский постриг под именем Иосаф. При встрече с императором Андроником II он подтвердил отказ от каких-либо прав на царский титул и простил Михаила VIII за зло, что тот причинил ему лично и семье Ласкарисов. Иоанн IV Ласкарис прожил долгую жизнь и умер естественной смертью в 1305 г. Как говорят, некоторое время после смерти в православном народе сохранялось почитание покойного царя-монаха, не поддержанное, впрочем, официальной Церковью. И мощи императора Иоанна IV, «святого царя Ласкариса», находились в монастырском храме св. Димитрия в Константинополе²⁵¹.

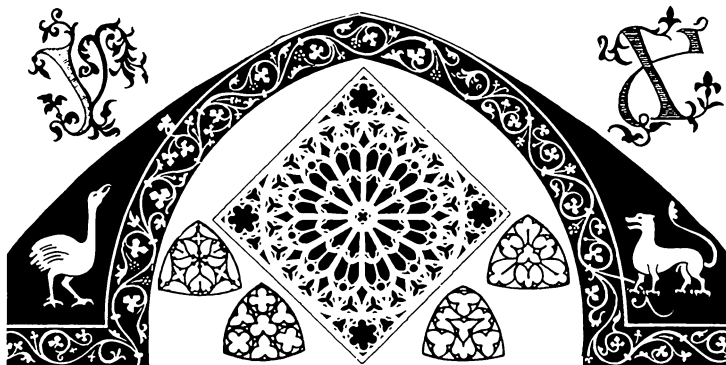
Закончился славный род Ласкаридов, восстановителей Римской империи. В права царствования вступила последняя династия Византийских царей, Палеологи, которым предстоит еще бороться за свое отечество и увидеть его окончательное падение два века спустя.





ДИНАСТИЯ ПАЛЕОЛОГОВ





ЛХХII. ИМПЕРАТОР МИХАИЛ VIII ПАЛЕОЛОГ (1261–1282)

Глава 1. «Новая Византия» и ее окружение

Родоначальник знаменитой династии Палеологов родился в 1224 или 1225 г. Все отмечают, что Михаил VIII Палеолог соединял с природной красотой лица быстрый и острый ум, скорость реализации собственных решений, энергию, отвагу, щедрость и деловитость. Как уже говорилось, он происходил из знатной семьи, состоявшей в родстве с царями. Не случайно Михаил VIII Палеолог подписывался: «Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог»²⁵².

Его дед Алексей Палеолог был женат на дочери императора Алексея III Ангела, имел титул деспота, а бабушка Ирина, как первенец семьи Ангелов, еще в детстве получила право носить пурпурную обувь. Если бы смерть не прервала жизненный путь ее мужа, то Алексей Палеолог имел все основания заявить права на царскую власть после кончины Алексея III. Их дочь впоследствии была выдана замуж за Андроника Палеолога, которого император Феодор I Ласкарис почтил саном великого доместика. Конечно, эти обстоятельства, положенные на честолюбивую душу Михаила VIII Палеолога, предопределяли его будущие планы. Кроме того, по неопределенным свидетельствам современников, еще в ранней юности Палеолог получал неоднократные знамения и пророчества о грядущем царском сане, что, конечно, только усилило в нем желание стать Римским императором²⁵³.

Честолюбие Михаила VIII Палеолога не было «тайной за семью печатями». Еще во времена царствования императора св. Иоанна III Дуки Ватаца, в 1252 г., на Михаила был сделан донос о попытке составить заговор с целью захвата императорской власти. Правда это или нет — достоверно неизвестно. Характерно другое — *как* Михаил VIII Палеолог держался на допросе, который был учинен при производстве следствия. Поскольку обвинения против Палеолога казались малоубедительными, ему предложили пройти испытание «Божьим судом» — взять в руки раскаленное железо. Считалось, что если руки останутся целыми, то обвиняемый невиновен; в противном случае его признавали преступником.

В ответ Михаил VIII не без иронии заметил стоявшему поблизости Фоке, митрополиту Филадельфийскому: «Я — человек грешный и не творю чудеса. Но если ты, как митрополит и человек Божий, советуешь мне это сделать, то оденься во все священнические одежды, как обыкновенно приступаешь к божественному жертвеннику и предстоишь Богу, и потом своими святыми руками, которыми обыкновенно прикасаешься к божественному жертвоприношению Тела Господа нашего Иисуса Христа, вложи в мои руки железо. И тогда я уповаю на Владыку Христа, что Он презрит мои прегрешения и откроет истину чудесным образом». Архиерей возразил, что это — варварский обычай, заимствованный римлянами из других стран, а потому он, как священник, не может участвовать в нем. Но Палеолог без труда нашелся: «Если бы я был варвар и в варварских обычаях воспитан, то я по варварским законам и понес бы наказание. А так как я римлянин и происхожу от римлян, то по римским законам пусть меня и судят!» Как нетрудно догадаться, обвинения с Палеолога сняли и признали невиновным²⁵⁴.

Палеолог продолжил свою карьеру и вскоре зарекомендовал себя самым лучшим образом. Его боготворили за приветливость и щедрость рядовые византийцы, а солдаты, неоднократно под его началом одерживавшие победы над противниками, считали за счастье служить под командованием Палеолога. Но откровенно не любили в семье Ласкаридов, где успехи молодого человека вызывали обоснованную тревогу. В 1256 г. до Михаила VIII Палеолога дошли сведения о том, что император Феодор II Ласкарис приказал его ослепить по очередному обвинению в измене и попытке захватить царскую власть. В то время Палеолог являлся *контоставлом* (конюшенным) и командовал войсками в Вифинии. Видимо, подозрения оказались не безосновательными, поскольку

однажды Палеолог простодушно заявил товарищам: «Кому Бог дает царствовать, тот не виноват, если позовут на царство его»²⁵⁵. Едва ли это был единичный эпизод — наверняка до императора и раньше доходили слухи о планах, которыми делился Михаил VIII с близкими людьми.

И на этот раз Палеологу удалось избежать опасности. Герой столичной аристократии, выходец из знаменитого рода, он повсюду имел друзей, а потому немедленно отправился к Иконийскому султану *Кей-Кавусу II* переждать грозу. Тот с радостью принял замечательного полководца и даже поручил ему командовать отрядом греков, находящихся на турецкой службе, во время войны с татарами²⁵⁶. Феодор II Ласкарис забеспокоился: он понимал, что при помощи турок Михаил VIII может предпринять далеко не безнадежную попытку захватить власть в свои руки. Поэтому император срочно направил посла к опальному аристократу с предложением вернуться на родину на условиях полного прощения. Вняв советам друзей, через год Палеолог возвратился в Никею и в свою очередь также дал клятву царю никогда не посягать на его власть. Подозрительный император наградил Палеолога должностью *великого коноставала* (командира иностранных подразделений), дал ему довольно слабый отряд солдат и направил на Запад в надежде, что там Михаил VIII и погибнет.

Но Палеолог и на этот раз показал свои блестящие военные дарования, разбив эмирцев и убив сына деспота, командовавшего вражеским войском. А затем начал брать город за городом. Эти победы вызвали при дворе новый всплеск ярости со стороны завистников и самого василевса — Палеолога попытались даже обвинить в колдовстве, а затем арестовали. Он долго томился в тюрьме, не имея никаких шансов быть хотя бы выслушанным императором. В тот год многие родственники Палеолога лишились должностей, а некоторые даже сложили голову на плахе, но самому Михаилу VIII повезло — буквально накануне его казни царь Феодор II Ласкарис скончался²⁵⁷. Наконец, после многих перипетий, Михаил VIII Палеолог реализовал свою мечту и, ослепив юного Иоанна IV Ласкариса, стал единоличным Византийским императором.

Надо откровенно сказать, ему выпала не самая легкая доля. При всех успехах, сопутствовавших династии Ласкаридов, Римская империя была восстановлена далеко не в том виде, какой она была, скажем, при Македонцах или Комнинах. Почти все бывшие черноморские владения принадлежали теперь независимой от Константинополя Трапезундской империи. По-прежнему

существовал Эпирский деспотат, занимавший юг Албании и часть Этолии.

Среди других греческих государств, не признававших Никейского царства, следовало опасаться Великой Валахии, которой принадлежала Фессалия, Локрида и Фотида. Низвержение Латинской империи не коснулось пока еще таких государств, созданных на византийских землях, как Афинское герцогство и Морейское княжество. Многие острова у Константинополя принадлежали венецианцам и генуэзцам. Собственно говоря, в нынешнем виде Византия включала в себя только бывшие владения Никейской империи, Фракию, Македонию и Фессалоники, а также ряд островов: Родос, Лесбос, Самофракию и Имброс. Территория убывала, а многочисленные враги остались. Кроме того, как и раньше, Византийской империи противостояла Болгария, хотя и существенно ослабленная, и Сербия, набиравшая силу и стремившаяся обладать той властью, которую ранее имела Византия на Балканах. Азиатские турки, получившие сильнейший удар от татар, мало-помалу приходили в себя и начинали также представлять грозную силу²⁵⁸.

Хотя вследствие героической борьбы византийцы вернули себе многие территории, все же западное влияние присутствовало и в Греции, и на Пелопоннесе. Экономическое и военное превосходство латинян также являлось безусловным. А вакуум власти, возникший в годы латинского завоевания Византии, привел к тому, что православные государства на Балканах вышли из-под сферы влияния Римской империи. В общем, подытоживая, можно сказать, что, в отличие от ислама, православной цивилизации Византии Крестовые походы нанесли смертельный удар. Политические события резко отразились и на церковных отношениях Востока и Запада, хрупкой целостности которых был нанесен страшный удар²⁵⁹.

Более того, в начале царствования Палеолога отношения Римской империи с Западом существенно ухудшились и осложнились по сравнению даже с недавними годами. Захват Константинополя — вершина славы Михаила VIII Палеолога, на удивление, принес много новых проблем, решение которых оказалось не по плечу не только самому василевсу, но и его преемникам. Если во времена Никейской империи между греками и Западной Европой находилась Латинская империя, то теперь этот *промежуточный балласт*, постоянно требовавший помощи от папы и позволявший Византийским царям играть на противоречиях своих врагов, исчез.

Римская империя была почти восстановлена, но отныне ее вассалам пришлось напрямую столкнуться с теми западными государями, которые считали делом чести возродить Латинскую империю или присоединить к себе ее бывшие земли, ссылаясь на многочисленные акты и договоры, заключенные Балдуином II. Династические союзы и браки внесли столько сумятицы и неразберихи с правовой точки зрения, что теперь не только бывший Латинский император, но и Германский король, Французский монарх и другие государи Запада считали себя наследниками бывших владений Балдуина II.

Годы латинского ига оставили глубокие раны на теле блистательной ранее Византии. «Великая глава, Константинополь, венчала ослабевшее, подвергающееся со всех сторон нападениям тело». Венеция и Генуя полностью доминировали на море. Греция по-прежнему находилась под владычеством латинян, а греческие Эпир и Фессалия в своем упорстве не позволяли объединить под скипетром Византийского императора все ромейские земли. Север Балканского полуострова находился во власти сербов и болгар, создавших свое могущество за счет ослабления Византии. Разумеется, ни Сербия, ни Болгария не осмеливались в одиночестве напасть на Римское государство. Но они могли *поддержать* удар Запада в направлении Константинополя. Западные державы также не являлись друзьями Византийской империи. Поэтому объединение их в одну группу неминуемо повлекло бы гибель Византии²⁶⁰.

Позиция Рима также резко изменилась: ранее папы были готовы пойти на большие уступки грекам для того, что сохранить детище западной цивилизации со столицей в древнем Константинополе. Теперь же они могли смело играть на слабостях Византии, диктуя свои условия и объединяя весь Запад в борьбе со «схизматиками». Римским епископам было тяжело взирать на то, что византийцы, бывшие почти в их власти, теперь ускользали из рук Западной церкви. Верные своим представлениям о необходимости восстановления Кафолической Церкви под главенством Апостольского престола, они ни при каких обстоятельствах не согласились бы с фактом существования независимой Константинопольской церкви. Единственный на тот момент времени интегрирующий центр всей западной цивилизации, Рим, мог решить судьбу Византийской империи — как в положительном смысле, так и в отрицательном.

Следует сказать, что никогда, ни до, ни после, Рим не достигал такого могущества, как в XIII веке. Достаточно сказать, что

IV Латеранский Собор 1215 г. официально объявил Римскую церковь матерью всех Церквей и наставницей всех верующих, а ее епископа — стоящим выше патриархов Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. А папа Климент IV, о котором речь пойдет ниже, искренне высказал убеждение об *абсолютном праве* понтифика распоряжаться всеми Церквями, церковными должностями, положениями и бенефициями. Теоретически еще сохранялся вопрос: *кто* главнее — папы или Вселенские Соборы, но на практике апостолик считался главой церковного управления и верховным законодателем и судьей Западной церкви. А потому самостоятельно определял те правила, которые затем послушно принимались на «Вселенских» соборах. Глава Апостольского престола закрепил за собой также право облагать налогами все Церкви, подчиненные Риму. К нему теперь обращались не иначе как к «наместнику Христа на земле», «святейшеству», *sanctitas* или *sanctissimus*. Со времени папы Иннокентия III стали считать, что легендарный библейский царь Мелхиседек есть прообраз Римского епископа, сочетающего в себе функции Римского императора и священника²⁶¹. Как известно, ранее образ Мелхиседека олицетворялся в сознании современников исключительно с Римским царем; более чем заметная разница.

Именно в этом столетии на Западе папам стали официально приписывать эксклюзивные права отпускать наиболее тяжкие грехи — святотатство, кровосмесительный брак, содомию, убийство духовных лиц и т.п. Только апостолик отныне мог канонизировать святых и признавать подлинными их мощи. Кроме того, понтифику принадлежало полномочие изъятий из епископских юрисдикций. Исключительно он принимал решение о созыве «Вселенских» соборов Западной церкви. Ни один епископ отныне не мог оставить свою должность без согласия Рима или быть перемещенным с одной кафедры на другую. Каждый архиепископ не ранее вступал в свою должность, прежде чем давал клятву верности Римскому епископу и получал от него палии. Поездки *ad limina*, которые епископы обязаны совершать в Рим после своей хиротонии, отныне становятся безусловным правилом. Латинские архиереи начали называть себя: «Епископ по милости Божьей и святого Апостольского и Римского престола».

Наконец, столь знакомая нам «теория непогрешимости» Римского папы, когда он вещает *ex cathedra*, уже в середине XIII века получила публичное признание на нескольких западных «Вселенских» соборах. Не возвысившись еще до степени верования *de*

fide, она, по словам исследователей, становится верованием *prope fidem*. Даже могущественный Французский король Людовик IX Святой, относящийся к папе как к собственному епископу и чуткий к правам галликанского архиерейства, составивший в 1269 г. «Прагматическую санкцию», регулирующую права Римского престола, вынужден был соотносить свою политику с требованиями и пожеланиями понтифика²⁶².

Достаточно было папе, обладавшему таким могуществом, объявить новый Крестовый поход на греческий Константинополь и дать свое духовное благословение, как крестовое воинство поднялось бы на Византию. И, наоборот, — без согласия понтифика ни один западный государь не осмелился бы в XIII веке начать войну на Востоке. Правда, эти легкие в *теоретическом отношении* конструкции в действительности осложнялись многими приводящими обстоятельствами. Запад не был единой силой, и его государей раздирали множество противоречий, застарелых споров и обид, требовавших деятельного участия Римского папы, как универсального посредника и арбитра. Понтифику постоянно приходилось вмешиваться в межгосударственные и межличностные конфликты сильных мира сего, выискивая компромиссные варианты. Кроме того, власть апостолика при всей ее значимости и величии не казалась безусловной для всех монархов. Достаточно напомнить многовековое противостояние Рима и Германских королей, достигшее к середине XIII столетия своего очередного пика.

Римскую курию чрезвычайно волновала и судьба Италии, ставшей в очередной раз объектом спора между Германией, Францией и самим папством. В частности, весьма серьезно встал вопрос о том, какой нации принадлежит право устанавливать *Imperium* — германцам или французам. Папы-французы активно работали на пользу Людовика IX Святого, но немцы активно противодействовали им. Они прекрасно понимали, что идея Империи создала германскую нацию и позволила немцам возвыситься над всеми европейскими народами. Потерять *Imperium* — значит потерять себя, свое могущество. Чуть позднее описываемого периода, в 80-х гг. XIII века, видный германский клирик, долгое время проживавший в Риме и занимавший высокую должность в папской курии, Александр фон Роэц, откровенно потребовал законом закрепить *Imperium* за германской нацией. Он был готов признать за Италией *sacerdotium* (первосвященство), за Францией — *stadium* (преданность), но не соглашался отчуждать кому-либо имперское звание, которое по праву принадлежало, с его точки зрения, исключительно

Германии²⁶³. Конечно, это были не единственные противоречия, разбединавшие народы Запада, и далеко не все из тех, которые мы упомянем позднее.

Данные обстоятельства давали шанс Византийской империи выйти «сухой из воды», но только при наличии нескольких обязательных условий. Власть Византийского императора должны была найти дипломатическое подтверждение на Западе — в противном случае он попросту *не признавался* лицом, правомочным на заключение необходимых соглашений, и договоры с ним не имели бы никакой силы. Нельзя забывать, что существовала Трапезундская империя, цари которой, ссылаясь на свою родословную, претендовали на императорский титул и вообще считали Михаила VIII Палеолога узурпатором. Перед Дуками, Комнинами и даже Ангелами такой задачи не стояло — они по праву преемственности занимали престол древних Римских царей в условиях *единой* Византийской империи. И ни у кого на Западе даже не закрадывалась мысль о том, что эти василевсы должны кому-то и что-то доказывать. Даже Германские короли, традиционно претендовавшие на титул Римского императора, не могли игнорировать исторические факты и саму действительность.

Так было до 1204 г., но после захвата Константинополя все стало иначе. Уже Ласкариды были вынуждены доказывать свою «римскую родословную» и права на Константинополь, поскольку на Западе считалось, что древняя столица Византии теперь «по праву» принадлежит Латинскому императору, которому ее уступил Алексей IV Ангел — *последний* законный василевс Восточной Римской империи. Выборы первого Латинского монарха, Балдуина I, были произведены на легитимных для западного сознания началах. И в глазах латинян Михаил VIII Палеолог являлся *узурпатором*, да еще и «схизматиком» — обстоятельство, не располагающее для нормального и равноправного общения с ним. Запад и Рим, конечно, не признали никакой восстановленной Римской империи, поскольку во главе нее стоял ересиарх-патриарх и *Греческий царь* — максимальный титул, который понтифики и западные государи могли признать за Палеологом. В таких условиях попытки Византийского царя вести переговоры даже с традиционными союзниками — генуэзцами были обречены на провал или в лучшем случае на необходимость оглядываться на реакцию понтифика. Можно сказать, что у Михаила VIII Палеолога на момент начала самостоятельного правления не было *ни одного* друга на Западе — только враги или в лучшем случае индифферентные персоны.

Поскольку же в Западной Европе продолжалась «война всех против всех», фактически единственным лицом, чье признание власти Михаила VIII Палеолога, как законного правителя Константинополя, не требовало «переутверждения», являлся Римский папа. Хотел того Палеолог или нет, но сами обстоятельства времени и места *вынуждали* его идти на союз с Римской курией. А это означало, что рано или поздно возникнет вопрос *о церковной унии*, поскольку Рим никогда не отказывался от своего права возглавлять всю Вселенскую Церковь.

Помимо очень непростой внешней ситуации, Михаилу VIII Палеологу приходилось считаться с внутренним положением дел. *Изнутри* Римское царство было уже далеко не тем, что раньше. Политическая элита, целое поколение которой выросло на западноевропейских политических понятиях, перестала воспринимать монархическую идею в ее естественной для византийского сознания редакции. Это стало возможным еще и потому, что в составе аристократии Никейской империи находилось множество лиц западного происхождения, латинян, занявших вскоре привилегированное положение при дворе василевса. Несмотря на угрозу отлучения от Римской церкви папами, латинские наемники охотно поступали на службу к Византийскому царю, прельщенные наградами и перспективами. Большинство из них являлись выходцами из Франции, Испании и Скандинавии. Как полагают, не менее 23 самых знатных родов, или 17 % аристократов, имели иностранное происхождение, включая такие известные фамилии, как Раули, Торникии, Петралифы, Нестонги, Враны, Камицы, Цики, Хавароны, Контофры, Римпсы. И, очевидно, их политические традиции, принесенные с родины, широко распространились среди греческой знати²⁶⁴.

Нет, безусловно, в то время и на Западе никому даже в голову не могло прийти оспаривать Божественные основания королевской власти. Но наряду с ее сакрализацией все активнее проявляется публично-правовой оттенок. Считалось, что король должен «служить» обществу, и права ему даны обществом для «общей охраны», даже если полномочия монарха неотчуждаемы²⁶⁵. Право выборов Западного Римского императора, въевшееся в плоть и кровь германской аристократии, оказалось даже сильнее попыток Римских пап подчинить себе все политические институты Западной Европы. И папа *Иннокентий IV* (1243—1253) был вынужден признать, что хотя и обладает в Западной Римской империи полнотой власти *de jure*, но *de facto* власть принадлежит выборщикам-князьям²⁶⁶.

Теперь эти веяния достигли Византии. Не случайно уже Ласкаридам пришлось деятельно потрудиться, чтобы убить зарождающуюся в Империи конструкцию «выборной» монархии, согласно которой император получает все политические права и полномочия от общества, как «*первый среди равных*». Сам Михаил VIII Палеолог вырос на волне «аристократической революции», и в силу необходимости согласился выполнить те обязательства, которыми его сковали представители самых знатных и вельможных семей Византии. Но, объективно говоря, в тех тяжелых условиях «выборная монархия» выглядела откровенным *nonsense* для византийского сознания и не позволяла решить задачи, которые суровое время ставило перед Михаилом VIII Палеологом. Неудивительно поэтому, что первые мероприятия императора были направлены на укрепление своей власти и восстановление традиционных основ Римской государственности. Как свидетельствует летописец, с первых же дней своего самостоятельного правления Михаил VIII делал все для того, чтобы создать собственную династию и обеспечить преемственность власти своему сыну Андронику Палеологу. А это оказалось сделать очень непросто.

Реставрировать Византийскую империю в прежнем блеске или как минимум обеспечить само ее существование можно было только путем восстановления старой монархической идеи. Для этого нужно было взять власть в свои руки, пусть даже и путем насильственного отстранения от нее малолетнего Иоанна IV Ласкариса. Единственным союзником, политической силой, способной помочь в этом Палеологу, являлась только высшая аристократия, требовавшая «выборной» монархии. Чтобы преодолеть сопротивление и выйти из-под ее влияния, Палеологу следовало обеспечить признание своего императорства со стороны Константинопольского патриарха, обладавшего почти неограниченной духовной властью. Однако патриарх Арсений — горячий поклонник идеи естественной преемственности верховной власти от отца к сыну, — никогда не согласился бы признать законной власть Палеолога, доставшуюся тому путем святотатственного преступления. Любая попытка василевса повернуться в сторону Рима только усугубляла отношения с «Вселенским патриархом»; но без налаживания дипломатических отношений с папой о мире с Западом нечего было и думать.

Укрепляя свою власть и готовясь к неизбежной войне, император начал восстанавливать *служилую* политическую элиту, которая традиционно обеспечивала стабильность политической власти

в Византии. Сделав ставку на эту общественную группу, Палеолог *покупал* ее верность деньгами, собранными Ласкаридами. Одновременно с этим император быстрыми темпами начал восстанавливать централизованное управление, для чего пришлось пожертвовать интересами провинций в пользу столицы. Михаил VIII воссоздал фискальную систему прежних веков, но и это не принесло больших результатов. Содержание золота в монетах уменьшилось до неприличных пропорций — из 15 частей драгоценного металла 9 заменялось лигатурой. В дальнейшем содержание золота в монетах стало еще менее значительным²⁶⁷.

Спешно отстраивались дома, храмы, царский дворец. Но эта политика, должная восстановить былую пышность двора Римских императоров и обеспечить общественный слой, служащий царю, истощила провинцию. Деньги из регионов рекой текли в Константинополь, откуда власть присылала лишь армии чиновников, далеко не всегда безупречных с точки зрения закона и личной совести. Зато таким способом василевс сумел создать новую политическую силу, способную обеспечивать полнокровность его власти, как Римского императора, и армию, чтобы защищать Византию от врагов.

Для периферии, где обыватели не задавались столь высокими вопросами, перспективы выглядели ужасающими. Очень быстро греческий элемент в Малой Азии, где еще вчера образовался центр национального спасения, иссяк. К 60-м гг. XIII века в Малой Азии возникли многочисленные колонии турок и туркоманов, армян и половцев, игравших значительную роль в жизни Империи. Затем остатки византийского населения станут все более индифферентными к судьбам отечества. Вскоре греки начнут размышлять следующим образом: «Какая разница, кто правит нами — Римский царь, турки или латиняне. Важно, *при ком* мы лучше живем». Эта тенденция, почти еще невидимая глазом, быстро крепла и давала свои печальные результаты.

В течение немногого времени сама собой оказалась невооруженной система пограничной охраны, которую обеспечивали храбрые *акриты*. Активные еще во времена Никейской империи, они оказались не нужными после возвращения Константинополя. Их финансирование из казны практически прекратилось, и, более того, василевс забрал в государственную собственность большую часть земель акритов. И хотя в ту минуту никто не понял всех смертельных последствий этих шагов Византийского правительства, вскоре, когда турки объединятся и начнут свою экспансию на Запад, плоды этой стратегии проявятся в полной мере²⁶⁸.

Глава 2. Покаяние императора

Но по свойственной людям привычке радоваться сегодняшнему дню, не особенно заботясь о завтрашнем, осенью и зимой 1261 г. никто еще не думал о перечисленных выше проблемах — византийцы ликовали по поводу возвращения Константинополя. Эти месяцы стали пиком славы и вершиной народной популярности нового императора. «Героя года» Михаила VIII Палеолога называли *Новым Константином* и повсеместно славословили. И он разделял всеобщий восторг, написав в одном документе: «Вот великий град, как царица облачился в древний и прекрасный наряд, и новый град Иерусалим скажет по псалму: полны площади ее и перекрестки, переулки и улицы, но не полуварварским народом с его нестройной речью, но в точности владеющим эллинским языком. Святыни и обители украшены сонмами монахов и монахинь, благочинно проходящих монашеское поприще, священство радуется божественным храмам. В преславном, во имя Премудрости Божьей, храме восседает патриарх не иноземный и подложный, а родной и единоплеменный, знающий своих и знакомый пастве»²⁶⁹.

Восторженность начала проходить, как только известие об ослеплении Иоанна IV Ласкариса докатилось до границ Империи. Святотатство Палеолога вызвало бурю негодования во многих слоях византийского общества. Поняв, что чрезмерная мягкость неминуемо приведет к падению его власти, император срочно предпринял устрашающие меры. Своего собственного писца, служившего ему с малолетства, Мануила Оловола, публично высказавшегося против содеянного Палеологом, он приговорил к отрезанию носа и губ и отправил в монастырь. Пострадали и некоторые другие сановники, которых выгнали со службы или отправили в ссылку.

Однако аристократы оказались далеко не единственными лицами, недовольными поступком царя. Вскоре восстали жители Никейской области, к которым прибыл некий самозванец *лже-Иоанн*, потерявший зрение вследствие болезни, но выдававший себя за юного Иоанна Ласкариса. Против них василевс направил большое войско, но восставшие греки объявили, что выступают за справедливость и «истинного императора». Они создали укрепления, вооружились и приготовились отбивать атаки правительственной армии. Все попытки императорских полководцев сладить с ними не имели успеха. Поэтому пришлось прибегнуть к разъяснениям: восставшим объясняли, что царственный отрок находится в другом месте, а у них скрывается самозванец. Но и это мало помогло. Кое-

как, с большим трудом, *в море крови* это восстание удалось погасить. В результате Вифиния обезлюдела, а в довершение всего местное население обложили дополнительными налогами²⁷⁰.

Расправа с юным Ласкарисом резко осложнила отношения царя и с Константинопольским патриархом. Узнав о случившемся, столичный архиерей пригласил к себе других епископов и долго с ними совещался. Понятно, что, венчав Палеолога на царство, патриарх не мог «отозвать» благодать Божью, которой наделялся император после совершения этого Таинства. Однако у «Вселенского патриарха» оставалось не менее действенное оружие против царя — не признавать его власти путем отлучения от Церкви. Именно это и произошло — в 1262 г. патриарх Арсений подверг василевса *малому церковному отлучению*, разрешив, однако, поминать его по имени на молитвах. Для Михаила VIII Палеолога это была, безусловно, критическая ситуация. Его правоспособность была до сих пор дискуссионным вопросом в глазах высшей политической элиты. Теперь он оказался на краю обрыва, почти утратив духовные черты своей власти, поскольку в глазах всего общества считался находящимся, хотя бы и временно, *вне Церкви*.

До поры до времени император действовал чрезвычайно корректно и осторожно. Михаил VIII Палеолог терпел, ожидая скорого прощения, но этого не происходило. Через посредника император попытался узнать у патриарха, каким способом может загладить свою вину. Архиерей на это ответил вполне определенно: «Я пустил за пазуху голубя, а этот голубь превратился в змею и смертельно уязвил меня». Своим близким слугам архиерей откровенно говорил, что *ни при каких обстоятельствах* не простит василевса и не снимет отлучения, какими бы муками его ни пугали.

В течение 3 лет (!) Михаил VIII Палеолог через друзей и лично пытался получить прощение, но тщетно: патриарх закрывал перед ним дверь в келью, отказывался слушать его, отделялся неопределенными фразами, но ничего конкретного не говорил. Такое поведение Арсения вывело царя из себя: он обвинил патриарха в том, что тот пытается устранить его от власти. «Так-то врачует нас духовный наш врач!» — воскликнул царь, добавив, что патриарх вынуждает его обратиться к Римскому папе; но и эта угроза не возымела действия²⁷¹.

Тогда император решил действовать решительнее и соразмерно обстоятельствам — нужно помнить, что в то время Византия *уже* вела тяжелые войны на Западе и Востоке, и над ее головой собирались тучи в виде готовящегося нового Крестового похода. Палео-

логу оставался только один способ решить проблему церковного признания — под благовидным предлогом отрешить Арсения от патриаршества и поставить на столичную кафедру своего союзника. Случай представился довольно быстро. В 1265 г. хартофилак Константинопольской церкви Иоанн Векк запретил священнослужение одному иерею Фаросского храма, венчавшему некую супружескую пару без его согласия. Узнав об этом, царь выказал недовольство тем, что *царский иерей* был наказан за столь малое прегрешение, тем более что должность хартофилакса традиционно занимал *диакон*, имевший, однако, пространные церковно-административные полномочия. По обыкновению для Византии, они не были перечислены во всех деталях, а потому давали повод для многих интерпретаций. В данном конкретном случае император посчитал, что хартофилак превысил свои полномочия, запретив в служении царского священника без согласования с самим василевсом.

Он открыто обвинил в этом Арсения, допустившего, что его хартофилак позволяет себе нанести оскорбление царскому сану: «Отлучив царского священника, патриарх хотел оскорбить царя!» Находясь в Фессалии, василевс отправил приказ севастократору Торникию, епарху Константинополя, разрушить дома хартофилакса, а заодно и великого эконома Восточной церкви Феодора Ксифилина, в наказание за совершенный проступок. Но их защитил патриарх Арсений, ударивший посохом руку севастократора, когда тот пришел выполнить приказ, произнеся: «Зачем вы нападаете на наши глаза, руки и уши и ищите одни ослепить, другие отсечь?» Архиерей открыто заявил, что священники, посвятившие себя Богу, не подлежат мирскому суду, а потому *неподсудны царю* (!).

Это уже было проявлением открытого неповиновения императору и попранием древних канонов, позволявших царской власти принимать к своему суду дела и светских, и духовных лиц. Ведь все помнили, что «царская власть может делать все: она может назначать гражданского судью, чтобы судить епископа или другое посвященное лицо, привлекаемое к суду. Эта же власть может, по законному усмотрению, церковный суд заменять светским»²⁷².

Чтобы хоть как-то разрешить конфликт, севастократор предложил Векку и Феодору Ксифилину добровольно явиться в Фессалоники к царю для суда. В противном случае, объяснял он, пострадают и они, и патриарх²⁷³. На этот раз инцидент удалось погасить, однако ситуация вскоре вновь осложнится.

По возвращении в том же году в столицу — а царь воевал с деспотом Эпира и болгарами — василевс отправился в храм Святой Софии, чтобы вознести благодарственные молитвы Богу, но был встречен патриархом Арсением, сделавшим ему строгий выговор. Столичный архиерей напомнил императору, что уже неоднократно *запрещал ему (!)* вести войны с христианами, тем более с деспотом Эпира Михаилом II Ангелом: «Не так ли и ты своим именем называешься Христу, как и он — слуга Христов? За кого, говорил я тебе тогда, должно нам возносить молитвы Богу и о ком беседовать с Богом, как о врагах непримиримых?»

Мотивацию Арсения невозможно принять, равно как и его аргументацию, — такое ощущение, что Эпирский деспотат и Болгария никогда не выступали врагами Никейской, а затем Византийской империи. Кроме того, этой отповедью столичный архиерей открыто дал понять Палеологу и всему обществу, что не считает Михаила VIII равным себе, не говоря уже о признании за ним *истинного* императорского достоинства. В каких еще случаях патриарх мог позволить себе управлять не только церковными, но и государственными делами при «живом» царе? Император смиренно воспринял слова патриарха, заметив лишь, что этой войной он приобрел желанный мир. Но архиерей не принял объяснений²⁷⁴.

Эта история переполнила чашу терпения царя. Не получив долгожданного прощения, император стал употреблять *все* меры, чтобы лишить архиерея патриаршей кафедры. Однако и теперь он не утрачивал надежды разрешить дело миром, не доводя ситуацию до открытого конфликта. Михаил VIII Палеолог часто собирал у себя во дворце епископов и вел с ними пространные речи, объясняя, почему церковное отлучение негативно сказывается на делах Империи.

«Положение дел в Римском государстве, — говорил им царь, — требует большой свободы, а я ее не имею, вынужденно несу наложенные патриархом путы наказания. Если допущенный мной проступок не подлежит исцелению, может быть, патриарху следует взять в свои руки и управление государством? Я просил у него прощения с искренним раскаянием и настойчиво хотел от него врачевства, но он отказал и вместо раскаяния возбудил отчаяние. Тут можно подозревать одну насмешку над царским саном. Мне кажется, патриарх хочет, чтобы я за свой поступок оставил престол и возвратился к частной жизни. Но кому он предлагает передать царство — для меня вопрос. Какие отсюда произойдут следствия для государства — это само собой очевидно. Я не сомневаюсь в ду-

ховной мудрости патриарха, какая видна в других его распоряжениях, но в этом деле никак не могу одобрить его. Где, у какого народа произошло когда-нибудь подобное явление? Какой пример показывает, что иерарх может безнаказанно делать это и у нас? Верность большей части подданных окончена на маске — как скоро царь унижен, они необходимо становятся дерзки. Разве не Церковью определено покаяние? Разве не на божественных законах основано оно? Разве не врачуете вы многих? А если у вас не стало постановлений о покаянии, то я пойду в другие Церкви и от них приму врачевание»²⁷⁵. Последний намек был понятен для всех — василевс угрожал обратиться к Римскому папе для обоснования своего титула и получения полного церковного прощения.

Объективно говоря, Михаил VIII Палеолог был совершенно прав — не случайно практически все епископы согласились с ним и осудили поведение патриарха. Если император не заслуживает прощения — его следовало анафематствовать; но почему тогда имя царя поминалось на Литургии? Если же василевс заслуживал епитимии, то следовало объявить способ и срок покаяния. Очевидно, желая того или нет, патриарх занял третью позицию, сделав императора полностью зависимым от своей воли, — один шаг до полного *подчинения* царской власти Константинопольскому архиепископу. Собственно говоря, Палеолог об этом и говорил. Если он не заслуживает царства, то готов понести наказание и даже оставить престол. Зачем же уничивать царский сан? Это была ситуация, когда каждый делал все вроде бы и правильно и руководствовался добрыми и понятными мотивами, но объективно получался многолетний конфликт — верный признак того, что что-то разладилось в древней «симфонии властей».

Все еще надеясь на мирный исход, василевс отправил к Арсению своего духовника, игумена Иосифа, настоятеля Гализейской обители — очень уважаемого человека, с просьбой разрешить царя от отлучения. В ответ Арсений грубо выбранил Иосифа и остальных посланников и, как говорят, даже наложил на игумена епитимию. Но царя не простил. Более того, запретил в начале утреннего Богослужения петь псалом, посвященный царям. Нетрудно догадаться, что это противостояние должно было скоро закончиться, и результат его, зная твердость характера Михаила VIII Палеолога, легко было предугадать²⁷⁶.

Поняв, что война объявлена и победу в ней нужно завоевать, император не стал препятствовать, когда несколько архиереев принесли очередные жалобы на патриарха Арсения, обвинив того

в нескольких нарушениях канонических правил. Приказом царя был назначен Собор для исследования дела патриарха, и послания разошлись по всей Римской империи, приглашая на собрание архиереев. Почувствовав, что участь его предрешена, Арсений явился в один из воскресных дней к царю, надеясь переговорить с ним и отодвинуть печальный конец своего патриаршества. Они добро пообщались, и патриарх решил отправиться в церковь на службу; за ним последовал василевс. Как говорят, моментально в голове Палеолога созрел план разом закончить все дело. Если они вместе войдут в храм, то, получается, патриарх *по факту* простил его и снял отлучение. Тогда не нужен ни Собор, ни судебные разбирательства. Но патриарх догадался (очень некстати!), грубо одернул императора и выбежал из здания. После такого инцидента всем стало ясно, что патриарх ни при каких условиях не примирится с василевсом, а тот в свою очередь не простит Арсения.

В 1266 г. начался Собор, на котором рассмотрели дело патриарха, обвиняемого, в частности, в разрешении уже покойному Иконийскому султану Кылыч-Аслану IV, когда тот с посольством был в византийской столице, входить в Святую Софию во время Литургии. Хотя многие знали, что турок принял Таинство Крещения, но промолчали, поддерживая обвинение. Арсения пригласили явиться на судилище, тот отказался, ответив, что отвергает Собор, созданный велением царя; за что был лишен патриаршества и отправлен в монастырскую обитель. Новым Константинопольским патриархом по приказу императора избрали его давнего сторонника и друга *Германа* (1266—1267), епископа Адрианопольского²⁷⁷.

Нужно отдать должное благочестию и смирению патриарха. Узнав о приговоре, Арсений воздал благодарение Богу и сказал своим клирикам: «Дети, Божьей воле нужно повиноваться. Простим друг другу обиды. Охотно ухожу, куда угодно Богу, вы же проверьте книги и ризницу, чтобы не сочли меня святотатцем. Эту одежду, книгу и три золотых, заработанных мною перепиской, беру с собой». Он приготовился и ожидал приказа императора, чтобы удалиться в ссылку в Прикониссу под надзор царской стражи²⁷⁸. Моментально вокруг личности опального патриарха образовалась оппозиция, во главе которой стоял епископ Андроник, человек желчный и самолюбивый, монах Иакинф из Никеи и сестра императора инокия Марфа. Ее дворец стал настоящим центром оппозиции.

Вскоре открылся и заговор, участником которого являлся придворный сановник Франгопул. Провели тщательное расследова-

ние — царя очень интересовал вопрос: не состоял ли ненавистный ему Арсений в числе заговорщиков? И хотя тот оказался чистым от подозрений, схваченные заговорщики под пытками оговорили бывшего патриарха. Но общественное мнение настолько было за Арсения, что Палеолог, желая исправить впечатление от ложных обвинений, моментально прекратил по нему разбирательство, передал старцу много денег и прислал ему трех монахов для утешения и бесед²⁷⁹.

Однако патриаршество Германа продлилось недолго: щедрый и открытый, *небезуспешно* пользующийся правом печалования пред царем, он быстро снискал «дурную славу» человека, уважающего императора — «высочайший» уровень общественного сознания! Германа откровенно ненавидели и постоянно сравнивали — естественно, не в его пользу — с прежним патриархом, в котором усматривали прирожденную солидность и самостоятельность. Хотя, как выяснилось, для умиротворения Церкви патриарх Герман был не вполне удачной кандидатурой, по крайней мере царь надеялся с его помощью решить свою главную проблему — получить прощение. А вслед за ним и признание, наконец, *безусловным* священноначалие его императорского сана. Но время шло, а желанное событие все не наступало.

Император требовал объяснений, но Герман уклонялся от них. Истина вскоре открылась — выяснилось, что и в глазах патриарха Германа Михаил VIII Палеолог совершил тягчайший грех, подняв руку на помазанника Божьего, прирожденного Римского царя Иоанна IV Ласкариса. И грех этот так силен, что лично он, «Вселенский патриарх», не может простить его перед Богом — это выше его сил. Прощение выглядело бы бесчестьем перед Богом, преступлением перед Церковью, и Герман никогда не отважится на это. Ведь существуют грехи, отмаливать за которые виновника берутся лишь столпы Православия, святые старцы, десятилетиями подвизавшиеся в пустынях и там совершавшие духовный подвиг. И грех Палеолога — из их числа.

Этот момент очень важен, и его нельзя пропустить как рядовой случай. Для оценки монархического сознания византийского общества отказ двух патриархов снять отлучение с царя — блестящее свидетельство глубокой религиозности и все еще сохраняющегося подлинного благочестия греческого общества. Правда, лично для патриарха Германа это — не самая лучшая оценка: ведь он прекрасно знал, *с какой целью* царь выставляет его кандидатуру на должность предстоятеля Константинопольской церкви. Кроме

того, в самой Церкви начался раскол, который патриарх не смог преодолеть: многие монахи и рядовые обыватели требовали прекратить общение с теми епископами, которые одобрили низложение патриарха Арсения. К ним присоединился Александрийский патриарх *Николай II* (1243—1276), зато Антиохийский архиерей *Евфимий II* (1260—1269) солидаризовался с Собором.

Вместо Константинопольского архиерея умиротворением Церкви занялся император. Михаил VIII Палеолог деятельно боролся с расколом, неоднократно собирая народ и священников и высказывая простые, но разумные мысли. «Много людей ходит в ваши жилища, думая не о том, что хорошо для вас, а о том, как бы выманить у вас что-нибудь нужное себе. Вот они станут обвинять царей, смешивая новое со старым, начнут говорить, что обстоятельства в Церкви не хороши, и, может быть, к этому говору расположат других; а через это, ожидая улучшения, будут и их сбивать с толку. Но увлечься их словами и вместе с ними впадать в заблуждение — это было бы и для меня нестерпимо, и для вас небезопасно. Те разбегутся, а вам от обвинений не уйти»²⁸⁰. Однако *в одиночку* при патриархе, не приобретшем авторитета у паствы, царь справиться с расколом не мог.

В ситуацию вмешался духовник императора Иосиф, игумен Гализийский. Пользуясь доверием Михаила VIII Палеолога, он сумел внушить тому мысль, что непопулярный патриарх не сумеет разрешить царя от греха и собрать воедино расколовшуюся Церковь. По-видимому, игумен был прав, хотя следует знать, что *втайне* Иосиф очень хотел занять патриарший престол и откровенно завидовал Герману. Но император и сам был мало удовлетворен поведением старого товарища, видя, как раскол все дальше и дальше разделяет Церковь на два лагеря.

Получив разрешение василевса, Иосиф встретился с патриархом и попытался убедить архиерея сложить с себя патриарший сан добровольно. Однако Герман был не так прост, да и не чувствовал за собой никакой вины. Убежденный в том, что пользуется расположением василевса, он продолжал хиротонисать епископов и решать церковные дела, а император *внешне* благосклонно взирал на его деятельность. Наконец, перед праздником Воздвижения Креста Господня царь и ближайшие архиереи откровенно дали понять Герману, что он не угоден им. Тот не стал спорить и 14 сентября 1267 г. добровольно сложил с себя сан. Узнав об этом известии, император поспешил созвать Собор, на всякий случай направив одновременно общее от себя и епископов послание Герману с предложением

возвратиться обратно; но того уже невозможно было вернуть²⁸¹. В утешение патриарха наградили титулом «царского родителя». Василевс действовал так тонко, что, невзирая на неприятное для Германа событие, он сохранил с царем добрые отношения.

Вместо Германа решением царя архиереи избрали Константинопольским патриархом *Иосифа Гализейского* (1268—1275 и 1282—1283), перед которым император постоянно исповедовал свои грехи и с кем беседовал о спасении души²⁸². И, надо сказать, Михаил VIII не ошибся — уже 2 февраля 1268 г., на Сретение, на Литургии, Иосиф вместе с другими епископами принял покаяние царя. Это была торжественная и запоминающаяся картина. Василевс явился в храм Святой Софии в окружении телохранителей и членов сената. Сняв корону, император, окруженный сановниками, подошел к Царским вратам, за которыми в Святом Алтаре пребывал патриарх и архиереи, и пал на землю. Он громогласно исповедовал перед всем народом свое преступление и пламенно просил прощения. Патриарх, держа в руках бумагу с формулой прощения, вслух подробно изложил вину царя относительно юного Ласкариса, а затем громким голосом произнес, что отныне император прощен. За ним эту же формулу произнесли по очереди все епископы, находившиеся в храме. Император поднялся, словно обновленный Святым Духом, помолился и, счастливый, вышел из храма Святой Софии. Он тут же повелел своему слуге доставлять ослепленному Иоанну IV Ласкарису все необходимое из пищи и одежды в крепость, где тот содержался, и беспрестанно заботиться о нем²⁸³.

Но и после этого раскол в Восточной церкви не прекратился. Более того, если Герману вменяли в вину, что тот оскорбил Арсения, признав соборный приговор, то, как говорили, Иосиф тем более виновен, что принял покаяние императора, отвергнутое Арсением²⁸⁴. Как ни раздавал патриарх золото, полученное от царя, число его сторонников катастрофически уменьшалось, а партия «арсенитов» росла. В кругу духовных лиц Иосиф утверждал, что и сам глубоко уважает Арсения, и только необходимость заставила его самого признать отлучение бывшего патриарха и принять управление Константинопольской церковью в свои руки. Оправдывался Иосиф тем, что, находясь с императором в добрых отношениях, он делает много полезного Церкви и людям²⁸⁵.

Однако это мало помогло ему. Чтобы сохранить за собой патриаршество и снискать добрую славу подлинного «Вселенского архиерея», Иосифу придется найти повод проявить *самостоятель-*

ность от царя и даже стать во главе оппозиции. Повод для этого вскоре представится — Лионская уния и религиозная политика василевса.

Глава 3. Сицилия и Византия — смертельное противостояние

Еще не успев до конца устроить внутренние дела, василевс вынужден был обратить самое серьезное внимание на внешние угрозы. На удивление, Запад в течение нескольких лет не сумел создать против Византии никакого единого союза. Более того, первое время инициатива принадлежала византийцам. Император при помощи генуэзцев сформировал большой флот, наводивший страх на латинян, и освободил острова Лимнос, Хиос, Родос и другие. Они также потопили несколько венецианских кораблей с товаром. Некоторые экипажи, захваченные в 1262 г. в плен, были по приказу Палеолога изуечены. Благодаря успешным действиям флота, византийцы вскоре освободили острова Наксос, Парос, Кеос и Каристос; затем объединенный генуэзско-греческий флот отправился к берегам Пелопоннеса, сея страх на латинян. А чуть позднее генуэзцы и византийцы захватили целый торговый флот Венеции с громадной добычей²⁸⁶.

При всех успехах, отношения Константинополя с Генуей носили сугубо прагматичный характер. В отличие от прежних времен Михаил VIII сформировал конструкцию *кратковременных дипломатических договоров*, постоянно варьируя между Генуей и Венецией в зависимости от внешних условий и поведения союзников. В 1263 и 1264 гг. византийцы потерпели два тяжелых поражения, вследствие чего император разорвал договор с генуэзцами, не дававший византийцам ничего, кроме крайне невыгодных торговых обязательств, и 18 июля 1265 г. заключил соглашение с Венецией. Но вскоре Республика сошлась с Францией, готовящейся к войне с Византией, и царь вновь прибег к помощи Генуи, предоставив жителям этого города целое предместье в Константинополе, Галату, для постоянного проживания. Это событие больно ударило по торговым интересам Венеции, и 4 апреля 1268 г. венецианцы ратифицировали договор с Константинополем, заключенный на 5 лет. Любо-дорого посмотреть, как тонко использовал Михаил VIII соперничество двух итальянских морских республик²⁸⁷.

Самую большую заботу Михаилу VIII Палеологу доставили болгары и эпиры. Михаил II Ангел, деспот Эпира, и Болгарский царь

Константин I во главе 20 тысяч татар вторглись в Фессалию, надеясь захватить в плен находившегося там императора Михаила VIII Палеолога. За спиной Болгарского царя стояла его супруга — сестра Иоанна IV Ласкариса, побуждавшая мужа к отмщению за брата. К ним присоединился Иконийский султан Кылыч-Арслан IV, которого, спасая от татар, император ранее поселил в городе Эна. С трудом сохранив жизнь, василевс возвратился в Константинополь, конфисковал казну султана, арестовал его семью, а иконийский отряд, сплошь состоявший из крещеных турок, присоединил к своей армии. Тем временем болгары пленили множество греков, которых переселили в свои земли²⁸⁸. Но в 1264 г. брат императора, деспот Иоанн Палеолог, одержал блестящую победу над эфирцами, заставив их признать суверенные права на власть Михаила VIII. Следствием этого стал мирный договор и брак сына Михаила II Ангела *Никифора I* (1267—1297), будущего Эпирского царя, с племянницей Византийского императора.

Этот поход лишний раз убедил василевса, что татары представляют собой грозную силу, с которой нужно дружить. *Гений дипломатии*, он выдал в 1266 г. свою дочь Ефросинью за хана *Ногаю* (1240—1300), чем не только приобрел верного союзника, но и блокировал активность враждебных болгар. Кроме того, Михаил VIII Палеолог завязал дружеские отношения с Египетским султаном *Калауном аль-Мансуром* (1279—1290), убедив того, что им обоим угрожает общая опасность от латинян²⁸⁹. Это было нелегко, поскольку к тому времени египетские мамелюки и татары стали кровавыми врагами. И почти одновременно с этим вступил в договорные отношения с ханом Хулагу, являвшимся смертным врагом хана Ногаю, выдав в 1263 г. свою внебрачную дочь *преподобную Марию Монгольскую* за сына Халугу ильхана *Абага* (1234—1282). Вообще, следует заметить, что система династических браков, построенная Михаилом VIII, оказалась чрезвычайно эффективной. В частности, брак преподобной Марии Монгольской не только обеспечил византийцам помощь в количестве 4 тысяч конных татар, воевавших в Фессалии, но и нейтрализовал остальных потенциальных врагов, уstraшенных мощью ханов²⁹⁰.

А с Запада уже надвигалась гроза — Рим не простил того, что Восток, по существу, выскользнул из его рук, и папа *Урбан IV* (1261—1264) начал деятельно готовиться к новому походу на Константинополь. В первую очередь он потребовал от генуэзцев расторгнуть договор с Византией; те отказались, и тогда понтифик подверг всю Геную интердикту. Его активно поддерживали венеци-

анцы, чьи интересы также пострадали от союза Генуи с Византией. В частности, дож Венеции пообещал безвозмездно отдавать корабли венецианцам, которые пожелают отправиться в поход против византийцев. Становилось очевидным, что Запад формирует широкую коалицию против Византийской империи, с которой бороться оружием — бесполезно; необходимо применять дипломатические средства.

Встревоженный активностью папы, Михаил VIII Палеолог направил ему послание, пестрящее самыми изысканными выражениями. Давая надежду на унию Рима с Константинополем, он писал: «Тебе бы, как нашему отцу, нужно было предварить нас в этом деле. Но я решился первым предложить тебе мир, свидетельствуя перед Богом и Ангелами, что если ты отвергнешь его, совет мой не будет в том укорять меня».

В ответном письме понтифик выражал большую радость, благодарил Бога, приведшего императора на путь истины, и высказывал надежду об уничтожении разногласий. Урбан IV пояснил василевсу главное: «Римский престол всегда являлся для королей самым надежным прибежищем во всех затруднительных обстоятельствах». В заключение (а потенциальная угроза всегда лучше способствует миролюбию и податливости контрагента, в душе полагал папа) понтифик напрямую заявил: «До тех пор, пока Византийский император не подчинится Риму, ни один латинянин не придет к нему на помощь». Но это касалось угроз, исходящих от турок или египтян. Папа словно забыл об угрозе с Запада, вообще не упомянув об этом в письме. А именно она являлась самой актуальной.

Чтобы стимулировать уступчивость Константинополя, папа Урбан IV дал приказание епископу Утрехтскому объявить Крестовый поход против Византии, преследующий своей целью восстановление Латинской империи. А на письма Михаила VIII Палеолога просто перестал отвечать, будто они никогда и не приходили к нему. Опасность усугублялась тем, что бывший Латинский император Балдуин II, явившийся к Сицилийскому королю *Манфреду* (1258—1266), предложил уступить свои «права» на Константинополь, чем заинтересовал молодого германца. Кроме того, подеста Генуи заявил обоим монархам о готовности оказать им помощь силами своих соотечественников, проживавших в Константинополе, в случае нападения латинян на византийскую столицу. Понятно почему: Генуя не могла долго находиться в конфронтации с Римской курией. Узнав из верных источников о тайных переговорах правителя Генуи с Манфре-

дом, Михаил VIII пришел в ярость и немедленно выселил всех генуэзцев из столицы²⁹¹.

Между тем на исторической сцене появилась фигура, чье деятельное участие в судьбе Средиземноморья во многом повлияло на последующие события и политику Михаила VIII Палеолога — *Карл I Анжуйский* (1227—1285), брат Французского короля Людовика IX Святого. Молодой человек, ставший настоящим орудием истории, родился в 1227 г., был высок ростом, силен, мужественен, прекрасно сложен и энергичен. Благочестивый, как и его старший царственный брат, но высокомерный и *практичный*, он был уверен, что Господь избрал его Своим орудием. Карла Анжуйского вызвал на первые роли Римский папа Урбан IV, деятельно занявшийся судьбой Сицилийской короны. Как француз, он быстро отверг притязания англичан на Сицилию, но, верный политике своих предшественников, не желал признать права на остров и короля Манфреда Гогенштауфена — представителя династии, ставшей смертельным врагом Апостольского престола. Папа сделал смелую попытку объединить обе короны, Германскую и Сицилийскую, в одних руках и передать ее своим соотечественникам. Его первым и естественным шагом стало официальное предложение в адрес короля Людовика Святого принять под свою власть Сицилию, но тот, не желая лишний раз ссориться с англичанами и германцами, хитроумно рекомендовал передать корону Карлу Анжуйскому.

Но такой ход нарушал права Манфреда, абсолютно убежденного в том, что по праву преемства он является единственным легитимным королем Сицилии. В годы малолетства своего племянника *Конрадина* (1252—1268), сына Германского короля *Конрада IV* (1237—1254), Манфред исполнял обязанности регента на острове. Но в 1258 г., ссылаясь на ложные известия о смерти своего юного племянника, венчал себя короной Сицилии. Следует сказать, что этот незаконнорожденный сын (один из одиннадцати) Фридриха II Гогенштауфена был по-настоящему достойным правителем. Пока законный наследник Гогенштауфенов юный Конрадин проживал при дворе Баварского герцога, Манфред принялся обустривать Сицилию. Не демонстрируя никаких планов относительно Италии, он мог бы стать мечтой прежних пап. Но только не французам Урбана IV, сделавшего ставку на Карла Анжуйского²⁹².

Германец отписал папе письмо, в котором уведомлял понтифика о том, что незадачливый Балдуин II уступил ему права на Латинскую империю. Известие застало апостолика врасплох: после победы при Фоджи (2 декабря 1254 г.), где германец разбил папские

войска под командованием легата Гильермо Фиески, и последующего подчинения Сицилийскому королевству Капуи, Неаполя, Бридзи и Аверзы, Манфред по «традиции» уже был отлучен от Римской церкви, но отказывать ему и Балдуину II не хотелось. Кроме того, спор за Сицилию между Французской и Германской коронами неизбежно отодвигал на второй план вопрос о подчинении византийцев Римской церкви. Урбан IV не забывал и о последних восточных государствах крестоносцев — им угрожала серьезная опасность со стороны египетских мамелюков, разбивших в 1260 г. татар Хулагу.

В 1261 г. новый султан Египта, мамелюк *Бейбарс I* (1260—1277), известный нам по предыдущему изложению, решил восстановить добрые отношения с Сицилией и заложить прочные основы своей власти. Он восстановил суннитский халифат Аббасидов, разрушенный Хулагу, и нашел некоего человека, которого мусульманские теологи признали преемником предыдущих халифов. Тот принял имя *аль-Мунтасир* (1260—1261), а султан принес халифу ритуальную клятву верности. Новый духовный вождь мусульман Египта недолго правил ими: уже в следующем году, во время наступления на Багдад, он был убит в схватке с татарами. Но не унывающий Бейбарс 16 ноября 1262 г. назначил халифом *аль-Хакима I* (1262—1302). Так родилась ветвь *Каирских халифов*²⁹³. В этой связи намечавшийся союз Сицилии и Египта сулил Риму много неприятностей.

В создавшейся ситуации папа действовал, возможно, медленно и осторожно, зато, как ему казалось, надежно. В первую очередь он попытался умиротворить Манфреда, заставив того признать свою вину перед Апостольским престолом под лозунгом объединения всех западных христиан — то ли для борьбы с Константинополем, который Запад страстно желал вернуть назад, то ли с турками и мамелюками. Потом папа освободил герцога Ахейского от вассальной клятвы, данной им ранее Византийскому императору. В мае 1263 г. Урбан IV продолжил переговоры с Французским королем о передаче Сицилии Карлу Анжуйскому²⁹⁴. И 26 июня 1263 г. между Анжуйцем и Римом был заключен договор, согласно которому Карла признали *защитником Римской церкви*. Он стал Римским патрицием, получил от папы титул «*Миротворец*», и начал активно управлять Центральной и Северной Италией, контролируя банкиров Флоренции, состоявших в папской партии *гвельфов*²⁹⁵. В свою очередь Анжуец принял на себя довольно существенные обязательства по выплате папе ежегодного налога, отказался от титула

папского легата, ранее закрепленного за норманнскими королями Сицилии. Но — главное — получил королевскую корону.

Однако попытки папы разрешить все раздражающие западных христиан противоречия наталкивались на встречные интересы различных игроков на исторической сцене. Узнав о заключенном договоре папы с Карлом Анжуйским, Манфред тут же поддержал партию *гибеллинов*, давних противников апостольской власти в Риме. Урбан IV попытался усилить позиции своих сторонников, гвельфов, но их положение в Вечном городе оставалось шатким. Отношения с Карлом также зашли в тупик — француз требовал новых прав для себя, как Сицилийского короля, забыв о старых обязательствах. А папа, которому эти амбиции были совсем не по нраву, уже не решался расторгнуть сделку с Карлом, перечеркивая все, сделанное ранее. Пока шли переговоры, Манфред перешел в наступление и летом 1263 г. нанес поражение папской армии при Монтаперти, вторгнувшись затем в Анконскую марку. Нужно было привести Карла Анжуйского с французскими войсками в Италию любой ценой, и переговоры между Парижем и Римом продолжились. Наконец, осенью 1264 г. вопрос можно было считать решенным — Карл выторговал те условия, которые выдвигал перед Римской курией²⁹⁶.

Пока французы спорили с германцами за Сицилию и Южную Италию, Константинополь решил половить рыбку в мутной воде. Не дождавшись ответа понтифика, в 1264 г. император Михаил VIII вновь направил ему новое послание, в котором совершенно определенно заявлял, будто нашел причину разногласий и, как следствие, верное средство примирить Восточную церковь с Римом. По мнению василевса, вся проблема заключалась исключительно в плохих переводах с греческого языка на латынь, и наоборот. Теперь же он подыскал достойного человека, епископа Николая Кротонского, который, исследовав разногласия, убедил императора, что учение Римской церкви вполне согласуется с учением Святых Отцов, являющимся для византийцев образцом Православия. Василевс уведомил апостолика, что направляет в Рим епископа Николая Кротонского, и в свою очередь просил папу откомандировать в Константинополь легатов, дабы те на месте помогли ему в деле воссоединения Церквей. Урбан IV ответил в том духе, что радуется стремлению императора ликвидировать «ересь» греков, и просил поспешать с этим, но тут же отдал новое повеление проповедовать в Англии Крестовый поход для восстановления Латинской империи. Впрочем, ему не удалось довести дело до конца — 2 октября 1264 г. Урбан IV скончался в Перудже²⁹⁷.

На вдовствующую кафедру 15 февраля 1265 г. был избран очередной француз *Климент IV* (1265—1268), родом из Прованса. Пока шли выборы, Карл Анжуйский договорился с городами Северной Италии о взаимодействии, получив от них разрешение на проход своей армии через их земли в Рим, и уже 24 мая 1265 г. вступил на улицы Вечного города. Наступила решающая стадия противостояния французов и германцев за гегемонию в Италии. Опасаясь Манфреда, новый папа побуждал Французского короля изменить направление Крестового похода, сменив «неверных» на Сицилию; и не без успеха. Главным исполнителем воли понтифика взялся стать Карл Анжуйский, а Французская церковь и Людовик IX Святой обязались предоставить деньги на ведение войны. Супруга Карла Анжуйского заложила свои драгоценности, и многие французские рыцари в поисках счастья и денег согласились выступить в поход²⁹⁸.

Пользуясь неразберихой в рядах коалиции, неожиданно для всех в 1265 г. Палеолог предложил дружбу венецианцам. По новому договору василевс обязался предоставить гражданам Республики торговые преференции, ранее дарованные генуэзцам, а те в ответ пообещали защищать греков от врагов с Запада. Эта комбинация расстроила сплоченную коалицию против Византии и дала время для передышки²⁹⁹. И хотя данный договор существовал недолго, сама попытка выбить из рядов латинян опасного морского соперника Византии свидетельствовала о больших трудностях, которые неизбежно ожидают Рим на пути восстановления Латинской империи.

Византийского императора не смутила относительная неудача в переговорах с Венецией. Сразу же после этого Михаил VIII Палеолог затеял активные переговоры с Генуей о возобновлении договорных отношений, и в 1267 г. его деятельность увенчалась успехом — соглашение было заключено. И хотя эти договоры стоили Византии громадных убытков в виде «упущенной выгоды», император, например, передал Генуе право разработки квасцовых рудников, находившихся в окрестностях Фокеи, но зато Запад в очередной раз оказался расколотым³⁰⁰.

А тем временем вершилось историческое событие — Италия переставала быть германской и становилась *французской*. 26 февраля 1266 г. у Беневента Манфред и Карл Анжуйский встретились для битвы, и успех сопутствовал Карлу. Почти вся германская армия пала на поле боя — из 3600 рыцарей спаслось всего 600 человек, сам Манфред погиб в битве³⁰¹. После этого в 1266 г., на Латеранском

Соборе, папа собственноручно возложил на голову Карла Анжуйского королевский венец и объявил того королем Сицилии.

Целенаправленная политика понтификов на ослабление власти Гогенштауфенов принесла свои плоды. Но они оказались «пирровыми» для Римской курии: опасаясь *единой* Италии, могущей стать большой угрозой папскому могуществу, апостолики привели полуостров в эпоху *великой междоусобной войны*. С гибелью Манфреда германское влияние на положение дел в Италии фактически прекратилось. Но теперь вместо Германского короля над Италией возвышался Французский монарх. Однако, скажем, забегаая вперед, что и он не сумеет полностью подчинить себе эту страну. И после гибели германских Гогенштауфенов папам придется иметь дело не с одним государем, а со многими правителями самостоятельных итальянских государств и княжеств, среди которых, повторимся, самым могущественным являлся король Франции. В конце концов это обстоятельство и предопределил последующий закат средневекового папства³⁰².

Но это — дела на Западе. Что же касается Востока, то новый папа продолжил переписку с Константинополем. В отличие от покойного Урбана IV он не удовлетворился туманными, как ему показалось, заверениями Михаила VIII Палеолога и нашел присланное ему в Рим греческое исповедание веры полным погрешностей. Понтифик счел необходимым направить Византийскому царю *латинское* исповедание веры с обстоятельным изложением всех догматов, канонов и богослужебной практики Римской церкви, в особенности — учения о главенстве Апостольской кафедры в Кафолической Церкви. Папа потребовал от императора и всех восточных епископов собственноручных подписей под ними и легко отбил очередное предложение Палеолога. А суть последнего сводилась к тому, что вначале нужно примирить врагов Константинополя с Византией, а затем уже идти на церковную унию. Папа посылал, что все следует делать как раз наоборот³⁰³.

Тогда Палеолог предложил папе Клименту IV совместный Крестовый поход на Восток, и понтифик заколебался — уж очень заманчивым было это предложение. Тем не менее 17 мая 1267 г. апостолик ответил в Константинополь, что вопрос о любых совместных предприятиях может быть обсужден только *после* признания византийцами и священноначалием Восточной церкви его Апостольской власти. Этот вариант вполне устраивал папу: с одной стороны, он не отказывал Византийскому царю, с другой стороны, его совесть была чиста. Он был уверен, что *никогда* Палеолог не со-

гласится принять это условие без опасения утраты императорского сана — настроения греков Римскому епископу были хорошо известны. Играя на различных фронтах в свои «шахматы», понтифик тем временем примирял Балдуина II и Карла Анжуйского.

Это была нелегкая задача, поскольку приходилось одновременно решать множество вопросов и учитывать взаимоисключающие интересы. Нельзя сказать, что папа думал лишь о Сицилийском короле — поведение Карла, солдаты которого откровенно грабили Италию (особенно пострадал Беневент), повергло Климента IV в шок, но он был слишком зависим от могущественного монарха. А в Германии остался преемник покойного Манфреда — внук Фридриха II Конрадин, вокруг которого сплотились ненавистники папской власти. После того как Манфред нашел свою смерть на поле боя, отпадал и родственник конкурент из числа представителей династии Гогенштауфенов. И теперь Конрадин смело мог заявлять *свои* права на Сицилию.

Кроме того, далеко не все города Италии соглашались признать над собой власть Климента IV. И хотя в марте 1266 г. итальянские сторонники Карла собрались в Милане, чтобы договориться с ним о совместных действиях, осенью того же года лига гибеллинов постановила начать войну с Климентом IV и Карлом Анжуйским. К несчастью для папы, щепетильный в вопросах чести Французский король Людовик Святой не считал правильным отвергать права юного Конрадина на Сицилию и Германию и занял, по сути, нейтральную позицию³⁰⁴.

Ситуация в Германии действительно оказалась запутанной до чрезвычайности. За малолетством Конрадина и при содействии Римской курии ее королем был объявлен *Ричард Корнуоллский* (1257—1272) — Английский принц из правящего дома Плантагенетов. В значительной степени его избрание на сейме было обусловлено поддержкой, которую ему оказал герцог *Людвиг II Баварский* (1253—1294), воспитатель Конрадина, в обмен на гарантии безопасности юного королевича. Поэтому Конрадин, единственный наследный принц из правящей династии Гогенштауфенов, стал королем Иерусалима по материнской линии и герцогом Швабии, но не получил корону Германии. Разумеется, став совершеннолетним, он желал восстановить нарушенные права своей семьи.

Папа заочно объявил анафему всем, кто поддержит Конрадина, но одного этого шага казалось недостаточно — у юноши оказались весьма могущественные покровители. Помимо нравственных соображений о династических правах Конрадина, Людовика IX Святого

очень беспокоила активность младшего брата, недвусмысленно посягавшего не только на Сицилию, но и на всю Италию. Однако Французский король сам с 1246 г. владел землями от Палермо до Марселя, и появление крупных политических образований не входило в его планы³⁰⁵.

Теперь Сицилийскому королю пришлось готовиться к войне на два фронта, но он не унывал. 27 мая 1267 г. при посредничестве папы Климента IV был заключен договор между ним и Балдуином II. Несчастный экс-король Балдуин II вынужден был согласиться с передачей Анжуйцу в случае успеха экспедиции прав на любую треть территории Латинской империи, включая сюзеренитет над Ахейским герцогством и острова. За исключением лишь тех, которые принадлежали Венеции, — Республика не собиралась разбрасываться своими землями.

Начиная подготовку к войне с Византией, Сицилийский король попытался заключить несколько важных для него союзов, но, по счастью для византийцев, не очень преуспел в этом, натолкнувшись на *превентивную дипломатию* многомудрого Михаила VIII Палеолога. Когда французские послы прибыли к татарам, чтобы договориться с ними о начале совместных военных действий, им открылся неприятный секрет — ильхан Абага, наследник хана Хулагу, сочетался браком с Византийской принцессой преподобной Марией Палеолог (об этом писалось выше). Его супруга глубоко почиталась у этих язычников, и было совершенно невероятно представить, чтобы ее муж мог выступить против Византии. Добавим к слову, что согласно благочестивому Преданию, вернувшись после смерти мужа в Константинополь, св. Мария приняла монашеский чин под именем *Мелания*, построила на собственные средства храм и прожила там до самой кончины. Примечательно, что построенная ей церковь никогда не перестраивалась в мечеть и действует вплоть до сегодняшнего дня.

Тогда Карл Анжуйский устремился к Венгерскому королю Белле IV, ранее неоднократно предлагавшему организовать Крестовый поход против «греков-схизматиков». Но его дочь, чьей руки просил Карл после смерти первой своей жены, решила уйти в монастырь и даже изуродовала себя, чтобы не достаться сицилийцу. Впрочем, Белла IV согласился на двойной брак: его сын принц Иштван женился на дочери Карла Анжуйского, а сын Карла — на дочери Беллы IV Марии. Впоследствии именно благодаря этому браку Анжуйская династия взойдет на Венгерский престол³⁰⁶.

Но когда, как казалось, все было предрешиено, началась война с Конрадином за Италию, забравшая у Сицилийского короля несколько важных лет. Сицилия, недовольная засильем французов, находилась на грани бунта, а сам Конрадин в октябре 1267 г. покинул Швабию и двинулся в Италию. 24 июля 1268 г. он торжественно вступил в Рим под рукоплескания жителей — папа в то время находился в Витербо. Ему навстречу выдвинулся Карл Анжуйский, узнавший о том, что германец направляется для завоевания Сицилии. 23 августа 1268 г. враги встретились у Тальякоццо, и после затяжного и кровопролитного сражения Карл вновь, как и 2 года назад, одержал победу. Французские рыцари, уступавшие наемникам Конрадина в численности, показали большую дисциплину и мужество, а потому германцы после нескольких атак бросили позицию и побежали. Анжуец, пусть и несколько преувеличивая события, писал папе: «Мы убили такое множество врагов, что их поражение при Беневенте — ничто в сравнении с этим»³⁰⁷.

Поверженный 16-летний Конрадин, его товарищ маркграф *Фридрих Баденский* (1249—1268) и еще 11 германских аристократов из числа сторонников Гогенштауфена были судимы французским судом и обезглавлены 29 октября 1268 г. на базарной площади в Неаполе. Казнь отпрыска королевской крови и короля Иерусалима вызвала открытое возмущение в Европе. Папу Климента IV упрекали в тайном содействии Сицилийскому королю, и даже французы выражали гневное негодование. Естественно, сами германцы посчитали убийство Конрадина величайшим преступлением века. Но для реалистичного Карла Анжуйского это означало только одно — обеспечение гегемонии на Сицилии и в Италии. Теперь он мог сосредоточиться на реализации своей мечты — создании *Средиземноморской империи*, куда, конечно, должна была войти и Византия. Однако прошло еще немало времени, пока удалось подавить мятеж на Сицилии, покорить Флоренцию и Тоскану и избрать нового папу взамен скончавшегося в ноябре 1268 г. Климента IV.

Пока шла эта война, Михаил VIII Палеолог не терял времени зря. Хотя ранее попытки Византийского императора завязать с Римом дружеские отношения на основе предлагавшегося объединения Церквей не встречали особого расположения у понтификов, в настоящий момент комбинация неожиданно удалась. В Риме, где пока еще не был избран новый епископ, с большой тревогой следили за политикой Карла Анжуйского, думающего только о собственной выгоде. А тот в 1269 г. предложил венецианцам расторгнуть договор с Константинополем, объединив усилия для общего дела. Из

осторожности, не желая обижать сицилийца, венецианцы немного секвестрировали условия отношений с Михаилом VIII Палеологом. В ответ Византийский царь в одностороннем порядке изменил свои обязательства перед Республикой: он отозвал обещание изгнать генуэзцев с территории Византийской империи и предоставить венецианцам кварталы в главных приморских греческих городах. Это охладило тороватых венецианцев, и они не решились рисковать, окончательно предпочтя Константинополь Карлу Анжуйскому³⁰⁸.

Однако все это не могло существенно повлиять на судьбу предстоящего похода Карла на Константинополь. Понимая, что Сицилийского короля способен удержать только авторитет Рима, Михаил VIII Палеолог с присущей ему энергией и изобретательностью продолжал выискивать малейшие шансы. Пока Апостольская кафедра вдовствовала, он провел много встреч с восточными епископами, пытаясь найти законные предпосылки для церковной унии. Образованный человек, он напомнил греческим архиереям, что еще при императоре св. Иоанне III Дуке Ватаце было принято соборное определение о готовности восточного священства вступить в Евхаристическое общение с латинским клиром и помянуть Римского епископа на Литургии. И настойчиво просил духовенство реанимировать это определение к жизни. Заставить Римскую курию служить интересам Византии, с учетом того, что для латинян греки являлись «*белыми агарянами*», иначе было невозможно.

К сожалению, в этой деятельности василевс не очень преуспел. Не желая конфликтовать с императором, епископы обыкновенно не высказывались категорично против, скользая мыслью по задаваемым им вопросам, но и не одобряли унии. Они надеялись, что вопрос обречен на *столетия обсуждения* — как это было при прежних Римских царях³⁰⁹.

Пока Палеолог пытался решить свои проблемы, сицилиец занялся своими. Весной 1270 г. Карл Анжуйский решил наконец, что летом непременно организует поход на Константинополь, — их соглашение с Балдуином II было подтверждено, и даже в более выгодной для француза редакции, чем ранее. Новый папа до сих пор так и не был избран, что развязывало руки неугомонному французу. Союзником Анжуйца вызвался стать Сербский король *Стефан I Урош* (1243—1273), супруга которого, Елена, приходилась дочерью Балдуину II. Как законный представитель своей семьи и преемник отца, она по праву считалась одной из претенденток на Константинопольский престол и могла передать его Карлу Анжуйскому по самостоятельному соглашению³¹⁰.

Византийская империя оказалась в великой опасности: Михаил VIII твердо был уверен в том, что при первом приближении французско-сицилийской эскадры к Константинополю *все* враги поднимутся на него; и это будет означать катастрофу. Император продолжил деятельное общение с Римской курией в поисках спасения. Хотя папа не был еще избран, но оставались кардиналы, влияние которых на ход политических событий нельзя было недооценивать. Щедро отправляя деньги и подарки в Рим, император Михаил VIII Палеолог посылал письма, в которых утверждал, что готов сделать все для объединения Церквей, и даже признать примат Римского епископа. Нет сомнений в том, что эти мероприятия сделали свое дело, в значительной степени расстроив намечающийся поход Анжуйца на Константинополь³¹¹.

Кроме этого, Михаил VIII Палеолог в 1270 г. отправил два посольства в Париж к королю Людовику IX Святому. Зная о благочестии француза, мечтавшего под конец жизни реабилитироваться в глазах потомков и организовать новый Крестовый поход против мусульман, он предложил тому свои услуги. Это предложение смутило короля: он не испытывал никаких симпатий к византийцам, но и не желал, чтобы военная мощь его брата, Карла Анжуйского, вместо того чтобы помочь благородному делу, увязла у стен Константинополя. Как ни странно, но византийская операция Сицилийского короля становилась препятствием для Людовика Святого. Как человек многомудрый, Французский король был солидарен с некоторыми кардиналами, на примере завоевания 1204 г. наглядно убедившимися, что одними военными действиями прекратить раскол между Западной и Восточной церквями *невозможно*. Поэтому Людовик IX отправил письмо Карлу, в котором изложил свои сомнения, рекомендуя воздержаться от войны с Михаилом VIII³¹².

Надо сказать, что события в Палестине не оставляли христианнейшему королю Франции иного выбора. Латинский Восток все более и более слабел, единственной силой, которая еще держалась, являлись рыцарские ордена. Они не только скупали замки и земли обедневших баронов, но и благодаря финансовым операциям в Европе и денежной помощи могущественных особ имели возможность содержать внушительные вооруженные силы. Но им противостоял противник, которого с полным правом сравнивали с легендарным Саладином. Султан Египта Бейбарс, которого современники именовали «защитником ислама», поставил перед собой задачу не только расквитаться с христианами, поддерживав-

шими татар, но и, главное, перенести торговые центры из Сирии, которые там пока еще существовали, в Египет.

В 1261 г. он овладел Алеппо и оттуда начал нападения на земли Антиохийского княжества. В 1263 г. мамелюк захватил и разграбил Назарет, а потом подошел к стенам Акры, где разыгралось большое сражение, в котором пал сенешаль Жофруа де Сержин. В феврале 1264 г. Бейбарс напал на Цезарею и 5 марта овладел городом и цитаделью. За счет этого маневра он отделил Арсуф и Яффу от остального Иерусалимского королевства. Следом пал Арсуф, который обороняли 270 рыцарей-госпитальеров, и в мае 1264 г. султан подошел уже к Акре, которую, правда, не смог одолеть³¹³.

Весной 1266 г. Бейбарс возобновил военные действия. Одна армия мамелюков в количестве 15 тысяч всадников была направлена к Триполи, а вторая, чуть позже, в Киликийскую Армению, чтобы наказать армян-христиан за союз с Хулагу. Разграбив все вокруг Акры, Тира и Сидона, орда атаковала главный опорный пункт тамплиеров — крепость Сафед в Галилее. 23 июня, ввиду тяжелейшего положения, тамплиеры были вынуждены пойти на переговоры о сдаче крепости, оставив ее в обмен на гарантии безопасности. Но коварный Бейбарс отдал приказ казнить весь гарнизон. 1500 пленных христианских воинов партиями отводились на место, где тамплиеры обычно казнили пленных мусульман, и там их обезглавливали. В живых оставили одного рыцаря, чтобы он рассказал в Акре о том, *что* ждет врагов Египетского султана³¹⁴.

Затем настал черед Армянского королевства. 24 августа 1266 г. состоялось решающее сражение между мамелюками и армией двух сыновей Армянского царя *Хетума I* (1226—1270) — Льва и Тороса. В ходе боя Торос погиб, Лев пленен, а армянская армия разгромлена. Мусульмане промчались по незащищенной стране, захватили Айяс, Адану, Миссис, Тарс и столицу Армянского царства. В конце сентября, взяв в плен более 40 тысяч человек, мамелюки повернули обратно. Бейбарс еще требовал от них немедленного штурма Антиохии, но командующий армией Калаун, получив взятку от князя *Боэмунда VI Антиохийского* (1251—1268), сослался на подступающую осень и снял осаду.

Весной 1267 г. египтяне повторили попытку взять Акру внезапным штурмом, но она оказалась неудачной. Поразительно, но в те дни, когда враг стоял у ворот города, венецианцы и генуэзцы не прекращали своей войны за обладание наиболее удобными гаванями Акры, устраивая настоящие морские бои, в которых тонули суда и гибли моряки.

Перестроив свои силы, в конце зимы 1268 г. Бейбарс двинулся к Яффе; после 12-часового штурма город сдался на милость победителя. Не теряя темпа, сразу после этого Бейбарс подошел к стенам Антиохии, принадлежавшей Боэмунду VI, — ему он также желал отомстить за союз с татарами. И 18 мая, всего на второй день осады, город был взят. Последовала ужасная резня, причем мамелюки закрыли городские ворота, чтобы из защитников города никто не смог убежать. Как говорят, в тот день было убито 17 тысяч человек и более 100 тысяч отведено в рабство. Боэмунд VI униженно просил султана о мире, но тот даровал ему *перемирие* и то лишь при условии, что отныне князь будет именоваться «графом»³¹⁵.

Известия о падении Антиохии вызвали в Европе очередной всплеск энтузиазма. Король *Хайме I Арагонский* (1213—1276) и Людовик IX Святой Французский публично, в торжественной обстановке дали клятву крестоносца. Будущий король, а в те дни пока еще наследный принц *Эдуард Английский* (1272—1307) поклялся заменить своего престарелого отца *Генриха III* (1216—1272) в этой экспедиции. 1 сентября 1269 г. огромный флот вышел в море из Барселоны под командованием короля Хайме I Арагонского. Но тут же попал в страшный шторм, погубивший множество судов и крестоносцев. Лишь незначительная часть пилигримов, среди которых были сам король со своими сыновьями, сумела преодолеть все опасности и прибыть в гавань Акры. Однако эта экспедиция, начавшаяся столь неудачно, не имела счастливого конца. Презрев перемирие, в декабре 1269 г. Бейбарс подошел к стенам этого города, а когда инфанты Арагона вместе с орденовыми рыцарями организовали отчаянную атаку, то попали в хорошо организованную засаду. Лишь немногие смогли спастись от сабли мамелюков³¹⁶.

Теперь пришла пора Французского короля поднимать знамя Крестового похода, что спутало все планы Карла Анжуйского. Он искренне восхищался братом и хорошо осознавал, *каким* влиянием и авторитетом тот пользуется в Европе. Поэтому не присоединиться к Крестовому походу Людовика IX Святого он не мог. Вместе с тем ему очень не хотелось отказываться от своей мечты — Константинополя. Поразмыслив, Карл Анжуйский сообщил брату о том, что готов присоединиться к его экспедиции, но при условии, что конечный пункт ее будет изменен. Он сумел убедить короля, что наиболее выгодным объектом нападения является Тунисский эмир *Аль-Мустансир*. Разгадка проста: этот правитель был личным врагом Карла Анжуйского. Во-первых, эмир считался вассалом Сицилийского короля и обязался выплачивать ему дань в размере

35 тысяч золотых монет ежегодно. Но в связи со сменой правящей династии моментально забыл о своем обязательстве. Во-вторых, именно у него скрывались бежавшие от преследований сторонники покойных Конрадина и Манфреда³¹⁷.

Французского короля убедили, что не Палестина или Египет, а именно Тунис является наиболее слабым стратегическим пунктом мусульманской цивилизации. Пока Тунис находится в руках мусульман, их единоверцы в Египте всегда смогут получить от них подкрепление и деньги. Захватив же Тунис, крестоносцы смогли бы разрезать линию сарацин, тянущуюся вдоль морского побережья. Людовик недолго размышлял и, уступив брату, дал приказ готовить поход на Тунис, не отдавая себе отчет в том, что Крестовый поход попросту превратился в грабительскую экспедицию³¹⁸.

Все же и теперь Сицилийский король надеялся, что ближнее окружение брата, недовольное этой войной, отговорит того от Крестового похода — так ему хотелось начать войну с Константинополем. Но этого не произошло, и 1 июля 1270 г. громадная (по тем временам, конечно) армия Людовика Святого выступила в 8-й *Крестовый поход*. Вместе с королем в поход отправились его сыновья *Филипп*, *Жан Тристиан* и *Пьер*, его зять *Тибо II Наваррский* (1238—1270), герцог *Жан I Бретонский* (1237—1286), графы *Робер II д'Артуа* (1250—1302), племянник короля, *Гюг XII де Лузиньян* (1250—1270), *Ги де Сен-Поль* (1248—1289), *Жан II де Суассон* (1235—1272) и многие другие аристократы. Карлу пришлось сворачивать свои приготовления к войне с Константинополем, присоединившись к остальным крестоносцам.

В скором времени французы и остальные крестоносцы высадились в Сардинии, где сделали передышку и дождались отставших. Здесь, как всегда, начались кровавые драки между пилигримами, не поделившими будущие добычи или рассчитывавшимися за прошлые обиды. Лишь с большим трудом Людовику IX удалось навести порядок, зато возникли проблемы с дальнейшим плаванием. Венецианцы *наотрез* отказались предоставлять свои корабли крестоносцам из-за боязни потерять торговых партнеров в Египте, а генуэзцы оказались не слишком расторопными и прислали свои суда с большим опозданием³¹⁹.

Французы высадились в Тунисе 17 июля 1270 г. Вскоре туда же должен был прибыть Английский принц Эдуард I и Карл Анжуйский. В самом начале удача шла рука об руку с пилигримами, чему в немалой степени они были обязаны внезапностью нападения. Почти сразу же крестоносцы овладели Карфагеном, который из не-

когда цветущего города превратился в маленькую крепость, а затем подошли к Тунису, став лагерем в 20 км от него. Они вполне удачно отразили первую яростную атаку сарацин на свои позиции и даже взяли много пленных. Но затем удача отвернулась от латинян.

С первых дней пребывания в лагере крестоносцев сказался недостаток в воде и пище. Дизентерия и злокачественные лихорадки начали производить опустошения в христианском лагере, и первыми жертвами стали графы Вандомский и Гюго XII де Лузиньян, де Монморанси, де Пьеннь, де Бриссак и другие. Наконец, стало умирать столько народа, что пришлось заваливать могилы трупами без разбора. Людовик IX Святой старался поддерживать дух крестоносцев своим примером, но сам вскоре заболел дизентерией. Король приказал поставить перед собою громадных размеров крест и ежедневно подолгу молился Христу.

Почувствовав приближение смерти, он обратился к своему сыну, наследнику престола *Филиппу III Смелому* (1270—1285), с советами, как управлять Францией. В первую очередь он заповедал ему уважать святую веру и ее служителей и больше всего бояться оскорбить Бога. Затем король прибавил: «Дорогой сын мой, если ты взойдешь на престол, то покажи себя своим поведением достойным сподобиться святого помазания, которым посвящаются на царство французские короли... Когда ты сделаешься королем, то будь справедлив во всех отношениях, не уклоняйся ни ради чего от прямого пути и правды... Употребь все твои усилия, чтобы умиротворить раздоры, могущие возникнуть в государстве, так как Богу всего угоднее зрелище мира и согласия... Будь справедлив во взимании общественных налогов, мудр и умерен в распоряжении ими... Исправляй благоразумно и осторожно все недостатки в законах королевства... Поддерживай с честью установленные права и привилегии... Чем счастливее будут твои подданные, тем более ты будешь велик... Чем безукоризненнее будет твое управление, тем более оно внушит страха врагам, и они не посмеют нападать на твое государство».

Наставив сына, Людовик IX Святой не хотел более помышлять ни о чем, кроме Бога, и остался наедине со своим духовником. «Уста его не переставали, — утверждал летописец, — ни днем, ни ночью прославлять нашего Господа и молиться Ему за народ, который он сюда привел». В 9 часов утра в понедельник, 25 августа, у него отнялся язык, затем, казалось, он заснул и так более получаса оставался с закрытыми глазами. Но потом оживился, открыл глаза, посмотрел на небо и сказал: «Господи! Я войду в дом Твой и буду по-

клоняться Тебе в Святилище Твоем!» В этот же день Французский король Людовик IX Святой скончался³²⁰. Следует отметить, что по инициативе Филиппа III в 1297 г. папа *Бонифаций VIII* (1294—1303) своей буллой «*Gloria laus*» причислил Людовика IX к святым Римской церкви. Людовик стал вторым после *Дагоберта II* (676—679) королем франков, прославленным западными христианами.

Прибытие Карла Анжуйского 24 августа со своим войском *спасло* французскую армию, и под его руководством крестоносцы даже нанесли тунисцам два рядовых поражения. Поэтому эмир поспешил просить мира, который и был заключен 1 ноября 1270 г. По его условиям, христианам разрешалось беспрепятственно строить храмы на землях Тунисского эмира, организовывать свои кладбища, молиться и проповедовать. Был произведен обмен пленными, а за освобождение ранее завоеванных земель эмир обязался в три этапа выплатить 210 тысяч унций золота в качестве компенсации военных издержек вождям Крестового похода. Кроме того, он обязался *немедленно* погасить всю задолженность перед Сицилийской короной, т.е. перед Карлом Анжуйским, что составляло более 170 тысяч золотых монет³²¹.

Эти условия были настолько выгодны *лично* для Сицилийского короля, что остальные французские аристократы посчитали, будто Карл Анжуйский ведет нечестную игру. Но это уже ничего не значило, и французы начали возвращение на родину, забравшее у них еще множество жизней и кораблей. Кое-как они прошли Италию, где с подачи Филиппа III организовали выборы нового папы, которые состоялись 1 сентября 1271 г. Единственный, кому удалось принести хоть какую-то пользу гибнущей Латинской Палестине, стал принц Эдуард I Английский. Узнав о катастрофе французов, он сменил направление движения и 16 мая 1271 г. прибыл в Акру буквально *накануне* наступления на город Бейбарса. Когда султану донесли о прибытии англичан, он, не став рисковать, дал приказ отступить и заключил мирный договор с Боэмундом VI на 10 лет. Хотя незадолго до этого письменно уведомлял графа о том, что для него уже выкованы цепи, дабы привезти на базарную площадь и продать в рабство.

Но и Эдуард I имел лишь тактический успех. Имея под рукой довольно ограниченный контингент, принц отважился на несколько небольших боев с сарацинами, складывавшихся по-разному. Все же, когда возникли предпосылки союза англичан с татарами илхана Абага, Бейбарс решил купить спокойствие и 21 апреля 1272 г. заключил 10-летний мир с Иерусалимским королевством.

В какой-то момент мстительный мамелюк послал ассасина в лагерь пилигримов с целью убить Эдуарда I, но тому удалось спастись — кинжал оставил лишь небольшую рану на его бедре. И в конце сентября 1272 г. принц со своими солдатами отправился обратно в Англию³²².

Тем временем, посчитав свои клятвы перед покойным братом исполненными, король Сицилии вернулся к своей мечте — овладению Константинополем. Казалось, все способствовало ему на этот раз. Карлу гораздо выгоднее было отсутствие папы на Апостольской кафедре — оно развязывало ему руки на Востоке, и едва ли он мог подозревать, что и сейчас будет остановлен своей же семьей. Филипп III, благочестивый, как и его покойный отец, категорически настаивал на своем решении, которое огласил дяде, — ждать появления нового Римского епископа, а уж потом решать вопрос о войне с Византией³²³.

Наконец, понтифик был избран. Им стал архидиакон Льеж Тебальдо Висконти, принявший имя *Григория X* (1271—1276). В то время он пребыл вместе с принцем Эдуардом Английским в Палестине и только в январе 1272 г. прибыл в Южную Италию, где его встречал сам Карл Анжуйский. 27 марта 1272 г. его возвели на Апостольский престол. Как утверждают, «после пап, которые вели убийственные войны и поражали проклятиями народы и королей, снова взошел на ступени верховного алтаря священник, который мог поднять свою незапятнанную руку на благословение миру»³²⁴.

Интересно, что, в отличие от многих предшественников, этот апостолик давал несопоставимо более мягкую редакцию отношений папской власти и королевской. В одном из своих посланий он писал: «Священство и Империя различны по характеру, но их связывает тождество цели. Что их единство необходимо, видно из того бедствия, которое возникает при отсутствии того или другого. Если не занят святой престол, то Империи недостает руководителя ко спасению. Если пустует императорский трон, то беззащитная Церковь делается жертвой ее гонителей. На обязанности императоров и королей лежит защищать свободу и права Церкви и не отнимать у нее временных благ. Долг правителей Церкви — поддерживать королевскую власть во всей ее неприкосновенности»³²⁵. В общем, это действительно был один из *великих* Римских епископов, счастливо для Византии появившийся в годы самой страшной для нее угрозы.

Пока понтифик добирался до кафедры, Сицилийский король продолжал политику *дипломатического удушения* Византии. Ему очень повезло в том, что Михаилу VIII Палеологу так и не удалось примириться с Сербией. К тому же ослепленный Иоанн IV Ласкарис бежал из заключения и скрылся в окрестностях Фоджие, где нашел естественный приют у Карла Анжуйского³²⁶. Воспользовавшись смертью Эпирского деспота Михаила в начале 1271 г., сицилиец присоединил к себе Дуррацио, остров Корфу и ряд албанских территорий, активно влияя на балканскую политику. Карл Анжуйский подружился с Сербским королем Стефаном I, жена которого была горячей поборницей Римской кафедры, и с Болгарским царем, чья супруга приходилась родной сестрой ослепленному Византийскому императору Иоанну IV. Все было хорошо, кроме одного — Сицилийский монарх не знал, *как* поведет себя новый Римский папа.

А папа Григорий X, успевший по дороге продумать основные принципы своей политики, уже в апреле 1271 г. своей буллой созвал новый «Вселенский» собор в Лионе на 1 мая 1274 г., определив его повесткой 3 вопроса: церковная реформа, отношения с Восточной церковью и новый Крестовый поход в Палестину. В глазах апостолика новая экспедиция пилигримов приобрела особое значение, и он решил отдать ему все свои силы. Как рассказывают, еще уезжая из Палестины, папа произнес проповедь, завершившуюся словами: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя; и прильпни язык мой гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалим во главе веселия моего!»³²⁷

Христианские колонии в Палестине в то время по-прежнему подвергались большим опасностям. К несчастью, некоторые из них были обусловлены не экспансией мамелюков, а междоусобицей. В приморских поселениях проживали венецианцы, генуэзцы и пизанцы, принесшие с собой дух зависти и соперничества. Одна церковь в Птолемаиде, находившаяся в общем владении у генуэзцев и пизанцев, сделалась предметом настоящей войны, которая в продолжение нескольких лет порождала смуты во всех христианских городах Сирии и распространилась до самого Запада. Возобновились раздоры между орденами «храмовников» и «Иоаннитов», и в древней летописи говорится, что после одной битвы между ними не осталось ни одного «храмовника», чтобы возвестить о поражении рыцарей этого ордена. Вполне понятно, почему папа, только что вернувшийся из Палестины, желал объединения *всех*

христиан — и западных, и восточных, для нового Крестового похода в поддержку единоверцам³²⁸.

Конечно, Карл Анжуйский имел все основания быть недовольным этим: вопрос о Крестовом походе и необходимости заключения унии с Константинополем вновь «замораживал» на неопределенное время его войну с Византией. Но откровенно выступать против папы было невозможно — Карл рассчитывал на поддержку понтифика в своем противостоянии с Генуей, втайне подогреваемой Михаилом VIII Палеологом, и, опять же, при содействии Рима получить сан Западного Римского императора, который на тот момент оставался вакантным³²⁹.

Подозрения «французского сицилийца» вскоре подтвердились — как честная и цельная фигура, служившая одной идее, папа Григорий X был готов поддерживать Анжуйца только в тех пределах, которые выгодны Римской церкви и обеспечивали стабильность в христианском мире. Апостолик решительно отклонил его кандидатуру на пост Германского императора, выдвинув через подставных выборщиков *Рудольфа I Габсбурга* (1273—1291), ландграфа Эльзаса, который и был избран на ландтаге и коронован в Ахене 24 октября 1273 г.

К тому времени вражда между Карлом Анжуйским, Генуей и Тосканой стала принимать открытые формы. Осенью 1273 г. Сицилийский король атаковал своих врагов, но не смог добиться серьезных, тем более — решающих успехов. Его поход на Константинополь так и «висел в воздухе», пока отсутствовало благословение понтифика. Между тем Михаил VIII Палеолог урегулировал свои отношения с Венгрией, женив в 1272 г. своего сына Андроника на Марии, дочери короля Венгрии *Иштвана V* (1270—1272) Венгерского. Свадьба состоялась в храме Святой Софии, после чего молодые были венчаны на царство³³⁰.

Отныне **Андроник II Палеолог**, как соправитель отца, получил право писать красными чернилами: «Андроник, Божьей милостью Римский царь», единственно не указывая месяца и числа, с которого царский акт вступает в силу — это оставалось прерогативой отца. Кроме того, Андроник поклялся никогда не замысливать ничего плохого против василевса. Таким образом, Анжуец потерял, а Византийский император приобрел ценного союзника³³¹.

Неожиданно стал очевидным тот факт, что, пока Анжуец готовился к войне, а Европа вместе с Римом путалась в проблемах Крестового похода, Византия существенно окрепла и приумножила свой международный авторитет. После смерти царя Эпира

Михаила II Ангела престол отошел к его сыну Никифору I, женатому на племяннице Михаила VIII Палеолога, а потому вполне доброжелательному в своих отношениях к Константинополю. Болгарский царь Константин I, овдовев, принял в жены другую племянницу Византийского царя, Марию, и примирился с родственником. В Фессалониках утвердился внебрачный сын императора Иоанн Палеолог. Правда, вскоре Иоанн вступил в борьбу с василевсом, желая отстоять независимость своего государства. Зато в 1272 г. состоялся указ Михаила VIII об упразднении автокефалии Сербской и Болгарской церквей и переподчинении их Константинопольскому патриарху³³².

Михаил VIII Палеолог метался между Западом, Балканами и Востоком, надеясь найти универсальный рецепт против своих врагов. Тем временем Болгарский царь Константин I предпринял против византийцев несколько походов. Они были вызваны не только церковной политикой Византийского царя, но и тем, что Михаил VIII так и не передал Болгарии обещанные в качестве наследства города Анхиал и Месемврию. Но, завладев вначале несколькими областями Фессалии и Македонии, болгарин потерпел несколько поражений от греческой армии, которой помогал хан Ногай, и утратил не только свои завоевания, но и последние владения в Македонии, а также города Месемврию, Анхиал, Филиппополь, Станимак, Скопье, Прилепу и Полог³³³.

Наверное, Карл Анжуйский был бы совершенно деморализован, если бы знал, что папа Григорий X вообще не считает целесообразной войну с Византией. Много времени пробыв на Востоке, папа прекрасно понимал, что попытка реанимировать Латинскую империю — иллюзорна. Греков невозможно было завоевать, но если бы Византия *добровольно* присоединилась к Риму, она могла бы стать бесценным союзником. Не поставив в известность Сицилийского короля, еще по дороге в Рим он написал послание Палеологу, в котором продекларировал свое горячее желание организовать церковную унию и доказывал василевсу, что сейчас — самое подходящее для этого время. Папа намекнул в своем письме Палеологу, что не может разрешить Венеции заключить договор с Константинополем, и вообще с трудом сдерживает Карла Анжуйского, готового вторгнуться на Восток. А после напрямую предложил византийцам явиться в Лион, но не для догматических споров, а единственно для того, чтобы *публично засвидетельствовать* перед всем христианским миром о своем подчинении Римской церкви³³⁴.

Убежденный в том, что его письмо не останется без ответа, папа даже хотел отправить своих нунциев в Константинополь, не дожидаясь обратного послания Михаила VIII, и лишь горячие уговоры кардиналов, предложивших ему выждать время, остановили Григория X³³⁵.

Но и для Михаила VIII Палеолога это был прекрасный шанс нейтрализовать опасность, исходящую от Карла Анжуйского, и он использовал его. Василевс ответил папе в восторженных тонах, предлагая тому даже *лично* приехать в Константинополь, чтобы решить все вопросы организации церковной унии. Апостолик понял, что правильно выбрал время: окруженный со всех сторон врагами, очень опасаясь нападения Карла Анжуйского, Михаил VIII Палеолог не мог отвергнуть приглашения папы прибыть на Лионский собор, хотя будущая уния означала революционный переворот в системе церковного управления Византийской империи. Но василевса не пугали столь далекие перспективы — в течение 10 лет дипломатическим оружием ниспровергая планы врагов, он надеялся, что *легкие уступки* в настоящем времени гораздо безопаснее для Византийской империи немедленной войны. И с чувством своей глубокой правоты пошел на соединение с Римским престолом, дав поручение подготовить посольство на Лионский собор.

Глава 4. Лионская уния 1274 г. и попытки ее рецепции

Однако теперь Михаилу VIII пришлось решать не менее сложную задачу — убедить византийское общество и восточное духовенство в необходимости принять унию с Римом. Было ясно, что папа Григорий X не удовлетворится уклончивыми обещаниями, но потребует прямых и ясных ответов или, вернее, выполнения своих требований. А это становилось возможным лишь при согласии священноначалия Восточной церкви с позицией василевса. Император попытался личным примером убедить греческий епископат, но безуспешно. Была организована встреча архиереев с царем, и Михаил VIII настойчиво доказывал, что уния — ничтожнейший пустяк, который не следует воспринимать близко к сердцу; гораздо опаснее ужасы войны и грядущая перспектива утраты Константинополя. Он убеждал, что папа *по праву* должен называться «первым братом», приводя в пример Евангельского Лазаря, назвавшего Авраама «отцом». Право апелляции к Риму, полагал василевс, так-

же не подлежит сомнению, как имеющее древнее происхождение и закреплённое в святых канонах. В целом, заканчивал император свою речь, разногласия между Восточной и Западной церквями *ничтожны*, а потому не следует бояться унии³³⁶.

В целом он был, безусловно, прав. Правда, здесь возникали два чрезвычайно важных обстоятельства. С одной стороны, греки требовали проведение Вселенского Собора — «несмотря на все величие Римской церкви, она не может сравниться со Вселенским Собором или Вселенской Церковью», полагали византийцы. С другой стороны, латиняне в принципе были готовы пойти на это, но при условии, что Вселенский Собор лишь станет свидетелем унии Востока с Западом, акта признания греками власти папы и их подчинения Римскому епископу. Ни о каком *обсуждении* спорных вопросов, по мнению западных иерархов, и речи быть не могло, поскольку это подрывало убеждение в абсолютной чистоте римского вероучения. Впрочем, благодаря кипучей энергии императора и его дипломатическому искусству, первоначально перечень самых основных вопросов, под которым должны были подписаться греческие епископы, был невелик³³⁷.

Рим пока что не ставил вопроса о латинских догматах и, главное, о *Filioque* — папа требовал лишь признания своего примата в Кафолической Церкви и поминания ранее остальных патриархов. Прими византийцы эти требования, и можно было считать, что вопрос с Римом улажен. По крайней мере через некоторое время, когда Римская курия выставит более жесткие и тяжелые условия, епископы будут горько жалеть об упущенных возможностях и оценят правоту царя.

Однако в тот момент даже такие сверхмягкие условия не устраивали греческий епископат. Оставив все дела, император сосредоточился исключительно на церковном вопросе. Вновь и вновь он убеждал клир и представителей самых знатных семей, недовольных позицией василевса, что гораздо удобнее и важнее предотвратить угрозу, чем потом бороться с ней. Если латиняне вновь возьмут Константинополь, они сделаются господами не только веры и церквей — это греки уже видели по прежним примерам, — но и всего остального: жилищ, жен, имущества, детей, наконец, свободы. «Дойдет до того, что некому будет отстаивать отеческие обычаи и законоположения, равно как священные правила и догматы, но все легко извратится и уничтожится», — убеждал Михаил VIII³³⁸. Но все было бесполезно.

Хуже всего то, что Константинопольский патриарх Иосиф, до сих пор являвшийся верным союзником императора, на этот раз

занял сторону оппозиции. Подталкивал ли его к этому греческий епископат, недовольный политикой царя, или Иосиф самостоятельно пришел к этому решению — не суть важно. По его тайному поручению хартофилакс Константинопольской церкви Иоанн Векк при встрече с царем заявил от лица всего епископата, что хотя латинян греки не называют еретиками, но, по сути, они — *еретики*. Конечно, царь прогневался, и в 1273 г. хартофилакса бросили в тюрьму. Поняв, что встретил серьезную фронду, василевс поручил некоторым клирикам подготовить обширное исследование по спорным догматическим вопросам, дабы потом обсудить его с архиереями. В свою очередь патриарх Иосиф и другие епископы созвали всех, кого можно было подключить к исследованию трактата, но, конечно, преследовали иную цель — доказать василевсу *невозможность* унии с Римом. Каждый из епископов составил свою письменную позицию, а затем поручили клирику Иову Иаситу свести все вместе. Епископов поддержала даже родная сестра царя Евлогия, деятельно помогавшая архиереям.

Получив трактат епископов, василевс понял, что никакой поддержки от них ему ждать не приходится. Естественно, он не собирался состязаться с архиереями и патриархом в догматических вопросах, а потому, поразмыслив, решил привлечь на свою сторону хартофилакса Иоанна Векка, все еще пребывавшего в темнице близ Влахернского дворца. Палеолог явился к нему и убедил *самостоятельно* изучить доводы в пользу унии, присланные латинянами, а также аргументы против этого, предложенные греческими епископами. Царь был уверен, что Векк, как человек честный и образованный, не будет кривить душой, но выскажет то мнение, за которое отдаст саму жизнь³³⁹.

Встретив открытое сопротивление со стороны епископата и близких родственников, Михаил VIII без промедления открыл гонения на своих врагов. Начались преследования оппозиции и первые жертвы: наиболее ревностных организаторов церковного раскола по приказу императора ссылали, сажали в тюрьму, лишали имущества; им отсекали руки и даже казнили. Сторонники ортодоксии во множестве рассеялись в Пелопоннесе, Ахайе, Фессалонике, Колхиде — там, где власть Римского царя была слаба или вовсе отсутствовала³⁴⁰.

Обеспокоенный Константинопольский патриарх решил написать окружное послание и взял с архиереев клятву, что никто из них не уклонится в сторону латинян. Кроме нескольких человек, почти все епископы подписали послание, тем самым поста-

вив императора в невероятно сложное положение. Без сомнения, Михаил VIII имел все основания быть недовольным действиями патриарха Иосифа, при помощи которого надеялся ликвидировать угрозу со стороны Запада. Не будучи искушенным в богословских вопросах, император желал получить из рук своего патриарха ту формулу, которая, с одной стороны, удовлетворила бы Рим, с другой — позволяла сохранить в неприкосновенности традиции отцов и Православное вероучение. Но, как оказалось, человек, обаянный ему патриаршим престолом, его духовник, которому царь поведывал самые тайные мысли, играл против своего господина и благодетеля. У василевса не оставалось выбора, и он начал вести разъяснительные беседы с епископами *помимо* патриарха.

В 1274 г. судьба неожиданно даровала ему надежного помощника — того самого хартофилакса Иоанна Векка, который ранее едва ли не возглавил партию антипапистов. Изучив латинские книги и пояснения, Векк пришел к выводу о том, что Римская курия с точки зрения догматики не так уж и грешна перед истиной. Латинянам можно вменить в вину прибавление *Filioque* к Символу Веры, но некоторые похожие изречения Векк нашел и у такого Светоча Православия, как св. Кирилл Александрийский. Он уведомил императора о признании своих предыдущих заблуждений и принял активное участие в переговорах с архиереями³⁴¹.

Вероятно, папа знал о проблемах, с которыми столкнулся Римский царь у себя в столице, а потому решил немного *попугать* греков, запретив венецианцам возобновлять договор с Византией. Палеолог перевел столицу на осадное положение и начал готовиться к войне. По его приказу все башни и амбары были набиты зерном, в каждый дом пригнали по 10 свиней, которых горожанам нужно было откармливать и забивать, спасаясь от голода в случае войны. Заготавливалось оружие, укреплялись стены Константинополя, острова по Мраморному морю. Стоянка византийского флота была перенесена во Влахерн, в просторную Старую гавань. Гавань Кандоскалино на Мраморном море укрепили камнями, заперли железными воротами, углубили, а на дно лили ртуть. Срочно возобновили договорные отношения с генуэзцами, которых массами принимали на царскую службу³⁴².

Как обычно, Михаил VIII предпочитал дипломатические игры полям сражения. Надо было смягчить папу, и в своем послании в Рим Михаил VIII Палеолог довольно убедительно объяснял, *почему* не в состоянии в настоящий момент реализовать свои обязательства, а попутно просил понтифика принять его делегацию

в Лионе. В состав посольства вошли бывший патриарх Герман, Никейский митрополит Феофан, логофет Георгий Акрополит, оставивший нам свои мемуары, два царских сановника, несколько секретарей и духовных лиц.

Примечательно, насколько *тактично* император Михаил VIII пытался разрешить вопрос, нисколько не умаляя статуса и самостоятельности Константинопольского патриарха. Он предложил Иосифу на время работы Лионского собора удалиться в обитель *как бы* на покой, но с обязательным поминовением его имени на каждой Литургии, как патриарха. Если примирение с Римом не состоится, Иосиф может вернуться к исполнению своих обязанностей. Если же состоится уния, то, связанный клятвой перед остальными архиереями, он добровольно сложит с себя сан, и на его место выберут сторонника унии. Патриарх подумал и согласился³⁴³.

Но в целом папа и император могли испытывать законное недовольство текущими успехами. Они оказались не одинокими в своем недовольстве: переговоры о церковной унии, длившиеся весь 1273 г., приводили Сицилийского короля в ярость. Он был вынужден в очередной раз приостановить приготовление своего похода на Константинополь и, опасаясь негативной реакции папы, не мог добить враждебную ему Геную. Срок его договора с Балдуином II истек в 1274 г., после чего считался недействительным — в этом случае Сицилиец утрачивал права на византийские территории, которые ему готов был уступить Латинский император.

Пока Анжуец вынужденно бездействовал, Михаил VIII Палеолог развил бурную активность. В Западной Европе император Михаил VIII связался к концу 1273 г. через генуэзцев с могущественным королем *Альфонсо X Кастильским* (1252—1284), претендовавшим на сан императора Западной империи, и щедро финансировал гибеллинов в Италии, активно досаждавших Карлу Анжуйскому. Сицилийским монархом был недоволен и папа Григорий X, полагавший, что тот виновен в осложнении его отношений с Генуей. Однако понтифик не хотел открытого разрыва отношений с Карлом, надеясь использовать того в будущем Крестовом походе. Отношения между папой и сицилийцем еще более охладились после смерти знаменитого богослова *Фомы Аквинского*, одного из главных идеологов готовящегося Лионского собора, которого, по слухам, отравили агенты Карла Анжуйского³⁴⁴.

Долгожданный Собор был открыт папой 7 мая 1274 г., и на него он пригласил 13 королей, хотя почти все они под благовидными предложениями отклонили приглашение апостолика. Тем не менее

Григорий X как ни в чем не бывало начал обсуждение оглашенных им вопросов. В первую очередь апостолик попытался решить вопрос о новом Крестовом походе против мамелюков, и прибывшее по его приглашению татарское посольство должно было возбудить дух победы у христианских государей Запада. Папа даже сделал все для того, чтобы послы-татары приняли Таинство Крещения в дни Собора³⁴⁵. Но, увы, это ничего не дало. Для честолюбия западных государей Палестина и Сирия утратили всякое значение. В кулуарах Собора рассказывали анекдот, исходящий от Альфонсо X Кастильского. «Папа, — сказал он, — назначил меня государем Сирии и Египта. Я не хочу быть неблагодарным и, в свою очередь, провозглашаю святого отца халифом Багдадским». А французский посол откровенно назвал это «пустой затеей»³⁴⁶.

Итак, вопрос о Крестовом походе провалился. Зато были приняты некоторые новеллы по процедуре избрания Римского папы при вакантной кафедре. Затем папа пролоббировал признание Рудольфа Габсбургского императором Западной империи и издал несколько актов, запрещающих войну в Европе между христианами, — вот это действительно была безнадежная затея. Теперь оставался главный вопрос — *об унии* с Восточной церковью.

Поскольку у мыса Малая один из кораблей посольства затонул, прибывшая греческая делегация была представлена не так пышно, как того хотелось Византийскому императору. Но его послов радостно встретили, провели объединительную службу, часть которой служилась на греческом языке, и пригласили спеть Символ Веры в редакции *Filioque*. Однако Никейский митрополит вдруг замолчал на этом месте, будто не запомнил слов. Зачитали послания императора и его сына Андроника, в которых они признавали примат Римской церкви, называли папу «первосвященником и государем Кафолической Церкви», «Вселенским папой» и «отцом всех христиан». В качестве обратного доброго шага цари просили разрешить использовать византийцами ту редакцию Символа Веры, которая для них ближе и традиционнее³⁴⁷. Несмотря на пышные выражения, по существу послание не затрагивало основных вопросов в той редакции, которая была удобна для Римской курии.

Папе были переданы и *требования* греков, на которых они согласны заключить унию: в первую очередь устроить мир между Византией и Карлом Анжуйским с той оговоркой, что это необходимо для участия византийцев в новом Крестовом походе. Кроме этого, понтифику поручили заботы о судьбе царских детей, чтобы те могли

вступить в браки с представителями западных королевских семей; обязали отказать в приеме мятежным вассалам Византийского императора, и, наконец, потребовали признания прав Михаила VIII Палеолога на царский трон³⁴⁸.

Третье послание — от епископов Восточной церкви — содержало еще более туманные позиции. Нет, конечно, архиереи признавали заслуги Римской церкви, но дальше этого не шли. Чтобы снять гнетущую тишину после прочтения этих документов, Георгий Акрополит от имени Римского царя поклялся принять латинский Символ Веры, отказаться от «схизмы» и признать латинские догматы единственно верными. Но когда папа Григорий X попросил предоставить *письменную* копию этой клятвы, Акрополит ответил, что та погибла во время шторма. Пришлось довольствоваться тем, что есть.

Все равно папа торжествовал и объявил, что «греки свободно и без всяких временных расчетов покорились Апостольской кафедре, а теперь явились засвидетельствовать ему свою покорность». Посчитав, будто одержал решительную победу, Григорий X отпустил посольство в Константинополь, письменно поддерживая императора в его начинаниях и рекомендовав царю Андронику во всем следовать примеру отца. По форме, официально, уния состоялась, но только *по форме*, о чем папа еще не догадывался. А Филиппу III Французскому и Карлу Анжуйскому апостолик объявил, чтобы те продлили срок действия перемирия с Византией еще на 1 год, начиная с мая 1275 г. В завершение Собора, 6 июля 1274 г., Римский епископ провел торжественное совещание, посвященное объединению Церквей. Выслушав отчет посольства, Михаил VIII Палеолог имел все основания считать свою политику успешной: он вновь получил важную отсрочку от нападения Карла Анжуйского и, кроме того, добился признания Римом своего статуса. Теперь никто не мог сомневаться в его самодержавности и полномочиях, как Римского царя³⁴⁹.

Вместе с тем, понимая, что продолжение унияльной церковной политики и рецепирование Лионских решений может привести к бунту в столице, василевс решил сыграть на временных проволочках и мелких уступках, не отдавая Риму главного — *независимости Восточной церкви*. Лионская уния стала величайшей дипломатической победой Михаила VIII Палеолога, хотя его позиция прочно основывалась на той линии отношений с Римской церковью, которую проводили еще блистательные Ласкариды³⁵⁰.

Зато Лионские соглашения стали крахом надежд Сицилийского короля. Дела Анжуйца шли далеко не так успешно, как бы ему хотелось. В октябре 1274 г. его войска потерпели урон в войне с Генуей, а положение в Пьемонте становилось совершенно плачевным. Осенью 1275 г. сенешаль сицилийца Филипп Лагонесс был разбит итальянцами и вынужденно отступил — после этого из владений Карла Анжуйского в Пьемонте остались только три изолированных небольших города. Кроме всего прочего, Карлу пришлось молча взирать на то, как византийцы, пользуясь тем, что папа *запретил* сицилийцам воевать с ними, деятельно принялись отвоевывать Албанию и Балканы от сербов, болгар и венгров.

Византийский император прекрасно понимал, что без военных успехов его церковная политика обречена на поражение, а вместе с ней и он сам. Поэтому, едва его посланники вернулись из Лиона, Михаил VIII направил в Албанию свои войска, захватив город Берат и морской порт Бутринто. Весной 1275 г. византийская армия, состоявшая в основном из наемников-половцев, потерпела сокрушительное поражение при Навпатрасе от латинян, когда собиралась сокрушить Эпирского деспота. Зато через несколько дней византийские корабли под командованием Алексея Филантропесса у берегов Деметрии разгромили в упорной битве объединенный венецианский и ломбардский флот. Эта победа открывала для византийцев Эгейское море, и взволнованные венецианцы поспешили заключить мирный договор с Константинополем сроком на 2 года.

А в конце 1275 г. византийцы разбили в Пелопоннесе войска союзника Карла Анжуйского *Гильома I де ла Роша* — младшего брата герцога Афинского *Жана I де ла Роша* (1263—1280), что позволило Константинополю укрепить свое влияние в Лаконии, на юго-востоке полуострова. В 1276 г. картина в точности повторилась: Михаил VIII Палеолог вновь направил армию в Центральную Грецию, где византийцы потерпели очередное поражение, но летом того же года их флот опять разгромил итальянцев³⁵¹.

Все это время Византийский император тщетно пытался сделать вид, что Константинополь признал унию. В принципе в Лионе ничего сверхъестественного не случилось, и греческие архиереи могли со спокойной совестью соглашаться на унию на тех условиях, которые оговаривал Римский папа. Палеолог откровенно объяснял, что вопрос стоит о жизни и смерти Византийской империи, ради чего стоит пожертвовать тремя пунктами в перечне разногласий с латинянами. Что означает на практике признание папы главой Кафоли-

ческой Церкви? Только *пустое обещание*: разве кто-нибудь всерьез может предположить, что папа приедет в Константинополь, чтобы председательствовать на каком-либо Соборе? Несложно признать и его право апелляции — неужели возможно предположить, что, нарушая сложившуюся практику, кто-нибудь поедет в Рим, дабы там искать правды? Очень маловероятно. Наконец, поминание папы в диптихах. Что в этом противозаконного или ложного? Да и в целом — неужели ранее Отцы Церкви не приспосабливались к обстоятельствам? «Если мы и теперь через благоразумное приспособление избегнем угрожающей опасности, то это не только не будет поставлено нам в грех, — убеждал василевс, — но еще послужит доказательством нашего умения достигать цели».

Наконец, устав от объяснений, не приносящих результата, император предложил каждому из архиереев высказать мысль о том, *каким способом* можно избежать опасности. Но и это не помогло: епископы всячески уклонялись от ответа и вообще высказывались в том духе, что дело Церкви — молиться, а если Римскому государству угрожает опасность — то это *забота царя* (!), который для того и поставлен Богом, а не архиереев³⁵².

Если такое поведение нельзя квалифицировать как преступление перед отечеством, то, во всяком случае, это был настоящий *бойкот* национальных интересов. Ни о какой «симфонии» в таких условиях говорить просто невозможно — в сознании архиереев Римская империя и Церковь теперь мыслились как две самостоятельные сферы бытия, не связанные друг с другом. Поняв, что Римскому епископу докладывать пока не о чем, император решил пригласить *лично его* в Константинополь, надеясь, что приезд папы снимет основные вопросы. Папа согласился, и император направил в Рим посольство договариваться о месте и времени встречи. Договорились, что она должна состояться на Пасху 1276 г., но, к сожалению, этому не суждено было свершиться по естественным причинам — в январе 1276 г. папа Григорий X скончался³⁵³.

Его смерть стала тяжелым ударом для Михаила VIII Палеолога. Имея общение с несколькими Римскими епископами, он по достоинству оценил такт и скромный объем требований покойного Григория X. Было бы верхом самонадеянности полагать, будто новый папа, в выборах которого наверняка примет активное участие Карл Анжуйский, станет проводить столь компромиссную политику. Нужно было в очередной раз продемонстрировать Римской курии «успехи» царя в деле рещепирования Лионской унии, а, следовательно, *физически* устранять те препятствия, которые стоят на пути василевса.

В очередной раз был задействован «административный ресурс» — у главных зачинщиков противостояния император, пользуясь тем, что весь Константинополь считался царской собственностью, забрал дома. А самого патриарха Иосифа поспешил сместить с кафедры. Любопытно, что этому в большой степени способствовали сами греческие архиереи, напомнившие своему предстоятелю обещание *добровольно* оставить столичную кафедру, если с Римом будет достигнута договоренность об унии. Поскольку она формально заключена, Иосиф должен уйти; это и случилось. Имя патриарха перестали упоминать на Литургии, а Римского епископа внесли в диптихи как «Вселенского папу»³⁵⁴.

Палеолог в очередной раз оказался прав в своих опасениях. 21 января 1276 г. стал самым многообещающим днем для Сицилийского короля за последние годы: под его бдительным присмотром коллегия кардиналов избрала лояльного Карлу папу *Иннокентия V* (1276). В угоду Сицилийцу тот сразу же «поставил на место» Германского императора Рудольфа Габсбурга, а также потребовал от Генуи заключить мир с Карлом Анжуйским. Те согласились — бесславный для Карла, но развязывавший ему руки для войны на Востоке мир был заключен 22 июня 1276 г. Однако буквально через 4 дня Иннокентий V скончался.

Новый папа, преданный друг Карла Анжуйского, *Адриан V* (1276), избранный 11 июля 1276 г., скончался уже 18 августа того же года в Витербо. Очередным Римским понтификом стал приятный Анжуйцу *Иоанн XXI* (1276—1277), но тот не мог или не захотел разрешать весь узел противоречий, в которых запутался Сицилийский король, — возможно, ему не хотелось излишне укреплять опасного и честолюбивого француза в ущерб Апостольской кафедре³⁵⁵.

Кроме того, невольно Иоанн XXI оказался связанным Лионской унией. Чтобы дать благословение Карлу Анжуйскому на войну с византийцами, ему необходимо было получить достоверные подтверждения тому, что Константинополь не выполняет своих обязательств. Однако это понимал и Византийский царь. Император Михаил VIII Палеолог многократно доказывал Риму, что в одночасье рецепировать Лионскую унию — задача более тяжелая, чем *всем* казалось изначально. Еще были живы византийцы, помнившие, *что* сделали крестоносцы в их древней столице, а современники были *уже* наслышаны об ужасах латинской оккупации острова Кипр. Кроме того, доказывал василевс, восстановлению единства Церквей очень мешают военные угрозы. Если они будут устранены и греки убедятся в том, какой властью располагает пре-

емник святого апостола Петра, сумевший объединить всех христиан и разгромить неверных, тогда, без сомнения, дело унии пойдет гораздо лучше. Нечего и говорить, что это была очередная уловка со стороны Палеолога, но хитрость *умная*, требующая достойного дипломатического ответа.

Чтобы показать Риму, с каким рвением он борется за Лионскую унию, Палеолог известил папу о смене Константинопольского патриарха и выборе по его приказу на пустующую кафедру *Иоанна Векка* (1275—1282), ставшего надежным помощником и товарищем царя в этом вопросе. Надо сказать, Векк был один из самых образованных людей своего века, которого сравнивали со знаменитым св. Фотием, Константинопольским патриархом. Самостоятельный, но лояльный царской власти, убежденный сторонник унии, спокойный и решительный, он ни в чем не мирволил императору, если считал свои просьбы и ходатайства обоснованными. Рассказывают, однажды, получив отказ Михаила VIII Палеолога, он бросил к его ногам свой посол и произнес знаменитую фразу: «Архиерей не конюх, повинующийся слепо». А его унияльные сочинения были написаны так убедительно и живо, что никто из современных ему оппозиционеров не мог им ничего противопоставить с богословской точки зрения³⁵⁶.

Византийское посольство, прибывшее в Рим еще к Григорию X, просило понтифика срочно начать Крестовый поход против сарацин, угрожавших Византийской империи со стороны Иконийского султаната, и предать анафеме всех врагов василевса. Папа Иннокентий V, которому пришлось рассматривать прошение, соглашался с тем, что для реализации унии нужно много потрудиться, но уклонился от вопроса о Крестовом походе. Он отказал также в церковном отлучении врагов Палеолога — под эту категорию тогда неизбежно попал бы Карл Анжуйский, герцог Афинский, Венгерский и Сербский короли, с которыми византийцы находились в состоянии войны.

Теперь настала очередь хода понтифика. Под влиянием Сицилийского короля папа Иоанн XXI направил в Константинополь посольство, чтобы его легаты имели возможность своими глазами увидеть, что *конкретно* делает Палеолог для выполнения собственных обязательств. В ответ царь направил письменное подтверждение ранее данной клятвы, процитировал Символ в латинской редакции с *Filioque* и приложил послание патриарха Иоанна Векка и греческих епископов. Хотя слова византийских архипастырей были по-прежнему туманны, Римский папа Иоанн XXI *запретил*

Карлу Анжуйскому войну с Константинополем, надеясь получить власть над греками мирным путем³⁵⁷. У Анжуйца опять ничего не получилось. Как справедливо заметил один летописец, «Карл всю свою жизнь строил замыслы и завоевательные планы против римлян, но постоянно оставался без успеха, встречая себе отпор в мудрых распоряжениях и мерах царя»³⁵⁸.

Хотя постоянные проволочки причиняли значительное беспокойство Карлу Анжуйскому, в глубине души тот полагал, что рано или поздно попытки реализовать унию провалятся, и тогда папа разрешит ему поход на Константинополь. Он искренне надеялся, что понтифик признает его самым ценным своим союзником, но 12 мая 1277 г. случилось непредвиденное событие. Накануне апостолик приказал сделать ремонт в своей спальном комнате, мастера поторопились, что-то упустили, и ночью потолок рухнул на голову сонного Иоанна XXI; через 8 дней он скончался.

Избранный 25 ноября 1277 г. папа *Николай III* (1277—1280), старейший кардинал, происходящий из знатной римской семьи, едва ли мог быть причислен к друзьям Карла Анжуйского. Как говорят, он был горячим сторонником симонии и *непотизма* — раздачи высших церковных должностей своим родственникам. Но это было не главным качеством нового апостолика. Им давно овладела идея обеспечить полную или даже *абсолютную свободу* Римского епископа от светских властей. А потому 18 июля 1278 г. Николай III издал закон, согласно которому никакой император или король не мог пребывать римским патрицием более чем 1 год под страхом отлучения со стороны папы. С Карлом понтифик особенно не церемонился. В частности, первым делом апостолик написал Анжуйцу письмо, в котором мягко потребовал от Сицилийского короля оставить сан римского патриция, который был дан ему в 1268 г. сроком на 10 лет, и не считать себя больше имперским наместником в Тоскане. Тот попытался возмутиться, но когда Николай III отлучил от Римской церкви нескольких друзей Карла, тот поспешил принести папе присягу верности³⁵⁹.

Однако понтифик не собирался ни в чем уступать и византийцам, что стало ясно очень скоро. В 1277 г. к Николаю III прибыли послы Михаила VIII Палеолога, направленные еще к Иоанну XXI. Они уведомили апостолика, что император подтверждает все свои предыдущие обязательства, а от имени Константинопольского патриарха передали, что тот признает папу своим господином. Замечательно, что в самом царском послании на имя понтифика ни разу не применена редакция Символа, позволяющая идентифици-

ровать его в латинском виде — образчик византийской хитрости³⁶⁰. Но папа бы не так прост, как казалось грекам. Он специально дал аудиенцию послам Карла Анжуйского в присутствии византийских посланников, чтобы последние наглядно убедились, какие планы вынашивает Анжуец. Вместе с тем французам было открыто высказано, что понтифик *не одобряет* похода Карла Анжуйского на Константинополь, поскольку византийцы отныне — «сыны Римской церкви»³⁶¹.

Михаил VIII Палеолог прекрасно понимал, что эта отсрочка носит временный характер. Что «завтра», когда папа проверит результаты рецепирования униональных соглашений, милость сменится гневом. Нужно было срочно что-то предпринимать, иначе, нет сомнений, сицилийская армия вторгнется в пределы Византии. Проблема усугублялась тем, что родная сестра царя Евлогия и ее дочь Мария, вышедшая замуж за Болгарского царя Константина I, активно противодействовали унии, поддерживая ее противников. Дошло до того, что Болгарская царица даже обратилась к египетским мамелюкам с предложением напасть на Константинополь — она была уверена в том, что неудачная война станет трагичной *лично* для Михаила VIII Палеолога. В 1277 г. Болгарская царица вообще захватила власть в стране в свои руки, пользуясь болезнью мужа, и опасность со стороны Болгарии резко увеличилась³⁶².

Помощь Иоанна Векка также выглядела пока что более умозрительной, нежели конкретной. Василевс, которого одолевали военные и гражданские дела, первоначально передал все церковные вопросы на усмотрение столичного архиерея, а для поднятия его авторитета предоставил Иоанну Векку право печалования. Архиерей активно пользовался этим правом — до того часто и настойчиво, что однажды, получив отказ в своей просьбе от Михаила VIII, даже отказал тому в принятии антидора на Литургии и едва окончательно не испортил отношения³⁶³. Для василевса это был сигнал того, что многие восточные епископы, сторонники «независимости» Восточной церкви, наheckу и не собираются ни в чем уступать ему.

Бороться с «папской оппозицией» в Константинополе нужно было не только на богословском поприще, но и административно, что император и сделал. Первым пострадал бывший патриарх Иосиф, в келье которого постоянно пребывали монашествующие лица, открыто заявлявшие о своем уходе в раскол вследствие неприятия Лионской унии. Василевсу надоело получать известия о том, что Иосиф становится невольным центром оппозиции, и он удалил того в 1275 г. на остров Хиллу у берегов Евксинского моря.

А спустя 4 года с начала патриаршества Иоанна Векка резко ухудшились дела и у него. В 1279 г. вдруг открылось дело по обвинению столичного архипастыря в оскорблении царского величества. Главным обвинителем стал Исаак, митрополит Эфесский, духовный отец василевса. Михаил VIII Палеолог не хотел допускать расправы с патриархом, а потому затормаживал рассмотрение дела. Но, вместе с тем поняв, что и Иоанн Векк не в состоянии решить вопрос с церковным расколом, опасаясь все растущей независимости константинопольского клира, Палеолог издал новеллу, которой запретил отныне патриарху вмешиваться в дела обителей, находившихся в других митрополиях. Это был прямой и тяжелый удар по прерогативам «Вселенского патриарха», фактически отзывавшие у него древние полномочия, дарованные Римскими царями и Вселенскими Соборами. Наверняка такая мера носила вынужденный характер — василевс напрямую показал всем, что он, как и прежние императоры, является главой церковного управления и не намерен спокойно наблюдать за тем, как некоторые епископы, и даже сам Константинопольский патриарх, игнорируют его приказы³⁶⁴.

В качестве следующей меры против раскола император *запретил* устраивать публичные диспуты по спорным догматическим вопросам, опасаясь, что слухи об этих дискуссиях дойдут до Рима, и тогда никто не сможет убедить папу, будто греки приняли Лионскую унию. Этот старый как мир способ умиротворения Церкви, активно использовавшийся многими Римскими императорами, на этот раз не сработал. Не кто иной, как патриарх Иоанн Векк, ослушался приказа василевса, стараясь доказать своим противникам, что Восточную и Римскую церкви разделяют надуманные противоречия.

Начались частые Соборы, на одном из которых были осуждены епископ Эфесский и епископ Афинский Мелетий. Их отправили в Рим в качестве свидетельства догматической «благонадежности» остальных греческих архиереев, но, к удивлению, папа не осудил прибывших восточных епископов, но, опасаясь, что их наказание может стать препятствием для воссоединения Церквей, отправил их обратно к Михаилу VIII Палеологу с просьбой не наказывать заблудших. Но Мелетий не унимался и, когда на очередном Соборе не был услышан, собрал вещи и добровольно отправился в изгнание³⁶⁵.

Получив выговор от царя, в 1279 г. Иоанн Векк добровольно оставил патриаршую кафедру, не дожидаясь решения суда, «замороженного» на неопределенное время. Это было очень некстати, поскольку как раз в этот момент прибыли папские нунции.

Николай III, до которого доходили слухи от латинян, проживавших в Константинополе, о том, что никакое *Filioque* не читается на Литургии, направил Михаилу VIII Палеологу *новое* послание, состоящее из 10 дополнительных условий. Сюда вошли: требование о подтверждении клятв со стороны императора и его сына о подчинении Риму, а также письменное согласие патриарха и всех епископов придерживаться латинского Символа Веры. Кроме того, все греческие обряды подлежали ревизии со стороны Рима, а до тех пор не могли применяться в восточных храмах на службах. Папа полагал также, что *все* (!) византийцы должны принести покаяние перед папскими легатами, направленными в Константинополь, а император обязывался вместе с патриархом отлучить от Церкви всех противников унии. Это были по меньшей мере оскорбительные для греков требования, торпедирующие к тому же позицию василевса в глазах византийцев. Получалось так, что император заодно с папой, желающим унижить Восточную церковь и принять его далеко не самые разумные требования. Складывалось впечатление, будто папа *специально* делает все для того, чтобы примирение между Римом и Константинополем сорвалось.

Император срочно написал Иоанну Векку послание, в котором просил оставить место уединения и встретиться с латинянами — понятно, что в противном случае известие о добровольной отставке патриарха могло быть ими интерпретировано в самой негативной для царя редакции. Пока Векк думал, нунции пожелали на деле убедиться в реализации Лионской унии и как минимум *лично* услышать, как Символ Веры поется в латинской редакции во время Литургии. Поняв, что такое предложение посланников папы, оглашенное публично, вызовет настоящий бунт, Михаил VIII срочно созвал архиереев на совет. Он просил их не вступать с послами в открытую дискуссию, обещая «держатъ божественный Символ веры как знамя, и воевать за него не только с итальянцами, но и со всяким народом, который стал бы в нем сомневаться». Чтобы произвести на послов большее впечатление, царь отправил их вместе с Исааком Эфесским в темницу, где томились родственники Михаила VIII: протостратор Андроник Палеолог, виночерпий Михаил Рауль и его брат Исаак, а также родной племянник протостратора Иоанн Палеолог. Наконец, с послами встретился Иоанн Векк, не обмолвившийся ни словом о своих разногласиях с царем и вновь вступивший на патриарший престол³⁶⁶.

Опять на весах истории находилась Лионская уния или безопасность Византии: в случае отказа со стороны Палеолога вся воинская

мощь Карла Анжуйского, поддержанного Европой, нападет на Константинополь. И потому, за неимением показать латинянам реальные успехи, василевс надеялся устрашающими мерами убедить их и папу в том, что сам он пытается воплотить в жизнь Лионскую унию, но сталкивается со множеством препятствий³⁶⁷.

По-видимому, папа был доволен отчетом своего посольства и в очередной раз запретил Карлу Анжуйскому войну с Константинополем. Более того, он заключил секретный договор с императором Михаилом VIII Палеологом и королем Педро Арагонским против Карла Анжуйского³⁶⁸. Но Сицилийскому королю недолго пришлось терпеть — 22 августа 1280 г. папа Николай III скончался.

Глава 5. Провал Лионской унии и «Сицилийская вечерня»

Теперь у Карла Анжуйского забрезжила реальная надежда начать поход на Константинополь. Положение дел на Западе становилось все более тревожным для Византии. Мария Болгарская, почерпав из арсенала своих родственников и предков самые негативные способы достижения цели, совершенно оставила супруга и в 1278 г. вышла замуж за узурпатора и разбойника *Ивайло* по прозвищу *Лаханоса* («Кислая капуста»), которому удалось нанести несколько поражений татарским войскам и самому Болгарскому царю Константину, погибшему в сражении. Навстречу ему Михаил VIII Палеолог направил наследника Болгарского престола *Иоанна III Асеня* (1279—1280) — одного из далеких потомков славной царственной династии. Лаханосу не удалось долго править Болгарией — он отправился воевать с татарами и погиб. Царица Мария Болгарская убежала в Константинополь в поисках спасения у царственного дяди. А во главе Болгарии вместо безвольного Иоанна III Асеня стал новый узурпатор — *Георгий I Тертерий* (1280—1292), коронованный в 1280 г. Болгарским царем *этнический половец* (!). Он не был другом Византии и согласился содействовать Карлу Анжуйскому в предстоящей войне с Михаилом VIII Палеологом³⁶⁹.

Не все было благополучно и на Востоке. Чтобы навести там порядок, в 1280 г. император направил своего сына Андроника II Палеолога вместе с протовестиарием Михаилом Тарханиотом и хранителем великой печати Ностонгом в области реки Меандр, чтобы тот восстановил город Траллы. Молодой соправитель отца активно взялся за дело, построил стены и переселил в город множество

людей — говорят, на его зов откликнулось до 36 тысяч охотников, надеявшихся устроить свою жизнь на новом месте. К сожалению, никто не учел, что в городе нет хранилища для воды. И поэтому, когда вскоре на город напали турки, осажденные византийцы не выдержали мук жажды, и Тралл пал. Падение этого важного города привело к тому, что восточная граница запылала, и турки чувствовали себя совершенно безнаказанно³⁷⁰.

Помимо военных проблем, Михаила VIII чрезвычайно беспокоили церковные дела. Не снискав любви подданных своей церковной политикой, атакуемый с Востока и с Запада, почти потерявший надежду на умиротворение с Римом, император Михаил VIII Палеолог находился в чрезвычайно тяжелом положении; но и сейчас не упал духом.

Церковный раскол и оппозиция царю со стороны самых близких и высокопоставленных лиц возрастала. Но нужно было знать Михаила VIII, чтобы понять: василевс никогда не потерпит открытого неповиновения своей державной воле. Практика наказания за отказ принять унию с Римом теперь перешла в *открытый террор*. Мануил и Исаак Раули лишились глаз за отказ выполнить волю царя. Иоанн, сын деспота Эпира Михаила II Ангела, верно служивший римскому оружию, также был ослеплен, а его слуга, монах Котис Феодор, погиб под пытками. Грамматик Георгий Пахомий был ослеплен по нелепому обвинению, а стратигопул Михаил избежал этого наказания только по горячему заступничеству родственников царя. Галактион был ослеплен, Мелетий — лишился языка и заключен в темницу, Лазарь Горианти также лишился глаз. Макарий, за простоту прозванный Голубем, подвергся пыткам, а затем взмолился на эшафот. По свидетельству современника, император дошел до такой степени гнева, что едва ему поступал донос на человека, как он тут же приказывал казнить обогнанного, даже не разобравшись с тем, в чем того обвиняют³⁷¹.

Бессмысленно оценивать сложившуюся в Римском государстве и Восточной церкви ситуацию однозначно. Конечно, расправы царя с оппозицией производили тяжелое впечатление на окружающих. Но сам авторитет Михаила VIII и высокий образ Римского царя по-прежнему доминировали в византийском обществе. Приведем характерное послание монахов Святой Афонской горы, направленное императору вскоре после заключения унии, в котором старцы объясняли ошибочность *Filioque*, опресноков, субботного поста и других латинских новшеств. Прекрасно зная, сколь суровы приговоры царского суда в отношении лиц, не при-

нявших Лионскую унию, отцы, далекие от лести, тем не менее, пишут следующее.

«Державнейший, боговенчаный, боговозвеличенный святой наш Владыка, к твоему державному и святому царствованию наш Бог невидимый вложил во все наши сердца духовное и огненное стремление. О тебе благодарственные возгласения Богу всецело каждый из нас и все мы единодушно воссылаем. Ибо Бог, украсив тебя императорской властью, прежде всего увенчал тебя светлым, как день, богосплетенным венцом православной веры. Ибо знает Господь людей своих и “кого предузнал”, по слову великого апостола, того и счел справедливым избрать. И его Бог превознес на великую высоту славы и владычества и показал царем на земле, царствующего по высшей воле благоубедительно, то есть всеблагочестиво и боголюбезнейше... По милости твоей, кроткий, как Давид, и хриstopодражательный царь, окажи нам милость, даруй малое, преклони царственный и божественный слух к бедным монахам, которые поистине любят от всей души твое святое царствование»³⁷².

Тем временем Сицилийский король начал первые, пока еще осторожные операции на Балканах. В 1280 г. он захватил город Бутринто у Эпирского деспота и отправил войско во главе с Гуго де Сюлли по прозвищу «Рыжий» в глубь страны. В течение осени того же года его армия отбросила византийцев в Берат и осадила город. Михаил VIII Палеолог направил все свободные силы на помощь осажденному гарнизону под командованием своего племянника Михаила Тарханиота, но оно добралось до Албании только к февралю 1281 г. В завязавшихся боевых стычках успех сопутствовал византийцам, которым дважды удалось разбить французов и даже пленить де Сюлли. Сицилийцы бежали, а Палеолог получил контроль над Северным Эпиром и частью Албании, хотя Карл Анжуйский сохранил земли от Дуррацио до Бутринто. Рыжеволосого гиганта провели в цепях по улицам Константинополя, и Византийский император даже повелел изобразить эту картину на фреске у себя во дворце. Удача окончательно отвернулась от Анжуйца. Оскорбленные его высокомерием, франки Пелопоннеса потребовали смены наместников Карла Анжуйского. А сицилийский флот, который Карл вручил герцогу Наксоса *Марко Сануда*, занимался откровенным пиратством, мало озадачиваясь теми приказами, которые поступали от короля. А на Западе тем временем решалась судьба Апостольского престола. Выборы хотя и длились довольно долго, однако закончились оптимистично для Анжуйца:

23 марта 1281 г. на Апостольский престол был возведен француз и сторонник Карла *Мартин IV* (1281—1285)³⁷³.

Для него интересы Французской короны и лично Карла Анжуйского были всегда на первом месте. Папа не любил германцев и совершенно искренне считал, что никакой унии с греками не нужно. Он вскоре прекратил все сношения с Византийским императором, ссылаясь на то, что Михаил VIII Палеолог не выполнил ни одного своего обязательства. Палеолог срочно направил посольство в Рим, но оно было встречено крайне холодно. 3 июля 1281 г. Карл Анжуйский, Французский король Филипп III, к которому перешли права на корону Латинского императора, встретились с представителями Венецианской республики и с благословения нового апостолика подписали соглашение с характерным названием: «О возрождении Римской империи, узурпированной Палеологами». Вскоре к ним присоединились пизанцы, латиняне Пелопоннеса; и лишь генуэзцы отказались воевать со своими союзниками-византийцами.

Чтобы придать походу больший размах и сакральные черты, Мартин IV 18 ноября 1281 г. отлучил Михаила VIII Палеолога от Римской церкви, обязав того до 1 мая 1282 г. передать Византийскую империю во власть Римского епископа. В противном случае Палеологу было объявлено, что его предадут *вечной анафеме*³⁷⁴. Единственно, что оставалось ждать в тревоге Византийскому императору, — летнего наступления 1282 г. армады Карла Анжуйского.

Этот резкий шаг, совершенно не вынужденный прежними отношениями между Римом и Константинополем, поверг в прах политику предыдущих десятилетий. Безусловно, теперь ни о какой унии не могло быть и речи: Михаил VIII Палеолог вполне обоснованно чувствовал себя *преданным* Римским епископом и оскорбленным. Как рассказывают, когда к нему явился из Рима его посол Никейский епископ Феофан с известием об анафематствовании василевса папой, Палеолог в сердцах вскричал: «Хороши плоды их любви! Из-за них я вооружил против себя своих ближних, а они не только не оказали мне ни малейшей благодарности, но еще и отлучили меня!»³⁷⁵

Царь хотел тут же публично порвать договор с Римом, но одумался — ведь в этом случае он своими руками расписывался в ошибочности политики предыдущих лет. Кроме того, в таком случае патриарх Иоанн Векк должен был оставить престол, а Иосиф вновь его занять. Понятно, что такие перипетии не могли пройти бесследно для царя. Поэтому император ограничился тем, что запре-

тил поминать имя папы на Литургии³⁷⁶. Но для всех это означало одно — конец унияльным спорам и... почти неизбежное падение Константинополя. Византия оставалась беззащитной перед армией латинян, возглавляемых Карлом Анжуйским.

Однако здесь наконец сказались плоды стратегии Михаила VIII Палеолога, которую он проводил в течение почти двух десятилетий. Стало ясно, от какой страшной опасности царь отводил Римское государство Михаил VIII Палеолог, пожертвовав своим именем ради отчизны. Если бы не его умелые дипломатические комбинации с Римом на протяжении всего этого времени, французы, ставшие во главе объединенных сил Запада, могли стереть в порошок ненавистный им Константинополь и разметать в прах древнюю православную культуру.

Не зря говорится, что никакое доброе дело не проходит бесследно. Палеолог не напрасно столько лет выигрывал время, надеясь на то, что противоречия между западными государями рано или поздно скажутся. И оказался прав. Наконец, дали себя знать *нюансы* политики Анжуйца, проводимой им в последние десятилетия. Увлеченный идеей построения Средиземноморской империи, Карл совершенно забыл о своих врагах в Европе, недовольстве сицилийцев, страдающих под его правлением, массе знатных лиц, высланных им с острова, и тяжелых налогах, которыми он замучил островитян.

Как выяснилось, изгнанники из Сицилии нашли приют в Испании у Арагонского короля Хайме I, сын которого Педро был женат на Констанции, дочери покойного короля Манфреда. В 1280 г. *Педро III* (1276—1285) стал Арагонским королем вследствие смерти отца, завязал дипломатические отношения с Константинополем и начал подготовку грандиозного заговора на Сицилии. Когда в декабре того же года Педро отправился к Филиппу III Французскому, чтобы обсудить некоторые вопросы, холодность его обращения к сыну Карла Анжуйского, который находился в королевском дворце, поразила всех очевидцев. Стало ясно, что высадка арагонцев в Сицилии, о которой уже без стеснения говорил Педро III, — вопрос времени. Противостояние арагонцев с французами смутило и Римского папу — тот откровенно не знал, как ему поступать в такой ситуации. Удивительное дело: он одновременно благословил *два* Крестовых похода — один для Карла Анжуйского против Византии, а второй — для Педро Арагонского в Тунис, на самом деле откровенно направленный против короля Сицилии³⁷⁷.

Весной 1282 г. всей Европе казалось, что час падения Византийской империи уже близок. Громадный флот Карла Анжуйского стоял на якоре в гаванях Мессины, готовый к отплытию. К нему были готовы присоединиться венецианцы и греческие *католики* Эпира и Фессалии. Сербия, Болгария и Венгрия собирались поддержать это предприятие, надеясь попутно решить собственные территориальные вопросы. Все свидетельствовало об успехе кампании. Но тут внезапно произошло событие, ознаменовавшее крах всей политики Карла Анжуйского и его мечты. На острове началась так называемая «*Сицилийская вечерня*», приведшая к тотальному уничтожению французов и свержению власти Карла Анжуйского на Сицилии.

Восстание началось 29 марта 1282 г., на Пасху, которая в тот год выдалась очень ранней. Поводом послужило несколько фривольное заигрывание французских чиновников в Палермо с одной молоденькой сицилианкой во время празднеств, закончившееся тем, что муж женщины заколол обидчика на глазах толпы. Французы бросились отомстить за товарища, но сицилийцы *накрыли* их своим количеством, и все они погибли. К следующему утру 2 тысячи французов, мужчин и женщин, были убиты разгневанными сицилийцами³⁷⁸. Остров запылал...

Карл Анжуйский находился в Неаполе, когда узнал о беспорядках в Сицилии и о резне в Палермо. Не догадываясь о реальных масштабах бедствия, он пришел в ярость, наивно опасаясь только того, что из-за мятежа его поход на Константинополь вновь может быть отложен. Но уже 8 апреля 1282 г. флот Анжуйца в Мессине был почти полностью уничтожен. Карл, не отличавшийся особой религиозностью, в сердцах воскликнул: «Господи! Если Тебе угодно низвергнуть меня, то позволь мне хотя бы спускаться вниз мелкими шажками». Отменив поход на византийцев, он при поддержке Римского епископа начал стягивать армию к Сицилии, собираясь возглавить ее для подавления мятежа. Папа Мартин IV отлучил вождей сицилийского восстания от Римской церкви, а заодно с ними и Византийского царя, которого в булле назвал «именующим себя Греческим императором». Но сицилийские послы отправились в Арагон, и уже 30 августа 1282 г. арагонская армия высадилась на острове, куда стремились французы Карла Анжуйского. Началась настоящая *европейская война*, отодвинувшая на неопределенный срок начало экспедиции на Константинополь³⁷⁹.

Теперь Сицилийское королевство оказалось расколотым на две части. В Неаполе располагался Карл Анжуйский, а Педро Ара-

гонский — в Сицилии. Всем стало ясно, что Средиземноморская империя — мираж, дым, и последние союзники оставляли Анжуйца один за другим. Наиболее ощутимым стал отказ рыцарей-тамплиеров и венецианцев поддержать француза. Французский король не оставил, конечно, в беде своего дядю. Он даже направил Педро III Арагонскому посланника с грозным ультиматумом оставить Сицилию в покое. Но арагонцы к тому времени были уже очень сильны. Как рассказывают, не желая кровопролития, рыцари с обеих сторон договаривались устроить состязание лучших из них, чтобы выявить победителя и государя Сицилии. И вроде бы Педро Арагонский нарушил свое слово и не явился к месту поединка³⁸⁰.

Так это было на самом деле или нет, но, конечно, о нападении на Константинополь не могло быть и речи. А 7 января 1285 г. Карл Анжуйский скончался в Фоджие. В этом же году, во время отступления от крепости Герона, дважды разбитый испанцами, скончался король Филипп III. Но и их смерть не остановила общеевропейского противостояния. Новый Французский король *Филипп IV Красивый* (1285—1314) не мог простить утраты Сицилии и при помощи папы затеял новый крестовый поход... против арагонцев. Однако вскоре Римская курия спохватилась, вспомнив, что Сицилия является владением Римского епископа по «божественному праву» и Карл Анжуйский лишь правил островом с папского разрешения. Конечно, желание Французского короля забрать Сицилию без всяких оговорок не соответствовало планам очередного понтифика *Бонифация V* (1294—1303), и тот без долгих разговоров отлучил короля Франции от Римской церкви. В ответ Филипп IV Красивый созвал Генеральные штаты, *отлучил папу от Церкви* (!) и весной 1303 г. направил в Рим войско, чтобы арестовать апостолика. И хотя через три дня возмущенные жители Рима отбили своего папу, заставив французов отступить, гордость понтифика была сломлена, и вскоре он скончался. Так заканчивался век могущества Римских епископов³⁸¹.

Византия была *спасена*... «Ужасная катастрофа постигла уверенного в своей победе Анжуйца, а дипломатическое искусство Палеолога отпраздновало свой величайший триумф»³⁸². К сожалению, по достоинству оценил последствия этого события в тот момент лишь сам василевс и его ближнее окружение — многие византийцы проклинали царя, «предавшего» Восточную церковь. Истина откроется им лишь впоследствии. Помимо этой великолепной победы, целиком и полностью подготовленной дипломатией Михаила VIII Палеолога, был достигнут еще один крупный

успех. В 1282 г. Трапезундский император *Иоанн II* (1280—1297), женившись на дочери императора Евдокии, добровольно отказался от титула «Римский император», получив взамен от Михаила VIII Палеолога титул «царь Востока, Грузии и заморских стран». Это упрочило отношения между двумя византийскими государствами и объединило их силы в борьбе с генуэзцами, турками и туркомами³⁸³.

Хотя угроза вторжения латинских армий теперь была отсрочена на неопределенный срок, успокаиваться было рано. Буквально в эти же дни в Константинополь пришли известия о том, что севастократор Иоанн, правитель Фессалоник, опять взбунтовался. Император срочно направил послов к хану Ногаю, попросил у него 4 тысячи конных татар и, присоединив их к своему войску, двинулся в поход³⁸⁴. Во время переправы через море во Фракию корабли внезапно попали в шторм, и здоровье царя, уже изношенное многими государственными делами, окончательно пошатнулось. По счастью, кораблям удалось справиться с волнами, и царь вместе с войском достиг Редесты, откуда в ноябре 1282 г. направился к городу Аллага, ставшему последним местом его жизни. Там василевсу стало еще хуже, и, почувствовав скорое приближение смерти, он простился с товарищами и родными. Пришел иерей, и началась последняя Литургия — император пребывал в полной памяти и все понимал. Михаил VIII Палеолог принял Святое Причастие, помолился, произнес: «Господи, избави меня от часа сего!», упал на подушку и испустил дух; ему было всего 58 лет. Это случилось 11 декабря 1282 г.³⁸⁵

Ночью слуги вместе с сыном царя Андроником II Палеологом, новым Римским императором, перенесли тело покойного василевса в только что построенную церковь. Однако, опасаясь гнева ортодоксов, не простивших Михаилу VIII Лионской унии, и родственников лиц, пострадавших в годы царствования отца, Андроник II приказал вынести тело из храма подальше от лагеря и зарыть в землю без обычного отпевания и погребения³⁸⁶. Затем прах Михаила VIII Палеолога был перенесен по приказу Андроника II в Силимврию из опасения, чтобы над ним не глумились латиняне. Но в Константинополь перенести гроб сын не решил — не лучшая характеристика для царственного юноши.

Дальше — больше. Состоявшийся в 1283 г. Константинопольский Собор принял решение об отлучении от Церкви патриарха Иоанна Векка и лишил *вечного поминовения* императора Михаила VIII Палеолога. А сын Андроник II Палеолог и супруга покой-

ного василевса Феодора приняли и утвердили данное определение. «Так как святая Церковь изволила не удостоить узаконенного поминовения моего скончавшегося властителя, царя и супруга, из-за названных событий и произошедшего смятения, то мое царствование, избирающее страх Божий и благопослушливость святой Его Церкви, почитает и принимает то, что изволила Церковь, и никогда не будет принуждать творить поминовения над моим властителем и супругом, и что-либо другое, противоречащее ее распоряжениям»³⁸⁷.

Нет сомнений в том, что ни императрица Феодора, ни Андроник II Палеолог не являлись инициаторами такого решения. Но, опасаясь конфронтации с сильной партией епископата, пожелавшего в лице Иоанна Векка и Михаила VIII Палеолога найти «истинных» виновников своего вчерашнего конформизма, не осмелились выступить против определений этого судилища. Впрочем, к слову сказать, отказ в вечном поминовении не является отлучением от Церкви и не препятствует *личному* поминовению покойного царя. Иными словами, даже враги не осмелились назвать царя врагом Церкви или ересиархом, видя на протяжении многих лет, какую титаническую борьбу с Западом ему пришлось выдержать.

Едва ли, впрочем, Михаил VIII Палеолог заслуживал такой памяти. Как бы ни оценивали его современники и потомки, он стал настоящим *спасителем, героем Римской империи*. Конечно, далеко не все действия и поступки императора могут быть оправданы, особенно по вопросу об унии. Но послушаем, что сказал о нем один исследователь.

«Если мы припомним, что в течение всего своего царствования он отовсюду был окружен политическими врагами, и что он, как умный и энергичный человек, не будучи в состоянии пассивно относиться к такому положению дел, с необыкновенной политической тактом умел пользоваться единственным средством, бывшим у него в руках, — обезоружить большую часть врагов мыслью об унии, то не можем отказать ему в умственных достоинствах и не можем не чувствовать к нему уважения. В течение 20 лет, при восьми папах, он умел сдерживать Запад. Таким образом, как государственный человек, Михаил с честью трудился на своем поприще. Для правильного суждения о нем нужно отличать в нем государственного деятеля от религиозного и в известной степени недостатки его нравственного характера извинять обстоятельствами времени. *Легко было его сыну и преемнику Андронику быть более*

нравственным после того, что сделал для безопасности Империи со стороны Запада его отец»³⁸⁸.

Практически все соглашаются с тем, что Михаил VIII Палеолог являлся крупной, сильной и даровитой личностью. Среди тяжелых испытаний он безропотно исполнял обязанности императора, очень часто оставаясь непонятым даже близкими людьми, — по сути, сын и жена *предали* царя и его память. Его несравненная выдержка и великолепное дипломатическое умение многократно спасали Римское государство. Умея смотреть опасности в глаза, он никогда не отступал, неизменно сохраняя верность той идее, которая казалась ему правильной. Так, несмотря на все противостояния, он навязал унию всему обществу и до конца дней сумел настаивать на своем³⁸⁹.

Нелепо полагать, будто царя вовсе не тревожила Лионская уния, — «совесть постоянно нарушала его покой и тревожила его душу за нововведения в вере, на которые он решился, чтобы только передать своим детям престол, — тем детям, которые отказали ему даже в почестях царского погребения». Если бы не преступление с Иоанном IV Ласкарисом, нетерпеливость царя и его гневливость, он, по словам современника, далеко оставил бы за собой всех ранее царствовавших Римских императоров³⁹⁰.

Ему вторил другой историк: «Восстановить Византийскую империю в ее целостности и в былом великолепии можно было только чудом. Михаил VIII попытался осуществить это чудо; и хотя ему не удалось полностью воплотить в жизнь свои грандиозные планы, тем не менее, поставленная им перед собой цель, его практические дарования и гибкий ум делают его *последним* значительным императором Византии»³⁹¹.

Или так: «Несмотря на свои темные стороны, царствование Михаила VIII Палеолога еще раз восстановило ореол византизма»³⁹².

Под конец жизни Михаил VIII Палеолог написал устав обители св. Дмитрию в Константинополе, в тексте которого частично коснулся своей биографии. В частности, там присутствуют следующие строки: «Я не искал трона, но был вынужден принять его как достойнейший». Это — слова души...



Приложение № 13

«Апостольская кафедра в XII—XV вв. “Авиньонское пленение” пап и “Беликий раскол” Римской церкви»

Еще в конце XII — начале XIII века Римская курия имела все основания считать, что власть Апостольского престола является всемогущей, если не сказать абсолютной. Со времен папы Григория VII Гильдебранда титулатура Римского епископа добавила в себя термин «*викарий Христа*», применявший ранее исключительно по отношению к императору. А Гильдебранд продолжал настаивать на том, что наместник апостола Петра в буквальном смысле слова является воплощением этого апостола³⁹³.

И если Западный император носил под короной митру, надевал понтификальные туфли и при коронации получал кольцо, как епископ, то и Римский папа украсил свою триару золотой короной, надел императорский пурпур, а во время торжественных шествий перед ним несли императорские знамена³⁹⁴.

Территория, находившаяся под духовным окормлением понтифика, включала в себя всю Западную Европу, Англию и многие периферийные земли, в том числе восточные области, занятые крестоносцами. Какие бы мысли ни витали в головах европейских королей, как бы им ни хотелось смягчить наступление папской администрации на свои полномочия, но каждый из них *намертво* с рождения знал, что Рим является центром Кафолической Церкви и только Римский епископ может осуществлять религиозные церемонии возле гробницы «Рыбака» — святого апостола Петра. Без апостолика нет Церкви, а без нее нет и самих *христианских* королей. Эта связь признавалась всеми безусловной.

Духовная власть папы многократно усиливалась мощнейшим административным аппаратом Римской курии и постепенным уменьшением объема полномочий местных епископов и рядовых священников. Папа издавна считался на Западе верховным судьей Церкви, способным принимать к своему производству любое дело и на любой стадии. Но еще больший удар по традиционным правам местных епископов нанес институт «судей-делегатов», направляемых понтификом в ту или иную местность, чтобы на

месте рассмотреть дело истца или ответчика. Как представитель понтифика, судья-делегат обладал высшей властью над местным епископским судом, на чем настаивал, в частности, Римский епископ *Александр III* (1159—1181).

В одном из своих посланий папа писал: «Судья, делегированный нами, действует вместо нас. Он, поэтому, главнейший в этом деле и получает первенство над теми, чье дело ему досталось для разрешения. Соответственно, если епископ или любой другой человек, даже если не находятся под его юрисдикцией, упорствуют и не подчиняются в деле, которое мы делегировали своему судье, он может в соответствии с характером и сутью действий, быть принужден приговором отлучения или отрешения от должности по решению судьи-делегата. Таким образом, судья, действуя в соответствии с характером дела, может запретить епископу входить в церковь или заниматься духовной деятельностью либо даже наложить отлучение от Церкви на земли, принадлежащие его юрисдикции»³⁹⁵.

Иными словами, судья-делегат получил *право интердикта*, т.е. временного отлучения от Церкви целых городов и областей, — чрезвычайные полномочия, полностью ставящие местных архиепископов и правителей в подчиненное, абсолютно зависимое положение по отношению к папе.

Папа Григорий VII Гильдебранд имел многих последователей на политико-философской почве, желавших по-новому осмыслить идею папства и раскрыть существо власти Римского епископа. Одним из них являлся признанный духовный лидер Западной церкви *св. Бернард Клервосский* (XII в.), один из идеологов 2-го Крестового похода. В своем труде «О размышлении» («*De consideratione*»), посвященном папе *Евгению III* (1145—1154), он попытался дать границы папской власти, хотя по обыкновению расширил их до чрезвычайности.

«Кто ты? — вопрошает св. Бернард понтифика. — Великий священник, верховный жрец, глава епископов, наследник апостолов, ты первенством Авель, правлением Ной, патриаршеством Авраам, чином Мелхиседек, достоинством Аарон, авторитетом Моисей, судом Самуил, властью Петр помазанием Христос. У других власть держится в известных границах, у тебя же власть и над имеющими власть, ибо ты можешь и епископу запереть Царство Небесное, отставить его и предать сатане». Границы власти папы св. Бернард видел исключительно в нравственном самоограничении: «Апостолы установлены князьями над всей землей, а ты их наследник. Но в какой мере? Думаю, что не вполне. Мне кажется, тебе дано право

распределения, а не собственность. Собственность принадлежит Христу — и по праву творения, и по заслуге, и вследствие дара Отца. Тебе же дано попечение, вот твоя часть. Как, скажешь ты: ты не отрицаешь, что я управляю, и запрещаешь мне властвовать. Именно так. Ты управляешь как верный слуга, которого хозяин поставил над своей семьей. Для чего? Чтобы давать ей пищу во времени, т.е. чтобы распределять, а не повелевать»³⁹⁶. Скажем откровенно: если такие нюансы, как различие между *правом повелевать* и *правом распределять* имеет значение в теоретических построениях, то в практической политике оно едва ли заметно.

Следует сказать, что из папского титула «*викарий Христа*» латинские канонисты сделали далеко идущие выводы. Поскольку папа является «викарием» и может сделать то, что мог бы сделать и сам Спаситель, ему, следовательно, по природе принадлежит дар менять сущность вещей и претворять несправедливость в справедливость. В этой связи любые поступки, которые заслуживают осуждения в другом человеке, утрачивают предосудительный характер для папы. При папском дворе невозможна симония — вернее, продажа должностей может иметь место, но квалифицировать ее таким образом нельзя, поскольку воля понтифика является *единственным* легальным оправданием его поступков. Даже законы Церкви не обязательны для апостолика, он стоит выше них³⁹⁷.

Новые веяния о природе папской власти обобщил один из наиболее категоричных сторонников папизма, канонист Агостино Трионфо, в своем трактате «О высшей церковной власти». Им были поставлены следующие вопросы: может ли человек апеллировать на решения папы к Богу? Не является ли апелляция на решение папы к Богу апелляцией против Бога? Можно ли апеллировать к коллегии кардиналов? К Вселенскому Собору? И тут же отрицательно отвечал на них, ссылаясь на то, что Господь, сотворивший мир, сказал о Своем творении: «Очень хорошо» (Быт. 1, 31). Но главой этого порядка вещей в мире является Римский епископ. И далее: «Подобно тому, как этот порядок был бы перевернут апелляцией к Вселенскому Собору, так и это благо будет сведено на нет, потому что нет блага для армии, если это не благо для военачальника, и нет блага для Церкви, если это не благо для папы. Благо военачальника выше блага всей армии, и благо папы превышает благо всей Церкви». Итак, значение имеет не сама Церковь и не тело Церкви («*corpus Ecclesiae*»), но лишь *caput Ecclesiae* («глава Церкви»)³⁹⁸.

Особой прерогативой Римского епископа являлась также канонизация святых. Давно уже отошли в прошлое времена, когда

местная Церковь могла проявить в данном деле инициативу. Как разъяснил в своем письме Датскому королю *Вальдемару I Великому* (1157—1182) папа Александр III, «даже если многие знаки и чудеса были представлены через него, вам не разрешается чтить его публично без утверждения Римской церкви»³⁹⁹.

Как говорилось выше, уже во времена «Клунийской реформы» изначальное богословское понимание «Церкви» начало претерпевать в умах латинян существенное изменение. Под *Ecclesia* начали понимать исключительно клир, и получилось, что Церковь отождествилась со священноначалием; мирян уже никто в расчет не принимал. Западная церковь все более становилась *корпорацией* с единой иерархической и управляющей структурой. Она переставала быть Телом Христовым и становилась юридическим лицом, организацией. Безусловно, это значительно усилило практическую власть Римского епископа⁴⁰⁰.

Наконец, нельзя забывать, что к XIII веку на Западе стало общепринятым культивируемое папами убеждение, что апостолик стоит *выше* Вселенских Соборов. В частности, на «вселенском» Соборе в Латеране в 1179 г. (III Латеранский собор) папа Александр III заявил, что собрал его по собственной инициативе, поскольку *является единственным пастырем всей Вселенной*. А остальные епископы, делегаты Собора, обязаны помогать ему своим присутствием и советом. Их количество, в общем-то, ничего не меняет, поскольку есть Римский епископ. Но придает внешний вес принятым папой решениям⁴⁰¹. На этом же Соборе было утверждено каноническое решение о том, что исключительно папа является высшим законодателем Кафолической Церкви, утверждает новые каноны и отменяет старые. Поэтому даже сомнения в истинности решений Римского епископа не могут возникать в сердцах истинных христиан. Правда, узурпируя традиционные права местных епископов, папы — надо отдать им должное — деятельно защищали своих подчиненных перед третьими лицами. Вопрос об инвестиатуре к тому времени уже не стоял, и даже дерзостные Германские императоры за редким исключением уже не посягали на то, чтобы управлять своей национальной Церковью⁴⁰².

Да что там местные епископы, если под папской туфлей оказалась вся Западная империя, государи которой иногда беспомощно взирали на то, как рушится их власть. Показательно письмо, написанное папе Иннокентию III одним из высокородных корреспондентов: «Достаточно известно, что после смерти нашего возлюбленного государя и брата, высокого Римского императо-

ра *Генриха VI* (1191—1197), Империя пришла в такой беспорядок и многими бурями столь жалким образом была взволнована и растерзана, во всех своих частях и в пограничных областях так потрясена, что рассудительные люди не без основания считали восстановление Империи в наши дни невозможным, так как всякий жил и действовал без суда и закона, как ему хочется, по внушению и благоустроению своей воли»⁴⁰³.

Но вслед за этим невиданным взлетом папству пришлось пережить тяжелый период падения. *Раздав* Германскую империю в лице Гогенштауфенов, папство подписало себе приговор. И дело даже заключалось не в тех многочисленных искажениях истины, выступивших прямым следствием софистического обоснования всемогущества Римского епископа, а в том, что устранение и казнь Германского короля стали наглядным примером для остальных властителей Запада, — *что* с ними может случиться, если папа сохранит свою власть в новом виде⁴⁰⁴.

Да и то сказать, в своем стремлении расширить власть Рима до бесконечности папы многократно перешли невидимую границу, за которой начиналась открытая война. Ну кому, например, мог понравиться тезис о том, что если против неверного папе короля нет никаких средств, кроме молитвы, то он перестает быть правителем и подданные вправе *убить* его?⁴⁰⁵

Следует заметить, что доводы сторонников «папской теории» не страдали безупречностью, и многие клирики, составлявшие оппозицию Риму, без труда приводили многие аргументы в пользу Западного императора. К числу их нужно отнести знаменитого Вальтрама, епископа Наумбургского, творившего в те годы, когда Григорий VII Гильдебранд и Генрих IV сошлись в смертельной схватке. В своем произведении «О сохранении единства Церкви» («*De unitate Ecclesiae conservanda*») он традиционно признает Римскую церковь матерью всех Церквей. Но затем делает неожиданный и неприятный для Апостольского престола пассаж — когда Византийские императоры впали в ересь (?), писал Вальтрам, Рим отверг их от себя и избрал благородных галлов и германцев, короли которых стали императорами. Но перенесение верховной власти состоялось по решению германских и франкских князей, и папа лишь благословил их выбор. *Присвоив себе право* (!) отрешать императоров от власти и решать вопросы престолонаследия, понтифик вверг народы в смуту и междоусобицу, вследствие чего возникла реальная угроза единству Церкви. Возбуждая епископа на епископа, народ на народ, князей на императора, Гильдебранд и его

сторонники сами стали *отщепенцами от Церкви*, отвергли себя от Христа. Это был более чем опасный вывод для Рима⁴⁰⁶.

А когда папа *Пасхалий II* (1099—1118) направил окружное послание, призывая всех христиан поднять меч против императора *Генриха V* (1105—1125), духовенство Лютиха ответило ему развернутым письмом: «Римская церковь взывает к светскому мечу против своей дочери, желая ее уничтожить. Но кто дал ей власть меча? Иисус Христос не знает другого меча, кроме духовного. Следовательно, Пасхалий, проповедуя Крестовый поход против христиан, действует не как преемник апостолов. Да будет нам позволено сказать при всем уважении к Апостольскому чину: папа и его советники не знают, что делают? Что видим мы? Опустение церквей, угнетение бедных, дикие грабежи и запустение, убийства без разбора добрых и злых. Вот что готовят нам. Разве это Апостольские дела? Неслыханная вещь: папа обещает прощение грехов тем, кто совершит злодеяния! В чем упрекают нас? В том, что мы остались верны императору? Но папа забывает, что Христос и Апостолы предписывают уважать власти и повиноваться им. Никогда отлучение князя от Церкви не может разрешить подданных от клятвы верности, ни дать Церкви права воевать против царей. Будь император еретик, мы все же обязаны повиноваться ему, мы должны молиться за него, но мы не смеем поднять против него оружие»⁴⁰⁷.

Вторая им, в 1187 или 1191 г. Угуччо Пизанский писал: «Где ныне те, кто говорит, что только папа является викарием Христа? Это справедливо в отношении полноты власти, но в других отношениях каждый священник — викарий Христа и св. Петра»⁴⁰⁸.

Но еще интереснее документ «*De consecratione pontificum et regnum*» («О посвящении епископов и королей»), принадлежавший перу некоего нормандского клирика, жившего в XI или XII веке. Поскольку имя автора затерялось в истории, исследователи окрестили его «*Нормандский аноним*». Характерной чертой этого древнего политического исследования является убежденность в том, что король по своей природе является «*persona mixtra*», «двойной личностью». «Мы должны признать, — писал Аноним, — в короле удвоение лиц: одно из них происходит из природы, второе — из Благодати. Одно — это то, в котором он по условиям природы подобен прочим людям, другое — то, в котором он высотой своего богоуподобления и силой Таинства помазания превосходит всех прочих. И поэтому в одном он является, по природе, индивидом и человеком, в другом же, по Благодати, — Христом, т.е. Богочело-

веком. При помазании на него исходит Дух Святой и обожествляющая сила, посредством которой он становится подобием и образом Христа и которая преобразует его в другого человека, так что он становится другим в лице своем и другим в духе»⁴⁰⁹.

По Анониму, сущность и содержание власти Бога и короля являются равными независимо от того, принадлежит эта власть по природе (как у Христа) или по Благодати (как у короля). «Власть царя есть власть Бога. Ведь она — Бога — по природе, а царям — по Благодати. Следовательно, и царь тоже есть Бог и Христос, но по Благодати; и что бы он ни делал, он делает это не только как человек, но как тот, кто стал Богом и Христом по Благодати».

Безусловно, считать короля мирянином невозможно, поскольку его статус ничем не отличается от епископского, считал древний автор. «И царь может по праву именоваться священником, и священник — царем», поскольку на них действует одна и та же Божественная Благодать. Но вполне в духе идей императора св. Юстиниана Великого и прежних канонистов Аноним видит различие в Благодати обеих персон, но в пользу... короля. «Каждый из двух, король и епископ, является в духе Христом и Богом и в своей должности выступает как подобие и образ Христа и Бога: священник — как проявление и образ Священника, царь же — Царя. Священник являет собой отражение низшего служения и природы, т.е. Его человечества; Царь же — высшего служения и природы, т.е. Его Божественности».

Более того, истинным викарием Христа являются даже не епископы, а именно императоры и короли. Ведь, по мысли Анонима, архиереи лишь *подражают* апостолам, в то время как король соцарствует Христу: «Священнослужителей помазует Господь как Своих апостолов духовным помазанием, короля же — более соучастников Своих как Своего Первородного Сына, рожденного прежде всех век»⁴¹⁰.

И хотя точка зрения Анонима не закрепились в конкретной политической доктрине, его антииерократические мысли получили распространение гораздо дальше того места, где рукопись была написана. Повсеместно считалось само собой разумеющимся, что помазание ставило императора или короля вне всего остального мира. После окончания обряда помазания тело короля считалось священным, *неприкосновенным* и самым сильным символом власти — ведь Таинство совершалось непосредственно над телом, а не где-то вообще⁴¹¹.

А в XIII веке была сделана попытка уподобить церковный статус короля статусу церковнослужителя, например диакона. На Литургии папа христосовался с Французским королем, как с одним из кардиналов, а в конце богослужения тот подносил понтифику чашу для причащения и воду, как это обычно делают иподиаконы. Вскоре, желая окончательно покончить с сомнениями относительно сакрального статуса христианского монарха, этой традиции придали определенную форму. И уже с конца XIV века западные короли начали по-настоящему исполнять обязанности диаконов и иподиаконов. И хотя, в частности, Французские монархи *формально* никогда не были диаконами, но само одеяние, в которое они облачались после коронации, напоминало стихарь, который клирики надевают к мессе⁴¹².

Очередное политическое падение Апостольского престола началось со старого спора о том, кому принадлежит Сицилия. Папа категорично не хотел забывать, что некогда завоеванный остров был объявлен норманнами собственностью Римской кафедры. А Французский король *Филипп IV Красивый* (1285—1314) не желал уступать права своей короны на эту территорию. Присоединилось еще одно обстоятельство — война Франции с Англией за континентальное наследство. Нуждаясь в средствах, Французский король в 1294 г. ввел специальный налог, который был распространен и на духовные владения. Без испрашивания согласия папы, разумеется.

В ответ папа *Бонифаций VIII* (1294—1303) в булле «*Clericis laicos*» от 1296 г. запретил французскому духовенству обложение без разрешения Римской курии и пригрозил церковными наказаниями тем, кто посягает на церковное имущество. Иными словами, самому Филиппу Красивому. Это было по меньшей мере недальновидно. Но Бонифаций, в котором было мало от клирика и много от светского правителя, человек необузданных желаний и амбиций, просто не знал слов «компромисс» или «примирение». Для него не существовало никаких сомнений в том, что Святейший престол *обязан* господствовать над всеми государствами мира. Тогда король запретил вывоз налогов, собранных на его землях с духовных владений, в Италию, чем лишил понтифика важнейшего источника дохода. Апостолик благоразумно смягчил санкции, установленные в своей булле, и на время ссора затихла⁴¹³.

Но затем папе донесли, что Французский король распоряжается имуществом и самим духовенством Франции так, словно Римского епископа вообще не существует. Бонифаций VIII разразился

резким письмом, но Французский король ответил, что, подрывая незыблемую королевскую власть, понтифик пытается превратить Францию в свой лен. Тогда 18 ноября 1302 г. понтифик издал еще одну буллу, «*Unam Sanctam*», в которой заявил, что у Кафолической Церкви есть только один глава — Римский епископ. И короли обязаны служить ему⁴¹⁴.

Деятельный Филипп Красивый дерзко и быстро дал ответ. Он созвал Собор в храме *Notre Dame*, в Париже, где папская булла была торжественно сожжена в присутствии представителей всех сословий и галликанского епископата. Папского легата с позором изгнали прочь, а все сословия Франции подтвердили, что папа не является источником власти для их короля. А, стало быть, не обладает и теми полномочиями, которые себе присвоил. Впервые в истории Западной церкви епископат встал на сторону светского владыки, бросив понтифика⁴¹⁵.

Это событие папа воспринял как объявление войны. Но его надежды на то, что Германский император *Альбрехт Австрийский* (1298—1308) станет союзником, не оправдались. А Филипп Красивый направил отряд в Ананьи, где располагался папский двор, с приказом арестовать Бонифация VIII. Понтифик от неожиданности и горя сошел с ума и 11 октября 1303 г. скончался.

Год на Апостольском престоле восседал безвольный *Бенедикт XI* (1303—1304), но когда его активность начала утомлять Французского короля, тот был отравлен безвестным молодым человеком, предложившим папе «свежих» лесных ягод. Новый папа *Климент V* (1305—1314) являлся настоящим ставленником Французского двора, и все 28 кардиналов также были назначены по едвали прикрытому указанию короля. Решением Филиппа IV в 1309 г. папе и кардиналам была предоставлена резиденция в Авиньоне, на границе Франции, т.к. существовали далеко не безосновательные опасения, что Рим не примет «такого» понтифика. Началось знаменитое «Авиньонское пленение» Римских пап, длившееся 70 лет, в течение которого ни у кого не возникало сомнений относительно того, что апостолик является орудием Французской короны. Конечно, Римский епископ более не вызывал доверия и не считался беспристрастным, как ранее⁴¹⁶.

Впрочем, и моральный облик предстоятеля Апостольской кафедры более не вызывал умиления среди верующих. Как рассказывали, папа Бенедикт был «отягощен вином и годами». Расходы на содержание двора папы Климента превышали в 10 раз аналогичные средства на содержание королевского двора в Париже. А на его

инаугурацию был организован пир, на котором съели 1023 барана, 118 голов крупного рогатого скота, 101 теленка, 914 козлят, 60 свиней, 10 471 курицу, 1440 гусей, 300 шук, 46 856 порций сыра, 50 000 пирогов и выпили 200 бочек вина. Ходили упорные слухи, что некая прелестная графиня Турская Сесиль удостоилась излишнего пастырского внимания к себе. А ее сын, будущий понтифик *Григорий XI* (1370—1378), был рожден ею от папы Климента. Поэт Петрарка с негодованием писал, что «постели пап кишат проститутками», а их алчность не знает границ⁴¹⁷.

Новый папа, обладавший столькими разными «талантами», сразу же обеспечил преимущество партии Филиппа Красивого, и теперь новым апостоликом гарантированно мог стать только француз. Климент V отменил также все решения покойного Бонифация VIII, задевавшие интересы Филиппа Красивого, и благословил процесс против тамплиеров. Нечего удивляться, что столь открыто демонстрируемая зависимость новой Римской курии от Французского двора резко ухудшила отношения между папами и Германским императором. «В пику» Французскому двору и желанию понтифика германские князья-выборщики избрали в 1308 г. своим императором *Генриха Люксембургского* (1308—1313). Тот в 1310 г. явился в Рим, и жители города открыто провозгласили независимость императорской власти от Римского епископа. Но Генрих, состоявший в дружбе с Филиппом Красивым, не пожелал открытого разрыва, и в тот момент скандал удалось замять⁴¹⁸.

Но в 1314 г. произошел очередной конфликт интересов. После смерти Генриха Люксембургского противоборствующими партиями были избраны одновременно два короля — *Людвиг Баварский* (1314—1348) и Фридрих Красивый. Папа выступил в поддержку Фридриха Красивого, но тот потерпел поражение от соперника в битве под Мюльдорфом в 1322 г., а победитель презрительно отверг все претензии Римской курии. Он решил лишить власти папу, пребывающего в Авиньоне, путем созыва Собора в Риме. Интересно, что многие итальянцы откровенно приветствовали такое решение, видя в новом императоре посланца Божественного провидения.

Всевластие и откровенный софизм Римской курии в деле обоснования неограниченных полномочий главы Апостольского престола вызвали ответную реакцию со стороны светских властителей. Им совершенно не хотелось признавать папу источником своей власти, особенно если учесть, что на другом конце земли восседал *полновластный* Византийский император, для которого такой проб-

лемы не существовало. Кроме того, специалистам была известна древняя практика, когда окончательную точку в спорах ставил не понтифик, а Вселенский Собор и император, утверждавший его определения. И вскоре французские юристы с присущим им темпераментом доказывали, что папа не является главой Церкви, которая *соборно* должна решать все важные вопросы. Признавалось также, что папа может быть предан анафеме, как и любой другой смертный. Такой прецедент вскоре был создан: Французский король Филипп Красивый созвал Собор, анафематствовавший уже почившего в Бозе к тому времени папу Бонифация VIII.

Дальше — больше. В своем «*Dialogus*» Уильям Оккам не только отверг светскую власть папского престола, но и подверг сомнению действительность основания папского примата Христом. Марсилий Падуанский и Иоанн де Жандон категорично отрицали божественное происхождение папского примата и сильно сомневались в том, что понтифик является преемником апостола Петра, поскольку его пребывание в Риме недоказуемо на основании Священного Писания. Более того, в своих исследованиях они совершенно подчиняли Церковь светской власти, лишая священноначалие всякой самостоятельности⁴¹⁹.

Свою лепту в развенчании всемогущества Рима внес известный Данте Алигьери, написавший в 1313 г. сочинение «Монархия». Без особого почтения к особе понтификов он без большого труда опроверг «Константинов дар» простыми, но оттого не менее убедительными рассуждениями. Даже не оспаривая факт передачи папе *Сильвестру* (314—335) в собственность Рима и Италии со стороны императора св. Константина Равноапостольного, Данте утверждает: «Константин не мог отчуждать права и владения Империи, а Церковь принимать их. Никому не дозволено, основываясь на вверенной ему должности, делать то, что этой должности противоречит. А рассекать Римскую империю противно должности, вверенной императору, ибо долг его — подчинять человеческий род единому хотению. Следовательно, рассекать Римскую империю императору не дозволено». Не был обойден вниманием Данте и тот факт, что некогда папа *Адриан* (772—795) призвал Карла Великого защитить Рим от лангобардов и вручил ему императорскую корону. На это великий писатель не без сарказма напомнил, что в свое время император *Оттон Великий* (962—973) восстановил папу *Льва VIII* (963—965) на кафедре, а папу *Бенедикта V* (964) низложил⁴²⁰.

И совершенно убийственный вывод: «Если бы Церковь имела полномочия санкционировать власть Римского императора, она имела бы их либо от Бога, либо от себя, либо от какого-нибудь монарха, либо по всеобщему согласию. Но ни один из перечисленных источников Церкви подобных прав не давал; следовательно, она вышеупомянутых полномочий не имеет»⁴²¹.

В это же время другой английский автор выразил в своем произведении общую для многих точку зрения: «Римская церковь навлекла на себя гнев Божий, потому что ее правители заботятся не о духовном благе народов, а только о накоплении своего собственного кошелька». В борьбе папы с королем Фридрихом II Гогенштауфеном даже многие германские епископы говорили: «Пусть папа стрижет сколь угодно своих овец в Италии, а мы защитим своих от волка, скрытого под одеждой пастыря»⁴²².

А канцлер знаменитого Парижского университета Жерсон, поддерживаемый епископом Салисберийским, написал трактат «О духе и средствах объединения и реформирования Церкви на Вселенском Соборе». В нем присутствуют следующие строки: «Если из-за блага какого-нибудь государства или провинции смещается король, вековой повелитель, вступивший по законному наследованию, тем более нужно смещать папу или прелата, который утверждается избранием кардиналов, отец или дед которого, может быть, не имели достаточно бобов, чтобы наполнить свой желудок. Страшно ведь сказать, что сын какого-то венецианского рыбака занимает папский престол ко вреду всей Церкви. Папа, как папа, есть человек, оставаясь папой, и как папа может грешить, и как человек может заблуждаться. Разве Собор, на котором не председательствует папа, выше папы? Конечно. Выше его по значению, выше по должности, выше по достоинству. Такому Собору сам папа обязан во всем повиноваться, такой Собор может ограничивать власть папы, потому что Собору, представляющему собой всю Церковь, уступается власть вязать и решать. Собор может уничтожить папские права, а на Собор никто не может апеллировать. Собор может избирать и смещать папу, устанавливать новые законы, отменять старые. Учреждения, уставы и правила Собора нельзя никому изменять или приостанавливать»⁴²³.

Возникло новое мощное движение *конциляризма*, «соборности» в Церкви, как антитеза папской единоличной власти. Во главе его стояли значимые фигуры, поддержанные Германским императором. И в 1328 г. народ Рима действительно сверг «Авиньонского папу» *Иоанна XXII* (1316—1334) и избрал апостоликом *Николая V*

(1328—1330). Новый папа, или, вернее, антипапа, недолго находился у власти. Его «сеньор» Германский император не обладал достаточной силой, чтобы тягаться с Францией, а потому Николай V уже вскоре прибыл к Иоанну XXII и покаялся⁴²⁴.

Когда началась Столетняя война между Англией и Францией (1337—1453), папы, конечно, выступили на стороне Французского короля, но Германский император поддержал Англию. 13 апреля 1346 г. понтифик *Климент VI* (1342—1352) в раздражении анафематствовал Людовика Баварского, Германского императора, но всем было очевидно, что он фактически потерял власть над Италией и Римом. Там уже начался процесс консолидации под знаменем свободных городов и коммун. В силу самосохранения Апостольский престол должен был пойти на уступки, что и произошло при папе *Иннокентии VI* (1352—1362). По его инициативе были приняты так называемые «избирательные обязательства» (*capitulationes*), согласно которым будущий папа брал на себя перед избранием строго определенные обязательства, а кардиналы «в обмен» отдавали за него свои голоса.

Папы стали осознавать, что вдалеке от Рима и Италии, своего естественного пристанища, находясь под слишком теплой и пристальной опекой Французских королей, они рано или поздно потеряют власть. И при горячем содействии Иннокентия VI были созданы осторожные предпосылки для возвращения апостолика в Рим, а также для улучшения отношений с Германским королем. Пришлось пойти на уступки — Германский император *Карл IV* (1346—1378) 25 ноября 1355 г. издал «Золотую буллу», в которой были строго определены права императора и порядок его выборов. Были установлены 7 князей-выборщиков, ставших по факту настоящими соправителями Германского императора, как минимум единожды в год обсуждавших с ним дела Империи.

Сам император стал *номинальным* главой Западной империи, обязанным, главным образом, заботиться о ее целостности и придании актам князей формы законности. Самостоятельные источники дохода у него практически исчезли, а потому он при всем желании не мог создать органы управления⁴²⁵. Но, главное, власть папы и императора была разделена на самостоятельные области, и в «Золотой булле» ни словом не упоминается, что понтифик вправе согласовать избрание правителя Священной Германской империи. За ним сохранилось лишь право короновать императора, и то по факту, без возможности кассации результатов выборов⁴²⁶.

Осенью 1367 г. папа *Урбан V* (1362—1370) покинул город заточения своих предшественников и 16 октября 1367 г. вступил на

улицы Рима. За десятилетия междоусобиц город был окончательно разрушен. Население уменьшилось до 25 тысяч человек, по улицам бегали лисы и волки. Латеранский дворец лежал в руинах. Поэтому папа перевез курию в *Ватикан*. Однако этот выезд в Вечный город закончился довольно быстро. Напомнив римлянам о существовании папства и приняв императора Иоанна V Палеолога, Урбан V вернулся в Авиньон, который к тому времени превратился в богатый, цветущий город. Лишь папа *Григорий XI* (1370—1378), о котором писалось выше, в миру Пьер Роже де Бофор, стал последним «Авиньонским епископом». Понимая, что раздор в Италии не прекратится, пока папа находится во Франции, он решил переехать в Рим, о чем и сообщил 9 мая 1372 г. своим кардиналам. Переезд потребовал многих усилий, апостолику даже пришлось занять 60 тысяч золотых флоринов у герцога Анжуйского и 3 тысячи у короля Наварры, чтобы обеспечить папство на первое время и решить самые актуальные проблемы. Италия не спешила возвращаться под власть Святого престола. Болонья объявила о своей независимости, а на Милан был наложен интердикт, не давший, впрочем, никакого результата. Подавление инакомыслия привело к тому, что кардинал Роберт, направленный папой для этих целей на север Италии, просто вырезал 4 тысячи мужчин, женщин и детей в Чезене, надеясь устроить жителей Болоньи. Но эта мера также ни к чему не привела, и папе пришлось удовольствоваться договорами о перемирии с обоими городами⁴²⁷.

13 января 1377 г. папство возвратилось в Рим, и, прекрасно понимая, что старыми методами Римскую церковь более нельзя удержать в спокойствии, Григорий XI пошел на невиданные ранее меры. Укрепляя корпус кардиналов, жертвуя своими полномочиями, он буллой «*Periculis et detrimentis*» предоставил им широкие права при выборах нового папы. Казалось бы, все страшное осталось позади.

Но в 1378 г. грянул «*Великий раскол*» Западной церкви, продолжившийся многие десятилетия. Едва понтифик закрыл глаза, в его дворец явилась толпа горожан, потребовавшая от кардиналов избрать новым Римским епископом итальянца или жителя Рима, но только не француза. Естественно, кардиналы-французы выступили против и, понимая, к чему клонится дело, бежали из Рима, заранее объявив новые выборы недействительными. Но итальянцев это не остановило, и оставшиеся кардиналы избрали папой *Урбана VI* (1378—1389), архиепископа Бари. Первоначально каноничность его избрания не ставилась под сомнение, но затем

отношение к папе резко изменилось. Понтифик оказался вспыльчивым и сумасбродным субъектом, чрезвычайно нетактичным по отношению к кардиналам. Примечательно, что вскоре кардиналы всерьез решили, будто у папы помутился рассудок. Уже к августу они заявили, что избрание Урбана VI являлось незаконным и поставили на кафедру *Климента VII* (1378—1394), антипапу. Как и следовало ожидать, оба понтифика торжественно анафематствовали друг друга⁴²⁸.

Западный мир раскололся на две части. Германская империя, Венгрия, Польша, Скандинавия и Англия сплотились против Франции, Шотландии, Неаполя, Сицилии, Арагона. Каждый из понтификов создал свой аппарат, посвящал своих епископов и назначал кардиналов, а в Италии на полях сражений обильно проливалась кровь христиан — европейские державы воевали друг с другом за «своего» апостолика. Помимо них, страну терзали банды кондотьеров, нанимаемых папами для обеспечения собственной безопасности. Казалось, наступило время, когда ничто уже не свято. Когда Урбану VI стало известно, что несколько кардиналов вынашивают планы сместить его, он приказал пятерых из них зашить в мешки и утопить в море (!), что и произошло. Рим видел многое, но *папы-убийцы* все-таки встречались крайне редко. В целом повсеместная гражданская война в Италии довела ее и Папскую область до степени крайней нищеты⁴²⁹.

Смерть Урбана VI и начало понтификата *Бонифация IX* (1389—1404) не принесли облегчения. Наконец, история приготовила приятный сюрприз в виде двух противоборствующих пап, которые, тем не менее, как казалось, сумели встать над личными интересами и заявили о необходимости преодоления «Великого раскола», — *Григория XII* (1406—1415), преемника Бонифация IX, и *Бенедикта XIII* (1394—1423), антипапу. Оба лица принесли торжественную клятву, что для преодоления схизмы готовы оставить свои престолы, но и они в конце концов разругались, не найдя компромиссного решения. Помимо всего прочего, этот период характеризовался таким расцветом симонии и nepотизма (раздачи должностей близким родственникам), что современники были просто поражены. Симония сделалась постоянным финансовым источником папства, и само оно превратилось в специфическую биржу, на которой продавались безграничные права преемника апостола Петра. Широко распространилась практика продажи *индульгенций*, причем для этого вовсе не обязательно было отправляться в Рим, а можно было купить ее на месте, сэкономив на путешествии. Все епископы были

обложены *аннатами*, т.е. обязывались при вступлении в должность уплачивать папе свой годичный доход⁴³⁰.

В качестве смягчающего обстоятельства нужно сказать, что подобная финансовая политика была в значительной степени обусловлена внешними обстоятельствами. Не добившись от папы Бонифация IX отказа от понтификата, Французский король *Карл VI* (1380—1422) с не очень лестным прозвищем Безумный, инициировал Собор галльских епископов, принявших решение не подчиняться «Римскому» понтифику. Примеру Франции последовала Наварра и Кастилия, вследствие чего Римская курия лишилась громадных доходов, ранее поступавших ей из этих стран. Пришлось идти на «непопулярные» меры. И тогда авторитетный Парижский университет по своей инициативе разработал план преодоления раскола, который предусматривал обязательный созыв Вселенского Собора, должного решить судьбу Апостольского престола⁴³¹.

Это был далеко не рядовой прецедент — достаточно сказать, что, по каноническим уложениям Римской церкви, раз избранный папа не мог быть освобожден от занимаемой должности ни при каких обстоятельствах. Однако и сохранять раскол было уже невозможно. Противоречивое с канонической точки зрения решение — назначить Собор без папы для того, чтобы низложить действующих понтификов и избрать нового, — являлось малопопулярным, но неизбежным. Эту мысль хорошо выражают слова Конрада Гельнгаузена, настоятеля храма в Вормсе: «Невозможно, чтобы всеобщий Собор созывался или проходил помимо власти папы. Однако *в данном случае* для созыва подобного Собора власти папы недостаточно, поскольку отсутствует общепризнанный папа, и нет такого человека, которому бы все подчинялись как папе. И если соберется Собор под началом того или другого сомнительного человека, тот уже в силу этого будет признан папой; отсюда следует, что оба они не могут санкционировать созыв Собора, поскольку верховный понтифик может быть лишь один»⁴³².

Хотя оба папы выступили категорически против этого предложения, 25 марта 1409 г. в главном храме города Пиза открылся Собор, на котором присутствовали кардиналы от обеих партий. Он был очень представительным: 25 кардиналов, более 100 епископов, несколько сотен аббатов и клириков. Совместными усилиями Собор *низложил обоих пап* (!) и избрал *Александра V* (1409—1410) — компромиссную фигуру, устраивавшую всех. Это был великий прецедент: Собор не только осмелился низложить понтифика, но сместил сразу обоих, на деле показав всему западному миру, кому

принадлежит высшая власть в Римской церкви. Но через несколько месяцев новый папа умер, а его преемником стал *Иоанн XXIII* (1410—1415), авантюрист и проходимец. Общеизвестно, что этот человек в юности занимался прибыльным делом морского пиратства, затем уехал в Болонью, где предался страшному разврату. Там он стал архидиаконом, был переведен папой Бонифацием IX в Рим, где невиданно обогатился за счет продажи индульгенций. Затем будущий папа Иоанн XXIII стал кардиналом — вернее, *купил* себе эту должность, вернулся в Болонью папским легатом, где не останавливался перед убийствами, кражами и клятвопреступлением, чтобы получить полноту власти на Романией. И теперь он стал главой Апостольского престола⁴³³.

Естественно, ни Григорий XII, ни Бенедикт XIII не признали себя низверженными и продолжали править как ни в чем не бывало, при полном одобрении большинства паствы. Все бы ничего, но теперь на звание преемника святого апостола Петра претендовали уже не два (к этому уже, собственно говоря, привыкли), а *трое пап!*⁴³⁴

Раскол принял настолько смертельные очертания для всего Запада, что Германский император Сигизмунд предпринял решительные меры по его преодолению. Его активно поддержали во Франции, Кастилии и Наварре, требуя прекратить практику «*многопапства*» и восстановить нормальное управление Церковью⁴³⁵. Опять, как и много столетий тому назад, Римскую церковь и сам институт папства *спасала императорская власть* — папы оказались не способны справиться с проблемами, которые сами же и породили.

По инициативе Германского монарха в 1414 г. в Констанце был создан новый Собор. Это представительное собрание, получившее впоследствии в Западной церкви статус «Вселенского», действительно собрало почти всю Церковь. На нем присутствовал сам папа Иоанн XXIII, представители всех трех понтификов, трех восточных патриархов, а также 23 кардинала, 27 архиепископов, 106 епископов, 33 титулованных епископа, не имевших собственных епархий, 103 аббата, 18 аудиторов папского двора, 18 папских кубикюляриев (камергеров), 27 папских духовников, 24 писаря индульгенций, 142 писаря булл, 73 прокуратора пап и кардиналов, 24 портулана (сборщиков церковных налогов), 28 духовных надзирателей конкистории. Помимо них, прибыл Германский император, представители королей Франции, Англии, Шотландии, Польши, Швеции, Дании, Норвегии, Неаполя, Сицилии. На Собор съехалось также

18 тысяч прелатов, более 2 тысяч знатнейших рыцарей и около 80 тысяч знатных обывателей, 718 проституток, не считая воров и зевак⁴³⁶.

Особенность Собора заключалась в том, что, во-первых, из голосования были исключены кардиналы, а, во-вторых, все голоса были распределены *по нациям*, каждая из которых имела равные права. Почувствовав, что Собор не готов поддержать его, папа Иоанн XXIII бежал при поддержке графа Тироля *Фридриха IV Габсбурга* (1406—1439), и Германский король Сигизмунд предпринял меры, чтобы никто более не смог оставить Констанца. Но бегство Иоанна XXIII сослужило папе плохую службу: сторонники конциляризма обоснованно могли считать, что победа досталась им. Они предали папу Иоанна XXIII суду, 20 мая 1415 г. низвергли его из сана, признали еретиком, а затем приняли декрет «*Haec sancta Synodis*», согласно которому Вселенский Собор, получивший свою власть непосредственно от Христа, стоит выше Римского епископа.

После этого папа Григорий XII добровольно сложил с себя сан, но Бенедикт XIII упорствовал, и лишь 26 июля 1417 г. судебным определением был низложен и он. Но Бенедикт XIII желал умереть папой. Испанец по национальности, он бежал в замок Пенисколу, располагавшийся на берегу моря, где окопался и заперся со своими сторонниками. Там, тайно покровительствуемый королем Арагона, Сицилии, Валенсии и Майорки *Альфонсом V Великодушным* (1416—1458), он скрывался до 1423 г. и умер 90-летним старцем⁴³⁷. Впрочем, его «сидение» ничего не меняло, и 29 мая 1414 г. Собор вынес приговор, согласно которому *ни один* из трех бывших пап никогда не мог занять Апостольскую кафедру. Любопытно, что при перечислении грехов папы Иоанна XXIII были упомянуты такие неблагоприятные деяния и мысли, как: сожительство с женой брата, растление девиц и даже их *изнасилование* (!), а также убеждение апостолика, будто душа умирает вместе с телом⁴³⁸.

Можно было по праву считать, что Апостольская кафедра *вакантна*, а потому следует избрать нового папу. Правда, здесь опять столкнулись две точки зрения: одни полагали, что до выборов понтифика следует утвердить реформенные документы; другие настаивали, что вначале нужно избрать папу, а потом с его участием реформировать Западную церковь. Но победила первая точка зрения, что, в общем-то, было разумно. Долгие месяцы епископы и светские владыки готовили документы по реформе Римской церкви, ограничивающие папский централизм, и, наконец,

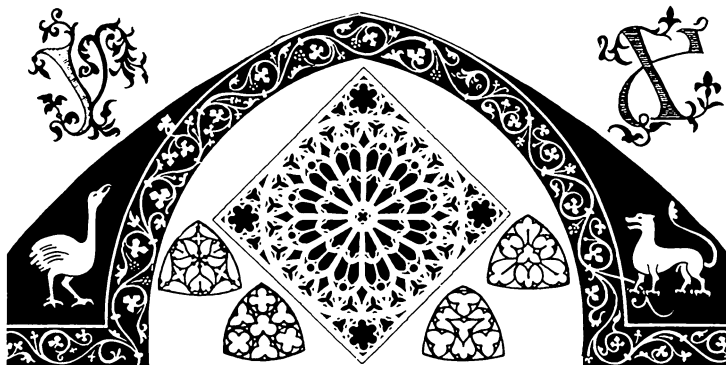
представили их на всеобщее обозрение и утверждение. А затем, 11 ноября 1417 г., приступили к выборам нового понтифика⁴³⁹.

Им стал *Мартин V* (1417—1431), принадлежавший к богатому и знатному римскому роду. Едва ли те полномочия, какие оставил Собор понтифику, могли вызвать восторг у Мартина V. В частности, он лишился права низложения и перемещения прелатов без согласия кардиналов или указания мотивов перемещения. Папу также лишили доходов с вакантных церковных должностей, запретили устанавливать налоги и, главное, потребовали, чтобы при вступлении в должность каждый новый понтифик приносил *письменное исповедание веры* (!) кардинальской коллегии и Германскому императору. Это был тяжелый удар по «папской непогрешимости» и его верховенству над светской властью!⁴⁴⁰

И Мартин V решил бороться, но очень мягко и осторожно — он не был намерен уменьшать объем своих прерогатив. Но опасался, что Собор, низложивший трех пап (беспрецедентный случай!), пославший на костер двух великих еретиков — Яна Гуса и Иеронима Пражского, приехавших на него под *личные гарантии* безопасности Германского короля, стал слишком грозной силой, а потому его следует свернуть. Под благовидным предлогом — якобы для обстоятельного обсуждения всех реформенных документов. Понтифик заявил, что необходимо перенести Собор на 5 лет и собраться потом в Павии, и 22 апреля 1418 г. закрыл его, не утвердив соборных актов⁴⁴¹. Вольно или невольно новому папе очень помогло то обстоятельство, что многочисленные чешские дворяне и вельможи открыто выступили против Собора, грубо поправшего королевскую грамоту и отправившего на казнь двух благочестивых богословов⁴⁴².

В результате, хотя Собор и положил конец «Великому расколу», но породил еще более грозный и кровавый *Евангелический раскол*, век спустя раздробивший Римскую церковь на две части⁴⁴³.





ЛХХІІІ. ИМПЕРАТОРЫ АНДРОНИК ІІ ПАЛЕОЛОГ СТАРШИЙ (1282–1328) И МИХАИЛ ІХ ПАЛЕОЛОГ (1295–1320)

Глава 1. Патриархи Константинополя и зипоты. Соимператорство Михаила ІХ Палеолога

Царствование Андроника ІІ открыло новую страницу истории великой Византийской империи. Увы, картину ее постепенной, но неуклонной *стагнации*. «Громадная разница, — писал один исследователь, — лежит между гордой Империей Михаила VIII и жалким государством его преемников. При наследниках Михаила VIII Византия превращается во второразрядное государство и в конце концов — в объект политики своих соседей». Объяснения этому процессу лежат не только и не столько в личных качествах последующих Римских царей, сколько в объективной картине политического мира. Государственный организм Византии был подорван еще годами латинского ига, и теперь, по мере нарастающей экспансии народов, населяющих Восток и Балканы, уже не справлялся с новыми задачами. Как и раньше, на Византию обрушился двойной удар, но теперь он оказался смертельным. Государство почувствовало перемены сразу после смерти великого Михаила VIII Палеолога, при его царственном сыне⁴⁴⁴.

Следует сказать, что 22-летний Андроник II Палеолог, получивший впоследствии прозвище Старший, являл собой далеко не ординарную личность. По одной, быть может, несколько категоричной оценке, «природа предназначала ему быть профессором богословия, а случай сделал Византийским императором». Во всяком случае, трудно не согласиться с тем, что богословские проблемы и чистота вероучения всегда являлись предметом первойшей заботы этого царя⁴⁴⁵.

Новый император действительно не был крупным государственным деятелем, но и никогда не страдал слабоволием. Он нередко допускал ошибки, порой крупные, однако принял целый ряд разумных и важных мер. И что не менее важно, прекрасно понимал задачи, стоящие перед государством. Прекрасно образованный человек, он сумел сделать Константинополь культурным центром своего времени и дать жизнь многим талантам, которых родила Византийская цивилизация⁴⁴⁶.

Взойдя на престол после смерти отца, он должен был решить некоторые первоочередные задачи. Во-первых, нужно было что-то делать с татарами, нанятыми его отцом для войны во Фракии. А, во-вторых, до конца решить проблему церковной унии. Татары тревожились, что новый император не оплатит их услуг на неоконченной войне, и Андроник II действительно не горел желанием тратить на них государственную казну. Впрочем, вскоре он нашел выход из создавшейся ситуации, передав татар под командование великого коноставала Михаила Главы, поручив тому напасть на триваллов. Татары с радостью согласились, провели победоносную кампанию, а затем с богатой добычей, переправившись через Истр, вернулись в родные становища.

Сам государь отправился в Константинополь, чтобы объявить траур по покойному отцу и принять власть. В столице Андроник II, до сих пор старательно скрывавший от Михаила VIII Палеолога свое истинное отношение к унии, начал мероприятия по искоренению ее последствий. Хотя ранее молодой царь неоднократно уверял Апостольскую кафедру в почтительном отношении к ней и его подпись стояла под униональными письмами, теперь он резко прекратил общение с Римской церковью.

26 декабря 1282 г. император направил патриарху Иоанну Векку письмо, в котором уважительно, но твердо повелевал оставить Константинопольский престол, обосновывая это обстоятельствами времени. Векк не стал упорствовать и удалился в монастырь Паракранта. А на патриаршую кафедру 1 января 1283 г. вернулся Иосиф,

старый и больной. На следующий день была совершена церемония освящения Святой Софии, как бы оскверненной латинянами, совершавшими здесь совместную с греками службу и певшими Символ Веры с добавлением *Filioque*. Галисийский монах Галактион, организатор мероприятия, лишенный зрения по приказу покойного царя, водимый под руки, кропил святой водой внутренние помещения храма. А рядовые византийцы валом валили к монахам, налагавшим на них различные епитимии. Наконец, был зачитан указ о запрещении на 3 месяца службы епископов и священников, принявших ранее унию. А двух архидиаконов, Константина Мелитиниота и Георгия Метохита, низложили за то, что они некогда сослужили с папой в Риме⁴⁴⁷. Весной 1283 г. василевс разослал по всей Империи грамоты об устранении беспорядков, которые последние годы сотрясали Восточную церковь. Все лица, ранее сосланные, как противники унии, были возвращены, наказанные — помилованы.

Однако кроме униатов императора ожидал еще более нетерпимый противник, чей высокий авторитет в народной среде предрешал затяжной характер образовавшегося церковного раскола, — «арсениты». Хотя бывший патриарх Арсений почил в Бозе еще в 1273 г., многие его приверженцы категорично отказывались вступать в общение с Иосифом, полагая, что тот *преступным* путем стал Константинопольским архиереем. Было очевидно, что в таких условиях никакое единство Восточной церкви невозможно, и она продолжала пребывать разделенной на три лагеря. Ортодоксальная часть разделилась на «иосифлян» и «арсенитов», им противостояли униаты, в данном случае выполнявшие, скорее, роль лиц, пассивно ожидавших приговора суда. Война против общего противника всегда служит объединению, а потому, желая покончить с униатами и в борьбе с ними примирить ортодоксальную партию, василевс назначил Собор в городе Аттрамитии, что располагался на восточной стороне Геллеспонта.

Пока шли приготовления к собранию, патриарх Иосиф скончался, и председательствовал на Соборе Александрийский патриарх *Афанасий III Синаит* (1276—1308). Многие бывшие сторонники унии теперь спешили перебраться в ортодоксальный лагерь. Никаких неожиданностей не произошло — униаты были совершенно подавлены категоричной позицией царя и мечтали лишь о смягчении наказаний. Первым делом были осуждены сочинения Иоанна Векка, которые тут же сожгли. Затем звоном колоколов собрали на Собор народ и потребовали от Векка явиться на заседание. Тот при-

был, занял место на последней скамье и приготовился защищаться. Когда дело дошло до него, бывший патриарх горячо доказывал свою приверженность унии обстоятельствами времени и пользой Римского государства, но его объяснения не приняли. Векка заставили отречься от собственных унияльных трудов и письменно отказаться от патриаршества. После чего он был сослан в Вифинию вместе с Метохитом и Мелитиниотом⁴⁴⁸.

Настало время выбрать нового предстоятеля Константинопольской церкви. Решением царя, который уже давно заметил этого человека, новым «Вселенским патриархом» был избран *Георгий (Григорий) Кипрский* (1283—1289), протоапостоларий (лицо, разъясняющее в храме мирянам Апостольские послания), человек ученый и образованный, но не принадлежавший к духовным лицам, *мирянин*. Дабы не создавать новый повод для соблазнов, император распорядился, чтобы на Соборе, где происходило избрание патриарха, присутствовали и голосовали только те епископы, которые не приняли церковной унии. Впрочем, это было сделать очень непросто, поскольку, за исключением сосланных Михаилом VIII Палеологом архиереев, почти все остальные в той или иной степени поддерживали идею восстановления общения с Апостольской кафедрой, хотя и с разными оговорками.

Пришлось воспользоваться услугами епископов Македонии и Эпира, прибывших на Собор и не имевших никакого отношения к недавним переговорам с Римом. Ираклийский митрополит в сослужении с епископами Козильским и Деврским посвятил Георгия в инок, диакона, иерея. 11 апреля 1283 г. прошла процедура его интронизации, и царь по обычаю вручил Георгию Кипрскому патриарший жезл⁴⁴⁹.

Этот выбор императора характерен для личности Андроника II Палеолога, всегда и во всем стремящегося к компромиссам и не склонного к конфликтам. Он, не испытывающий к церковной унии никаких симпатий и официально отрекшийся от нее, тем не менее поставил на патриарший престол человека, который *при случае* мог стать посредником между ним и Римом. Как бы ни желал Андроник II Палеолог дистанцироваться от церковной политики своего отца, но, как Римский император, он не мог оставить в забвении вечную идею *христианского всеединства*. Реализация последней была совершенно невозможна без Римского епископа, а потому нельзя было «сжигать мосты» даже в ситуации, когда уния повсюду проклиналась. Кроме того, император втайне желал несколько смягчить удар по униатам.

Однако фигура нового патриарха вызвала взрыв негодования у *зилотов*. Эта партия «ревнителей веры», состоявшая главным образом из монахов и мирян, среди которых было много «арсенитов», возмутилась тем, что патриархом Византии стал вчерашний униат. Следует сказать, что эта группа, просуществовавшая до последних дней Римской империи, еще доставит императорской власти и Церкви множество проблем. Будучи неизменно верны догматам веры, они нередко основывали свою позицию на ложных началах, впадая в настоящий *гиперпапизм* и *анархизм*, третируя патриарха и верховную власть. Зилоты неохотно слушались царских указаний, но сами активно претендовали на вмешательство в государственное и церковное управление⁴⁵⁰.

Один из исследователей следующим образом характеризовал «арсенитов» и «зилотов». «Это была странная, непризнанная и темная сила. Не было ей имени, да и сама она сознавала себя силой только в исключительные минуты народной жизни. Это была сила сложная, запутанная, с двусмысленным происхождением и характером. Она состояла из самых разнородных элементов. Грунт ее составляли оборвыши, сумконосцы, странники, юродивые, загадочные бродяги, кликуши и прочий темный люд, — люди без роду и без племени. К ним под разными углами примыкали опальные сановники, низложенные епископы, запрещенные священники, выгнанные из монастырей монахи и, нередко, разные члены императорского семейства. Происхождением и составом этой силы определялся ее основной характер. Эта сила, образовавшаяся под влиянием ненормальных общественных порядков, держала глухую, большей частью пассивную, но действительную оппозицию этим порядкам. И, особенно, силе, царившей над ними — именно *императорской власти*»⁴⁵¹.

Эксплуатируя память о ссылках и страданиях за ревность по вере, зилоты желали самостоятельно, без оглядки на епископов и даже «Вселенского патриарха» управлять Церковью. В крайнем случае зилоты соглашались жить под патриархом, но исключительно под «*своим*», которого царь назначит из их среды. Понятно, что такая ультракатегоричная позиция не способствовала, мягко говоря, спокойствию и миру в Церкви и Римской империи, неся в себе семена раскола.

Вот и теперь, вследствие неприятия зилотами нового патриарха, процесс устранения последствий унии резко осложнился. Нельзя забывать также, что киприоты не пользовались особой популярностью в столице, и враги Георгия воспользовались этим, чтобы

окончательно дискредитировать архиерея. Зилоты повсеместно распространили слухи о том, что якобы Георгий Кипрский еще в 20-летнем возрасте отправлялся с Кипра в Рим, где набрался «латинской премудрости». Но, как говорит современник тех событий, на самом деле для зилотов нападки на нового патриарха были лишь способом установить *свою систему* церковного управления. Причем не только из идеалистических соображений. В случае победы над Георгием Кипрским и избрания лояльного им патриарха они очень рассчитывали поделить между собой епархии, монастыри и распределить церковные чины.

Желая умиротворить Церковь и смягчить зилотов, император легко согласился с просьбой «арсенитов» перенести прах их кумира в столицу. Хотя, как говорят, зилоты хотели не только воздать должное памяти бывшего столичного архиерея, но и унижить сторонников покойного патриарха Иосифа. Когда прах Арсения был доставлен в Константинополь, у ворот Евгения его встретил сам патриарх Георгий с епископатом и перенес останки в храм Святой Софии⁴⁵².

Вроде бы внешнюю видимость единства ортодоксальной партии удалось сохранить. Но реакция на униатов было жесткой — по требованию зилотов, к которым присоединились городские бездельники, *весь клир* (!) Святой Софии отлучили от участия в богослужениях, и только на Страстную Пятницу патриарх разрешил им войти в храм, хотя никто из них не был допущен к Причастию. И это было лишь началом *клерикального террора* в отношении сторонников воссоединения Церквей.

Сразу после Пасхи 1283 г. состоялся еще один Собор во Влаернском храме, заранее авторизованный императором, — тот своим декретом утвердил все определения еще не начавшегося собрания. *Номинальным* председателем Собора считался Константинопольский патриарх Георгий Кипрский, но фактически сразу же его ведение взял в свои руки императорский духовник, Сардский епископ Андроник, строгий аскет и горячий противник унии. Поскольку почти весь епископат и остальное священство состояло ранее в унии, на Соборе численно преобладали рядовые монахи и обычные миряне, во множестве прибывшие на его заседания. Это был настоящий «суд победителей» — члены Собора судили всех униатов. Приглашалось конкретное лицо, кратко высказывалось обвинение, с подсудимых срывалось епископское облачение, других анафематствовали, а затем всех выгоняли вон. Отдельных архиереев, не желавших участвовать в этом судилище, насильно

приводили на заседания Собора. Подсудимых били, оскорбляли, нисколько не принимая в расчет их возраст и сан, «и это праведные судьи, люди, посвященные в тайны Евангелия!» — восклицал летописец. Впрочем, никто из судей-зилотов не кончит жизнь своей смертью: рано или поздно все они позорно умрут⁴⁵³.

Всеобщая истерия и недоверие дошли до того, что даже у Александрийского патриарха Афанасия и Антиохийского патриарха *Феодосия V* (1276—1285), проживавших в Константинополе, но имевших самое косвенное отношение к политике Михаила VIII Палеолога, зилоты затребовали письменного отречения от унии. С тем же требованием обратились к вдовствующей императрице Феодоре, угрожая, что в противном случае ее имя не будет поминаться на Литургии вместе с именем царственного сына Андроника II Палеолога⁴⁵⁴.

«Дело унии» на этом не закончилось. Через 2 года, в 1285 г., решили созвать новый Собор (Влахернский), на котором повторно рассмотреть сочинения Векка об исхождении Святого Духа. Причина заключалась в том, что патриарх Георгий Кипрский очень неуютно чувствовал себя в ситуации, когда с одной стороны давили зилоты, а с другой довлел авторитет крупного богослова современности Иоанна Векка. Чтобы встать над всем этим, столичный архипастырь решил опровергнуть сочинения Векка. Патриарх надеялся, что зилоты поддержат его за желание ниспровергнуть богословские основания унии и он получит мощную поддержку самой неподатливой, но довольно многочисленной партии.

Это было тем более необходимо, что с течением времени Векк отказался от своего отречения от патриаршества, обосновывая его физическим принуждением⁴⁵⁵. На удивление, их желания с Векком совпали — бывший патриарх, сосланный в город Прусу и доведенный пренебрежительным отношением к себе до отчаяния, также требовал *публичного* разбора своих трактатов. Естественно, он хотел доказать, что его богословская точка зрения не противоречит учению Отцов Церкви.

Доложили царю — и тот дал поручение организовать Собор, пригласив на него архиереев, клириков, сенаторов и богословов. При обсуждении страсти закипели, и, отчаявшись, Иоанн Векк сам отказался от собственных сочинений, заявив, что хотя считает свое мнение верным, но ради церковного мира готов признать его ошибочным. Кроме того, добавил бывший патриарх, он всецеловеряет себя водительству Церкви — лучше быть со всеми осужденным, чем в одиночку искать спасения. Но через силу отказаться от своих со-

чинений не означало простить Георгия Кипрского, который очень донимал Векка; и бывший патриарх решил нанести врагу смертельный удар. Векк обратился непосредственно к царю и заявил, что мир и тишина никогда не водворятся в Церкви, пока Георгий занимает патриарший престол. Воцарилась тягостная тишина, но Андроник II поддержал своего выдвиженца, а Векка с единомышленниками сослал в крепость св. Георгия в Вифинию⁴⁵⁶.

Влахернский Собор уникальное явление в истории Церкви. На нем впервые *соборно* была изучена латинская формула Символа Веры с *Filioque* — в пику Лионскому Собору 1274 г., на котором, как раз также впервые, *Filioque* было введено в разряд догматов. «*Damnamus et reprobamus omnes qui negare praesumpserint aeternaliter Spiritum Sanctum ex Patre et Filio procedere*» («Проклинаем и осуждаем всех, кто осмелится отрицать, что Дух Святой исходит от Отца и Сына») ⁴⁵⁷. «Томос», написанный лично Георгием Кипрским, по праву занимает почетное место в церковном Предании. Позднее многие богословы вполне обоснованно считали «Томос» равноценным по авторитету и значимости оросам Вселенских Соборов. Великое достижение Георгия Кипрского не только в тонком богословском разрешении сложнейшего вопроса, но и в том, что в его учении латинское понимание Троицы может быть передано в терминах, приемлемых для восточной святоотеческой традиции. Константинопольскому патриарху удалось доказать, что в определенном смысле Восток и Запад могли бы найти согласительную и приемлемую для обеих сторон формулу об исхождении Святого Духа от Сына («*ex Folio*»). Он открыл великолепную, увы, не использованную возможность для примирения двух Вселенских кафедр⁴⁵⁸.

Тем не менее Георгий Кипрский не чувствовал своей победы и не ощущал торжества — в минуту окончания соборных заседаний ему так и не удалось продемонстрировать превосходства над Векком как богословом. *Добровольный* отказ от сочинений — не признание поражения. Оскорбленный Константинопольский патриарх решил добить врага его же оружием и, не опасаясь последствий, составил целый трактат против сочинений Иоанна Векка. Его подписал, разумеется, сам патриарх, император (по его просьбе) и многие епископы. В ответ в 1287 или 1288 г. Векк написал новое произведение, в котором доказывал еретичество Георгия Кипрского. Оценки Векка резки и категоричны.

«Нужно раскрыть, — писал он, — что глава новоявленной ереси не принадлежит к числу кровных чад Церкви, а, напротив,

есть незаконный и чуждый ее заботам плод». Желая сыграть на национальной струне византийцев, Векк продолжает: «Это зло пришло к нам из-за моря, это заморский зверь, прожорливый кит, восставший от Кипра. Киприанин этот ехидный, ни перед чем не останавливающийся человек, потому ли, что привык болтать своим языком, или только для того, чтобы выместить всю злобу, изbleвал много хульного, равно как немало повредил истину. Кто и кого отсекает от Церкви? Кровных ее детей, греков, отсекает незаконнорожденный островитянин, навязывающийся ей в родство. Пастырей отлучает от стада Христова волк, исключает священников из сонма священников человек, не имеющий священства. Он желает возможно большее число людей убедить в том, что ему нет никакого дела до благочестия»⁴⁵⁹.

В ответ Георгий, положение которого сразу стало шатким, написал слезное послание царю, в котором просил его защиты, созыва нового Собора против Векка, и... расписывался в том, что *не в состоянии* руководить Церковью. «Церковь полна всяких смут и беспорядков, всем хотелось в ней начальствовать и предписывать законы, а быть подначальным и подчиняться божественным законам никто не хочет. Среди такой путаницы в делах, будучи поставлен в самый центр ее, я попал в сферу власти, как бы на какую напасть, и имею душу, постоянно удрученную всем этим. Многие ошеломлены грамотой, направленной Векком в огромном количестве. Константинополь разделился на два лагеря». В конце послания патриарх просил царя немедленно пресечь этот раскол и восстановить порядок⁴⁶⁰.

Созвали новый Собор, на котором трактат объявили еретическим. Посчитали также, что Символ Веры «Вселенского патриарха» если и не включает в себя *Filioque*, то по крайней мере *сочувственен* латинской редакции. Закончилось все тем, что от патриарха отвернулся царь и самые близкие архиереи. А потому он в 1289 г., добровольно сложив сан, отправился в обитель Пресвятой Богородицы «Одигитрие». Обиднее всего то, что в скором времени Церковь признает его сочинение православным⁴⁶¹.

Как обычно, Господь по-своему наказывает предателей: митрополиты Хил Ефесский и Даниил Кизикский, бывшие соратниками опального Георгия Кипрского, первыми ставшие в ряды его врагов, стали отверженными в глазах всего восточного епископата и императора. Их лишили митрополий и всех доходов с них и оставили жить в столице в нищенском состоянии⁴⁶².

Для Восточной церкви и императора это была большая потеря. Георгий Кипрский являл собой образец честной и деятельной натуры, рачителя общего блага. Блестящий богослов, хотя, наверное, уступающий талантом и эрудицией Иоанну Векку, он активно заступался за обиженных и информировал василевса о случаях нарушения закона. В январе 1285 г. патриарх поставил в известность Андроника II о спекуляциях хлебом со стороны придворных вельмож. В другом послании архиерей потребовал от императора принять меры к молодому аристократу, буквально терроризировавшему столицу со своей пьяной компанией. В общем, как Константинопольский патриарх, Георгий Кипрский отвечал всем предъявляемым требованиям, и не случайно Андроник II Палеолог долгое время активно поддерживал своего выдвиженца⁴⁶³.

Новым Константинопольским патриархом решением Андроника II Палеолога был избран *Афанасий* (1289—1293, 1304—1311) — монах, с детства подвизавшийся в горах Гана, но совершенно необразованный человек. Он издавна спал на голой земле, не умывался и, наверное, был бы признан «блаженным», не будь вызван на столичную кафедру, где пришлось заняться совсем иными делами. Безусловно, нравственное состояние восточного клира оставляло желать в те годы много лучшего, и обращение внимания нового архиерея на строгость соблюдения канонов вполне обоснованно. Например, желая прекратить постоянные интриги в епископате, он тут же выслал из Константинополя всех провинциальных архиереев в их митрополии, дабы те занимались делом, а не словесами. Кроме того, строгий монах, он без какого-либо послабления решил проконтролировать жизнь и поведение столичных иноков. В результате в скором времени площади и улицы Константинополя очистились от праздно шатающихся иноков.

Однако, как человек, лишенный образования и тяги к нему, патриарх Афанасий с такой же легкостью прекратил подготовку богословов и пастырей, которые могли бы учить народ Божьему Слову. Привыкнув во всем доверять только себе, он не одобрял коллегиальных обсуждений церковных дел. В итоге при Афанасии совершенно прекратилась практика созыва патриаршего синода, на который по обыкновению приезжали многие епископы с мест, чтобы обсудить те или иные вопросы. Пожалуй, при всех ошибках и недостатках этот строгий аскет многое мог бы сделать для укрепления христианского благочестия, но вскоре его положение стало опасным⁴⁶⁴.

Суровость столичного архипастыря настолько угнетала клир, что многие епископы, священники и монахи засыпали царя жалобами на него. Вместо того чтобы попытаться *разумно* решить конфликт, Афанасий потребовал от василевса отряд солдат для защиты собственной персоны и наказания виновных. Конечно, он его не получил: император не собирался устраивать гражданской войны. Патриарх разгорячился и решил оставить престол, но перед этим совершил беспрецедентный поступок. На листе бумаги Афанасий написал епитимию на всю царскую семью, архиереев, священников, высшее сословие и вообще на весь народ за то, что те не помогли ему удержаться у власти. Потом, не сказав никому ни слова, эту «записку будущему поколению» он вложил в морскую раковину, а ее саму спрятал в расщелине храма Святой Софии. Иными словами, получалось, что патриарх *проклял* (!) всех христиан Византийской империи, но тайно.

Страшная находка обнаружилась довольно скоро и совершенно случайно — один мальчик во время игры заметил необычную раковину и передал ее клирикам храма, а те — василевсу. Пораженный царь немедленно вызвал к себе патриарха Афанасия и потребовал объяснений, но тот только каялся, а заодно прощал своих обидчиков. Так закончилось его первое патриаршество. Но напрасно кто-то считал, что Афанасий больше никогда не появится на страницах истории, мы с ним еще встретимся.

В это время в столице находился некий монах, ранее живший мирской жизнью, имевший жену и детей, а потом оставивший все после смерти супруги и принявший постриг. Звали монаха *Иоанн Созопольский* (1294—1304), он и стал новым Константинопольским патриархом⁴⁶⁵. При предыдущем императоре Иоанн, тогда еще рядовой монах, категорически не принял Лионской унии, за что был сослан на Принцевы острова. Иоанна активно поддерживали зилоты, а сановник Тарханиот Глава рекомендовал его Андронику II Палеологу. Император вызвал монаха из ссылки и, пораженный благочестием того, поставил игуменом одного из столичных монастырей. Позднее василевс сделал Иоанна своим духовником, а теперь — Константинопольским патриархом.

Патриарх Иоанн и венчал в 1295 г. 18-летнего сына Андроника II **Михаила IX Палеолога** царским венцом, как соправителя императора-отца. Как мы увидим ниже, объективные обстоятельства сами собой подвигали императора объявить сына преемником царской власти. И это был удачный выбор — тихий и скромный, Михаил IX Палеолог совершенно не мыслил своей жизни и им-

ператорства без отца и помимо него. *Фатально невезучий* на войне, Михаил IX не вызывал страха у врагов и чувство восхищения в солдатах, но был честным и добропорядочным, мужественным и храбрым. Не раз рискуя жизнью на поле боя, он, кажется, не выиграл ни одной битвы, но никто не мог упрекнуть его в трусости или безрассудстве. Как государственный деятель, он вполне подходил василевсу, и с ощущением высокого чувства долга перед Богом и отечеством помогал Андронику II Палеологу во многих делах. Михаил IX был женат на армянке Марии, и их брак был плодовит⁴⁶⁶.

Но если император имел все основания быть довольным своим выбором соправителя, этого нельзя было сказать о его отношениях со столичным патриархом. Словно какой-то рок витал над Константинопольским престолом — едва патриарх Иоанн занял кафедру, как начались трения с царем и епископами. Василевс напрасно надеялся, что с патриаршеством Иоанна Созопольского в Церкви наступит мир — поклонник монашества, «Вселенский архиерей» первым делом ввел новые льготы для зилотов, а полномочия епископата резко ограничил.

Не ожидавшие такого хода, греческие архиереи вынуждены были выйти с представлением к царю, в котором указали главные претензии в адрес патриарха. По их словам, и это подтверждается многими фактами, при любой обиде некогда кроткий монах, а теперь *деспотичный патриарх* бросал все дела (!) и уединялся в монастырь «Всеблаженной». Он совершенно отставил епископов от церковного управления, решая все вопросы в одиночку или при помощи советчиков из числа зилотов. Как попутно выяснилось, Иоанн не был чужд некоторым человеческим слабостям. В частности, патриарх поставил своего сына Ефрема, человека сребролюбивого и жадного, на должность великого эконома Церкви — одну из главнейших в церковном управлении.

Император пытался сгладить конфликт, но вскоре сам стал объектом атаки со стороны своего же бывшего духовника. Когда Андроник II Палеолог, опасавшийся попыток захвата царской власти третьими лицами, попросил Константинопольского патриарха издать синодальное определение об анафематствовании всякого заговорщика против власти его и сына Михаила IX, то получил отказ. Иоанн ответил, что данная просьба *не сообразна с канонами* (!)⁴⁶⁷. На самом деле патриарху положено было знать о том, что в просьбе василевса нет ничего нового и необычного — такая практика постоянно существовала в Восточной церкви.

Более того, патриарх начал вторгаться в вопросы, которые его не должны были касаться. В то время Сербия являлась опасным врагом, с которым необходимо было удерживать мир какой угодно ценой. В течение последних 7 лет между Сербией и Византией шла не прекращавшаяся пограничная война, доставлявшая грекам множество бедствий. Византийцы теряли на Севере одну область за другой и терпели поражение за поражением⁴⁶⁸. С этим нужно было кончать, и в 1299 г. император Андроник II Старший дал согласие на брак Сербского короля *Стефана II Уроша* (1282—1321) со своей 5-летней дочерью от второго брака Симонидой. При том неременном условии, что до совершеннолетия невеста будет проживать при матери и отце. Однако Константинопольский патриарх категорически отказался признать этот брак каноничным — как будто в других условиях архиереи не разрешали родственные браки или семейные союзы, члены которых заметно отличались по возрасту!⁴⁶⁹

Самое интересное, что император узнал о позиции патриарха, как говорится, «по факту». Свадебное торжество было в полном разгаре, когда Андронику II Палеологу сообщили о том, что патриарх Иоанн оставил свои палаты и удалился в монастырь, отказавшись более возглавлять церковное управление. Поскольку Сербская церковь целиком и полностью зависела от Константинопольской кафедры, отказ столичного патриарха признать брак каноничным фактически означал *разрыв мирного договора* с Сербским королем Стефаном II Урошем, поскольку его женитьба на принцессе Симониде являлась основой будущих добрососедских отношений. А это грозило Империи продолжением войны без каких-либо шансов на успех.

1 февраля 1300 г. василевс спешно отправился в обитель к патриарху, который встретил императора в окружении епископов и монахов. Состоялась беседа, в ходе которой архиерей высказал царю две претензии: по поводу замужества его малолетней дочери и высоких налогов на соль и железо, недавно введенных василевсом. Император обстоятельно и терпеливо объяснял, что замужество дочери обусловлено *политическими* мотивами и не противоречит православным канонам и обычаям. В конце концов доводы Андроника II показались убедительными всем присутствующим, и Иоанн нехотя принял их.

Нашлось разумное объяснение и высоким налогам — в казне не было денег, объяснял василевс, и ему пришлось даже отказать чиновникам в выплате ежегодной пенсии, чтобы покрыть самые

значимые статьи расходов. Император привел в качестве примера императора св. Иоанна III Дуку Ватаца; и опять со стороны клириков не нашлось слов возражений. Более того, предвосхищая возможные упреки, василевс напомнил столичному архиерею, что удовлетворял практически все его просьбы и жалобы, хотя многие из них касались государственных дел, нисколько не пытаясь претендовать на полномочия патриарха. И напомнил, что между сферами государственного и церковного управления существует существенное различие. Намек был слишком прозрачен, чтобы не понять его: патриарх беззастенчиво вторгся в область политики, за которую перед Богом и римским народом отвечает царь. Поняв, что дальнейшая беседа *невыгодна* ему, патриарх согласился забыть свои обиды и в тот же день вернулся на кафедру⁴⁷⁰.

Такие примеры являлись очевидным и незаконным *вторжением* в область прерогатив Римского царя. Подумав, Андроник II Палеолог решил сменить Иоанна, пока «зилотская практика» не разрушила Церковь и не ввела государственное управление в состояние анархии. Он дал ход жалобам, валом сыпавшимся на патриарха, и предложил тому альтернативу: добровольное оставление сана или церковный суд. Иоанн выбрал отставку и, сильно разгневанный, даже не простившись с царем, уехал на свою родину в Созополь, где до конца жизни будет жаловаться на несправедливость императора и злобу врагов.

Константинопольский престол вновь стал вакантным, и перед василевсом возникла нелегкая задача найти Восточной церкви достойного предстоятеля. К удивлению многих, Андроник II Палеолог вернул на патриаршество опального Афанасия. По словам современников, бывший столичный архиерей очень хотел вернуться на Константинопольский престол. Как-то он направил василевсу послание, в котором приписывал своему благочестию прозорливость и упреждал о грядущем гнев Божьем на ромеев. Не детализируя, впрочем, *в какой форме* этот гнев будет выражаться. Буквально на следующий день после получения послания произошло сильное землетрясение, которое кое-кто отождествил с «пророчеством» Афанасия. Благочестивый царь был ошеломлен, а тот продолжал настойчиво убеждать, что с его возвращением на патриаршую кафедру мир в Церкви наступит «как радостная весна». Палеолог поверил и вместе с епископами пешком направился в обитель, где уединялся Афанасий. При встрече василевс предложил тому вновь принять патриаршество и буквально через 7 дней *Афанасий* (1304—1311) повторно стал Константинопольским патриархом⁴⁷¹.

Судя по всему, его второе патриаршество отличалось лояльностью по отношению к царю и реальными попытками примирить зилотов с остальной Церковью. Кроме того, к чести «Вселенского архиерея», он стал самоотверженным печальником за бедных и обиженных перед василевсом. Помимо личных встреч, между патриархом и императором организовалась широкая переписка, и из анализа писем Афанасия видно, что множество его посланий посвящено просьбам о снисхождении к пленным, милости к подданным царя, благоразумии и хранении правды. В это время в Константинополе вследствие неурожайного года цены на хлеб и продовольствие резко выросли. Чтобы спасти голодных, патриарх Афанасий закупил хлеб и организовывал бесплатное питание граждан. Он же жестко обличал спекулянтов из числа столичной аристократии, желавших сделать деньги на чужом горе, перед Андроником II Палеологом; и не безуспешно. Под угрозой анафематствования спекулянты были вынуждены сбавить цены на хлеб⁴⁷².

Как и следовало полагать, эти действия патриарха вскоре вызвали ответную реакцию со стороны аристократов и охлаждение отношений с василевсом. Как говорят, причина опалы Афанасия заключалась в том, что тайные недоброжелатели архиерея в его отсутствие вырезали на патриаршем седалище картину, будто патриарх набросил узду на Андроника II Палеолога и осаживает его, как кучер лошадь. Палеолог, не стремящийся к конфликту со столичным архипастырем, велел разыскать и достойно наказать виновников и злоумышленников — тех бросили в темницу. Но Афанасий почему-то решил, что мера наказания *излишне мягкая* (!), и отказался от патриаршества. В 1311 г. патриарх Афанасий ушел на покой в столичную обитель Ксиролофе.

На его место велением императора был поставлен митрополит Кизика *Нифонт* (1311—1315). Человек без особого образования, он был необычайно хозяйственен — искусно разводил деревья, возводил постройки, однако был не лишен некоторых, мягко выражаясь, недостатков. Как шептались в столице, патриарх не был чужд общества молоденьких женщин и любил устраивать в монастырях пирушки. Патриаршество Нифонта было недолгим — в 1315 г. император освободил его от кафедры за святотатство и корыстолюбие⁴⁷³.

Целый год василевс выбирал кандидатуру нового патриарха, наконец, на престол был возведен *Иоанн Гликос* (1316—1320), *светский чиновник*, логофет дрома, имевший жену, сыновей и дочь. Как говорили, это был образованнейший человек, снискавший повсе-

местное уважение своими познаниями. Естественно, после хиротонии Иоанна Гликоса его супруга тотчас приняла монашеский постриг, но сам патриарх аскетом не стал. Как рассказывают, у него имела место какая-то тяжелая болезнь, требовавшая ежедневного вкушения мяса. Поскольку же Гликос считал это несовместимым с патриаршим чином, то попытался отказаться, но император настаивал на своем решении. Так Иоанн Гликос стал патриархом⁴⁷⁴.

Здоровье «Вселенского архиерея» было очень слабым. Прошло всего 4 года, и Иоанн решил оставить патриаршество, чтобы уединиться в обители и найти успокоение от болезней, донимавших его. Вместо Гликоса Константинопольским патриархом стал иеромонах Манганского монастыря *Герасим* (1320—1321). В народе злословили, что Герасим представляет идеальный образец патриарха в глазах царя, — старый, необразованный и совершенно апатичный к событиям жизни, он был послушным орудием в руках императора, беспрекословно подчиняясь всем его указаниям⁴⁷⁵.

Но Герасим вскоре скончался, и тогда, желая замириться с зилотами, император возвел на патриаршую кафедру монаха с Афона *Исаию* (1323—1333). Правда, тот не обладал никаким образованием, да и нравственные качества его не являлись безусловными добродетелями в глазах клириков, открыто обвинявших Исаию во многих дурных поступках. Царю вскоре придется разочароваться и в этом избраннике — совершенно не заботясь о состоянии митрополий и епархий, в 1324 г. патриарх Исаия провел через синод постановление об обложении их всех денежным взносом на нужды Константинопольской церкви. Жесткий и непримиримый, он был беспощаден к врагам и донельзя злопамятен⁴⁷⁶. Исаия не раз пытался активно вмешиваться в управление Византийским государством, чему пытался противостоять Андроник II Палеолог. В конце концов в противостоянии «патриарх — царь» *на этот раз* победит столичный архиерей.

Глава 2. Отношения царской власти с Константинопольской церковью. «Вселенский суд»

Для более содержательного уяснения событий тех далеких лет необходимо учитывать характер отношений между царской властью и Константинопольским патриархом, а также полномочия столичного архиерея в условиях существования «Новой

Византии». Заметим, что, как и раньше, краеугольным камнем церковно-государственных отношений являлась идея Ойкумены, *единой христианской цивилизации*, Римской империи. Но *реальные* полномочия императора и Константинопольского патриарха существенно изменились.

Резко уменьшившаяся территория Римской империи, невыносимая по тяжести борьба с Западом и турками привели к естественному уменьшению влияния василевса. Например, все христиане Палестины, Сирии и Египта выпали из-под его юрисдикции, но оставались паствой Константинопольского патриарха. Получалось, что в этих условиях «Вселенский патриарх» нес большую ответственность, чем в прежние века, за сохранение принципов и идеалов Римской государственности. А это в свою очередь предполагало все более активное участие «Вселенского архипастыря» в делах политики и государственного управления. Вопросы войны и мира, условия мирных соглашений с турками и мамелюками — все это теперь живо интересовало патриарха, на совести которого находилось благосостояние и сама жизнь христиан Востока. Более того, в Восточной Европе, где христианское население не желало признавать примат Римского папы, но отвергало и власть Византийского императора, Константинопольские патриархи вели *самостоятельную* политику, все более независимую от царского двора и правительства.

На фоне «схизматичного» Рима и оккупированных восточных патриархатов Константинопольский архиерей оставался предстоятелем *единственной* в христианской цивилизации Церкви, где сохранились истинное вероучение, традиции и обычаи. И это многократно усилило его позиции и авторитет в глазах всех христиан, включая, разумеется, и Римского императора. С глубоким пониманием своего высочайшего, беспрецедентного положения в Церкви и государстве, Константинопольские патриархи требовали соответствующего уважения к себе.

Патриарх *Антоний* (1389—1390) писал Московскому князю Василию: «Я — защитник божественных законов и канонов, это мой долг перед всеми христианами. Я — кафолический учитель всех христиан. Патриарх занимает место Христа и восседает на Его владычном престоле: ты презрел не человека, но Самого Христа, так же как почитающий патриарха Самого Христа почитает».

В «Алфавитной синтагме» канониста Матфея Властаря (XIV век) содержатся слова: «Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делами и словами, в себе самом живописующий истину...

Престол Константинополя, украшенный царскою властью, провозглашен первыми соборными определениями; им последую, божественные законы повелевают возникающие в других престолах сомнения представлять на его расследование и суд. Забота и попечение о всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквах, а также и суд и предание суду и освобождение от суда принадлежит местному патриарху; а Константинопольскому председателю позволительно не только посылать ставропигии в епархиях и других престолов, но и наблюдать и исправлять бывающие и в других престолах сомнения и полагать конец судам; равным образом, сам он и один только поставлен посредником и судьей покаяния и обращения от грехов и ересей»⁴⁷⁷.

Патриарх Иоанн Гликос утверждал права и привилегии одного монастыря в далекой Месопотамии (территория Антиохийского патриархата), нисколько не смущаясь нарушением права территориальной юрисдикции, и указывал: «Все дела Церквей или, что то же самое, христиан по необходимости постоянно простираются и обращаются к сей первой и величайшей Божьей Церкви».

А патриарх Исаия обращался к Армянскому католикосу: «От нас священные благочестия догматы распространяются по всей Вселенной, от нас учения божественных Отцов и святых Соборов, богодухновенные законы от нас, словно из некоего источника, истекли в полноту церковную»⁴⁷⁸.

Иными словами, «симфония властей» *внутренне перераспределила* ответственность за судьбу Римской империи — Кафолической Церкви. Константинопольские патриархи не стали императорами, но в сознании православного населения Востока именно они постепенно стали главными выразителями их чаяний. Как и следовало ожидать, эта перемена привела к тому, что зачастую не василевс, а именно столичный архипастырь становился реальным *центром политической власти*; в неумных и честолюбивых руках — страшное оружие. Неудивительно, что патриарх Афанасий, проявлявший традиционное почтение к «божественному величию» императора Андроника II Старшего и не отрицавший его верховной власти в церковном управлении, в то же время требовал от василевса прямого исполнения повелений священноначалия, которое уже начало отождествляться с Церковью. В сентябре 1303 г. он обязал царя подписать обещание «не только охранять совершенную независимость и свободу Церкви, но и *рабски* повиноваться ей, подчиняться каждому ее справедливому и богоугодному требованию»⁴⁷⁹.

Это еще не было проявлением крайнего папизма — по крайней мере в «римской» редакции или даже времен царственной династии

Дуков. Обратим внимание на важную деталь — василевс обязывался повиноваться лишь *справедливым* и *богоугодным* требованиям патриарха. Если он не признавал их таковыми, то имел все основания проигнорировать требования архиерея. С другой стороны, обычная неопределенность понятий «справедливость» и «богоугодное дело» позволяла некоторым чрезмерно сильным характерам пытаться перейти «симфоническую» грань, нападая на царские prerogatives, как в ситуации с патриархом Исаией. Как говорят, получив однажды отказ со стороны императора, он раздраженно писал ему: «Ты приказываешь мне заниматься только делами Церкви, а себе предоставляешь по своей воле править государством. Но это то же самое, как если бы тело говорило душе: “Я не нуждаюсь в твоём содействии при отправлении функций; я свое дело делаю, как хочу, а ты делай свое, как умеешь”»⁴⁸⁰. Впрочем, это были *отдельные* попытки, не сумевшие нарушить древнюю христианскую традицию. Как и ранее, именно Римский царь является в глазах византийцев хранителем веры и главным защитником Церкви, к которому апеллируют иерархи, чтобы уврачевать зло и ереси.

Кроме того, в отличие от Римского епископа, с первых веков существования Апостольской кафедры полагавшего себя единственным главой всей Кафолической Церкви, Константинопольский патриарх не имел столь широких административно-судебных полномочий, хотя периодически в периоды обострения «восточного папизма» на них претендовал и он. Патриарх являлся лишь предстоятелем той Церкви, которая сохраняла православную истину. Его господство выражалось главным образом в *нравственном начале*, а не правовом. Вместо римского «*plenitudo potentates ecclesiasticae*» он обладал высшей церковной властью, которая приличествует старейшему и главному правителю, но не неограниченному и «непогрешимому» судье в делах веры и церковного управления⁴⁸¹.

Константинопольский патриарх даже в таких благоприятных для себя условиях нередко оставался *бессильной* фигурой, вынужденной обращаться к императору в минуты кризиса церковной жизни. Большой интерес в этой связи вызывает одно из писем патриарха Афанасия к императору, в котором звучат знакомые нам нотки. «Снова, как и многократно, — пишет архиерей, — я призываю: услышь мой голос ради самого Христа, всеобщего Бога, сделавшего тебя императором. Пробудись к воздаянию справедливости заблуждающимся, к воспитанию совершающих проступки. Очисти Церковь от скверны. Если бы ты обличал порочность раскольников не только словами: ведь они не узнали, “что благодать

Божия ведет к покаянию” их. Поэтому, вследствие такой именно твердости их и несклонности сердца к раскаянию, пусть они изведуют праведный суд императорского негодования. Запомни дни прошлого года и нынешнего. Если бы мы не пожелали вследствие пристрастия или нерадивости, угодничества или родства “затворить” благочестивые “сердца”, начавшие открываться в силу безмерности доброты! Ибо дело христиан губится двояко: извне врагами, внутри же избытком несправедливости и порочности. Если бы, поэтому, твоя от Бога царственность поднялась и вместе с Христом и с помощью Христа навела надлежащий порядок, это было бы великое благо. Если же мы уstraшились бы вследствие своих грехов, горе мне и ничего больше».

При всей независимости патриарха Афанасия он неизменно обращался к василевсу с просьбой решить ту или иную проблему церковной организации жизни. Именно по инициативе Константинопольского архиерея в 1306 г. царь издал новеллу, в которой содержится целый ряд запретов. В частности, в законе говорится: «Праздничные дни, и в особенности воскресные, надлежит верующим проводить не работая, посещать в эти дни храмы Божьи, избегать пиршеств и пьянства. Харчевни и бани должны быть закрыты, начиная от 9 часа (вечером в субботу) до 9 же часа (вечером) в воскресенье. В течение ночей харчевни должны быть закрыты с захода солнца, ибо виноторговцам достаточно дня для упражнения в их зле». Затем в новелле все православные христиане призываются помнить страх Божий, а также перечисляются наиболее тяжкие грехи, оскорбляющие Христа, за которые нужно судить по закону без всякого снисхождения. В новелле упомянуты и монахи: «Монахини и монахи не должны жить в городе беспорядочно, но сообразно с законами и канонами. Если же кто-нибудь из них впадет в беззаконие и прегрешение и не думает о покаянии, таких против воли надлежит сажать в затвор на воду и хлеб»⁴⁸².

Как и прежде, император активно участвовал в формировании канонического права Восточной церкви и делах церковного управления, устраняя негативные явления. Причем не только по инициативе патриарха и его просьбам, но и по собственному наитию. В частности, Андроник II своим эдиктом запретил епископам брать плату за хиротонию — вынужденная мера борьбы с симонией⁴⁸³. Кроме того, василевс предписал праздновать Успение Пресвятой Богородицы не один только день, но весь месяц⁴⁸⁴. Император без всяких внутренних сомнений рассмотрел вопрос о времени празднования Пасхи и наверняка принял бы необходимые исправления,

в которых его убеждали ученые. Но его остановило тяжелое внутреннее положение Римского государства и возможная негативная реакция подданных: византийцы были чрезвычайно консервативны в вопросах веры, а потому могли не принять нововведения⁴⁸⁵.

Андроник II Палеолог, как и почти все без исключения Римские императоры, отличался удивительным благочестием и желанием обеспечить высокий уровень правосознания и эффективность закона. Ему принадлежит авторское право на удивительный институт «*Вселенских судей*», никогда ранее не существовавший в Римском государстве. Как рассказывают, событием, которое предопределило ход мыслей царя, стало страшное землетрясение, разрушившее Константинополь 1 июня 1296 г. Были стерты с лица земли многие прекрасные здания и храмы, включая храм Всех Святых, построенный еще при императоре Льве VI Мудром. Император в эти дни находился далеко от столицы, и его отсутствие только усиливало скорбь и уныние константинопольцев. И царь, узнав о несчастье, поспешил вернуться в Константинополь.

Собрав народ и встав перед иконой Богородицы «Одигитрие», василевс обратился с пространной речью к византийцам, указывая, что Господь наказал их за грехи, беззаботность и небрежное исполнение Божьего закона, и вообще отсутствие справедливости в обществе. Причину этому император видел не только в слабостях людей, но и в ослаблении судебных учреждений, где стали в чести взятки и произвол. В заключение этой речи, выслушанной в изумленном и благочестивом молчании, император пообещал издать хрисовул о специальном суде, составленном из 12 судей — 6 священников и 6 сенаторов, которым отныне будут подсудны все гражданские дела, включая и дела лиц царской семьи. Буквально через несколько дней был созван сенат, на котором император показал подготовленный им проект хрисовула о «*Вселенском суде*». И сенат согласился с василевсом, одобрив его решение.

В хрисовуле говорится, что хотя сам василевс стоит выше закона и всякого принуждения и ему позволительно все делать, подобно тому, как цари предшествующих времен лишь свою волю считали единственным и самым сильным законом, но сам Андроник II презрел такое властительство. На первое место василевс ставит справедливость, которую и узаконивает по следующим основаниям. Во-первых, для того, чтобы самому получить большую пользу и обрести любовь Божью, согласно наставлениям Псалмопевца, воспевающего правду (Пс. 10, 7; 36, 25). А, во-вторых, для народа, который, взирая на царя, как *образец справедливости*, станет из-

бегать неправды и содействовать законному порядку в Римском государстве⁴⁸⁶.

Василевс принародно заявил, что и помысла не имел о служении неправде, но по примеру других Римских царей, возлюбивших правду, всегда стремился к торжеству справедливости. «Как в огне нет влажности, а в свете нет тьмы, так и у нас не было даже мысли о неправде, и лишь по случайности мы могли нарушать справедливость. Но поскольку первейшей задачей императора является привлечение народа к правде и обеспечение ему поучений, то мы, желая возбудить в римлянах ревность о справедливости, постановили Вселенский суд и назначили судей, покровителей правды». Новизна закона заключалась в том, что теперь *все* напрямую могли обращаться к Вселенским судьям, от мала до велика. Решения этого суда должны постановляться без всякого лицемерия, о чем сам Андроник II Палеолог позаботится.

Напрасно полагать, будто бы василевс отказывается от своей самодержавной власти и права *лично* творить закон и справедливость. Нет, в точном следовании византийским понятиям о царской власти император Андроник II Палеолог заявил, что и сам желал бы вершить спорные дела и защищать правду. Но поскольку у него бесчисленное множество других неотложных дел, то он полагает, что Вселенский суд будет исполнять царскую волю и императорские обязанности, *делегированные* им василевсом, в своих решениях. Обращаясь к самим Вселенским судьям, император просил: «Итак, будьте для меня сотрудниками Божьими, служителями Божьими, союзниками для меня, выступающего во имя справедливости и под покровительством Божьим»⁴⁸⁷.

Глава 3. Узлы европейской политики и турецкая угроза

А помощь была императору крайне необходима. После победоносного царствования Михаила VIII Палеолога владения Византии включали в себя: на Балканах всю Фракию и Южную Македонию с Фессалониками, а в Малой Азии — области бывшей Никейской империи. Кроме того, на Пелопоннесе византийцы отвоевали Лаконию на юго-востоке полуострова и центральную провинцию Аркадию. В остальных областях Пелопоннеса и в Центральной Греции по-прежнему господствовали французы. Другие государства Балканского полуострова, лежавшие на Западе от византийских

владений, — Эпирский деспотат, Фессалия и Албания, — признавали власть Римского императора *отчасти*, и эта политическая зависимость варьировалась от внешних обстоятельств.

Круг наиболее сильных и опасных врагов Византийской империи к тому времени включал в себя Францию и Сербию на Западе и турок Иконии. Следует заметить, что французы, сербы и турки ставили перед собой в качестве задачи не отдельные территориальные приобретения, а *полное сокрушение* Византийской империи и создание на ее месте нового государства. Римские папы, заинтересованные в подчинении себе Восточной церкви, варьировали мирные средства с военными в зависимости от шансов на успех и конкретных ситуаций.

К несчастью, те принципы национальной политики, которые исповедовал и твердой рукой решительно проводил в жизнь Михаил VIII Палеолог, оказались его сыну не по плечу. Находясь под сильнейшим влиянием своего двора, он стал тратить на внешнюю политику самый минимум средств, чем быстро привел ее в состояние полного расстройств.

В 1284 г. Андроник II Палеолог принял *роковое* для Византийской империи решение, подготовленное не самыми мудрыми его советниками. Он полностью прекратил финансирование византийского флота — той реальной силы, которой боялась Венеция и Франция и которая принесла Византии множество побед и территорий. Суда были поставлены в доки и там догнивали, экипажи — распушены. Неудивительно, что в скором времени все приморские земли Империи стали объектом самых жестоких пиратских набегов. Алатиняне, не встречавшие никакого сопротивления на море, стали полностью господствовать на водных просторах⁴⁸⁸.

Секвестру были преданы и военные расходы на содержание национальной армии. Еще при Михаиле VIII Палеологе вооруженные силы Империи насчитывали несколько десятков тысяч человек. В 1263 г. в одном только Пелопоннесе для несения гарнизонной службы было определено 6 тысяч всадников, а в походе против Болгарии приняло участие почти 10 тысяч солдат. Конечно, по сравнению с армией императоров династии Комнинов это была весьма скромная численность. Но теперь не стало и такого войска. Вооруженные силы Андроника II насчитывали всего 3 тысячи воинов, две из которых квартировали в Европе, а 1 тысяча — в Азии. Было еще 20 триер — жалкое подобие флота⁴⁸⁹.

Нет никаких сомнений в том, что это решение, убийственное для Византийской империи, было навязано царю аристократией,

чрезвычайно недовольной большими налогами на содержание армии и флота. Кроме того, наличие национальной армии заметно подчеркивало *независимость царя* от высших кругов общества и усиливало его политические позиции — не самый благоприятный для аристократической партии итог.

Почувствовав желание царя снизить налоговое бремя с народа и заняться восстановлением разрушенного хозяйства Римской державы, сановники подсказали Андронику II, каким способом тот якобы может поднять авторитет власти в обществе, — отменить некоторые налоги, средства от которых шли на военные нужды. Однако это привело лишь к тому, что Византия оказалась не способной охранять свои границы и отбивать нападения врагов, не говоря уже об активных действиях, преследующих своей целью восстановление Римского государства в прежних границах.

Но, как известно, если мир не хотят завоевать, его приходится *покупать*, причем более высокой ценой. По образному сравнению современника, «император поступил точно так, как если бы кто, желая подружиться с волками, перерезал себе во многих местах жилы и дозволил волкам пить его кровь и насыщаться». В отсутствие войска и все нарастающей агрессивности врагов денег на мир пришлось тратить столько, что проще было бы содержать *нормальную* армию. В скором времени налоги только выросли, и авторитет императора, основанный на песке, не устоял⁴⁹⁰. Никейские императоры имели национальную армию, в которую входили наемные части. Михаил VIII Палеолог был вынужден для увеличения боеспособных частей сильно разбавить свои вооруженные формирования татарами в сухопутных подразделениях и латинянами на флоте. Теперь император Андроник II Старший отказался и от флота, и от армии, не думая, что эти *легкие и краткие* финансовые победы вскоре будут куплены кровью рядовых византийцев.

Первоначально недостатки вооруженных сил Византии не сказались заметным образом в делах на Западе. После успехов Михаила VII Палеолога и блестяще организованной им «Сицилийской вечерни» император Андроник II не опасался подвергнуться опасности, сравнимой по степени с той, с какой пришлось столкнуться со стороны Запада его царственному отцу. Да, Франция очень хотела восстановить свое влияние на византийских землях и в самом Константинополе, грезя новой Латинской империей. И, профилируя ситуацию, Андроник II Палеолог по примеру Михаила VIII Палеолога в течение 8 лет пытался добиться примирения и союза с Анжуйским домом. Но даже доброжелательная

позиция Римского папы *Николая IV* (1288—1292) не смогла убедить Французского короля Филиппа Красивого оставить надежду на восстановление в Константинополе «Новой Франции» — второй Латинской империи.

По счастью, создаваемые на Западе коалиции почти неизбежно впадали в разлад, вызванный, с одной стороны, опасениями других европейских государей и Римских пап в чрезмерном усилении Французского короля, а с другой стороны, обусловленный внутриевропейскими проблемами и многочисленными спорами за Италию. К этому следует прибавить полный хаос (для современного взгляда) династических союзов и прав на отдельные территории латинян в Греции и даже на Константинополь. В этот спор волей или неволей оказались втянутыми сами Византийские цари, часто и охотно вступавшие в браки с представителями западных королевских семей⁴⁹¹.

Хотя папа *Бонифаций VIII* (1294—1303), известный грекофоб, являлся ревностным сторонником восстановления Латинской империи, ничего из его проектов также не получилось. Они только еще более запутали и усложнили европейскую политику, напоминая одну сплошную узел противоречий⁴⁹².

При поддержке Римской курии был разработан грандиозный план не только полностью подчинить Франции Италию и Сицилию, но и передать ей *Imperium*. В этом случае Латинская империя со столицей в Константинополе должна была стать *вассальным государством* по отношению к Французскому королю. Рим благословил в 1301 г. брак Екатерины Куртенэ, дальней наследницы Латинского императора Балдуина II, с братом Филиппа Красивого *Карлом Валуа* (1286—1325), которого курия официально признала законным претендентом на Константинополь и активно пыталась избрать императором Западной империи. При французском дворе стало модным изучать греческий язык, который, как считалось, вскоре непременно понадобится для управления византийскими территориями.

Подготовка к новому походу на Восток осуществлялась крайне медленно и неорганизованно. Поскольку у Франции хватало своих проблем, Карл Валуа оказался предоставленным сам себе со всеми вытекающими последствиями. Правда, новый папа *Климент V* (1305—1314) подтвердил отлучение Византийского императора от Римской церкви в 1307 г. и даже в очередной раз призывал к новому Крестовому походу, активно изыскивая денежные средства для этой экспедиции. Появились и новые союзники — Сербия и Венеция,

заклучившие в 1306—1308 гг. соответствующие договоры с Валуа. Но тут неожиданно дала себя знать Анжуйская династия, возглавившая Неаполитанское королевство. В качестве претендента на титул короля Латинской империи себя объявил *Филипп I Тарентский* (1278—1331), сын *Карла II Анжуйского* (1248—1309) и Марии Венгерской и внук Карла I Анжуйского. Его брат *Карл Неаполитанский* (1271—1295) уступил ему «права» на Эпир и Ахейское княжество, а также права сеньора в Латинской Романии. Уже в 1305 г. Филипп Тарентский утвердился на побережье Этолии, женившись на Тамаре, дочери Эпирского деспота Никифора I⁴⁹³.

Поскольку политика Карла Валуа не принесла успеха, Франция вскоре перенесла всю мощь своей поддержки на Филиппа Тарентского. Карл Валуа отдал ему в жены (первая супруга того к этому времени скончалась) свою дочь, одновременно с этим завещав Филиппу «права» на Константинополь. А Французский король Филипп Красивый в 1314 г. особой грамотой обязал своего вассала *Людовика Бургундского* (1313—1316), ставшего по праву наследования князем Ахайи, оказывать содействие Филиппу в походе на византийцев. Римская курия официально передала Филиппу Тарентскому церковную десятину с Неаполя, Сардинии, Корсики и Латинской Греции, а его солдатам даровала отпущение грехов. Но только в 1325 г. состоялся первый поход латинян на Византию — войска Филиппа Тарентского вторглись в Эпир и отвоевали часть территории.

Хотя от этих грандиозных проектов рождались «мышинные горы», Французский двор продолжал будоражить Рим и остальные европейские государства с предложением начать новый Крестовый поход в Палестину, причем предполагалось, что Константинополь должен был стать базой для продвижения крестоносцев. В 1318 и 1323 гг. небольшие французские эскадры попытались сделать нападения на Константинополь, чем чрезвычайно встревожили Византийского императора. И, презрев все упреки в адрес политики отца, Андроник II Старший отправил в Авиньон, где находился двор папы, миссию с предложением восстановить переговоры о *церковной унии* (!). Правда, весьма сомнительно, что он всерьез считался с такой возможностью, но факт остается фактом. Однако французская надменность и начавшиеся трения с внуком не позволили Андронику II Палеологу начать переговоры⁴⁹⁴.

Из старых соперников-соратников Византии, как всегда, выделялись Генуя и Венеция. Венецианская республика в то время переживала далеко не самые блестящие страницы своей истории,

а генуэзцы, напротив, благодаря прочной дружбе с Византией резко обогатились и усилились. Несмотря на все трудности, Иерусалимское королевство болело теми же болезнями, которые и ранее раздирали тело Латинской Палестины. Бейрут, Тир и несколько других городов заявили о своей независимости, а граф Триполи *Бозмунд VII* (1275—1287) находился в жесточайшем конфликте с тамплиерами, словно рядом не было иных врагов. Новый султан Египта *Калаун аль-Мансур* (1279—1290), занявший трон после смерти Бейбарса, еще будучи рядовым командиром мамелюков, разгромил в 1272 г. татар, подтвердив тем самым свой класс полководца. Став повелителем Египта, он в апреле 1287 г. захватил Латакию, заявив, что на «Антиохийский порт» не распространяется действие его договора с Триполи. В этом же году венецианцы, находившиеся в состоянии войны с Генуей, обратились к султану с просьбой о помощи. Это был прекрасный предлог изменить характер дипломатических отношений с обреченными городами пилигримов.

Напрасно Великий магистр тамплиеров *Гийом де Боже* (1273—1291), имевший своих информаторов в стане мамелюков, предупреждал власти города; те оставались глухи и слепы в своей ненависти друг к другу. 25 марта 1289 г. началась осада Триполи, длившаяся чуть больше месяца. 27 апреля 1289 г. город был взят, и началось его разграбление. Груды трупов лежали на улицах города и плыли в море. Десятки тысяч жителей были уведены в рабство, а сам Триполи приказом Калауна стерт с лица земли⁴⁹⁵.

Затем настал черед Акры. Жители города прекрасно понимали, что их ждет в случае падения укреплений, а потому срочно направили посольство к татарам с предложением союза. Этот акт был воспринят мамелюком как предлог для новой войны и расторжения прежних мирных соглашений. Напрасно Римский папа *Николай IV* (1288—1292) взывал к христианским государям, предлагая срочно организовать новый Крестовый поход; все было тщетно. Король *Хайме II Арагонский* (1291—1327) обещал послать войска в Левант, но до этого дело так и не дошло — в скором времени он заключил мирный договор с мамелюками. Объяснение чрезвычайно просто: арагонец, равно как и Французский король, были втянуты в военные действия за Сицилию. Английский король *Эдуард I* (1272—1307) направил в Акру небольшой контингент войск под командованием Отто де Грансона, но это была капля в море. Остальное войско англичанин использовал для завоевания Шотландии.

В 1290 г., на Пасху, в город прибыл также небольшой отряд итальянских крестоносцев. Но это были в основном наемники и рядовые обыватели, не готовые к настоящей борьбе. Зато генуэзцы выбыли из строя защитников Латинской Палестины, пролонгировав мирное соглашение с султаном Египта. Небольшую отсрочку по времени Акре дала смерть Калуна аль-Мансура и междоусобная борьба, которую пришлось вести его преемнику *аль-Ашраф Халилю* (1290—1293). Но конец Леванта был уже предопределен⁴⁹⁶.

В самом конце 1291 г. Халиль приказал собрать возле Акры сотни метательных машин, а также отряды из Сирии и Египта, при помощи которых надеялся взять город. Как утверждают, общая численность войск была не менее 120 тысяч солдат, из них половина — конница. 5 апреля 1291 г. его армия окружила город, которому уже никто не мог помочь. Пытаясь продлить сопротивление, в Акру прибыл последний король Иерусалима *Генрих II* (1285—1291) с 200 рыцарями и 500 пехотинцами с Кипра. Но это не остановило египтян: 8 мая 1291 г. начался первый штурм города. Первая линия обороны рухнула 15 мая, а на рассвете 18 мая 1291 г. был дан сигнал к решающей атаке. Загрохотали барабаны и тысячи мамелюков бросились на стены города. Тучи стрел летали в воздухе, в скором времени погиб в бою Великий магистр тамплиеров, а Великий магистр госпитальеров *Жан де Вилье* (1284—1294) тяжело ранен. Пали крепостные башни, и мусульмане ворвались в город.

В панике христиане бежали в порт, надеясь сесть на отходящие суда, но тех не хватало на всех. Сарацины носились по улицам Акры, убивая всех, кто попадался им на пути. Мамелюки наткнулись на группу доминиканских монахов, которые пели гимн «*Veni, Creator Spiritus*» («Приди, Творец!»), и всех их убили на месте. Пока еще держалась цитадель, которую обороняли тамплиеры, но 28 мая мамелюки сделали подкоп и ворвались внутрь. Несмотря на обещание султана, всех пленных рыцарей вывели из города и казнили ровно на том месте, где когда-то Ричард Львиное Сердце умертвил пленных сарацин Саладина. Пала последняя твердыня Латинской Палестины, более никаких крестоносных государств на территории мусульманского Востока не осталось⁴⁹⁷.

С остатками других поселений мамелюки разобрались быстро. Уже 19 мая 1291 г. султан направил большую армию к Тиру, который ранее не смог взять даже могущественный Саладин. На этот раз город сдался без боя. Затем пал Сидон, который обороняли остатки тамплиеров. 21 июля мамелюки захватили Бейрут, 30 июля — Хайфу. По пути сарацины истребляли все, что могло

бы оставить память о крестоносцах и вообще христианах. Сады и виноградники безжалостно вырубались, деревни с христианским населением уничтожались дотла. Некогда цветущая страна превратилась *в пустыню...*⁴⁹⁸

Напрасно папа Николай IV продолжал агитацию за новый Крестовый поход. Европейские монархи слушали его, давали клятвы крестоносцев, но, увлеченные своими внутренними делами и занятые междоусобицами, не спешили исполнить слова присяги. Лишь в 1301 г. несколько богатых генуэзских женщин собрали деньги и наняли небольшой флот для борьбы с сарацинами. И во Франции родилось народное движение среди простолюдинов, закончившееся, однако, всего лишь еврейскими погромами в Европе⁴⁹⁹.

Катастрофа пилигримских государств на Востоке самым непосредственным образом сказалась на внутриевропейской борьбе. Венецианцы утратили торговые точки на Юге Средиземноморья. А Генуя, как и в правление Михаила VIII Палеолога получившая серьезные преференции от Византии при Андронике II, твердо стояла на Босфоре и монополизировала торговлю на Черном море и особенно в Крыму, где было много ее колоний⁵⁰⁰.

В 1301—1302 гг. случился серьезный конфликт между венецианцами и византийцами, причем по довольно случайной причине: республиканцы вели войну с генуэзцами, неудачную для себя, и после очередного поражения решили с моря напасть на генуэзские поселения в Константинополе. Но в огне пожара сгорели дома многих константинопольцев. В ответ византийцы начали громить жилища венецианцев, проживавших в их столице. Летом 1302 г. венецианцы с громадным флотом прибыли к берегам Константинополя и потребовали возмещения убытков своих сограждан. Император попытался ответить им, что договор нарушили не ромеи, а сами венецианцы, но за отсутствием вооруженной силы на море, способной дать отпор латинянам, вынужден был все претензии принять. После этого, как утверждали современники, венецианцы совершенно распустились и делали с византийцами что хотели⁵⁰¹.

В отместку в 1303 г. Андроник II утвердил за генуэзцами права на расширение столичного района Галаты, а также новые торговые привилегии. Этот союз, в необходимости которого едва ли возможно сомневаться, к сожалению, полностью подорвал византийскую экономику и торговлю. Старые никейские хозяйства захирели вследствие переноса торгового центра в столицу. А затем генуэзцам удалось обеспечить прямые торговые связи с Крымом, Сирией,

Кипром и Египтом, погубив бывшее значение Константинополя как центра мировой торговли и регулятора цен. Потомки богатейшего византийского купечества превратились в мелких лавочников и ничего не могли сделать против итальянского засилья. Многие производства и мануфактуры закрылись, а ремесла утратились.

К несчастью, малоазиатское крестьянство, основа основ Византийской государственности, также оказалось предоставленным самому себе — правительство не имело ни денег, ни сил, ни порой даже желания заниматься его проблемами. Так *затемнение* царской власти аристократической верхушкой предопределяло закат великой Римской империи.

Тяжелым положением Византийской империи решил воспользоваться деспот Фессалии Иоанн, главный враг правящих Палеологов, направивший своего сына Михаила отвоевывать Фессалоники. Византийская армия под командованием Тарханиота должна была отразить данное нападение, но, к несчастью, греческий полководец внезапно скончался, а наемники-турки разбежались. Помощь неожиданно пришла от Эпирского деспота Никифора I, пригласившего Михаила к себе в гости и там его умертвившего.

На Балканах, как уже говорилось, оставалась сильная Сербия, король которой *Стефан Урош II Милутин* (1282—1321) продолжал завоевательные походы в Македонии и вдоль Адриатики. Используя слабости Болгарии, сербы вскоре начали активную политику присоединения балканских земель⁵⁰². Поскольку их интересовала перспектива замены монополии Византии на Балканах на свою монополию, сербы активно копировали политические институты, традиции и обряды Византии.

Например, Сербские короли носили титулы «светородный» наподобие византийскому «порфирородный», назывались «самодержцами» («автократорами»), «царями», оставляя официальный титул «король» своим наследникам по престолу, как в Византии император наделял преемника титулом кесаря. Более того, они назначали соправителя, как Византийские василевсы, носили пурпурную мантию, имели скипетр и державу. С XIII века в Сербии вводится титул «*севаст*», распространенный в Византии, и «*кефалия*» (от греческого «глава»), а придворные титулы получили обычное для византийцев добавление «великий». Канцелярия Сербских царей и королей также полностью копировала собой византийские образцы⁵⁰³.

Но активность Сербского самодержца удалось погасить. Чтобы не допустить сербской экспансии, Андроник II Палеолог немед-

ленно предпринял ряд военных и дипломатических мер. В 1297 г. по приказу императора византийский полководец Михаил Глава совершил поход в Сербию. И хотя в конечном итоге греки потерпели фиаско, попав в засаду, но перед тем Глава нанес сербам несколько чувствительных поражений и даже взял в плен одного из самых близких Стефану II Урошу вельмож — некоего Григория. Византийцам удалось захватить Скопье, Овче Поле, Моровизд, Славиште, Пиянец и долину реки Струмицы.

Нейтрализуя серба, Андроник II Палеолог ввел его в конфликт с ханом Ногаем. Татарин подготовил большое войско для вторжения в Сербию, и лишь щедрые дары, которые поспешил направить ему Стефан II, остановили грозного врага. Кроме того, в самой Сербии не все было спокойно для короля, поскольку его брат откровенно высказывал претензии на Сербский трон. А после того как в 1292 г. хан Ногай сумел обеспечить свою гегемонию в Болгарии, свергнув Болгарского царя Георгия I Тертерия с престола (он бежал в Анатолию, где и скрывался до самой смерти), Стефан II Урош оказался *в политической изоляции*. Поэтому византийские мирные инициативы были восприняты им очень благосклонно. В качестве залога он пожелал получить руку сестры Римского царя Евдокии, но та с негодованием отвергла такую перспективу. И тогда Андроник II Палеолог предложил Стефану II руку своей дочери Симониды — об этом писалось выше⁵⁰⁴. В марте 1299 г. состоялась встреча царского министра Феодора Метохита со Стефаном II Урошем и после некоторых обсуждений стороны пришли к соглашению, которое было заключено в ноябре 1299 г.

Женившись на малолетней Византийской принцессе Симониде, Стефан II Урош резко укрепил свой авторитет — действительно, ведь его признал царем сам Римский император! Стефан восторженно величал Андроника II Палеолога «отцом», «родителем и господином», а тот его — «возлюбленным сыном и зятем». Хотя Византии и пришлось пойти добровольно на некоторые территориальные уступки, но вплоть до 1321 г. Андроник II сумел дипломатическим путем сделать то, что не по силам оказалось его отцу — добиться распространения византийского влияния на Сербию. Стефан Урош даже решил организовать Сербско-византийскую династическую унию, причем права на Сербскую корону по договору доставались наследникам Стефана Уроша и Симониды по мужской линии, если бы они появились⁵⁰⁵.

Усилению внешнего влияния Стефана II Уроша препятствовали мощные атаки *боснийцев*, только что сумевших выбраться из-под

венгерского владычества и начавших свои наступательные операции в Далмации. Была создана новая славянская держава, религиозный фанатизм которой, однако, грозил новыми осложнениями на Балканах. Это вместе с тем означало, что усилия Византии получить обратно некоторые земли, занятые, в частности, болгарами, были далеко не лишены оснований. В целом общеевропейский фон при некоторых ошибках византийского правительства был довольно благоприятен для Империи⁵⁰⁶.

Сложнее обстояло дело на Востоке. К этому времени Малая Азия была уже совершенно отуречена, за исключением отдельных небольших прибрежных территорий, все еще принадлежавших Византии. Начиная с XIII века многие туркменские племена, сорванные ветром перемен, рожденным нашествием Чингисхана, двинулись с мест обычных стоянок и двинулись через Хорасан и Персию в Армению и Малую Азию. Рум-сельджуки Иконийского султаната некоторое время сдерживали поток своих соотечественников, расселяя их в свободных местах. Полные природной свежести и жажды добычи, они стали настоящей угрозой Византии. Этим и объясняется тот невероятный феномен, что при упадке сельджукской династии Иконийского султаната, полностью подконтрольной татарам Хулагу, турецкий элемент стал господствующим⁵⁰⁷.

Среди пришлых племен особенно выделялись *турки-османы*. Когда татары потеснили одну из турецких орд из племени *огузов*, та попала на территорию Иконийского султаната и получила разрешение остаться и заняться скотоводством. В конце XIII века во главе этих турок стал замечательный вождь *Осман* (1281—1326), основавший династию Османов или *Оттоманов* и давший свое имя соотечественникам. Османы настолько широко распространили свое влияние, что вскоре из всех малоазиатских владений Византии остались Никея, Никомедия и Брусса, и было ясно, что напор турок будет с годами только усиливаться⁵⁰⁸.

Как полагают, Осман родился в 1258 г. в Сегюте — маленьком горном районе, очень удобном для кочевников. Там было много пастбищ, но, что еще важнее, рядом располагались богатые византийские области, за счет грабежа которых османы быстро обогатились и получили возможность привлекать в свои ряды других турок. Его отцом являлся *Эртогрул* (1227—1281), глава тюркского племени *кайи*, а мать — турецкая наложница *Хайма*. Перебравшись в Иконийский султанат, Эртогрул получил от султана *Кей-Кубада I* (1220—1237) земли возле Анкары. После смерти

Эртогрула его преемником стал Осман, которому исполнилось только 24 года.

На фоне постоянных междоусобных войн других сельджукских правителей Осман выглядел борцом за веру и национальным героем, приносящим туркам мир и спокойствие. Вскоре Осман направил свои завоевания на Вифинию и в 1291 г. захватил Мелангию, сделав этот небольшой, но богатый византийский город своей резиденцией. Он без особого труда добился от Иконийского султана титула бея, а в 1299 г. объявил себя самостоятельным правителем. Его следующей целью стала Брусса, и в 1301 г. Осман построил в районе Энишехера крепость как плацдарм для новых завоеваний. Летом 1302 г. он разбил в сражении византийское войско при Вафее, и угроза взятия Бруссы стала весьма ощутимой. Несмотря на все перипетии военных кампаний, туркам к 1315 г. удалось фактически окружить Бруссу сетью небольших крепостей, и ее взятие становилось делом времени. В 1326 г. эта твердыня византизма наконец пала под напором османов⁵⁰⁹.

Постепенно турки начали проникать и во Фракию, причем, как ни странно, главные потери они несли от отдельных болгарских отрядов. Например, некий Хранислав громил османов еще в Вифинии, будучи назначенный императором Андроником II правителем этой области. А простой *пастух* (!) Иван собрал отряд, вооруженный луками и дубинами, и с ним настолько донимал османов, что те откровенно боялись болгарских партизан. Правда, впоследствии он попадет в плен и будет казнен османами⁵¹⁰.

Но в целом противопоставить в разоренной Малой Азии турецким набегам было уже нечего, и василевс предпринял несколько *на первый взгляд* предусмотрительных шагов, на самом деле приведших Римское государство к жестокому военному кризису.

Глава 4. Каталонская экспансия и война с турками

Сократив национальную армию, император был вынужден прибегать к помощи наемников, среди которых встречались не только турки и итальянцы, но и представители иных народов. В 1301 г. появились уже почти забытые *аланы*, жившие за Истром. Теснимые татарами, они прислали к царю посольство с просьбой выделить им земли для проживания 10 тысяч человек — разумеется, в зачет шли только взрослые мужчины. Взамен аланы обещали верно служить

императору и выступить на войну с турками, которые совершенно опустошали Малую Азию. Андроник II Палеолог, после ряда измен со стороны близких людей совершенно разуверившийся в преданности византийцев, решил сделать ставку на иностранных наемников. Поэтому он благосклонно принял предложение аланов и обеспечил их лошадьми и всем необходимым для войны снаряжением. Разумеется, это сразу ударило по карманам рядовых византийцев, вынужденных раскошелиться на наемников.

Тем не менее император собрал из аланов довольно внушительное войско и, поставив во главе его своего сына Михаила IX Палеолога, отправил на Восток. В 1302 г. эта армия встретилась с турками при Магнезии, но катастрофично: аланы по небрежности попали в засаду и были разбиты. Позабыв о старых клятвах, степняки повернули в Европу, открыв туркам путь на Запад, и даже оставив без защиты царя Михаила IX Палеолога — тому с трудом удалось скрыться в сильной крепости Магнезии. Лишь позднее, не без опасности, соправитель отца сумел вернуться в Константинополь, печально наблюдая за тем, как турки делят захваченные ими до самого Лесбоса римские земли. В этом же году турки захватили области по Сангарии и разбили другую византийскую армию у Никомедии⁵¹¹.

Османе становились полными хозяевами в Малой Азии, а византийцы стремглав бежали во Фракию. Чтобы хоть как-то противостоять туркам, Андроник II Старший срочно решил нанять армию из латинян, и в 1303 г. набрал *каталонцев* в количестве 2 тысяч воинов под командованием Рожера де Флора, воевавших в недавней войне за сицилийское наследство и от которых король Сицилии из числа лиц Арагонской династии *Федериго II* (1295—1337) желал избавиться любыми способами.

Предводитель каталонцев родился в Бриндизи и являлся этническим немцем. Его отец, егермейстер короля Фридриха II Гогенштауфена, погиб смертью храбрых в битве при Тальякоццо. Сам молодой Рожер блестяще проявил себя в качестве моряка, рыцаря ордена тамплиеров, а затем как вице-адмирал Сицилийского короля. Узнав, что его прежнему господину нечем оплачивать услуги наемников, Рожер обратился с соответствующим предложением к императору Андронику II, и тот охотно принял его, поскольку бедственное положение Византии и турецкая угроза являлись очевидными для всех⁵¹².

Предводитель каталонцев по прибытии в Константинополь заслужил невиданной милости — быть приобщенным к царской семье. Василевс выдал за Рожера свою племянницу Марию, жениха

возвел в достоинство великого дукса, а затем дал ему и титул кесаря. Едва ли «овчинка стоила выделки»: в скором времени затраты на содержание каталонцев и их вождя достигли таких астрономических сумм, что государственная казна совершенно опустела. Нельзя забывать и того, что каталонцы вовсе не считали себя связанными законами Римского государства и грабили на своем пути всех без разбора. Первыми жертвами наемников стали, как ни странно, генуэзцы из Константинополя, опасавшиеся за свои торговые привилегии. Спонсировав каталонцев, они вскоре потребовали возврата долга, те ответили отказом, и вскоре на улицах столицы стали обычными кровавые драки. Однажды перед Влахернским дворцом завязался настоящий бой, который с большим трудом удалось прекратить⁵¹³.

Опасаясь оставлять наемников в столице, император отправил, наконец, сомнительных по ценности «друзей» для войны с турками. И, надо сказать, в боях каталонцы проявили себя самым блестящим образом. Высадившись на Кизикском полуострове, они разбили у Артаки османскую армию численностью до 5 тысяч человек, а затем убили всех турецких женщин и детей в возрасте свыше 10 лет. Перезимовав в Артаки, латиняне затем перебрались на Хиос, где стали на привал. К чести Рожера де Флора, он строго следил за тем, чтобы его солдаты не обижали мирное греческое население. Однако затем, когда жалованье из Константинополя стало задерживаться, ситуация резко изменилась. Часть каталонцев отправилась к Афинскому герцогу *Ги II де ла Рош* (1280—1308), надеясь поступить к нему на службу, оставляя по дороге после себя выжженную землю. Ромейских девиц и женщин насиловали, имущество грабили, никого не слушали, ссылаясь на то, что царь задолжал им за год жалованье. Вторая партия каталонцев пока еще оставалась в Малой Азии, но также не отличалась примерным поведением.

Узнал о не самых геройских поступках каталонцев и Андроник II Палеолог. Правда, ему и патриарху оставалось только молиться целыми ночами, поскольку никакой силы, способной урезонить наемников, у него не было. А каталонцы весной 1304 г. нанесли туркам еще одно поражение, деблокировав осажденную теми Филадельфию. Поражение было настолько тяжелым, что из 20 тысяч османов спаслось только 1500 воинов. Затем Рожер де Флор повернул на Запад, к древней резиденции Никейских царей, разбил турецкие племена *сарухан* и *айдин*, освободил острова Хиос, Митилену, Лимнос и разграбил венецианский остров Кеос. В ско-

ром времени вся плодородная долина Меандра и прибрежные области были освобождены от мусульман. Турки дрожали при одном упоминании его имени, а Рожер повсеместно жесткими мерами восстанавливал власть правительства Андроника II Палеолога.

Но нравы каталонцев все же вскоре испортили их отношения с местными греками. Когда Рожер основал в крепости Магнезии свой штаб и хранилище добычи, византийцы во главе с архонтом Атталиотой перебили каталонский гарнизон, захватили золото и отбились от остальных латинян, горевших желанием наказать дерзких греков. Подобные сообщения вынудили василевса срочно отозвать каталонцев из Малой Азии и приказать им следовать на полуостров Галлиполи для отражения якобы болгарской угрозы. Но осталась задолженность по уплате жалованья в сумме 300 тысяч золотых монет, и все лето стороны провели в спорах и ожиданиях. Андроник II утверждал, что обязался выплачивать жалованье только 1500 каталонцам, а не всей армии, которая в течение этого времени заметно увеличилась за счет пополнений из Испании. А генуэзцы предложили ему свою помощь, если царь пожелает расправиться с ненавистными им каталонцами. Рожер понял, что зашел далеко, а потому пошел на компромисс и согласился на предложенных василевсом условиях переехать в Галлиполи для борьбы с болгарам.

К сожалению, лекарство оказалось хуже болезни — заняв своими гарнизонами Троаду и Мизию, Рожер де Флор составил целый двор в Галлиполи и оттуда фактически диктовал Константинополю свою волю. Он заставил Византийское правительство отдать ему в собственность всю Анталию с островами и доходами с правом раздавать лены в собственность своим вассалам и содержать собственное войско. В результате на территории лучших областей Римской империи внезапно сформировалось *Каталонское государство*⁵¹⁴.

Теперь император потребовал от Рожера де Флора обратного — направить каталонцев в Малую Азию для войны с турками, и тот согласился, но пока его солдаты грабили византийские области. Естественным следствием этого стало хаотично возникшее движение византийцев против наемников, во главе которого встал император Михаил IX Палеолог, хотя без большого успеха. Римская земля настолько к тому времени оскудела, что у василевса не было решительно никакого войска, способного утихомирить грабителей. Подумать только — 2 тысячи солдат беспрепятственно грабили византийские владения, а верховная власть ничего не могла им противопоставить! Но в скором времени случай многое изменил.

Рожер де Флор настолько стал дерзок, что, оставив во фракийской крепости Каллиуполе свое войско, сам во главе 200 человек отправился к Михаилу IX Палеологу, пребывавшему во Фракии, с требованием уплатить задолженность. Но его дерзость была наказана по заслугам — телохранители императора зарубили Рожера мечами⁵¹⁵.

Однако и этот шаг не принес облегчения Византии. В ответ на ходившиеся в Каллиуполе латиняне в одночасье перерезали всех горожан-греков и срочно укрепили крепость, надеясь сделать ее своей основной базой. А вместо здравомыслящего (на фоне других каталонцев) и авторитетного вождя Рожера де Флора во главе наемников встал Эстенца. Он тут же направил в Константинополь посольство, как глава самостоятельного государства, с объявлением войны по всем правилам рыцарского этикета. Андроник II Палеолог, не желавший войны, пытался оправдываться, ссылаясь на то, что Рожера де Флора убили не по его приказу, но каталонцы не хотели ничего слушать.

Затем они разделились: одна часть отправилась к побережью грабить торговые суда, другая — во Фракию. По счастью, первая группа вскоре погибла, по неосторожности напав на генуэзские корабли. Зато вторая, узнав, что император Михаил IX Палеолог направляется против них, заключила союз с турками и получила дополнительно 500 всадников, а затем еще один отряд османов. В том же 1305 г. византийцы и каталонцы вместе с турками встретились в битве на равнинах Апры, и ромеям было нанесено тяжелое поражение.

Надо сказать, Михаил IX Палеолог, командовавший византийскими отрядами, действовал очень храбро, крикнув во время боя своим телохранителям: «Теперь такое время, что смерть лучше жизни, а жизнь хуже смерти!» Стрелы тучами носились вокруг него, меч затупился о броню врагов, и царь даже потерял своего коня. Кто-то из греков пожертвовал своей жизнью, спасая Михаила IX Палеолога, и отдал свою лошадь ему; император живым ушел с поля, но византийцы не избежали поражения. Михаил IX Палеолог отправился в Дидимотих, где находился его царственный отец, и выслушал длинный и строгий выговор за то, что, будучи царем, едва не поставил благополучие византийцев в зависимость от исхода сражения — конечно, Андроник II Палеолог очень волновался за сына⁵¹⁶.

Почувствовав после победы, что теперь никакая сила им не противостоит, каталонцы и турки *в течение 2 лет (!)* беспощад-

но грабили Фракию и Грецию. Не спаслись от систематического грабежа даже монастыри знаменитой Афонской горы. Был сожжен и русский православный монастырь Св. Пантелеймона⁵¹⁷. К каталонцам постоянно присоединялись другие искатели приключений, и вскоре самопроизвольная армия наемников составляла уже 7 тысяч солдат, из которых 2 тысячи являлись конными всадниками и рыцарями. Они перешли Родопы и решили напасть на Фессалоники — жемчужину побережья. Однако им помешало отсутствие продовольствия — эта земля была в буквальном смысле слова *обезлюжена*. Кроме того, доносились глухие слухи, будто император собрал войско в Македонии и направляется во главе его против каталонцев и турок. Проблуждав по местности, почти перессорившись с турками, недовольными их маневрами, каталонцы разделились с ними и в одиночку отправились к Фессалоникам, надеясь все же захватить этот город⁵¹⁸.

Правитель Фессалии, молодой, но болезненный человек, находившийся почти при смерти, не отважился что-либо противопоставить каталонцам, но предложил тем щедрый выкуп за свободу и предоставил проводников в Ахайю и Беотию — лишь бы только поскорее отправить восвояси страшных пришельцев. Каталонцы пришли в восторг: в глубине души они опасались византийской армии и совершенно не были уверены в исходе вооруженного противостояния. А тут им предлагают деньги и обеспечивают проход в области, еще не затронутые войной. Весной следующего года каталонцы перешли Фермопилы и стали лагерем у Локриды, неподалеку от реки Кифисса. Здесь им пришлось столкнуться с правителем Афин и Фив графом *Готье V де Бриенном* (1308—1311). Он не захотел дать каталонцам проход через свои земли, все лето и осень усленно собирая войско и готовясь к битве.

Весной 1311 г. соперники сошлись у Беотии. У каталонцев было 3,5 тысячи конных всадников и 4 тысячи пехоты, правитель Афин собрал под своей рукой более 6400 конных воинов и 6 тысяч пехоты. Это было большое воинство, и де Бриенн не скрывал намерений не только разбить каталонцев, но затем перенести войну к самим стенам Константинополя, завоевав всю Фракию. Но, узнав о превосходстве врага в кавалерии, каталонцы пошли на хитрость: они вспахали поле битвы и обильно залили его водой, так что оно стало походить на болото. Когда войска Готье V пошли в атаку, конные воины просто завязли в поле, сделавшись легкой добычей хитрых каталонцев. Одержав блистательную победу, те вслед за этим без труда захватили Афины и Фивы⁵¹⁹. Это была полная

катастрофа для французской части Греции. Французы в панике убегали в Морею и Эвбею, и богатые замки Фив были разграблены каталонцами. Греческое население также просило о пощаде, но не находило ее. Победители нигде не встречали сопротивления. Из Фив и других городов население толпами бежало, спасая свои жизни, честь и имущество. Крепость Ливадия сдалась без боя, зато замок Сент-Омеров подвергся страшному разрушению. Говорили, что именно каталонцы опустошили Афины и вырубили масличные рощи у Колона, а греческую церковь, воздвигнутую на месте языческого храма Эскулапа, сожгли⁵²⁰.

Жестокость и варварство победителей настолько поразили местное греческое население, что еще долго после каталонского вторжения сохранились некоторые красноречивые поговорки. Когда кого-то хотели упрекнуть в незаконном и несправедливом поступке, говорили: «Так не поступил бы и каталонец». А в Акарнании вплоть до XX века термин «каталонец» являлся синонимом «дикаря», «разбойника», «преступника» и вообще считался бранным словом. Впрочем, имели место и некоторые положительные события. Так, например, в Афинах был открыт латинский университет, были укреплены многие крепости и оборонительные сооружения⁵²¹.

После победы каталонские наемники разделили между собой захваченные замки — дети войны, они желали получить под старость заслуженный отдых. Однако вокруг новых владельцев находились одни враги: Валуа и Анжу, справедливо посчитавшие свои интересы попранными, являлись первыми в череде неприятелей, а потому каталонцы поспешили предать себя под покровительство Сицилийского короля Федерига II. По заключенному между ними договору сын короля *Педро II* (1305—1342) признавался государем захваченных земель, в Фивах учреждался суд и администрация, подчиненные Сицилийскому королевству, а французское законодательство заменялось *Барселонским феодальным кодексом*. Чтобы отделить себя от местного населения, каталонцы категорически запретили браки между своими соотечественниками и греками. Таким образом, латиняне надеялись прочно утвердиться в Средней Греции⁵²². Впрочем, забегаая вперед, скажем, что и французское, и каталонское владычество в Средней Греции было недолговечным и вскоре рухнет.

Конечно, успехи каталонцев вызвали негативную реакцию Венеции — особенно после того, как испанский наместник Каталонского государства приобрел права на остров Эвбею. С большим

трудом король Федериг II Арагонский, совершенно незаинтересованный в обострении отношений с венецианцами, умудрился урезонить своего наместника. Тот, чтобы дать ход накопившейся энергии и силе, занялся пиратством, разграбив отделенные острова Хиос, Наксос, Милос, и опять Федеригу II пришлось успокаивать своего чиновника. Тогда каталонцы устремились в Фессалию, завоевав ее в 1318 г. вместе со столицей Новыми Патрами.

Помимо каталонцев, сохранялась французская угроза. Эпирский царь *Фома I Комнин Дука* (1297—1318), женатый на внучке императора Андроника II Палеолога, успешно отбивался при помощи Константинополя от Филиппа I Тарентского и даже на время сумел захватить город Арту. Вскоре он был убит своим родственником *Николаем* (1318—1323), принявшим титул «деспота Романии», каким Филипп Тарентский награждал своих сыновей, отправляя их в Эпир. Николай сумел отвоевать Арту, в 1319 г. захватил важнейший торговый центр Эпира Янину, которая получила хрисовул императора Андроника II Палеолога Старшего с дарованиями прав и привилегий. Царь Эпира Николай в 1320 г. признал свою зависимость от Константинополя и даже приказал воссоединиться Эпирской церкви с Восточной церковью. Но в 1323 г. он был убит своим братом *Иоанном II Орсини* (1323—1335), поспешившим искать союз с Венецией. В ответ от него отложились Янина, заявившая о своем подчинении власти Византийского императора. При помощи византийских отрядов Янина сумела отстоять свою независимость⁵²³.

Из этих событий становилось ясно, что при всех стремлениях Византийского правительства восстановить Римскую империю в том виде, в каком ее помнили до страшного 1204 г., это было уже физически невозможно. Раны, нанесенные Западом, были слишком глубоки и обескровили Византию культурно, политически и экономически⁵²⁴.

Более того, иногда создавалось впечатление *беспрецедентной слабости* Римского государства: не только каталонцы, но и турки свободно разгуливали по стране. Отделившись от латинян, в 1314 г. они попросили Андроника II предоставить им свободный проход на родину, и царь дал согласие. Но когда византийские военачальники увидели, с какой богатой добычей турки собираются возвратиться к себе, они решили, что это — несправедливо, а потому следует напасть на османов и вернуть награбленное. Мысль понятна, но, очевидно, требовала филигранной точности исполнения, если имеешь дело с опытным и сильным противником.

Однако именно этими качествами византийские вельможи и не отличались: приготовления к засаде шли настолько открыто, что турки без труда разгадали планы противника. Недолго думая они захватили крепость и там укрепились. Вялые попытки греков захватить город штурмом ничего не дали, а турки снеслись со своими соотечественниками в Малой Азии и совместно с ними начали устраивать вылазки и набеги на близлежащие земли⁵²⁵.

Опасаясь, что, осмелев, турки совершат нападение на Константинополь, византийские командиры обратились к императору Михаилу IX Палеологу с предложением объединить все военные отряды и совместными усилиями, во главе с царем, взять крепость. Собрали всех, кого только можно, включая простых земледельцев, составивших большую часть византийской армии. Нет ничего удивительного в том, что вид такого «войска» вызвал у османов смех. Их предводитель во главе 700 всадников напал на центр византийской армии, где возвышалось царское знамя, и без труда разогнал противника. Потери у ромеев были небольшие, но множество солдат попало в плен, а в качестве добычи турки взяли царский венец (*калпигру*) Михаила IX Палеолога и все содержимое его палатки. Безусловно, это был настоящий позор⁵²⁶.

Спас положение простой военачальник Филис Палеолог, попросивший у царя разрешения самостоятельно набрать войско и командиров для борьбы с турками. В буквальном смысле слова это был *план национального спасения* — настолько плохо шли дела у византийцев. Сам император приказал по всем храмам служить Литургию и щедро наделил священников за их горячие молитвы к Христу о спасении Римской империи. Надо сказать, этот юный Филис Палеолог был замечательным командиром и блистательным образцом подлинного римлянина. Явившись к войску, Филис отобрал самых боеспособных и храбрых, поднимая их дух разговорами о бедствиях отечества и щедро одаривая подарками. Сам Филис Палеолог одевался очень скромно и старался ничем не выделяться от обычных солдат. Наконец, подождав, пока отборный отряд турок отправился в набег, он устроил засаду, в которую и попали османы. После тяжелого боя враги были наконец-то повержены. Крепость, в которой скрывались остатки турок, осадили, а вскоре к византийцам пришла подмога: 2 тысячи конных триваллов и генуэзцы. Совместно с ними византийцы разгромили последних турок; пленные были препровождены в темницы. За этот подвиг царь наделил Филиса Палеолога титулом протостратора⁵²⁷. Увы, это были *последние* победы римского оружия на турецком фронте...

Глава 5. Феодалные тенденции в Римской империи и царской семье

Помимо внешнеполитических проблем и церковного раскола, императору Андронику II Палеологу приходилось считаться с сильной аристократией и ее попытками узурпировать власть со стороны отдельных полководцев или сановников, что проявилось уже в самом начале его царствования.

Желая уберечь восточные территории от набегов турок, василевс направил к реке Меандр двух талантливых полководцев: молодого, пышущего силой и здоровьем Алексея Филанфропина и пожилого, опытного Ливандария. Алексей очень удачно исполнял свою миссию и, присоединив к своему войску в качестве союзников татар и тех мусульман, которые предпочли жить под властью Византийского царя, нанес туркам несколько тяжелых поражений. Двор Филанфропина стал веселым, пышным и богатым, что вызвало подозрения его старшего товарища. Ливандарий посчитал, что Алексей желает отложиться от Империи и создать свое государство в Малой Азии. Это действительно были *небезосновательные* подозрения — вблизи Филанфропина собрались люди, убеждавшие полководца в необходимости объявить себя самостоятельным правителем. После некоторых колебаний Алексей принял соответствующее решение (тайное, разумеется) и для начала запретил своему войску помянуть имя Андроника II Палеолога при многолетиях царственному дому.

Вести об этом достигли через верного Ливандария царя, чем очень смутили его. Но никаких других войск для войны с самозванцем у него не было, и он решил уповать на помощь Богородицы. На его счастье, Филанфропин совершил ошибку — вместо того чтобы обезвредить Ливандария, он почему-то решил пленить брата василевса Феодора, проживавшего поблизости. Пока мятежник гонялся за царственной особой, Ливандарий нашел деньги и быстро собрал отряды, стоящие на данной территории в разных местах. Буквально в течение 10 дней он уже имел довольно сильную армию. Более того, Ливандарий подкупил выходцев с Крита, на которых полагался Филанфропин, и пообещал им щедрое вознаграждение, если те помогут схватить Алексея. Вскоре так и случилось — Филанфропин был схвачен и ослеплен⁵²⁸.

Это была «первая ласточка», свидетельствующая о серьезных переменах, произошедших в политической системе Византийской

империи. Уже во времена династии Ангелов Византийские императоры имели все основания с опаской глядеть в сторону высших аристократических кругов, существенно влиявших на политику царей. Как мы видели, сильные императоры династии Ласкаридов с громадным трудом и с помощью далеко не самых популярных средств сумели сохранить самодержавие своей власти. Это удалось и отважному Михаилу VIII Палеологу, в отчаянном прыжке и при помощи террора вынужденного обеспечивать право Римского императора принимать решения без оглядки на *частные интересы* высокопоставленных лиц. Но при кротком Андронике II Палеологе аристократические семьи взяли несомненный верх над царской властью — по крайней мере в той мере, в какой этого желали.

При дворе расцвели всевозможные семейные династии сановников, обладавших почти царскими титулами — севастократов, кесарей, деспотов, а их регалии и права, по справедливому замечанию одного историка, затмили чистоту Римско-византийского самодержавия. Многочисленная царская родня, воспитанная на западноевропейских понятиях, представляла в совокупности грозную силу. К тому же даже в самих царских семьях произошла трансформация сознания, допускавшая наличие собственных интересов не только у дальних родственников, но и у прямых наследников престола, цариц и даже соправителей императоров. Примеры на этот счет мы приведем в ходе последующего изложения. Кроме того, следует учесть, что еще со времени династии Комнинов Византийские императоры считали за честь для себя по политическим мотивам сочетаться браком с представителями западных династий, и латинская культура в далеко не самых лучших ее формах и проявлениях начала проникать в византийское политическое сознание⁵²⁹.

Только такой *гигант* и гений управления, как император Михаил VIII Палеолог, мог удержать в руках феодальную вольницу. Но его сын не отличался подобными дарованиями, а потому быстро стал зависимым от крупнейших аристократических родов и сановников. Совершенно не традиционно для консервативных царственных династий Византийской империи, вскоре сама семья Андроника II Старшего стала объектом его постоянных забот, отнимая много времени, денег и сил, а также внося сумятицу в государственные дела.

У Андроника II Палеолога был младший брат *Константин Порфирородный*, с которым у него не сложились отношения с самого детства. Поговаривали, что Михаил VIII Палеолог любил

Константина больше Андроника и даже намеревался выделить ему Фессалию и Македонию в качестве самостоятельного владения. Это, мягко говоря, *не невозможное* событие, если мы учтем изложенные выше обстоятельства. Но император Михаил VIII скончался, не реализовав свой замысел, зато оставив в собственности Константину многочисленные земельные наделы, от которых тот получал большие доходы. Щедрый, мягкий и ласковый, Константин Палеолог быстро снискал любовь рядовых византийцев и клира. Пышность его дворца вызвала тревогу в сердце старшего царственного брата, посчитавшего, будто Константин решился во всем подражать императору — в том числе и внешне. Определенно многие сановники доносили царю, что его брат желает похитить императорскую власть, и тогда Андроник II решился на крайнюю меру. По его приказу Константин Палеолог был схвачен в Лидии, где отдыхал вместе с супругой, дочерью знатного сановника Рауля, и отправлен в темницу вместе со своим приближенным Михаилом Стратигопулом. Их имущество, конечно, конфисковали в пользу казны⁵³⁰. Мать Андроника очень хлопотала перед царственным сыном, но тот не решался выпустить брата из тюрьмы из-за опасения мятежа с его стороны. Почти 17 лет Константин Порфирородный Палеолог провел в темнице, пока не скончался.

Следующая история стоила императору еще бóльшей крови и нервов. Как известно, первый брак Андроника II Старшего был недолг, и Анна, его первая супруга скончалась, оставив ему двух сыновей — Михаила и Константина. Царь отправил посольство к королю Испании просить в жены его дочь. Но тот согласился выдать замуж за Византийского венценосца свою родственницу, 11-летнюю *Иоланту Монферратскую* (1274—1317), дочь маркграфа *Гульельмо VII Монферратского* (1255—1290), принявшую у греков имя *Ирины*. Брак состоялся в 1284 г. В принципе этот семейный союз был не самым блестящим для обоих супругов — Ирина имела отношение к королевской семье, но не являлась *венценосным ребенком*. А потому ее способности добиться для Византии выгодных условий в мирных переговорах с латинянами сводилась к минимуму. Но и для Ирины перспективы открывались не самые радужные. По сложившейся в Византийской империи традиции дети от второго брака практически не имели шансов стать Римскими царями, если были живы сыновья императора от первого брака. Однако для Андроника II Старшего решающую роль сыграло то обстоятельство, что Ирина являлась наследницей латинской Фессалии, а потому после женитьбы он имел широкие возможности отстоять

от притязаний Запада эти земли. Вскоре супруги родили трех сыновей — Иоанна, Феодора, Димитрия и дочь Симониду⁵³¹.

Юная и очаровательная жена-итальянка быстро влюбилась в себя императора и направляла его действия по собственному разумению. Главной ее целью было обеспечить детей царской властью и соответствующим титулом. Для этого Ирина, женщина горячая и цельная, решила изменить порядок престолонаследия и саму систему управления Римским царством. Естественно, как мать, она опасалась, что Михаил IX Палеолог, сын василевса от первого брака, навсегда закроет ее детям дорогу к царству. А потому предложила супругу воспользоваться понятной, как ей казалось, и удобной системой, принятой в Западной Европе, т.е. *феодального раздела земель*. Ирину приводила в бешенство мысль, что царственный муж хочет женить ее сына Иоанна на дочери своего вельможи Никифора Хума. Она мечтала устроить его брак с вдовой князя Ахейского Изабеллой Виллардуэн и образовать за счет этого для сына *новое государство*, присоединив к нему Эпир, Акарнанию и Этолию. Но император настоял на своем. В 1304 г. он женил Иоанна на своей избраннице, назначив ему в качестве наследственного удела Фессалоники. Впрочем, спустя 4 года царевич умер, не оставив наследников.

Теперь вся энергия и страсть царицы перенеслись на второго сына, Феодора, которому она рассчитывала передать права на маркграфство, доставшееся ей в 1305 г. после смерти брата *Джованни I Монферратского* (1290—1305). И, естественно для нее, исключительно в качестве *самостоятельного правителя*, связанного с Византийской короной вассальными отношениями. Надо отдать должное Андронику II — на все речитативы супруги о том, что он должен либо лишить Михаила IX власти, либо разделить государство между всеми мужчинами их семьи, царь отвечал решительным «нет», ссылаясь на древность установленного порядка престолонаследия. Супруга не устала донимать его и довела императора до такого состояния, что само брачное ложе стало ему ненавистным. Тогда царица Ирина удалилась в Фессалоники, бесстыдно рассказывая всем прохожим о тайнах их супружеской жизни, — такого не позволяли себе в Византии даже распутницы! Как сказал летописец, «когда женщина ненавидит, она говорит, что ее ненавидят. Когда любит, говорит, что ее любят. Когда крадет, говорит, что ее обкрадывают. Говорит, что ее заискивают, хотя она сама по скромности гнушается искательством. Между тем не стесняется наряжаться, выставлять свои прелести и, вероломно откровенничая, мешая небо с землей»⁵³².

Узнав о похождениях своей супруги, царь, как человек кроткий, откровенно испугался. Он не мог себе даже представить, что его супруга с таким упорством начнет *убивать* престиж царской власти, но еще более он опасался того, что Ирина обратится за помощью к Сербскому королю, женатому на Симониде. Василевс попытался наладить контакт с женой, но Ирине уже было не до мужа. Она обратилась к правителю Афин, брату царя Эпира, *Иоанну Дуке Ангелу Комнину*, с предложением выдать его дочь за своего сына Феодора, а затем начать *совместную войну* против Андроника II Палеолога (!) и отвоевать их детям Фессалию в качестве самостоятельного надела.

Желая привлечь силы итальянцев, Ирина направила Феодора в Лангобардию с крупными суммами денег, но у того дела не устроились. В Пьемонте Феодор женился на местной девушке, сбрил бороду на латинский манер, принял Римско-католическую веру, перенял обряды и одежду. Ему совершенно не хотелось возвращаться в Константинополь, где он бывал лишь краткими наездами. В конце концов ей самой и Андронику II Палеологу стало ясно, что ни при каких обстоятельствах Феодор не может стать Византийским императором, — греки ни за что не приняли бы на царском престоле «латинянина». В конце концов в 1306 г. он удовлетворился титулом маркграфа Монферрата, где и прожил до самой своей смерти, наступившей в 1338 г.⁵³³

История супружества Симониды толькополнила перечень неудач царицы Ирины. В связи с детским возрастом невесты изначально была достигнута договоренность, что Симонида до совершеннолетия останется проживать при матери. Но ненасытный женолюбец Сербский король Стефан II поспешил вскоре потребовать жену и вступил с ней в половые отношения. Уже после первой брачной ночи она, как выяснилось, утратила способность иметь детей. Надежда Ирины на то, что ее прямой потомок станет царем или королем, опять не оправдывались. Однако Ирина простила зятя — для нее было главным, чтобы Симонида оставалась Сербской королевой. Продолжая плести свои интриги, царица совершенно расстроила государственную казну, переводя множество средств в Сербию своей дочери-королеве и в Италию сыну Феодору. Как говорили, на эти суммы можно было построить не одну сотню боевых кораблей⁵³⁴.

Оставалась последняя надежда — сын Димитрий, который также не удовлетворил честолюбия царственной матери. Император

сделал его правителем Фессалоник с титулом деспота, но ни о каком праве сына на престол и слышать не хотел. Впоследствии, как мы увидим, Димитрий попытался проложить себе дорогу к трону, вступив вместе с отцом в борьбу с племянником, Андроником III Младшим, но неудачно. С трудом избегнув смертной казни, он будет не раз еще пытаться захватить власть, но в конце концов сойдет со страниц истории⁵³⁵.

А что же неугомонная царица? Прожив какое-то время в Фессалониках, императрица Ирина решила перебраться в город Драм. Однако по дороге заболела и скончалась. Ее тело было доставлено в Константинополь и захоронено в обители Пантократора.

Глава 6. Дед и внук делят Империю. «Патриарх сделался нашим убийцей!» Конец царствования Андроника II Старшего

С течением лет остро встал вопрос о преемнике царской власти — ведь Андроник II был далеко не молод. Казалось бы, никаких проблем с этим не предвидится: Михаил IX Палеолог считался легитимным императором, и у него было два сына — Андроник и Мануил. Царственный дед настолько любил Андроника, что не замедлил объявить внука соправителем, и теперь на церемониях и в присяге, к которой приводили народ, значилась *царственная триада*⁵³⁶. Мануилу был присвоен титул деспота.

Но надо сказать, что *Андроник III Младший*, как его величали в народе, был очень честолюбивым молодым человеком. С юных лет ни в чем не зная отказа, он познакомился и близко сошелся с латинянами, охотно ссужавшими его деньгами. Тяга к роскошной обстановке и богатым выездам въелась в плоть и кровь венценосного юноши, но вместе с тем Андроник III понимал, что его шансы получить единоличную власть — *ничтожны*. Ведь после смерти деда самодержавным императором станет его отец Михаил IX, а потому Андроник III живо рассматривал варианты получения в самостоятельное правление Армении, Пелопоннеса, острова Лесбос или Лемноса. Пылкость характера и неразборчивость связей Андроника III стали причиной смерти отца.

Как рассказывают, Андроник III часто навещал одну гетеру, чьей близости также добивался другой богатый юноша по имени Адонис. Не желая делить свою возлюбленную с кем-либо, Андро-

ник III решил умертвить соперника и поставил засаду из наемных убийц. Однако по несчастному стечению обстоятельств мимо дома гетеры в эту минуту проезжал брат Андроника III деспот Мануил, в которого убийца и пустил стрелу. Юноша погиб, а известие об этом и, главное, *детали* происшествия в течение нескольких месяцев свели в могилу Михаила IX Палеолога — он умер в 1320 г.⁵³⁷

Но вскоре выяснилось, что любовь императора к внуку — не самодостаточна и не абсолютна. Андронику II Старшему откровенно надоели шумные и частые пирушки порфирородного юноши, нарушавшие спокойствие столицы и не способствующие укреплению авторитета императорской семьи. Государственная и царская казна была истощена, император был вынужден все больше и больше уменьшать долю золота в монетах, отказывать в выплате долгов своим кредиторам, а Андроник III в это же время под имя императора брал займы деньги у генуэзцев⁵³⁸. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Андроника II Старшего, стали преждевременная смерть сына Михаила IX и убийство внука Мануила. Сраженный горем, император публично отказал Андронику Младшему в праве занять после его смерти царский престол.

Рано или поздно, но это должно было произойти: при дворе появился другой любимец — *Михаил Кафар*, внебрачный ребенок Константина, еще одного сына Андроника II Старшего, от его сожительства с венгеркой Марией. Проведя довольно трудное детство у отца, откровенно не любившего своего незаконного отпрыска, Кафар был в 15 лет представлен царственному деду, который зачислил его в штат своей прислуги. В скором времени он приобрел такое расположение императора, что даже царские сыновья стали ревновать его к василевсу. Когда Михаил IX Палеолог скончался, император Андроник II Старший приказал всем своим подданным дать клятву, что они никогда не поднимут руку на избранника императора в качестве преемника царского престола. Но *имя преемника* неожиданно для всех не назвал. Видимо, он *уже* не хотел давать власть Андронику III, но *еще* опасался открыто объявлять Михаила Кафара будущим царем. А потому ограничился общими фразами, подчеркивающими общий смысл сказанного, — только Римский император вправе решить вопрос о своем преемнике, но будет делать это *самостоятельно*.

Андроник III Младший, уже сопричисленный к царской власти, откровенно взволновался, да и не он один. Многие сановники и аристократы откровенно не спешили дать требуемую присягу, желая посмотреть, чем закончится неожиданно возникшее

противостояние двух Андроников — деда и внука. Наполненные западноевропейскими политическими понятиями, они не желали, чтобы столь важный вопрос о Римском царе был решен императором без консультаций с ними. Фактически напоминанием о своих прерогативах Андроник II Палеолог невольно сформировал против себя довольно сильную партию, недовольную игнорированием их существования. Император понял, что его требование к внуку и придворным дать слова клятвы почти неминуемо приведут к политическому заговору, а потому на время перестал вообще вспоминать об этом. Для спокойствия за Андроником III Младшим василевс направил присматривать некоего Сиргианна — преступника, выпущенного специально для этого из тюрьмы⁵³⁹.

Увы, император грубо ошибся: проникшись ненавистью к Андронику II Палеологу за годы несвободы, Сиргианн решил столкнуть лбами двух царей и под шумок самому попытать счастья. Он явился к Андронику III Младшему и заявил: «Царь поручил мне, как какой-то собаке, следить за тобой. Он готовит тебе петли и кандалы, а ты, ничего не зная, занимаешься детскими забавами. Забуди их и доверься мне, а я дам тебе добрый совет. Если ты примешь его, в скором времени получишь скипетр самодержавия. Беги во Фракию и подними фракийцев на деда, которого они не любят». Взамен своей лояльности и помощи Сиргианн попросил богатое поместье, почести и слово Андроника III, что, став царем, тот никогда не станет без него решать государственные дела. Юноша дал согласие и подписал с Сиргианном договор, скрепленный тремя высшими сановниками — *Великим панием* (смотрителем дворца) Иоанном Кантакузеном, домашником при царском столе Феодором Синадином и домашником Запада Алексеем Апокавком. Друзья детства, они «как бы выпили из одного кубка», «составили нерасторжимое братство»⁵⁴⁰.

Более того, как вскоре выяснится, даже фаворит «старшего» императора Феодор Метохит, известный меценат и создатель великолепного монастыря Хора, мозаика которого сохранилась до наших дней, внутри души был на стороне, скорее, внука, чем деда. В это время Феодор Метохит, хранитель государственной казны, стал самым могущественным фаворитом — император не решал без него ни одного вопроса. Желая укрепить при дворе позиции своего избранника, он женил своего племянника паниперсеваста Иоанна, сына Константина Порфирородного Палеолога, на дочери Метохита. Племянник воспринял весь объем любви, который василевс должен был высказать в адрес младшего своего брата.

Иоанну даже разрешили носить сандалии и одежды желтого цвета, чтобы он отличался от всех чиновников.

Под различными предложениями заговорщики приобрели для себя области во Фракии и получали назначения в качестве наместников царя. Затем они начали стягивать войска и формировать новые наемные дружины, прикрываясь слухами о возможном нападении татар и турок. За свою распорядительность и усердие сановники даже удостоились похвалы императора. Однако хитрости заговорщиков едва не разбились об излишнее небрежение внука по отношению к деду.

Встревоженный его поведением и *ползущими слухами*, Андроник II Старший решил публично обвинить Андроника III Младшего в заговоре перед патриархом и сенатом. В его планы входило арестовать внука прямо в зале заседаний и отправить в темницу. В шестую неделю Великого Поста 1321 г. василевс вызвал патриарха Герасима и архиереев, но Андроник III, предупрежденный Сиргианном, явился в залу вместе с несколькими товарищами, имевшими под плащами мечи. В свою очередь они решили, что если дело дойдет до прямого обвинения и ареста, то набросятся и убьют царя, а Андроника III Младшего объявят Римским императором. Очевидно, у заговорщиков не было ни тени сомнения в том, что высшие круги Византии поддержат Андроника III, — аристократы почти *открыто* высказывались за внука и против старика-василевса.

Царственный дед почувствовал опасность, а потому на заседании совета ограничился мягкими увещаниями и укорами в адрес внука, которого даже посадил у своих колен. В конце они дали друг другу клятвы: император пообещал, что никого, кроме внука, не оставит наследником царского престола, а Андроник III Младший дал обещание, что не станет злоумышлять против деда. Когда царевич вышел из дворца, встревоженные сообщники, узнавшие о результатах переговоров, потребовали, чтобы клятвы о неприкосновенности были даны императором и в отношении них самих. Внук направился к Феодору Метохиту, но тот отговорил его, недвусмысленно намекнув, что только благодаря его *личной просьбе* василевс не арестовал внука. «Разве можно в этих условиях еще просить о сообщниках? Да и потом, — продолжил сановник, — подумай сам: будут ли твои товарищи соблюдать слова клятвы, если не увидят над собой никакой опасности? Они тут же предадут тебя!» На том они и согласились⁵⁴¹.

Но нравы при дворе были таковы, что слова являлись пустым звуком, и никто не собирался их соблюдать. По-видимому, первым

негласное перемирие нарушил сам василевс, начавший с завидным постоянством сетовать среди ближнего окружения, что «в наше время нет больше уважения ни к царской власти, ни к святой Церкви». Не трудно догадаться, что император пытался пробудить в своем ближнем окружении последние остатки того политического сознания, которое создало великую Римскую империю, но тщетно. Понимая, что честолюбивый внук сам невольно стал орудием в руках придворной аристократии, царь решил его изолировать. Надежда заключалась в том, что без законного царя, каковым мог стать Андроник III, аристократы никогда не решились бы на смену власти, опасаясь негативной реакции Церкви и византийского народа. Он отдал тайное повеление арестовать Андроника III, но патриарх Герман, знавший о приказе, уведомил о том внука. Наверное, это было последнее, что успел сделать патриарх, — сразу после этого Герман скончался. В праздник Пасхи, 20 апреля 1321 г., Андроник III бежал из Константинополя в Адрианополь, где располагался с войсками верный ему Иоанн Кантакузен и Сиргианн.

Фракия гудела, как улей, и достаточно было только бросить клич, как фракийцы охотно поднялись против законного царя, надеясь, что с воцарением Андроника III Младшего многое улучшится в их жизни. Кроме того, многих прельстила надежда поживиться во время междоусобицы — Константинополь по-прежнему слыл одним из богатейших городов мира. В ответ Андроник II Старший вызвал к себе архиереев и приказал анафематствовать внука и его сообщников. По всем улицам столицы ходили священники с Евангелием и требовали клятвы от константинопольцев в том, что те никогда не предадут своего императора в угоду юному мятежнику-внуку⁵⁴².

Пока василевс предавал внука церковному проклятию, тот с войском через неделю достиг Силимврии, что на Мраморном море, имея множество кавалерии и пехоты. Андроник II понял, что шансы его равны нулю, а потому срочно направил навстречу мятежникам Филадельфийского епископа Феопипта и мать Сиргианна для переговоров. Оба царя были достаточно здравомыслящими людьми, чтобы понять — гражданская война окончательно подорвет страну. А потому, обменявшись посольствами, договорились *поделить Римскую империю* — апофеоз западного феодального мышления в исполнении Византийских императоров! Андронику III отошла Фракия и Македония, включая те области, которые молодой царь обещал своим сторонникам. Помимо этого, Андроник III вытребовал у деда 45 тысяч золотых монет для

уплаты жалованья войску, отказавшись, правда, за это от доходов со своих территорий, и 36 тысяч золотых монет лично себе на собственные нужды⁵⁴³. А старику-царю остались Константинополь и македонские области по другой стороне Христополя. Кроме того, как *главный из царей*, Андроник II Старший сохранил право принимать посольства к Римской державе и отправлять собственные. Так завершился первый раунд противостояния внука и деда, далеко не утешительный для Андроника II Старшего⁵⁴⁴.

Обманутым этим результатом посчитал себя и почти всесильный Сиргианн. Он искренне полагал, что станет управлять молодым царем, когда внезапно выяснилось, что монопольное право на это занял Иоанн Кантакузен, которого нельзя было даже назвать фаворитом — он был фигурой *как минимум* не меньшей по степени политического влияния, чем Андроник III. И тут Сиргианн совершил ошибку, стоившую ему карьеры, — он решил опять перебежать на сторону старика-императора, предав Андроника Младшего. Вельможа тайно снесся с Андроником II Старшим и спешно бежал в Константинополь, чем вызвал ответную реакцию со стороны молодого василевса. Посчитав, что, приняв Сиргианна, дед нарушил условия соглашения, «младший» император во главе фракийского войска направился к столице, зорко наблюдая, чтобы его армия не попала в засаду вследствие хитростей Сиргианна. Возле фракийского города Ираклия он остановился, и дальше начались отдельные маневры с обеих сторон, преследовавшие своей целью обмануть врага и застать его врасплох.

Тем временем Андроник II направил своего сына деспота Константина в Фессалию, надеясь собрать армию для защиты столицы, а также захватить Марию, мать Андроника III Младшего. Он должен был выйти в тыл молодому царю, в то время как Сиргианн с наемниками-турками и вифинцами ударит мятежникам в лоб. Первую часть поручения Константин выполнил: он захватил Марию и отправил в Константинополь, где она была посажена в царском дворце под усиленный караул варяжской стражи. Со вторым пунктом задания вышла заминка — Константин собрал войско, но жители Христополя, лежавшего на пути его армии, не пожелали пропустить деспота.

Эта затяжка времени не имела бы никаких последствий, если бы на месте Андроника III был кто-то другой. Но молодой человек решил использовать выпавший ему шанс, а потому, оставив часть своей армии для нейтрализации Сиргианна, с остальным войском спешно направился на Запад, приказав распространить

среди солдат деспота Константина множество копий своих указов о даровании наград, денег и чинов лицам, перешедшим к нему на службу. Вслед за этим агенты «молодого» царя пустили слух, будто бы взбунтовавшиеся константинопольцы убили Андроника II Старшего.

Так прошла зима, наступила весна. Войско деспота Константина пребывало в нерешительности, сам он не знал, что ему делать — идти вперед или благоразумно стоять на месте. Но тут прибыл корабль из столицы с приказом Андроника II, до которого дошли слухи о волнениях среди фессалоникийцев, арестовать зачинщиков и доставить их в Константинополь. Об этом стало известно рядовым жителям, и вспыхнул бунт. Чтобы избежать смерти, деспот Константин помчался в храм, где спешно принял монашеский постриг, и там его схватили мятежники. Деспота привели к племяннику-царю, который, однако, защитил его от толпы, но на следующий день обласканный им бывший деспот был отправлен в темницу крепости Дидимотих, где долгое время пребывал в совершенно жутких условиях содержания. Только по просьбе духовных лиц режим содержания был смягчен⁵⁴⁵.

После этого Андронику II Старшему стало ясно, что участь его предрешена. Он тайно от Сиргианна отправил посольство к внуку с предложением мира; тот, получив послание, немедленно двинулся к столице. Первым делом он освободил мать, а затем встретился с дедом у стен Константинополя. Они обнялись, облобызали друг друга, а затем разошлись, не определив пока никаких взаимных условий и обязательств. «Старшему» царю было ясно, что внук желает единовластия, но пока об этом вслух не говорилось. Андроник III лишь изредка въезжал в столицу, а все остальное время пребывал в своем лагере близ храма Пречистой Богородицы «У источника». Но участь Сиргианна была решена окончательно: его, дважды изменника, Андроник II Старший по обвинению в стремлении захватить царскую власть бросил в темницу — откровенно говоря, едва ли на этот раз правосудие промахнулось, наказав безвинного.

В 1324 г. поступило сообщение о нападении татарской орды на Фракию. Отважный и храбрый, как все Палеологи, Андроник III Младший во главе своей армии выступил против многотысячного врага и под Адрианополем наголову разбил их. Более того, развивая успех, под его руководством византийцы направились к Тунджи и, рассеяв татар, разогнали тех по горам. Константинополь ликовал,

а слава Андроника III засверкала всеми гранями его полководческого таланта⁵⁴⁶.

Наконец, 2 февраля 1325 г. Андроник II и Андроник III Палеологи направились в храм Святой Софии, где должно было состояться торжественное венчание внука на царство. Из храма внук вышел Римским царем **Андроником III Палеологом**, в простонародье именуемым **Младшим**. По дороге конь старика-царя споткнулся, и тот упал в грязь, что всеми было сочтено как плохое предзнаменование. Теперь царей официально стало двое, но их власть формально не была никак разделена — в *конкретных* сложившихся условиях для всех стало ясно, что развязка уже близка.

С этого времени Андроник III Младший начал активную деятельность, пытаясь доделать то, что не успел его дед и прадед, и желая поднять свой авторитет в народе, уже довольно апатичном к происходящим событиям. Это не могло понравиться царственному деду, решившемуся на пагубный для себя путь. В 1326 г. по тайному приказу старика-императора дочь Иоанна Палеолога, зятя Феодора Метохита, отправилась в Сербию, чтобы при помощи короля этого государства обрести автономную власть над Фессалией, которая досталась их семье по наследованию. А заодно подключить его и зятьев Метохита к заговору против младшего Палеолога. Паниперсеваст Иоанн Палеолог уже двинулся с войском к Сересу, грабя все на своем пути, а Андроник II Старший направил ему знаки достоинства кесаря, однако тот вскоре внезапно скончался. Тогда старый император направил деспота Дмитрия Палеолога вместе с Михаилом Асенем и Мономахом в Фессалоники, чтобы с помощью сербов организовать поход на своего царственного внука⁵⁴⁷.

Между тем Андронику Младшему также надоело ждать, пока его царственный дед отдаст Богу душу, — ему не терпелось самостоятельно править Римским государством. Чтобы ослабить союз Андроника II с Сербским королем, очень расположенным к старику, «младший» царь направил посольство к Болгарскому царю *Михаилу III* (1323—1330), женившемуся на сестре Андроника III Феодоре, с предложением заключить дружеский договор. По его условиям Византийский царь обещал помощь болгарину в войне с сербами, а также множество греческих городов в качестве приданого за сестру. Обеспечив себе внешнюю защиту, Андроник III принялся переделывать внутреннее управление подчиненных ему областей под себя. В первую очередь он, очень нуждаясь в средствах, *силой* забирал деньги, собранные во Фракии государствен-

ными чиновниками, для своих нужд. Царь обосновал это тем, что дед задолжал ему по условиям заключенного ранее соглашения и вырученные деньги он потратит на государственные дела.

Активность молодого василевса не укрылась от окружения императора Андроника II, и тот осенью 1327 г. запретил внуку вступать на территорию Константинополя. Попутно Андронику III предъявили претензии по фактам нарушения заключенного соглашения. Вслед за этим старик-царь отправил послание Сербскому королю и племянникам с просьбой взять македонские полки и прийти ему на помощь. В ноябре 1327 г. племянник старшего царя деспот Дмитрий созвал войско, но и Андроник Младший, узнав, что готовится против него, тут же разослал по всей стране указы об отмене многих налогов и податей, быстро снискав симпатии населения⁵⁴⁸.

Все же и царственному внуку не хотелось войны, а потому он решил использовать дипломатическое оружие. Андроник III отправил к деду посольство с предложением впустить его в Константинополь или направить к нему группу избранных сенаторов и архиереев для устранения причин конфликта. Император подумал и избрал второй вариант, направив к внуку двух сенаторов, двух архиереев, двух священников и четырех почетных граждан. У них с Андроником III состоялась пространная беседа, не лишенная для нас любопытства.

«Всякий знает, — сказал молодой царь, — что я вас, своих подданных, люблю больше, чем себя, и что иду против воли моего деда отнюдь не для того, чтобы самому сделаться самодержавным. Вы видите, что я не щажу своей жизни, не ишу неги и покоя, не вожу за собой ни копыеносцев, ни секироносцев, как делают обыкновенно не только цари для охранения своей власти от завистников, но и те, кто пребывает в постоянном страхе за свою жизнь. Я ношу раны на своем теле, полученные в борьбе с врагами римскими. Так вот, когда я вижу, что царь от старости дошел до крайней недейтельности и бесчувственности, так что его нимало не трогают страдания христиан, которых варвары постоянно днем и ночью закалывают, как жертвенных животных, забирают в плен, уводят в рабство, благодаря беспечности царя. Когда я вижу это, то тяжело страдаю, не могу выносить терзающей мое сердце тоски, и вот решил на одно из двух: или умереть и проститься со своей жизнью и своей скорбью, или же по силам помочь Римскому государству. Притом же невозможно, решительно невозможно, чтобы человек, который так долго пользуется властью, не наскучил тем, которые ему повинуются, и не нажил себе недоброжелателей.

Сам Бог положил, чтобы ничто в жизни не оставалось неизменным и постоянным, оттого-то мы и видим, что все земное имеет свое время. А все, что выступает за естественные границы, теряет свое свойство доставлять удовольствие и приятность в естественных границах. Вы видите, что и моего деда, когда он достиг глубокой старости, владея верховной властью столько лет, ненавидят все подданные за то, что он не предпринимает никаких мер к тому, чтобы уничтожить эту ненависть или поддержать Римское государство. И немало не скорбит, видя, как погибают прежде его наследники престола. Так умер мой отец-царь, не получив ничего, что следует царям, кроме одного имени. Так умерли и другие из самых близких кровных его родственников, младших возрастов. Умру, может быть, и я, прежде чем сколько-нибудь воспользуюсь царской властью.

Может быть, некоторые подозревают меня во властолюбии, видя, что я восстаю против деда-царя и не хочу ему повиноваться. Я и не отвергаю этого вполне, но не вполне и признаю. Если бы я видел, что Римское царство возрастает, и наши пределы расширяются, то я охотно сколько угодно хранил бы спокойствие и довольствовался бы такими надеждами. Но когда я вижу, что положение римских дел становится с каждым днем хуже и хуже, и что неприятели только не перед самыми воротами столицы хватают и режут несчастных римлян, — что, вы думаете, я чувствую?»

Сказав это, царь проводил ошеломленное его речью посольство в обратный путь. Они возвратились в Константинополь, но уже *глашатаями достоинств* Андроника III⁵⁴⁹.

Его дед также попытался вернуть себе доброе имя. Вызвав Константинопольского патриарха Исаию и архиереев, Андроник II заявил: «Если бы я знал, что, сняв калиптру, я устраню опасность для подданных, то, будь я лишен наследства Христова, от всей души предпочел бы спокойствие царской власти. Когда за грехи мои, грехи моего народа и моих предков, по Божьему попущению и в наказание нам, поднялась на нас свирепая буря, я, несмотря на то, что был юношей, принял государство, страдавшее и от церковного волнения, и от соседних народов, с Божьей помощью все утишил. Как же я могу верить в нынешнем тяжелом состоянии государство внуку — человеку молодому и неопытному до такой степени, что он не умеет порядочно располагать собой, если он ничего не хочет знать, кроме кормления собак и птиц? Как же я доверю такому человеку свою жизнь или свое царское служение, вверенное мне от Бога? Я вовсе не хочу добровольно сделаться предателем моих

подданных. Мой внук восстал против меня, своего благодетеля и родителя, решившись на такой поступок, какого от века еще не видело солнце. Поэтому и вам следует возревновать против его бесовскости, принять меры против его наглости, прекратить провозглашение его имени по церквам и пригрозить ему отлучением от Бога, чтобы он, смирившись и образумившись, снова сделался наследником моего царства и моей славы»⁵⁵⁰.

Однако эффект этой речи был несопоставимо ниже — патриарх Исаия и многие архиереи вовсе не убедились в необходимости выполнения приказа царя не упоминать имени Андроника III на Литургии. Напротив, они для себя убедились в том, что *в данной* политической игре следует сделать ставку на молодого царя, поэтому царский указ выполнялся только в дворцовых храмах, а в городе все оставалось по-прежнему. Император сделал патриарху выговор за непослушание, но Исаия в ответ колокольным звоном созвал весь народ к храму Святой Софии и объявил анафему всякому, кто перестанет упоминать имя венчанного императора Андроника III Палеолога на Литургии. Известие об этом поразило старого василевса. «Если уж учитель мира так взбесился против нас из видов корысти, обещанной ему нашим внуком, и, потеряв всякий стыд и совесть, не затруднился сделаться предводителем возмутителей, то кто сдержит направленное против нас движение необузданной черни, если только иметь в виду человеческую помощь? *Патриарх, насколько это от него зависело, сделался нашим убийцей*».

Правда, неожиданно для самого Константинопольского архиерея, епископы противоположной партии в ответ отлучили своего предстоятеля от Церкви как виновного в возмущении народа и составлении заговора, сославшись на 18-е правило Халкидонского Собора. Оно гласит: «Соумышление или составление скопища, аки преступление, совершенно воспрещенное и внешними законами: кольми паче должно возбраняти в Церкви Божьей, дабы сего не было. Аще убо некие из клира, или монашествующие окажутся обязующими друг друга клятвой, ли составляющими скопище, или строящими ковы епископам, либо своим сопричетникам: совсем да будут низвержены со своего степени». Епископы решили, что если такие наказания грозят обычным клирикам за выступления против своих архиереев, то, конечно же, «Вселенский патриарх», покусившийся на царскую власть, заслуживает еще большей ответственности. Исаию по приказу царя арестовали и препроводили в Манганский монастырь под стражу. После этого стало ясно, что гражданской войны не избежать⁵⁵¹.

Надо сказать, Андроник II Старший находился в менее выгодной ситуации, чем его внук. Ранее он имел авторитет среди восточного епископата как поборник Православия, но он же упрямал патриарха-зилота в тюрьму. Войска у старого императора не было, а народ откровенно недолюбливал его за промахи и ошибки 40-летнего царствования. В отчаянии Андроник II попытался искать спасения в Риме, обратившись к папе с предложением союза, но было поздно, да и курия не спешила признавать права Андроника II, уже анафематствованного Римской церковью. Напротив, греческое население Фракии и Фессалоник горой стояло за молодого царя, и все рассказывали, как у раки с мощами св. Димитрия Солунского рана на теле Андроника III Младшего от турецкой стрелы затянулась. Горные албанцы и даже царь Эпира поспешили заключить с Андроником III мирные соглашения, а Сербский король стоял на границе, не решаясь переступить ее⁵⁵².

Через 2 дня Андроник III был уже у стен Константинополя, но не решился штурмовать их. Однако ночью союзники из числа константинопольцев доложили ему, что горожане ждут его, чтобы величать как своего самодержавного царя. Не медля, василевс вместе с Иоанном Кантакузеном и несколькими товарищами на небольшом судне обогнул город, надеясь пристать к берегу, но неудачно; осада столицы продолжалась.

Наступил декабрь 1327 г. Андронику III пришли известия из Фессалоник, что горожане желают принять его власть над собой, и молодой царь, не мешкая, отправился туда, оставив у столицы небольшой отряд для видимости осады. В Фессалониках он был радостно встречен горожанами, признавшими его царем. Затем он в течение нескольких дней прошел все македонские города, распахивавшие ему свои ворота. Однако, несмотря на все страхи старика-царя, ситуация для Андроника III оставалась шаткой, поскольку Болгарский царь Михаил III известил Андроника II Старшего, что отказался от соглашения с Андроником III и готов помогать против внука.

Но, очевидно, удача начала клониться в сторону молодого императора. Он разбил войско Андроника II Старшего у Мавропотама, полностью подчинил Македонию и Фракию своей власти и с наступлением весны 1328 г. спешно направился к Константинополю, опасаясь, что болгары могут ему помешать захватить царство. В это время к нему явились два военачальника, в обязанности которых входила охрана городских стен, и пообещали сдать город в обмен на почести и богатые имения. Естественно, Андроник III дал обеща-

ние и тут же предоставил гарантии своему слову. В полночь 24 мая 1328 г. эти два предателя, имена которых Камарис и Каstellан, напоили вином стражу, а солдаты Андроника III по лестницам овладели воротами св. Романа и вошли в город. Проснувшись, Андроник II попытался организовать сопротивление — и, действительно, шансы для этого были. Но его остановил Феодор Метохит, убедивший старика, что волнения того — напрасны⁵⁵³.

Поняв, что его оставили самые доверенные люди, старый император прилег во всем одеянии на свою кровать, чтобы в одиночестве предаться скорби. Вскоре он услышал шум железа о доспехи и топот солдат, врывающихся во дворец, а также громкие приветствия молодому царю, раздававшиеся отовсюду. В страхе седой император пал перед иконой Богородицы «Одигитрие», умоляя Владычицу мира сохранить ему жизнь, и его молитва была услышана.

Одержав быструю и бескровную победу, Андроник III решительно пресек мысли некоторых своих военачальников умертвить старого царя: «Не мы, а Бог даровал нам эти трофеи. Воля Божья движет всем, и Он даровал нам победы и трофеи лишь для того, чтобы мы послужили для Него орудием наказания, определенного Им с целью вразумления». В это время кто-то вошел в комнату, где находился победитель, и передал слова Андроника II Старшего, который просил внука в память о тех благодеяниях, которыми он некогда одарил его, оставить старику жизнь. «Уважь мою жалкую старость, которая обещает мне скорую смерть, а тебе — успокоение от долговременных беспокойств. Уважь эти руки, которые некогда обнимали тебя, когда ты был еще в пеленках. Сжался над тростью, которую преломила судьба. Помни, что ты — человек, и не полагайся на сегодняшнее счастье. Подивись, как одна эта ночь из меня, царя, царствовавшего многие годы, сделала подданного».

Растроганный этими словами, Андроник III вошел в комнату деда, поклонился иконе Богородицы «Одигитрие», обнял старика и, пообещав тому полную безопасность, отвел в Манганский монастырь. Напротив, недавний узник патриарх Исаия был освобожден. Вслед за этим император вместе с патриархом во главе пышной и шумной процессии с флейтистками и пьяными солдатами — не самое лучшее место для «Вселенского патриарха», — двинулся по улицам города, чтобы... остановить грабеж столицы со стороны своих воинов.

Положение низвергнутого и несчастного Андроника II Палеолога не оставалось неизменным. Первоначально по требованию нового самодержавного императора тому оставили знаки царской

власти и положили богатое содержание в размере 10 тысяч золотых монет. Но уже в день взятия Константинополя, вечером 24 мая 1328 г., бывший патриарх Нифонт, встретив самодержавного Андроника III, советовал тому отправить деда в тюрьму или ссылку. Затем к нему присоединился патриарх Исаия, радостно восклицавший слова 57-го Псалма: «Возвеселится праведник, когда увидит отмщение», имея под праведником себя, а под отмщением, конечно, старика-василевса⁵⁵⁴.

Ослепнув от старости и горя, Андроник II Палеолог принял монашеский постриг под именем *Антоний*, а под давлением патриарха Исаии отказался от всяких притязаний на царскую власть. Архиерей, вновь взошедший на столичный престол, *отравлял* Андронику II Палеологу последние дни, то угрожая смертью, то составляя такую унижительную формулу величания бывшего царя, что ее не осмелились привести и современники. Столичный архиерей донимал Андроника III Младшего требованиями ужесточить содержание деда и кое в чем преуспел. По крайней мере под конец жизни монах Антоний безнадежно пытался достать в зимнее время шубу, чтобы согреть свое старое тело. Воду ему запретили употреблять врачи, а духовник по приказу патриарха воспретил бывшему василевсу употребление вина; пришлось перейти на египетский щербет, который стоил больших денег. Как говорят, бывший царь не без труда добывал 3—4 золотые монеты, чтобы обеспечить свой рацион питания. Но когда его бывший слуга оказался в затруднительном положении, Андроник II Палеолог тут же отдал ему свои последние средства⁵⁵⁵.

13 февраля 1332 г. Андроник II Палеолог скончался на 72-м году жизни. Ровно через месяц, 13 марта 1332 г., в монастыре Хора умер его друг и товарищ Феодор Метохит⁵⁵⁶. Похоронили Андроника II Палеолога в монастыре Лива, который восстановила его мать царица Феодора.

Андроник II Палеолог ушел, и его уход ознаменовал собой начало новой, *увядающей* эпохи — последней в истории Византийской империи. Западную экспансию удалось локализовать Балканами и областями Греции, но уже встал у границ страшный враг, через столетие похоронивший великую Римскую империю, — турки-османы. Не только Андронику II, но и его преемникам по власти останется только бессильно взирать на то, как одни за другими будут отходить цветущие области Малой Азии, навсегда потерянные для христианской государственности.

Личность и плоды 46-летнего царствования Андроника II Палеолога оцениваются не очень высоко, и, возможно, безосновательно. Легко сказать, как это нередко бывает, что византийцы «привыкли» к Палеологам, а потому василевс царствовал долго и относительно спокойно. Едва ли только «привычкой» можно объяснить его многолетнее правление в очень беспокойные дни, где внутренние опасности зачастую превосходили внешние. При всех просчетах и ошибках императора народ чувствовал в нем своего защитника, главу, настоящего Божьего избранника, тихо и незаметно несущего крест власти. А потому и многое прощал василевсу.

Высокий и красивый, царственной наружности, соединенной со скромностью, величественный и добрый, но умевший внушать страх своим видом, Андроник II Старший был рожден для императорства. Кроткий и любезный, веселый и убедительный в разговорах, где его благозвучный голос поражал собеседников, он был почти всеобщим любимцем⁵⁵⁷.

В другое время и при иных обстоятельствах Андроник II мог смело претендовать на место в «золотой десятке» Римских царей; но ему выпала тяжелая судьба. Император исполнял свой долг в период невиданной *«феодальной революции»*, со слабыми проявлениями которой приходилось бороться еще его предшественникам. Даже такие *титанические* характеры, как Алексей I, Иоанн II, Мануил I Комнины, василевсы династии Ласкаридов и Михаил VIII Палеолог далеко не всегда имели успех в борьбе, развернувшейся вблизи их трона. Конечно, Андроник II отличался от них — он был мягким и кротким человеком, богобоязненным, благочестивым и неконфликтным по натуре. Василевс очень не любил проливать кровь, и его царствование было едва ли не самым «либеральным» за последнее столетие. Этот *«тихий»* царь сумел восстановить спокойствие и мир в Церкви, не прибегая к репрессиям и не давая повода упрекнуть себя в «цезаропапизме».

Как и любой «средний» правитель, не отмеченный *яркой* искрой Божьего таланта, Андроник II совершал ошибки, например —пустил флот и пренебрег национальной армией. Не все получалось у него и с финансами. Вынужденно пойдя на союз с генуэзцами, император почти обессилил византийскую промышленность и торговлю. Но сколько подобных сцен видела история во все времена и народы! Кроме того, Андроник II начинал свое царствование не с «белого листа» — зачастую он был вынужден продолжать политику, истоки которой зародились при предыдущих Римских царях, также далеко не безошибочных в своих действиях.

Однако нельзя забывать и о его замечательных достижениях. Талантливый дипломат, он сумел нейтрализовать угрозы Валуа, сведя на нет французскую экспансию. Встретившись с сербскими попытками подмять под себя Византийскую империю, довел дело до того, что Стефан II Урош, удовольствовавшись родством с царственным домом, считал для себя за честь помогать императору. При нем татары, в те времена терзавшие Русь и Европу, оставались добрыми союзниками Римской империи. Несмотря на отказ от Лионской унии, при Андронике II Палеологе практически не слышно о каких-либо активных действиях Римских епископов — традиционных организаторов военных кампаний против Византии. И хотя тому способствовали другие обстоятельства, но заслуги в умиротворении отношений с *опасной* для независимости Византии Римской курией нельзя недооценивать.

В конце концов Андроник II лишился власти и претерпел скорби под конец жизни не за измену национальным интересам, а именно за попытку сохранить централизацию власти, обеспечить правопорядок и уникальную политическую систему византийского общества. Даже когда встал вопрос о выборе между интересами членов его семьи и Римского государства, Андроник II несколько не колебался. *Хранитель древних Римско-христианских традиций*, он пал от рук аристократии, стремившейся жить по западным лекалам. Современник писал по поводу смерти Андроника II Палеолога: «Солнце земли, куда ты скрылось, оставив нас умирать от холода бедствий? Душа римлян, куда ты улетела?..»⁵⁵⁸



Приложение № 14

«Культ императора в поздней Византии и преемственность царской власти»

I. Культ императора

Прошло тысячелетие после того, как святой и равноапостольный Константин I Великий привел Римскую империю в Церковь. Многое, очень многое изменилось с тех пор в мире. Римская империя стала совсем иной по рисунку границ, а территория Константинопольского патриархата многократно превысила территорию Византийского государства. Но мы вновь слышим те же славословия в адрес царской власти, какие слетали с уст Отцов Вселенских Соборов. При развивающемся «восточном папизме» и новых эллинистических тенденциях в высшем обществе, расколотой на части Кафолической Церкви, в условиях, когда само существование Византии висело на волоске, казна была пуста, и василевс вынужден прибегать к помощи турок-мусульман, чтобы защитить рубежи Империи, императорское достоинство ничуть не пострадало в глазах византийцев. Царская власть по-прежнему находит замечательных идеологов, способных разглядеть в ее существе многоцветные грани Божьего промысла. Одним из них по праву считается св. Григорий Палама.

В молитве о царях, которую он по традиции должен был произнести после епископской хиротонии в качестве своего рода присяги на верность василевсу, выражается христоцентрическое мировоззрение святого подвижника. Христос — «Царь царствующих», Им «цари царствуют». Он — «единственный подобающий нам архиерей и царь, будучи воистину единственным пастырем и епископом телес и душ наших». И священство, и царство происходят от Христа, и носители этих служений симметрически подчиняются Христу. Но, тем не менее, тут возникает своего рода «асимметрия», связанная с царственным положением императора в Церкви. В своей молитве он, обращаясь к Христу, говорит: «Ты судил им царствовать над жребием Твоим и над земной Церковью Твоею». Эти мысли созвучны с идеями св. Симеона, другого

Фессалоникийского архиепископа, но там они выражены менее определенно: «Ты судил им (царям) начальствовать над святым Твоим народом и над царственным священством».

Святой Симеон не указывает конкретно никаких церковных полномочий царей, а св. Григорий Палама прямо говорит: «Ты поставил их защитниками Церкви, покровителями Твоего наследия, хранителями нашей веры в Тебя». По мнению специалистов, между Царством Небесным и христианским царством римлян, как их понимает и описывает Палама, есть соотношение первообраза и иконы: «Яви наших царей, изображающими, насколько это возможно, Твое вечное Царство». Итак, царь подобен иконе, через которую можно разглядеть другой, Божественный мир. Следовательно, сан его *священен*, и он столь же промыслительно дан Богом человечеству, как и те святые, наши спасители и молитвенники, которые изображены на «традиционных» иконах⁵⁵⁹.

К слову сказать, аналогия иконописного изображения святых с портретами царей известна и применялась в Церкви задолго до св. Григория Паламы. Как говорилось на 7-м Вселенском Соборе 787 г., «если царским портретам и изображениям, отправляемым в города и села, выходит в сретение народ со свечами и кадильницами, оказывая почтение не изображению на облитой воском доске, но императору; то насколько более следует в Церквах Христа Бога нашего изображать икону Спасителя нашего Бога, и непорочной Марии, и всех святых». Аналогия здесь имеет силу доказательства: царь есть образ Божий в особом, широком смысле, чем какой-либо человек. Цари соцарствуют Христу, Который есть Глава Церкви. А потому цари стоят во главе христианского человечества, и в этом смысл их служения»⁵⁶⁰.

Палама утверждал, что правда Христова вошла в историю, когда к власти пришел св. Константин Великий, «царствовавший воистину боголюбезно». Но тьма готова поглотить христианское царство. Святой Григорий видит опасности, ему угрожающие, вполне реалистически. Это прежде всего гражданские войны, бушевавшие в Византии на протяжении почти всей второй половины XIV века. Последствия, как мы помним, были ужасны: они не только подорвали Римскую империю, но и резко ослабили институт царской власти. А при слабой царской власти Империя не устоит перед тьмой, а само христианское общество скатывается к языческим временам.

Поэтому вполне обоснованно св. Григорий Палама изображает гражданские войны не как политические события, не имеющие

никакого отношения к сокровенной духовной жизни христиан, но, напротив, как *катастрофу Церкви*. «Мы вновь отвергли заповеди Твои, — говорит он, — не желая знать друг друга, и стали как *в начале*, когда Ты еще не собрал нас в единого Бога, единую веру, единое крещение, единое общение неизреченное и единящее, и больше не несем в себе образ Твой, Отца любви».

Спасение от этого — только в сильном христианском царе. «Сподоби их в мире и единомыслии прочее время пожить, оказывая делом и словом должное и подобающее повиновение и преданность божественнейшим нашим царям, которым Ты судил царствовать на земле, священной Церкви Твоей, и нам, единственно благодатью Твоею поставленным во главе Ее, чтобы и царствующие и царствуемые (управляемые царями), пастыри и пасомые, взирая к единому — к Твоей святой воле, и Тобою руководимые, и ныне обрели благуя жизнь, и будущего блаженства достигли»⁵⁶¹.

Эта мысль чудесно перекликается со стихами 2-го Послания Фессалоникийцам святого апостола Павла, где говорится о том, что «тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды *удерживающий* теперь» (2 Фес. 2, 7). И как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, многие богословы в течение двух минувших тысячелетий понимали под «удерживающим» христианскую империю и, еще более конкретно, *православного царя*⁵⁶².

Представим себе: Римской империи уже фактически нет, государство вот-вот падет под натиском османов. Но для духовного видения современников эти внешние материальные события ничего не значат. Пока существует православный царь, тьма не поглотит свет, освещающий Вселенную. Это — один из лейтмотивов «Плача о Константинополе» — поэме, написанной после падения великого города в 1453 г.:

Ты был светилом в небе, Царьград благословенный,
Звездой светлой утренней, что мир весь освещала,
Лучистый свет дарующей всем странам во Вселенной:
На западе Италии, империи германцев,
А также Антиохии, известной на Востоке.
Служили одному Тебе четыре патриарха,
Но только царь ромеев всех, но был Ты царь над всеми,
Над всей землей Ты властвовал, единый император⁵⁶³.

Можно полагать, что в тексте Константинополь сравнивают по статусу с Римским царем. А можно толковать так, что речь в данной

песне идет о *конкретном царе*, и Константинополь уравнивается с ним по величию как «город императоров», живой символ Православия. Впрочем, при любом толковании этого песнопения высочайший статус Римского императора бесспорен.

Об императоре говорили (в частности, о св. Иоанне III Дуке Ватаце): «самая надежная твердыня ромеев», «мировой столп», «светлое и славное солнце». «От него исходили приносящие радость лучи, освещавшие все земли ромеев, от которых мужество врагов покрылось пеплом». При этом отмечается высокое сознание и дух царя: «Он, получив в удел царство, полагал, что императорский титул для верно рассуждавших не является сам по себе предметом роскоши, и не есть повод для обогащения, и не побуждение к лени, но основа для больших сражений и для разумных трудов, битв и сопутствующих им наград, которые Бог дает тем, кто неутомимо сражается за праведные дела»⁵⁶⁴.

В сознании византийцев императорская власть священна не потому, что царь совершает в храме Таинства — такое право ему как раз и не предоставлено Богом. После воцарения василевс становится отрешенным, отделенным от всех, выше всех страстей и личных интересов для Бога и во имя Правды. Верно замечают, что слово *священный* в первоначальном своем смысле значит: *отделенный, обреченный на службу Богу*. И, следовательно, власть *не для себя* существует, но ради Бога, и есть *служение*⁵⁶⁵. Поэтому и миссия Римского царя является *священной*.

Эта устойчивая древняя тенденция, сохранявшая свою монополию вне зависимости от внешних и внутренних факторов политической и религиозной жизни, тем более может показаться удивительной, что, как известно, период династии Ласкаридов и начала правления Палеологов Римскую империю захлестнули западные идеи.

Но чем более «феодальными», если можно так выразиться, становились политические понятия византийского *высшего общества*, тем, к удивлению, все более многогранно раскрывался идеал православного Римского царя, закрепившийся в народном сознании. Если можно привести без ущерба для «научности» изложения известную аналогию, то, на наш взгляд, она выглядит следующим образом. Любой дар, промыслительно данный нам Богом, раскрывается настолько, насколько верующий взгляд и благочестивое сердце способны узреть Божью мудрость и красоту Его творения. Благодать Божья безгранично разливается по миру, но сподобиться ей могут далеко не все — если человек уходит в пещеру,

солнечного света ему не видать. То же самое обстоит и с феноменом христианской самодержавной власти. Чтобы общество узрело в царской власти Благодать Божью, необходима особая *зрелость* — и духовная, и политическая. Именно этими качествами обладало византийское сознание, не утратив его и под конец существования Римской империи. Кто-то увидит в царской власти только тиранию, другой — способ правления, не обращая внимания на красоту этого религиозно-политического феномена. И лишь взгляд действительно религиозный, христианский, *византийский*, способен понять все великолепие царского сана, его красоту и совершенство, священный характер императорского служения.

Для Византии совершенно привычны и даже обязательны следующие формулы, когда они говорят о царях: «Око городов», «Глава Вселенной», «Великий светильник царства», «Основание государственного благоустройства». Он имеет «благозвучные и методочивые уста, служившие органом всевозможной мудрости». Царь — «слава Вселенной», «опора и оплот государства, честь и слава священства, блистательный светильник Церкви». «Царь дает устойчивость Церкви, является для ее догматов непоколебимой башней», «Правило благочестия, доброй нравственности и краса людей»⁵⁶⁶.

Хрестоматийно звучат слова Константинопольского патриарха *Антония IV* (1389—1390) в письме к Великому князю Московскому *Василию Дмитриевичу* (1389—1425). Последний распорядился не поминать имя Византийского самодержца в ходе церковной службы, и патриарх обращается к нему с увещательными словами.

«Ты говоришь, — пишет он князю, — мы имеем Церковь, а царя не имеем и не помышляем. Это не хорошо. Святой царь большое место имеет в Церкви. Он не то, что другие князи и местные властители, ибо изначала цари утвердили и определили благочестие по всей вселенной, и Вселенские Соборы цари собрали, и то, что относится к правым догматам и к христианскому жителству, что говорят божественные и священные каноны, они утвердили и законоположили любить и почитать, и много подвизались против ересей, и первоседания архиереев и разделение их округов и границы епархий начертали царские указы с соборами, почему они имеют великую честь и место в Церкви. И хотя, по попущению Божию, язычники окружили область и землю царя, но и донныне такую же хиротонию имеет царь от Церкви и такой же чин и такие же молитвы, и великим помазуется мирром и хиротонисуется царем и самодержцем Римлян, то есть *всех христиан*, и на всяком месте

и всеми патриархами и митрополитами и епископами поминается имя царя, где только именуются христиане, чего никак не имеет никто из прочих правителей или местона начальников, и такую имеет в сравнении со всеми власть, что сами латиняне, не имеющие никакого общения с нашей Церковью, тоже воздают ему такое же повиновение, что и в древние дни, когда они были едины с нами. Много больше христиане православные должны ему этим. Невозможно христианам иметь Церковь, а царя не иметь. Ибо царство и Церковь имеет многое единство и общность, и невозможно взаиморазделение. Оных только царей отвергают христиане — еретиков, неистовствовавших против Церкви и вводящих извращенные догматы, чуждые учения Апостольского и отеческого. Державнейший же и святой мой самодержец, благодатью Божьей, есть православнейший и благовернейший и заступник Церкви и дефенсор и защитник, и невозможно, чтобы был архиерей, не поминающий его. Услышь и верховного апостола Петра, говорящего в первом из соборных посланий: «Бога бойтесь, царя чтите» (2, 17). Он не сказал: «царей», чтобы кто не подумал, что говорится о так называемых царях отдельных народов, но «царя», указывая, что есть *всеобщий царь*»⁵⁶⁷.

В разгар подготовки Лионской унии 1274 г., когда кровь мучеников-ортодоксов лилась по приказу императора Михаила Палеолога, Святые Отцы Афонской горы направили царю развернутое послание, в котором объясняли ошибочность *Filioque*, опресноков, субботного поста и иных латинских новшеств. Прекрасно зная роль императора в деле поставления унии, сколь суровы приговоры царского суда в отношении лиц, не принявших ее, они, тем не менее, пишут следующее. «Державнейший, боговенчаный, боговозвеличенный святой наш Владыка, к твоему державному и святому царствованию наш Бог невидимый вложил во все наши сердца духовное и огненное стремление... О тебе благодарственные возгласения Богу всецело каждый из нас и все мы единодушно воссылаем. Ибо Бог, украсив тебя императорской властью, прежде всего увенчал тебя светлым, как день, богосплетенным венцом православной веры. Ибо знает Господь людей своих и “кого предузнал”, по слову великого апостола, того и счел справедливым избрать. И его Бог превознес на великую высоту славы и владычества и показал царем на земле, царствующего по высшей воле благоубедительно, то есть всеблагочестиво и боголюбознейше... По милости твоей, кроткий, как Давид, и хриstopодражательный царь, окажи нам милость, даруй малое, преклони царственный и боже-

ственный слух к бедным монахам, которые поистине любят от всей души твое святое царствование»⁵⁶⁸. «Послушай, царь святой, ибо ты радуешься, слыша, и судишь судами прямыми и справедливыми, руководствуясь божественными установлениями. Честь царя любит суд, и особенно царя во всем благочестивого». Царь именуется не иначе как: «Царь святой, богонаставляемый самодержец и во всем христожеланный и христоролюбивейший»⁵⁶⁹.

Жители Адрианополя так писали Алексею Апокавку в 1341 г. по поводу его противостояния императору Иоанну VI Кантакузему: «И ты, не будучи в состоянии перенести превосходство, подобно сатане, начал войну против занимающего *второе место после Бога*; возмущая подданных, как и он, ты говорил, что заботишься о них, тогда как на самом деле губил их».

Церковь прекрасно понимала, что именно благодаря решительным действиям и покровительству Римских царей искореняются ереси и сохраняется истинное вероучение. На Константинопольском Соборе 1351 г., поставившем точку в исихастских спорах, принято определение, в котором особо поминается император Андроник III Палеолог, за 10 лет до этого события положивший основание победы Афонских монахов над Варлаамом. Там говорится: «Приснопамятному и блаженному царю нашему Андронику Палеологу, собравшему первый Собор против Варлаама, благородно председательствовавшему Церкви Христовой и оному священному Собору, делами и словами и удивительными изустными речами утвердившему Евангельские и Апостольские учения, вышеназванного Варлаама уничтожившему и отвергнувшему в самих ересь, писаниях и пустословии против нашей правой веры, как блаженно переменившему свою жизнь в сих священных подвигах и о благочестии доблестях и перешедшему к лучшему и блаженному оному упокоению, — вечная память, вечная память, вечная память»⁵⁷⁰.

Как любая *святыня*, фигура царя требует соответствующего внешнего обрамления, почитания и благоговения. Не случайно, например, царские чертоги не могли, по мнению современников, быть открытыми свободному доступу, чтобы не сделаться предметом кощунства⁵⁷¹.

Когда однажды Константинопольский патриарх Иосиф, уже оставивший престол и ожидавший смерти, написал царю Михаилу VIII Палеологу послание, в котором пропустил величание императора «святой» — термин, *веками* входящий в состав царской титулатуры, это вызвало бурную негативную реакцию. «Не считает ли меня Иосиф недостойным святости?» — вопрошал василевс.

Иными словами, не считает ли экспатриарх, что в силу каких-то обстоятельств данный император перестал соответствовать своему статусу? Не только царь, но и все остальные патриархи обратились к Иосифу за разъяснениями, и Иосиф долго объяснялся, что произошла ошибка переписчика-монаха, и в качестве доказательства продемонстрировал черновик письма к императору, где присутствовал титул «святой» при обращении к царственной особе⁵⁷².

Константинопольский Собор 1368 г., изучивший дело Прохора Кидониса, лишил его священнического сана и анафематствовал. Как указывают исследователи, брат Прохора Дмитрий Кидонис, месадзон императора, не разделил его судьбу только потому, что *это могло скомпрометировать императора Иоанна V Палеолога*⁵⁷³. Кстати сказать, к тому времени уже перешедшего в католичество. Интересно, что в период исихастских споров друга св. Григория Паламы, будущего Константинопольского патриарха Исидора низложили из епископов в 1344 г. по той причине, что якобы тот «не питал *истинного доброжелательства* к императорскому величеству и был приверженцем отступника и тирана».

Нет ничего невозможного для царя, и эта истина распространялась как на политическую, так и на религиозную сферу жизни Римской империи позднего образца. Как само собой разумеющееся, император Андроник II Палеолог говорил, обращаясь к согражданам, что некогда императоры *предоставили Церкви* известные права, а взамен Церковь закрепила за Римскими царями право назначать по своему усмотрению патриархов⁵⁷⁴.

Еще в XI веке византийский историк давал следующее определение Вселенского Собора: «Соборы называются Вселенскими потому, что на них императорскими повелениями приглашались епископы всей Римской империи, и на каждом из них было обсуждение веры и голосование, то есть провозглашались догматические формулировки»⁵⁷⁵. Но и в XV веке в греческих церковных кругах с искренним убеждением признавались особые полномочия императора в отношении Церкви, одним из которых было право назначать место проведения Вселенского Собора и председательствовать на нем⁵⁷⁶.

А император Андроник II Старший, без всякого сомнения, принял к своему рассмотрению вопрос о времени празднования Пасхи и внес бы необходимые исправления, в которых его убеждали ученые, если бы не тяжелое внутреннее положение государства, — он боялся негативной реакции своих подданных. Но и его несколько не смущал сам факт обращения императора к вопросам церковной

догматики и каноники. Равно, как и его окружающих⁵⁷⁷. Считая для себя недопустимым отказ от участия в рассмотрении церковных дел, император св. Мануил II Палеолог настаивал в 1396 г. на том, чтобы в состав патриаршего синода в обязательном порядке входили представители василевса при рассмотрении судебных дел⁵⁷⁸. И его требование было, конечно, удовлетворено.

XIII, XIV и XV века прошли под знаменем унии, активно продвигаемой почти всеми без исключения Византийскими императорами. Но при всем негативном отношении византийского общества к вопросу воссоединения с Римской церковью, авторитет василевса никак не пострадал. Соборы анафематствовали униатов, но не касались фигуры императора. Унии и ереси осуждались, но никто не посмел затронуть роль царя в этом вопросе, как будто его вообще не существовало. История Византии начиналась с культа православных царей, так же она и заканчивалась.

II. Престолонаследие и преемственность царской власти

От возможного (и, конечно, совершенно необоснованного) упрека в *обожествлении* царя в Византии, словно по заказу, сами собой сформировались и просуществовали до конца ее дней две устойчивые традиции, позволившие сохранить высочайшее значение императорского служения, но в то же время четко разделить идеал и образ от конкретного человека, его носителя.

В частности, именно в Византии считалось нормальным, когда императорами признавались одновременно *двое и более лиц*, что в условиях христианского монотеизма кардинально препятствовало обожествлению конкретного царя. В этой специфической форме монархического правления нет ничего удивительного или искусственного. По устойчивой идеологической доктрине, сложившейся в Византии, царь являлся преемником Христа на земле, Его образом, столпом и основанием Империи, если перефразировать известный Евангельский стих. А потому каждый носитель царской власти должен был соответствовать своему высокому предназначению. Когда конкретный самодержец не мог по различным причинам (объективным и субъективным) быть *настоящим* царем, т.е. исполнять то служение, для которого Господь его призвал, в дело вступал другой человек, подкрепляющий сотоварища. Оба лица — император и соимператор совокупно олицетворяли царскую власть и совместно управляли государством, как один высший

орган управления. Распределение между ними полномочий и объемом их зависел, опять же, от конкретных лиц и условий, а потому никогда не определялся заранее. Тем более письменно.

В некоторых случаях, во избежание внутренних неурядиц, Римская империя допускала наличие на троне почти неограниченного числа царей. Интересный пример — краткий период примирения императрицы Анны Савойской и Иоанна VI Кантакузена. Тогда на престоле оказалось сразу 5 царей: Анна Савойская, Иоанн VI Кантакузен и его супруга-царица Ирина, Иоанн V Палеолог и его жена императрица Елена Кантакузен. Затем к ним присоединится Матфей, сын Кантакузена, венчанный Константинопольским патриархом на царство, но реально так и не приступивший к царскому служению.

«Многоцарствие», как форма *единоличного* императорского служения, применялось также в тех случаях, когда необходимо было обеспечить нормальную преемственность царской власти. Действующий император при своей жизни венчал как соимператора сына или внука, дочь или вообще постороннего человека. И те после совершения таинства венчания и коронации становились легитимными Римскими василевсами, естественным образом входя во власть после смерти «старшего» императора. Случалось, что это событие носило опережающий характер. В частности, из опасения захвата царской власти каким-либо дерзким узурпатором. При этом набор признаков, определявших легитимность нового монарха и правомерность его венчания, был чрезвычайно широк и разнообразен.

Нет, конечно, передача престола по наследству в народном правосознании и в политической культуре Римской империи считалась наиболее правильной. И само понятие «легитимность власти» связывали, как правило, с родством. Например, при противостоянии Константина V Исавра и Артавазда азиатские фемы выступили за *законного императора*, сына и наследника Льва III Исавра, хотя на стороне узурпатора была столица и Римский епископ. Еще более характерно следы этого неписаного права проявляются при Македонской династии. Да и сами монархи говорили о преемстве по кровной линии, как о наиболее естественном и легитимном способе занятия императорского престола⁵⁷⁹. Но и родство могло трактоваться по-разному, а могло и вообще не учитываться.

Хрестоматийный пример косвенного династического родства — Андроник I и юный Алексей II Комнины, когда государство во имя «общего блага» согласилось признать дядю царственного

юноши полноправным императором. Однако Михаил VIII Палеолог, ставший соправителем юного Иоанна IV Ласкариса, был выдвинут обществом как лицо, наиболее отвечающее по своим личным качествам задачам современности. Он приходился лишь дальним родственником правящей династии Ласкаридов, но при его воцарении доминировали другие мотивы. А Иоанн VI Кантакузен вообще не являлся родственником царя Андроника III Палеолога, но именно он по «*праву духовного родства*» с покойным василевсом считался вполне легитимным преемником его власти. При условии, конечно, сохранения права на царство юного Иоанна V Палеолога.

По устоявшейся в византийском правосознании парадигме легитимность могла быть дарована только конкретной личности. Никакое обстоятельство не оправдывает вручение этого высшего дара конкретной семье. Мотив совершенно понятен: в силу старых республиканских убеждений, сохранившихся вплоть до последних лет существования Византии, власть обреталась в силу делегирования ее Богом и римским народом. Кроме того, она существует в государстве и для государства. Семейная преемственность власти от отца к сыну была легко принята на Западе, где семейные владения становятся самостоятельными государствами. В Византии, где раздробленность никогда не принимала таких жестких форм, подобный способ преемственности власти не находил широкой поддержки. Римская империя существовала как бы независимо от императора. И династия, по одному остроумному суждению, никогда не была в Византии чем-то большим, чем случайным следствием личной судьбы, «родовым продолжением персональной удачи»⁵⁸⁰.

Правда, нередко отсутствие четкого закона о престолонаследии создавало многие трудности, и Михаилу VIII, Андронику II, Иоанну V, св. Мануилу II и Иоанну VIII Палеологам пришлось предпринять серьезные усилия, чтобы обеспечить преемственность трона тому лицу, на которого пал их выбор. Однако в подавляющем большинстве случаев столь удивительная практика оказывалась *спасительной* для Византии.

Как видим, семейные связи могли указать на богоизбранного, предназначенного Провидением человека, каковым являлся царь в глазах византийцев. Однако Божественный выбор мог проявиться и по-другому, например посредством того, что сегодня нами квалифицировалось бы как узурпация. Эти две юридически несовместимые точки зрения — законного династического престолонаследия

и «провиденциальной узурпации», — в Византийской империи всегда сосуществовали. Наряду с этим следует учесть другой феномен византийского политического сознания — удивительное несоответствие высокой идеи Византийского царя и политической практики, при которой жизнь василевса подчас *не стоила ничего*. Царей убивают, казнят, свергают с трона, ослепляют. Это противоречие можно объяснить тем, что, чем выше образ, тем большие требования предъявляются к его носителю. А, разочаровавшись, византийцы довольно легко и нередко безжалостно отклоняли «ошибочную» фигуру, надеясь в следующем претенденте встретить «действительного» царя.

Итак, подытожим: идея царской власти допускала «многоцарствие», передача власти по наследственной линии (причем наследниками престола могли быть и женщины) шла рука об руку с «легитимным узурпаторством», а правоспособность императора и само его существование почти всегда зависели от того, насколько он православен и в какой степени соответствует идеалу Римского императора, который возвышался над ним и закреплён в народном сознании. В свою очередь эта удивительная по своей органичности идея царского служения постоянно варьировалась в зависимости от конкретных обстоятельств и допускала невообразимое количество форм, интерпретаций и правовых обоснований. И никогда не закреплялась письменно, всякий раз оставляя место для *правового творчества* и освященного древностью обычая.

Приведем некоторые характерные примеры из более ранних времен. После смерти императора св. Феодосия II Младшего его старшая сестра св. Пульхерия, тогда уже единоличная правительница, избрала своим супругом св. Маркиана, который и был венчан на царство⁵⁸¹. Император Зенон, бывший мужем св. Ариадны, дочери императора св. Льва I Старшего, не оставившего наследника по мужской линии, получил власть от сына Льва II Младшего, которого дед поставил царем⁵⁸². После венчания на царство Лев II Младший, т.е. *несовершеннолетний сын* (!), объявил отца соправителем, и после его смерти Зенон остался единственным легитимным императором⁵⁸³. Примечательно, что царица св. Ариадна получила статус августы (императрицы) не по отцовой линии, а по мужу, как жена императора Зенона. И после его смерти, как законная императрица, она привела к трону своего нового супруга, оставшегося в истории под именем императора Анастасия I⁵⁸⁴. Понятно, тем не менее, что его избрание стало возможным только при условии последующего бракосочетания с августой, чем и обеспечивалось

преемство власти. С другой стороны, сам по себе факт женитьбы императрицы на Анастасии еще не означал со всей определенностью безусловного признания за ним права на императорский титул. Необходимо было именно *сочетание* двух указанных форм для того, чтобы Византия признала Анастасия легитимным императором.

В истории без труда отыщутся и многие примеры, подтверждающие тот факт, что византийцам вовсе не были чужды понятия наследственности власти. Однако наличие наследников не мешало при необходимости предоставлять трон *иным лицам*, соблюдая при этом династические права юных царевичей и царевен. Достаточно напомнить, что сохранили свои права на престол представители Македонской династии — младенцы Василий II Болгаробойца и Константин VIII во времена царствования «взрослых» императоров св. Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия. А также Иоанн V Палеолог во время правления императора Иоанна VI Кантакузена, который во время венчания заявил, что через 10 лет добровольно сложит с себя царский сан.

Другой пример приводит современник императора Алексея I Комнина, его родственник и государственный деятель Никифор Вриенний. Когда императорский трон захватил Никифор III Вотаниат, Алексей Комнин, посчитав, что нарушены законные права наследника — Константина Порфирородного, брата свергнутого царя Михаила VII Дуки Параспинака, предложил Никифору признать Константина соправителем, а по достижении совершеннолетнего возраста передать тому единоличную власть⁵⁸⁵. И хотя Вотаниат отказался следовать этому совету, предложение Комнина ни в чем не противоречило устоявшимся традициям. Примечательно, что во всех приведенных примерах речь шла о *временном*, т.е. до достижения наследником совершеннолетия, замещении трона.

Юный отрок Иоанн IV Ласкарис признавался наследным принцем при уже коронованном императоре, что и подвигло Михаила VIII Палеолога на ослепление ребенка. По крайней мере историк совершенно недвусмысленно говорит о реальных причинах этого зверского поступка со стороны царя⁵⁸⁶.

Но, пожалуй, наиболее неожиданно и разносторонне вопрос о легитимности власти тех или иных императоров проявился при дочерях Константина VIII — порфирородных Зои и Феодоры. Напомним, что через права порфирородной Зои Римскими императорами один за другими становились Роман III Аргир, Михаил IV Пафлагон, Михаил V Калафат, Константин IX Мономах. Затем,

после смерти сестры, императорскую корону приняла Феодора, передавшая ее своему номинальному мужу Михаилу VI Стратигу. Справедливо полагают, что воля Зои меньше всего значила в этих обстоятельствах, и она понимала необходимость покоряться событиям⁵⁸⁷.

Эта история открывает много интересных особенностей. Как оказалось, отвергнутые, слабые женщины, даже насильственно постриженные в монахини (Зоя), оказывались необходимыми, когда речь заходила о легитимности посягавших на трон лиц. Очевидно, что с точки зрения византийского монархического правосознания далеко не всякий имел право вступить на престол. И Роман III Аргир, и Константин IX Мономах при всем блеске их родов, не говоря уже о Пафлагоне и Калафате, не могли бы стать легитимными царями, если бы не слава Македонской династии, простиравшейся над ними, и браки с царственной женой. Исключительно Зоя, а впоследствии Феодора являлись *источником власти* этих мужей⁵⁸⁸. Иначе говоря, сам по себе, без царственных сестер, ни один из этих императоров ничего не значил. Вместе с тем и сестры являлись, скорее, лишь носителями образа императорской власти, но представляли весьма слабые в политическом отношении фигуры, не обладавшие никакими реальными полномочиями.

Впоследствии, после смерти императора Константина X Дуки, его вдова императрица Евдокия, царствовавшая со своими сыновьями Михаилом, Андроником и Константином, пошла на сходную жертву. Как патриотка, здравомыслящий политик и заботливая мать, она вышла замуж за Романа IV Диогена, вследствие чего ее новый муж получил статус императора. «Таким образом перешло к Роману Ромейское царство», — пишет историк⁵⁸⁹.

Вместе с тем, поскольку отсутствовали четко сформулированные правила преемственности, император не считал себя связанным какими-либо обязательными формами. Как полновластный владыка и православный христианин, готовясь к смерти и подготавливая передачу власти, император, как правило, исходил не из общих соображений и формальных прав на престол прямых наследников. Очень часто выбор царей останавливался на лицах, чья энергия, деловые качества и умение владеть собой оказывались выше, чем у очевидных претендентов в цари. Например, Иоанн II Комнин передал свою власть не старшему сыну Исааку, а младшему Мануилу, исходя из превосходных качеств последнего⁵⁹⁰.

После того как Андроник отказался выкупить своего отца Иоанна V Палеолога из венецианского плена, василевс назначил

своим преемником другого сына — будущего императора св. Мануила II Палеолога⁵⁹¹.

Впрочем, император мог передать власть не старшему сыну и даже вообще не сыну, а дальнему родственнику или «постороннему» человеку. Так, например, поступил Исаак I Комнин, передавший императорскую власть не сыну — на чем настаивала его жена Анна Далассина и родственники, а Константину X Дуке⁵⁹². Слабый политик император Феодосий III уступил императорский венец Льву III Исавру⁵⁹³. Хотя и вынужденно, но тем не менее Михаил I Рангаве отказался от трона в пользу совершенно постороннего для себя с точки зрения родства человека — Льва V Армянина. Андроник II Палеолог намечал передачу власти внуку по линии умершего старшего сына, царя и соправителя Михаила IX Палеолога — Андронику III Младшему⁵⁹⁴. Со временем, после многих трагичных событий, императором действительно стал Андроник III Младший, а права на трон сына императора от первого брака — Константина практически не учитывались.

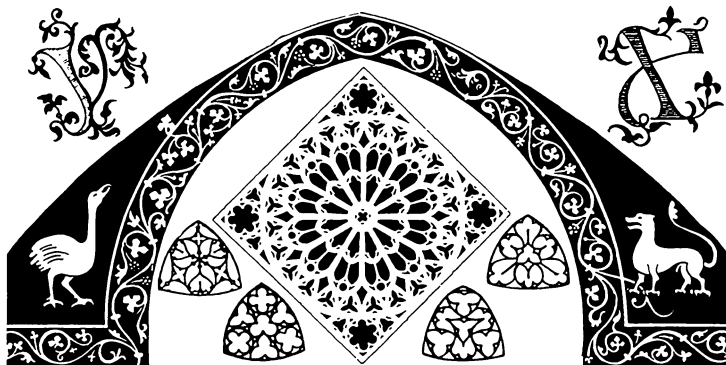
Помимо передачи императорского титула наследственным путем в истории Византии найдется немало ситуаций, когда власть переходила либо вследствие заговоров, либо после «смутных времен». К этой группе императоров можно отнести, например, Михаила II Травла, Иоанна I Цимисхия, Леонтия I, Анастасия II, Василия I Македонянина, Никифора III Вотаниата, Алексея I Комнина, Ираклия I Великого, Алексея III Ангела Комнина и Алексея V Дуку Мурцуфла. Многие императоры из этой группы стали настоящими *спасителями отечества*, и их царствование можно отнести к самым благоприятным и процветающим периодам существования Византии.

Когда не оставалось ни прямых наследников, ни даже вдов, через которых Римская империя могла получить законного правителя, когда, короче говоря, отсутствовали обычные способы передачи власти, Церковь, сенат, аристократия и армия (вне зависимости от того, кто именно был инициатором такого предложения) сами останавливали выбор на конкретном лице. Например, так были избраны на престол Юстин I, св. Лев I Старший, Феодор I Ласкарис. Как видим, таких случаев было относительно немного. Интересно, что Никейский император Феодор I Ласкарис, избранный синодом еще в осажденном крестоносцами Константинополе, не был признан в своем сане в Никее. Видимо, потому, что в его избрании не участвовала армия и народ. И спустя некоторое время ему пришлось заново венчаться на царство.

Но было бы совершенно безосновательно полагать, что вошедший таким путем на трон император считал себя связанным «народной волей». Он был обязан руководствоваться православными догматами и канонами, римскими законами, «общим благом» и иными, вытекающими из данных основ православной византийской государственности, принципами и традициями. И было бы наивным полагать, будто императоры являлись лишь слепыми орудиями той или иной политической партии. На самом деле император не считал себя связанным кругом ближайших лиц, даже если им был обязан императорским трон. Этой независимости императоров способствовали и монархические традиции Церкви, и соответственно народное правосознание.

Лишь однажды, пожалуй, зашла речь о «выборной монархии», имеющей, правда, черты аристократической феодальной республики. Это произошло в эпоху Никейской империи, когда Михаил VIII Палеолог честолюбиво рвался к власти. Тогда, в обоснование своего клятвoprеступления перед покойным государем Феодором II Ласкарисом, которому и сам Палеолог, и аристократы давали клятву о верности сыну — Иоанну IV Ласкарису, пришлось выдумать «теоретическую основу», необходимую для возвышения Михаила и его помазания в цари. Но уже вскоре после того, как цель была достигнута, Палеолог, по словам историка, думал уже только о том, как обеспечить единоличность своей власти и ее передачу сыну — Андронику II Палеологу⁵⁹⁵.





ЛХХІV. ИМПЕРАТОР АНДРОНИК III МЛАДШИЙ ПАЛЕОЛОГ (1328—1341)

Глава 1. Приобретения на Западе, потери в Малой Азии

Андроник III Младший Палеолог родился в 1296 г. Любимец деда, он получил хорошее образование и вел образ жизни, подобающий царевичам. Правда, иногда *слишком* вольный, что вызывало некоторую тревогу отца и деда. В 1318 г. царь Андроник II Старший женил своего внука на германке Ирине, но этот брак был недолгим: в 1327 г. супруга Андроника III Младшего умерла, не оставив ему детей. Вскоре после этого василевс женился на *Анне Савойской* (1327—1359), дочери графа *Амадея V Савойского* (1285—1325), и этот союз подарит Византии наследника престола.

По многочисленным свидетельствам, повзрослев, Андроник III Палеолог сохранил тягу к роскоши и богатству, мало интересуясь реальными возможностями государственной казны. Его страстью являлась охота, а потому тысяча охотничьих собак и соколов заполнили постройки у царского дворца. На них шли громадные деньги, которым можно было бы найти более достойное применение. Но, пожалуй, это — *единственный* крупный недостаток царя. Все отмечают, что он был приятен лицом, добродушен и мягок по характеру. Рассудительный человек, василевс не любил советов и предпочитал принимать решения в одиночестве. Говорят, что

Андроник III Палеолог вообще не любил вокруг себя ненужного ажиотажа и старался оставаться в одиночестве. Отважный человек, император не боялся за свою жизнь, справедливо полагая, что она находится в руках Бога. В его царствование *любой* заявитель без труда мог пройти во дворец с жалобой к императору и предстать непосредственно перед самодержцем.

Император вовсе не был праздным сибаритом, но отважным воином и умелым полководцем. Не было ни одного года, когда бы Андроник III не надевал воинских доспехов. Участвуя в десятках битв и сражений, он проявлял личное мужество и был многократно ранен. Даже на монетах, имевших хождение в годы его царствования, император изображен в доспехах — наглядное свидетельство характера и образа жизни царя. При погребении Андроника III Палеолога один оратор так подвел итог его жизни: «Он не разбирал ни лета, ни осени в своих походах. Он был выше времен года и стихий: зимнюю пору он находил для себя летним зноем, недостаток — изобилием, бодрствование — сном. Вместо отдохновения он прибавлял труды к трудам и подвиги к подвигам, переходя то с суши на море, то с моря на сушу»⁵⁹⁶.

Взойдя на трон при помощи фракийской и македонской аристократии и содействия дворцовых кругов, Андроник III Палеолог оказался *заложником* своих союзников. Его товарищ и друг великий доместик Иоанн Кантакузен, много сделавший для успеха «феодальной революции», по одному справедливому замечанию, был не просто фаворитом, а *руководителем царя*. Кантакузен превосходил василевса в некоторых качествах, а его богатство было таковым, что зачастую именно он содержал за свой счет царскую армию и императорский двор. Мать Иоанна Кантакузена Феодора, урожденная Палеолог, затмила пышностью своего дворца императрицу-мать Марию, а сам великий доместик принимал иностранные посольства, решал практически все вопросы государственного и церковного управления, включая объявление войны и заключение мира, и даже подписывал документы пурпурными чернилами — до сих пор исключительная прерогатива Римского царя⁵⁹⁷.

Но в целом воцарение Андроника III Младшего принесло Римской империи желанное спокойствие, а за ним — благосостояние. Иссякли внутренние раздоры, и прекратились репрессии и страх попасть в тюрьму. Появились излишки продовольствия — уже забытое в Константинополе явление, и новое Византийское правительство, состоявшее из молодых, честолюбивых и воинственных мужчин, не лишенных патриотизма и любви к отечеству,

запальчиво полагало, что ему удастся без труда справиться с теми трудностями, какие были не по силам престарелому Андронику II Старшему.

Внешнее положение Римской империи оставалось практически в том же положении, что и при предыдущем царствовании. Наиболее опасными врагами оставались сербы, мечтавшие подчинить себе Болгарию и выйти на Константинополь, и турки, мало-помалу прибавившие к своим рукам почти все византийские владения в Малой Азии. Как всегда, приходилось считаться с латинской угрозой, но Римские папы, пребывавшие в «Авиньонском пленении» (об этом мы расскажем в специальном приложении), уже не являлись центрами европейской дипломатии и глашатаями Запада, у них возникли свои проблемы.

С учетом изложенного, императору Андронику III Младшему пришлось бороться, как и многим его предшественникам по трону, на два фронта. Но удивительно то, что распределение внутренней нагрузки на армию было далеко не равномерным — царское окружение довольно спокойно относилось к победам турецкого оружия в Малой Азии и прилагало все силы, чтобы отстоять балканские владения. Столь удивительно равнодушное отношение центральной власти к положению дел в Малой Азии вполне объяснимо. Во-первых, честолюбивые молодые люди *брезговали* сражаться с варварами-османами, едва вышедшими из полудикого состояния. Насколько благороднее казались победы, завоеванные в битвах с латинянами и уже просвещенными сербами! Кроме того, нельзя забывать, что главные движущие фигуры политического Олимпа — Кантакузены и Палеологи, имели владения во Фракии и Македонии, и им хотелось не столько обеспечить интересы Римского государства, сколько сохранить собственное имущество.

Поэтому дела в Малой Азии быстро пришли в запустение. Турки довольно активно ассимилировали местное греческое население, и многие византийцы принимали ислам, надеясь облегчить свое положение при новых правителях. Пограничная территория почти не защищалась, и последние очаги обороны в лице мужественных акритов пали вследствие отсутствия какой-либо поддержки со стороны Константинополя. Как следствие, акриты, мало отличавшиеся по образу жизни от османов, переходили к тем на службу.

Едва ли Андроник III не считал турецкую опасность менее актуальной — после скорого взятия Никеи османы стояли на расстоянии нескольких дневных переходов от Константинополя. Другое дело, что, неоднократно договариваясь с мусульманами

о мире, царь, по-видимому, полагал, что сумеет без большого труда в любой момент навязать османам мирный договор. Тем более что среди турецких племен существовала серьезная конкуренция, и в то время казалось невероятным, что султану Осману удастся объединить соотечественников под своей властью. Видимо, василевсу и в голову не могло прийти, что когда-нибудь османы додумаются до того, чтобы захватить Константинополь и сделать Римскую империю *турецкой*. Напротив, дипломатическая практика показала, что многие западные государства и в последнее время Сербия демонстрировали именно такие мотивы. А потому западная угроза казалась несравнимо опаснее восточной.

Поэтому в центре внимания двора Андроника III Младшего по-прежнему находились Северная Греция, Македония и Фракия, которым угрожала серьезная опасность со стороны Сербии. Однако даже здесь Византийское правительство, почти лишенное средств и солдат, не сумело провести плановой наступательной политики. Хотя имело определенные локальные успехи, демонстрирующие остатки былой мощи римского оружия.

Едва прошел месяц после начала единоличного правления нового императора, как Болгарский царь Михаил III сделал набег на пограничные римские области, поставив перед собой задачу занять Адрианополь и Дидимотих. Но у Дидимотиха болгары потерпели поражение от византийцев, которыми командовал царь; пришлось отступить⁵⁹⁸. Однако в 1329 г. болгары повторили нападение. Император Андроник III срочно выдвинулся с войском им наперерез и из Адрианополя направил Михаилу послание, в котором потребовал объяснений. В ответ Болгарский царь угрожающе заметил, что без его помощи Палеолог никогда не смог бы стать императором и победить царственного деда, а потому потребовал крупной суммы денег в качестве оплаты своих услуг. Но казна была пуста, да и Андроник III Младший предпочитал в подобных случаях решительную битву дипломатическим переговорам. Неизвестно, чем бы закончился этот конфликт, но мать-царица Мария, приходившаяся одновременно тещей царю болгар по дочери, вступила с Михаилом в самостоятельные переговоры и договорилась об отступных; мир был заключен⁵⁹⁹.

Вслед за этим императору пришлось срочно направляться в Малую Азию, где активничали турки. В 1329 г. османы уже обложили Никею, и Андроник III, надеясь найти себе союзников в среде сельджуков, недовольных усилением потомков Османа, направился в Кизик и Пиги, где заключил договор с эмиром племени

Караси. После этого он вернулся в столицу и в спешном порядке выступил навстречу османам с 2 тыс. тяжелой кавалерии и многочисленным ополчением, совершенно небоеспособным. В горах Пелекана у Филокрены им противостояло 8 тыс. османов — грозное и закаленное войско, находящееся под командованием Ала-ад-Дина, брата султана Орхана, сына покойного султана Османа.

Надо сказать, что этот гениальный полководец начал формировать для брата-султана *постоянную армию*. В первую очередь благодаря прославленному дервишу Хаджи-Бегташу были созданы корпуса янычар из детей христиан, насильственно переведенных в ислам. Затем были сформированы отряды кавалерии численностью до 16 тыс. всадников, находившихся на содержании Османа. Так что византийцам противостояли прекрасно подготовленные воины⁶⁰⁰.

Сражение началось 10 июня 1329 г. совершенно произвольно — болгарский отряд из состава римской армии без всякого приказа ввязался в перестрелку, и вскоре был вынужден отступать. В греческом войске произошло смятение, и завязалась битва. Царь и Иоанн Кантакузен мужественно сражались, и Андроник III едва не погиб, получив тяжелую рану. Но бой еще продолжался, и результат его мог быть любым, когда дело решил нелепый случай. Оруженосцы увезли раненого императора в близлежащий город Филокрону, чтобы там обработать рану на теле царя, но войско решило, что Андроник II по иным причинам покинул поле боя, а потому «решительно» бросилось бежать.

Следствием этого поражения стала сдача в 1330 г. Никеи, гарнизон которой был совершенно истощен голодом. Жители спешно бежали в Константинополь, увозя с собой святыни Православия и захватив мощи св. Антонины и св. Феодоты, понимая, что едва ли им придется вернуться на родину, захваченную мусульманами. Плодородная Вифиния оказалась в руках османов, получивших теперь доступ к малоазиатским пригородам Константинополя⁶⁰¹.

Уже тогда у османов возникли далеко идущие планы. Но, не желая раскрывать их, вынужденный решать проблемы с остальными турецкими племенами, не желавшими подчиняться ему, султан *Орхан* (1324—1362), сын покойного Османа, не стал продолжать поход против византийцев. Был заключен мирный договор, в соответствии с которым турки-османы обязались не нападать за земли Римской империи. Видимо, эта неудача, соединенная с внешней легкостью формирования мирных инициатив, окончательно отвратила сердце царя от проблем Малой Азии. За все время своего правления он

практически *ни разу* более не предпримет ни одного сухопутного похода против османов, хотя с завидным упорством будет изыскивать средства и солдат для войны на Балканах.

Используя выпавшую передышку, Андроник III деятельно попытался стабилизировать ситуацию в государстве. Желая внести успокоение в общество, он настоял на том, чтобы патриарх Исаия снял церковное отлучение со всех сторонников своего царственного деда. Но столичный архиерей и в этом случае поступил по-своему. Облекшись в праздничные одежды, он с амвона храма Святой Софии провозгласил разрешение мирянам, но епископов и иереев не простил.

По совету Кантакузена Андроник III Младший решил также довести до конца дело своего предшественника и создал так называемый «*Царский суд*», состоящий из 4 человек, из которых двое являлись светскими лицами, один был клириком, а четвертый — епископом. Это был своего рода интерпретированный вариант «*Вселенского суда*» императора Андроника II Старшего. Этому судебному органу были подчинены судебные учреждения всех оставшихся областей Византийской империи. Приговоры и решения «*Царских судей ромеев*» считались окончательными и обжалованию не подлежали⁶⁰².

Этим лицам, в честности и неподкупности которых император был уверен, царь в храме Святой Софии даровал право суда, дав, по образному выражению современника, им Евангелие и меч для восстановления справедливости. Предваряя соблазны, Андроник III Палеолог предоставил каждому из них большое имение и хороший годовой доход, чтобы судьи ни в чем не нуждались⁶⁰³.

Организации «*Царского суда*» император посвятил три закона, в которых объяснил мотивы своего решения и указал способы обеспечения безопасности и неподкупности судей. Царь подробно отметил, что любые попытки давления на судей или даже на их детей — наказуемы, хотя бы случались после смерти судей. Во втором законе василевс еще раз закреплял то правило, что юрисдикции «*Вселенского*» или «*Царского суда*» подчинены *все* дела, если истец заявит о передаче дел на его рассмотрение. Даже если второй стороной являются лица, стоящие на верхушке государственного управления. Наконец, третий правовой акт был посвящен некоторым процедурным вопросам — немаловажное обстоятельство. Зная, с каким пиететом византийцы относились к внешним формам почитания, мы поймем, почему данный эдикт императора важен для авторитета «*Вселенских судей*».

«Так как царство мое определило и постановило, чтобы все приближенные его архонты и прочие высшие и низшие архонты царства, равно как и все другие, подчиненные царству моему, судились по делам, какие имеют, у “вселенских судей” ромеев и принимали относительно их постановление, как они рассудят и решат, то царство мое посредством настоящего указа определяет, что те из таковых архонтов, которые судятся этими Кафолическими судьями ромеев, рассказывали о своих делах *стоя*»⁶⁰⁴.

В свою очередь судьи давали клятву следующего содержания: «Поставленный Святейшей Божьей Церковью и нашим державным и святым владыкой и императором в звание Вселенского судьи всех ромеев, я обязуюсь посредством этого письменного обещания судить перед Богом все распри, которые будут мне представлены, в меру моего разума и моих сил по справедливости. Ничто не заставит меня уклониться с пути, который представляется мне правильным, — ни страх, ни всякое чувство. Но я со всецелой правдой и справедливостью буду исполнять эти важные обязанности, производя суд лишь сообразно с тем, что мне представляется правильным»⁶⁰⁵.

Правда, нравы уже пали так низко, что через несколько лет императору пришлось в храме Святой Софии объявить о приеме жалоб на самих «Царских судей», и таких оказалось великое множество. Константинопольцы жаловались на мздоимство и лицепринятие судей, забывших слова клятвы императору. Из 4 судей *только один (!)* оказался невиновен в получение взяток. Остальные из опасения, что греки разорвут их на улице, публично пообещали вернуть все, принятое ими при исполнении своих обязанностей⁶⁰⁶. Правда, и после этого конфуза «Вселенский суд» не был расформирован и существовал вплоть до падения Константинополя.

В этот момент времени сказалось ослабление влияния царской власти, обессиленной феодальной аристократией. В декабре 1329 г., после бани, Андроник III Палеолог имел неосторожность выскочить на мороз и тяжело заболел. Все его тело окоченело и как бы омертвело, дыхания почти не было. Усилия врачей казались напрасными, и тогда император потребовал постричь себя в монахи и в качестве последнего завешания приказал освободить из темницы деспота Константина, своего дядю, Феодора Метохита и других политических узников. Опасаясь смерти, он оставил завешание в пользу царицы Анны Савойской и своего еще не родившегося сына, а регентом определил могущественного Иоанна Кантакузена. Но ни об Андронике II Старшем, все еще живом, ни

о матери-царице Марии в завещании не было сказано ни единого слова. Всем стало ясно, что содержание завещания *продиктовано* царю самим Иоанном Кантакузеном, формировавшим собственную политическую партию. По его настоянию наш старый знакомый Сиргианн, пребывавший в темнице, был выпущен на свободу и даже получил должность правителя Фессалоник.

Эти действия вызвали жесткую реакцию со стороны оппозиции и в буквальном смысле слова ответные репрессивные меры со стороны Кантакузена и его сторонников. Эпарх Константинополя вырвал у ослепшего Андроника II Палеолога отречение от каких-либо прав на престол. Зато в Фессалониках народ был приведен к присяге царице-матери Марии, объявившей регентом Сиргианна. В довершение всего Сиргианн был *усыновлен* ею, и она вручила ему свою душу и жизнь. Нет никаких сомнений в том, что этот ловкий вельможа тоже решил сыграть *самостоятельную партию* — на этот раз против своего же благодетеля Кантакузена. Назревала настоящая гражданская война...

По счастью, Андроник III внезапно исцелился водой из Животного Источника Богородицы и вновь взял власть в свои руки. Власть, впрочем, весьма и весьма ограниченную в действительности: опасаясь с того времени Иоанна Кантакузена, он не смел ничего предпринять против всесильного сановника⁶⁰⁷. Влекомый могущественными аристократами, во главе которых стоял великий domestik, император при всем желании не мог уклониться от пути, по которому его вели.

Как раз в это время разгоралась Сербско-болгарская война — Сербский король Стефан II Урош горел жадной мщенья Болгарскому царю Михаилу III за свою сестру, оскорбленную тем, что тот бросил ее и женился на другой женщине. Опасаясь сербского наступления, Михаил Болгарский направил предложение Андронику III вторгнуться весной 1330 г. в земли триваллов, как их называли, и получил искомое согласие. Союзники рассчитывали полностью разгромить юное Сербское государство, и Михаил Болгарский даже хвастал, что поставит свой престол на сербских землях. К болгарам примкнули валахи или «черные татары», как их называли в то время. С точки зрения интересов Византии это было едва ли разумно — до сих пор сербы честно исполняли условия мирного договора⁶⁰⁸.

Забыв о том, что турки уже стоят в Никомедии и вот-вот возьмут Никею, василевс вместе с Кантакузеном двинулся в поход. Римский царь расположился с армией в Пелагонии, в области Ма-

кедонию, ожидая известий о начале движения болгарской армии. Там, как рассказывают, 16 июля 1330 г. римскую армию застало солнечное затмение — если это и было предзнаменование, то *негативное*. Как вскоре выяснилось, в завязавшемся сражении между болгарами и сербами успех сопутствовал Стефану II Урошу. При помощи наемной германской рыцарской кавалерии он полностью разбил болгарское войско, а самого царя Михаила III смертельно ранил. На третий день после этого Михаил скончался. После получения известий об этом Андроник III благоразумно вернулся в Константинополь⁶⁰⁹.

При всех перипетиях 1330 г. принес византийцам некоторые звучные успехи. Император в спешном порядке создал небольшой флот, и осенью 1330 г. римские корабли вместе с судами правителя Кикладских островов, союзника Византии, двинулись к Хиосу. Победа была быстрой и решительной — византийцы овладели островом, а его правителя Мартина взяли в плен и в оковах доставили в Константинополь. Благодаря этому авторитет Византийской империи был восстановлен среди турецких племен сарухан и ментеше.

Но на Балканах ситуация складывалась не в пользу греков. Недавний успех в войне с болгарами прибавил сербам силы, и даже внезапная смерть Сербского короля Стефана II Уроша не остановила их экспансии. По слухам, его сын, *Стефан III Душан* (1331—1354), опасаясь, что дети отца-короля от второго брака могут наследовать корону, устроил заговор, посадив венценосца в темницу, где того и задушили. Этот деятельный и честолюбивый молодой человек, поднявший авторитет своего отечества на невероятную высоту, не собирался тратить время на мирные переговоры. Его войско вторглось в византийские пределы и захватило большую область до Стримона и Амфиополя, а также город Струмницу. Попутно Стефан III завязал добрые отношения с Венецией и даже стал ее почетным гражданином — признак блестящих дипломатических способностей Сербского короля. При нем в Сербии появилось также множество западных специалистов, и организовалась блистательная армия⁶¹⁰.

В этой войне за «болгарское наследство» Андроник III не собирался уступать, прекрасно понимая, что после оккупации Болгарии сербы двинутся на Фракию и Константинополь. Весной следующего года он вторгся в пределы Болгарии и овладел городами Эма и Месимврий. Но в 1331 г. власть в этой стране захватил двоюродный брат покойного Михаила III *Иван Александр* (1331—1365),

ставший новым царем Болгарии. Внезапно внешняя картина резко изменилась: вместо «куска торта» Болгария стала мощной военной силой и из союзника Византии в одночасье превратилась в ее врага. Иван Александр оказался способным организатором и полководцем. Он призвал на помощь половцев и с их помощью отбил нападение византийцев на свои владения. В это же время Болгарский царь удачно решил свои внешнеполитические проблемы, выдав сестру Елену за нового Сербского короля Стефана III Душана. Теперь сербы уже не были врагами Болгарии, и положение Византийской империи быстро стало угрожающим. Уже не греки, а сербы совместно с болгарам начали охоту за Македонией и Албанией. Их натиск был так силен, что в течение 3 лет они овладели этими территориями, захватив города Охрид, Прилеп, Касторию, Струмичу, Хлерин, Железнец⁶¹¹.

Летом 1332 г. царица Анна Савойская родила Андронику III Палеологу наследника престола *Иоанна Палеолога*. Обрадованный отец немедленно приехал в Дидимотих, где располагалась его семья, и сменил траурные одежды, носимые по смерти царственного деда, на праздничные одеяния. В честь рождения сына были организованы торжественные мероприятия, завершившиеся турнирами, — западные привычки все сильнее входили в военную культуру Византии. А потом император отправился на Болгарию и без объявления войны напал на ее области.

Болгарский царь Иван Александр отправил к царю посольство, не вполне искренне недоумевая — зачем христианам воевать друг с другом, когда рядом столько неверных? На это василевс ответил ему, что по справедливости болгарин обязан вернуть Византии 50 крепостей, возведенных римлянами в царствование императора Андроника II Старшего у города Эма. В принципе василевс был прав, но его правда не была подкреплена силой. В ответ Александр собрал 8-тысячное войско, состоящее большей частью из половцев, и очень быстрым маршем отправился к крепости Русокастра, близ которой располагался Римский василевс.

Его появление оказалось совершенно неожиданным для Андроника III Младшего, который располагал не более 3 тысяч солдат. Отступать было невозможно, и тогда император собрал боевых товарищей для битвы. «Подумайте, друзья, — начал он свою речь, обращенную к войску, — что мы воюем на чужой земле, вдалеке от отечества. Мы не имеем у себя союзных городов, которые бы помогли нам ныне в этой битве, да ниоткуда не можем добыть себе войска даже за деньги. Будем же биться так, как будто бы было уже

решено нам сегодня умереть и вместе с сегодняшним солнцем закатиться. Сделаем свидетелями наших мужественных и доблестных подвигов эту вражескую землю!»⁶¹²

Началась битва, в которой византийцы мужественно бились с болгарами, и царь вместе с великим доместиком Иоанном Кантакузеном и Иоанном Палеологом, сыном Константина Порфирородного Палеолога, находились в первых рядах. Но перевес в силах болгар был настолько велик, что в конце концов византийцы дрогнули и побежали. Они смогли отступить к крепости Русокастра и укрепились в ней. Но там отсутствовал подножный корм и продовольствие, а потому положение греков и самого Андроника III Палеолога быстро стало безнадежным. Жители Месемврии, узнав о поражении Римского царя, тут же перебили ромейский гарнизон, а вслед за ними так же поступили остальные крепости у Эма. Спасло Андроника III Младшего врожденное благородство Болгарского царя Ивана Александра, направившего императору уведомление о дружбе и совет в следующий раз быть осторожнее⁶¹³.

Андроник III Палеолог вернулся домой, чтобы восстановить управление государством. Но он все более и более попадал под влияние Кантакузена. Мудрый великий доместик не пытался занять царский трон, прекрасно понимая, сколько недоброжелателей в этом случае встанут на его пути. Однако и не собирался оставлять пост первого человека в Империи, предreshавшего ее судьбу. Постепенно одна за другой уходили со сцены истории крупные политические фигуры: Андроник II Старший Палеолог, Феодор Метохит, деспот Константин Палеолог, царица-мать Мария (в иночестве *Ксения*) и деспот Димитрий — сын Андроника II Палеолога⁶¹⁴. В их отсутствие великий доместик Иоанн Кантакузен стал настоящим хозяином положения. Он *самостоятельно* проводил внешнюю политику Римского государства и даже завел личные дипломатические отношения с турками-сельджуками племен айдин и сарухан, надеясь на их помощь в случае обострения отношения с семейством Палеологов. Иоанн также рассчитывал привлечь дружественных ему турок для борьбы с латинянами на территории Восточного Архипелага.

Более того, по настоянию Кантакузена царь фактически расправился со многими его недоброжелателями и противниками. Сиргианн был обвинен в государственном заговоре и сослан, но по дороге ухитрился бежать к сербам. Он стал настолько опасен, что василевс реально боялся перспективы похода Сиргианна с сербами на столицу. С наступлением весны 1334 г. Сиргианн разослал

тайные письма по всем областям Византийской империи, обещая своим союзникам богатые денежные подарки, земельные участки и высокие титулы. Его деятельность имела большой успех, и многие сановники втайне решили поддержать Сиргианна. Андронику III пришлось вновь надевать боевые доспехи и отправляться с войском в Македонию, надеясь своим присутствием укрепить верность местных граждан. А вместо себя в столице царь оставил *Иоанна Калеку* (1334—1347), которого поставил новым Константинопольским патриархом. Ему он вверил судьбу своей супруги-царицы и сына, поручая взять на себя обязанности регента, если, не дай Бог, на войне с ним что-либо случится⁶¹⁵.

Положение было очень опасным: Сиргианн с войском направился к Фессалоникам, за ним продвигалось сербское войско во главе со своим королем. Только благодаря хитрости некоего Сфрандзи Палеолога, сумевшего заманить Сиргианна в ловушку и убить, опасность была нейтрализована. После этого Сербский король согласился заключить мирный договор и, приняв от Римского императора подарки, удалился домой.

Угроза западного вторжения на миг утратила свою актуальность. Но тут о себе дали знать другие западные государи и папа. В 1334 г. в Константинополь прибыли легаты Римского папы *Иоанна XXII* (1316—1334) — Франциск де Камерино, архиепископ Босфорский, и Рикард, епископ Херсонский. *Формально* им было поручено провести переговоры о возможном воссоединении Церквей. И патриарх даже устроил совещание, на котором живо обсуждался вопрос о возможности устроить *с католиками* публичный диспут⁶¹⁶.

Но это была не единственная причина направления посольства. Угроза турецких грабежей на торговых путях, лежащих близ островов Малой Азии, начала сильно беспокоить Западную Европу. Зная о попытках Андроника III Палеолога привлечь на свою сторону отдельные сельджукские племена, латиняне полагали, будто византийцы активно поощряют это пиратство. Венеция решила даже объявить новый Крестовый поход, в который должна была быть вовлечена Византийская империя, — полагали, что таким способом союз греков и турок будет разрушен. Конечно, это была *крайняя* и ригоричная позиция, интересная для нас степенью опасности, которую видели в турках латиняне. Другие западные государи и Римская курия разделяли эти тревоги, хотя предлагали более конструктивные формы сотрудничества Византии с Западной Европой.

Под влиянием общей опасности Римские папы и Франция решили пойти на союз со «схизматиками». Угроза латинским государствам Романии настолько занимала Французского короля и подвластного в ту пору ему понтифика, что Апостольская кафедра отставила в сторону на время старую и традиционную идею *любой ценой* привести Восточную церковь к повиновению Риму. Правда, и их предложение, которое огласили легаты при встрече с Римским царем, едва ли было выгодно Византии. По инициативе апостолов и Французского короля *Филиппа VI Валуа* (1328—1350) при содействии Венеции в 1332 г. была организована «конференция», получившая благословение папы Иоанна XXII. Теперь папские легаты, проведя тайные переговоры с императором, предложили ему присоединиться к «конференции».

Василевс совершенно не горел желанием вступать в этот сомнительный во всех отношениях союз, где он оказывался на переднем фронте войны с турками без каких-либо твердых гарантий о помощи со стороны Запада. Но была одна проблема — фактически латиняне поставили *ультиматум*: либо царь начнет вместе с ними воевать с турками, либо латиняне нападут на Византийскую империю. Делать было нечего, и василевс дал согласие на войну с сарацинами. В 1335 г. в Авиньоне был заключен соответствующий договор между папой и Андроником III Палеологом, к которому помимо перечисленных участников (Франции и Неаполя) примкнул и Наксосский дука *Санудо*, чьи владения сильно страдали от грабежей турок.

Но казна была пуста, и, чтобы найти средства для ремонта и строительства новых кораблей, царь отправил сборщиков налогов в Македонию и Фракию. Корабли были спущены на воду уже в эту весну, но латиняне, занятые собственными делами, никакой активности не проявляли. Да и вообще, как вскоре выяснится, все их благие начинания не получили почти никакой практической реализации. Более того, сам факт, что Византийский император находится в союзе с Римским понтификом, не являлся должным аргументом для тех, кто уже давно испытывал раздражение от греков. В первую очередь это касалось генуэзцев, недовольных заключенным Андроником III Палеологом договором с Венецией. Генуя опасалась утратить свою торговую монополию и льготы, и при негласной помощи генуэзцев латиняне Леванта, особенно родосские рыцари, в 1336 г. решили открыто выступить против Византии и захватить богатый остров Метилену. В ответ Римский император заставил скрыть укрепления в Перу и с сильным флотом в количе-

стве 84 боевых кораблей вместе с Кантакузеном отправился к Метилене. Им активно помогали союзники сельджуки, при помощи которых остров со всеми городами перешел во власть Византии⁶¹⁷. Так, вместо войны вместе с греками против сельджуков латиняне спровоцировали войну Византии совместно с сельджуками против себя. «Замечательный» успех западноевропейских христиан!

Перманентная война, занимавшая все мысли императора, осложнялась еще и тем, что в самом Константинополе не было спокойствия. Как и его дед, Андроник III Палеолог был вынужден постоянно считаться с аристократической оппозицией, куда входило множество лиц, связанных родством с царской династией. Пока василевс находился с флотом на войне, в Константинополе завязался заговор молодых аристократов, желавших убить царицу Анну Савойскую, царевича Иоанна, а затем захватить власть в свои руки. По счастью, эта тайна оказалась доступной матери Иоанна Кантакузена Феодоре Палеолог. Объединившись с Анной Савойской, она быстро подавила заговор. Когда зимой 1337 г. царь вернулся в столицу, началось следствие. Император вызывал к себе поодиночке заговорщиков и добился того, что те раскрыли все детали заговора и обвинили друг друга. Выяснилось, что к заговору были причастны самые близкие василевсу лица.

Завершив судебное следствие, Андроник III Палеолог вышел к народу и произнес трогательную речь. «Люди, самые близкие мне по крови, видя, как я ради всего римского народа и их самих, нежившихся дома, скитался далеко от отечества и подвергал себя опасности на суше и на море, притом среди зимы и стужи, — меня они не пожалели, не подумали чем-нибудь утешить мою жестоко страдающую душу, но, заглушив в себе всякое чувство справедливости, подняли оружие на мою голову. Они все сделали, сколько от них зависело, чтобы обогреть землю кровью моей, моей супруги и моих детей. Ниспровергнуты уставы Церкви Божьей! Ниспровергнуты опоры Римского государства!»

Все ожидали суровых приговоров, но, к изумлению константинопольцев, император *простил* почти всех заговорщиков, заключив в тюрьму только двоих из них⁶¹⁸. Впрочем, возможно, что мягкость наказания была обусловлена не только добротой царя, но и сильнейшим нажимом родственников и придворных сановников, чьи знакомые, друзья, братья и племянники оказались в числе заговорщиков. И император просто не осмелился воевать со всей знатью, уступив их просьбам. В очередной раз Андроник III Палеолог убедился, что у него есть только один верный и преданный

друг — великий доместик Иоанн Кантакузен. Но и тот, конечно, имел собственные виды на будущее.

Едва покончили с внутренней смутой, как возникла страшная угроза татарского нашествия. Правители фракийских областей, только что внесшие деньги на строительство флота, решили не уплачивать татарам ежегодной дани, и те *кроваво* напомнили о себе. С наступлением весны множество татар, переправившись через Истр, напали на Фракию и, встретившись у Геллеспонта с турками-османами, напали на них и разбили. Затем, развернувшись, начали масштабный грабеж Фракии, длившийся в течение 50 дней. Неизвестно, насколько достоверны сведения, но, по подсчетам современника, татары увели в плен более 300 тыс. (!) греков, совершенно опустошив фракийские области⁶¹⁹.

Однако император, полностью поглощенный войной на Западе, проглотил и это оскорбление. Откровенно говоря, ему просто нечем было ответить на татарское нашествие, а потому, чтобы не испортить окончательно отношений с могущественным союзником, он стерпел обиду, печально наблюдая, как гибнут самые богатые области его царства. *Прагматично* рассуждая, он был прав: татары не собирались захватывать византийские земли, вполне удовлетворившись разовым грабежом. И «собирать врагов» в то время, когда бывшим владениям Византии на Балканах, особенно Албании и Эпире, угрожала опасность со стороны латинян, было неразумно.

Дело в том, что Филипп Тарентский, не сумевший в свое время взять Константинополь, организовал нападение своего зятя Вальтера Бриенна на Эпирский деспотат и Албанию, находившиеся в сфере влияния Византии. Им удалось взять Арту и привести его правителя к присяге на верность Анжуйскому дому. Хотя сам Филипп Тарентский скончался в 1338 г., но вследствие его политики Эпир и юг Албании попали под неаполитанское влияние. Его наследник, наместник Ахайи Иоанн Гравина, принял титул дуки Драча и короля Албании.

И здесь уже император не медлил. Еще в 1334 г. эфирские войска потерпели поражение в битвах с греками, затем были вытеснены из Фессалии, да и в самом Эпире византийское влияние постепенно превозмогло французское. Вскоре вся Фессалия, кроме Каталонского государства со столицей в Патрах, была присоединена к Византийской империи. Вслед за этим 4 албанских племени, живших у Эльбассана, подчинились власти Византийского императора⁶²⁰.

Теперь настала очередь Эпира, давно уже утратившего политическую самостоятельность и способность обеспечить собственные

интересы. В 1336 г. деспот Иоанн был отравлен женой Анной, что привело данное государство к тяжелой междоусобной войне партий. В Южной Албании вспыхнули волнения против византийцев, а сербы в 1336 г. захватили Драч. Вступив в кратковременный союз с турками Османа, Андроник III Палеолог и Иоанн Кантакузен вместе с ними двинулись в Албанию и жестоко разорили страну. Затем византийцы направились в Эпир и, несмотря на все старания Анны, оставшейся правителем этого государства, захватили его, присоединив наконец к Византийской империи. В знак благодарности царь дал согласие на заключение брака дочери Иоанна Кантакузена с сыном Эпирской деспины Анны Никифором.

Это был пик военного успеха Андроника III: ни его отец, ни дед не могли захватить Эпир, а ему это удалось! Но едва византийские войска покинули Эпир, как местная знать, привыкшая к феодальным вольницам и профинансированная Анжуйским домом, подняла восстание. Никифор был насильно увезен в Италию, где его женили на дочери Филиппа Тарентского и Екатерины Валуа, а затем с неаполитанскими войсками вернули в Эпир отвоевывать наследство. Но Андроник III и Иоанн Кантакузен вновь вернулись в Эпир, нанесли Никифору поражение, взяли Арту, а самого Никифора отправили в Фессалоники. Теперь вся Западная Греция была подчинена Византийской империи, а ее правителем был поставлен родственник Кантакузена Иоанн Ангел⁶²¹.

В этот момент императору выпала тяжелая доля убедиться в том, что его восточная политика слабо соотносилась с реальностями. Султан Орхан, презрев мирный договор с греками, не собирался уступать Византии Малую Азию. В 1332 г. османы напали на Никомедию, подчинили себе сельджукское племя *караси*, жившее по руслу реки Риндаку и в 1337 г. взяли штурмом саму Никомедию, переименовав ее в Измир. Дошло до того, что в 1338 г. османы Орхана наводнили собой Фракию и даже пытались на кораблях взять штурмом Константинополь. Опасность для Римской империи погибнуть от турецкого меча, ранее казавшаяся малореальной, теперь встала во весь рост⁶²².

Не имея сил встретиться с врагом лицом к лицу, император действовал из засад, и не безуспешно. Однажды он истребил довольно крупный отряд турок, среди которых погибло 150 знатных воинов. Затем, предав себя воле Бога, Андроник III Младший вместе с Иоанном Кантакузеном подготовили план разгрома османов, стоявших поблизости от столицы. Имея ничтожные силы, они с великим доместиком в результате проведенной операции совер-

шенно разгромили турок — враги потеряли более 1 тысячи воинов убитыми, еще 300 солдат попали в плен. При этом потери римлян если и имели место — а утверждают, что их вообще не было, то по крайней мере они были *единичны*⁶²³. Это была, конечно, изумившая мир победа. Но для всех становилось ясно, что Римская империя *обречена*, если ей не будет оказана моментальная и реальная помощь со стороны остального христианского мира. Слабея с каждым годом, утрачивая одну область за другой, Византия в последующее столетие окажется способной только на *локальные* боевые действия. Римские императоры будут искать спасения на Западе — что из этого получится, мы вскоре увидим.

Глава 2. Начало исихастских споров. Июньский Собор 1341 г.

Мужество в бою и полководческий талант являлись не единственными замечательными качествами императора. Андронику III Палеологу принадлежит честь начать блестящую череду исихастских Соборов, завершившихся торжеством восточного богословия. Занятый на войне, царь первоначально не придавал большого значения назревавшему церковному конфликту, но когда пришел его час, он сказал свое веское слово и многое сделал для победы православной партии. Вот как все это происходило.

Приблизительно в 1330 г. в Константинополь прибыл калабриец Варлаам, грек по рождению и языку, получивший образование на Западе и активно вступавший в публичные богословские споры в столице. Вскоре он начал пользоваться большим успехом, обличая догматические прегрешения Римской курии⁶²⁴. Это был интересный и образованный человек. Проникшись духом итальянского Возрождения, Варлаам стремился познакомиться с наследием древней Эллады, родины Аристотеля и Платона. И полагал, что Византия, жадно стремящаяся к эллинизму, является для этого наиболее подходящей почвой. Совершенно ошибочно считать Варлаама представителем *латинского* богословия. Как отмечали даже его враги, он был верен религии своих отцов, и многие обоснованно признавали за ним любовь к «истинному благочестию». Не случайно в 1334 г. Варлаам вместо патриарха Иоанна Калеки публично дебатировал с папскими легатами, присланными Римской курией для начала переговоров о воссоединении Церквей. А в 1339 г. он был направлен с почетной миссией к папе *Бенедик-*

ту XII (1334—1342). Этот беспрецедентный случай, когда тайная миссия была доверена *иностранцу*, демонстрирует, что Варлаам пользовался большим доверием Византийского правительства, где находились люди, умевшие отличить ортодоксального богослова от «испорченного» латинянина⁶²⁵.

В столице Варлаам нашел могущественного покровителя в лице императора Андроника III Палеолога и великого домостика Иоанна Кантакузена, по протекции которого *Калабрийцу*, как его называли, предоставили преподавательскую должность. Его слава росла, и вскоре Варлаам стал важным лицом, с которым советовались по самым разным вопросам. Готовясь к дискуссии с латинянами, Варлаам подготовил 21 небольшой трактат, в которых жестко критиковал Фому Аквината и, придерживаясь философского реализма, признавал невозможность познания Бога. Его мысли имели широкий успех и распространение. Единственно, что вредило ему — вспыльчивый и злобный нрав. Обыкновенно Калабриец обращался к собеседникам в столь заносчивой манере, что те считали за благо для себя прекратить разговор. Как говорят, Варлаам настолько неприлично вел себя во время диспута с легатами папы, что совершенно оскорбил их, и те, разгневанные, уехали прочь⁶²⁶.

К несказанному своему удивлению, в 1335 г. Варлаам получил послание с Афона от тогда еще никому не известного *св. Григория Паламы* из монастыря Св. Саввы. Палама происходил из знатной малоазиатской семьи, вынужденной перебраться в Константинополь после завоевания их области турками. В столице отец св. Григория *Константин Палама* получил высокую должность и вошел в состав Государственного совета. Сам святитель с детских лет обучался философии под руководством знаменитого Феодора Метохита и жил во дворце. Незадолго до своей смерти Константин Палама принял монашеский постриг. Когда его супруга попросила его обратиться к императору с просьбой принять детей под свое покровительство, Константин ответил, что отныне Покровительницей им станет Пресвятая Богородица. После его смерти супруга также хотела принять Ангельский чин, но воздержалась до совершеннолетия детей.

В 1316 г. св. Григорий решил принять монашеский постриг и, несмотря на уговоры императора Андроника II Палеолога, ушел вместе со всеми членами семьи в монастырь. С двумя братьями Святитель отправился на Афон, ставший центром «исихазма» (от греческого: «тишина», «молчание», «безмолвие»). Там он вначале подвизался в Ватопедском монастыре, а потом перешел в Лавру св.

Афанасия. После 10-летнего пребывания на Святой горе Палама отправился в Палестину, а оттуда в Македонию; но из-за угрозы сербских вторжений вновь вернулся на Афон. Интеллектуал и опытный монах-сподвижник стал достойным противником Варлаама⁶²⁷.

Святителя чрезвычайно затронул вопрос о познании Бога, поднятый Варлаамом. Мысль Калабрийца, выраженная против латинян, была понятна, хотя и релятивистична по сути: так как Бог непознаваем, латиняне не могут доказать верность своего учения об исхождении Святого Духа. Действительно, как можно доказывать что-либо о Том, Кто находится за пределами всякого человеческого восприятия и разумения? «Фома Аквинат и все рассуждающие как он, — писал Варлаам, — думают, что для человеческого ума нет ничего недоступного. Но мы считаем, что такое мнение исходит из души, не чуждой лукавому и гордынному демону, ибо большая часть того, что Божественно, недоступна человеческому познанию».

В этом богословии присутствуют и практические нотки. Если учение о *Filioque*, основном разногласии между Западной и Восточной церквями, недоказуемо и неопровергаемо, поскольку познать Бога невозможно, то, следовательно, отсутствует причина разделения. На этом основании Варлаам всерьез решил поставить вопрос о воссоединении Церквей⁶²⁸.

В это же время сам святитель написал два «Аподиктических трактата», направленных против *Filioque*. Нет сомнений, что его отношение к богословскому «доказательству» Варлаама было весьма скептическим. Палама задал Калабрийцу простой вопрос: неужели Бог, Который действительно непознаваем, не открывает Себя? Разве Христос через Свое Воплощение не даровал людям сверхъестественное познание, отличное от интеллектуального, но в высшей степени *реальное*, и даже более реальное, чем все философские познания? Православная позиция представлялась Святителю вполне доказуемой и, по его мнению, совпадала с мыслями, высказанными Константинопольским патриархом Георгием Кипрским. Проявляя сугубое почтение к Варлааму в своем послании, Палама привел длинные отрывки из своих «Аподиктических трактатов», сопоставляя их с мыслями Калабрийца. Он выражал удивление агностицизму философа, который не только опровергал латинян, но и подрывал православную точку зрения⁶²⁹.

В это время при особе Варлаама состоял *Григорий Акидин* — друг св. Григория Паламы. Будучи сыном простых родителей, он

родился в Македонии, учился в Пелагонии, а потом долгое время жил в Фессалониках, где и получил образование. Его учителями были самые разные люди, среди которых значатся филолог Фома Магистр и архидиакон Григорий Вриенний. В 1330 г. Акиндин познакомился с Паламой, и тот убедил Григория отправиться с ним на Афон. Перед путешествием Акиндин написал похвальное письмо Великой Лавре — знаменитому Афонскому монастырю, но, к своему изумлению, получил отказ от монахов, недовольных высокоумием и высокомерием, какие Акиндин продемонстрировал в своем письме. В 1332 г. Григорий вошел в близкий круг друзей Варлаама Калабрийца, которого даже некоторое время считал своим учителем. В Константинополе Григорий был представлен патриарху Иоанну Калеке и стал пользоваться почти безграничным доверием архиепископа⁶³⁰.

Теперь он вместе с Калабрийцем рассмотрел послание святителя. Акиндин попытался сыграть роль примирителя, которой он будет по возможности придерживаться вплоть до 1341 г. В своем письме Паламе он писал: «Зачем спорить по поводу “доказательств”, когда обладаешь таким Божественным благом, как дружба? Ведь ты прочел только один из трактатов Варлаама и, значит, не можешь судить о его трудах в целом». Акиндин доказывал, что единственная цель Калабрийца — опровергнуть латинян, и он никоим образом не желает ослабить греческую точку зрения. Что же касается проблемы *доказательств*, то тут — явное недоразумение. Это слово имеет много значений: доказательство в техническом, чисто логическом и общеобязательном смысле не должно смешивать с доказательством, основывающемся на Священном Писании; первое неприменимо в богословии, тогда как второе в общем не есть доказательство.

Но сам Варлаам не проявил ни малейшего такта по отношению к св. Григорию. Он пообещал Акиндину «смирить *этого* человека», который посмел критиковать его, признанного богослова и философа. Деятельный и подвижный, Калабриец вскоре выехал в Фессалоники, где познакомился с некоторыми формами монашеской жизни. То, что он увидел, неприятно поразило его гуманистический ум, к сожалению, весьма и весьма *избирательный*. Встретившись с молодым монахом, едва проводившим 6 месяцев в монастыре, да и еще не отличавшемся образованием и умом, Варлаам на этом негативном примере составил целое впечатление об исихазме.

Калабриец совершенно превратно понял способ молитвы, о котором еще в XI веке писал монах св. Симеон: «Затвори двери своей

души, сядь в углу и отвлеки мысль твою от всего земного, телесного и скоропреходящего. Потом склони подбородок твой на грудь свою и устреми чувственное и душевное око твое на пупок свой. Далее сожми обе ноздри свои так, чтобы едва можно было дышать, и отыщи глазами приблизительно то место сердца, где сосредоточены все способности души. Сначала ты ничего не увидишь сквозь тело твое, но когда проведешь в этом положении день и ночь, тогда, о чудо, увидишь то, чего никогда не видал. Увидишь весьма ясно, что вокруг сердца твоего распространяется Божественный свет»⁶³¹.

Напрасно св. Григорий Палама пытался разубедить Варлаама при личной встрече, что нельзя строить свои выводы на встрече с монахом, только начинающим свой духовный путь. Следует обратиться к старцам, да и у них нельзя спрашивать, *что* составляет венец совершенства, поскольку большинству это неизвестно. Святитель привел даже простой пример. Предположим, какой-нибудь огородник придет к Варлааму и попросит того посвятить себя в искусство философии Платона. Конечно, эта просьба покажется наивной и легкомысленной, поскольку человек явно не готов к таким занятиям. Но и исихия, т.е. *равноангельское житие*, открывается только подвижникам, с которыми философу и следует вести беседу. Увы, Калабриец оставался глух к увещаниям⁶³².

Акиндину Варлаам отправил письмо, в котором проявляется все его негодование по поводу увиденного: «Они посвятили меня в свои чудовищные и абсурдные верования, описывать которые унижительно для человека, обладающего хоть каким-то интеллектом или малейшей каплей здравого смысла, — верования, являющиеся следствием ошибочных убеждений и пылкого воображения. Они сообщили мне об удивительном разлучении и воссоединении разума и души, о связи души с демоном, о различии между красным и белым светом, о разумных выходах и входах, производимых ноздрями при дыхании, о заслонах вокруг пупа и, наконец, о видении душой нашего Господа, каковое видение осязаемым образом и в полной уверенности происходит внутри пупа»⁶³³.

Святитель принял вызов и быстро дал ответ. Акиндину он написал, что дружба — не выше истины и не может принять его снисходительности к доказательствам Калабрийца. А сам Варлаам получил от Паламы большой трактат против Аристотеля, Платона и греческих философов, авторитетом которых Калабриец громил Фому Аквината. Не дожидаясь ответа Варлаама, св. Григорий Палама написал второй трактат на ту же тему, в котором находит от-

ражение и новое столкновение, противопоставившее Варлаама исихастам Фессалоник.

Глубокий поклонник Платона, Варлаам возмущился, услышав, что человеческое тело способно принимать участие в молитве и ощущать действие Божией благодати. Калабриец составил трактаты для ограниченного круга лиц, в которых довольно грубо называл монахов «людьми, чья душа находится в пупе». В 1338 г. он отправился в Константинополь, где окончательно отождествил исихастов с богомилами или «мессалианами» — одной из ветвей богомильской ереси, и подал на них жалобу столичному патриарху и синоду. Однако Константинопольский патриарх Иоанн Калека официально отверг ее и пригрозил Варлааму наказанием, если тот не оставит монахов в покое. Архиепией прекрасно понимал, что Варлаам пользуется серьезной поддержкой при дворе, но и Афонские монахи не относились к категории лиц, которых можно было безнаказанно обижать. А потому самым правильным было бы сделать вид, что никакого конфликта не существует. Как полагают, такая мягкая реакция патриарха в значительной степени была подготовлена Акиндином, который сумел убедить архиепископа, что никаких оснований обвинять Паламу в двоебожии нет. Он даже привлек для защиты друга известного богослова Давида Дисипата, хотя тут же оговорился, что далеко не во всем разделяет мнение своего друга⁶³⁴.

Но Калабрийца «занесло» — вернувшись в Фессалоники, он возобновил свои нападки на монахов.

Впрочем, звезда Варлаама постепенно закатывалась. В 1339 г. он совершил дипломатическую миссию к Римскому папе Бенедикту XII, но неудачно. При встрече с чрезмерно заносчивым философом понтифик без долгих слов заявил, что если грекам ничего не известно об исхождении Святого Духа, то они, латиняне, давно знают о Нем. Следовательно, византийцам нужно лишь признать свои ошибки в вопросе о *Filioque* и присоединиться к Римской церкви. Понятно, что бесславное возвращение Варлаама из Авиньона охладило к нему отношение со стороны императора и великого домостика. Ситуацию усугубила не прекращавшаяся ненависть Калабрийца к монахам, против которых он составил целый трактат «Против мессалиан».

В ответ Афонские монахи решили призвать св. Григория Паламу, чтобы тот защитил их от обвинений Калабрийца. Святитель прибыл в Фессалоники и провел 3 года неподалеку от своей пустыни, находящейся под началом его друга Исидора. При мно-

гочисленных встречах он тщетно пытался любовно наладить отношения с Варлаамом. Не найдя сочувствия своим попыткам, святитель написал первую «Триаду» — три трактата, призванные защитить исихастов. Трактаты были написаны в форме ответов на вопросы, которые задают ему монахи. Примечательно, что Варлаам ни разу в них не упоминается⁶³⁵.

Акиндин находился в это время в Константинополе в непосредственном окружении патриарха. Он по-прежнему пытался играть роль примирителя, но с некоторыми коррективами: теперь Акиндин взял под защиту не Варлаама, с которым, однако, не прекратил общения, а Афонских монахов. Сохранились четыре письма, посланных Григорием Акиндином Варлааму в 1340—1341 гг., и во всех них Акиндин советует Калабрийцу быть умереннее и не одобряет его нападки на исихастов. Но Варлаам не пожелал идти ни на какие уступки. Он соглашался разве что умерить резкость своих выражений — в частности, убрать обидное прозвище «*пуподушники*», которым «окрестил» Афонских монахов. Естественно, своего мнения он не поменял.

Варлаам не хотел слушать никаких увещаний Григория Акиндина. А тот, испугавшись масштаба разгоравшегося спора, начал уже сам упрекать Калабрийца за то, что тот начал дискуссию и напал на обычаи, издавна принятые монашеским преданием. Действительно, для чего нужно было нападать на Иисусову молитву, связанную с дыханием, положением тела и значением сердца при молитве? В ответ Варлаам обвинил Акиндина в том, что тот по дружбе к своему бывшему афонскому учителю разделил заблуждения Паламы. После этого Акиндин «умыл руки» и заявил о своем несогласии с обеими сторонами в споре.

Тем временем святитель отправился на Афон, где получил одобрение со стороны Афонских монахов составленному им «*Святогорскому Томосу*». Обнародование этого документа имело огромное влияние на исход полемики, поскольку сторонники Варлаама оказались исключенными из общения в таинствах епископом Иерисским, поместным архиереем Афона, что придавало заявлению монахов статус *официального мнения Церкви*. Под Томосом подписались многие знаменитые старцы и монахи, включая будущего Константинопольского патриарха *Филофея*, а также игуменов Сербского монастыря Хиландара, Иверского монастыря и сирийских монахов. Чтобы подкрепить догматически живой опыт веры, святитель выдвинул учение о вечно сияющих и таинственно льющихся из Божественной сущности *энергиях*, к которым человека

приближает молитва и через которые человек может приобщиться к Богу. Палама называл это «*Фаворским светом*» и доказывал, что приобщение к Богу истинно тогда, когда охватывает не только ум, но душу и все тело⁶³⁶.

При таких обстоятельствах дело приняло еще больший размах, хотя Византийское правительство пыталось сделать все, чтобы спор Паламы с Калабрийцем не затронул вопросов вероучения. Все еще оставалась надежда, что дело сведется к личным разногласиям, и, к чести св. Григория Паламы, он делал все от себя зависящее, чтобы примириться с Варлаамом. Но тот уже решился на шаг, после которого никакое отступление стало невозможным. Калабриец представил патриарху и членам Синода свой трактат «*Против мессалиан*» и потребовал рассмотреть этот вопрос не на синоде, а на Соборе с обязательным участием императора Андроника III Младшего. Для подкрепления своей позиции он обвинил св. Григория Паламу и Афонских монахов в том, что, издав «Святогорский Томос», они нанесли урон патриаршей чести, а, следовательно, автор документа заслуживает церковного суда.

К богословскому диспуту оказались причастными и высшие политические фигуры. Императрица Анна Савойская заняла сторону св. Григория Паламы и потребовала от Константинопольского патриарха Иоанна Калеки, чтобы тот дождался возвращения ее мужа. Она была уверена в том, что святитель сможет оправдаться от ложных обвинений. Но Варлаам также не сидел сложа руки. В отсутствие василевса он заручился поддержкой многих влиятельных лиц. Полагают, что даже теперь император и великий домestik в целом были на его стороне и симпатизировали его взглядам, хотя сами и не вмешивались в спор.

Под давлением Варлаама синод направил послание властям Фессалоник с требованием доставить св. Григория Паламу на Собор в Константинополь *в административном порядке*. Но Григорий Акиндин, пытавшийся найти компромисс, без труда доказал патриарху, что вызов, сделанный *в такой форме*, уже предполагает виновность Паламы и предопределяет результат диспута. Срочно в адрес лично Паламы ушло второе письмо, в котором его *приглашали* на Собор. Святитель немедленно отправился в столицу в сопровождении трех лучших своих друзей — Марка, Исидора и Дорофея. Попутно он написал письмо Давиду Дисипату, отшельнику Парория, где некогда св. Григорий Синаит основал пустынь, и просил его приехать в Константинополь. У него уже была дописана последняя часть «*Триады в защиту священномолв-*

ствующих», которую он хотел использовать для опровержения Варлаама.

Спор подходил к своему пику, и следует сказать, что ходячее мнение, будто «варлаамизм» представлял собой чуждое византийскому богословию и привносное явление, несостоятельно. Как правильно замечают, односторонность этого взгляда опровергает тот простой факт, что самая сильная и напряженная борьба между сторонниками Варлаама и Паламы наступит именно тогда, когда сам Варлаам уйдет со сцены. Кроме того, следует учесть, что к июньскому Собору 1341 г. обе партии подошли еще далеко не во всеоружии доказательства своих мыслей. Каждая из партий по-разному толковала некоторые логические положения и расходилась с оппонентом в способе заключений из логических посылок, принимаемых обеими сторонами. В результате осталось много заблуждений, неясного, ошибочного — если мы говорим об обвинениях, и т.п. Примечательно, что один из пунктов обвинения Варлаама — а их всего было 19 — звучит как «увлечение Паламой *аристотелевским учением* (!) о безначальности и бесконечности мира». Сам св. Григорий обвинял противника в измене церковному учению и множестве вытекающих отсюда ересей⁶³⁷.

Святой Григорий и его товарищи прибыли одновременно с императором Андроником III в Константинополь весной 1341 г., и положение дел там было не очень благоприятным для них. К тому времени Варлаам приобрел множество сторонников среди светских и духовных лиц и практически ежедневно устраивал шумные заочные опровержения взглядов Паламы на улицах столицы. Андроник III Палеолог, в детстве хорошо знавший Паламу и испытывавший к нему глубокое уважение, постарался примирить Варлаама и святителя посредством переговоров. Когда же это не удалось, то просто *запретил* Варлааму обвинять св. Григория Паламу в ереси, чтобы таким образом избежать спора о вероучении.

Собор состоялся 10 июня в храме Святой Софии и длился всего один день. Это был настоящий *Собор*, а не обычное синодальное заседание: прения были публичными, Андроник III Палеолог председательствовал лично, окруженный сенаторами и «Вселенскими судьями», не считая присутствовавших епископов, архимандритов и игуменов. Царь, опасаясь за судьбу Паламы и не желая конфликта, пытался убедить стороны подписаться под подготовленным по его приказу соглашением. Согласно этому документу, Варлаам признавался, что что-то недопонял в исихастской практике Афонского монашества, и, следовательно, дело заключается в *личной*

обиде, которая легко устранима. Но Варлаам упорно стоял на своем и начал обвинительную речь.

Но едва Калабриец коснулся вопроса о вероучении, как патриарх прервал его, заметив, что по святым канонам только епископам предоставлено право толковать догматы. Нетрудно догадаться, что этот ход был подсказан ему царем — уж очень он перекликался с предыдущими инициативами императора. Тогда Варлаам перешел к конкретным претензиям: «Фаворский свет», «Иисусова молитва» и т.д. Вызвали на заседание Собора св. Григория и остальных монахов. Палама обстоятельно рассказал предысторию спора, в ходе которого неоднократно пытался примириться с оппонентом. Затем святитель поведал, что, вынужденный защищаться, основывал свои трактаты на учении Святых Отцов, а не силлогизмах и геометрических построениях, как это делает Варлаам. И привел конкретные доводы. Возразить было нечего. После этого обвинитель превратился в обвиняемого. Рассмотрели трактат Варлаама *«Против мессалиан»* по следующей схеме: сначала читали несколько отрывков из произведения Варлаама, затем монахи приводили опровергающие их цитаты из Святых Отцов. К концу дня Варлаам понял, что Собор складывается не в его пользу. Он попытался найти защиту у великого доместика Иоанна Кантакузена, но тот только посоветовал ему признать свою неправоту.

Не без смущения Варлаам вышел в центр зала и заявил, что ошибался, упрекая монахов в незнании предмета спора. «Ныне же я вполне убедился, что они лучше меня мыслили о предмете нашего пререкания, и в остальном я нисколько не имел разногласия с ними и уверен и исповедую, что свет, осиявший на Фаворе учеников, есть вечный». Как полагают, такая откровенная капитуляция была в немалой степени обусловлена тем, что Акиндин не поддержал Калабрийца, и тот посчитал себя преданным своим бывшим учеником⁶³⁸.

Затем император подводил итог дискуссии. Поразительно: при личном сочувствии царя и великого доместика Варлаам не смог одержать победу и едва не был анафематствован! Кстати сказать, это обстоятельство весьма положительно характеризует личность самого Андроника III Палеолога.

Раскаяние Калабрийца было радостно встречено всеми, включая св. Григория Паламу, и отцы Собора благодарили Бога за мир в Церкви. А затем император Андроник III Палеолог произнес речь, своим содержанием, глубиной мысли и стилем изумившую всех присутствующих лиц⁶³⁹. Андроник III Палеолог подвел конец дискуссии. Но никакого соборного определения принято не

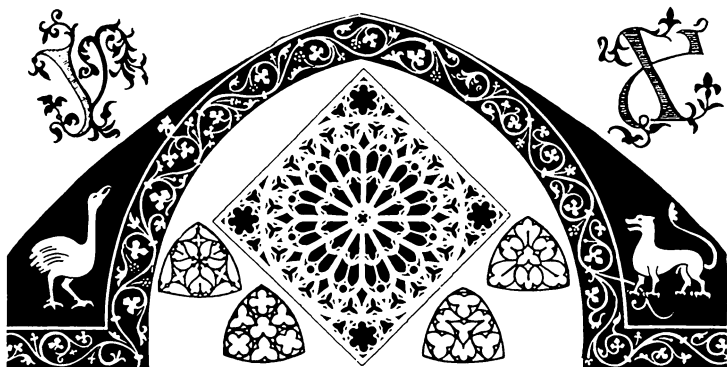
было — вместо него утвердили протокол, в котором под угрозой условного отлучения от Церкви *запрещалось* обсуждать те вопросы, которые поднял Варлаам. Правда, позднее этот *протокол* был значительно изменен и получил вид соборного *Томоса*, где Варлаам выставлен уже в роли обвиняемого⁶⁴⁰. Святой Григорий Палама был, очевидно, недоволен половинчатостью соборного решения, поскольку его встречный иск против Варлаама, по существу, не рассматривали, а, следовательно, исихазм не утвержден Церковью как истинное учение.

Можно было с полной уверенностью полагать, что спор на этом не прекратится. Но в тот момент все выглядело идиллически. Патриарх Иоанн Калека обнародовал окружное послание, осуждающее «то, что монах Варлаам говорил против священно-безмолвствующих», и под страхом отлучения от Церкви предписывающее: 1) всем жителям Константинополя сдать в патриархию писания Варлаама, находящиеся в их распоряжении, 2) жителям других городов сдать их поместным духовным властям для прина-родного уничтожения.

Однако Варлаам не сложил оружия. Едва выйдя из зала заседаний Собора, он заявил, что «все было подстроено Паламой», конечно, имея в виду в первую очередь *императора*, без которого результат соборной дискуссии едва ли бы был столь перспективен для святителя. Но из опасения неизбежного наказания за нарушения соборного определения, буквально на следующий день уехал в Авиньон, где вскоре Римский папа *Климент VI* (1342—1352) хиротонисал его в епископы Кесарийские⁶⁴¹.

Но и для Андроника III Палеолога это была последняя победа, которую ему даровал одержать Бог. После окончания Собора царь почувствовал себя совершенно разбитым физически — сказались многочисленные военные походы и ранения. Он отправился в монастырь Одигов и здесь впал в бесчувственное состояние. На третий день император пришел в себя и, почувствовав смертный час, пригласил к себе царицу Анну Савойскую, которую просил принять его кончину с душевным спокойствием. 15 июня 1341 г. 45-летний Римский император Андроник III Младший Палеолог скончался.





ЛХХV. ИМПЕРАТОРЫ ИОАНН V ПАЛЕОЛОГ (1341–1391), ИОАНН VI КАНТАКУЗЕН (1347–1354), МАТФЕЙ (1354–1357), АНДРОНИК IV ПАЛЕОЛОГ (1376–1379) И ИОАНН VII ПАЛЕОЛОГ (1390)

Глава 1. Гражданская война. Кантакузены против Палеологов

Смерть императора Андроника III Палеолога оказалась роковой для Византии. Ушел из жизни человек, способный хоть как-то сохранить централизованное управление Римским государством и не только отразить нападения врагов, но и вести последние в истории Империи *наступательные войны* по восстановлению ее территориальных границ. Теперь же его преемником оставался 9-летний мальчик Иоанн V Палеолог, объективно не способный в тот момент управлять державой. Как и ранее, самой могущественной фигурой оставался великий domestik Иоанн Кантакузен, но и его положение существенно изменилось.

Когда Кантакузен находился при императоре и *действовал от его имени*, столичная аристократия вынужденно мирилась с этим фактом. Теперь же легитимность власти великого domestika, желавшего сохранить свою роль фактического правителя

Византийской империи и опекуна царевича, была сведена к нулю. Оппозиция сплотилась вокруг императрицы Анны Савойской и Константинопольского патриарха Иоанна Калеки, к которым примкнул Алексей Апокавк. Бывший товарищ Кантакузена, ранее занимавший пост министра финансов и дуки флота, очень забеспокоился, узнав, что Кантакузен переехал в царский дворец, где пребывал царевич, и окружил его наемной варяжской стражей. Он полагал, что с минуты на минуту великий доместик объявит себя Римским императором, но этого не произошло. Тогда Апокавк, все мерявший своими категориями, решил, будто Кантакузен желает вначале устранить царицу, патриарха и его, а затем уже брать в руки царскую власть. Эти размышления, совершенно не соответствовавшие мыслям самого Кантакузена, подтолкнули Апокавка к стремительному переходу в лагерь императрицы Анны Савойской и патриарха Иоанна Калеки⁶⁴².

Первым публичный выпад сделал столичный архиерей, буквально в первые дни воцарения малолетнего василевса *потребовавший* признать себя регентом Иоанна V Палеолога. Поскольку на эту же роль претендовал и Кантакузен, данное требование являлось вызовом, породившим новую дворцовую войну. Надо сказать, это были совершенно разные люди. Даже недруги Иоанна VI Кантакузена описывают его как человека великого предначертания, мужественного, умного, рассудительного и расчетливого. Годы походов и участия в государственном управлении закалили его и позволили приобрести громадный опыт. И в то же время великий доместик представлял образ человека поистине благородного, никогда не позволявшего себе чего-либо противного правилам чести. Современник так характеризовал его: «Муж разумный и весьма способный к делу ратному, который был, так сказать, цвет благоуханный людей благоуханных, почему Андроник Палеолог и почитал его братом своим, и возложил, при кончине своей, на него и на сына своего царское звание»⁶⁴³.

Честолюбивый и последовательный во всем, он, правда, иногда переступал границу дозволенного. Но, откровенно говоря, его противники также не баловали современников высокими понятиями о чести. Великий доместик состоял в широкой переписке с монахами Афонской горы и неоднократно писал им, что желал бы после бранных трудов принять монашеский постриг и завершить земной путь на Святой горе. Под конец жизни этот образованнейший человек своего времени написал «Историю», охватывающую значительный период истории Византии в XIV веке.

Императрица Анна Савойская, которую страстно любил император Андроник III Палеолог, составила при себе настоящий итальянский двор и ввела латинские привычки и игры, *коробившие* византийские национальные чувства. Эта женщина, не лишенная благородных качеств, имела и очевидные пороки. Она очень любила роскошь и с легкостью тратила на свои желания последние остатки государственных средств. Кроме того, как женщина честолюбивая, но не волевая, императрица была подвержена чужому влиянию и нередко играла вторые роли в политике. Ее именем прикрывался и патриарх, и Алексей Апокавк⁶⁴⁴.

Патриарх Иоанн Калека, по словам современников, только посохом и священническими одеждами походил на архиерея. Надменный и властный, недалекий, необразованный и смертельно опасный для каждого, ставшего на его пути, он был далеко не лучшим из череды Константинопольских патриархов. Нет никаких сомнений в том, что столичный архиерей добивался регентства не из идиллических соображений. Честолюбивый Иоанн Калека уже давно присвоил себе некоторые царские привилегии в части внешнего одевания и даже начал носить пурпурные туфли — знак императорского достоинства. Помимо этого, патриарх осмеливался подписывать послания пурпурными чернилами и носил тиару, украшенную шелком и золотом — также прерогативы василевса.

Пожалуй, наибольшими государственными талантами обладал Алексей Апокавк — выходец из простых служивых лиц, некогда замеченный великим доместиком, обеспечившим его карьеру. Но и он отличался коварством и неблагодарностью, предлагая вначале Кантакузену свергнуть Андроника III Младшего с престола, а затем, получив отказ, начав интриговать против своего благодетеля. Как говорили, если бы к талантам Апокавка прибавить нравственность и добродетели, он мог бы стать самым выдающимся человеком своего времени.

Не прошло и 9 дней со смерти василевса, как собрался совет, на котором, при внешнем камуфляже благородства, обсуждалось главное — *кто* будет управлять Римской державой. Патриарх опирался на письменный документ, врученный ему и членам синода Андроником III Палеологом в 1334 г. Тогда своим актом император поручил Константинопольскому патриарху охранение своей жены и детей в случае политической смуты. В Византии действительно существовал обычай, по которому патриарх считался защитником законности престолонаследия. Поэтому Иоанн Калека мог сме-

ло апеллировать к практике патриархов Арсения и даже Николая Мистика.

Претензии Кантакузена основывались на дружбе, которую питал к нему Андроник III, и на власти, которой великий доместик располагал еще при жизни императора. То *духовное родство*, что образовалось между ним и покойным василевсом, позволяло ему говорить о том, что главным хранителем семьи должен быть только он. Так, в самые тяжелые минуты существования Римской державы две политические партии, позабыв о нуждах государства, готовились к смертельной схватке друг с другом.

Но до открытого разрыва пока еще не дошло — в ту минуту Кантакузен, как и его соперники, еще чувствовал свою силу. Когда великий доместик увидел, что находится в явном меньшинстве, то тут же заявил о своей добровольной отставке, будучи абсолютно уверенным, что царице и патриарху без него не обойтись. И правда, как только в столице узнали, *что* происходит во дворце, множество солдат и знатных аристократов поспешили туда, чтобы выразить свое возмущение отставкой любимого ими полководца. Перепуганной царице и патриарху пришлось упрашивать великого доместики выйти к ним навстречу. Порядок был восстановлен, а вскоре Кантакузену удалось еще раз продемонстрировать свои блестящие военные способности. В ближайшие месяцы он отразил два нападения турок в Дарданеллах и возобновил дружеский договор с султаном Орханом⁶⁴⁵.

Несмотря на эти успехи, внешнее положение Византийской империи было очень тревожным, и Кантакузен вынужденно принял к своему ведению международные вопросы. Щедро тратя собственные средства, а государственная казна была пуста, великий доместик довольно эффективно справился с первыми попытками болгар и сербов «подкорректировать» границы своих владений. Пусть и не без труда, но ему удалось заключить мирный договор с Болгарским царем Иваном Александром. Более того, в Дидимотих, где располагалась ставка Кантакузена, явились представители французской знати Ахейского княжества, предложившие принять их под свою власть, — им очень не хотелось оставаться вассалами Анжуйского дома. Впервые за много лет возникла возможность восстановить византийское влияние на территории всей Греции, окружив и уничтожив Каталонское государство в Афинах. Собственно говоря, об этом и мечтали некогда император Андроник III Палеолог и Кантакузен. Но для этого требовалось сконцентрированное усилие всех элементов политической системы Византии,

единодушные и стремление к самопожертвованию — качества, уже отходившие в Империи в разряд легенд⁶⁴⁶.

Великому domestiку требовались деньги, солдаты и спокойствие в столице, но именно в это время оппозиция, используя его отсутствие в Константинополе, начала действовать. Апокавк решил сделать ставку на средние и низшие слои населения, крайне недовольные финансовой политикой правительства последних лет. Их руками, но от имени императрицы, патриарха и синода, он обратился к народу с прямым воззванием уничтожить Иоанна Кантакузена и всех его сторонников. Напротив, сторонниками Кантакузена стали представители знатнейших аристократических семей. Как говорят, даже под окнами Влахернского дворца молодые аристократы, не стесняясь, выкрикивали требования предоставить Иоанну Кантакузену царские почести⁶⁴⁷.

Зато призыв Апокавка вызвал положительную реакцию у плебса, и в одночасье дома Кантакузенов и его приверженцев в Константинополе были разграблены и сожжены. Самого Иоанна Кантакузена лишили всех прав состояния, объявили вне закона и предписали никуда не выезжать из Дидимотиха, пока готовится суд. Его земли и имущество конфисковали. Сын Кантакузена Матфей и его мать Феодора Палеолог были брошены в темницу. Было бы удивительным полагать, что Кантакузен будет спокойно ждать конца этой расправы. Но великий domestiк, впитавший политические принципы византийского сознания, ярый сторонник легитимизма, никак не желал выступать в качестве узурпатора престола.

Нет, конечно, он был не прочь войти в царскую семью и приобрести права на императорство, но *мягкими способами*, например, путем женитьбы малолетнего Иоанна VI Палеолога на своей дочери. Поэтому Кантакузен напрямую отправился к Алексею Апокавку в Эпиваты, где тот располагался, и попытался договориться. Великий domestiк удовлетворился его честным словом, которое Апокавк не сдержал, и всеми силами старался умиротворить отношения. Даже после начала смуты Кантакузен не перестал состоять в переписке с Анной Савойской, которая заняла двойственную позицию: опасаясь Апокавка, царица тайно писала Кантакузену, чтобы тот проявил терпение и осторожность, а в официальных документах называла domestiка *узурпатором*⁶⁴⁸.

В таких условиях сторонники Кантакузена не желали рисковать, а потому 26 октября 1341 г. в Дидимотихе великого domestiка провозгласили Византийским императором. Местный епископ короновал его императорским венцом. И все же, соблюдая прин-

цип легитимности, сам Кантакузен приказал поминать свое имя при величаниях *после* Иоанна V Палеолога и императрицы Анны Савойской. Оправдывая свой шаг, император Иоанн Кантакузен разослал повсеместно грамоты к населению, в которых отмечал, что борется за права Иоанна V Палеолога, попавшего в «дурное окружение» матери-царицы и Алексея Апокавка. Для наглядности сразу после коронации Кантакузен снял с себя белые одежды и переменял их на траурные в знак печали по покойному императору Андронику III Палеологу, которого очень любил⁶⁴⁹.

Этот шаг вызвал резкую реакцию официального Константинополя. 19 ноября 1341 г. **Иоанна V Палеолога** венчали на царство, Анна Савойская была объявлена соправителем, а Алексей Апокавок получил титул великого дуки и фактически неограниченную власть. Были также разосланы грамоты по всем областям, призывая к неповиновению «узурпатору». Новая волна грабежей имений сторонников Кантакузена пронеслась по Империи, и вскоре все государство оказалось расколотым на два лагеря.

Но и после открытого разрыва Иоанн Кантакузен попытался решить дело миром. В феврале 1342 г. он вступил в переписку с протом Афонской горы Исааком и просил того стать посредником между ним и Анной Савойской. Афонские старцы действительно приняли сторону Кантакузена, и, кстати сказать, их авторитет и влияние в конечном счете обеспечили его окончательную победу. В свою очередь в Константинополе постарались сделать все, чтобы этот союз распался. Одного из послов, игумена Лавры Макария, назначили Фессалоникийским митрополитом и поручили действовать против Кантакузена. Остальных монахов задержали в столице⁶⁵⁰. Началась настоящая *Гражданская война*, причем война *тотальная*, захватывающая все слои населения, разделившая брата от брата и сына от отца.

Сторону Кантакузена заняла провинциальная аристократия. А наиболее крупные города, такие как Константинополь, Адрианополь и Фессалоники, а также вся Фракия категорически отказались признать его власть. Например, адрианопольцы призвали на помощь Болгарского царя Ивана Александра, но сразу же предупредили того, что пригласили болгар в качестве союзников и не собираются изменять своему *законному* царю. Разочарованный этим условием, Болгарский царь разграбил нижнюю Фракию, а зимой заключил мирный договор с императором Иоанном VI Кантакузеном⁶⁵¹.

Гражданская война — страшное и трагичное событие в истории Римской империи, окончательно похоронившее любые надежды

на ее восстановление, приведшее к потере множества территорий и полному истощению государственной казны, финансовых и военных сил государства. Позорно, что ради победы обе противоборствующие партии в течение многих лет *продавали* Византию — туркам, болгарам, сербам в обмен на деньги и военную помощь. Пожалуй, никогда еще политические нравы не падали так низко.

Но Гражданская война интересна для нас и по иным причинам. Как отмечал сам Кантакузен в своей «Истории», «народ всюду видел свой долг в том, чтобы оставаться верным Палеологам, в то время как собственники искренне были расположены к императору Кантакузену»⁶⁵². Но этот факт вовсе не предполагает наличия «классовой» составляющей в начинающейся Гражданской войне. Хотя замечательно демонстрирует то, что носители традиционных идей — рядовые византийцы, стояли за легитимного царя. Напротив, представители аристократии, ведомые западными феодальными конструкциями, были готовы признать императором «лучшего», к которым, безусловно, относился великий domestik Иоанн Кантакузен — замечательный полководец, аристократ и политик. Примечательно, что сам Кантакузен не разделял в полной мере мыслей и желаний своих сторонников и постоянно пытался найти компромиссный вариант, из чего, впрочем, ничего не вышло⁶⁵³.

Иногда говорят, что за Иоанна V Палеолога стояла «национальная» партия, но при Анне Савойской было множество латинян, как, впрочем, и в армии Кантакузена. К этой ситуации, как нигде лучше, подходят слова, сказанные одним автором по другому поводу: «Нужно идти с крайними предосторожностями, постоянно рискуя попасть в непроходимые дебри, чтобы хоть до некоторой степени ориентироваться в этом запутанном деле».

Особенно острая борьба развернулась за «жемчужину Римской империи» — Фессалоники, правителем которой был ставленник Кантакузена Синадин. Там сложилась довольно специфичная система управления. Зилоты, которых активно поддерживало сельское население и моряки, потребовали участия в управлении Фессалоник. В результате в городе были введены две должности архонтов. Одну из них занимал Михаил Палеолог, глава зилотов, вторую — сын Алексея Апокавка Иоанн, представлявший Византийское правительство. Каждый из архонтов имел собственный совет и право созыва народного собрания. Все же, как считается, в действительности большими полномочиями по факту владел Михаил Палеолог.

Изначально фессалоникийские зилоты заняли сторону Анны Савойской и Апокавка, и для этого были свои причины. Во-первых, им совершенно не нравилась тенденция централизации государственного управления, идеологом которой выступал Кантакузен. А, во-вторых, зилоты, равно как и монахи Студийского монастыря, всегда испытывали симпатии к Риму. Палеологи, неоднократно пытавшиеся заключить унию с папой, были им гораздо ближе Кантакузена, стоявшего на строго ортодоксальных позициях. Наконец, в-третьих, им весьма нравились сербы, с которыми зилоты связывали реализацию своих надежд на автономию города. И, как мы увидим, неоднократно зилоты Фессалоник пытались сдать город Стефану Душану. Данные обстоятельства многократно увеличивали тяжесть проблем, стоявших перед Иоанном VI Кантакузеном⁶⁵⁴.

Потеряв с начала войны почти все владения во Фракии (в его руках оставался только Дидимотих), Кантакузен решил непременно занять Фессалоники, сделав этот город базой для последующих операций в Македонии. Весной 1342 г. он отправился в поход, а ему наперерез уже двигался с флотом Алексей Апокавк, что значительно затрудняло положение кантакузенцев. Кроме того, Иоанн несколько запоздал с началом похода — пока он двигался, фессалоникийцы подняли восстание, перебили его сторонников, проживавших в городе, а местное сельское население выступило им на поддержку. В результате осады Фессалоник, организованная Кантакузеном, провалилась. Спасаясь, он обратился за помощью к Сербскому королю *Стефану IV Душану* (1331—1355) и, получив согласие, с остатками войска летом 1342 г. ретировался в Сербию. Одновременно с этим Кантакузен попросил солдат у турецкого эмира Айдина *Умур-бея* (1334—1348)⁶⁵⁵.

В Приштине, где находился Стефан Душан, Иоанна встречали с императорскими почестями и даже обещали помощь, но на жестких условиях. Сербский король потребовал уступки практически всей Македонии, и лишь после длительных уговоров Душан согласился на то, чтобы в виде платы за военную помощь Кантакузен признал за ним права на уже завоеванные византийские города⁶⁵⁶.

Собрав силы и получив поддержку со стороны Сербского короля, Иоанн Кантакузен летом 1343 г. начал новый поход на Фессалоники. Первоначально все шло неплохо: аристократы Фессалии во главе с племянником императора Иоанном Ангелом явились в лагерь Кантакузена и принесли клятвы верности. Полководец назна-

чил Ангела правителем этой области, сохранив за ним управление Эпиром. В ходе военных действий Кантакузен захватил несколько важных городов — Веррию, Соск, Петру, Старидол, Платамон, Сервию и другие. Но, как и в прошлом году, Фессалоники ему опять не дались — зилоты настолько удачно организовали оборону города, что все атаки войск Кантакузена были сорваны⁶⁵⁷.

Эта неудача едва не стала фатальной для Иоанна VI Кантакузена. Сербский король был взбешен тем, что армия Кантакузена захватила город Веррию, на который претендовал он сам. Его недовольство активно поощряла Венеция, с которой Стефан IV был в дружеских отношениях. Венецианцы настоятельно рекомендовали ему завязать мирные отношения с Константинополем, где республиканцам обещали новый торговый договор и крупные льготы. Флот Алексея Апокавка с сильным турецким отрядом в это время совершил рейд к территориям, занятым сторонниками Кантакузена, и разорил Веррию.

Теперь положение Кантакузена стало отчаянным. Выручил его турецкий эмир Умур-бей, спасший семью Иоанна в Дидимотихе, окруженном враждебными Кантакузену болгарами. Зимой с 1342 на 1343 г. Умур-бей с сильным войском высадился в устье реки Марица, поднялся вверх по течению и отбросил болгар от Дидимотиха. Затем, не вытерпев холодов, турок ушел на родину, но осенью 1343 г. вновь вернулся на 300 судах на помощь Кантакузену, располагавшемуся в Южной Македонии.

В это время в темнице в Константинополе скончалась мать Иоанна Кантакузена Феодора Палеолог. Одна из замечательнейших женщин своего времени, блестящий политик и патриотка, многократно выручавшая императора Андроника III Палеолога, она была доведена голодом и страданиями до фатального исхода. Насколько мало значили тогда Анна Савойская и ее сын, хорошо иллюстрирует тот факт, что сама царица ничего не знала о гибели аристократки. Лишь после смерти Феодоры Палеолог ей сообщил об этом ее лечащий врач⁶⁵⁸.

С приходом союзников-турок ситуация стала выравниваться. Уже Алексей Апокавк был вынужден очистить Южную Македонию, а турки из других племен, ранее помогавшие ему, не желали воевать с соотечественниками и вернулись на родину. Кроме того, столица оказалась в тисках финансового кризиса — денег катастрофически не хватало на армию и военные расходы. Анна Савойская пошла на реквизицию церковного имущества и продажу императорских драгоценностей, что называется, за гроши. Впрочем, как

и всегда, значительная часть этих средств оказалась расхищенной ближайшим окружением царицы⁶⁵⁹.

После ряда побед Кантакузен внес серьезные коррективы в свои военные планы. Ему очень не хотелось вступать в конфронтацию с сербами из-за Македонии, а осада Фессалоник представлялась малоперспективной. Он решил начать атаку на Фракию, овладение которой предвосхищало ответ на вопрос, кто будет являться хозяином Константинополя. При помощи турок осенью 1343 г. Иоанн Кантакузен захватил множество городов во Фракии и вернул себе свое родовое гнездо Дидимотих. Но вскоре столь выгодный для Кантакузена союз с турками вынужденно распался. Римскому папе *Клименту VI* (1352—1362) удалось наконец довести дело своих предшественников. «Конференция», направленная против пиратских грабежей турок в Эгейском море, к которой присоединились официальный Константинополь, Генуя, Венеция, родосские рыцари и правитель Кипра, начала действовать. Это обещало длительную и ожесточенную войну латинян с турками, и Умур-бею было уже не до Кантакузена⁶⁶⁰.

Вновь Иоанн начал испытывать трудности. Кроме того, под предлогом помощи Сербский король бесцеремонно вытеснял Кантакузена из Македонии, овладевая город за городом. Он захватил Лерин, Воден, Касторию и всю Албанию, за исключением Диррахия, попавший в руки французам. В самом Константинополе имя Кантакузена было предано патриархом Иоанном Калекоей анафеме. Еще хуже обстояли дела во Фракии, где действовали одновременно Кантакузен, Апокавк, Болгарский царь Иван Александр, 5-тысячный отряд независимого болгарского правителя Момчила и турки. Одни сменяли других, *стерилизуя* местность. Причем этот конгломерат постоянно варьировался, создавая причудливые политические комбинации.

Первоначально Болгарский царь Иван Александр согласился на союз с Апокавком при условии безвозмездной передачи ему обширной области на севере Фракии, включая города Филиппополь, Стенимах и Цепена. Однако его участие в боевых действиях носило *номинальный* характер — он не собирался лить кровь болгар за интересы той или иной политической партии византийцев. Другое дело — Момчил, которого зимой с 1343 на 1344 г. Кантакузен сумел привлечь в свои ряды. Но вскоре Апокавк предложил болгарскому правителю титул деспота, и Момчил с легкостью предал старого союзника⁶⁶¹.

Спасло Кантакузена одно неожиданное обстоятельство. Весной 1344 г. часть турецких кораблей, воюющих с латинской «конференцией», была оттеснена к берегам Юго-Восточной Македонии. Турецкий отряд численностью 3 тысячи воинов высадился на берег и, поскольку их суда были сожжены, решил возвращаться домой по суше. Сербы попытались перегородить им дорогу, но потерпели поражение. Пробившись, турки прибыли к Кантакузену и, памятуя старые отношения, предложили ему свои услуги. Совместно с его отрядами они разгромили болгар царя Ивана Александра, чем вынудили того заключить мирный договор с Кантакузеном. Почувствовав новую конъюнктуру, Момчил расторг отношения с Апокавком и, получив от Кантакузена титул севастократора и права на захваченные территории, присоединился к нему.

В скором времени почти вся территория Фракии оказалась очищенной от правительственных войск, хотя многие области более не подчинялись византийцам, — например, Ксанфия и Анастасиополь находились во владении Момчила, как суверенного правителя. Болгарская помощь стоила очень дорого, и теперь Филиппополь, Цепин, Кричим, Перушница, Юстиниана, Станимак, Воден, Айтос навсегда оказались потерянными для Византии. Правда, это стало последним успехом и болгар, поскольку Кантакузен сумел отбить их нападение в область Морру⁶⁶².

В довершение всех бед для Апокавка, эмир Умур-бек умудрился разгромить латинян, вернул себе Смирну, захваченную «конференцией» в октябре 1344 г., и в январе 1345 г. с основными силами присоединился к Кантакузену. Вследствие их совместных действий у правительства Апокавка и Анны Савойской остались во владении Константинополь, полуостров Галлиполи, города Энос, Гексамил и полунезависимые Фессалоники⁶⁶³.

Настал черед волноваться Константинополю. Разуверившись в полководческих талантах Алексея Апокавка, многие сановники из окружения Анны Савойской требовали заключить с Кантакузеном мирный договор. Апокавок попытался увести Иоанна V Палеолога к себе в имение, чтобы иметь возможность диктовать царице условия с позиции силы, но ему помешал патриарх. Даже Иоанн Калека начал во всем винить Апокавка, требуя мирных переговоров с Кантакузеном⁶⁶⁴.

11 июня 1345 г. произошло событие, ставшее предвестником грядущей катастрофы партии Анны Савойской. По принятой традиции Апокавок обходил городские тюрьмы, проверяя качество содержания арестованных лиц. Смелый человек, он пренебрег охра-

ной, а заключенные, внезапно набросившись на сановника, забили его до смерти в камере. И хотя в ответ по столице понеслась еще одна волна убийств и грабежей сторонников Кантакузена, а убийца Апокавка немедленно казнили, положение врагов Иоанна VI резко ухудшилось.

Тем временем Кантакузен с турками решил разделаться с ненадежным Момчилом. 7 июля 1345 г. он разгромил войска болгарина, очистив от его солдат многие области Македонии. Это была тяжелая и кровавая битва. 5 тысяч всадников Момчила оказались прижатыми к городским стенам Перифеориона. Болгары спешили и молча рубились до конца. К моменту, когда сам Момчил пал, сраженный турецкими стрелами и мечами, в живых оставалась лишь небольшая группа его воинов, тут же сложивших оружие. Рассказывают, что Иоанн Кантакузен плакал над трупом павшего героя, поразившего всех своим мужеством⁶⁶⁵.

Затем союзники двинулись на сербов, осаждавших город Серры. Но в этот момент умер командир турецкого отряда Сулейман, сын эмира Сарухана. Опасаясь осложнений с отцом покойного, Умурбек оставил Кантакузена и вернулся на родину, где продолжил войну с латинской «конференцией». В конце концов в мае 1348 г. он будет разбит латинянами у Смирны и погибнет в сражении⁶⁶⁶.

Оставшись без союзника, Кантакузен предпринял быстрые шаги по заключению договора с османами, и вовремя. Константинополь уже давно пытался заручиться поддержкой Османского султана Орхана, и отдельные отряды османов уже служили в армии Апокавка. Однако Иоанн Кантакузен, завоевав в 1345 г. Херсонес Фракийский, успел раньше своих противников заключить договор с *Сулейманом-наши Гази* (1316—1357), сыном султана Орхана. Чтобы скрепить союз, император пошел на беспрецедентный шаг — выдал свою дочь, красавицу Феодору, за Сулеймана, иными словами, *отдал ее в гарем* мусульманина. Это и решило дело в его пользу. Пока Кантакузен договаривался с османами о браке дочери, латиняне с папского благословения в 1344 г. овладели богатым городом Смирной, который будет оставаться в их руках почти 60 лет⁶⁶⁷.

После заключения договора Кантакузена с османами положение Анны Савойской и патриарха Иоанна Калеки стало *безнадежным*. Только непримиримые Фессалоники демонстрировали присущую городу ненависть к сторонникам Кантакузена. Но и там прежнего единодушия уже не было. Иоанн Апокавок, один из архонтов города, перешел в жесткую оппозицию к зилотам, в начале лета

1345 г. заманив их главу Михаила Палеолога в засаду и умертвив его. Начались аресты зилотов, а Иоанн Апокавк, разуверившись в победе Анны Савойской, склонял город к тому, чтобы признать над собой власть Кантакузена⁶⁶⁸. Но это вызвало настоящее восстание. Успех сопутствовал зилотам: Иоанна Апокавка и его товарищей сбросили с крепостной стены, и толпа порвала их тела на куски. Ни о какой сдаче города Кантакузену никто не желал слышать, а новым архонтом стал присланный их столицы Алексей Метохит.

Яростный порыв фессалоникийцев с железной неизбежностью обрекал их на политическую и военную изоляцию. Константинополь был далеко и ничем не мог помочь городу. А сербы к тому времени захватили уже всю Македонию, за исключением Фессалоник. Если не Кантакузен, то они должны были стать новым хозяином Фессалоник.

Дело заключалось в том, что Стефан Душан уже давно лелеял мечту о создании Сербо-греческой империи на развалинах Византии. В течение почти 24 лет Сербский царь был занят исключительно Юго-Востоком. Уже на первых порах Душан завоевал Македонию, а затем, используя смуты в Римской империи, захватил огромные территории, включая Албанию, Эпир, Фессалию, Акарнанию и Этолию. Стефан вступил в переговоры с Римом и был готов пойти на серьезные уступки, чтобы только получить покровительство папы и ликвидировать угрозы своему государству со стороны Запада⁶⁶⁹.

В 1346 г. Стефан Душан, до сих пор носивший титул короля, провозгласил себя «царем сербов и ромеев, болгар и албанцев», был торжественно коронован в этом сане Сербским архиепископом Иоанникием, которого затем произвел в патриархи, и завел двор в Скопье наподобие византийскому. Затем в Сербии были введены византийские титулы и церемонии⁶⁷⁰. Душан приблизил к себе представителей византийской знати, а греческий язык официально уравнивали с сербским — не случайно многие грамоты и акты Стефана IV написаны по-гречески. Вместе с Душаном была коронована на царство и его супруга *Елена*, а их сын провозглашен «кралем всех сербских земель»⁶⁷¹.

Нет никаких сомнений в том, что учреждение патриаршества было вызвано не желанием Душана укрепить Сербскую церковь, а исключительно политическими соображениями. Патриарх был нужен Сербскому царю для венчания по византийскому обряднику. Кроме того, императорство, на которое претендовал Душан, было немыслимо для современников без патриаршества. Естественно,

что позднее Константинопольский патриарх *Каллист* (1350—1354, 1355—1364) не признал решений Скопльского собора о поставлении Сербского патриарха и произнес отлучение на него. То обстоятельство, что в этом Соборе приняли участие старцы Святой горы Афон и некоторые греческие архиереи, вызвало новый раскол в Восточной церкви, завершившийся только в 1375 г., когда отлучение было снято с Сербской церкви⁶⁷².

Последним шансом Анны Савойской стал другой болгарский правитель — Балик, половец по национальности. По ее призыву он направил 1 тысячу всадников вместе со своими братьями Феодором и Добротичем на фракийский берег Понта, получив в награду руку дочери Алексея Апокавка. Но и Добротич был вскоре разгромлен полководцем Кантакузена Факрасисом у Силимврии. Остатки болгар укрепились в Мидии и успешно отражали попытки войск Кантакузена взять город штурмом⁶⁷³.

В целом дела у Кантакузена шли совсем неплохо. Укрепившись при помощи османов во Фракии, он 21 мая 1346 г. был венчан на царство Иерусалимским патриархом *Лазарем* (1334—1368) вместе со своей супругой Ириной. При этом Кантакузен отказал в венчании своему сыну Матфею — показательный момент. Примечательно также, что Кантакузен вновь отказался величать себя первым в списке Римских царей, пропустив вперед Иоанна V Палеолога и Анну Савойскую. Одновременно с этим Собор созванных в Адрианополе Кантакузеном епископов низложил патриарха Иоанна Калеку. Теперь Иерусалимский патриарх *на время* стал попутно исполнять обязанности «Вселенского архиерея».

Сразу после коронации дочь Кантакузена Феодора отправилась к Орхану. В своей «Истории» бывший великий доместик описывал прощание с дочерью как принесенную ими обоими жертву за весь христианский народ. И, надо сказать, Феодора Кантакузен многое сделала для спасения Православия и своей родины. Имея большое влияние на престарелого Орхана, Феодора удерживала его от активных действий против своей родины, восстанавливала храмы и на свои деньги выкупала пленных христиан. После смерти мужа она вернется в Константинополь, где позднее и умрет⁶⁷⁴.

Время правления партии Анны Савойской практически подошло к концу. Императрица еще наняла 6-тысячный отряд турок Саруханского эмирата для войны с Кантакузеном, но те вместо войны отправились грабить Южную Болгарию, а затем вернулись к столице и потребовали выплатить им жалованье. Встретив возмущенный отказ, турки *стерли с лица земли* пригороды Константинополя и отправились на родину.

К этому времени столицу охватил настоящий голод, вызванный конфликтом с генуэзцами, блокировавшими поставку хлеба в Константинополь. Желая поднять престиж своей власти, Анна Савойская 2 февраля 1347 г. низложила полностью скомпрометировавшего себя Константинопольского патриарха Иоанна Калеку и на его место назначила *св. Исидора* (1347—1349), друга св. Григория Паламы. Но было уже поздно — когда 3 февраля части Кантакузена подошли к Золотым воротам Константинополя, они оказались открытыми. Мудрый Иоанн Кантакузен вновь проявил присущую ему мудрость и осторожность — желая избежать грабежа Константинополя, он в течение 5 дней совместно с епископатом вырабатывал специальное соглашение с императрицей, согласно которому его признавали императором, но *сроком на 10 лет*, пока царю Иоанну V Палеологу не исполнится 25 лет. Затем они должны были царствовать с юным Палеологом сообща, как равноправные василевсы. Объявлялась всеобщая амнистия, но все имущество, которое ранее разграбили у Кантакузена и его сторонников, подлежало возврату прежним собственникам.

Дабы обеспечить соглашение *зримыми* гарантиями, стороны поступили следующим образом: Анна Савойская дала клятву ничего не замысливать против Иоанна VI Кантакузена, а тот в свою очередь выдал свою дочь Елену замуж за императора Иоанна V Палеолога. Теперь Кантакузен, как законный глава общего семейства, получал необходимую легитимацию своей власти. 13 мая 1347 г. была совершена повторная процедура венчания **Иоанна VI Кантакузена** и его жены Ирины на Римское царство. После коронации все императоры воссели на своих тронах, все *5 царей*: Иоанн V Палеолог, его жена Елена Кантакузен, императрица Анна Савойская, Иоанн VI Кантакузен и его супруга Ирина⁶⁷⁵.

Глава 2. Два самодержавных Иоанна

Победа была одержана, но слишком дорогой ценой. Как тонко заметил один автор, «если Кантакузен, как утверждали его враги, действительно являлся главным виновником междоусобной войны, он принял на себя страшную историческую вину. Ибо эта война нанесла Византийскому царству удар, от которого оно уже не могло оправиться впоследствии. Положение Византии даже при Андронике III должно быть названо *блестящим*, если сравнивать

его с положением 1347 г.»⁶⁷⁶ Справедливое замечание, но, очевидно, эту вину должны разделить с Кантакузеном другие исторические персонажи. *В первую очередь* Константинопольский патриарх Иоанн Калека, без участия которого Анна Савойская никогда бы не рискнула выступить против самого близкого друга своего супруга, и Алексей Апокавк.

Нищая, опустошенная и обезлюдившая Византия выглядела беспомощной на фоне окружавших ее врагов. После торжественной церемонии царского венчания был устроен пир, на котором, по словам современника, из всех чаш, поданных к столу, не оказалось ни одной золотой или серебряной. Часть посуды была из олова, часть из глины или морских раковин. Императорские диадемы и одежды были украшены *стеклом* (!) вместо бриллиантов, а позолоченная медь заменяла золото⁶⁷⁷.

Экономический и финансовый коллапс охватил широкие слои населения. Рядовые обыватели не могли платить подати, сельское хозяйство почти прекратилось, византийская торговля лежала в руинах. Вследствие неуклюжей внутренней политики и постоянной зависимости от внешних сил, ежегодные доходы от пошлины в Константинополе едва достигали 30 тысяч монет, в то время как таможня генуэзской Галаты собирали до 200 тысяч монет. В довершение всех бед, в 1348 г. на Византию обрушилась чума, унесшая многие тысячи жизней, а затем перекочевавшая в Европу⁶⁷⁸.

Это моровое бедствие было занесено из побережья Азовского моря в Крым, а оттуда через генуэзские галеры — в Константинополь, где унесло $\frac{8}{9}$ населения города. Из Константинополя чума распространилась на острова Эгейского моря и Средиземноморское побережье. Вскоре Италия, Франция, Испания, Германия, Англия, Норвегия и даже далекая Русь стали жертвами страшной болезни⁶⁷⁹. Эта эпидемия в буквальном смысле слова опустошила христианские государства, на время вынужденно прекратившие междоусобные войны. Смертность была страшная, например в Венеции ежедневно умирало более 600 человек, а когда чума слынула, выяснилось, что ее жертвами стали $\frac{2}{3}$ венецианцев⁶⁸⁰.

Была пуста не только казна — Римское государство потеряло множество богатых территорий, обеспечивавших его бюджет. Фракия стала *пустыней*, в Македонии, Эпире и Фессалии от византийских владений остались жалкие лоскутки, да и то окруженные сербами. Значительная часть Северной Фракии отошла к болгарам, а по другим свободно разгуливали банды турецких наемников, убивавших последние остатки жизни. Острова Хиос, Самос, Никария,

Панагия были захвачены итальянцами, Фокея стала генуэзской колонией. Связь столицы с островом Лесбос практически отсутствовала. Флот прекратил свое существование, и Эгейское море теперь принадлежало венецианцам и торговцам Генуи.

Не признали власти Иоанна VI Кантакузена и Фессалоники. Жители города публично сжигали на кострах царские указы, не признали низложения патриарха Иоанна Калеки и избрание Исидора. Когда на смену умершему Фессалоникийскому митрополиту Иакинфу в 1347 г. правительство прислало св. Григория Паламу, того просто не пустили в город. Однако окруженные со всех сторон врагами, Фессалоники были обречены, и вопрос о взятии города правительственными войсками касался лишь конкретных сроков⁶⁸¹.

Первоначальные мероприятия Иоанна VI Кантакузена сводились, собственно говоря, к решению двух проблем — обеспечению целостности Византийской империи и ликвидации последствий Гражданской войны; и в пополнении совершенно истощенных финансов государства. Но налоговая политика императора, предусматривавшая лишь установление новых сборов, не вызвала, конечно, сочувствия у населения. И идея василевса покончить с феодальным раздроблением Империи путем передачи земельных наделов в собственность членам семьи Кантакузенов-Палеологов также привела к негативным последствиям. Кантакузена невзлюбили крупные аристократы и даже собственные дети. Например, сын Иоанна VI Мануил, получивший в 1348 г. в собственность Морею, вскоре начал проводить автономную политику, направленную на обеспечение своей независимости от Константинополя. Племянник Кантакузена Иоанн Ангел закрепился в Фессалии, сын императора Иоанна VI Матфей получил в собственность обширную область во Фракии от Дидимотиха до Христополя; свой надел получил и император Иоанн V Палеолог. Флот, который мечтал возродить Иоанн VI Кантакузен, строился очень медленно из-за отсутствия денежных средств⁶⁸².

Пользуясь слабостью Византии, ее продолжали добивать враги. В 1347—1348 гг. Стефан Душан завоевал Янину, южную часть Эпира, Акарнанию, Этолию и Фессалию. Он настолько вошел в роль «царя ромеев и сербов», что решил взять под свое покровительство Святую Афонскую гору. Сербский король неоднократно посещал Афон, а в конце 1347 г. провел там более 4 месяцев, щедро одаривая монахов деньгами и льготами по налогам — Афон к тому времени уже отошел к его владениям. Нет сомнений в том, что таким спо-

собом Стефан III надеялся поколебать авторитет Византийского императора как «благочестивейшего и святого царя всех христиан» на Балканах и утвердить симпатии авторитетных старцев Святой горы к Сербскому патриарху и к себе лично⁶⁸³.

Кантакузен вновь обратился за помощью к султану Орхану, но османы оказались способными лишь на то, чтобы по прибытии на фронт военных действий начать грабеж последних оставшихся населенных пунктов, а затем вернулись домой. В конце 1348 г. случилась новая беда. Желая возродить национальную торговлю, Кантакузен изменил таможенные пошлины, резко увеличив их размер для генуэзцев. Те, привыкшие к полной свободе «торгового маневра», возмутились, захватили район Галата и блокировали столицу с моря. Император Иоанн VI Кантакузен срочно вернулся из Дидимотиха, где проводил курс лечения, и построил 9 больших судов, дабы деблокировать Константинополь. 5 марта 1349 г. случилась битва царского флота с генуэзцами, закончившаяся наглядным поражением греков. Генуэзцы одержали победу и сохранили свои торговые привилегии.

Правда, к чести Кантакузена, он вынес для себя урок и начал бороться с генуэзцами иными способами: увеличил пошлины на итальянские товары и снизил на отечественные. В скором времени казне удалось собрать некоторую сумму денег, на которые построили новый флот. При его помощи император вскоре вернул Римской империи Фокеи. Кроме того, ему удалось наконец-то захватить Фессалоники. В 1349 г. зилоты заявили о необходимости отдать город во власть Сербского короля, чем подорвали доверие к себе со стороны остальных горожан. В 1350 г. император вместе с юным Иоанном V Палеологом торжественно въехал в Фессалоники, а св. Григорий Палама занял свою кафедру⁶⁸⁴.

Успех придал императору Иоанну VI Кантакузену уверенности и смелости. Пользуясь тем, что в то время Стефан Душан воевал в Боснии, василевс отправился с войском, значительную часть которого составляли турецкие наемники, в Македонию. Ему удалось освободить множество городов, причем зачастую без штурма и осады — греческое население встречало его как своего освободителя. Была возвращена Веррия, и даже Скопье признал над собой власть Византийского императора. Болгарский царь, не так давно требовавший от Душана голову Кантакузена, теперь униженно молил василевса о мире. А султан Орхан настоятельно рекомендовал императору Иоанну VI избавиться по турецкому обычаю от Иоанна V Палеолога, и даже прислал Кантакузену своего личного

палача. Однако василевс отверг это предложение. Он по-прежнему относился с нежной привязанностью к сыну своего царственного друга и не стеснялся давать Палеологу самые ответственные и значимые поручения, много доверяя ему⁶⁸⁵.

Но эта *победная вспышка* вскоре была погашена: прервав войну в Боснии, Сербский король вернулся в Македонию и в короткое время вернул себе все ранее утраченное. Однако Кантакузен не унывал — его сознание пленила мечта вернуть Империи исконные территории на Балканах. И после неудачной сербской кампании он попытался наладить союзнические отношения с Болгарским царем Иваном Александром. Но тот сетовал на грабежи болгарских земель турецкими отрядами, а, кроме того, понимал, что флот, деньги на который у него просил Римский царь, может быть использован и против Болгарии. Кроме того, узнав о переговорах, Сербский царь моментально уведомил Болгарского царя о том, что таким способом тот сам создает себе врага в его лице. В общем, соглашение не состоялось, и христианские державы по-прежнему находились друг к другу во враждебных отношениях, не подозревая, что эта разобщенность укорачивает срок их существования⁶⁸⁶.

Следующая страница истории Византии относится к числу наиболее мрачных. В сентябре 1350 г. случился очередной конфликт между Венецией и Генуей. И хотя Кантакузен официально заявил о нейтралитете Империи, генуэзцы полагали, что византийцы помогают их врагам. Весной 1351 г. совместно с союзниками-арагонцами они обстреляли Константинополь из метательных орудий, вынудив императора Иоанна VI Кантакузена присоединиться к Венеции. К несчастью для византийцев, Османский султан, зять императора, оказался вовлеченным в стан генуэзцев и, как главенствующая сила в Малой Азии, заметно усилил данный союз. Вместе с турками генуэзцы разорили Созополь и Ираклию; на выкуп пленных ушли последние остатки государственной казны.

13 февраля 1352 г. в Босфоре состоялось генеральное морское сражение, в котором приняли участие и греки. Несмотря на тяжелые потери и ярость сражающихся, битва не выявила перевеса ни одной из сторон. Но результатом ее стала полная *морская блокада* Константинополя генуэзцами; в городе тотчас начались голод и болезни. Венецианцы предательски оставили своего недавнего союзника один на один с могущественными врагами, и лишь ценой невиданных унижений император Иоанн VI сумел заключить мир с Генуей. Несмотря на свою ненависть к генуэзцам, Кантакузен отдал им монопольное право торговли в Азовском море, отодви-

нув в сторону даже греческих купцов, и предоставил разрешение расширить территорию Галаты. Но и венецианцы не остались без приобретений: у Иоанна VI Палеолога они приобрели за 20 тысяч дукатов стратегически важный остров Тенедос⁶⁸⁷.

Едва закрылась эта страница предательств и поражений, как открылась угроза новой Гражданской войны. Иоанн V Палеолог, которому исполнилось уже 20 лет, откровенно тяготился опекой царственного тестя. Венеция, недовольная мирным договором Генуи с Константинополем, и Стефан Душан, лелеявший собственные планы, настойчиво убеждали молодого василевса поднять восстание против Кантакузена, обещая военную и финансовую помощь. Надеясь в случае успеха без войны занять все области Империи к западу от Фракии, Душан подкупил окружение Иоанна V Палеолога и приготовил масштабный план подчинения себе молодого василевса. Предполагалось, что царь разведется с Еленой Кантакузен и женится на сестре жены Душана, которая являлась Болгарской царевной. Об этом стало известно императору Иоанну VI Кантакузену и, обеспокоенный, он срочно отправил в Фессалоники, где пребывал молодой царь, Анну Савойскую, которой удалось убедить сына не вступать в союз с сербами и венецианцами⁶⁸⁸.

Чтобы смягчить Палеолога, василевс отдал ему в собственность удел своего сына Матфея, а тому взамен выделил Адрианополь. Однако это привело к открытой войне между двумя молодыми людьми, и осенью 1352 г. Адрианополь добровольно признал над собой власть императора Иоанна V. Узнав об этом, Кантакузен немедленно направил Матфею, находившемуся в осажденном акрополе, нанятое им турецкое войско. Несмотря на отчаянное сопротивление горожан, Адрианополь пал, те города, которые выказали верность молодому Палеологу, были разграблены турками, а сам Иоанн V Палеолог скрылся в Дидимотихе. Ему срочно на помощь поспешило большое сербское войско. Болгарский царь Иван Александр также заявил о своей поддержке Палеологу, но солдат, правда, не прислал. В декабре 1352 г. у Дидимотиха разыгралась решающая битва, в которой турки Кантакузена *перемололи* сербов Иоанна V Палеолога. Продолжая преследование врага, турки вторглись в Южную Болгарию и совершенно опустошили ее. Потеряв все, Иоанн V Палеолог запросил мира и пощады, но, узнав, что в обмен от него требуют отказ от своего удела и сдачу Дидимотиха, предпочел бежать на остров Тенедос, чтобы продолжить борьбу⁶⁸⁹.

Бегство Иоанна V Палеолога дало повод Кантакузену объявить об отстранении того от царской власти. Своим соправителем он в 1353 г. назначил сына Матфея, ранее имевшего титул деспота и занимавшего высокое положение в политической системе Византии. Константинопольский патриарх Каллист отказался признать законность такого решения, за что был немедленно смещен Кантакузеном. Назначенный вместо него столичным архиереем *св. Филофей* (1354—1355 и 1362—1376), друг св. Григория Паламы, в 1354 г. венчал **Матфея** (1354—1357) императорской диадемой во Влахернском храме. Конечно, оппозиция и сам Иоанн V Палеолог почитали себя глубоко оскорбленными.

Опасаясь новых волнений, Иоанн VI Кантакузен решил окончательно сделать ставку на турок, впрочем, у него не было другой альтернативы. Полагая, будто мусульмане могут легко перейти в Православие, он выделил большие деньги туркам во Фракии и субсидировал их из последних остатков государственной казны — едва ли удачная идея. Конечно, это вызвало большое недовольство рядовых византийцев, начавших симпатизировать императору Иоанну V Палеологу. Разъезжавший по области свергнутый патриарх Каллист громогласно призывал греков бойкотировать власть Кантакузенов и восстановить на царстве единственно законного василевса Иоанна V. Как и следовало ожидать, вскоре оба патриарха — действующий и отставленный — предали друг друга анафеме⁶⁹⁰.

Но тут выяснились еще более неприятные обстоятельства: Иоанн VI Кантакузен явно недооценил политический инстинкт своих малоазиатских друзей. Как только выдался шанс, турки бесцеремонно захватили крепость Цимпе на полуострове Галлиполи, а 2 марта 1354 г. и сам Галлиполи, который начал заполняться турецкими переселенцами. Когда об этом узнали в Константинополе, столицу потрясла волна ужаса и страха. Все ждали, что с минуты на минуту к городу подойдут турецкие войска и займут его. Спешно многие тысячи греков целыми семьями бросались на корабли и эмигрировали в Италию и Испанию. Все попытки Кантакузена мирным путем вернуть Галлиполи ни к чему не привели — турки были непоколебимы в осознании своей силы и бессилия императора. В том же году турки захватили Кипселлы и Малгару под Редесто и таким образом вышли за границы полуострова Галлиполи, ставшего для них базой для атак на Европу. По существу, в этот момент Римская империя перестала существовать, и в высших кругах греческого общества активно дебатировался лишь один во-

прос: *кого* признавать правителем Византии — Венецию, Сербского короля или Венгерского государя⁶⁹¹.

Осталась одна надежда — Иоанн V Палеолог, и его имя открыто провозглашалось на улицах столицы. Чтобы покончить с молодым императором, Кантакузен сделал морской поход на остров Тенедос, но экспедиция закончилась полным провалом. Тут же остальные острова Эгейского моря признали над собой власть представителя династии Палеологов, а в ноябре 1354 г. один генуэзец на своем корабле привез Иоанна V в Константинополь, где царя уже ждали. Едва он вошел в город, как его окружили толпы сторонников, и начался грабеж домов приверженцев Кантакузена. Открыли арсенал, вооружились и осадили царский дворец, где скрывался Иоанн VI. У императора еще оставались возможности для обороны — среди верных ему отрядов состояло подразделение наемников-латинян, но он сдался на милость врагу, понимая, что в противном случае ему и его семье грозит неминуемая гибель. Иоанн VI Кантакузен принял монашеский постриг под именем Иоасафа, а императрица Ирина — Евгении. Сбылась мечта Кантакузена, которой он делился во время посещения Святой горы Афон⁶⁹².

Лишь император Матфей Кантакузен не признал власти Иоанна V Палеолога, но и он был обречен. Турки оставили его, а сербы, когда Матфей отступил в Родопы, пленили царя и выдали Византийскому правительству. Прибыв в Константинополь, Матфей в 1357 г. отрекся от царства. Однако Мануил Кантакузен, правитель Мореи, умудрился сохранить свою независимость и методично увеличивал военные силы. Император Иоанн V Палеолог ничего не мог с ним поделать.

Так завершилась «эпоха гражданских войн», окончательно подорвавшая Византийскую империю в военном, экономическом и политическом отношениях. Почти все владения были потеряны, в самом Константинополе хозяйничали генуэзцы и венецианцы. А османы совершенно недвусмысленно указывали остриями своих ятаганов, *куда* будет нанесен их следующий удар. Казалось, теперь никакая сила не способна восстановить Римскую империю. Но, по счастью, крепость общественного сознания была еще такова, что византийцы сделали для себя вывод из минувшего лихолетья. И неожиданно затяжной период феодальной вольницы сменился временем резкого усиления авторитета царской власти, в которой ромеи единственно видели свою защитницу и спасительницу перед врагами.

Это обстоятельство придало Римской империи в последние десятилетия ее существования своеобразный шарм, родило *золотой*

век императорства, но в действительности уже не могло ничего кардинально изменить. «История Империи вступила в свою финальную фазу. Существование Византии еще в течение столетия было в действительности лишь затянувшейся агонией»⁶⁹³.

Глава 3. Исихастские соборы

Этот период византийской истории интересен также новыми событиями, возникшими вокруг исихастских споров. Накал страстей и деятельное участие высших лиц Римского государства в разрешении богословского конфликта наглядно показывают, насколько политическая и церковная жизнь Византии были неделимы друг от друга.

Опровергнув Варлаама, июньский Собор 1341 г. на самом деле не поставил точки в споре, поскольку соборный *протокол* утвердительно не признал исихазм православным вероучением. Но сторонники Варлаама не собирались складывать оружия. Теперь предметом обсуждения стали суждения Акиндина, первоначально занявшего нейтральную позицию по отношению к св. Григорию Паламе и Варлааму. Но затем сами обстоятельства времени и места привели к тому, что Григорий Акиндин стал фактическим главой антипаламитов. В этом нет ничего удивительного, поскольку с точки зрения философских методов и способов мышления он всегда был ближе к Калабрийцу, нежели Паламе.

Да, для Акиндина было совершенно неприемлемо презрительное отношение Варлаама к молитвенному опыту Афонских монахов. Однако он не принимал и учения исихастов об «ощутительном» восприятии Божественной благодати. Такую позицию он считал мессалианской ересью. Акиндин критиковал также позицию св. Григория Паламы об исхождении Святого Духа и о Пятидесятнице. Для обсуждения и осуждения его взглядов и пришлось созывать новый Собор⁶⁹⁴.

Любопытно заметить, что и св. Григорий Палама, и Акиндин черпали свои доводы из творений Святых Отцов и Учителей Церкви, но каждый толковал их по-своему. Желая сохранить верность ортодоксии и неизбылемым учение, полученное от Святых Отцов, Акиндин, на свою беду, понял его как формальный консерватизм. Его богословие полностью исключало органический синтез их мыслей. И в этом отношении, увы, Григорий Акиндин ничем не выделялся из большой массы византийских богословов того време-

ни. Главной задачей его было доказать, что различие между сущностями и энергиями, которое проповедовал Палама, не имеет права на существование. А потому он родил очень сомнительный тезис, будто причащение Божественных Даров подразумевает причащение самой сущности Бога. Разумеется, ни Святые Отцы, ни сам св. Григорий Палама не думали, будто причащение подразумевает участие человека в Божественной сущности. По их мнению, причащение — это приобщение лица к Божественному человечеству Христа, поскольку оно, человечество Христа, стало человечеством Бога-Слова. Причащаясь Телу Христову, мы причащаемся Богу, но не Божественной сущности, которая принадлежит только ипостаси Бога и не может быть нам сообщена⁶⁹⁵.

«Бог, — писал св. Григорий, — в то, что Он есть, нечто по сущности, изъят и отрешен от всего, совершенно превыше всякого ума и всякого слова, единения и всяческой причастности, безотносителен, непостижим, непричастен, незрим, неуразуемаем, безымянен и абсолютно невыразим. И богоименование есть название относительное, а не абсолютное. Именно в энергиях относительно узревается безотносительный по сущности, как начало, как зиждитель и виновник причинносущего. Согласно этим энергиям Он имеет какую-то причастность, будучи непричастным»⁶⁹⁶.

Собор состоялся 9 августа 1341 г. в храме Святой Софии. Его участниками являлись те же лица, что в июне рассматривали «личную ссору» Варлаама и св. Григория Паламы. За исключением, разумеется, покойного императора Андроника III. Как следует из сохранившихся документов, этот Собор вовсе не собирався заново изучать спорное дело. В его задачу входила корректировка протокола июньского Собора и дисциплинарное дело Акиндина⁶⁹⁷. Того вызвали и под давлением патриарха и царицы заставили подписаться под осуждением Варлаама. По просьбе св. Григория Паламы, сохранившего теплые чувства к бывшему другу, Акиндина не анафематствовали⁶⁹⁸.

Но вскоре ситуация резко изменилась. Иоанн Калека решил использовать авторитет и связи св. Григория Паламы против ненавистного ему Кантакузена. В октябре 1341 г. архиерей пригласил к себе Паламу, рассчитывая, что «обязанный» ему святитель поддержит антикантакузенскую партию, но ошибся. Застывшему в недоумении патриарху св. Григорий заявил, что считает себя защитником «мира и согласия» и вовсе не желает отчетливо зарождающейся Гражданской войны двух партий. Сохранилось его послание Афонским монахам, наглядно демонстрирующее по-

зицию Паламы. «Что должны мы делать, когда начался раздор? Возбуждать единоплеменников друг против друга или объяснять им, что они суть члены друг друга и что они не должны обращаться со сродными себе, как с иноплемениками?.. Таким образом, мы были предназначены судьбой в служители мира».

Это был важный мотив, но не единственный. Несмотря на то, что прежде Варлаам считался «креатурой» великого доместика, Палама испытывал к Кантакузену чувство глубокого уважения. Святитель искренне полагал, что великий доместик является *единственным* человеком, способным продолжить «дело возрождения Римской империи», начатое Андроником III Палеологом. Наконец, благочестивый и сугубо православный Кантакузен был в значительной степени симпатичнее представителей противоположной партии, куда входило множество иностранцев. Хотя лично к императрице Анне Савойской и Алексею Апокавку Палама проявлял неизменное уважение. В его письмах много строк, посвященных Алексею Апокавку, и ни в одном из них не содержится обвинений.

После неоднократных попыток изменить ход политических дел, Палама удалился в монастырь Св. Михаила Сосфенийского на Босфоре, в нескольких километрах от столицы. Однако патриарх не простил святителю его отказа, а потому исподволь предоставил возможность Григорию Акиндину высказывать критические замечания о богословии Паламы, хотя и не позволил издавать письменных сочинений. Зимой с 1341 на 1342 г. он написал несколько резких и критических писем Паламе, затем в полемику включились Иосиф Калафет и Давид Дисипат, занявшие сторону св. Григория. Любопытно, что уже в это время патриарх Иоанн Калека занял сторону Акиндина, хотя пока еще не открывал публично своей позиции⁶⁹⁹.

В марте 1342 г. представитель столичного патриарха прибыл в монастырь к св. Григорию Паламе и предложил тому выбор. Если св. Григорий согласится вернуться в Константинополь и поддержать партию противников Кантакузена, всем его идейным противникам запретят нападки на Паламу. В противном случае этой критике дадут ход. Естественно, св. Григорий ответил отказом, а в столицу вернулся в последнюю неделю Великого Поста. В течение всего времени пребывания в Константинополе он имел несколько встреч с представителями антикантакузенской партии, включая императрицу Анну Савойскую. Однако все попытки заставить святителя выступить против Кантакузена ни к чему не привели.

В середине мая 1342 г. Палама вернулся в свой монастырь, но уже через несколько дней был вновь вызван в столицу *как обвиняемый* на заседание синода. По стечению обстоятельств св. Григорий не получил этого приглашения, и синод начался без него в июне 1342 г. На нем присутствовали, конечно, патриарх Иоанн Калека, Григорий Акиндин, епископы из числа их сторонников и множество молодых сановников, находящихся в родстве с Палеологами. Особенно никто и не скрывал, что собрание организовали только с целью осуждения св. Григория Паламы и его учения. Однако, поскольку св. Григорий отсутствовал, а приглашение *лично ему* никто не передавал, осуществить богословский разбор его учения с точки зрения процедурных правил оказалось невозможно.

Но Иоанн Калека придрался к тому, что в течение года после окончания июньского Собора 1341 г. Палама продолжал писать об исихазме, а, следовательно, нарушил *формальный* запрет на продолжение богословского спора. В отсутствие св. Григория было принято решение об уничтожении всех сочинений Паламы, написанных после июньского Собора 1341 г. Но, вероятно, это решение не имело никаких практических последствий. Тем не менее эта мера была сходна той, которой подвергся сам Варлаам, и теперь Акиндин мог считать обоих в равной степени *еретиками*⁷⁰⁰.

Разумеется, тут же вмешались Афонские монахи, явившиеся к патриарху и напомнившие тому, что сам он не так давно возторгался богословием и доводами Паламы. Калека оправдывался тем, что и в мыслях не имел осуждать св. Григория, а лишь хотел рассмотреть несколько его сочинений. Тогда монахи потребовали созвать открытый Собор, как в июне 1341 г., с обязательным участием императора, но патриарх не сдавался.

Однако все же между «мог считать еретиком» и «был признан еретиком» — дистанция огромного размера. И синодального определения было недостаточно для ареста св. Григория, что являлось желанной мечтой патриарха. Тем не менее через 4 месяца арест все же состоялся, хотя уже по политическим мотивам. Патриарх каким-то образом сумел убедить Анну Савойскую, откровенно симпатизировавшую Паламе, будто святитель тайно связан с Кантакузеном и наверняка состоит с ним в переписке, помогая в войне с законным правительством. В любом случае, говорил архиерей, св. Григория следует признать *политическим преступником* хотя бы потому, что тот публично не отрекся от Кантакузена.

Вскоре в келью святителя в Ираклии, где он находился, прибыли императорские чиновники для отыскания доказательств связи

с Кантакузеном, но ничего не нашли. Тем не менее св. Григорий был задержан, привезен в столицу и предстал перед следствием. Хотя его признали невиновным, патриарх Иоанн Калека *лично* приказал арестовать его и отправил в темницу. Конечно, это являлось грубейшим нарушением закона: политическим преступником св. Григория не признали, а его сочинения никто не анафематствовал; брать под арест было, собственно говоря, не за что. Об аресте узнал Алексей Апокавк и немедленно вызволил святителя. Но, аргументируя свою позицию заботой о Паламе, патриарх перевел того в монастырь Христа — фактически ту же тюрьму. И все же св. Григорию удалось покинуть эту неприятную «обитель» и найти убежище в храме Святой Софии, где вместе со своими 16 учениками скрывался в течение 2 месяцев.

Тот факт, что св. Григорий Палама оставался в безопасности, очень мешал патриарху и вызывал возмущение Григория Акиндина, который собирался представить синоду доказательства еретичества Паламы. Иоанн Калека развил активную деятельность при царском дворе и сумел-таки убедить правительство в том, что святитель должен быть арестован как политический преступник. В апреле 1343 г. св. Григорий был препровожден в дворцовую тюрьму, где находились все политические противники правительства. Надо полагать, императрице, которой *донельзя* надоел Иоанн Калека с его требованиями арестовать святителя, пошла на этот шаг сознательно, чтобы лишить архиерея возможности донимать Паламу, получившего в виде тюрьмы спокойное убежище. Патриарх только проиграл от ареста Паламы царицей: *как политический преступник*, св. Григорий не попадал под его юрисдикцию и свободно излагал в камере свое учение, распространяя послания через ученика Дорофея. Но это был максимум того, чего добился патриарх: правительство Анны не разделяло новоявленное пристрастие Калеки к антипаламитскому богословию, и царица категорически отказалась давать свое согласие на осуждение святителя⁷⁰¹.

Однако тюрьма всегда остается тюрьмой, даже если оставляет возможности для творчества. Проведя 4 года в заточении, Палама резко сдал: его тело стало слабым и болезненным. Впрочем, его угнетал не только и не столько сам факт нахождения в темнице, а то обстоятельство, что опасность для Церкви исходила от тех, кто должен был являться ее первым защитником, т.е. патриарха и епископата⁷⁰².

В это же время патриарх официально принял от Григория Акиндина «Донесение», содержавшее довольно тенденциозное изложе-

ние событий, происшедших с начала 1341 г. Патриарх, сумевший политически низвергнуть св. Григория, дал прямое поручение подготовить богословское оправдание принятых против Паламы государственных мер. И Акиндин довольно успешно справился с заданием: в период с 1342 по 1344 г. он опубликовал 7 трактатов против св. Григория, которые все обращены к патриарху Иоанну Калеке, и большое число менее значительных произведений, не считая многочисленных писем на ту же тему самым разным адресатам.

Характеристику его оценок могут дать некоторые отрывки из этих писем. Так, например, Григорий Акиндин писал: «Тщательно избегай Паламы всякий благочестивый [христианин], ибо он, раз преступив границы правильного мышления и отвергнув отеческие наставления и, что еще хуже, утратив свет ума, без всякого стеснения привносит нечестивые учения». В другом сочинении звучат следующие строки: «Он перевернул вверх дном и не оставил на месте ни одного догмата. Дух же его изворотливого умствования — эллинский свыше всякой меры. Тут есть и Демокритово множество, и Эмпедоклова вражда, и Платоновы формы, и боги Эллады, и заблуждения Ария и Савелия»⁷⁰³.

Но и св. Григорий Палама не бездействовал, публикуя свои послания по доказыванию истинности исихазма. Наряду с письмами, написанными к разным лицам в Константинополь и в провинцию, он составил семь трактатов *«Против Акиндина»*. До самого 1344 г. правительство Анны Савойской не поддерживало столичного патриарха в его стремлении представить Паламу еретиком. Более того, в некоторых случаях императрица и Алексей Апокавк открыто брали св. Григория под свою защиту. А потому явный сторонник св. Григория, будущий Константинопольский патриарх св. Исидор, в течение долгого времени продолжал заседать в синоде в качестве титулярного епископа Монеmvасии и заниматься управлением своей епархией, хотя Иоанну Калеке и удалось отложить его хиротонию.

Однако в конце 1344 г. ситуация резко изменилась. Положение столичного правительства ухудшалось, с Кантакузеном договориться не удалось, а потому Анна Савойская и патриарх ужесточили политику в отношении своих противников. 4 ноября 1344 г. Иоанн Калека отлучил все-таки святителя от Церкви. Обвинение св. Григорию сводилось к тому, что будто бы он и его сторонники придавали ложное истолкование *Томосу* 1341 г., а также не поминали патриарха на Литургии. Но из этого также автоматически

вытекало, что никакого разбора его учения, на чем настаивал патриарх и Акиндин, произведено не было, а потому это отлучение стало *идейной победой* Паламы⁷⁰⁴.

Чтобы придать приговору синода бóльший вес, патриарх Иоанн Калека передал его на подпись Иерусалимскому патриарху *Арсению* (1344) и Антиохийскому архиепископу *Игнатию II* (1342—1353), находившимся в те дни в столице. Они были очень тесно зависимы от своего Константинопольского собрата, а потому не стали отказывать в удовлетворении этой просьбы. Впрочем, едва ли подписи этих патриархов, уже давно превратившихся в «клиентов» столичного архиерея, были весомы. Гораздо важнее для Калеки было *императорское* осуждение, подтвердившее принятые синодом меры. Как утверждают, Константинопольский патриарх находился в это время на вершине своего религиозного и политического могущества. Предпочитая жить в императорском дворце, а не в патриархии, он практически управлял делами Римского государства. И Калека добился, чтобы правительство Анны Савойской *официально* поддерживало его религиозную политику. Тем не менее действия Калеки были достаточно осторожны: он даже не отправил на Афон текст отлучения Паламы и просто хранил в своем архиве осуждающее св. Григория письмо.

Этот успех подтолкнул Калеку к дальнейшим действиям ради укрепления своего положения. Чтобы придать Акиндину, как богослову, вес, он решил посвятить того в диаконы, пресвитеры, а затем и в епископы. Надо признать, патриарх в данном случае действовал логично, поскольку ранее сам же останавливал Варлаама от обсуждения догматических вопросов тем, что тот не являлся епископом, а потому не вправе заниматься этой тематикой. Но здесь он встретил решительную оппозицию со стороны Анны Савойской. Она заявила, что патриарх не вправе нарушать постановление, принятое при императоре Андронике III Палеологе, то есть игнорировать официальное осуждение Григория Акиндина. К ней примкнул давний сторонник Паламы Алексей Апокавк. Императрица отказалась признать священническое рукоположение Акиндина, поскольку, как говорилось в документе, патриарх трижды проигнорировал ее запрет на это действо; а сам Акиндин даже был арестован. Однако Константинопольский патриарх являлся слишком мощной политической фигурой, чтобы можно было безнаказанно так поступать. Вскоре царица пришла к выводу, что ссора с архиереем ей ни к чему. Григорий Акиндин был рукоположен в священники и,

как казалось, стал всемогущ при патриархе. Он даже рекомендовал патриарху кандидатов в епископы на вакантные кафедры⁷⁰⁵.

На протяжении 1345—1346 гг. продолжалась упорная скрытая борьба — во-первых, между патриархом и царицей, а, во-вторых, среди самих антипаламитов и противников Кантакузена (что тогда воспринималось как одно и то же), понявших, что развязка гражданской войны уже близка. Теперь императрица Анна Савойская решила полностью изменить свою игру, но прежде основательно подготовиться к главным событиям. Ей очень хотелось низложить патриарха Иоанна Калеку, ответственного за многие преступления перед Церковью и Римским государством. Воспользовавшись тем, что в январе 1346 г. Афонские монахи прислали ей два трактата, написанных св. Филофеем против Григория Акиндина, она запросила подборку посланий от св. Григория Паламы на эту же тему.

Акиндин был максимально лоялен по отношению к императрице и старался оправдаться от «клеветы» на себя. «Если кто-то другой попросил бы у меня доказательство нашего благочестия, я бы его направил к моей матери, к Церкви, соответственно с божественными законами, и сказал бы ему: “Если ты горячо любишь нашу Церковь, то у нее ищи свидетельство и исповедание нашего благочестия”. Но раз твоя владычная, святая и благочестивейшая царственность приказывает мне это, приняв некоторые подозрения относительно меня из-за клеветы некоторых людей (ведь я отказался следовать их общеизвестному пустословию, и ими на меня воздвигается клевета, будто я мыслю то, что на самом деле исповедуют они), то я исповедую так же, как мыслит и исповедует Святая Божия Церковь»⁷⁰⁶.

Императрица передала материалы своему духовнику Давиду Дисипату, ученику св. Григория Синаита, дабы тот вынес окончательную оценку, не сомневаясь в его итоговом заключении. Поняв, что задумала царица, патриарх предпринял срочную попытку примириться со святителем, надеясь таким путем приобрести утраченный авторитет в глазах Кантакузена и Анны Савойской. Но Калека уже *не был интересен* ни Кантакузену, что вполне естественно, ни царице. А после неудачных переговоров с Паламой и резким охлаждением к нему царского двора число сторонников патриарха начало таять, как снег. Шесть епископов из числа ближнего окружения столичного архиерея, *неожиданно* сосланных им на покой, в сентябре 1346 г. подали императрице Анне Савойской прошение о проведении церковного суда над Константинопольским патриархом. Епископы обвиняли того в симонии, святотатстве и ереси,

а также в том, что архиерей рукополагал в священники осужденных еретиков — очевидный намек на Григория Акиндина. В перечне обвинений значилась также торговля вакантными епископскими кафедрами, игуменствами, церковной утварью и пристрастное решение дел, когда по одному и тому же вопросу Калека принимал различные акты.

Более того, епископы обвинили патриарха в предумышленном искажении *Томоса* июньского Собора 1341 г. «Этот жалкий человек впал в самое крайнее зло и, покинутый Богом, уклонился от Православия в ересь, подверг себя анафеме, так как дерзнул опровергать мнения и решения того Собора, который был под председательством трепещущего и святого государя нашего и царя, и вступил в согласие с учениками и преемниками Варлаама». Участь Иоанна Калеки была решена⁷⁰⁷.

В январе 1347 г. императрица созвала Собор, на который были приглашены только противники Кантакузена — св. Григорий и другие исихасты все еще находились в темнице. В феврале, на соборном заседании, в присутствии Анны Савойской и императора Иоанна V Палеолога был зачитан *Томос* 1341 г. и подборка материалов, представленных императрице патриархом. Их рассмотрели, а затем осудили Иоанна Калеку за ересь и низвергли его. А вечером того же дня Иоанн VI Кантакузен вошел в Константинополь, и Анна Савойская срочно направила св. Григория Паламу и Андроника Асенья к Кантакузену для переговоров. Наконец, святителю удалось выполнить то, о чем он мечтал, — обеспечить мир в Римской империи⁷⁰⁸.

Как и следовало ожидать, мир не принес государству и Церкви моментального благоденствия. Патриарх Иоанн Калека не принял соборных определений и не желал оставлять кафедру. Как утверждают некоторые источники, пришлось даже составлять в царском дворце новый Собор с участием *всех* императоров и оглашать новый соборный Томос. Под ним подписался Иерусалимский патриарх *Лазарь* (1334—1368) и те епископы, которые ранее отлучили Иоанна Калеку и низвергли с патриаршества в Адрианополе. Получилось, что Иоанн Калека был анафематствован *дважды*. Вновь осужден был и Григорий Акиндин, который, судя по сообщениям Иоанна VI Кантакузена, не посмел явиться на Собор, хотя был зван четыре раза. Теперь патриаршая кафедра могла считаться вакантной. Новым Константинопольским патриархом в мае 1347 г. был назначен св. Исидор, бывший епископ Монемасии, друг св. Григория Паламы и смертный враг Калеки. Первоначально хотели избрать Пала-

му, но тот вежливо уклонился от предложения. Впрочем, святитель все-таки был рукоположен в митрополита Фессалоникийского.

Хотя вскоре Иоанн Калека скончался в ссылке, так и не пожелав принять амнистии, предложенной ему Кантакузеном, а Акиндин скрывался «в бегах», антипаламиты не теряли надежды покончить с противником. Всего оппозиция св. Григорию насчитывала около 20 епископов, систематически устраивавших заседания в храме Святых Апостолов, а затем в монастыре Первомученика Стефана. В июле 1347 г. они обнародовали определение об отлучении патриарха св. Исидора и св. Григория Паламы от Церкви. Неожиданно их поддержали некоторые интеллектуалы, среди которых значился философ и историк *Никифор Григора*. Стало очевидно, что новый Собор неизбежен.

Он и был созван императором Иоанном VI Кантакузеном и Константинопольским патриархом *Каллистом* (1350—1354, 1355—1363) 28 мая 1351 г. в одном из залов Влахернского дворца, стены которого украшали изображения Вселенских Соборов. Собор был довольно многочисленным и очень торжественным. Председательствовал на нем сам император Иоанн VI Кантакузен в окружении всего состава сената, 25 митрополитов и 6 епископов. Оппозиция была представлена двумя митрополитами — Матфеем Эфесским и Иосифом Ганским, но главным образом — философом Никифором Григорой.

Необходимо заметить, что, желая воссоздать былую практику «симфонического» обсуждения догматических вопросов, как это было во времена древней Церкви, император Иоанн VI сыграл *решающую* роль в этом деле. Не случайно позднее, уже в 1367 г., папский легат Павел, прибывший в Константинополь, во время аудиенции у царя Иоанна V Палеолога сравнивал Кантакузена с вертелом, способным вращать вокруг себя всю Восточную церковь. Становится понятным также, почему и после оставления царского престола авторитет Кантакузена, уже скромного монаха Иоасафа, в церковных кругах был невероятно высок⁷⁰⁹.

При всем том, что сам царь и подавляющее большинство архиереев придерживались точки зрения св. Григория Паламы, оппозиции дали возможность *детально* изложить свои доводы. На первом заседании был задан вопрос: ради чего они дерзнули вносить смуту в Церковь? В ответ антипаламиты ответили, что их смущают некоторые тезисы учения св. Григория в его опровержении Варлаама и Акиндина. «Так вы придерживаетесь их мнения?» — задал вопрос сам святитель. «Нет», — последовал быстрый ответ. «Тогда поче-

му вы считаете ошибочным наше учение?» — последовала новая реплика. И оппозиции пришлось долго и довольно путано объяснять, что они также анафематствуют Варлаама. Но чем дольше говорили, тем явственнее становилось для всех, что Григора, Матфей Эфесский и Иосиф Ганский лишь повторяют старые доводы Акиндина. Тогда отцами Собора было принято решение изучить вопрос с самого начала, т.е. предоставить оппозиции право обвинить святителя. Реакция сторон была неожиданна: Палама охотно дал свое согласие вновь предстать в роли обвиняемого с правом вчинить встречный иск, а Григора категорически пытался отказаться от предоставленного ему права.

30 мая 1351 г. состоялось второе заседание Собора. На все претензии Григоры о неточностях и путанице в терминологии Палама ответил, что следует делать различие между спорами о Православии и исповеданием веры. В то время как исповедание требует *абсолютной* точности выражений, в спорах нередко возникают термины, допускающие пространное толкование. Чтобы не соблазнять никого, сам он в диспутах с Варлаамом и Акиндином неизменно излагал свое исповедание веры, к которому и следует обращаться, если кто-то желает его обличить. Когда по требованию царя святитель изрек свое исповедание, весь Собор дружно одобрил его.

Третье заседание Собора состоялось 8 июня 1351 г. От Григоры и его товарищей потребовали их собственного исповедания веры, но те ограничились «нейтральным» в данный момент времени Никео-Цареградским Символом Веры, к которому прибавили осуждение Варлаама и Акиндина. А затем вновь набросились на Паламу, хотя *теперь* обвиняемыми на процессе стали уже они сами. Тем не менее им позволили до конца изложить свои аргументы, на разбор которых ушла львиная доля времени третьего и почти все четвертое заседание Собора, состоявшееся на следующий день, 9 июня 1351 г. Были подняты соборные акты июня 1341 г. против Варлаама, и выяснилось, что нынешние противники Паламы, по существу, повторяют мысли Калабрийца. Когда все отцы пришли к единомыслию, патриарх Каллист вновь обратился к оппозиции с вопросом: признают ли они православным исповедание, оглашенное на Соборе? И те ответили отказом. Тогда он низложил митрополитов Эфесского и Ганского.

Казалось, Собор уже завершил свою работу. Но буквально на следующий день епископ Арсений Тирский, занимавший осторожную позицию, принес апелляцию императору на только что совершившееся собрание. Не касаясь содержательных аспектов, он

основал свой протест на формальных обстоятельствах: несправедливое распределение мест на заседаниях, одностороннее решение вероучительных вопросов столичным патриархом без согласования с другими патриархами и т.п. Император дал несколько дней одуматься «кассатору», но затем принял решение созвать *новый* Собор. На него уже не были приглашены осужденные антипаламиты, но зато прибыли по царскому указу два иеромонаха с Афонской горы, доставившие Святогорское исповедание веры, тождественное исповеданию св. Григория Паламы.

По инициативе императора были рассмотрены шесть вопросов:

1. Существует ли в Боге боголепное различие между сущностью и энергией?
2. Если существует, то тварна энергия или нетварна?
3. Если энергия нетварна, как избежать сложности в Боге?
4. Можно ли, не впадая в двубожие, применять к энергии термин «Божество»?
5. Справедливо ли и соответствует ли преданию говорить, что сущность превосходит энергию?
6. Поскольку существует причастуемость Бога, есть ли это причастуемость сущности или энергии?

И на каждый из этих вопросов Собор ответил в согласии с богословием св. Григория Паламы. Хартофилакс Ампарис опросил всех отцов Собора, клириков и мирян и услышал одобрительные крики. Завершил заседание сам василевс. Он утвердил, что св. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, православен, и его учение соответствует учению Святых Отцов Церкви⁷¹⁰.

Соборный *Томос* был подготовлен значительно позднее св. Филофеем, будущим Константинопольским патриархом, тогда еще — митрополитом Ираклийским. В постановлении утверждались следующие решения:

1. «Свет Фаворский не есть ни сущность Божия, ни тварь, но энергия сущности»;
2. «Энергия сущности нераздельна с сущностью и неслиянна с ней»;
3. «Энергия сущности нетварна»;
4. «Энергия сущности не вносит разделения в самую сущность и не нарушает ее простоты»;
5. «Имя “Божество” относится не только к сущности Божией, но и к энергии, т.е. энергия Божия то же есть Сам Бог»;

6. «В сущности Божией тварь не может участвовать, в энергии же — может».

А затем выносились анафемы всем «злочестивым писаниям» и всем «болевшим болезнью Акиндина и Варлаама»⁷¹¹.

15 августа 1351 г., в Праздник Успения Богородицы, император Иоанн VI Кантакузен вошел в алтарь храма Святой Софии и торжественно передал соборный *Томос* со своей подписью патриарху Каллисту. Император Иоанн V Палеолог, отсутствовавший в Константинополе во время этих церемоний, подписал *Томос* в феврале 1352 г. Томос был помещен в *Синодик Православия*. После анафематствования варлаамитов провозглашается «вечная память» тем, кто боролся за Православие. Среди них первое место принадлежит императору Андронику III Палеологу: «Андронику приснопамятному и блаженному царю нашему Палеологу, созвавшему первый собор против Варлаама».

Глава 4. Самодержавное правление Иоанна V Палеолога. Заговоры царевичей

Иоанн V Палеолог, чье царствование длилось более 45 лет, красивый и мужественный мужчина, имел тяжелую судьбу. Можно смело сказать, что *ни одному* Византийскому императору не пришлось пережить за свою жизнь столько унижений, потерь и *вынужденного* позора, как герою нашего повествования. Впрочем, при всех ударах судьбы Иоанн V Палеолог умел держать удар и диктовать свою волю. Ему не было чуждо чувство самопожертвования во имя «*общего блага*», в чем мы вскоре сами убедимся, и этот царь-труженник в течение десятилетий выискивал малейшие шансы, чтобы хотя бы отсрочить гибель Империи.

Византия досталась ему в исключительно бедственном состоянии. Армии не было, равно как и денег, и Палеологу понадобилось 3 года для того, чтобы руками турок разделаться с непокорным Матфеем Кантакузеном. Кстати сказать, мятежника даже не наказали, оставили жить в столице и сохранили на его одеянии некоторые знаки царской власти — достаточное свидетельство благородства василевса. Слабость государства стала совершенно очевидной для всех заинтересованных лиц. Дошло до того, что 16 апреля 1355 г. венецианский посол в Константинополе заявил на Совете Республики, что нужно без всяких рассуждений присоединять Византию

к Венеции. Правда, соотечественники не поддержали его инициативы — *не видели выгоды*⁷¹².

Ввиду грядущей турецкой оккупации Палеолог обратился за помощью к Западу, путь к которому лежал через Рим. Пришлось отправлять посольство к папе *Иннокентию VI* (1352—1362) с обещанием принять меры по воссоединению Церквей. «С настоящей минуты, — писал император в своем послании папе, — я пребуду верным, покорным, почтительным и преданным блаженнейшему отцу и господину нашему Иннокентию VI, святой Римской и Вселенской Церкви, верховному первосвященнику и его преемникам. Употреблю все возможные средства к тому, чтобы все народы нашей Империи также сделались верными, послушными, почтительными и преданными тому же нашему отцу и верховному первосвященнику и его преемникам. Но, так как время ожесточило сердца народа, так как его с трудом можно отвлечь от того, с чем он сроднился, и поставить его на новый путь можно не иначе, как действиями мудрыми и умеренными, то я решил поступить следующим образом», и дальше перечисляет их⁷¹³.

В свою очередь император просил апостолика организовать военный союз заинтересованных европейских держав. Сам Иоанн V Палеолог обещал папе стать «первым капитаном и знаменосцем Матери-Церкви, главнокомандующим над христианским воинством, которое придет в Константинополь из-за моря». Предлагая оставить заложником своего сына *Мануила*, он просил у папы 15 транспортных судов, 5 галер, 500 рыцарей и 1 тысячу пехотинцев на 6 месяцев для войны с турками⁷¹⁴.

В ответном письме понтифик выражал крайнюю радость по поводу обращения императора и обещал обратиться с соответствующими посланиями в адрес Родосских рыцарей, венецианцев, генуэзцев и киприотов. Он действительно разослал свои призывы, но на них мало обратили внимания. Единственное, что обе стороны вынесли полезного из свершившегося факта, так это возможность прямой и многолетней переписки. Но император Иоанн V был настойчив в своем стремлении объединиться с Западом против турок. И, тронутый его энергией, папа направил буллу об организации нового Крестового похода, но и эта мера не принесла успеха⁷¹⁵.

Фракия теперь была спокойна, но *спокойствием покойника*. Архонты областей откровенно желали перейти под власть османов, и эта «добрая воля» многократно увеличила возможности турок закрепиться в Европе. Император почти совершенно утратил узы управления и не мог ничего противопоставить сепаратизму своего

же чиновника в Фокее, *Калофета*, объявившего себя самостоятельным правителем. Безнаказанность этого сановника превосходила всякую границу: когда его пираты захватили *Халиля*, сына султана Орхана, и османы потребовали вернуть принца, Калофет запросил за это с василевса 100 тысяч золотых монет и титул севастократора. Чтобы сгладить дипломатический скандал и сохранить союз с османами, без которых Византия теперь оказывалась абсолютно беззащитной перед болгарами и сербами, Иоанну V Палеологу пришлось пойти на откровенное унижение. Он выдал свою малолетнюю дочь *Ирину* за Халиля, который к тому же приходился ей кузеном: его матерью была Феодора Кантакузен.

Мануил Кантакузен (1348—1380), сын Иоанна VI Кантакузена, многократно увеличивший могущество Мореи, и не думал подчиняться Палеологам. И отряд наемников, направленных против него Иоанном V, был разбит сыном талантливого полководца-отца. В конце концов император признал Мануила Кантакузена Морейским деспотом, сохранив *видимость* его зависимости от императорской власти. Кроме того, приходилось расплачиваться за помощь в борьбе с Иоанном VI Кантакузеном. И царь отдал в качестве приданого своей сестры, выданной замуж за генуэзца Гаттелузи, остров Митилену (Лесбос)⁷¹⁶.

Однако и в таких непростых условиях император не забывал о своем долге перед Церковью. Хотя Собор 1351 г. поставил точку в исихастских спорах, Никифор Григора в 1355 г. начал новую дискуссию. Видимо, он надеялся, что со смертью старого покровителя св. Григория, императора Иоанна VI Кантакузена, позиции святого во дворце пошатнулись; но ошибся. Повод для дискуссии дал приехавший в Константинополь папский легат Павел Смирнский, заявивший, что желает узнать непосредственно «из первых рук» о новейших богословских течениях в Восточной церкви. Неожиданно его поддержал сам василевс, заявивший, что хотя и поставил свою подпись под актами Собора 1351 г., но на нем не присутствовал, а потому трудно понимает причину разногласий Григоры и Паламы. Диспут носил публичный характер, и ему придавалось очень большое значение. Свидетельством тому — присутствие на диспуте непосредственно царя со всем семейством, множества высших сановников, клириков и богословов⁷¹⁷.

Однако Григоре пришлось испытать горькое разочарование — император вовсе не собирался ревизовать акты «кантакузенского» Собора 1351 г. Когда философ заявил с первых слов, что желает, чтобы Томос 1351 г. был сожжен, и лишь потом готов вступить

в спор с Паламой, император его перебил: «Цель собрания нашего — не вызывать вновь судебного разбирательства и выносить решения, ибо это уже случилось, и нет сейчас того, кто бы это изменил. Сей Томос соборный и принадлежит всей Церкви, и дело каждого — возвеличивать его. Но я тогда не присутствовал и соглашаюсь выслушать вас, дабы и самому уяснить, в чем же дело». После этого диспут потерял для Григория смысл, кроме того, при всем своим умением философ и историк ничего не мог противопоставить аргументам св. Григория⁷¹⁸.

Это было едва ли не *единственным* значимым событием, где царь демонстрировал свою власть. Империя медленно погибала, и ее слабость тем более казалась смертельной, что в 1359 г. скончался Османский султан Орхан, многие десятилетия дороживший дружбой с византийцами, хотя под конец жизни не без удовольствия взиравший за тем, как его сын Сулейман завоевывает Галлиполи. Теперь же его наследник *Мурад I* (1359—1389) был готов к тому, чтобы использовать турецкую силу исключительно во славу османского оружия. К слову сказать, по словам современников, это был блестящий и мужественный воин, великодушный человек, благочестивый мусульманин и щедрый правитель. Никогда султан без необходимости не проливал крови и был довольно милостивым к побежденным врагам. Он реформировал армию, резко увеличив количество корпусов янычар и создав прекрасные кавалерийские части. Обладая большой веротерпимостью, он обеспечил вполне приемлемые условия для существования своим новым христианским подданным и имел все основания считать, что его политика дала прекрасные результаты⁷¹⁹.

Вначале Мурад I окончательно сокрушил сопротивление оставшихся независимых сельджукских правителей в Малой Азии. Ему удалось довольно быстро разгромить Караманского бея, захватить Анкару и близлежащие области. А затем султан Мурад двинулся на Фракию. В 1360 г. его полководцы Лала-Шагин и Евренос-бей захватили сильнейшие крепости Димотику и Чорлу. А в 1361 г. Лала-Шагин вогнал в страх архонта Адрианополя, бесстыдно сдавшего город без боя. Теперь второй по величине город Фракии стал новым опорным пунктом османов в Европе⁷²⁰.

Это событие сделало общение между императором и Римом более интенсивным. Но и нарастающая турецкая угроза не привела ни к какому результату. Папа хотел не бумажных обещаний, а действительного перехода Константинопольской церкви под свой омофор. Однако и царь просил не громких слов, а солдат и денег

для войны с мусульманами. На самом деле это было странное зрелище: в результате обе стороны обещали друг другу то, чего сделать никак не могли⁷²¹.

Вслед за этим османы хлынули в Болгарию и Западную Фракию, захватив Филиппополь. Теперь Болгарскому царю Ивану Александру пришлось воочию убедиться, *до чего* довела его страну междоусобица последних десятилетий с Византией. Он срочно заключил мирный договор с Византией и в 1362 г. выдал свою дочь Марию за *Андроника Палеолога*, сына императора Иоанна V. На время это спасло положение, но уже в 1365 г. Болгарский царь скончался. Его преемниками стали сыновья *Иоанн Срацимир* (1365—1396) и *Иоанн Шишман* (1371—1390), *разделившие* Болгарию. Более того, Иоанн Шишман, сын покойного царя от второй жены, еврейки, повел себя совершенно подло. Он вступил в тайный сговор с турками и пригласил императора Иоанна V Палеолога к себе для переговоров. Но по прибытии василевса попросту *арестовал* (!) его и бросил в темницу как пленника⁷²².

Сказать, что известие об этом вызвало повсеместный *шок*, значит не сказать ничего. До сих пор только один Римский император попадал в плен — Роман IV Диоген в несчастной для Византии битве при Манцикерте в 1071 г. Но тогда его захватили турки, мусульмане, которые, кстати сказать, проявили уважение и предупредительность к носителю царского сана, а через неделю вообще отпустили на свободу. Теперь же василевс попал в плен к *христианам*, причем удерживался в плену более 6 месяцев. А сам Болгарский царь проявил полное безразличие к условиям, в которых находился Иоанн V Палеолог⁷²³.

Этот омерзительный поступок шокировал всех, включая европейские дворы. Немедленно графом *Амадеем VI Савойским* (1334—1383), двоюродным братом императора по матери, была организована экспедиция для освобождения Иоанна V Палеолога. Итальянцы вместе с генуэзцами и венецианцами разбили турок, овладели Галлиполи и вышли в Черное море. Вскоре все приморские города вплоть до Месемврии, которую союзники взяли после кровопролитного штурма, принадлежали им, а не болгарам. Блокада Варны окончательно отрезвила Шишмана. Он отпустил василевса, дав обещание никогда более не нападать на Византию⁷²⁴.

Эта неожиданная и поистине *рыцарская* помощь Запада возродила надежды на союз с латинянами, и небезосновательно. Реальность турецкой угрозы встревожила Венецию, Геную, которые, несмотря на вековую вражду, протянули друг другу руку дружбы.

Если уж они сумели примириться, то, следовательно, есть надежда на новый Крестовый поход против мусульман. Однако для этого необходимо было в первую очередь решить вопрос о *церковной унии*, а попутно найти союзников, способных оказать реальную помощь. А с этим как раз возникли проблемы. Франция, традиционный лидер почти всех предыдущих крестоносных движений, находилась в пике противостояния с Англией. Болгария и Венгрия не проявили особой заинтересованности, а Сербия после смерти в 1355 г. Стефана IV Душана оказалась на грани развала⁷²⁵.

Сын покойного, 19-летний *Стефан Урош V* (1355—1371), не пользовался никаким авторитетом, и страна распалась на множество полунезависимых от центральной власти княжеств. В Трикале брат Душана *Симеон Палеолог Урош* (1355—1371) венчался на царство как «краль ромеев и сербов»⁷²⁶. Другой брат Душана, *Симеон*, правил как самостоятельный правитель в Этолии и Акарнании. А болгарин *Асень*, брат Сербской царицы, вдовы Елены, объявил свою область свободной от власти Сербского царя. В Фессалии правил некий *Фома*, на востоке и севере, в областях от Сереса до Дуная, сильнейшими правителями считались два брата: маршал *Иоанн Угелеша* и придворный сановник *Влашин*. Последний брат был особенно честолюбив и откровенно стремился к королевскому титулу, который и приобрел в 1356 г. Неудивительно, что вскоре боснийцы заявили о своей независимости, а венгры захватили Белград. Разумеется, ни о каком *серьезном* сопротивлении османам, вскоре хлынувшим на земли Сербии, не могло быть и речи⁷²⁷.

К тому же далеко не все латиняне проявили солидарность в борьбе с турками и некоторые из них даже вступили с османами в союз, как, например, каталонцы, заключившие с мусульманами договор против венецианцев. Правда, это вызвало гневную реакцию Римского папы *Урбана V* (1362—1370), призвавшего остальных европейцев напасть на предателей. Этот понтифик являлся горячим сторонником нового Крестового похода в помощь гибнущей Византии. Но и на этот раз непременным условием помощи должна стать уния — без нее никакие переговоры были невозможны.

Весной 1367 г. император вместе со своим спасителем графом Амадеем VI Савойским прибыл в Константинополь, где им предстояло обсудить вопрос об унии. Как признался правитель Савойи, перед началом похода против болгар он дал слово понтифику, что сумеет убедить греков в необходимости воссоединения Церквей. И теперь горел желанием исполнить это обязательство. Вместе с царем они повстречались с папским легатом Павлом Смирнским,

которого апостолик наградил титулярным саном Латинского патриарха Константинополя⁷²⁸.

Помня, как встретила Византия известие о Лионской унии, Иоанн V Палеолог решил действовать осторожнее. Василевс пригласил к себе нескольких епископов и двух патриархов — Константинопольского архиерея *св. Филофея* (1354—1355, 1364—1376) и Иерусалимского патриарха Лазаря, и запросил их мнение. Оно было очевидным — нужно созвать Вселенский Собор и на нем решить догматические разногласия. И лишь *потом*, как уверяли царя архиереи, возможен разговор об унии — создавалось впечатление, будто турки не стояли во Фракии, и Византийская империя имеет неисчерпаемый резерв времени. Получив соответствующее послание, апостолик был взбешен и срочно отсоветовал королю *Лайошу I Венгерскому* (1342—1382) идти на помощь Византии⁷²⁹.

Чтобы хоть как-то сгладить впечатление, василевс уговорил Павла Смирнского, что следует собрать Вселенский Собор в Константинополе, а сам направил в Рим посольство из представителей белого и черного духовенства, которое ввиду категоричного отказа патриарха *св. Филофея* возглавил монах Иоасаф, бывший император Иоанн VI Кантакузен⁷³⁰.

Между тем Иоанна V Палеолога менее чем кого-либо можно было обвинить в попытках внести коррективы в Святоотеческое учение. Император и ранее неизменно демонстрировал свою приверженность Православию, и *св. Григорий Палама* многим обязан царю своими победами над «варлаамитами». Более того, в том же 1368 г., в апреле, василевс приказал организовать еще один Собор, который наконец окончательно добил противников исихазма. Причина спора заключалась в жалобе монахов Афонской горы на Прохора Кидониса, брата месадзона (первого министра двора) Димитрия Кидониса. По их словам, Прохор, являясь иноком Лавры, только *для видимости* согласился признать акты Собора 1351 г., а сам втайне писал опровержение трудов *св. Григория Паламы*. Его сочинения изучили, нашли нелепыми и посоветовали читать священные книги, позволяющие монаху понять свои ошибки; но Прохор отказался. Тогда святогорцы решили направить дело на рассмотрение церковного суда. Суд был обстоятельным, но скорым. Сочинения Прохора и он сам были анафематствованы, и тут же приняли решение о почитании памяти *св. Григория Паламы*, к тому времени уже скончавшегося⁷³¹.

Тот факт, что император не попытался хоть каким-то образом повлиять на результат судебного слушания и смягчить участь брата

своего первого министра, ученицей которого являлась сама супруга царя, императрица Елена, свидетельствует о редкой принципиальности василевса⁷³².

Однако факт остается фактом — в своем желании спасти Империю через помощь Запада и неизбежную унию царь оказался одиноким. В этом отчаянном положении царь попытался *лично* убедить Венгерского короля. Он направился к нему — неслыханная честь! — и просил помощи, но получил отказ со ссылкой на Рим. Венеция по обыкновению опять воевала с Генуей, Франция — с Англией, и результатом тяжких унижений стал отказ всех крупных европейских государств помочь гибнущей Византии.

В отчаянии в 1369 г. Палеолог отправился к Урбану V и совершил до сих пор беспрецедентный поступок — *принял латинскую веру!* 19 октября того же года император вручил Римским кардиналам свой хрисовул с латинским Символом Веры, куда, разумеется, был включен *Filioque*. Это был верх торжества Римской курии, и через 3 дня император посетил мессу, которую папа служил в храме Св. Петра. Там он и присягнул понтифику на верность по сложившейся на Западе традиции. Император трижды преклонил колена перед апостоликом, поцеловал его ногу, затем руки и уста. Папа встал, взял василевса за руку и начал петь гимны⁷³³. Однако — важный момент — Иоанн V Палеолог предупредил понтифика, что его *личный переход* в католичество не означает признание всеми византийцами первенства Римского епископа⁷³⁴.

К сожалению, жертва императора оказалась напрасной — Французский король *Карл V Валуа* (1364—1380) по прозвищу *Мудрый* вновь отделался вежливым кивком, но никакой помощи не прислал. Что в принципе понятно: буквально в эти же дни он возобновил военные действия с англичанами, которыми руководил принц Уэльский *Эдуард III* (1343—1376), *Черный принц*. Месадзон Димитрий Кидонис писал своему брату: «Мне тягостно думать о судьбе Отчизны, о врагах, которые смеются над нами, о том, что в будущем их стены будут для нас тюрьмой, и с высоты их мы увидим, как враги увозят свою добычу, так как здесь никто не заступится за нас»⁷³⁵.

В довершение всего на обратном пути Иоанна V Палеолога *арестовали* (!) кредиторы-венецианцы. Еще находясь в Риме, василевс получил послание Венецианского дожа *Андреа Контарини* (1368—1382), напомнившего императору о драгоценных камнях царской диадемы, заложенных императрицей Анной Савойской в 1343 г. за 30 тысяч дукатов. И когда царь прибыл в Венецию в начале мая

1370 г., от него без обиняков потребовали вернуть кредит. В силу безвыходности ситуации император согласился уступить остров Тендос в качестве погашения долга. Венецианцы, мирящиеся со всем, кроме бедности, охотно согласились и даже были готовы предоставить Иоанну V Палеологу вдобавок 6 военных галер, 25 тысяч дукатов, из них 4 тысячи сразу, чтобы василевс мог добраться домой, и, конечно, вернуть драгоценные камни. Но тут возмутился царевич Андроник Палеолог, оставленный в Константинополе для управления Византийским государством. В результате император оказался под арестом⁷³⁶.

Это был неслыханный позор, какое-то фатальное несчастье, уже дважды обрушившееся на голову несчастного царя! Андроник Палеолог, честолюбивый и легкомысленный царственный юноша, *не спешил* выполнить просьбу отца, думая уже о самостоятельном царствовании. Только благодаря помощи младшего сына императора, *св. Мануила*, правителя Фессалоник, приславшего в Венецию деньги и корабли для перевозки царя, василевс получил возможность возвратиться в столицу. По возвращении в 1371 г. император в наказание отказал Андронику в праве наследовать престол⁷³⁷.

Возвращение *царя-латиняна* в Константинополь не привело, как ни странно, к каким-то гневным акциям со стороны патриарха св. Филофея, клира и народа. Если кто и вызывал антипатию, так Димитрий Кидонис, месадзон императора, которого обвиняли, да и то *исподволь*, в тайных связях с Римской курией. Но перемену в василевсе просто никто не заметил. Как и раньше, его имя упоминалось на Литургии, он по-прежнему считался дефензором Церкви, и никаких епитимий, конечно, на него не налагалось. Объясняется это, очевидно, не только высочайшим уважением византийцев к царской власти, но и личностью самого императора. Все *жалели* его в дни вынужденного пребывания в темнице и выражали свое сочувствие.

Напрасно папа писал в 1371 г. послание к греческим клирикам, в котором утверждал, что его радость по поводу возвращения восточного епископата в лоно Римской церкви была бы неизмеримо выше, чем радость просто по поводу признания василевсом первенства главы Апостольского престола. И недвусмысленно намекал, что помощь Запада Византии возникнет только после того, как клирики принесут соответствующую присягу. В 1374 г. он направил в Константинополь своих легатов, чтобы на месте узнать, сколько потребуется времени и средств для организации унии. Но в скором времени Риму будет уже не до Константинопо-

ля — начнется «Великий раскол» Западной церкви, доставивший папам множество забот⁷³⁸.

Пока император разбирался с кредиторами и сыном, турки продолжали свои атаки на болгар и сербов. В 1365 г. Иоанн Шишман был разбит турецкими армиями, признал себя вассалом султана Мурада I и даже отдал свою сестру *царевну Тамару* в его гарем. Эта девушка, ставшая такой же жертвой за свой народ, как и Феодора Кантакузен, вошла в историю Болгарии. О ней читается в церковных документах: «Кире Тамаре, дочери великого царя Иоанна Александра, великой госпоже, которая была отдана Амиру Амурату за болгарский народ и, будучи его супругой, сохранила христианскую веру и спасла свой народ, хорошо и благочестиво провела жизнь и в мире скончалась, вечная память!»⁷³⁹

Слабость Болгарии почувствовали венгры и сербы, решившие поживиться за счет ее территорий. Но при помощи турок Шишман сумел отбить войска Лайоша I Венгерского. Сербская армия должна была напасть на турок в Адрианополе, но потерпела поражение еще раньше на Марице, застигнутая османами врасплох. Самое поразительное, что 60-тысячная сербская рать потерпела поражение от 4-тысячного турецкого конного отряда, направленного *для разведки* местности. Кроме погибших от мечей и стрел, множество сербских воинов утонуло в реке во время бегства, и лишь очень незначительная часть спаслась и вернулась на родину⁷⁴⁰.

Буквально тут же вся Восточная и Южная Македония оказалась оккупированной отрядами султана Мурада I. В эпоху безвластия сербские аристократы наперебой спешили признать свою зависимость от султана, их отряды вошли в состав турецких вооруженных сил и весьма ценились османами. Зато Сербский патриарх, забыв о своей автокефалии, поспешил вернуться под власть «Вселенского патриарха». Но и сам Иоанн V Палеолог, не дождавшийся помощи от латинян, был вынужден пережить очередной позор в своей жизни — *фактически* признать себя *вассалом султана* Мурада I и даже отдать ему своего сына св. Мануила в качестве заложника⁷⁴¹.

Этот шаг привел в 1373 г. к очередному дворцовому перевороту, во главе которого стал тот самый Андроник Палеолог, которого отец лишил власти. Интересно, что соучастником заговора стал сын Османского султана *Санджи*, который также желал свергнуть отца с трона, но уже своего. Царевичи объединили усилия, и султану Мураду пришлось приостановить все остальные операции, чтобы расправиться с непокорным отпрыском. С немалым трудом ему удалось взять Дидимотих, где скрывался Санджи. Помог

авторитет султана: войска османского принца оставили его, когда узнали о приближении Мурада. Султан ослепил, а затем обезглавил Санджи и *приказал* Палеологу так же поступить с Андроником. Но отец смилостивился над сыном, и того ослепили только на один глаз, отправив затем вместе с сыном Иоанном, внуком Иоанна V, в темницу⁷⁴².

В это же время василевс решил возобновить контакты с Римом, прекрасно понимая, что у его «дружеских» отношений с османами нет будущего. Во дворец был приглашен известный сторонник унии, бывший месадзон Димитрий Кидонис, и с особыми поручениями направлен к папе. Но, как и прежде, ответ пришел *нейтральный*, хотя и доброжелательный. Понтифик многое обещал, но ничего не делал для реализации и нынешних, и прежних обещаний⁷⁴³.

Ситуацию осложнил побег Андроника Палеолога из-под стражи. Выяснилось, что у него оказались неожиданные союзники — генуэзцы. В отместку за то, что император отдал Венеции в виде платы за многие услуги остров Тендос, генуэзцы решили сместить царя с престола, поставив василевсом своего выдвигенца. Они помогли Андронику бежать из темницы и укрыли его в Галате. Генуэзцы же снабдили царевича войском и деньгами для начала войны с отцом. Естественно, василевс не ожидал такого поворота, и после месячной осады при помощи наемной сербской дружины Андроник захватил Константинополь. Нравы в столице были уже *турецкими*, поэтому победитель 18 октября 1376 г. венчался на царство как Византийский император **Андроник IV Палеолог**, а отца и св. Мануила, своего брата, отправил в темницу. Уже к 23 августа 1377 г. он переуступил остров Тендос генуэзцам и позволил тем безнаказанно расправиться с венецианцами на Босфоре⁷⁴⁴.

И вновь Иоанна V Палеолога выручил Османский султан Мурад, хотя эта помощь стоила Византии территориальных потерь. Турок выступил арбитром в «семейном» споре Палеологов и в 1379 г. организовал побег Римского императора и его сына. Затем султан, не испытывавший к изменнику-сыну никакого сочувствия, потребовал, чтобы Андроник IV *добровольно* вернул престол отцу, получив взамен города по побережью Мраморного моря и звание наследника престола. Тот нехотя согласился, надеясь в скором времени захватить власть, но умер 28 июня 1385 г.⁷⁴⁵ 8 июня 1379 г. Иоанн V Палеолог и св. Мануил торжественно вступили в Константинополь, отдав туркам за услугу остров Самос.

Но и эти беды не сломили характер Иоанна V Палеолога. В 1380 или 1382 гг. случился один эпизод, чрезвычайно интерес-

ный в части характеристики церковно-государственных отношений в Византии и самого Иоанна V Палеолога. Обеспокоенный начавшимися конфликтами при распределении епископских кафедр при патриархе *Ниле* (1380—1388), император потребовал от столичного архиерея и синода сформулировать церковные полномочия Римского императора. Как известно, до сих пор этот вопрос никогда не регулировался актами писаного права — скорее, *церковно-политическим обычаем*. И теперь василевс решил изменить практику, инициировав несколько важнейших канонов. В результате за царем было признано право выбора лица на митрополицию кафедру из трех кандидатов, представленных синодом. При этом синод обязался ни в коем случае не включать в списки кандидатов лиц, не лояльных к царю. Более того, за императором закрепили право фактически *самостоятельно* определять состав синода, устанавливая, кто из провинциальных архиереев может находиться в столице, а кому — запрещено. За императором сохранилось старое полномочие перемещать епископов с кафедры на кафедру, изменять границы епископий и митрополий, а также введено новое право назначать 15 высших чинов Константинопольской патриархии⁷⁴⁶.

В это время османы активно продвигались вперед. К 1370 г. они подчинили себе всю Фракию, а потом продвинулись на болгар и отняли у них Айтос, Созополь, Визию, Киркилиссу, Карнабад, Диамполь, Самоков и Ихтиман⁷⁴⁷. Наступательный порыв османов был непрерывный, как горный поток. Только в 1387 г. султан Мурад I был вынужден на время прервать свое движение на Балканах из-за конфликта с беem Карамана. Не тратя время, Мурад перебросил войско к Анкаре и на Конийской равнине разгромил врага. Бей укрылся в Икони, но османы осадили город, не оставляя ему никаких шансов. И тогда Караманский бей запросил пощады.

Пока Мурад воевал в Малой Азии, Сербский князь (уже не король!) *св. Лазарь Хребелянович* (1370—1389) попытался собрать славянскую коалицию против османов. Боснийский бан *Твртко I Котороманович* (1377—1391) сразу принял предложение серба объединить усилия, но Болгарский царь Иоанн Шишман вновь занял выжидательную позицию. Конечно, он желал, чтобы османская угроза *вдруг* исчезла, но очень боялся Мурада, а потому не давал никакого решительного ответа на запросы Сербского князя. Но и без него сербы вместе с боснийцами разгромили в 1387 г. 20-тысячное войско османов у Плочика на Топлице; спаслось не более 5 тысяч турок⁷⁴⁸.

Когда Мурад узнал о готовящейся коалиции и поражении своих войск, он не стал ждать, а первым делом выключил из числа потенциальных соперников именно Болгарского государя. В 1388 г. султан напал на него и полностью опустошил болгарские области. Затем Мурад захватил сербский город Ниш и вынудил св. Лазаря выплачивать ему ежегодную дань в размере 1 тысячи фунтов серебра и выставлять для турецких походов отряд численностью 1 тысяча рыцарей. В 1388 г. турки захватили Фессалоники, но сохранили византийское муниципальное управление и поручили Иоанну V Палеологу «присматривать» за городом.

И все же Сербскому князю удалось каким-то образом скооперироваться с боснийцами и собрать довольно значительное союзное войско. Радость на Балканах была неопиcуемая. Даже опасливый Болгарский царь поспешил присоединиться к союзникам и отказал Мураду в исполнении своих вассальных обязательств. Более того, венецианцы внимательно изучали, стоит ли им присоединиться к коалиции, и в случае успеха готовы были помочь сербам и боснийцам. Но Мурад I и не думал ждать, когда его враги соединят усилия, перейдя от слов к делу. В том же 1388 г. его передовая армия численностью 30 тысяч солдат напала на Болгарию и после страшного погрома ее областей выключила Шишмана из числа возможных противников⁷⁴⁹.

В 1389 г. Мурад вернулся на Балканы, желая разделаться с сербами. При все возрастающем честолюбии, султан оставался опытным и мудрым политиком и полководцем, прекрасно понимая, что оборонительные сооружения Константинополя пока не по силам османам. Время Византии еще придет, а пока нужно было заняться славянами⁷⁵⁰.

15 июня 1389 г. османы и сербы встретились на печально знаменитом (и в прошлом, и в настоящем времени) Косовом поле — равнине, находящейся на границе Боснии, Сербии и Албании. В тот день сербский рыцарь *Милош Обилич* прославил свое имя, отдав себя на алтарь победы. Перед началом сражения он явился в турецкий лагерь как перебежчик и потребовал провести его к султану, дабы сообщить важную информацию о расположении союзных войск. Но, вступив в шатер, он заколол Мурада кинжалом. Рыцарь был, конечно, немедленно зарублен телохранителями, а командование османами принял на себя сын Мурада, новый султан *Баязед* (1389—1402), прозванный Молниеносным. Несмотря на подвиг Обилича, союзное войско потерпело сокрушительное поражение от османов. Сербский князь св. Лазарь был ранен и за-

хвачен в плен. Ему на глазах умирающего от раны султана Мурада отрубили голову. Судьба Сербии была решена — она вошла в состав Османского султаната в качестве провинции, а ее правитель, пока еще серб, выплачивал дань туркам как их вассал⁷⁵¹.

После умирения Сербии и Болгарии Баязед направил свои войска на север и северо-запад. Его отряды проникли в Албанию, но завязли там, не в силах сломить сопротивления горцев. Зато османский клинок прошел через боснийцев вплоть до Скопье, подчинил себе валахов и вступил в непосредственное соприкосновение с мадьярами. С византийцами пока еще Баязед сохранял мирный договор, но поведение султана по отношению к старому императору Иоанну V Палеологу стало поистине издевательским⁷⁵².

Как данник османов, Иоанн V Палеолог со своим войском был вынужден по приказу султана сопровождать того в поход против Филадельфии — единственного *греческого* города в Малой Азии, еще сохранившего свою независимость от турок. Когда на все уговоры Римского царя, к глубокому изумлению филадельфийцев пребывавшему в турецком лагере, они ответили отказом, начался штурм, и, к своему позору, Иоанн V Палеолог вместе с сыном св. Мануилом был вынужден сражаться против своих соотечественников-единоверцев в первых рядах.

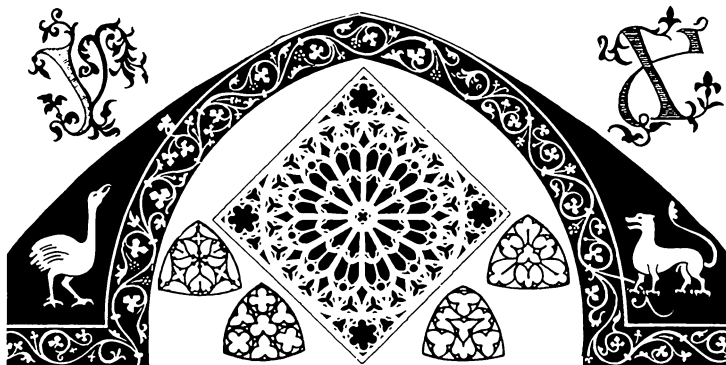
А в это время, 14 апреля 1390 г., **Иоанн VII Палеолог**, сын императора Андроника IV Палеолога, поднял восстание против царственного деда и захватил Константинополь, объявив себя новым Римским царем. Как небезосновательно полагают, этот заговор был подготовлен самим Османским султаном — Баязед рассчитывал поставить 20-летнего Иоанна VII Палеолога на трон лишь *временно*, а затем сместить его и объявить себя властителем Римской империи. По крайней мере, сохранившиеся в венецианских архивах документы дают повод для этого вывода⁷⁵³.

Правда, царствование Иоанна VII Палеолога продолжалось всего 5 месяцев, поскольку св. Мануил Палеолог пришел на помощь отцу и вновь вернул столицу законному императору. Ввиду того, что никаких дерзостей Иоанн VII Палеолог себе не позволил, ему было разрешено проживать частной жизнью. Более того, при последующем императоре он вновь войдет в фавор и будет храбро бороться с турками за свободу родины. Умрет Иоанн VII Палеолог своей смертью в 1415 г., имея титул «василевса Фессалоники»⁷⁵⁴. Он поддерживал тесные отношения со многими монастырями, в том числе с Афонской горой. В архивах монастырей Ватопед,

Лавра, св. Павла и Ксиропотам сохранилось несколько его хрисовулов, дарующих монастырям некоторые льготы. Интересно, что незадолго до смерти Иоанн VII Палеолог принял монашеский постриг с именем Иоасаф. После смерти мужа его жена, царица *Ирина Гаттилузи*, переехала на остров Лемнос и также приняла монашество с именем Елена. Скончалась она в 1440 г.⁷⁵⁵

Но и император уже завершал свой земной путь. 16 февраля 1391 г. Иоанн V Палеолог отдал свою многострадальную душу Богу, печально взирая в последние минуты жизни на то, как белокаменные стены столичных храмов используют в качестве строительного материала для укрепления оборонительных сооружений Константинополя⁷⁵⁶.





ЛХХVI. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ МАНУИЛ II ПАЛЕОЛОГ (1391–1425)

Глава 1. Турецкий заложник. Первые осады Константинополя

После смерти несчастного императора Иоанна V новым Римским царем стал его сын 41-летний **св. Мануил II Палеолог**, родившийся 27 июня 1350 г. Человек редкого ума, несомненных талантов, настоящий христианин, позднее прославленный Церковью как *святой и благочестивый император*, он был послан гибнущей Византии в самую тяжелую минуту ее истории. Даже ненавидевший его султан Баязед сказал как-то о св. Мануиле II Палеологе: «Всякий, кто не знает, что он царь, сказал бы по одному виду, что он — царь»⁷⁵⁷. Образованный монарх и писатель, ценивший просвещение, знаток классической литературы, очень осторожный и расчетливый в достижении цели, честный и прямодушный, открытый для шутки и веселья, прекрасный дипломат, политик и полководец, св. Мануил II Палеолог относился к числу достойнейших Римских царей. И в то же время василевс не злоупотреблял властью и отличался редкой корректностью по отношению к своим подданным. Убежденный сторонник унии, он никогда не пытался *силой* заставить смириться со своим мнением окружающих, и это же заповедал сыновьям. Их, кстати, сказать, было у него шестеро, а сам император был счастливо женат на сербской княжне из рода Драгашей *Елене*⁷⁵⁸.

Царство, доставшееся ему от отца, находилось в ужасном состоянии. «Когда я вышел из ребяческих лет и не достиг еще возраста мужа, меня в то время окружала жизнь, полная треволнения и смуты, — писал впоследствии василевс. — Но по многим признакам она позволяла предвидеть, что наше будущее заставит смотреть на прошедшее, как на время ясного спокойствия».

В отличие от своих отца и деда св. Мануил II Палеолог был яростным *турконенавистником* и до конца дней не мог забыть того унижения, которое испытал в качестве заложника у Османского султана и при штурме греческих городов во главе турецких отрядов. Правда, выдержанный человек и опытный дипломат, василевс всегда старался контролировать чувства. И, как мы увидим, умел устроить добрые отношения с султанами, настроенными миролюбиво в отношении Константинополя.

Однако Баязед не относился к этой категории лиц. Отличавшийся редкостным умением чувствовать людей, он всегда не доверял св. Мануилу, а поэтому в день смерти отца Палеолог все еще находился в качестве заложника в турецком лагере. Его жизнь полностью зависела в тот момент от настроений султана и могла быть прервана по самому ничтожному поводу. Правда, он не стал спрашивать разрешения, а 7 марта 1391 г. самовольно бежал в Константинополь, где весной 1391 г. был венчан на царство⁷⁵⁹.

Как рассказывают, султан Баязед был очень огорчен тем, что не успел *умертвить* императора, когда тот находился у него во дворце. Он был и возмущен тем, что его вассал *без разрешения* занял императорский трон. В отместку, демонстрируя свою силу и власть, осман направил в Константинополь турецкого кадия (судью) для разбора дел не только между мусульманами, проживавшими в византийской столице, но и их споров с христианами. Мотивировал Баязед свой поступок тем, что мусульманам не надлежит судиться у «неверных»⁷⁶⁰. А затем направил к св. Мануилу II Палеологу посла со словами: «Если ты хочешь исполнять мои приказы, затвори ворота Константинополя и царствуй внутри него. *Все, что лежит вне города, принадлежит мне!*» И, надо сказать, султан почти ничего не преувеличил в выражениях — от Римской империи к тому времени оставалась только слабая полоска вокруг столицы и несколько разрозненных областей в Пелопоннесе.

Жестокосердный Баязед и позднее постоянно находил повод для того, чтобы лишний раз унизить св. Мануила II. Когда император вместе со своим младшим братом деспотом Мореи *Феодором*

Палеологом (1383—1407) воздвигли на Коринфском перешейке крепостную стену для защиты от латинян, султан вызвал к себе в ставку обоих правителей на суд. Он посчитал, что действия византийцев направлены против османов и должны быть квалифицированы как измена, поскольку и св. Мануил II, и деспот Феодор являлись его вассалами. Если бы не содействие местного вельможи Али-паши, оба они пали бы от рук палачей, но им удалось бежать.

Понимая, что спасение Византии зависит исключительно от того, сумеет ли он поднять латинян на борьбу с османами, василевс прилагал для достижения этой цели титанические дипломатические усилия. Но все было напрасно. Наступила какая-то какофония, *всеобщее помешательство* — в то время как турки наступали, греческие правители самостоятельных областей и латиняне продолжали междоусобные войны, призывая османов на помощь. Например, правительница Фессалоник *Елена Кантакузен* и местный архиепископ поспешили признать над собой власть султана, а правительница даже выдала Баязеду свою дочь в гарем. Неаполитанский король *Владислав Анжуйский* (1386—1414) просил у султана помощи против венецианцев, захвативших остров Корфу, и герцога *Людвика II Анжуйского* (1384—1417). А в 1387 г. флорентинец Нерио Ачайоли захватил Афины и прекратил существование Каталонского государства в Греции. В Морее правил деспот Феодор Палеолог, схлестнувшийся с венецианцами из-за Аргоса. Аархонт Монеmvасии Мамона, опасаясь appetитов Морейского деспота, натравил на него османов. И эта вечная круговерть личных и мелких амбиций только многократно увеличивала мощь османов и, естественно, уменьшала шансы Римской империи на выживание⁷⁶¹.

Хотя царь желал в душе разделаться с османами, его обязанности вассала перед Баязедом никто не отменял. И когда в 1392 г. султан устроил морской поход на Синоп в Черное море, то во главе своего флота он поставил Византийского императора, что привело к конфликту с венецианцами, посчитавшими, будто св. Мануил II по своей воле решил напасть на их колонии. В ходе вынужденных переговоров по уточнению истинных целей похода василевсу удалось несколько поправить отношения с республиканцами⁷⁶².

Поскольку в те годы Османский султан укреплял свое положение в Малой Азии, где все еще присутствовали самостоятельные сельджукские беи и эмиры, европейская часть подвергалась стихийным налетам отдельных отрядов. И в целом казалось, что турки удовлетворятся половинчатыми успехами вассальной зависимости

европейских государей. Но когда Баязед взял в плен главного из них — эмира Караманских сельджуков, настал черед греков, сербов и болгар, а за ними — остальных европейцев.

Баязед вовсе не собирался отказываться от экспансионистской политики своего отца и в течение ближайших 7 лет произвел несколько опустошительных походов. В 1393 г. он захватил столицу болгар Тырново, обороной которого руководил Болгарский патриарх *св. Евфимий* (1375—1393). В наказание за сопротивление султан приказал резать всех именитых людей города, а главный православный храм превратить в мечеть. Плененный патриарх был отправлен в ссылку, где и скончался. Как говорят, царь Иоанн Шишман был схвачен в плен и отправлен в Филиппополь; что с ним стало дальше, неизвестно. Один его сын, Александр, принял ислам и перешел на службу к Баязеду, зато другой, Фружин, впоследствии боролся с османами под венгерскими знаменами. Так закрылась страница истории независимой Болгарии.

Пройдя эту страну, Баязед затем подчинил себе Валахию, его флот тем временем напал на Эвбею, а османские отряды попутно опустошили Фессалию и Морею. Передовые турецкие разъезды дошли до венгерской границы, но были отбиты войском Венгерского короля *Сигизмунда* (1387—1437)⁷⁶³.

Наконец, взор султана упал на Константинополь, который не давал ему покоя. Не забыв дерзостного вассала, султан вновь вызвал св. Мануила II к себе в ставку, но царь отклонил это предложение, прекрасно понимая, что оттуда живым наверняка не вернется. Он осознавал, что его отказ будет воспринят османом как открытое неповиновение со всеми вытекающими последствиями. Но альтернативы просто не было. Император не ошибся, и вскоре султан выступил в поход на греков⁷⁶⁴.

Не решаясь осадить византийскую столицу по всем правилам военного искусства, он просто блокировал город с суши и с моря, вызвав в нем настоящий голод. Византийцы со страхом наблюдали, как на их глазах на противоположном берегу Босфора вырастает *Анатолийская крепость* — ключ блокады. Венецианцы, с которыми император успел наладить отношения, присылали понемногу продовольствия в осажденную византийскую столицу. Однако его было явно недостаточно. Положение стало столь тяжелым, что латиняне полагали падение Константинополя неизбежным со дня на день. *Лично* уважая св. Мануила, они предоставили ему даже корабль для бегства; естественно, василевс отказался от этой услуги⁷⁶⁵.

Спасла Византию безграничная энергия императора, не уставшего предпринимать меры по организации общехристианской коалиции против османов. Отправив очередное письмо папе, св. Мануил II понял, что толку от него не будет. И тогда он решился на то, что ранее казалось бессмысленным без Рима — направить *прямые* послания к королевским дворам. Как ни странно, но этот шаг дал гораздо больший результат. В частности, послание царя к Венгерскому королю дало больше, чем годы переписок с Римской курией⁷⁶⁶.

Впрочем, этот результат понятен: к тому времени турецкая угроза стала настолько реальной для государств Западной Европы, что Венгерский король Сигизмунд мгновенно солидаризировался с Византийским императором и сам выступил инициатором нового Крестового похода. Сигизмунд разослал просьбы ко всем монархам, и не без успеха. Правда, Франция, Англия, Польша и Германия выделили лишь по небольшому отряду рыцарей. Но в целом за счет чехов, итальянцев, бургундцев и баварцев получилось довольно боеспособное крестоносное войско, во главе которого стал сам Венгерский самодержец. Всего под его знаменами в 1396 г. находилось до 10 тысяч человек и грузовой флот для перевозки по Дунаю продовольствия. Эта неожиданная помощь пришла как нельзя вовремя: по-видимому, в противном случае Константинополь должен был неизбежно сдать османам. Теперь же Баязед вынужденно свернул осаду и срочным маршем направил свои войска против крестоносцев⁷⁶⁷.

Венгры с союзниками тем временем взяли город Видин, Рахов сам открыл им свои ворота, и лишь Никополь на 16 дней задержал их продвижение. Но навстречу латинянам уже двигался «молниеносный» Баязед с войском численностью 12 тысяч бойцов. Обиднее всего было то, что, соблюдая вассальную клятву, Сербский князь *Стефан Лазаревич* (1389—1427) с отрядом сербских рыцарей находился в армии мусульман. В общем, силы противников были почти равны, крестоносцы даже имели известное преимущество за счет тяжеловооруженной рыцарской кавалерии. Но, в отличие от турок, воля которых была сжата в железных руках султана, у крестоносцев единое руководство, как обычно, отсутствовало. И главенство Сигизмунда Венгерского являлось скорее *номинальным*. Король созвал военный совет, но французские рыцари потребовали уступить им право первой атаки и ничего не желали слышать о действиях остальных отрядов. Пока они спорили, цвет османского войска — янычары заняли удобные позиции на возвышенности

южнее Никополя и окопались; остальные войска расположились на флангах и в засаде.

На рассвете 28 сентября 1396 г. французские рыцари начали атаку против легкоконных стрелков турок, сипахов, но попали под контратаку янычар и почти все были перебиты. С присущим западным рыцарям отчаянным безумством, когда речь заходила о подчинении, все последующие отряды действовали по аналогичной схеме, не считая нужным согласовывать свои атаки с Сигизмундом. В результате к полудню крестоносное войско было практически все перемолото турками⁷⁶⁸. Правда, и сами османы понесли большие потери — можно представить, *насколько иным* мог бы быть результат сражения, если бы латиняне действовали сообща. С большим трудом король Сигизмунд Венгерский спасся морским путем. Раздосадованный большими потерями, Баязед приказал *перерезать* (!) всех плененных христиан, и только некоторые наиболее знатные пленники получили право на общий выкуп в 200 тысяч золотых монет⁷⁶⁹.

Покончив с крестоносцами, Баязед решил развивать успех. Потрясенная разгромом у Никеи Европа увидела в скором времени турецкие конные отряды в Штирии, османы захватили Морею, и деспот Феодор Палеолог поспешил подтвердить свои вассальные клятвы перед султаном. Затем была опустошена Валахия и Фессалоники. Для Византии гибель крестоносцев грозила новой катастрофой, на этот раз практически неизбежной, поскольку турки вновь блокировали Константинополь. Баязед потребовал от Римского царя сдать ему город, но получил отказ. Тогда османы начали методично опустошать и присоединять к своему султанату последние оставшиеся византийские территории, еще принадлежащие Римской империи. Не снимая, конечно осады. В осажденной столице Империи цена хлеба доходила до 20 золотых монет за хлебец, и множество неприбранных трупов людей, скончавшихся от голода, валялось на улицах Константинополя. Практически не осталось воинов, способных держать в руках оружие и стоять на крепостных стенах. Но Баязед не торопился — он был уверен, что город падет и без штурма. Султан хвалился в своих посланиях царю, что после взятия Константинополя сделает из Святой Софии мечеть, а всех мужчин до 30 лет обрежет и обяжет принять ислам⁷⁷⁰.

Обезумевшие константинопольцы, ожидая неминуемой гибели, обвиняли во всем императора св. Мануила II. Они даже хотели сместить царя и поставить вместо него бывшего василевса Иоанна VII Палеолога, который в это время проживал в ставке султана⁷⁷¹. Едва

ли могут быть сомнения в том, что Иоанном VII Палеологом *играли*, и сам он являлся заложником ситуации. Но, как полагают, в глубине души бывший василевс и нынешний претендент был *не очень против* нового царствования, надеясь после коронации каким-то хитрым способом избавиться от Баязеда. Скорее, это была наивная мечта, чем реальный план, свидетельствующая, однако, об отсутствии у Палеолога мыслей о предательстве родины⁷⁷².

И вновь император разослал послания о помощи во все христианские государства, включая далекую Москву. Особую надежду царь питал в отношении Французского короля *Карла VI Валуа* (1380—1422), и его послание отличалось исключительной изысканностью. И действительно, христианнейшая Франция, находившаяся в смертельном противостоянии с Англией, нашла возможность выделить Византии отряд *маршала Бусико*, в состав которого вошли 1200 рыцарей самых знатных и аристократических семей. Сам маршал, человек необычайной храбрости, живая легенда французской армии, всю свою жизнь провел в далеких путешествиях и опасных походах.

В 1396 г. Бусико принял участие в Крестовом походе Сигизмунда Венгерского, под Никополем был ранен и попал в плен, чудом избегнув смерти. Затем его выкупили, и теперь, услышав зов о помощи императора св. Мануила II, маршал с радостью возглавил отряд соотечественников. Однако, как всегда, остальная помощь явно была неадекватна турецкой угрозе. Некоторые государи сочувственно приносили соболезнования, другие — выделили скромные денежные средства для византийцев. Наиболее существенные пожертвования были получены от Московского князя *Василия Дмитриевича* (1389—1425), но и он не мог помочь войсками. Между тем Бусико с французами начал свой беспрецедентный поход к Константинополю. Заранее оповещенный об этом, султан Баязед попытался перекрыть ему проход через Дарданеллы, но французский флот пробился через ряды турецких судов и под восторженные крики византийцев в начале 1399 г. вошел в Босфор⁷⁷³.

Объединив свои скромные силы с французами, св. Мануил II деблокировал Константинополь, а затем совершил вместе с Бусико несколько очень удачных рейдов по азиатскому побережью и даже выходил с маленьким флотом в Черное море. К сожалению, эти *локальные* победы уже ничего не решали — денег не было, подвоз продовольствия в Константинополь был все равно затруднен. Да и французские рыцари не могли вечно оставаться в Византии — их задачей являлась кратковременная помощь, а не перемена места жительства.

Но и благородный маршал Бусико никак не желал оставлять своего союзника в одиночестве, а потому уговорил императора отправиться вместе с ним в Западную Европу, чтобы наглядно показать, как много может сделать соединенная сила нескольких христианских государей против мусульман. Делать было нечего, и василевс с неохотой согласился. В это время Иоанн VII Палеолог при помощи вездесущего маршала Бусико сумел бежать из ставки Баязеда и вернуться в Константинополь, где состоялось окончательное примирение его с императором св. Мануилом II. Старый василевс настолько поверил племяннику, что оставил того управлять государством. А сам в конце 1399 г. двинулся с французами в путь, направившись для начала в Венецию⁷⁷⁴.

Глава 2. Заграничный вояж императора. Последние годы мира

Там св. Мануила ждала первая неудача: венецианцы никогда не забывали о своих торговых интересах и неоднократно вступали в соглашения с султаном Баязедом по отдельным вопросам. Поэтому Республика не пожелала вступать в публичный военный союз с Византией, способный испортить их отношения с османами. Кроме того, сказалось вечное противостояние Генуя–Венеция, в котором византийцы часто вольно или невольно оказывались на стороне исконного врага венецианцев. Иными словами, Венеция отказала в помощи Византии.

Следующий путь императора лежал в Италию. Как и в Венеции, его пышно и торжественно встречали, глаза итальянцев горели от восторга (видимо, они еще помнили свою древнюю историю), но, кроме общих фраз и обещаний, св. Мануил II Палеолог пока еще ничего не получил. Как полагают, отчаянность положения привела его к готовности заключить унию, если бы ему кто-нибудь в ту минуту ее предложил. Но в этот момент в Риме шла борьба между папой *Бонифацием IX* (1389—1404) и антипапой *Бенедиктом XIII* (1394—1423). По этой причине унию заключать было просто не с кем. Впрочем, по некоторым источникам, царь все же заезжал в Рим и имел аудиенцию у понтифика. Во всяком случае, в Париж, куда далее направился император, он приехал заметно ободренный и обнадеженный.

В столице Франции св. Мануила II Палеолога встречали великолепно. Несмотря на длившуюся Столетнюю войну и скудность

государственной казны, король Карл VI сделал все, чтобы достойно встретить «*Императора греков*», как Римского царя называли на Западе. 3 июня 1400 г., когда св. Мануил II въехал на Шарантонский мост, его встречал сам Французский король со свитой, канцлер, президенты обеих палат Парижского парламента в сопровождении 500 депутатов, три кардинала и 2 тысячи конных парижан. Император, верхом на лошади, в белых шелковых одеждах, производил прекрасное впечатление на французов. Его приветствовали громкими криками на всем пути следования. После королевского пира его отвезли в Лувр, где разместили в прекрасных апартаментах⁷⁷⁵.

Целых 4 месяца провел св. Мануил II в Париже и получил долгожданную помощь, хотя и в скромных размерах. Королевский совет дал ему разрешение сформировать отряд численностью 1200 рыцарей во главе с тем же маршалом Бусико, но более ничем помочь не смог. Дальнейшее пребывание во Франции становилось накладным. Хотя парижане и определили средства для содержания Римского василевса и его двора, но царь постоянно нуждался. Чтобы покрыть текущие расходы и собрать средства для нового Крестового похода, св. Мануил II Палеолог был вынужден продавать святыне мощи, находившиеся при нем. А его чиновник Хрисолор торговал папскими индульгенциями. Согласимся, жалкое зрелище для величественного императора тысячелетней Римской империи⁷⁷⁶.

Из Парижа Палеолог отправился в Лондон, где его также обнадружили — видимо, Английский король *Генрих IV Болинброк* (1399—1413) не хотел отставать от «наихристианнейшего короля» Франции. Как и французы, англичане выказали большое уважение царскому сану св. Мануила, надеясь, что сбор пожертвований даст приличную сумму денег Византийскому императору. По всей стране были установлены специальные деревянные ящики для приема денег, и всего набралось около 4 тысяч фунтов стерлингов⁷⁷⁷. Византийцам были обещаны рыцари и знаменитые английские лучники, о чем император св. Мануил II радостно и уведомил Константинополь в своем письме. Однако эта помощь осталась на бумаге — сославшись на непредвиденные обстоятельства, Английский король вскоре фактически аннулировал свои обязательства⁷⁷⁸.

В начале 1401 г. василевс вернулся в Париж, где прожил еще около 2 лет, все надеясь на то, что ему удастся в ходе личных встреч с политической элитой Запада получить большую помощь от западных государей. Положение его было унижительным, и не случайно один современник так описывал европейское турне Римского царя. «Я подумал, увидев его: насколько больно, что этот вели-

кий и далекий восточный христианский государь, побуждаемый насилием неверных, вынужден был посетить далекие западные острова, прося против них помощи. О, Боже! Что с тобой, прежняя римская слава? Великие деяния твоей Империи теперь разбиты; о тебе справедливо можно сказать изречение Иереми: “Великий между народами князь над областями сделался данником” (Плач Иереми, 1, 1). Кто когда-либо мог подумать, что ты, который, восседая обычно на престоле величия, управлял всем миром, дойдешь до такого унижения, что не будешь в состоянии оказать никакой помощи христианской вере!»⁷⁷⁹

Пока император искал помощи на Западе, ситуация на Востоке резко изменилась, и османам Баязед пришлось столкнуться с врагом, который ни в чем не уступал им в силе и численности, — татарами *Тамерлана* (1333—1405). Этот великий полководец и завоеватель многих стран родился неподалеку от Бухары. Уже с 12 лет Тамерлан вместе с отцом принимал участие в военных походах и овладел основами ислама, став ревностным мусульманином. Неизменно проявляя личное мужество и храбрость на поле боя, сопряженные с мудростью настоящего государя, Тамерлан сумел покорить узбеков, захватил Самарканд и разгромил своего главного врага хана Тоглука.

Сделав Самарканд своей столицей, Тамерлан организовал блестящее по своим способностям и подготовке войско *на постоянной основе*, введя воинам жалованье. Не забывал татарский правитель и о технике, поэтому в составе его армии присутствовали метательные орудия и даже «греческий огонь». В 1378 г. Тамерлан подчинил себе Хорезм, затем Афганистан, Персию и Грузию. В 1389 г. он под современной Самарой разгромил Золотоордынского хана *Тохтамыша* (1380—1395), который ему же был обязан своим престолом (Тамерлан помогал ему в борьбе с другими ханами за овладение властью в Орде), и повторил свои успехи против неверного хана в 1391 г. при Кондурче и в 1395 г. при Тереке. Спустя десятилетие вторгся в Индию и покорил многие ее территории⁷⁸⁰.

Решив, что Восток отныне принадлежит ему и его потомкам, Тамерлан решил захватить Малую Азию и Балканы. И пока Баязед предавался негам чувственных наслаждений и думал о захвате Константинополя, старый воитель захватил у него Сирию и Месопотамию. В одном из сражений 1396 г. погиб сын Баязед *Эртогрул Челеби*, являвшийся правителем провинции. Развязка противостояния турок с татарами стала неизбежной, и в мае 1402 г. враги встретились у Анкары. Это было *божественно вовремя*, поскольку

в этот самый момент султан Баязед опять осаждал Константинополь. Но к нему явился посол Тамерлана с требованием немедленно снять осаду и вернуть христианскому императору все ранее захваченные земли. Баязед отправил не менее оскорбительный по тону и содержанию ответ, и столкновение стало неизбежным⁷⁸¹.

Это осложнение отношений между мусульманами может вызвать удивление, если не знать, что еще в начале 1401 г., узнав о продвижении Тамерлана, император тайно от османов направил к нему послов для переговоров. Взамен сохранения вассальных отношений, но уже с Тамерланом, св. Мануил II обязался помогать татарам в грядущей войне с турками и выставить 20 судов для нападения на османское побережье. В свою очередь татары получили повод заявить османам, что нападают не просто так, а защищая права своего союзника и вассала.

Татары почти вдвое превосходили османов и их союзников (200 тысяч воинов против 120 тысяч), а потому Тамерлан начал сражение атакой своей кавалерии. Янычары, занимавшие центр позиции, и сербские рыцари, расположенные на левом фланге, отбили конные атаки татар, но правое крыло, которым командовал старший сын Баязеда Сулейман, дрогнуло. Тамерлан пустил в дело резерв и войска второй линии, и турки побежали. Янычары были почти полностью перебиты, сербы с тяжелым боем умудрились прорваться, остальные османы полегли на поле боя или бежали. Сам султан Баязед попал в плен и чуть позднее умер, не вынеся позора поражения. Его сын Сулейман с большим трудом успел запрыгнуть на корабль и спастся бегством⁷⁸².

Пленного Баязеда поместили в железную клетку, но это было только началом позора. Его дочь *Гюльфем Султан* была отдана в гарем внуку Тамерлана, и пока султан, раздираемый муками бессильной ярости, оканчивал дни в клетке, татары опустошали Малую Азию. Они захватили Смирну, разрушив Бруссу, колыбель османского величия. Старший сын покойного Баязеда *Сулейман* (1402—1411) с остатками армии бежал в далекую Румелию, откуда молил татар о мире. И было почему: не только он заявил свои претензии на султанский титул, но и его младшие братья *Иса*, *Мехмед* и *Мусса*, укрепившиеся в Малой Азии, посчитали себя преемниками отца. В общем, после Анкарской битвы турецкой армии более не существовало.

Это было какое-то *чудо*, настоящий Божий промысел, что «Бич Божий», как называли Тамерлана враги, разгромил османов, но не тронул Константинополь. Ведь забыть прежние договоренности —

не так уж сложно. Но здесь также сыграл свою роль «счастливый случай». Разгромив турок, Тамерлан вполне удовлетворился тем, что византийцы принесли ему вассальную присягу. Кроме того, он не имел флота, а попытка взять Константинополь с суши была чревата многими проблемами и серьезной потерей времени. А «повелитель Вселенной» уже задумал поход на Китай и потому вскоре вернулся с войском в Самарканд. В 1405 г., во время подготовки похода на Китай, Тамерлан скончался⁷⁸³.

И на этот раз успех Византии в превратностях войны решили мудрые предупредительные действия василевса. Однако после битвы у Анкары царь не спешил с выполнением своих обязательств по отношению к Тамерлану, напротив, даже помогал султану Сулейману. Император прекрасно понимал, что татары вскоре уйдут, а турки вспомнят о коварстве греков и об их помощи Тамерлану⁷⁸⁴.

По крайней мере, на некоторое время опасность для Византии миновала. И этим счастливым периодом необходимо было срочно воспользоваться. Поэтому св. Мануил II Палеолог срочно оставил Париж и направился в Константинополь, куда прибыл через два с половиной месяца. Города, через которые следовал василевс, приветствовали его как героя. В отсутствие Тамерлана можно было ожидать скорой активности османов, силы которых были, конечно, далеко не исчерпаны битвой при Анкаре. По счастью, Сулейман не отличался воинственным характером своего отца. Он был довольно дружелюбен и однажды даже посетил Константинополь с дипломатическим визитом. Толерантный и благодушный, предпочитавший дипломатические переговоры военным сражениям, он собрал в начале 1403 г. своих вассалов и предложил им переподписать мирные договоры. Договор с Византийской империей был чрезвычайно выгоден грекам: Империя освобождалась от вассальной присяги и от обязательств выплаты дани, ей возвращались Фессалоники с окрестностями, включая Афонскую гору, Черноморское побережье от Варны до Босфора и несколько островов в Эгейском море. Все пленные византийцы безвозмездно получали свободу, а турецким кораблям запрещалось входить в гавани Константинополя без разрешения императора. За это султан просил только оставить за ним Фракию и Адрианополь. Нет слов, условия были *более чем* выгодными для греков, но такая уступчивость султана может быть объяснена не только его миролюбием, но и тем, что после поражения от татар османы будут восстанавливать свои силы около 20 лет⁷⁸⁵.

Используя короткие дни мира, св. Мануил II начал деятельно восстанавливать государственное управление и закрывать финансовые прорехи. К несчастью, круг его возможностей был очень невелик — фактически василевс вынужденно принимал те условия, которые ему *диктовали* сильные соседи. В 1406 г. венецианцы заключили с Константинополем договор, согласно которому св. Мануил II обязывался выплатить им долг в размере 16 тысяч золотых монет, предоставить торговые привилегии, а взамен республиканцы всего лишь отказывались от прав на недвижимость в столице, если та считалась освобожденной от налогов. Море и так уже почти полностью принадлежало им. Венецианцы сумели восстановить свои права на остров Корфу, заняли Навпакт, Дурацию, оккупировали Албанию и даже попытались свести счеты с Мореей. Ни о какой безвозмездной помощи Византии венецианцы даже и не думали, словно турецкая угроза *навсегда* канула в Лету⁷⁸⁶.

Но она вскоре дала о себе знать. Игривый сибарит, султан Сулейман недолго удерживал за собой власть. Его грозный брат Мусса, жаждавший султанского трона, выступил против своего владыки, но у стен Константинополя был разбит. Его подвели сербские отряды, в решающие минуты сражения перешедшие на сторону Сулеймана. Однако следующее нападение, случившееся в 1411 г., стало смертельным для старшего брата. Муса двинулся на Эдирне, Сулейман, не имея достаточно войска, пытался бежать в Константинополь, надеясь найти там спасение, но был пойман и казнен.

С воцарением *Муссы* (1411—1413) все резко изменилось. При нем османы в короткое время разгромили Сербию, отомстив сербам за измену, Болгарию, Фессалию и Виотию, осадили Фессалоники и Константинополь. Правда, у Принцевых островов византийский флот сумел нанести туркам поражение, но это был *разовый* успех. Едва ли железному натиску Муссы можно было что-то противопоставить. Но тут внезапно против султана поднялся его брат Мехмед, с которым император св. Мануил II тут же вступил в союзный договор; к ним присоединились и сербы⁷⁸⁷. В битве при Чамурли в 1413 г. Мусса был разбит и бежал в Валахию, где был умерщвлен, а *Мехмед* или *Магомед* (1413—1421) стал Османским султаном, объединив и малоазиатские, и европейские владения турок. Для Византии наступило долгожданное время мира — плод императорских рук и его мудрой дипломатии⁷⁸⁸.

Отношения между новым султаном и василевсом сложились самые теплые. Мехмед называл св. Мануила II «своим отцом»

(император действительно был уже очень немолод), подтвердил за Византией права на Фессалоники и Юго-Восточную Фракию, а всем независимым правителям в Греции обещал твердый мир. Только Венеция, пренебрегшая помощью Мехмеду во время войны с Муссой, оказалась обиженной вниманием. Наступили мирные и спокойные дни, *первые* за последние полстолетия. Святой Мануил II решил объехать все свои владения и постараться вдохнуть в них жизнь. Не спеша, император посетил Фасос, Фессалоники, Эвбею и Морею, восстанавливая повсеместно порядок и приводя к ответственности местных правителей и чиновников. В 1415 г., когда император пребывал в Фессалониках, он похоронил бывшего василевса Иоанна VII Палеолога, скончавшегося в городе в эти же дни. На его место царь поставил своего сына *Андроника Палеолога*, но и тот вскоре умрет в молодом возрасте⁷⁸⁹.

На Коринфском перешейке император за 2 месяца восстановил стену — император и его ближнее окружение надеялись найти там приют в случае падения Константинополя. Почти 2 года василевс провел в Морее, восстанавливая эту область и наводя порядок. Старых чиновников, которыми было недовольно население, он освободил от должностей и отправил для суда в столицу. С латинянами заключил мирные договоры, а старого врага Кентуриона Цаккарию заставил признать себя сюзереном.

Хотя после императора Михаила VIII Палеолога никто из Римских царей всерьез не пытался навязать церковную унию, контакты между обеими центрами христианской цивилизации продолжались, что следует отнести *исключительно* к инициативе Византийских царей. Не стал исключением и св. Мануил II Палеолог. Уже на Соборе в Констанце в 1414 г., о котором пойдет речь ниже, присутствовал 21 представитель василевса и Константинопольского патриарха. В 1415 г. посол императора св. Мануила II Эвдемон, примкнувший к греческой делегации на Соборе в Констанце, по прямому поручению царя обсуждал с Римской курией вопрос об унии. В ответ василевс в 1418 г. получил благосклонное послание папы *Мартина V* (1417—1431), в котором понтифик предлагал обсудить вопрос об унии еще раз. Царь не остался безучастным и в том же году направил от себя и патриарха новое посольство с предложением созвать новый Вселенский Собор, но обязательно в Константинополе⁷⁹⁰.

Как и все Палеологи, св. Мануил вовсе не отрицал возможности унии с Римом, хотя и не торопил события. Для него, как, впрочем, и его предшественников, уния являлась *средством по-*

лучения помощи Запада. Не случайно своему сыну он давал такой наказ: «Всякий раз, когда турки начнут нас тревожить, сразу же отправляй посольства на Запад, предлагай заключить союз и как можно дольше затягивай переговоры. Турки настолько боятся этого союза, что образумятся. И все же союз не будет заключен, поскольку латинские народы враждебны к нам»⁷⁹¹.

К слову сказать, 1418 г. был богат на события. В этом году Константинополь опять посетила чума, унесшая множество жизней, включая представителей царственной семьи и Орхана, сына султана Сулеймана. Этот юноша, некогда отправленный в византийскую столицу в качестве заложника, жил в царском дворце и воспитывался вместе с царевичем *Иоанном Палеологом*. Он быстро приобщился к христианской культуре и испытывал устойчивое желание принять Таинство Крещения. Однако св. Мануил II Палеолог опасался исполнить просьбу турецкого юноши из-за возможных осложнений отношений с соотечественниками принца. Но когда во время чумы Орхан смертельно заболел, император не стал упорствовать и, осознавая, что его отказ может стать причиной вечного проклятия, дал согласие стать крестным отцом умирающего турка. Принц принял Таинство Крещения, а на следующий день скончался. Его похоронили в Студийском монастыре⁷⁹².

Надежды на скорую помощь со стороны Запада и годы мира оживили культурную жизнь Римской империи. Как будто старое время византийской пышности на миг вернулось в XV столетие. Двор св. Мануила II блистал литературными талантами и философами, ученые готовили и представляли василевсу докладные записки с предложениями обустройства Пелопоннеса. Кипели диспуты, оживилась хозяйственная и финансовая жизнь. Казалось, протянись это время еще немного, и Римская империя, как и раньше, восстановит свои увядающие силы. И в самом Константинополе разом все изменилось. Женщины из знатных семей покровительствовали наукам и заботились о чистоте греческого языка. Иностранцы любили направлять своих детей в византийскую столицу для получения образования и первого «выхода в свет». Конечно, в народных массах чувствовалась обреченность, но и здесь особым шиком считалось подчеркнуть свою ортодоксию, *строгое Православие*⁷⁹³.

Увы, этот короткий миг счастья завершился со смертью в 1421 г. султана Мехмеда. Их отношения с василевсом оставались доверительными до последнего дня, и, уже отходя в другой мир, правитель

османов поручил своих младших сыновей св. Мануилу II, опасаясь, что его преемник заберет их жизни⁷⁹⁴.

С началом правления султана *Мурада II* (1421—1444, 1446—1451) отношения между византийцами и турками резко обострились. Престарелый император уже почти отошел от дел, фактически передав бразды правления своему сыну Иоанну Палеологу. А тот быстро испортил отношения с Мурадом II, поддержав некоего *Мустафу*, объявившего себя сыном султана Баязеда и заявившего претензии на власть в султанате. Конечно же, это была грубая ошибка. По своему характеру Мурад II мало чем отличался от Мехмеда, и, как говорят, являясь членом тайного ордена дервишей, мечтал посвятить себя духовному служению. Но, поскольку обстоятельства требовали его участия в управлении государством, он был вынужден пресечь некоторые опасности. К одной из них относились происки второго претендента на султанский трон, брата Мустафы. Мурад II пожаловался императору св. Мануилу Палеологу на то, что в Константинополе тайно поддерживают мятежника. И предложил василевсу сохранить дружеские отношения, какие были между царем и его отцом.

Но тут вмешался молодой Иоанн Палеолог, убедивший царя в том, что Мурад II не удержит власти, да и вообще очень выгодно раздуть у османов пожар междоусобной войны. Он же направил послание султану, которое потрясло и оскорбило того. Проигнорировав упрек о помощи Мустафе, юный правитель Византийского государства потребовал от султана прислать в Константинополь в качестве заложников двух его братьев. Естественно, султан ответил отказом, но дерзость запомнил. Покончив с мятежниками, Мурад II в 1422 г. осадил Константинополь⁷⁹⁵.

Конечно, турецкое войско было еще не настолько сильно, чтобы захватить столь сильно укрепленный город, как Константинополь. Но 10 тысяч турок, вооруженных пушками, являли собой грозную силу. Мнительный, как все восточные люди, султан желал захватить византийскую столицу именно 24 августа — один дервиш предсказал ему эту дату как день гибели Римской империи. И в этот день османы пошли на штурм, загремели пушечные выстрелы, небо закрыли летящие на город стрелы. Византийцы яростно отбили атаки врагов, надеясь только на помощь Богородицы и на себя. Сам наследник престола Иоанн Палеолог стоял в первых рядах сражающихся у Ворот Романа. В конце концов турки с большими потерями отступили. Как рассказывали очевидцы, в самый разгар боя на крепостных стенах появилась *Пресвятая Богородица*, внес-

шая невероятную радость в сердца защитников Константинополя и страх в души османов. Ромеи, утомленные боем, прыгали от радости, хлопали в ладоши и воспевали псалмы. Штурм захлебнулся, и вернувшиеся в лагерь турки под клятвой подтверждали султану реальность произошедшего события⁷⁹⁶.

Окончательно сорвал планы султана император, умудрившийся в разгар осады организовать заговор в турецком тылу с целью посадить султаном мятежного Мустафу. И на следующий день после штурма Мурад II получил известия о том, что за его спиной разгорелось восстание. Султан срочно снялся с войском из лагеря и отправился воевать с самозванцем. К началу 1423 г. он одолел Мустафу и приказал задушить его тетивой от лука. Константинополь опять уцелел. Правда, другие отряды турок проникли на юг Пелопоннеса, разрушив оборонительные сооружения византийцев на Коринфском перешейке, и произвели страшный разгром Мореи⁷⁹⁷.

В 1423 г. пришлось решать судьбу Фессалоник, осаждаемых турецким полководцем Турханбеем. У Империи не осталось никаких сил, чтобы помочь Фессалоникам, и пришлось продать второй по величине город Византии венецианцам за 50 тысяч золотых монет. В это же время в Эфес, где располагалась ставка султана Мурада II, прибыли с просьбой подтвердить мир византийские послы. Подумав, осман согласился, но на очень тяжелых для Византии условиях. Кроме Константинополя, у Римской империи оставались всего лишь ближайшие к Черному морю города: Деркос, Анхиал, Месемврия. Из всей Фессалии Империи теперь принадлежала только крепость Зейтун, да и то потому, что османы никак не могли ее захватить. Кроме всего прочего, ежегодно император обязался выплачивать османам 300 тысяч золотых монет. Теперь уже не св. Мануил II, а его сын, венчанный еще в 1421 г. императором **Иоанном VIII Палеологом**, должен был решать эту проблему. Чтобы покрыть эту сумму, Иоанн VIII Палеолог отправился в Венецию, Милан, Рим и Венгрию, где продал *последние* фамильные драгоценности и выслушал очередную лекцию о необходимости заключить унию. По возвращении он застал своего царственного отца совершенно больным⁷⁹⁸.

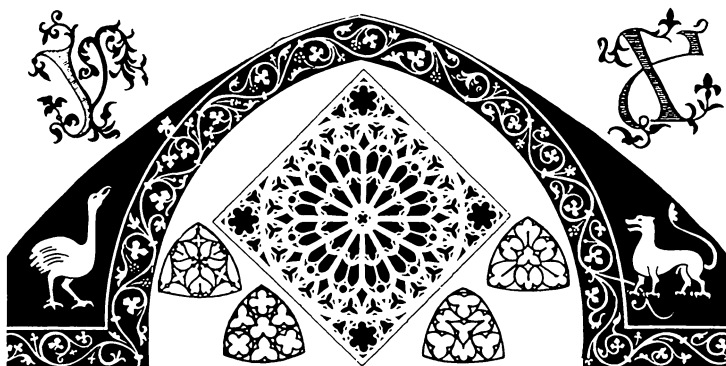
Наставляя сына и передавая ему свой опыт, василевс так говорил об унии: «Сын мой, определенно и достоверно известно нам от самих нечестивых, что их очень пугает, как бы мы не договорились и не объединились с франками, ибо они думают, что если это произойдет, то им будет причинено из-за нас большое зло

христианами Запада. Так вот о соборе: пекись и хлопочи о нем, и особенно тогда, когда тебе необходимо запугать нечестивых. Но не предпринимай ничего для того, чтобы осуществить его, потому что я не вижу, чтобы наши были способны найти какой-нибудь способ объединения, мира и единодушия, но они стремятся тех обратить к тому, чтобы мы стали как прежде. А поскольку это почти невозможно, боюсь, как бы не произошла еще худшая схизма — и тогда мы раскрылись перед нечестивыми»⁷⁹⁹.

Незадолго перед смертью, в 1423 г., св. Мануил II Палеолог оставил трон, принял монашеский постриг под именем *Матфей*, а 21 июля 1425 г. скончался в монастыре Пантократора. Его провожала в последний путь громадная толпа народа, безутешного в своей горе. По словам современника, ни при одном предыдущем погребении императора не сходились столько людей⁸⁰⁰.

Его супруга, вдовствующая Римская императрица Елена Драгаш, в монашестве св. *Ипомония*, проживет еще долго и скончается 23 марта 1450 г., немного не дожив до самой страшной и трагичной минуты в истории Римской империи⁸⁰¹. Византийская империя умирала, рождая напоследок *святых*.





ЛХХVII. ИМПЕРАТОР ИОАНН VIII ПАЛЕОЛОГ (1425—1448)

Глава 1. Три брака царя. Безнадежные войны с османами

Один из шести сыновей императора св. Мануила II, **Иоанн VIII Палеолог**, родился 21 июля 1391 г. и уже с ранних лет помогал отцу в управлении государством. Изящный и прекрасно образованный, красивый мужчина крепкого телосложения, одетый по европейской моде, он производил приятное впечатление на всех, кто сталкивался с ним.

В 1411 г. Иоанн VIII Палеолог женился первым браком на Московской княжне *Анне* (1393—1417), дочери Василия Дмитриевича. Но в 1418 г. чума забрала жизнь Русско-византийской царицы, и Иоанну VIII пришлось срочно искать новую супругу. Через некоторое время император предложил сыну в качестве новой супруги *Софию Монферратскую*, предком которой являлся Феодор Палеолог, сын императора Андроника II, которому когда-то досталось по наследству от матери это итальянское княжество. В ноябре 1420 г. невеста прибыла в Константинополь, а 19 января 1421 г. состоялось торжественное венчание молодых в храме Святой Софии. Несмотря на бедность казны, император св. Мануил II сделал все, чтобы свадьба сына была *похожа* на царскую. Одновременно с венчанием была осуществлена процедура венчания Иоанна VIII на царство

как соправителя императора-отца. Таким способом св. Мануил II Палеолог недвусмысленно показал, *кого* он хотел бы видеть своим преемником⁸⁰².

К сожалению, этот брак, заключенный скорее для достижения политических целей, чем удовлетворения эстетических потребностей царственного сына, оказался несчастным. Все отмечали, что новая жена Иоанна VIII была не очень хороша собой. Сзади она поражала всех изяществом рук и хрупкостью плечей, тонкостью стана и длинными рыжими волосами, вьющимися до пола. Но спереди открывался уродливый нос, нависший лоб и безобразная челюсть. Как о ней говорили: «Сзади — Пасха, спереди — пост».

Царь с первого взгляда невзлюбил молодую жену и после свадьбы тут же отдал распоряжение, чтобы Софью отселили в отдельные комнаты дворца. Там, в полном одиночестве, она коротала свои дни, пока муж развлекался в обществе красивых и доступных женщин. Замужество, более похожее на заключение в золотой клетке, мало удовлетворяло молодую и несчастную женщину, благородство души которой и личное благочестие вполне компенсировали неприглядную внешность. Однако никакой альтернативы, равно как и перспективы, у нее не было.

Когда умер ее тесть, император св. Мануил II, царица решила бежать из Константинополя. Она тайно договорилась с генуэзскими моряками и Галата пообещала предоставить ей судно на безвозмездных началах. Об этом узнали константинопольцы и, не поняв, в чем дело, в ярости едва не взяли штурмом Галату, полагая, будто их законную государыню пытаются украсть. Этот эпизод наглядно свидетельствует, каким авторитетом в народе пользовалась латинская царица. С большим трудом император Иоанн VIII Палеолог успокоил подданных и дал жене спокойно отплыть на родину. Там она приняла монашеский постриг и окончила свои дни в монастыре в 1431 г.⁸⁰³

Император святой Мануил II имел шестерых сыновей, каждый из которых мог стать преемником царской власти после правящего василевса. Но, конечно, Иоанн VIII Палеолог сам мечтал о сыне и наследнике престола. Кроме того, в понимании византийского общества царю не пристало долго ходить холостым. А потому начались спешные поиски новой невесты. Выбор на этот раз пал на царевну *Марию*, дочь Трапезундского императора *Алексея IV* (1417—1447). Трапезундские девушки вообще славились красотой, а Мария была особенно хороша собой. Нельзя было забывать и о близости интересов императорского дома Палеологов и Великих

Комнинов, царствующих в Трапезундской империи. В августе 1427 г. Мария Комнин прибыла в Константинополь, а в сентябре была торжественно отпразднована свадьба и коронация молодой императрицы.

Царица была верхом совершенства: красивая до умопомрачения, она отличалась замечательным характером, сочетая благочестие с ловкостью и какой-то юношеской удалью. Ее с такой же легкостью можно было увидеть в храме на Литургии, как и в седле, где она сидела не хуже заправского кавалериста. Император был *по-настоящему* счастлив⁸⁰⁴.

С учетом того, что несколько самых опасных лет царь св. Мануил II Палеолог провел за границей, деятельность его сына нельзя признать малобеспокойной или неэффективной. И легко понять, почему престарелый василевс в 1421 г. именно Иоанну VIII передал полновластное управление Византийской империей, объявив его соправителем. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что покойный император иногда высказывал и оправданные сомнения в способностях сына справиться со сложными ситуациями. Уж *слишком* смелым и решительным бывал иногда Иоанн VIII Палеолог перед лицом опасности. Своему доверенному лицу св. Мануил II Палеолог как-то сказал: «Мой сын подходит для василевса, но не нынешнего времени. Ибо видит и замышляет великое, но такое, чего требовали времена благоденствия наших предков, а не сегодняшний день, когда дела у нас обстоят так, что не василевс требуется нашему государству, а *хозяин*. И я боюсь, как бы из-за его замыслов и предприятий не произошло разрушение этого дома»⁸⁰⁵.

Начало самостоятельного правления нового Палеолога, как традиционно повелось, пришлось на непростое время. С первого же дня император Иоанн VIII был вынужден признать себя вассалом султана Мурада II и *играть* в полное подчинение османам без каких-либо надежд на помощь со стороны латинян. Миллионный некогда Константинополь вмещал теперь в своих стенах не более 50 тысяч жителей, из которых значительная часть являлась этническими турками или латинянами. Торговля полностью принадлежала венецианцам и генуэзцам, финансы девальвировали ужасающими темпами, денег не хватало даже на храмы, и множество церквей стояло в запущенном состоянии. Голод стал постоянным спутником жизни константинопольцев, а, кроме того, город трижды посещали убийственные эпидемии чумы. Войска почти не было, и лишь единственная надежда, благодаря которой столица ромеев

еще держалась, — крепостные стены по-прежнему гордо и грозно возвышались над сушей и морем⁸⁰⁶.

Европа без былого энтузиазма взирала на результаты турецкой экспансии. Одна Венеция, отстаивая собственные торговые интересы, продолжала воевать с турками, но после неудачного нападения на Галлиполи и республиканцы посчитали за благо заключить в 1426 г. мирный договор с османами. Его едва ли можно назвать *равноправным* — чтобы сохранить за собой купленные у византийцев Фессалоники, венецианцы согласились выплачивать султану Мураду II дань в размере 100 тысяч аспров ежегодно.

Впрочем, это перемирие ничего не значило для Османского владыки, считавшего делом чести завоевать *все* христианские государства. Покорная его воле и совершенно беззащитная Византийская империя мало интересовала Мурада II: он полагал, что может взять Константинополь в любой момент, к чему же тратить время? Другое дело — Венеция, представлявшая собой *настоящего* противника. Целью нового похода, к подготовке которого султан деятельно приступил, являлись Фессалоники — ключ к овладению Македонией. Республиканцы, имевшие прекрасную разведку, вскоре узнали о грядущей опасности и начали срочно укреплять город, а также предпринимали меры, дабы снискать симпатии местного греческого населения. Попутно они отправили послов к султану, но тот просто бросил тех в темницу, не желая тратить время на разговоры. Хотя на защиту Фессалоник прибыл большой венецианский флот, осаду и штурм города турки в 1430 г. провели мощно и молниеносно. Многие тысячи греков бежали из родного города, другие вообще перешли на сторону османов, и весь храбрый венецианский гарнизон погиб в бою; Фессалоники пали⁸⁰⁷.

После этого Венеция срочно заключила новый мирный договор, обязавшись выплачивать дань за Эвбею и остальные свои колонии в Греции. За Фессалониками последовала Янина, находившаяся во власти правителя Эпирского царства *Карла I Токко* (1411—1429). Его сын *Карл II Токко* (1429—1448) сложил оружие и признал себя вассалом султана, когда османы подошли к Янине, сохранив за это Арту — свое наследственное владение. Наступила очередь Мореи — последнего владения Римской империи на полуострове и в Средней Греции. Флорентийский аристократ *Нерио II Ачайоли* (1435—1451), имевший владения в Аттике, не стал ожидать рокового исхода и признал себя данником султана, получив в управление Афины. Зато по поводу прав на Морею возникла целая семейная драма, разыгравшаяся между братьями импера-

тора Феодором и св. Константином Палеологами. По счастью, Иоанн VIII сумел утихомирить их, и по взаимному согласию Морея осталась у Феодора Палеолога. А св. Константин перебрался в столицу, где стал первым помощником василевса.

Споры между царственными братьями в дни, когда их отечество почти исчезло с карты мира, откровенно удивили Мурада II и... приостановили его новый поход против Константинополя, настолько *ничтожными* ему казались греки как соперники. Гораздо актуальнее было наказать венгров и Сербского деспота *Джураджа Бранковича* (1427—1456), вошедших в тайный союз с Караманским эмиром. Султан опустошил венгерскую Трансильванию, отнял у Бранковича город Смедрию и осадил Белград, хотя осада не принесла успеха. Но в любом случае султан мог считать себя удовлетворенным: Сербский деспот согласился выплачивать 50 тысяч аспров дани.

Казалось, само Провидение хранит Византию до конкретной даты. В отсутствие войска и денег Константинополь был обречен, но султан Мурад II вынужденно постоянно воевал с латинянами. В 1428 г. он отражал атаки венгров и поляков, переправившихся через Дунай. Весь 1430 г. прошел под знаком войны с сербами — Бранкович отказался выполнить требование султана прислать к нему в гарем свою сестру Мару, что было квалифицировано османом как неповиновение вассала. В 1440 г. султан совершил большой поход на Белград, но не смог одержать победы, отступив от города. Эта относительная неудача османов вызвала на Западе взрыв энтузиазма. Папа *Евгений IV* (1431—1447), только что заключивший Ферраро-Флорентийскую унию с Иоанном VIII Палеологом, потребовал организовать новый Крестовый поход⁸⁰⁸.

Понимая, что в его нынешнем положении это является *единственным* шансом, Иоанн VIII Палеолог еще в 1437 г. отправился в Италию, дабы завязать отношения с вождями Крестового похода через Римского папу. На время своего отсутствия он оставил правителем Византии своего младшего брата св. Константина. Отъезд василевса не укрылся от глаз Мурада II, у которого было множество добровольных осведомителей из числа соотечественников, проживавших в византийской столице. Султан вскипел и посоветовал императору искать помощи не у папы, а у него самого. «Мне не кажется правильным, что он поедет, утруждая себя этим и тратясь. И что он выиграет? Вот я, если он имеет нужду в деньгах из-за расходов, ренты или чего-нибудь другого, относящегося к возмещению его убытков, я готов её удовлетворить»⁸⁰⁹.

Первой мыслью султана было немедленно осадить и захватить Константинополь как наказание за дерзость со стороны Византийского царя. И лишь Халил-паша, тайный агент Византии в султанском окружении, убедил своего господина не торопиться, а подождать результатов заграничного турне императора Иоанна VIII⁸¹⁰.

Между тем призыв Римского папы нашел отклик в сердцах латинян. На этот раз, казалось, поход *обречен* на успех. Главой его стал юный король Польши и Венгрии *Владислав III Варненчик* (1424—1444), которого венгры именовали *Уласло I*. А душой кампании стал венгерский полководец Янош Гуниади. Многочисленную венгерскую армию пополнили отряды поляков, германцев, итальянцев и французов. Понтифик направил своим представителем и духовным окормителем крестоносцев кардинала Юлиана Цезарини, который также пришел с сильным отрядом наемников. Всего так называемый «*Варнский Крестовый поход*» насчитывал около 25 тысяч воинов. У города Ниша в 1443 г. состоялось кровопролитное сражение, успех в котором сопутствовал латинянам. Они освободили Софию и часть Болгарии, но у Траяновых ворот зимой того же года были остановлены турками. На восточном склоне этого ущелья 24 декабря 1443 г. разыгралась битва между Бранковичем, которому помогала польская конница, и зятем султана *Магомедом Челеби*. Яростный порыв рыцарской кавалерии отдал успех в кровопролитном сражении западным христианам, но они были истощены и не имели сил преследовать врага, хотя и захватили Магомеда Челеби в плен. Позднее он будет выкуплен за баснословные деньги своим тестем⁸¹¹.

Посчитав цель Крестового похода достигнутой, король Владислав вернулся в Венгрию и в 1444 г. заключил с Мурадом II договор, согласно которому ему отходила Валахия, а Бранковичу Сербскому — Босния. Оба правителя поклялись — Владислав на Библии, а Мурад II — на Коране, что не станут нарушать мира в течение 10 лет⁸¹². Для латинян договор был очень выгоден. На тех условиях, на каких был заключен мир, Сербия вполне могла восстановить свои силы, а Венгрия — сплотиться для новой войны с османами. В течение 10 лет, на которые был заключен договор, многое могло бы измениться с учетом Ферраро-Флорентийской унии, прекращавшегося «Великого раскола» Западной церкви и возрастающего сопротивления христиан османскому натиску. Нельзя было забывать и о Караманском эмире, с которым османам так до сих пор и не удалось справиться. К сожалению, в этом акте был весь латинский

Запад, нисколько не задумавшийся о судьбе греческих христиан. Даже папа Евгений IV был возмущен тем, что венгры и сербы «забыли» византийцев. Это был открытый вызов в первую очередь ему, как организатору и идейному вдохновителю Флорентийской унии, о которой мы будем говорить ниже. Получается, что все обещания апостолика — пустые слова, и даже самые преданные католики готовы послушаться его для обеспечения собственных интересов.

Между тем вернувшийся в Константинополь в начале 1440 г. император Иоанн VIII был сражен горем, узнав прямо на берегу, что его любимая жена Мария скончалась от вспышки чумы, посетившей столицу. Это известие *сломило* его, а мощный натиск греческих ортодоксов против Ферраро-Флорентийской унии усугубил тяжесть ситуации. Пока император оплакивал смерть возлюбленной, его брат деспот Морей *Димитрий Палеолог* (1436—1460) организовал заговор с целью захвата царской власти. С 23 апреля 1442 г. в течение длительного времени этот безумец систематически опустошал окрестности Константинополя, попутно снесся с турками, получил от них помощь в виде турецких кавалеристов и заявил права на императорскую диадему. По счастью, св. Константин Палеолог пробился у острова Лемнос через турецкий флот и явился на помощь брату. Димитрий был взят в плен, а его войско разбежалось. Но чуть позднее мятежник сумел убежать в Галату и при помощи подеста генуэзцев примирился с царственным братом на условиях выделения ему собственного удела. Как и следовало ожидать, заговор прошел под знаменем ортодоксии. Мятеж не удался, но василевс отчетливо видел, насколько *непопулярны* его акции по объединению с Западом в народе⁸¹³.

Однако Римский епископ пытался *на деле* показать, что готов выполнить свои обязательства. Вскоре в Константинополь прибыла эскадра из 25 судов, снаряженная папой на собственные средства, а венецианцы прислали в Архипелаг большой флот в помощь византийцам. В Венеции также активизировалась партия, требовавшая немедленной войны с мусульманами. Безусловно, венгры готовы были поддержать своих союзников. Ничего не зная о намерениях латинян, султан удалялся от границы. Он остановился в Адрианополе, чтобы оплакать смерть своего безвременно ушедшего сына Алладина и заявил, что желает оставить трон, чтобы предаться молитве и забвению от мирских горестей⁸¹⁴.

Но тут его догнал посольный с известием о том, что венгры перешли границу. Честолюбивый кардинал Цезарини сумел сыграть на честолюбии Владислава III и убедить того расторгнуть

договор, дабы *добить* (!) османов. Удивительное легкомыслие! Под влиянием кардинала король Владислав в одностороннем порядке расторг договор и выступил с войском в поход. Вновь был задействован полководец Янош Гуниади, которому в случае успеха обещали отдать в правление всю Болгарию; вторым лицом в армии стал Валахский воевода Влад.

Отгадка такого всплеска воинственности заключается в том, что султан Мурад II к тому времени откровенно устал от государственных дел, добровольно сложил с себя знаки султанской власти и передал бразды правления Османским государством своему 12-летнему сыну *Мехмеду II* (1444—1446, 1451—1481). Разумеется, такая рокировка не способствовала поднятию воинского духа у османов. Однако этот поступок, замешанный на клятвопреступлении (ведь Владислав клялся на Библии), шокировал христианский мир. Деспот Бранкович и император Иоанн VIII Палеолог категорически отказались помогать венграм, а потому королю пришлось рассчитывать исключительно на собственные силы. Тем не менее он сумел собрать около 20 тысяч солдат и рыцарей⁸¹⁵.

Но советники юного султана сделали самое мудрое, что можно было совершить в ту минуту, — они срочно отправили посольство к Мураду II с просьбой вернуться и возглавить армию. Известие о походе латинян привело бывшего султана в ярость. Мурад II бросил все дела и, сжигаемый гневом, направился навстречу крестоносцам. Его армия была значительно больше — не менее 45 тысяч солдат, из которых 10 тысяч являлись янычарами⁸¹⁶.

10 ноября 1444 г. под Варной враги встретились. Объективно говоря, шансы в данном случае были на стороне турок. И дело заключалось даже не в том, что те имели численное превосходство. К сожалению, противоречия, раздражавшие латинян, не утихли и по сию минуту. *Каждый* рыцарь по-прежнему мнил себя самостоятельной фигурой, а генуэзцы, желая ослабить своих извечных врагов венецианцев, тайно перевезли турецкую армию через Босфор на своих судах.

Итак, противники заняли свои позиции. Опасаясь тяжелой вооруженной рыцарской конницы, султан занял оборонительное положение на возвышенностях. Напротив, крестоносцы сделали ставку на стремительную атаку. Тем не менее османы опередили их, начав наступление своим левым флангом, разметавшим словенцев, которые располагались там. Обороняясь от наступающих турок, среди прочих погиб и кардинал Цезарини. Спасая положение, Янош Гуниади взял резервы и бросился навстречу наступаю-

щим туркам, умоляя короля Владислава оставаться на месте. Но тот, желая вызвать на личный поединок самого султана, во главе 500 венгерских и польских рыцарей бросился в центр мусульманского войска. Возможно, из этой активности еще могло что-то получиться, поскольку Гуниади уже восстановил положение на правом фланге крестоносцев и возвращался обратно, но, к несчастью, король Владислав погиб смертью храбрых, и атака рыцарей захлебнулась. Весь день длилась битва, не дав никому решающего перевеса. Потери сторон были чрезвычайно высокими. Как рассказывают, крестоносцы потеряли до 13 тысяч воинов. А султан воскликнул, когда ему донесли о павших: «Да не пошлет мне аллах еще одной такой победы!»⁸¹⁷

Если о тактической победе еще можно было спорить, то со стратегической точки зрения это была полная катастрофа, в первую очередь ударившая по византийцам. Чтобы хоть как-то оправдаться, а косвенно император мог считаться союзником крестоносцев, Иоанн VIII направил униженное письмо султану. Суть его заключалась в необходимости объяснить свое бездействие, когда, собираясь в поход на крестоносцев, Мурад II потребовал от Византийского императора явиться в его ставку вместе с отрядом солдат, дабы воевать с латинянами. Тогда василевс оказался в двойственном положении: как вассал султана, он не мог ослушаться, с другой стороны, выступление византийцев против крестоносцев, направляемых самим папой Евгением IV, с которым только что заключили унию для организации военной помощи против Мурада II, выглядело откровенным сумасшествием. В тот момент времени Иоанн VIII сумел затянуть время, но после поражения венгров пришлось прибегать к высокому искусству письма, чтобы не положить голову на эшафот. Конечно же, султан не поверил ему и в душе уже принял решение о судьбе Константинополя.

А после того как в 1446 г. Венеция заключила с османами мирный договор, всем стало ясно, что больше спасения ждать неоткуда. Если у униатской партии и были сторонники, то теперь они дружно переходили в лагерь ортодоксов. Один лишь св. Константин Палеолог не утратил надежду на освобождение отечества от мусульман. Отставив в сторону пораженного горем и поражениями царственного брата, св. Константин деятельно принялся оборонять Морею от неизбежного османского нашествия, к которому примкнул герцог Афин Нерио II Ачайоли. На Коринфском перешейке он выставил свой единственный отряд численностью 300 человек, а сам отправил посла к Мураду II в надежде получить мир или пере-

мирие. Но султан бросил византийского дипломата Халкокондила в тюрьму, а его войска пушками проложили себе дорогу вперед. Весь византийский отряд погиб, как спартанцы царя Леонида при Фермопилах, а св. Константин успел в последний момент спастись. Затем турки захватили Фивы, и на радостях Мурад II даровал св. Константину прощение и заключил с ним мир на условиях выплаты византийцами хараджа. Это означало полную утрату Византией *политической самостоятельности*⁸¹⁸.

Данное известие стало роковым для императора Иоанна VIII — оно означало крах всей его дипломатии. Еще не старый мужчина, василевс превратился в *старика*, утратившего всякий интерес к жизни. Ни сам царь, ни окружающие не верили, что Империю уже можно спасти. «И было достаточно таких, кто считал, что ее и не стоит спасать». 31 октября 1448 г. император Иоанн VIII Палеолог скончался в возрасте 57 лет⁸¹⁹.

Глава 2. Ферраро-Флорентийская уния

Вопрос о воссоединении Церквей, никогда не утрачивавший своей актуальности, стал одним из самых приоритетных к началу царствования Иоанна VIII Палеолога. Западная церковь в это время проходила через «*Великий раскол*», о котором у нас речь пойдет в специальном приложении. А для Византии вопрос помощи Запада являлся делом жизни и смерти. В день, когда пали Фессалоники, император узнал о готовящемся папой *Мартином V* (1417—1431) новом Вселенском Соборе в Базеле, открытие которого назначили на 1431 г. На нем должен был получить разрешение вопрос о церковных реформах, проблема чешских «гуситов» и отдельная тема о правах самого Римского епископа. Естественно, для укрепления авторитета апостолика вопрос о воссоединении с Восточной церковью в глазах всего латинского мира значил очень много. А потому можно было надеяться на *большую* уступчивость Римской курии.

Этот шанс император Иоанн VIII Палеолог не собирался упускать и тут же уведомил понтифика о своем желании прибыть на Вселенское собрание. На процедуру интронизации папы Мартина V прибыл византийский посол Евдемониан, публично объявивший о стремлении василевса покончить с расколом. Понтифик радостно принял это сообщение, удостоил Евдемониана аудиенции и отправил две грамоты — Византийскому царю и Константинопольскому патриарху. В послании к патриарху папа величал того

своим братом и Константинопольским архиереем. Император и патриарх направили ответные письма, в которых соглашались обсудить вопросы воссоединения на Вселенском Соборе, который, по их мнению, должен пройти непременно в Константинополе⁸²⁰.

Однако, прежде чем встречаться с латинянами, император созвал у себя во дворце «византийский» Собор, желая заручиться согласием Восточной церкви и выработать общую позицию. И он его получил, хотя известный богослов монах *Иосиф Вриенний* (1350—1432) заявил частное мнение *против* объединительного Собора в Италии, да и сам Константинопольский патриарх *Иосиф* (1416—1439), незаконнорожденный сын Болгарского царя Иоанна Шишмана и гречанки, неофициально продолжал высказываться за его проведение в Константинополе. Под его давлением уже решившийся на проведение объединительного Собора на Западе император Иоанн VIII Палеолог в 1433 г. вновь предложил папе собраться в Константинополе. Но уже через год василевс пересмотрел это решение, справедливо полагая, что в настоящий момент провести Собор в Константинополе совершенно невозможно⁸²¹.

С этого года переписка между папой и императором приняла *системный* характер. Правда, в ходе унияльных переговоров василевс передал инициативу греческой иерархии, после чего патриарший двор начал вести *самостоятельную* переписку с понтификом. Сам же император руководил процессом, как равноудаленная, но очень заинтересованная сторона. С завидной регулярностью патриаршие послания византийским послам в Базель уходили раньше императорских. Более того, текст, созданный в канцелярии патриарха, как правило, затем воспринимался василевсом. Правда, с 1436 г. патриаршие и императорские послания на Запад начали совпадать по тексту и по дате, что свидетельствует об усилении активности императора в данном вопросе.

Пока шла подготовка к Собору, папа Мартин V скончался. Решением кардиналов новым Римским епископом был избран венецианец *Евгений IV* (1431—1447) — человек деятельный, но не отличавшийся тонким политическим чутьем и тактом. С началом его понтификата надежды на воссоединение Церквей, казалось, развеялись, как дым. Убежденный в абсолютном характере папской власти, он вскоре вступил в жестокий конфликт с противоположной партией, что едва не привело к новому расколу Западной церкви. Когда отцы Базельского Собора объявили, что Вселенский Собор стоит *над папой*, Евгений IV в конце 1431 г. своей буллой «*Quoniam alto*» распустил его. Однако епископы, собравшиеся

в Базеле, и не подумали выполнять приказ понтифика, а встали на сторону врага апостолика Германского императора *Сигизмунда* (1410—1437). Они успешно подготовили основания для примирения с умеренным крылом «гуситов» и высоко подняли авторитет Германского императора.

Примечательно, что секретарь Базельского Собора, Эней Сильвио Пикколомини, один из просвещеннейших людей своего времени, написал по поручению императора трактат в защиту царской власти с характерным названием «О происхождении и власти Римской империи» («*De ortu et autoritate Imperii Romani*»). В соответствии с новомодными для того времени теориями он вывел императорскую власть из *естественного разума*, полагая, что цари установлены для всеобщей пользы. После того, полагал Эней, как Византийские императоры впали в ересь, власть в Римской империи перешла в руки Карла Великого и его преемников. Получив власть из рук Христа, император *один* вправе издавать законы, его указания обязательны для всех подданных без исключения. А что касается суда, то императорский суд является самым высшим, и на него нет апелляции. Эти смелые строки, тем не менее, являлись не более чем конъюнктурой для молодого человека, вскоре ставшего новым Римским епископом *Пием II* (1458—1464). Получив высшую духовную власть над Западом, Пий II быстро изменил свои взгляды на традиционные для папства — замечательный пример состояния умов того времени⁸²².

Хотя Запад опять оказался на грани раскола, переписка между епископами Базельского Собора и императором Иоанном VIII Палеологом, начатая еще при папе Мартине V, продолжалась. Евгений IV понял, что в таких условиях утрата инициативы смертельно опасна для него, а потому решил взять в свои руки дело церковной унии⁸²³.

В конце концов, как это нередко бывало и раньше, мир в Церкви обеспечил Германский император Сигизмунд, который, воюя с «гуситами» и испытывая трудности на севере Италии, нуждался в поддержке Римского епископа. Обе стороны пошли на некоторый компромисс: Сигизмунд поддержал понтифика, попридержав его оппонентов, а папа в ответ короновал его императорской короной в мае 1433 г. и отозвал свою буллу о роспуске Собора⁸²⁴.

Эта мера придала оптимизм сторонникам унии, и переписка между Римом и Константинополем вновь активизировалась. Правда, дата начала Вселенского Собора все время варьировалась по разным обстоятельствам. Наконец, стороны договорились о его созыве

в 1437 г. Был еще ряд нюансов, повлиявших на ход последующих событий. Желая продемонстрировать свою окрепшую власть, но при этом не вступать в новый конфликт с оппонентами, Евгений IV в 1437 г. издал буллу «*Doctoris gentium*» о перемещении Базельского Собора, все еще продолжавшего свою работу, в Италию, в городок Ферраро. Таким способом он одновременно устранял оснований для возможных претензий Константинополя. Имея кое-какую информацию о церковном расколе на Западе, император в переписке с Евгением IV настаивал, чтобы переговоры велись не с *частью* Западной церкви, т.е. с папой и его сторонниками, а со всей. Некоторое время папа увиливал от ответа, убеждая царя, что не следует обращать внимания на схизматиков. Теперь же он заявил, что отцы Базельского Собора вскоре придут в итальянский городок Ферраро, который и предложил в качестве места будущего Вселенского Собора. Император подумал и согласился⁸²⁵.

Это была серьезная уступка Риму со стороны Византийского царя. Видя глубокую заинтересованность понтифика в достижении унии с Восточной церковью, василевс согласился на проведение объединительного Собора в Италии. Но и со стороны Рима имело место не менее существенное отступление от старых позиций: папа согласился на *диалог* и соборное обсуждение спорных вопросов. Ранее, как известно, он допускал лишь присоединение Константинополя к своему решению⁸²⁶.

На самом деле папа получил больше василевса, убивая одной пулей сразу несколько зайцев. Он настоял на облюбованном им месте Собора, продемонстрировал всему Западу свою власть, выступил в достойнейшей роли объединителя Церквей, а заодно кассировал решения Базельского Собора, собрав в Ферраро еще до прибытия греков *параллельный* Собор. Разумеется, письменное согласие Византийского царя прибыть в Италию прибавило политического веса папскому собранию за счет, разумеется, Базельского Собора. Чтобы укрепить Иоанна VIII в принятом решении, он обещал взять на себя все расходы византийской делегации на период проведения Вселенского Собора в Ферраро. Это было очень актуально, поскольку государственная казна Византии оказалась пустой⁸²⁷.

Следует попутно заметить, что ограниченность Восточной церкви теми территориями, которые остались еще византийскими, в последнее столетие резко сузила возможности богословских школ и их количество. Поэтому не стоит удивляться, что по распоряжению царя четверо самых выдающихся богословов были срочно

хиротонисаны в епископов, чтобы иметь возможность выступать в Ферраро: св. Марк Эфесский, Виссарион Никейский, Исидор Московский и Дионисий Сардийский⁸²⁸.

В конце 1437 г. в Константинополь прибыли папские триеры, на которых греческая делегация должна была выехать в Италию. Император вместе с братом, деспотом Димитрием, патриархом Иосифом, местоблюстителями остальных восточных патриархий, епископами и сановниками — всего насчитывалось до 700 человек, загрузился на них и отправился в Италию. Однако поездка сразу же не удалась. В составе греческой делегации не было единства, и епископы разделились на две противоборствующие партии. Самым видным латинофилом являлся *Георгий Схоларий*, вождем ортодоксальной партии считался св. *Марк Евгений*, митрополит Эфесский⁸²⁹.

Пугали и внешние катаклизмы. Едва василевс взойшел на галеру, как в столице началось большое землетрясение. Затем византийские суда были обстреляны турками, крепость которых располагалась на другом берегу Босфора. А в Мадите, где сделали кратковременный отдых, вследствие нового землетрясения галера императора даже получила серьезные повреждения. Тем не менее 7 февраля 1438 г. императорский корабль первым прибыл в Венецию⁸³⁰.

Триера царя стала в гавани св. Николая, и многие толпы венецианцев пришли приветствовать его. Иоанна VIII специально уведомили, чтобы он не спускался с корабля, поскольку рано утром его должен приехать встречать дож Венеции *Франческо Фоскари* (1423—1457) со всем Советом Республики. В воскресенье, 9 февраля 1438 г., прибыл дож в парадных одеждах на корабле, украшенном золотом. За ним следовало 12 судов, украшенных чуть скромнее, а затем триера, предназначенная для Римского царя. Все моряки были одеты в специально пошитые костюмы с гербами Республики, а рыцари в великолепных доспехах держали штандарты с гербами Палеологов. Трубили трубы, и толпы зевак заполнили собой все побережье. Дож приблизился к императорской триере, взойшел, поклонился василевсу, рядом с которым восседал его брат Димитрий. И когда Иоанн VIII передвигался по городу, гром труб и радостные крики тысяч венецианцев приветствовали его на всем пути следования⁸³¹.

На следующий день византийская делегация отправилась в храм Святого Марка, где служили Литургию. Венецианцы, ранее не видевшие греческой службы, были поражены ее красотой, и, по словам летописца, говорили: «Мы никогда не видели греков и не

знали чина их поведения. А слышали о них краем уха и считали их варварами. А теперь видим и веруем, что они первородные сыны Церкви, и Дух Святой глаголет в них». Но на самих византийцев посещение знаменитого храма произвело шокирующее впечатление: они увидали в нем множество святынь, похищенных венецианцами после захвата Константинополя в 1204 г.⁸³²

28 февраля византийцы покинули Венецию и отправились в город Ферраро, располагавшийся на берегу реки По, куда прибыли 4 марта. Папа Евгений уже ожидал императора, которого встречала пышная делегация Римской курии с епископами, кардиналами, светскими правителями и рыцарями. Василевсу подвели богато украшенного коня, и он отправился к апостолику, который при известии о приближении Иоанна VIII Палеолога вышел к нему навстречу. Император и папа обнялись, поцеловались и удалились в сторону, отдельно ото всех оговаривая какие-то вопросы. Затем они расстались, и император отправился в великолепный дворец, предназначенный ему для проживания.

Сложнее оказалось с Константинопольским патриархом Иосифом, которого папские нунции пытались убедить соблюсти протокол и припасть к ноге апостолика. Не без резона архиерей спросил: «Откуда у папы такие привилегии? Какой Вселенский Собор дал ему их? И разве апостолы целовали стопу апостола Петра? Кто-нибудь слышал об этом?» Ему попытались объяснить, что это «древний» обычай, которому беспрекословно повинуются и Германские императоры, и остальные западные государи. Но патриарх ответил, что это — *новшество*, и он не готов следовать ему. Когда страсти накалились, византийский архиерей напрямую заявил, что никогда не станет лобызать стопу папы, а в случае упрямства Римского клира просто уедет назад в Константинополь со всеми своими епископами; пусть папа проводит Вселенский Собор без них.

Пришлось уступить, но в отместку папа Евгений встречал Константинопольского патриарха не во дворце, а в своих личных апартаментах, и встреча эта носила сугубо формальный характер. Восточные архиереи откровенно ворчали, обращаясь к патриарху: «Эти и многие подобные вещи надо было обдумать и решить. Когда мы спрашивали и хотели знать, как и на каких условиях мы отправимся к латинянам, ты обещал, что все будет хорошо. Мы думали, что ничего не осталось из необходимого, что не было бы несогласованным или невыясненным»⁸³³.

Несмотря на эту натяжку, Рим мог считать, что инициатива на Соборе принадлежит ему. Но тут неожиданно император обратился с ультиматумом к понтифику, потребовав, чтобы на Соборе присутствовали *все* западные государи. Более того, он посчитал, что обсуждение спорных вопросов может начаться не ранее чем через 4 месяца по прибытии византийцев; и объяснил почему. Помимо церковных вопросов, императора волновали проблемы безопасности Константинополя и последних византийских земель. А потому он очень надеялся договориться с европейскими государями о военном союзе⁸³⁴.

Апостолик стушевался. Это невозможно, заявил он, поскольку император и короли постоянно воюют друг с другом; однако василевс настаивал. В принципе он был совершенно прав, требуя, чтобы на Соборе присутствовали светские владыки. Помимо прочих причин, изложенных выше, это позволяло сохранить «принцип симметрии». Далеко не всегда Римский царь присутствовал на Вселенских Соборах, и если уж он прибыл, то к нему должны были присоединиться другие венчаные Богом государи. Кроме того, если речь шла о воссоединении Церквей, то следовало убедиться в том, что с будущими соборными постановлениями будет согласна *вся* Кафолическая Церковь, которую представляет далеко не один Римский папа, но и короли, главенствующие над своими церквями. Делать нечего — пришлось отложить заседание, чтобы срочно разослать приглашения⁸³⁵.

Между прочим, данный эпизод красноречиво свидетельствует о том, что византийцы отправлялись в Ферраро в надежде не только получить искомую военную помощь, но и разрешить мучивший Кафолическую Церковь вопрос о догматических и обрядовых разногласиях. И не случайно впоследствии св. Марк Эфесский с горечью разочарования скажет, что, отправляясь в Италию, они рассчитывали совершить нечто великое и достойное их труда⁸³⁶.

Однако требование Византийского императора было очень сложным для исполнения. Дело в том, что подавляющее число европейских монархов принимало участие в Базельском Соборе, который и не думал расходиться или переезжать в Ферраро. То обстоятельство, что *часть* епископов отправилась к папе, ничего не значило для реформаторов из числа папской оппозиции. И пока понтифик встречал Византийского царя, Базельские отцы приняли решение об отстранении Евгения IV от власти. Тогда часть кардиналов во главе с кардиналом Цезаре решили покинуть «мятежников» и предать себя папе. За ними последовала бо́льшая часть

архиереев. Но оставшиеся архипастыри и короли повторили тезис, что Вселенский Собор стоит *выше* папы, вторично сместили Евгения IV с кафедры и неожиданно избрали новым апостоликом графа Амадея VIII Савойского, блестящего государя, ставшего отшельником. Антипапе дали имя *Феликса V* (1439—1449)⁸³⁷.

Возможно, понтификат Феликса V имел бы перспективы, если бы одним неосторожным предложением антипапа не восстановил против себя практически все европейские дворы. Стремясь обеспечить поддержку у германцев, он предложил свою дочь и 200 тысяч дукатов их королю *Фридриху III* (1440—1493), если тот согласится поддержать его как настоящего апостолика. Это вызвало скандал, и по Европе пошли слухи о том, что папской тиарой уже *открыто торгуют*, не брезгуя даже продажей родной дочери. Поскольку Феликса V поддерживал Базельский Собор, весь негатив этой истории пал на собрание, полностью обесценив его решения. Теперь остальные монархи хотя и не желали Евгения IV, но еще больше опасались «двоепапства» и церковного раскола. А потому выбрали из двух зол меньшее — действующего Римского епископа, увлеченно спорящего с византийцами в Ферраро о догматах веры. Правда, все равно лишь некоторые короли откликнулись на призыв папы, а остальные игнорировали его⁸³⁸.

Пока шла переписка папы с европейскими правителями, в Ферраро обсуждались протокольные вопросы. Наперекор понтифику, желавшему воссесть *в центре* храма великомученика Георгия, где решили проводить Собор, греки потребовали, чтобы был соблюден принцип равенства. А потому представители каждой из сторон должны рассестись напротив друг друга. Естественно, предложение Римской курии о председательстве апостолика византийцы также отвергли; папа и василевс были признаны *сопредседателями* Вселенского Собора. Оскорбленный мелочными переговорами и спорами, Константинопольский патриарх чуть было не расстроил все дело, но тут вспылал император, заявивши своему архиерею: «Сейчас я доподлинно узнал, что спор о троне и кафедрах возник не ради устройства Собора и нашего духовного устройства, но ради превозношения и мирского блеска». Наконец, 9 апреля 1438 г. Собор начал свою работу⁸³⁹.

По поручению императора и патриарха Иосифа св. Марк Эфесский произнес речь, наполненную подчеркнутым уважением к сану Римского епископа и надеждой на разрешение догматических разногласий. «Давно уже говорили о том, что дела наши должны быть разобраны Вселенским Собором, а теперь это желание ис-

полнилось, и мы все наши вопросы принесли сюда. Дай же нам, Господи, свершить то, что начали». Но его мягкость в обращении к латинянам была сопряжена с редкой принципиальностью по основным противоречиям. К неудовольствию Римской курии, святитель акцентировал внимание на *Filioque*, настаивая на том, чтобы Римский папа устранил его из Символа Веры.

«Что это за желание соперничества, что ты отстаиваешь недавнее прибавление к Символу Веры? Это прибавление раздробило и разделило Тело Христово и рассекло призванных Христом в их мыслях надолго. Зачем это длительное и долгое упорство, недоброжелательная подозрительность к братьям и отчуждение тех, кого это вводит в соблазн? Зачем вопреки Евангелию, которое мы приняли, мы будем благовествовать другое? Посмотри на сплетенный венец славы и не откладывай увенчаться им. Ибо один разделил, а ты соедини. Один расколол и попытался сделать зло неисправимым, а ты же имей честь исправить происшедшее. Я слышал от одного из ваших философов, что прибавление к Символу Веры сделано ради *икономии*, ради исправления тех, которые неправильно понимали веру. Так пусть же по *икономии* это прибавление будет изъято, чтобы вы приняли братьев. Вспомни о крови христиан, которая каждый день льется, и о горьком рабстве христиан у варваров, и о поругании Креста Христова, а также о низвержении алтарей, упразднении домов молитвы, отмене божественных песнопений, о захвате святых мест, расхищении священных сосудов и убранства. Всеу этому может быть положен конец, если мы придем к миру и согласию, с помощью Божьей. Только отложите свою суровость и неуступчивость, и снизойдите к нам, немощным, и изымите из среды то, что вводит в соблазн»⁸⁴⁰.

Это выступление откровенно показало, сколько далеки стороны были друг от друга в самом основном вопросе. Чтобы не тратить время впустую, решили после Пасхи трижды в неделю собирать комиссию для обсуждения догматических разногласий. В составе ее от византийской делегации присутствовали св. Марк Эфесский, Виссарион Никейский, четыре архиепископа, великий хартофилак Константинопольской церкви, два игумена и монах. Но по личному распоряжению василевса только св. Марк Эфесский был удостоен права вести дискуссию. От латинян в состав согласительной комиссии вошли кардинал Иулиан Алгергатис, епископ Родосский Андрей, два кардинала, два митрополита, два епископа и четыре монаха. Надо полагать, стороны максимально пытались уйти от спорных вопросов, которые не могут быть разрешены мо-

ментально, в частности от *Filioque*. Поэтому на первом же совещании был поставлен другой вопрос — о «чистилище», хотя св. Марк Эфесский эту тему не обозначал в своем соборном выступлении.

К сожалению, уже здесь проявились противоречия, царящие внутри византийской делегации, которые императору Иоанну VIII Палеологу пришлось впоследствии сдерживать по всему ходу Собора. Попутно заметим, что в силу обстоятельств василевс зачастую был вынуждаем принимать *единоличные* решения по церковным вопросам, поскольку больной патриарх игнорировал свои обязанности — об этом прямо писал современник тех событий⁸⁴¹.

Когда Виссарион Никейский начал свой диспут с латинянами, царь обратил внимание на некоторую неуверенность византийского архиепископа и приказал тому присесть на место, поручая вести дальнейший спор исключительно одному св. Марку Эфесскому. Для самолюбивого архиепископа Виссариона это было испытание не по силам. Он перенес весь свой гнев на святителя, и когда спросили его мнение о «чистилище», совершил нечто невообразимое — поднялся и напрямую заявил, что ему *нечего* возразить на доводы латинян. Впрочем, поступок Виссариона не следует демонизировать: в целом у греков не было конкретных возражений против «чистилища», и они были готовы даже допустить его, хотя и считали латинское учение *слишком конкретным*. Более всего им не нравилась фраза, будто «благословенные Бога узрят», поскольку в этом случае утрачивалось различие между Его сущностью и энергиями⁸⁴².

Но не только Виссарион взревновал к славе св. Марка. Когда по поручению царя архиереи начали готовить возражения на «чистилище», случилась очередная неприглядная история. Духовник василевса протосинкелл Григорий, будущий Константинопольский патриарх, не испытывавший к св. Марку Эфесскому никаких добрых чувств, решил составить партию Виссариону Никейскому и преподнес императору *альтернативное* возражение на «чистилище». Однако василевс, внимательно ознакомившись с этим документом и сравнив его с аргументацией святителя, приказал отослать латинянам именно последний документ, как более обстоятельный и точный. Теперь нелюбовь Виссариона к св. Марку переросла в ненависть. Образовалась «*антимарковская*» партия⁸⁴³.

Следует сказать, что мрачная фигура протосинкелла постоянно маячила между св. Марком Эфесским, остальными архиереями и василевсом. Григорий многое сделал, чтобы смутить императора поведением святителя и его сторонников, нередко прибегая

к интриге и наговору. В частности, когда брат святителя Иоанн Евгеник был приглашен к папе на обед для личного знакомства, протосинкелл забил тревогу, наговорив царю, будто Евгеник попытается изложить совсем не ту позицию по вопросам *Filioque* и «чистилища», что заранее прорабатывала греческая делегация. Словом, Григорий делал все, чтобы отторгнуть императора от св. Марка и его брата⁸⁴⁴.

Разрыв открыто проявился на следующем соборном заседании, когда император Иоанн VIII вновь предоставил слово святителю. Возмущенный Виссарион поднялся и, игнорируя царский приказ, заявил, что желает высказать *личное мнение* по данному вопросу. А затем пересел на скамью, где располагались византийские государственные сановники, лишь бы быть подальше от св. Марка Эфесского. Это уже был прямой скандал, и, посоветовавшись с императором, восточные клирики попросили патриарха Иосифа переговорить с обоими богословами, чтобы прекратить эту нелепую и уж во всяком случае несвоевременную ссору. Достоверно неизвестно, составил ли Константинопольский архиерей такой разговор, но отношение Виссариона Никейского к св. Марку Эфесскому не изменилось. Таким образом, единственным оппонентом искусным латинянам был и оставался святитель, которому много вредили некоторые греческие епископы, открыто надсмехавшиеся над ним за спиной во время дискуссии. Однако сила аргументации св. Марка была такова, что, несмотря на все старания, самые искусные западные богословы не могли переубедить его или опровергнуть⁸⁴⁵.

Впрочем, интрига на этом не завершилась. Пока шли предварительные дебаты, император Иоанн VIII переехал в монастырь, расположенный неподалеку от Ферраро, а членам византийской делегации запретил покидать город без его особого разрешения. Через некоторое время несколько епископов обратились к патриарху с требованием, суть которого сводилась к срочному отъезду на родину, в свои епархии, либо немедленное возобновление соборных заседаний. Василевс возразил, что еще не все европейские монархи съехались на Собор, а потому в нынешнем виде Вселенское собрание едва ли может считаться легитимным. Узнав об этом, папа поспешил воспользоваться этим поводом и заявил: «Где я, император и патриарх, там и Вселенский Собор!» Все же, от греха подальше, решили возобновить соборные заседания 6 октября 1438 г.

Все же несколько противников унии попытались незаметно уехать из Италии, в том числе св. Марк Эфесский, его брат Иоанн

Евгеник и митрополит Ираклийский. Но беглецов спешно вернули слуги царя, поскольку без них, как местоблюстителей патриарших кафедр Востока, никакой Вселенский Собор становился невозможным. В результате святитель был обязан присутствовать на Соборе, но каждое его выступление предварительно обсуждалось с Иоанном VIII Палеологом⁸⁴⁶.

Проблема усугублялась известием о готовящемся нападении турок на Константинополь. Из византийской столицы пришли панические слухи, вынудившие царя обратиться к папе с просьбой о военной помощи. Положение греков было отчаянным, и император поставил ультиматум: если нападение турок будет отбито, то он подпишет соединительную грамоту, в противном случае данный результат для папы не гарантирован. По счастью, падения Константинополя не произошло, и Собор продолжил свою работу⁸⁴⁷.

Новое заседание открыли не в храме Св. Георгия Победоносца, а в папских палатах. Кардиналы объяснили, что в противном случае (почему-то) честь и достоинство понтифика пострадают. Выступили первые ораторы, и слово вновь предоставили св. Марку Эфесскому. Тот без обиняков начал речь с обсуждения вопроса о *Filioque* и потребовал публично зачитать определения Вселенских Соборов, в которых звучала истинная редакция Символа Веры. Возникла длительная дискуссия — латиняне никак не желали читать вселенских определений, что вполне понятно. У пап уже настолько укрепилась мысль о непогрешимости Римского епископа и его главенстве даже над Вселенскими Соборами, что обращение к ним, как последним критериям истины, в значительной степени подрывало тот авторитет Апостольского престола, каким его желал видеть сам папа и Римская курия⁸⁴⁸.

Наконец, латиняне сдались, и св. Марк Эфесский, в единственном лице представлявший учение Восточной церкви, аргументированно доказал отсутствие *Filioque* в древнем Символе Веры. Никакие аргументы латинских богословов, включая кардинала Иулиана и Андрея Родосского, не могли устоять против «железной» логики святителя и его эрудиции. После нескольких дней споров стало ясно, что латиняне безнадежно проигрывают эту партию, а потому вскоре они предложили оставить вопрос о Символе Веры и обсудить сам догмат об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. Напротив, представители византийской делегации воодушевились и решили добить оппонента устами святителя.

Между тем было понятно, что при продолжении этой линии объединительный Собор становился невозможным, а его опреде-

ления (если даже их примут) никогда не будут рецепированы Западной церковью. Но ведь Собор созывался не для того, чтобы *переспорить* латинян, а с целью создания почвы для объединения Церквей. Это в старое время, когда власть Римского императора распространялась на всю Кафолическую Церковь, а Рим, как правило, выступал в качестве защитника Православия, можно было спорить с оппонентами, будучи уверенным, что царский закон и соборный орос сделают свое дело. К сожалению, *теперь* ситуация была совершенно иной, и приходилось спорить не с арианскими епископами, а с самой авторитетной и древней кафедрой Кафолической Церкви. И политическая власть Византийского императора на нее никак не распространялась.

Необходимо было найти *разумный компромисс*, и теперь уже императору пришлось приложить множество усилий для того, чтобы приостановить своих архиереев. Он предложил грекам согласиться с предложением латинян и прекратить споры о *Filioque*, а в последующем диспуте с католиками о догмате постараться переубедить их. В принципе это было разумно: цель достигалась, но мягкими средствами, не отталкивающими латинян от Восточной церкви. Неожиданно Константинопольский патриарх выступил категорично против этого предложения василевса. Смысл его доводов сводился к следующему: если мы побеждаем латинян в этом вопросе, то зачем сознательно лишаться преимущества? Император продолжал настаивать, и его поддержали Виссарион Никейский и Исидор, митрополит Московский и всея Руси. Все же царю Иоанну VIII Палеологу удалось убедить остальных архиереев, и вскоре патриарх оказался в почти полном одиночестве. Было решено оставить споры о Символе Веры и переключиться на обсуждение вероучительного догмата⁸⁴⁹.

Но тут неожиданно возникло еще одно обстоятельство — папа заявил о необходимости срочного переезда во Флоренцию. Чем был вызван этот шаг, остается только гадать. Некоторые греческие епископы видели в этом тайную интригу Римского епископа, сам Евгений IV объяснял переезд вспыхнувшей в Ферраро эпидемией чумы. А император, объявивший предложение папы, мотивировал это тем, что у понтифика закончились средства. А потому соглашался переехать во Флоренцию, готовую дать денег для завершения работы Собора. 16 января 1439 г. состоялось последнее заседание Вселенского собрания в Ферраро, на котором составили акт о целях переезда, — все по правилам ведения Вселенских Соборов, где документировалось каждое соборное событие⁸⁵⁰.

13 января 1439 г. Иоанн VIII Палеолог вступил на улицы Флоренции, с восторгом взиравшей на «императора эллинов». Были даны театральные представления и устроен пир в его честь, а затем василевс отправился во дворец, специально приготовленный для него. Через три дня во Флоренцию прибыл Константинопольский патриарх Иосиф со всей остальной делегацией, а затем и Римский епископ. 26 февраля 1439 г. в папском дворце Собор продолжил свою работу.

Подготовленные латиняне приложили массу усилий, чтобы компенсировать поражение, нанесенное им в Ферраро при обсуждении редакции Символа Веры. Но и на этот раз их усилия оказались напрасными — св. Марк Эфесский, в одиночку стоявший *всех* восточных архиереев, не дал опровергнуть свои аргументы. Спустя несколько заседаний стало ясно, что никакой компромисс уже невозможен. Император мучительно размышлял над тем, как все-таки организовать унию, становящуюся все более и более призрачной. Как самый простой способ, он *запретил* членам византийской делегации дискутировать по спорным вопросам с латинянами, а сам начал тайные совещания в патриаршей келье с участниками Собора, надеясь найти универсальный способ не поспорить с Римом и не отвергать Православия⁸⁵¹.

Первыми помощниками василевса стали Виссарион Никейский, Исидор Московский и его протосинкелл Григорий. Наконец, император созвал всех представителей Восточной церкви и открыто заявил, что следует сделать выбор. Уния дает надежду Империи на выживание, дебаты — порождают только разъединение; нужно выбирать. Сам василевс выбрал унию, а потому *запретил* высказывать требование к латинянам убрать *Filioque* из Символа Веры. Всякого, кто ослушается его, император объявил *государственным преступником*, виновным в отсутствии лояльности к царской власти.

Дословно речь императора выглядела следующим образом: «Я являюсь защитником Церкви. Дело защитника Церкви, которое при других обстоятельствах разделяется на множество, в данном случае состоит из двух вещей: первое — хранить и защищать догматы Церкви и предоставлять свободу тем, кто хочет говорить в их пользу, дабы беспрепятственно способствовать тому, что они избирают сказать как правое учение, а также высмеивать и удерживать любящих споры и враждебным образом противоречащих. Второе — удерживать и сохранять всех наших в единомыслии, чтобы все были согласны в едином произволении и едином помышлении. В настоящее время это является моим делом как за-

щитника Церкви, поэтому я заранее сказал вам, дабы вы знали, что противоречащий, любящий споры и не подчиняющийся решению большинства, найдет со стороны моего царства гнев, насмешки и все остальное, подобающее для его стеснения и смирения, чтобы он не буйствовал, как придется, но знал свою меру и следовал большинству»⁸⁵².

Но высказанное пожелание требовало своего догматического обрамления. Василевс спросил у епископов: можно ли строить унию с латинянами на основе «Послания к Марину» св. Максима Исповедника, в котором присутствует мысль, что исхождение от Сына не имеет в виду Его как причину исхождения Святого Духа, которой остается единственно Отец. Виссарион Никейский и Исидор Московский согласились с этим предположением. Но св. Марк Эфесский был категорично против, настаивая на том, что «греческая» вера основана на древнем учении, а не на латинских «новациях». Для того чтобы понять жесткую позицию святителя, следует помнить, что св. Марк Эфесский одновременно с личным присутствием выполнял функции местоблюстителя двух патриарших кафедр — Антиохийской и Иерусалимской. И ему казалось невозможным от лица двух древних патриархий идти на компромиссы в самых существенных пунктах разногласий с латинянами⁸⁵³. Однако василевс уже принял решение.

Император публично выступил на собрании представителей Восточной церкви, и речь его была полна любви к родине и ответственности за судьбу Империи и Церкви. «Мы, святые отцы, — начал он свою речь, — уже прибыли в страну франков. И не я первым начал вести эти переговоры, но вспомните, что мой отец, покойный император, послал блаженнейшего Иоанна в Италию, чтобы начать столь великое дело. Вы все хорошо знаете моего отца, и его исключительный ум, и его деяния. Он не только был лучшим из философов, но также и тончайшим толкователем догматов Церкви. Его собеседником и союзником был патриарх Евфимий, поистине исполненный благодетелями муж, точнейший в богословии. И столь великие и выдающиеся мужи не просто думали об этом деле единения, но и начали его и стремились завершить. Но время было неподходящим. Они оставили дело соединения Церквей нам в наследство, и потому мы все наши силы употребили на это дело. С этим сознанием я и патриарх все вас собрали; и мы вместе прибыли сюда. Но вот время идет, а мы еще ничего не сделали. Не забывайте о нашем общем доме, что он в великой опасности, в кольце нечестия, а если что-то произойдет, то, думаю, страшнее этого

трудно будет что-то представить. Утверждаю, что гонения будут гораздо худшими, чем при Диоклетиане и Максимилиане. Поэтому оставим наши прения и споры, найдем какое-нибудь средство, как осуществить соединение Церквей, и этим удовольствуемся»⁸⁵⁴.

21 марта 1439 г. латиняне и византийцы собрались вместе, но среди восточных архиереев не было св. Марка Эфесского — так приказал царь, думавший о способе соединения Церквей, а не о продолжении диспута. Но даже отсутствие святителя не продвинуло дело единения ни на шаг, теперь на компромисс не желали идти католики. Недели шли за неделями, денежное содержание членам византийской делегации не выдавалось, и даже телохранители императора были вынуждены продавать оружие, чтобы прокормить себя. Денег не было даже на отъезд, и папа Евгений IV, несколько зайдя за правила этики и превысив собственные права, заявил грекам, что *никто* из них не уедет до тех пор, пока не подпишет унии.

Но, испугавшись собственной дерзости, тут же направил к императору легатов, которые убедили Иоанна VIII Палеолога в том, что основой соединения могут стать святоотеческие цитаты, приведенные во время спора. А если *впоследствии* греки пожелают переубедить латинян, то для этого открыты все возможности. Патриарх Иосиф согласился с таким предложением, и теперь он, василевс и многие греческие епископы собирались вместе, чтобы обсудить последнюю редакцию соединительного ороса, где традиционная латинская формула «Дух исходит от Отца и от Сына» была заменена почти компромиссной «Дух исходит от Отца *через* Сына».

Замечательно, что патриарх, которого все это время терзала болезнь, в эти дни стал настоящей опорой императору. Собрав епископов, архиерей произнес тихим голосом: «Единство и мир Церквей совершенно необходим и полезен для нас. Так что и нам нужно использовать некоторую икономию, чтобы это обрести. Ведь если мы сделаем некоторое снисхождение и с его помощью обретем дело, которое будет в великую помощь нам и в устроение и возрастание родины, то, услышав об этом, враги наши испугаются, убоятся и вострепещут и станут услуживать нам и искать нашей дружбы. Мы никак не обесчестим себя, если и сделаем некоторое снисхождение». Ему возражали, что в делах веры недопустимо снисхождение, на что патриарх Иосиф отвечал: «То, что снисхождение наносит некоторый ущерб, это так. Но если мы посмотрим на выгоду, которую приобретем благодаря снисхождению, то мы не найдем никакого ущерба. Ведь мы пренебрежем

лишь малой частью, а остальные части сохраним, а через нехватку обретем великое приобретение, которое будет к великой помощи и пользе нашего народа».

Сам император в это время тяжело заболел и не смог принять участия в совещаниях греческой делегации. В это время он получил от латинян составленный ими «*Эктесис*» («Изъяснение»), который передал своим епископам для ознакомления. В «*Эктесисе*» содержалась следующая объединительная формула: «Мы исповедуем, что Дух Святой превечно есть от Отца и Сына, и что Свою сущность и бытие Он имеет вместе от Отца и Сына, и от Обоих превечно исходит, как от одного начала и единого изведения. И поскольку все, что есть Отцово, Сам Отец дал в рождении Своему Единородному Сыну, кроме того, чтобы быть Отцом, то значит и исхождение Духа Святого от Сына. Сам Сын превечно имеет от Отца, от Которого Он превечно рожден»⁸⁵⁵.

Многие восточные епископы смутились, и особенно после того, как св. Марк Эфесский вновь взял слово и разгромил предлагаемую редакцию. Опять начались дебаты — уже в самом греческом лагере, и императору пришлось напомнить архиереям, что собрал их не для споров, а для подготовки ответа на латинский проект соборного определения. Наконец, составили свой вариант соединительного ороса, но тут уже латиняне отвергли его, задав 12 письменных вопросов и потребовав от византийцев ответа по ним. И опять начались вечные споры, не давшие царю главного — основания для соединения двух Церквей. Святой Марк ни при каких условиях не соглашался на латинские формулировки, утверждая, что в делах веры компромиссы невозможны⁸⁵⁶.

Началась обратная реакция: все сторонники унии посчитали, что только из-за св. Марка Эфесского не удастся договориться с латинянами. Виссарион Никейский открыто обвинил святителя в нелюбви к отечеству и ригоризме и сам же осыпал его бранными словами. Видя, что ему говорить все равно не дадут, святитель покинул зал заседаний византийской делегации, и тогда Виссарион Никейский и Исидор Московский «*протащили*» унияльную формулу. Остальные греческие епископы, убежденные их словами и цитатами, громко воскликнули анафему тем, кто не желает соединения Церквей. Радостный император сообщил об этом понтифику, и было решено подписать соборную формулу, отредактированную греками.

Но в этот момент Евгений IV проявил непростительную политическую близорукость и тщеславие, решив «выжать» из си-

туации максимально возможное. Взору изумленных византийцев открылся проект определения, в котором субботний пост, опре-сноки признавались обязательными для Восточной церкви, а при-вычная «эпиклеза» (призывание) Святого Духа во время Литургии исключалась. Это было просто *неприлично* — добиться от греков через императора множества компромиссов, а в последний момент потребовать большего, чем обсуждалось ранее⁸⁵⁷.

Вновь подключили к внезапно открывшемуся диспуту св. Марка Эфесского, и тот написал письменный трактат в защиту восточной литургической практики. Опять потянулись унылые дни, полные споров, зависти, криков и интриг. Император, совершенно разуверившийся в способности отцов Собора найти компромисс, вынужден был настоять на *немедленном* принятии латинской формулы. Ее дали подписать патриарху Иосифу, но тот, не поставив своей подписи, скончался 10 июня 1439 г. Теперь вся ответственность за содержание соборных решений легла на плечи василевса.

Не желая полностью принимать латинскую редакцию, он многократно вступал в прямые диспуты с католиками, но видел, что запас прочности его делегации уже близок к нулю. Денег не было, папа откровенно не выплачивал восточным епископам содержания, уезжать было невозможно без соединительной формулы, а Виссарион Никейский и Исидор Московский стояли за плечами василевса, убеждая царя в истинности латинских формулировок. Когда Евгений IV, почувствовавший момент перелома, сообщил Иоанну VIII Палеологу, *какие* военные средства готов выделить для помощи Византии, все сомнения царя исчезли. Он дал согласие на подписание унии в латинской редакции. Святитель Марк сидел молча, никак не комментируя события, брат императора деспот Димитрий вместе с Геннадием Схолларием и Георгием Гемистом под благовидными предложениями покинули Флоренцию, чтобы не ставить под актами свои подписи. Император остался, по существу, *в одиночестве*⁸⁵⁸.

Когда дело дошло до подписания соборного акта, выяснилось, что еще несколько греческих архиереев тайно покинули Флоренцию, а св. Марк Эфесский заявил: «Подписывать не буду, чтобы мне за это не было!» Но остальные греки 6 июля 1439 г. подписали акт, и документ был представлен папе, которого крайне разочаровало отсутствие подписи св. Марка Эфесского. Он даже потребовал от василевса наказать святителя, но тот достойно заметил, что не дело папы судить восточных архиереев, у которых есть император.

В заключительном виде текст документа включал в себя главное, чего добивались латиняне: *Filioque* и главенство папы в Кафоличе-

ской Церкви. В частности, в соборном оросе говорится: «Святая Апостольская кафедра и Римский архиерей есть преемник блаженного Петра, главы апостолов, и есть истинный местоблюститель Христов и всей Церкви глава и всех христиан отец и учитель. И ему во блаженном Петре передана Господом Иисусом Христом полная власть пастирствовать и направлять и окормлять Вселенскую Церковь». В виде компромисса латиняне опустили «чистилище», согласились с тем, что и квасной хлеб и опресноки одинаково допустимы, а также подтвердили старые права и привилегии всех патриарших кафедр, включая, разумеется, Константинопольскую⁸⁵⁹.

И вновь неожиданно для греков в последнюю минуту папа едва не сорвал унию. Когда дело дошло до утверждения соборных актов, латиняне потребовали поставить имя понтифика раньше императора. Царь напомнил, что созыв Вселенского Собора всегда являлся прерогативой Римских императоров, но папские легаты возражали, что это — первый Собор из всех Вселенских, на котором апостолик присутствовал *лично*. А потому, дескать, его имя должно быть впереди. Палеолог заметил, что, конечно, деньги на «командировку» византийцам дал папа, но без царского разрешения или приказа ни один восточный патриарх и епископ никогда не прибыл бы в Италию. Увы, папа оставался непреклонным, и императору пришлось уступить. Трудно не заметить, что за счет таких небольших, но крайне обидных для византийского сознания «побед» Римский престол *убивал* существо примирительного процесса, раздувая огонь из искры⁸⁶⁰.

Уния была заключена, и оценка ее не так однозначна, как это зачастую пытаются представить. Учтем несколько важных обстоятельств. Никоим образом унию нельзя считать *капитуляцией* византийцев перед латинянами. С точки зрения церковных полномочий права папы, задокументированные на Соборе, в действительности выглядят не столь внушительно. Хотя понтифик и признан главой Кафолической Церкви, но император назван «его сыном», что свидетельствует о сохранении традиционных полномочий Римского царя в Восточной церкви и значительно микширует главенство понтифика⁸⁶¹.

Интересный момент: когда Евгений IV предложил императору свою кандидатуру на вдовствующую Константинопольскую кафедру, царь резко возразил, что выбор столичного патриарха — не дело папы. Как уже говорилось, василевс отказал понтифику и в возможности выдачи на его суд св. Марка Эфесского. Напомним, что папа и император подписали соборные акты *сообща*, как *рав-*

ные, и они же вместе председательствовали на Соборе. Кроме того, конциляризм имел еще столько сторонников, что папа Евгений IV просто побоялся настаивать на категоричных формулировках, способных обострить вопрос между ними и Римским епископом⁸⁶².

Не все однозначно и по вопросам богословия. Хотя греки и требовали от латинян неперменного следования старым правилам и догматам, но согласились на то, чтобы опустить некоторые спорные вопросы. Равным образом поступили и латиняне. Поэтому справедливо суждение, что Ферраро-Флорентийский Собор был результатом *двустороннего компромисса*, к которому так стремился император Иоанн VIII Палеолог. И если бы не последующие трагические события, а также непоследовательность Рима в деле реализации унии, ее судьба могла быть гораздо перспективнее⁸⁶³.

Но в то же время уния являла образец компромисса не вполне адекватного: очевидно, византийцы оказались куда уступчивее, чем латиняне. Понятно, что в условиях еще не прекратившегося «Великого раскола» Западной церкви папа Евгений IV очень желал закрепить в догматах *настоящего*, как ему казалось, Вселенского Собора свое главенство. В глазах всего Запада подписи восточных епископов и Византийского императора под этим канонем казались гораздо внушительнее, чем просто латинских архиереев. Но следует помнить, что догмат о папской власти в таких широких пределах, как он был сформулирован в Ферраро-Флорентийском оросе, *не был* еще утвержден даже в самой Западной церкви. И, конечно, этот факт оказался чрезвычайно болезненным для Константинопольского патриарха и восточного клира⁸⁶⁴.

Собор наконец завершил свою работу, и все греческие епископы постепенно разъехались. Многие так и не получили обещанного содержания от папы. Василевс в этом отношении был куда благороднее. В благодарность за оказанные ему услуги и радужный прием император пожаловал Флоренции права и привилегии по продаже шерстяных изделий и тканей. Кроме того, в Константинополе флорентинцам была безвозмездно передана церковь Св. Петра и церковный дом. С тех пор в византийской столице возникла самостоятельная флорентийская колония, имевшая прямые связи с родиной и организовавшая морское сообщение Константинополь—Флоренция⁸⁶⁵.

6 сентября 1439 г. император прибыл в Венецию, а оттуда 1 февраля 1440 г. — в Константинополь. Здесь василевса ждало страшное горе — скончалась его супруга, императрица Мария, о чем царю заранее не сообщили⁸⁶⁶.

Делегацию встречали толпы константинопольцев, жадно вопрошавших о результатах Собора. Некоторые предварительные слухи уже просочились в византийскую столицу и лишь усилили любопытство и тревогу. Когда архиереи стали спускаться с корабля, их засыпали вопросами. В волнении и отчаянии они отвечали: «Мы *продали* нашу веру, променяли благочестие на нечестие, предали чистую Жертву и стали опресночниками». Их недоуменно спрашивали: «Почему?» В ответ неслось нестройное: «Мы боялись франков». «Они пытали вас? Угрожали?» — «Нет! И пусть будет отсечена моя десница, которая подписала, и вырван мой язык, который исповедал». Народ разочарованно расходился по домам.

Прошло три месяца. Сраженный горем по покойной супруге, император не обращал внимания на то, что имя папы по-прежнему не произносится на Литургии, а акты Ферраро-Флорентийского собора нигде не упоминались. Более того, некоторые священники-ортодоксы позволили себе не помянуть на Литургии имя василевса — кошунственное преступление! Но царь не желал их наказывать, думая больше о мире и порядке в Восточной церкви, чем о карах непослушных. Нужно было выбирать нового Константинопольского архиерея, и он предложил кафедру св. Марку Эфесскому; тот категорично отказался. Другие кандидаты, названные царем, также отказывались становиться патриархами, поскольку не желали принимать унию. Наконец, 4 мая 1440 г. решением василевса Константинопольским архиереем назначили *Митрофана* (1440—1443), митрополита Кизического.

Первоначально казалось, что *теперь* вопрос о реципировании Ферраро-Флорентийской унии православным сознанием будет решен безболезненно. Даже то обстоятельство, что Виссарион Никейский и Исидор Московский вскоре перешли в лоно Римско-католической церкви и приняли сан кардиналов, первоначально не произвело большого фурора на Востоке. На самом деле сам Виссарион не считал свой поступок предательством Восточной церкви. Встретив враждебность по отношению к себе после приезда из Флоренции, он, любимец греков, посчитал, что в Италии принесет пользы своей родине гораздо больше⁸⁶⁷.

Новый «Вселенский архиерей» вел себя двояко. На патриарших литургиях поминалось имя Римского епископа в присутствии множества людей, хотя Символ Веры читался без *Filioque*. Митрофан публично заявлял византийцам: «Вы должны знать, что мы, как и прежде, держимся всех церковных обычаев нашей святой веры»⁸⁶⁸.

Однако вскоре ортодоксальная оппозиция заявила о себе в полный голос. Святой Марк Эфесский разослал по всем епархиям свое Окружное послание, в котором жестко критиковал латинские догматы и сам соборный орос. Очень важно, заметим мы, что император и теперь не позволил организовать никаких гонений на противников унии. Святой Марк Эфесский свободно рассылал свои послания и громил латинян. И все попытки папы пресечь эту деятельность результата не принесли. Деятельность ортодоксов была далеко не безрезультативной. Уже несчастного Митрофана не признавали в столице: не брали благословения, отказывались сослужить ему и т.п. Василевс просил сопротивляющихся епископов и великого хартофилакса Михаила Вальсамона хотя бы поминать папу на Литургии, но те отвечали категоричным отказом; уния трещала по всем швам⁸⁶⁹.

В этом же году состоялся Собор в Иерусалиме, на котором присутствовали все патриаршие кафедры, кроме столичной. Он низложил Константинопольского патриарха Митрофана, отверг унию и обратился к императору с посланием, в котором отцы Собора просили (требовали?) прекратить церковное общение с латинянами. В виде наказания они угрожали василевсу малым отлучением от Церкви. Это была неслыханная дерзость и по отношению к царю, и к «Вселенскому» патриарху Митрофану. Объяснимая тем, что восточные патриархи не находились более во власти Византийского царя и, пребывая под защитой турок, могли позволить себе такие выходы.

Василевс требовал от епископов, находящихся в столице, анафематствовать Иерусалимский Собор, но те отмалчивались или убегали из Константинополя. На этом ресурс возможностей императора иссяк. Он мог давить сколь угодно долго на своих епископов, но его власть практически не распространялась на славянских архиереев, в первую очередь русских, сербских и болгарских, категорично отрицательно настроенных по отношению к унии. По самым скромным подсчетам, в этом случае 16 из 67 митрополичьих кафедр, принадлежащих Константинопольской церкви, немедленно ушли бы в раскол⁸⁷⁰.

Конечно, Константинопольский патриарх был сломлен морально и физически. Несчастный Митрофан умер от горя и стыда в 1443 г., а на вдовствующую кафедру был назначен *Григорий Маммас* (1443—1450), главный интриган против св. Марка Эфесского в Ферраро. Папа Евгений IV вскоре узнал о том, что греки отвергли унию, и прислал в Константинополь своих легатов. Как

подсчитали, в период с августа 1444 г. по ноябрь 1445 г. в Константинополе прошло 15 богословских диспутов с участием латинян и византийских архиереев. Основными диспутантами от латинян был епископ Бартоломео Лапаччи, от греков — Георгий Схолярый, который резко изменил свою позицию под влиянием св. Марка Эфесского и стал убежденным антиуниатом. Но даже смерть св. Марка Эфесского летом 1445 г. не изменила позиции, стороны никак не могли прийти к общему мнению по догматическим расхождениям⁸⁷¹.

Как говорят, сам император Иоанн VIII Палеолог перед смертью отказался от унии, о чем сохранились свидетельства самого св. Марка Эфесского. В своем послании некоему монаху Феофану святитель писал: «Знай, что это лжеединение уже успело благодатью и силой Божьей разрушиться, а латинский догмат, вместо того, чтобы подтвердиться этим ложным Собором, о чем всегда они старались, еще более ниспровергнут и обличен, и заклеямен, как хульный и нечестивый. А те, которые его утвердили, не смеют даже рта раскрыть в его защиту. И император, понимая это, никакого своего слова не говорит. Он открыто кается в содеянном и перекладывает вину на тех, которые, договорившись, подписали определение»⁸⁷².

Хотя многие восточные архиереи желали созвать новый Вселенский Собор, ничего из этого не получилось. Денег на Собор не было, а дебатировать с легатами мало кому хотелось. Уния постепенно *умирала*, а с ней и последние надежды на спасение Византии.



Приложение № 15

«Попытки унии Восточной и Западной церквей»

Кафолическая Церковь не могла оставаться «вселенской» на территории одной Италии или только Константинополя. И раскол христианского мира, конечно же, представлялся современникам очень болезненным явлением, требующим своего лечения. В этом отношении Византийские императоры и Римские епископы зачастую действовали солидарно. И этот процесс, крайне тонкий, изобилующий множеством привходящих обстоятельств, настолько сложен, что совершенно напрасно и неоправданно пытаться присвоить ему какую-то конкретную, раз и навсегда данную оценку. Тем более отрицательную.

Нередко полагают, что уния, будь она реализована в действительности, могла бы привести к духовному порабощению Константинопольской церкви Западом. Наподобие, как происходили события на Украине и в Белоруссии после заключения Брестской унии 1569 г. Но, во-первых, мощь византийской культуры не идет ни в какое сравнение с южнорусскими областями, находившимися к тому же под политической властью Польши. Во-вторых, уния вовсе не означала оккупации Византийской империи латинянами, как это было с православными территориями в XVI веке. В-третьих, папство в XIII веке обладало несопоставимо большими жизненными силами, чем деморализованная и раздробленная Римская церковь в условиях Реформации. Наконец, уния означала объединение военных усилий всего христианского мира против турок-османов. Безусловно, спасенная Византийская империя могла продемонстрировать и реализовать большой запас внутренних сил и реально улучшить состояние Восточной церкви.

Безмерно упрощая ситуацию, иногда говорят, что папы пытались *навязать* Восточной церкви унию. Но с того времени, как Великий раскол 1054 г. стал осознанной реальностью, практически *все* Римские цари могут быть смело отнесены к «униатам», причем униатам *инициативным*. Хотя в первые годы мы не видим привычного общения Константинопольского патриарха или вассилевса с папой, но это вполне объяснимо. Как раз в ту пору на

Западе завязалась жесточайшая борьба за инвеституру, и Римским епископам было просто не до греков. А Византия преодолевала внутренний правительственный кризис и мечтала о спасении от печенегов, турок, павликиан и норманнов.

Но едва дым военных костров развеялся и папы благословили свое детище — первый Крестовый поход, как интенсивность общения с ними Константинополя резко возросла. Алексей I Комнин уже с 1084 г. вел обширную переписку с Римом, и по его просьбе в 1091 г. архиепископ Феофилакт написал пространное сочинение в очень миролюбивом тоне, должное доказать беспочвенность утверждений о серьезных разногласиях между латинянами и ромеями. Попутно папа *Урбан II* (1088—1099) созвал в 1089 г. в г. Бари Собор с целью объединить греческие и латинские церкви Италии. Он добился признания за греками права совершать богослужение по их обрядам, но тут возникла оживленная дискуссия по поводу Символа Веры и *Filioque* — греки никак не желали признать это добавление.

Им отвечал Ансельм Кентерберийский, заверивший греков в том, что латиняне свято чтят Никейский Символ Веры, а если и добавили к нему *Filioque*, то исключительно для прояснения учительского смысла Символа. Никакой вражды между греками и латинянами на этом Соборе заметно не проявлялось, более того, по инициативе папы этнический грек Николай Паломник был причислен к лику святых Вселенской Церкви. Как заметил по этому поводу один авторитетный исследователь, очевидно, что в конце XI века ни Рим, ни Константинополь не считали раскол свершившимся фактом. «Если бы деликатность, сдержанность и терпимость папы и императора продолжали жить и в их преемниках и наследниках, все могло бы закончиться благополучно»⁸⁷³.

В течение 1-го Крестового похода отношения между крестоносцами и византийцами были довольно миролюбивыми. По крайней мере посланник папы Адемар Пийский активно разъяснял латинянам, что греческие и сирийские христиане — их братья во Христе. А в письме на имя понтифика легат прямо именовал Иерусалимского патриарха *Симеона II* (1084) *apostolicus*. Александрийская церковь, всегда состоявшая в теплых и дружеских отношениях с Римом, также не прекращала попыток примирения. По крайней мере достоверно известно, что александрийцы еще в XII веке поддерживали с Римом евхаристическое общение («*communio In sacris*»), и представители Александрийского патриарха присутствовали на Латеранском «Вселенском» Соборе 1215 г.⁸⁷⁴

Впоследствии эта идиллия несколько расстроилась, и латиняне без всякого сомнения избрали Иерусалимским патриархом западного клирика, нисколько не волнуясь о правах греков. Византийцев начали изгонять из Храма Господня и вскоре вообще лишили всех церквей возле Иерусалима. Но в 1101 г. грянуло Божье возмездие: в Святую субботу не свершилось чуда сошествия Благодатного огня. После этого король Балдуин I начал заботиться о восстановлении прав православных греков. И хотя стороны периодически обменивались памфлетами, высмеивавшими различия богослужения, в 1169 г. император Мануил I совместно с латинскими властями Иерусалима активно участвовал в восстановлении города и его святынь⁸⁷⁵.

Иоанн II Комнин открыто вступил в союз с Римским папой Иннокентием II, и догматические разногласия не помешали им объединиться против норманнов. Примечательно, что в богословском диспуте, организованном между епископом Ансельмом, послом Германского короля, и Никомедийским архиепископом Никитой, византийцы с большим пиететом относятся к Апостольской кафедре. «Мы не отрицаем за Римской церковью первенства среди пяти ее сестер — других почетных патриархатов; и мы признаем за ней право на самое почетное место на Вселенских Соборах». И дальше они поясняют, почему для них неприемлемы отдельные притязания Римского епископа. «Однако Римская церковь отделила себя от нас собственными деяниями, когда из гордости взяла на себя права монарха, которые ей не принадлежат. Как нам принимать от нее распоряжения, когда они делаются без согласования с нами и даже без нашего ведома? Если Римский первосвященник, сидя на своем величественном и славном троне, желает метать в нас молнии и, так сказать, запускать в нас папскими рескриптами, и если он хочет вершить над нами суд и управлять нами и нашими Церквями не путем совместных с нами советов, но по своей воле, что же это за братство, или даже что же это за отцовство? Мы тогда станем рабами, а не сыновьями такой Церкви, а Римская диоцеза станет тогда не благочестивой матерью своих детей, но суровой и властной правительницей рабов. Просим у вас прощения за слова о Римской церкви, потому что мы почитаем ее, как и вы»⁸⁷⁶.

В 1141 г. Иоанн II обратился к понтифику с предложением принять духовную власть над Восточной церковью при условии венчания себя императорской диадемой единой и вечно Священной Римской империи. Мануил I Комнин, также желавший, как известно, воссоединить обе части некогда единой Римской импе-

рии, в 1167 г. отправил посольство к папе Александру III с предложением созвать Вселенский Собор и окончательно решить вопрос об объединении Церквей. Небезынтересно отметить, что в ответ на предложение царя воссоздать Священную Римскую империю под главенством Византийского императора и Римского папы, Александр III направил в Константинополь своих легатов, которым недвусмысленно *запретил* поднимать вопрос о *Filioque*. Требования Апостольской кафедры касались лишь поминания папы в диптихах Восточной церкви, признание главенства понтифика в Кафолической Церкви и право кассации к нему решений по всем церковным спорам⁸⁷⁷.

И Андроник I Комнин, известный своими патриотическими настроениями, тем не менее, направил папе *Луцию II* (1144—1145) послание, в котором в обмен на поддержку обещал построить храм в Константинополе, где служба будет вестись по латинскому обряду. Об императорах династии Ангелов и говорить не приходится — они активно сотрудничали с Римом и прибегали к его помощи; к сожалению, нередко в ущерб своему государству.

Едва ли могут быть сомнения в том, что настоящий разрыв отношений между Западом и Востоком возник после 4-го Крестового похода и варварского разграбления Константинополя латинянами. Византийцы не могли простить того, что творилось в городе после его захвата западными *христианами*. Убийства крестоносцами православных священников на Кипре, *таранная* политика папы Иннокентия III, бесчинства и грабеж — все это положило решительный водораздел между византийцами и латинянами⁸⁷⁸.

Но даже после падения Константинополя в 1204 г. и взаимного резкого озлобления византийцев и латинян контакты не прервались. Император святой Иоанн III Дука Ватац в 1232 г. поручал патриарху Герману вступить в переговоры с папой Григорием IX по вопросу унии, хотя и вел переговоры довольно жестко. Император Феодор II Ласкарис также считал возможным рассмотреть вопрос о воссоединении Церквей, но исключительно на Вселенском Соборе. О Михаиле VIII Палеологе, равно как и обо всех его преемниках, говорить, конечно, не приходится — они были твердо убеждены в спасительности унии для Византии. Даже такой «*ортодоксальный*» император, как Андроник II Палеолог, вступал в переговоры с Римом по данному вопросу, хотя и безуспешно.

Безусловно, мотивация императоров была очень широкой: получение военной помощи, решение территориальных споров, нейтрализация общих врагов и просто дипломатическая игра. Ме-

нялись в зависимости от эпохи интенсивность общения и условия, на которых цари и папы были готовы пойти на унию. Но в целом глубоко ошибочно было бы объяснять желания Римских императоров восстановить церковное общение исключительно военными и узко конъюнктурными политическими соображениями.

Нельзя забывать, что Византийский царь только тогда чувствовал себя наследником престола древних Римских цезарей, когда демонстрировал *кафолическое*, всеимперское и универсальное мышление. Откажись он от статуса Вселенского царя, как моментально рухнула бы вся политическая конструкция византинизма, лелеемая целое тысячелетие. И из Римского императора такой правитель превратился бы в «царя эллинов», как его уже называли на Западе. И как защитник всей Кафолической Церкви, ее дефензор и глава, василевс не мог примириться с самим фактом схизмы — он стоял перед ним как вечный упрек не должным образом исполненных царем полномочий, врученных ему Богом.

«Идеалистическая» мотивация Римских императоров являлась плоть от плоти византийского церковного сознания. Даже в XIV и XV веках, когда гибель Империи казалась всем неизбежной, византийцы не отказывались от идеи вселенской Ойкумены, включающей в себя не только весь Восток, но и Запад. Невзирая на ненависть к франкам, венецианцам и латинским церковным обрядам, византийцы мыслили себя только в рамках единой Церкви и единого государства вместе с ними⁸⁷⁹. Например, знаменитый Нил Кавасила писал о Римском папе, что «пока папа придерживается должного устава и пребывает в истине, он сохраняет за собой первенство, которое принадлежит ему по праву. Если же он отходит от истины и отказывается вернуться к ней, он достоин осуждения». Безусловно, в этих словах сквозит излюбленная византийцами икономия и почтение к заслугам Римской кафедры. Правда, Кавасила вовсе не собирався идти навстречу папским требованиям признать себя «главами апостолов». «Петр, — писал он — не только апостол, но и глава апостолов, однако папа и не апостол (ибо апостолы рукополагали пастырей и наставников, а не других апостолов), и не глава апостолов. Петр — Вселенский учитель, папа же — всего лишь епископ Рима». В другом месте он писал: «Вопреки уверениям Римской церкви, дело вовсе не в том, что мы стремимся к превосходству и не можем согласиться на второе место после Рима. Мы никогда не оспаривали у Римской церкви первенства, и вопрос не в том, кому будет принадлежать второе место. Причина разногласий в том, что спор не был решен путем совместного обсуждения на

Вселенском Соборе, и что его не стремятся решить на основании практики отцов Церкви. Рим взял на себя роль наставника и обращается с нами, как с послушными школярами»⁸⁸⁰.

Для папы материальные мотивы также крайне редко играли довлеющую роль. Как и Византийский император, апостолик только тогда мог ощущать себя настоящим Римским епископом и преемником св. апостола Петра, когда являлся главой *всей* Церкви, а не только ее западных епархий. Едва ли папу могла заинтересовать военная помощь Византийских императоров — он прекрасно знал состояние дел в Константинополе. Как видим, мотивация обеих сторон была очень сходной, что и обусловило почти трехсотлетние попытки заключения унии.

Конечно же, идея единой, нераздельной и Кафолической Церкви, которую необходимо восстановить, все еще была жива в сердцах современников, и не только в Константинополе. Например, Сербский король *Стефан Первовенчанный* (1196—1228), желая сохранить свою независимость от Эпирского деспотата, *одновременно* обратился в Рим за подтверждением своего королевского сана и в Nikeю для получения Сербским архиепископом автокефалии. Авторитетный историк Церкви так оценивает его поведение: «С точки зрения изучения отношений между Западом и Востоком этот случай представляет уникальный интерес, показывая, насколько еще был жив первоначальный христианский инстинкт в то время и в этой части Европы, где люди мало знали и еще меньше заботились о различиях между двумя Церквами, лелея наивное убеждение, что следует поддерживать нормальные отношения с обоими великими центрами христианства. Этот же инцидент доказывает, сколь ошибочно представлять, что после прискорбного эпизода 1054 г. между двумя Церквами возникло полное разделение, или думать, что после этого все восточное христианство безвозвратно отделилось от западного. Многие пути, которые могли бы привести к взаимопониманию, все еще оставались открыты, закрылись они позднее, по мере нарастания различий в развитии»⁸⁸¹.

Другой эпизод связан с Польским королем *Ягайло* (1385—1434), которому был подвластен ряд земель с православным населением, и митрополитом Киевским *Киприаном* (1390—1406). Они в 1397 г. предложили созвать на Руси Собор для объединения Восточной и Западной церквей. Но Константинопольский патриарх *Антоний IV* (1391—1397) заявил, что такое дело подобает решать Вселенскому Собору, и не на Руси, а в Константинополе⁸⁸². Идею Киприана чуть позже повторил другой Киевский митрополит (правда,

не канонический), *Григорий Цамбалак* (1365—1419), посетивший в 1418 г. Собор в Констанце. Его торжественно встретил папа Мартин V, и они вместе обсуждали состав будущего Вселенского Собора, на котором непременно должна была участвовать вся Кафолическая Церковь, включая восточных архиереев⁸⁸³.

Еще один яркий пример — династические браки. Понятно, конечно, что зачастую политические соображения довели над религиозными. Тем не менее, существовали границы дозволенного, которые переходить никто не мог. И если царственные персоны безнаказанно для себя переходили из одной религиозной юрисдикции в другую и обратно, то, стало быть, современники не видели в том никакого признака измены своей вере. О браках Византийских императорских домов с царственными особами Германии, Италии, Венгрии и Франции уже писалось выше. Но аналогичные примеры можно встретить и у других христианских народов.

Например, дочь Киевского князя *Мстислава Владимировича* (1125—1132) *Ефросиния Мстиславовна* (1130—1186) в 16-летнем возрасте вышла замуж за Венгерского короля *Гезу II* (1141—1162). Затем, не меняя веры, она стала матерью двоих сыновей, после чего перебралась в монастырь Иоаннитов в Иерусалим. *Евфимия Владимировна* (1096—1139), дочь Великого князя Киевского *Владимира Мономаха* (1113—1125), вышла замуж за Венгерского короля *Кальмана I Книжника* (1095—1116). Однако под конец жизни она вернулась в Киев и приняла монашеский постриг. *Илона Сербская* (1131—1141) была супругой Венгерского короля *Белы II* (1131—1141) — очевидное несоответствие конфессиональной принадлежности мужа и жены.

Сербская королева св. *Елена Дечанская* (1236—1314), мать короля *Стефана Уроша II* (1282—1321), урожденная француженка и горячая католичка. Она много строила католических храмов по стране, имела широкую переписку с Римской курией, но при этом оставалась чрезвычайно популярной в народе, и Сербский архиепископ *Данило* (1271—1272) отдавал должное ее христианскому благочестию и уму. Позднее она была прославлена в Сербии как местночтимая святая. Если уж имперское мышление демонстрировали сербы и поляки, то сколь более яркими красками оно играло в «византийской» редакции⁸⁸⁴.

Другое глубоко ошибочное мнение, утвердившееся в литературе, касается якобы имевшей место быть изначально отрицательной оценки греками Римского престола их активного нежелания в *принципе* соглашаться на унию. На самом деле это, конечно, не так.

Интересный эпизод, раскрывающий состояние умов той эпохи, случился в 1334 г., когда папа Иоанн XXII направил в Константинополь легатов для ведения переговоров о воссоединении Церквей. В частном собрании патриарх Иоанн Калека решил узнать мнение своего окружения о возможности провести публичный диспут с латинянами. И один из присутствующих, знаменитый историк и философ Никифор Григора, произнес следующую фразу: «Апостол Петр заповедовал Клименту и будущим своим преемникам достопочтимого престола не то, что они захотят, но вязать то, что должно вязать, и решить то, что должно решить. Между тем они, преступив постановления и определения всех святых Соборов, сделали то, что им вздумается, пренебрегая добрым обычаем, получившим силу от царей и учителей Церкви»⁸⁸⁵.

Как видим, авторитет и особое предназначение Апостольской кафедры никто из византийцев не отрицал, ставя Римским папам и курии в вину лишь то, что те *исказили* христианское вероучение, традиции и обычаи Кафолической Церкви.

Безусловно, в XIII—XV веках авторитет Римской кафедры был очень высок на Востоке. Даже спустя четыре столетия от начала Великого раскола знаменитый богослов святой Марк Эфесский вошел в состав византийской делегации на Ферраро-Флорентийском Соборе вовсе не для того, чтобы уличать латинян в их догматических ошибках, а чтобы найти *общие точки соприкосновения* и способствовать воссоединению обеих христианских Церквей.

По прибытии на Собор св. Марк Эфесский с разрешения императора Иоанна VIII Палеолога произнес замечательную речь, в которой нет и намек на «латинскую схизму» или попытки ущемить права и авторитет Римского епископа. «Днесь всемирной радости преддверие, днесь умственные лучи Солнца мира осияли всю Вселенную. Днесь члены тела Владычного, многие годы прежде рассеянные и раздираемые, побуждаются к единению друг с другом. Ибо не может глава всех Христос Бог возглавлять разделенное тело, ибо Любовь Его не выносит того, чтобы у нас исчезла связь любви. Поэтому Бог избрал тебя, — обращается он к Римскому папе, — из священников Его первенствующего, для того, чтобы нас созвать, и воздвиг к послушанию благочестивейшего нашего царя и святейшего нашего патриарха, который, несмотря на старость и долгие болезни, нас, им пасомых, отовсюду собрал и ободрил. Ныне же ты, святейший отец, прими своих чад, издалика с Востока пришедших, обними их, давно уже разлученных и прибегающих в твои объятия. Исцели введенных в соблазн. Повели, чтобы всякое

преткновение и недоразумение, мешающее миру, было изъято из нашей среды. До каких пор, чада одного Христа и одной веры, мы будем нападать друг на друга, и разделять друг друга? Давно уже говорили о том, что дела должны быть разобраны Вселенским Собором, а теперь это желание исполнилось, и мы все наши вопросы принесли сюда»⁸⁸⁶.

Нападая на *Filioque*, святитель был далек от желания винить в искажении Символа Веры лично папу. «Думаю, что тот, кто вносит разделение и рвет свыше сотканный хитон Владычного тела, более виновен, чем распинатели и все от века нечестивцы и еретики. Но тебе возможно совершить противоположное, блаженнейший отец, если ты желаешь только одного — соединить разошедшееся, и убрать средостение раскола, и соделать дело Божественного промысла. Ты уже положил начало этому, и ты украшен светлой честью и великими дарами. Благоволи же это осуществить, ибо нет ничего более необходимого, чем то, что Бог тебе сегодня вверил. Посмотри на сплетенный венец славы и не откладывай увенчаться им»⁸⁸⁷.

В общем, униальный процесс был совершенно естественным для обеих частей Кафолической Церкви, и, более того, было бы совершенно странно, если бы Константинополь и Рим не проявляли такой инициативы.

Конечно, в тот момент времени, когда процесс объединения Церквей принял устойчивые черты, можно было вести речь именно *об унии*, а не нормальном восстановлении церковного общения в тех формах, которые были привычны в прежние века. Единой Римской империи уже не существовало, и политическая зависимость Апостольского престола от Германского императора и Французского короля (или, что точнее, его *политическая независимость* от Константинополя) кардинально меняла рисунок отношений между двумя «Вселенскими» кафедрами. Одной подписи Византийского царя под определениями папы и патриарха было уже недостаточно. Нужен был Вселенский Собор, но этот способ примирения, пусть даже косвенно ограничивающий полномочия Римского епископа, как он их для себя понимал, являлся малопривлекательным для Апостольской кафедры.

Кроме того, догматические, канонические и обрядовые разногласия настолько разделили Рим и Константинополь, что было очевидно — ни одна из сторон не сможет добиться полного отказа своего противника от привычных для него идей и богослужебной практики. Общие настроения византийцев на этот счет были известны. Десятилетия *латинского ига* навсегда истребили в визан-

тийцах желание к какому-либо объединению, и теперь западная и восточно-христианская цивилизация стали разными и даже враждебными. С другой стороны, было бы наивно полагать, что рядовые греки разбирались в тонкостях догматических и обрядовых разногласий, возникших между двумя Церквями. Правильно отмечают, что в то время речь шла о бытовом и культурном неприятии латинян со стороны византийцев и наоборот. По одному справедливому замечанию, «чем больше узнавали друг о друге восточные и западные христиане, тем менее им нравилось то, что они видели. Совместные обсуждения вопросов только ухудшали положение вещей, подчеркивая различия не только в политических взглядах и интересах, но также в церковной практике и богословии»⁸⁸⁸. Сможет ли справиться с этими противоречиями Вселенский Собор?

С другой стороны, за исключением Римской курии, сами западные народы были весьма равнодушны к вопросу о церковной унии. О Византии сложилось устойчивое мнение, что, уйдя в схизму, греки сами довели себя собственным богоотступничеством до того печального состояния, в котором пребывают. Даже сложилась легенда, будто турки до тех пор будут мучить Восточную церковь, пока та не присоединится к Апостольской кафедре⁸⁸⁹.

Следовало найти некие компромиссные варианты, позволяющие устранить наиболее значимые расхождения, акцентируя внимание на сходстве веры. Иными словами, использовать *принцип икономии* — старый и испытанный способ преодоления церковных расколов. При всех перспективах этого способа умиротворения противников он имеет ту слабую точку, что почти целиком и полностью зависим от умонстроения сторон, которыми определяется объем взаимных уступок и тональность требований.

С учетом указанных выше деталей стороны постепенно пришли к выводу о возможности созвать Вселенский Собор, который и мог бы поставить точку в спорах и разногласиях. Но тут возникло вполне прогнозируемое «но». Для Рима в его устойчивом понимании верховенства папы над Церковью Вселенский Собор и греки могли лишь подтвердить истинность *Filioque* и латинской богослужебной и канонической практики. Для византийцев же Вселенский Собор должен был стать местом свободного диспута. Разрешить это противоречие можно было исключительно за счет отдельных уступок и взаимных компромиссов, основанных на искреннем желании устранить схизму.

В идеале унии должны были заключить *равноправные стороны*, но никак не после признания греками своей «схизмы», как желали

многие понтифики. И содержание компромиссных соглашений, объем взаимных уступок и встречных обязательств — все это лежало всецело в области личных способностей и дипломатического умения каждой из сторон. А также привходящих условий: чем ближе была опасность военной угрозы для Византии, тем сговорчивее казались императоры в переговорах с Римом. Однако и папа должен был считаться с тем, что ему нельзя «передавливать» ситуацию, иначе она могла выйти из-под контроля. Поэтому и папа, и император постоянно играли и лавировали — занятное зрелище для историка дипломатии, но не для практического политика.

В этом отношении как Лионский Собор 1274 г., так и Ферраро-Флорентийский Собор 1434 г. в исполнении царей не должны становиться объектами критики. И в одном, и в другом случаях Византийские императоры сделали все, чтобы стороны остановились на приемлемых компромиссах. Другое дело, что после Соборов, и особенно Лионского, латиняне сделали все, чтобы *растоптать* эти компромиссы и договоренности. В частности, первоначально папа Григорий X не требовал от византийцев многого: только признания его примата в Церкви и права рассматривать апелляции от епископов всех частей Кафолической Церкви. Но после смерти Григория X его преемники по кафедре заметно ужесточили и расширили требования, фактически *предав* Михаила VIII Палеолога и поставив императора в очень сложное положение у себя на родине.

К сожалению, следует признать, что Византийские цари были гораздо последовательнее и *честнее* в своем стремлении объединить Церкви, чем их римские корреспонденты. Своими честлюбивыми требованиями и желанием унижить греков, подчеркнуть *второстепенное* значение их патриарха папы многократно срывали уже намечавшиеся объединительные тенденции. Так было уже после заключения Лионской унии 1274 г., когда папским легатам непременно нужно было увидеть почтение к особе понтифика от каждого византийца. Так получилось и после Ферраро-Флорентийской унии, которая таила в себе большие перспективы. Нарастающий объем требований Римской курии, *игра обязательствами*, нетерпимость и откровенная брезгливость римских легатов — все это привело к тому, что сама идея унии скоро стала непопулярной в Византии.

Интересный эпизод произошел летом 1339 г., когда в Авиньон к папе Бенедикту XII прибыли Варлаам Калабриец вместе со Стефаном Дандоло, венецианским рыцарем, имевшие поручение от

императора Андроника III Палеолога начать переговоры об унии. И хотя у них отсутствовали верительные грамоты, аудиенция у апостолика была получена, и на встрече живо обсуждался вопрос об унии. Надо отдать должное Варлааму: он откровенно заявил, что *способ силы*, каким в последнее время злоупотребляла Римская курия, не приведет к единству Кафолической Церкви. Нужно избрать способ свободного согласия и разрешить все противоречия, которых на самом деле не так много, на Вселенском Соборе, решения которого греки не смогут не принять.

Предвосхищая ссылки на Лионский Собор 1274 г., Варлаам заметил, что на том Соборе не присутствовали представители *всех* патриархатов, а послы Константинопольского архиепископа уполномочивались одним императором, «который *насилием* был приведен к унии». Не обошел вниманием Варлаам и политическую тонкость — он заметил, что идея вначале заключить с византийцами унию, а потом воевать с турками — смертельно опасна, т.к. мусульмане угрожают не только грекам, но и армянам, киприотам и самим латинянам. К сожалению, папа и его окружение «вспомнили», будто все предыдущие Вселенские Соборы включали *Filioque* в Символ Веры, а потому противоречит авторитету понтифика и Вселенских Соборов попытка ревизовать их определения⁸⁹⁰.

Надеясь достучаться до сознания понтифика, Варлаам напрямую заявил, что уния — *дело одного Римского императора*, и тот не смеет объявить о своих намерениях ни народу, ни восточному клиру, ни аристократии без реального опасения быть свергнутым. «Знайτε еще и то, — продолжал Калабриец, — что не столько разность догматов и обрядов делает вас чуждыми грекам, сколько ненависть, которую получили к вам по причине жестокости зол, которые вы им причинили и доселе еще ежедневно причиняете. И соединение не может свершиться, если не уничтожится эта ненависть через какое-либо великое благодеяние, с вашей стороны им оказанное, без чего вас не захотят даже слушать»⁸⁹¹. К сожалению, Апостольская кафедра не сочла нужным корректировать свою позицию и прислушиваться к словам правды, прозвучавшим из уст Варлаама.

Совершенно безобразное поведение Рима констатировал не только Варлаам. Одним из наиболее последовательных сторонников унии являлся, как известно, император Иоанн V Палеолог, который для спасения Византии перешел в католичество. При дворе его блистали такие замечательные интеллектуалы, сторонники унии, как, например, Димитрий Кидонис. занимавший пост ме-

садзона двора (первого министра). Но и тот был вынужден заметить в письме одному своему корреспонденту, что «послания папы полны величавости и достоинства *в самый неподходящий момент*»⁸⁹².

На время сношения между двумя центрами церковной жизни прекратились. Тема унии *эксплуатировалась* лишь в конъюнктурных целях представителями Французского королевского дома и Неаполя, где правили Анжу. Сами же Римские епископы, пребывавшие в «Авиньонском пленении», выступали только глашатаями королевской воли, не более того. Но постепенно вопрос о воссоединении Церквей вновь принял традиционную редакцию, хотя и сопровождался привходящими обстоятельствами. С одной стороны, правителей западноевропейских государств уже мало интересовала перспектива занять Константинополь в связи с резко уменьшающейся территорией Византийской империи и нарастающей турецкой экспансией. С другой, возврат в Рим из Авиньона ознаменовался жесточайшим расколом Западной церкви и появлением двух конкурирующих пап. В этой связи вопрос о воссоединении с Восточной церковью стал критерием авторитета и силы папы и антипапы⁸⁹³.

В принципе Константинополь и сейчас был готов пойти на унию с Римом, но на условиях того, что все догматические разногласия будут рассмотрены Вселенским Собором. Эта мысль часто встречается в документах той эпохи, в частности в знаменитой «Беседе императора Кантакузена с папским легатом». В 1350 г. царь встретился с послом понтифика, предлагавшего в очередной раз Восточной церкви признать примат Апостольской кафедры и ее догматы. На вопрос василевса: «Что ты хочешь?» — легат ответил: «Единства Церкви». Царь воскликнул: «Едва ли не с той поры, как на свет появился и увидел солнце, я охвачен стремлением и желанием увидеть единство Церкви. Но вы подходите к вопросу объединения не как друзья и братья, а *наставнически*, самовластно и как если бы вы были господами, заявляя, что ни мы, ни вообще кто-либо из людей не может иметь взгляды, отличные от того и противоречащие тому, что папа говорит или скажет, поскольку он является наследником Петра и говорит то же самое, что и Христос. И что мы должны выслушивать его слова, склоняя сердца и головы, как если бы они исходили от Самого Христа»⁸⁹⁴.

Кантакузен, как интеллигентный человек, тонко дал понять, что такая позиция не только переводит Восточную церковь в разряд «пасомых», но и нагло попирает традиционные полномочия Римских императоров, которым вместо соборного обсуждения под их

председательством рекомендуют склонить голову перед мнением предстоятеля Святейшего престола. Не акцентируя внимания на этом явно недипломатическом вызове царскому сану, император как ни в чем не бывало продолжал: «Нужно, чтобы состоялся Кафолический и Вселенский Собор, на который собрались бы в Константинополь архиереи, находящиеся под властью “Вселенского патриарха” — и те, которые близко. Собор, на который и папа прислал бы своих представителей, согласно с установленными издревле порядком и обыкновением. И когда они соберутся, надо любовью Всесвятого Духа и братским расположением исследовать существующие причины конфликта между вами и нами. И если так будет, я уверен, что Бог не скроет от нас Свою святую волю и истину»⁸⁹⁵.

На упрек легата о том, что Римские императоры перестали ездить к папе, Кантакузен не без достоинства ответил: «Прежние, бывшие прежде меня, императоры справедливо и не без причины, я полагаю, — и притом основательно полагаю, — не прибывали к нему. Я же ради единства Церкви не то что на лошадях или корабле — *пешком* отправился бы к нему, будь он даже на краю света». Было договорено, что Вселенский Собор состоится в ближайшие два года в Константинополе, чего, увы, не произошло⁸⁹⁶.

В 1367 г. Кантакузен, тогда уже монах Иоасаф, имел возможность вновь встретиться с папским легатом Павлом и вторично отверг идею «присоединения» Восточной церкви к Риму, настаивая на непременном созыве Вселенского Собора. К сожалению, в который раз эта идея была отвергнута, что называется, с ходу папой Урбаном V, который настаивал именно на варианте «присоединения»⁸⁹⁷.

«Великий раскол» Римской церкви, Пизанский Собор и «Вселенский» Собор в Констанце, прошедшие под лозунгом «Вселенский Собор выше папы», пробудили надежду на восстановление церковных отношений и примирения Востока и Запада. Но, во-первых, как отмечалось выше, конциляризм на Западе не смог победить Римскую курию, а, во-вторых, настрой западной богословской мысли был таков, что не только папа, но и остальные епископы считали, что грекам следует «присоединиться» к Римской церкви. Но и византийская делегация не стремилась вникнуть в существо латинской терминологии и аргументации. И уже с самого начала наиболее сведущим лицам было ясно, что едва ли намечаемый Вселенский Собор оправдает возлагаемые на него надежды⁸⁹⁸.

Помимо папской гордыни, у церковной унии имелись и другие устойчивые противники. Для столичного архиерея и клира идея Кафолической Церкви уже давно секвестрировалась до «Греческой» церкви. «Вселенский патриарх» Константинополя осознавал свое достоинство и без Запада. Понятно, что уния с Римом в любом случае требовала от него какого-то *самопожертвования*, отказа от некоторых прерогатив, которые столичные архиереи получили именно в период обострения отношений с Апостольской кафедрой или даже уже после раскола 1054 г. А этого делать очень не хотелось.

Вообще, следует отметить, что Восточная церковь также не была свободна от недостатков. Варлаам, которого напрасно упрекали в латинофильстве и грекофобии, на самом деле довольно скептически относился к обычным доктринальным идеям Римской курии о превосходстве Апостольской кафедры. И потому его оценки состояния Константинопольской церкви заслуживают внимания. И Калабриец объективно отмечал, что, в отличие от латинян, у которых в Церкви присутствует строгая дисциплина и имеется централизующее начало в лице Римского папы, у греков все подвержено многочисленным случайностям и прихотям патриарха и клира. Как следствие, на Западе Евангельская заповедь крепнет и широко распространяется по всем землям, а на Востоке осталось совсем мало богословов, искусных в слове. В массе своей народ совершенно далек от понимания существа богословских споров, и благочестие византийцев находится не на высоте. Он подытоживает: «Некогда христиане горячим и смелым исповеданием своей веры обращали в христианство даже самых жесточайших гонителей своих. Теперь же мы видим на Востоке противоположное этому явление: восточные христиане в бесчисленном множестве обращаются в магометанство». Если мы примем эту точку зрения, то становится ясным, *почему* среди Константинопольских патриархов крайне редко встречались униаты⁸⁹⁹.

Вторым противником унии выступали, конечно, Германские императоры и короли. Очевидно, при воссоединении Церквей *политическая* зависимость Римских епископов от них резко уменьшалась (пусть даже только гипотетически), если вообще могла сохраниться. А это означало полное поражение в правах самих германских государей, жаждавших сохранить за собой тот титул, который некогда получил из рук Римского епископа Карл Великий. Германцы также трепетно относились к имперской идее, собравшей некогда воедино их нацию, и совершенно не желали стать

«простыми» королями. Другое дело — попытаться подчинить Восточную церковь Римскому престолу, что *автоматически* означало бы распространение власти Германского императора на всю территорию бывшей Римской империи. Но этого никогда не позволили бы сделать Византийские василевсы. Да и сам по себе такой ход требовал тщательного расчета, поскольку приводил к войне с могущественными османами. И все же германцы, конечно, склонялись ко второму варианту развития событий, т.е. варианту *подчинения* Константинополя Риму.

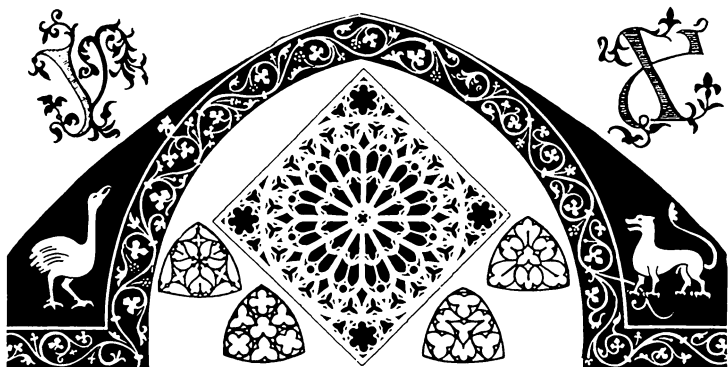
Совокупно эти обстоятельства привели к тому, что дело унии рассыпалось буквально на глазах. Постоянное наращивание объема обязательств, безумные гарантии, которые требовала Апостольская кафедра от деморализованных турецкими нападениями византийцев, отсутствие реальной военной помощи от Запада и в лучшем случае индифферентная позиция клира Восточной церкви к союзу с Римом — все это превращало в пыль любые унияльные начинания Византийских императоров.

Это было тем более печально, что никакой альтернативы в получении помощи против османов у Византии не было, в чем император Иоанн VIII Палеолог открыто признался в доверительном разговоре с восточными епископами во Флоренции. «Не я первым начал вести эти переговоры, но вспомните, что отец мой, покойный император, послал блаженнейшего Иоанна в Италию, чтобы начать столь великое дело. Вы все хорошо знаете моего отца, и его исключительный ум, и его деяния. Он не только был лучшим из философов, но также и тончайшим толкователем догматов Церкви. Его собеседником и союзником был патриарх Евфимий, поистине исполненный добродетелями муж, точнейший в богословии. И столь великие и выдающие мужи не просто думали об этом деле единения, но начали его и стремились его завершить. Но время было неподходящим. Они оставили дело соединения Церквей нам в наследство, и мы все наши силы употребили на это дело. С этим сознанием я и патриарх всех вас собрали; и мы вместе прибыли сюда. Но вот время идет, а мы еще ничего не сделали. Не забывайте о нашем общем доме, что он в великой опасности, в кольце нечестия, а если что-то произойдет, то, думаю, страшнее этого трудно себе что-либо представить. Утверждаю, что *гонения будут гораздо худшими, чем при Диоклетиане или Максимилиане*. Поэтому оставим наши прения и споры, найдем какое-нибудь средство, как осуществить соединение Церквей, и этим удовлетворимся»⁹⁰⁰. Едва ли царь был услышан...

Мероприятие, могущее стать спасительным не только для Церкви, но и самой христианской цивилизации — османы *очень боялись* соединения военных сил Византии и Запада, — все более и более теряло в цене в глазах греков и латинян. Даже самые крайние унииаты из византийцев не допускали мысли о возможности подчинения папе, тем более без соборного обсуждения догматических и обрядовых вопросов. И уже потому средний византиец изначально не доверял Собору, который потенциально мог сохранить за ним лишь *часть* богослужебной практики и традиций⁹⁰¹. Конечно, при таких условиях никакая уния не имела шансов реализоваться, несмотря на титанические усилия Византийских василевсов.

«Императоры, вступившие на путь унии, могли утешать себя старой доктриной императора-антилатинянина Феодора II Ласкариса о том, что Римский царь есть государь всех христиан и возвышается над спорящими архиереями как верховный арбитр. В действительности же уния означала союз с папой, который ставил себя выше всех царей. Это было ударом не только по ортодоксии, но и по имперской идее. Папы притязали на ту самую роль верховного арбитра, которую усвоили Византийские императоры. Флорентийская уния все же имела характер не безоговорочной капитуляции греков, но компромисса, иногда достаточно размытого. Унияты во главе с императорами сохраняли призрак независимости и призрачную надежду, что все еще можно будет обратить в свою пользу. 1453 год покончил с этими призраками, сделав призрачной саму унию»⁹⁰².





ЛХХVIII. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ КОНСТАНТИН XI ПАЛЕОЛОГ (1448—1453)

Глава 1. Последний царь великой Римской империи

Император Иоанн VIII Палеолог ненадолго пережил свою возлюбленную супругу и умер бездетным — обстоятельство, осложнившее отношения между его братьями. К тому времени их оставалось трое: Фома, Димитрий и св. Константин. Димитрий отличался нервным и вспыльчивым характером, был очень честолюбив и непостоянен в слове. Еще в 1442 г. он поднял мятеж против своего царственного брата под знаменем ортодоксии, но был разбит. После чего получил в надел Селимврию, где и проживал последние годы. Фома отличался большей терпимостью и порядочностью, но имел слабый характер. Женатый на наследнице последнего франкского герцога Ахайи Катерине Заккарии, он получил в управление апанаж из земель, принадлежавших этой семье. Фома почти не играл никакой политической роли и являлся горячим другом и сторонником своего брата св. Константина.

Наконец, третий брат, св. Константин Палеолог, родился 8 февраля 1404 г. и еще молодым человеком получил в надел Селимврию. На момент смерти царя Иоанна VIII ему исполнилось 45 лет. Это

был высокий, стройный и не лишенный красоты мужчина со строгими и правильными чертами лица. В отличие от своего царственного брата св. Константин не проявлял особого интереса к науке и богословию, хотя имел прекрасное образование, полученное еще в детстве и юности. Великодушный и терпеливый, *человек чести*, он был цельным и крайнее щепетильным при выборе средств в достижении целей. Красноречивый и умный, коммуникабельный и открытый, св. Константин был быстр в решениях и обладал незаурядными аналитическими способностями.

У царя св. Константина XI неоднократно возникали возможности покинуть отечество и поселиться на Западе, проживая дни в достатке и спокойствии. Но наш герой был храбр и отважен и не мыслил жизни без родины⁹⁰³. О нем говорили, что св. Константин умеет вызывать восхищение собой и почти абсолютное доверие. Один итальянец отзывался о нем, еще юноше, как человеке «благочестивом и возвышенного ума»⁹⁰⁴. Неудивительно, что он оставался во главе Византийской империи, когда Иоанн VIII находился в Италии на Ферраро-Флорентийском соборе. И уже тогда старший из братьев снискал уважение как хороший администратор и умелый полководец⁹⁰⁵.

Еще в марте 1428 г. св. Константин женился на *Магдалене*, племяннице царя Эпира *Карла I Токко* (1411—1429), удочерившего ее в детстве и владевшего землями в Западной Греции. После замужества девушка сменила имя на *Феодора*, как более подходящее супруге Византийского принца. И хотя она вскоре скончалась, св. Константин сумел сохранить за собой земли, переданные ей по наследству. В 1441 г. он решил вступить во второй брак — на этот раз с *Катериной*, дочерью правителя острова Лесбос Дорино Гаттилузи, генуэзца. К сожалению, через год его вторая супруга также скончалась, и вновь встал вопрос о женитьбе. Святой Константин сделал несколько попыток посватать латинских «дам света» и принцесс Трапезунда, но получал неизменный отказ — Римская империя была к тому времени настолько слаба, что никто не хотел выдавать свою дочь за «политического покойника».

Обладая смелым и решительным характером, св. Константин не желал мириться с фактом исчезновения Римской империи и решил постепенно восстановить имперские владения, начав с Греции. После ряда удачных операций и компромиссов он сумел с братом Феодором отвоевать почти весь Пелопоннес, став деспотом Мистры. В 1444 г. св. Константин предпринял ряд походов для освобождения Беотии и Аттики, но после удачных сражений в 1446 г.

потерпел поражение от войск султана Мурада II, которого призывал на помощь Афинский герцог Неррио II. Тем не менее св. Константину удалось победить герцога и обязать того признать свою вассальную зависимость от Византии. Затем он двинулся на Север, призывая греков подняться за свою свободу, возбудил благородные чувства у фессалийских валахов и албанцев и занял Цейтун, Лидорику и многие другие местности. Летом 1444 г. султан был вынужден заключить со св. Константином договор, согласно которому Византийскому принцу отошли Сербия, Герцеговина и Валахия. Этот громкий успех мог иметь большие последствия, но вскоре Крестовый поход, оказавший такое серьезное влияние на расстановку сил, закончился для христиан страшным поражением — об этом писалось выше⁹⁰⁶.

Помимо неудач латинян, успехам св. Константина Палеолога сильно препятствовали постоянные размолвки с братом Димитрием. Однажды едва не дошло до открытого столкновения, но император Иоанн VIII сумел примирить братьев, вызвал св. Константина в Константинополь, а Димитрию отдал Селимврию.

В день смерти императора Иоанна VIII св. Константин находился в Мистре, Фома — в Константинополе, а Димитрий — в Селимврии. Димитрий и св. Константин *одновременно* предъявили права на власть, но все решили два обстоятельства: Фома Палеолог, ставший на сторону св. Константина, и бывшая императрица Елена, ныне монахиня св. Ипомония, к которой по сложившейся правовой традиции перешли права на царство. И она без раздумий передала власть старшему сыну св. Константину. Общественное мнение поддержало ее. Димитрий не стал упорствовать и признал власть старшего брата, а султан Мурад II, к которому было отправлено специальное посольство, благосклонно *разрешил* св. Константину принять власть. Два высших имперских сановника — Алексей Ласкарис Филантропин и Мануил Палеолог Иагрос отправились в Мистру, где 6 января 1449 г. местный митрополит короновал **св. Константина XI Палеолога** царским венцом.

Это был *единственный* случай, когда коронация совершилась не Константинопольским патриархом, а местным архиереем, к тому же не в столице, а на периферии. Объяснение заключается в том, что «Вселенский патриарх» Георгий Маммас подвергся бойкоту со стороны большинства священства столицы, да и обстоятельства вынуждали провести венчание на царство в максимально короткие сроки, дабы Димитрий не соблазнился на новое волнение. Оскудение казны было таково, что у императора не хватило средств

для проезда в Константинополь. Пришлось сквозь стыд просить каталонцев и на их судне добираться в столицу⁹⁰⁷.

Видимо, св. Константин XI был давно известен своими добродетелями, поскольку его въезд в «Новый Рим» 12 марта 1449 г. был встречен радостными криками константинопольцев. В торжественной обстановке оба брата царя Димитрий и Фома присягнули ему на верность и были назначены деспотами Мореи, куда тотчас и убыли. После этого св. Константин XI мог считаться полновластным императором Византии⁹⁰⁸.

Надо сказать, василевса откровенно беспокоило существенное отклонение от древней традиции венчания на царство. Но едва ли св. Константин XI желал повторить венчание: его склонность к унии с Римом никогда не являлась тайной, но патриарх Георгий Маммас, убежденный униат, в таком случае непременно потребовал бы от царя латинской редакции Символа Веры в письменном виде, чего василевс делать никак не хотел. Едва ли могут быть сомнения в том, что такой поворот вызвал бы крайне негативную реакцию константинопольцев. Поэтому св. Константин XI удовлетворился *«полутрадицией»*, если можно так выразиться. Не случайно его враги из лагеря ортодоксов впоследствии говорили, что в Константинополе нет ни законного императора, ни легитимного патриарха⁹⁰⁹.

В отличие от своего покойного брата-императора св. Константин XI вовсе не считал дело Империи безнадежно проигранным. А потому деятельно взялся за разрешение двух самых насущных проблем — спасения Византии и преодоления церковного раскола, обусловленного разной оценкой Ферраро-Флорентийской унии. Чтобы не вызывать кривотолков, василевс разумно начал формировать правительство из представителей *обеих* партий. Иоанн Кантакузен, близкий друг и товарищ царя, активный сторонник унии, был назначен стратопедархом. Адмирал флота мегадука Лука Нотарас, мягкий антиуниат, стал первым министром двора. Великий логофет Метохит, протостратор Димитрий Кантакузен и Георгий Франдзис целиком полагались на решение василевса, будучи готовыми поддержать его позицию. Недовольным остался только Константинопольский патриарх Георгий Маммас, считавший, что император недостаточно активно поддерживает его. Терзаемый честолюбием и обидой, он покинул столицу и в августе 1451 г. отправился в Рим, где нашел убежище у папы *Николая V* (1447—1455). Там он начал широкую контрпропаганду, заявляя, что в действительности император является категоричным противником унии, — явная ложь⁹¹⁰.

Тем временем произошло событие, резко изменившее ход истории и предопределившее грядущую катастрофу, — 2 февраля 1451 г. от инсульта скончался Османский султан Мурад II. Новым правителем османов стал его сын 19-летний *Мехмед II* (1451—1481), родившийся 30 марта 1432 г. Детство Мехмеда II было безрадостным. Он был рожден простой наложницей-турчанкой, и отец мало обращал внимания на младшего сына. Впрочем, по другой версии, его мать была рабыней с Запада, возможно, сербиянкой или македонянкой. В любом случае, как утверждают, она являлась христианкой⁹¹¹.

Отец откровенно не любил сына, но в 11 лет Мехмед внезапно для себя и окружающих стал наследником престола — оба его старших брата умерли. Мурад II призвал Мехмеда во дворец и, обнаружив, что мальчик совершенно необразован, нехотя приказал нанять для него лучших учителей. В результате Мехмед получил прекрасное образование, изучил греческую и турецкую литературу, овладел греческим, арабским, латинским, персидским и древнееврейским языками и стал настоящим *фанатиком ислама*. Хотя отец по-прежнему недолюбливал сына, в последние годы их часто видели вместе: Мурад II явственно передавал бразды правления Османской империей Мехмеду II.

Надо сказать, первоначально очень немногие поняли, *какую* опасность представляет собой этот царственный юноша. Мусульманин до мозга костей, ненавидевший всех христиан, честолюбивый и безжалостный, этакий «европейски образованный азиат», Мехмед II не знал никаких нравственных преград для достижения поставленных целей. Правда, вдову отца, сербскую царевну Мару, он отпустил на родину, наделив богатыми подарками. Невысокого роста, красивой наружности и крепкого телосложения, с пронзительным взглядом, тонкими бровями и носом, он производил сильное впечатление на собеседников. Пожалуй, единственной пагубной чертой Мехмеда II являлось пьянство, он был прирожденным алкоголиком. Чрезвычайно закрытый и недоверчивый, султан Мехмед II никогда не позволял никому приникнуть в свои мысли. Этот человек был способен на многое, но это понял, наверное, в тот момент только император св. Константин XI⁹¹².

Еще с юных лет Мехмед увлекся историческими образами завоевателей мира. Особенно привлекательным для него являлся Александр Македонский, который по странному стечению обстоятельств в персидском и турецком эпосах превратился в героя-

мусульманина. И Мехмед в душе *идентифицировал* себя с Александром Македонским, лелея мечту стать героем, воителем-гази, обязанным по воле Аллаха завоевать весь мир. Только если Александр Македонский шел с Запада на Восток, то Мехмед должен был совершить свой путь с Востока на Запад. На средоточии его мечты лежал Константинополь — ключ к дальнейшим завоеваниям и живое напоминание о том, что кроме самого Мехмеда есть на свете и другая сила, с которой следует считаться. Сила пусть и не военная, но *культурная*, древняя, по сравнению с которой все и вся оказываются в лучшем случае на втором месте. Авторым Мехмед II быть не желал⁹¹³.

Почти все европейские правители и правительства не восприняли всерьез юного Мехмеда II. Трапезундский император *Иоанн IV* (1447—1458) был откровенно счастлив смерти Мурада II. Европейские послы при султанском дворе наперебой рассказывали друг другу, насколько неуверенно вел себя новый Османский владыка в период временной добровольной отставки отца до битвы при Варне. И, казалось, действительность оправдывала их ожидания. Все лето Мехмед II принимал послов, демонстрируя невиданное миролюбие. Венецианцам он даровал мирный договор, венграм подарил 3 года перемирия, рыцарей Родоса, господаря Валахии, властителя Лесбоса и правителя Хиоса заверил в доброй воле. Даже послам императора св. Константина XI султан заявил, что никогда не посягнет на Константинополь и территориальную целостность Византийской империи и пообещал отдать 3 тысячи монет из дохода некоторых греческих городов Нижней Струмы. Знаменитая Афонская гора получила такие же уверения в неприкосновенности и сохранении монашеской автономии. Западная Европа, не забывшая еще позора Никополя и Варны, старательно уверила себя, что новый султан — хранитель мира, а потому волноваться не стоит.

Но Византийский царь не дал себя обмануть. Император полагал, что в душе покойный султан Мурад II был, как ни странно это звучит, миролюбивым и спокойным человеком. «Он всегда соблюдал договоры с христианами, крепленные священной клятвой. Гнев его был краток и скоро проходил. Он отвратился от войны и предпочел мир, и по этой причине Отец мира послал ему в награду мирную кончину, и жизнь его не прервал удар меча»⁹¹⁴.

Василевс быстро понял, *что* творится в душе Мехмеда II. Под маской миролюбия он обнаружил жадное стремление юного султана подчинить себе весь мир, и предпринял первые предупредительные шаги. Уже летом 1451 г. царь направил в Европу своего

посла Андроника Вриенния Леонтариса с поручением на вербовать в византийскую армию знаменитых критских лучников. Затем посол отправился в Рим к папе Николаю V. Святой Константин XI предоставил папе выписку из постановления собрания восточных архиереев, где выражались сомнения в возможности исполнения унияльных обязательств. Ввиду крайнего нежелания греков присоединяться к Ферраро-Флорентийскому оросу, клирики предлагали созвать еще один Вселенский Собор, но уже в Константинополе. Таким способом император загодя рассчитывал завоевать доверие и расположение нового понтифика, чтобы следующим шагом попросить его о военной помощи Византии.

Возможно, при иных обстоятельствах просьба могла бы быть рассмотрена более благосклонно. Но в Риме как раз пребывал Георгий Маммас, уехавший из Константинополя в августе 1451 г. Его рассказы о «лживом» василевсе убедили папу только в том, что Византийское правительство *сознательно* обманывает Римскую курию и не исполняет свои обязательства. Он ответил императору в том духе, что тому следует предпринять более жесткие меры к «схизматикам», отрицавшим Ферраро-Флорентийский Собор, и присылать их в Рим на перевоспитание. «Если вы с вашими знатными людьми и народом Константинополя, — закончил апостолик свое письмо, — примете акт об унии, то найдете в нашем лице и лице наших досточтимых братьев, кардиналов святой Римской церкви, тех, кто всегда будет поддерживать вашу честь и вашу Империю. Но если вы и ваш народ откажется принять этот акт, вы принудите нас прибегнуть к таким мерам, какие мы сочтем необходимыми для вашего спасения и сохранения вашей чести». Удивительный по своей бестактности и политической близорукости *ультиматум*, ставящий точку на всех возможных компромиссах. Не случайно такой взвешенный и вдумчивый человек, как первый министр Лука Нотарос, в сердцах сказал после этой бестактности, что предпочитает турецкий тюрбан кардинальской шапке⁹¹⁵.

Были сделаны попытки напрямую обратиться к европейским дворам, но безуспешно. Германский император *Фридрих III Габсбург* (1452—1493) думал только о своей коронации, Англия и Франция отходили от опустошительной Столетней войны. Неаполитанский король *Альфонс V Арагонский* (1416—1458) заявил о своем желании выступить в поход на неверных, но при этом открыто заявлял, что сделает это в обмен на достоинство императора Константинополя. Трапезундская империя едва сдерживала свои границы от посто-

янных набегов османов, Венеция и Генуя не собирались воевать с Мехмедом II. Круг замкнулся.

В это время сановник императора, деятельный Георгий Сфрандзи, придумал блестящий ход, едва не позволивший обеспечить мир с османами. Он предложил императору жениться на вдове покойного Мурада II сербиянке Маре, еще привлекательной и очень богатой женщине, обладавшей громадным авторитетом у турок и имевшей широкие связи и влияние при султанском дворце. Святой Константин XI долго сомневался, спрашивал мнение друзей и сановников, а потом дал свое согласие, хотя и без особой охоты. Но султанша сама ответила отказом, уведомив, что после смерти мужа решила вести благочестивую жизнь и дала обет никогда не выходить замуж⁹¹⁶. Императору пришлось остаться холостяком до конца своих дней. Наследника у него также не было.

Мирные дни завершились очень быстро. Уже осенью 1451 г. Мехмед II наглядно показал Караманскому эмиру *Ибрагим-бею* (1424—1463), что не является «мальчиком для битья». Тот по наивности решил поднять мятеж против нового султана османов и привлек к нему правителей недавно завоеванных турками эмиратов Айдына, Гермияна и Ментеше. Сообща они отправили Мехмеду II требование вернуть им их земли, а в это же время вторглись на земли Османской империи. Однако тот быстро подавил мятеж, а попутно без лишних слов прекратил брожения в полках янычаров, недовольных правлением «мальчишки». После чего без тени смущения или скорби приказал умертвить последнего сына своего покойного отца — малолетнего Ахмеда.

Европейски образованный деспот и хладнокровный убийца, садист и бисексуал, никогда не прощавший обиды, но в то же время благочестивый мусульманин, Мехмед II не позволял допустить даже тени опасности для своей власти. Именно при нем был издан закон о престолонаследии следующего содержания. «Кто бы из моих братьев ни наследовал трон, ему надлежит убить своих братьев в интересах порядка в мире. Большинство юристов одобрило эту процедуру. Действовать следует соответственно». Кстати сказать, этот закон, исполнявшийся безукоризненно, достиг своего апогея в конце XVI века, когда из султанского дворца вынесли 19 гробов (!) с телами убитых царевичей, братьев *Мехмеда III* (1595—1603)⁹¹⁷.

Узнав о начале мятежа и полагая, будто Мехмед II справится с ним нескоро, император св. Константин XI ошибочно решил чуть-чуть улучшить положение своей Империи, выторговав у султана в трудную для него минуту некоторые поблажки. Византий-

ские послы явились к Мехмеду II, когда тот был в Малой Азии, и напомнили, что, во-первых, обещанных 3 тысяч монет никто Византии еще не передал, а, во-вторых, что в Константинополе проживает *потенциальный наследник* османского престола принц *Орхан*, сын покойного султана Сулеймана. Более чем прозрачный намек! В ответ султан только холодно заметил, что подумает над этим предложением позднее. Но для себя сделал окончательный вывод и воспринял визит византийских послов как повод для расторжения мирного договора⁹¹⁸.

Покончив с азиатскими мятежниками, Мехмед II направился с войском в Адрианополь, свою столицу, но решил прибыть туда не морским путем, а сушей. Нимало не заботясь тем, что европейское побережье Босфора принадлежало Византии, он высадился именно там, даже не подумав принести объяснения или извинения. А вернувшись в Адрианополь, первым делом выслал всех греков из городов Нижней Струмы с конфискацией всего имущества. Зимой 1451 г. султан своим приказом потребовал от правителей провинций собрать к весне 1 тысячу самых искусных строителей и необходимое количество чернорабочих. А с окончанием зимы его топографы и рабочие начали строительство крепости в самой узкой части Босфора, разобрав на строительный камень расположенные поблизости христианские храмы и монастыри.

Откровенные действия султана вызвали вполне объяснимую тревогу в Константинополе, император понял, что Мехмед II фактически начал подготовку к войне. Василевс срочно направил к нему посольство с мягким напоминанием о том, что даже султан Баязед спрашивал согласие Римского царя, когда начал строительство крепости Анадолухисар на азиатском побережье Босфора. Османский государь успокоил их, убеждая, что не намерен нападать на Византию, но желает соединить между собой два материка, на которых расположены его владения, Европу и Азию. Поскольку же это его земля (здесь султан явно слукавил), то он и волен делать на ней все, что захочет. И не дело греков вмешиваться в турецкие дела. Пришлось сделать вид, что объяснения приняты, и возвращаться назад⁹¹⁹. В заключение султан произнес в несвойственной ему откровенной манере: «Уходите и скажите своему императору, что нынешний султан не похож на своих предшественников. То, чего они желали достичь, он может совершить быстро и с легкостью; он делает и то, чего они делать не желали. Если кто-нибудь явится сюда еще раз с подобной миссией, с него сживо сдерут кожу»⁹²⁰.

Конечно, св. Константин XI был разочарован и разгневан одновременно. В отчаянии император приказал арестовать всех турок, проживавших в столице, но затем понял всю бессмысленность этого поступка и приказал отпустить арестованных. В июне 1452 г. он вновь направил посольство к султану, но тот без долгих разговоров приказал бросить послов в тюрьму, а потом обезглавил их. Как видно, Мехмед II старался *всегда* выполнять свои обещания. Это было настоящим объявлением войны, которая стала неизбежной⁹²¹.

Крепость, построенная к 31 августа 1452 г., носила зловещее название «*Богаз-кесен*» — «Перерезающая горло», что можно было понять в прямом и переносном смысле. Сразу после этого Мехмед II объявил, что любой корабль, прошедший мимо крепости в Константинополь без разрешения османских властей, будет потоплен. Два венецианских корабля, двигавшихся со стороны Черного моря, пропустили эту угрозу, но третий корабль, попытавшийся в ноябре последовать данному примеру, был действительно потоплен. Его команда пленена и обезглавлена, а капитан судна Антонио Рица посажен на кол⁹²².

Это событие вызвало панику в Европе и Константинополе. Венецианцы поняли, что ближайшей целью османов является византийская столица, а за ней могут пострадать венецианские колонии в Греции. Подавляющим большинством голосов Совет Республики решил оказать Византии помощь, но на самом деле это было пустое пожелание. Венеция категорически не желала объединяться с Генуей, Римский папа до сих пор не рассчитался с ней за суда, поставленные еще в 1444 г., о чем венецианцы при каждом случае напоминали понтифику, остальные европейские державы были также не готовы к войне. В результате венецианским военачальникам дали довольно двусмысленные инструкции: защищать христиан от нападений мусульман, но при этом не провоцировать османов и не нападать на них. Как хочешь, так и понимай. Генуэзцы оказались в сходной ситуации.

И лишь Римский епископ Николай V встревожился всерьез. Когда к нему явился Фридрих III Габсбург, чтобы короноваться императорской короной, папа заставил того направить султану жесткий ультиматум. Правда, за этим требованием также ничего не стояло: Германский император не имел ни сил, ни желания воевать с османами. Несколько большую активность продемонстрировал Неаполитанский король Альфонс Арагонский, направивший в Эгейское море 10 судов, снаряжение которых оплатила папская

казна. Но затем он вступил в войну с Франческо Сфорца, правителем Милана, и отозвал свою флотилию назад. В других местах послы папы также не получили никакого удовлетворительного ответа⁹²³.

Однако апостолик не опустил руки. По просьбе императора св. Константина XI в мае 1452 г. бывший митрополит Московский и всея Руси Исидор, изгнанный из Руси и нашедший приют в Риме, ныне кардинал Римской церкви, был направлен Николаем V в Константинополь в качестве папского легата. По пути он, исполняя папское поручение, нанял за деньги Римской курии 200 лучников в Неаполе и в ноябре того же года под восторженные крики византийцев прибыл в Константинополь. Таким способом Рим наглядно и *искренне* продемонстрировал грекам свое желание выполнить обязательства по Ферраро-Флорентийской унии⁹²⁴.

Хотя сам император не был большим сторонником унии, но как здравомыслящий политик понимал всю бесперспективность войны с османами *в одиночестве*. Кроме того, царь полагал, что догматические расхождения на самом деле могут быть сняты с течением времени, поскольку не носят существенного характера. Поэтому василевс, конечно, ухватился за шанс связаться с Римом и обеспечить своему государству помощь Запада. Используя выпавшую возможность, он тут же приказал созвать специальные комитеты городского населения и знати. Рядовые византийцы воодушевленно высказались за соблюдение условий унии, но аристократы заняли компромиссную позицию — папу поминать в диптихах, но в остальном принятие унии приостановить. Ситуация осложнялась тем, что в это время Константинополь остался без первоиерарха. И вместо патриарха Георгия Маммаса новым духовным лидером, хотя и неформальным, стал непримиримый ортодокс *Геннадий Схоларий*. Светским сановником он присутствовал в Ферраро и во Флоренции, а по возвращении принял монашеский постриг и возглавил антиуниатскую партию. Правда, прибытие вооруженных латинян поколебало и его. Он удалился в келью, из которой, впрочем, периодически вещал против Рима⁹²⁵.

Его перу принадлежало известное антиуниатское окружное послание, инициированное столичными монахами. «О, жалкие ромеи! Зачем вы блуждаете, зачем потеряли надежду на Бога и стали надеяться на силу франков? Вместе с Константинополем, в котором скоро все будет разрушено, теряете вы и свое благочестие. Помилуй меня, Господи! Свидетельствую перед лицом Твоим, что неповинен я в этом грехе. Ромеи, знаете ли вы, что делаете? Вас

скоро постигнет плен, а вы потеряли унаследованное от отцов благочестие и исповедуете нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд Божий!» Сторонники Схоллария, почти все из монашествующих, разошлись с его посланием по городу, анафематствовали Ферраро-Флорентийский Собор и кричали: «Мы не нуждаемся в помощи латинян! Да изыдет от нас богослужение азимитов!»⁹²⁶

Говоря об унии и кругах, традиционно выступавших против нее и за союз с Римом, нельзя обойти стороной ту особенность византийского сознания, которая пробудилась в конце XIV века. Как говорилось ранее, уже во времена императора Феодора II Ласкариса наблюдается тот культурный феномен, что Византия, постоянно уменьшавшаяся в границах, постепенно начинает утрачивать присущую ей римскую имперскую идею. Римский универсализм заменяется эллинизмом. Еще при Комнинах аристократия стремилась *эллинизировать* свой язык. Теперь же, когда Империя умирала и василевс переставал быть в действительности главой *всего* христианского мира, в контексте зарождающегося Возрождения обнаруживается резкий интерес к классической греческой литературе и философии. Говоря объективно, царь теперь действительно являлся *государем греков*, которые монопольно проживали на последних остатках Византийской империи. Спасения от турок искали уже не в единстве Кафолической Церкви и не в имперском универсализме, а в возвращении к своим национальным истокам. По справедливости, певцом этого направления можно считать Георгия Плифона, совершенно равнодушного к Константинополю, но мечтавшего восстановить Грецию, Элладу, начав с отвоевания Пелопоннеса. «Мы эллины по культуре и по нации», — заявил он императору св. Мануилу Палеологу, которому адресовал свой известный трактат. Плифон настолько увлекся древней культурой, что откровенно считал христианство *ложным путем*, ведущим его соотечественников к гибели. Его идеи нашли некоторый отклик в аристократических кругах, что сказалось и на вопросе принятия или отвержения унии.

В массе своей рядовые ромеи и монахи, «черные стражи благочестия», были совершенно равнодушны к новым культурным изыскам. Напротив, в аристократических кругах идея унии, или, точнее говоря, военной помощи Запада, взятая в прагматичном аспекте, превалировала над богословскими расхождениями. Там собралось много эллинизированных интеллектуалов, для которых эти вопросы не значили ничего. Но для общей массы греков сам по себе факт поддержки унии со стороны лиц, склонных за-

быть Православие и променять его на языческие традиции, был очень красноречив. Безусловно, эта связка «уния-аристократия-неоязычество», в действительности очень слабая, нередко едва призрачная, но тем не менее существовавшая, придавала факту переговоров с Римом некий демонический оттенок⁹²⁷.

Возможно, быстрая помощь Запада позволила бы изменить эту оценку. Но никаких солдат и денег больше не поступало, а некоторые римские легаты, к сожалению, вели себя чрезвычайно дерзко. Особенно выделялся архиепископ Леонард Хиосский, откровенно *презиравший* византийцев. Он потребовал от императора арестовать оппозицию и отдать ее представителей под суд. Разумеется, св. Константин XI и не думал так поступать. 15 ноября 1452 г. он вновь собрал синод и предложил 15 епископам-ортодоксам письменно изложить свои возражения на унию. Василевс надеялся, что таких замечаний будет немного, и при разумном диспуте они могут быть разрешены.

Потопление османами венецианского судна в ноябре того же года вызвало новый взрыв паники в византийской столице. Вновь сторонники унии заняли довлеющие позиции и 12 декабря 1452 г. в храме Святой Софии была даже отслужена совместная Литургия с участием папских легатов, императора св. Константина XI Палеолога и всего царского двора. Естественно, имя папы Николая V было торжественно помянуто на службе. Хотя по всему городу бродили монахи и монашки, призывно крича: «Мы не желаем помощи от латинян! Нам не нужен союз с ними! Избавимся от почитания опресноков!» — это была большая *дипломатическая победа* императора⁹²⁸.

Открытое провозглашение унии дало новый положительный импульс для добрых отношений Запада с Востоком. К сожалению, военная помощь так и не поступала, а папские легаты вели себя все более и более вызывающе. Уже упоминавшийся архиепископ Леонард пренебрежительно отмечал, что, по его мнению, сам император св. Константин XI является притворщиком и на самом деле не желает унии. Можно представить, *каким тоном* он разговаривал с другими византийцами и какие послания направлял в Рим! Очень мешал и Геннадий Схоларий, которого император даже попытался нейтрализовать скромным и тактичным кардиналом Исидором. Царь едва не поставил того Константинопольским патриархом, но не решился, зная настроения в народе. В целом уния имела многие шансы на осуществление, если бы действия императора были подкреплены войсками с Запада. Но в отсут-

ствие помощи наступило скорое разочарование, и многие рядовые византийцы старались избегать посещения храма Святой Софии, «запятнанного» унией, и приходили лишь в те церкви, где служили священники-ортодоксы⁹²⁹.

В эту тяжелую минуту очень помог кардинал Исидор. Сам этнический грек, он прекрасно понимал тяжелое положение императора, а потому направлял в Рим оптимистичные отчеты. Исидор справедливо рассудил, что в деле объединения Церквей нужно надеяться на Бога, а не на административные меры, на которые была скоро Римская курия. И действительно, его позиция много способствовала реальному ожиданию помощи от Запада⁹³⁰.

Пока в Константинополе шли горячие, но *пустые* дебаты, а Рим судорожно искал источник помощи гибнущей Византии, султан Мехмед II тщательно обдумывал план военной кампании следующего года. По обыкновению, ни один человек не знал наверняка, о чем думает повелитель османов, долгими зимними вечерами расхаживавший по своему дворцу в Адрианополе. Иногда по ночам он выходил в город, стараясь остаться незаметным. И если кто-то узнавал его, султан своей рукой убивал такого несчастного, находя в этом *наслаждение*. И даже близкая охрана ни разу не слышала от него ни одного слова, позволяющего догадаться о думах Мехмеда II. Лишь однажды он проговорился, вскричав своему визирю, сделавшему ему роскошный подарок: «Есть только одна вещь, которую я хочу. Дайте мне Константинополь!»⁹³¹

Наконец, в конце января 1453 г. султан созвал своих визирей. В длинной речи он напомнил собеседникам о славных победах предков и особо отметил, что *никогда* Османская империя не будет чувствовать себя в безопасности, пока Константинополь принадлежит византийцам. «Этот город находится в самом сердце нашего царства, он удобно расположен и на суше и на море и он с самого начала доставлял нам хлопоты и затевал войны, доставляет их и теперь, вмешивается в наши дела, подкарауливает нас в беде и причиняет вред. Кто не знает, что Константинополь обратил против нас весь Запад. И христианам удалось бы победить нас, если бы не воинское искусство, опыт и отвага Баязеда, который помешал им, разрушил их замыслы и нанес им сокрушительное поражение. Дело ясное, — этот город не успокоился и никогда не успокоится, будет сопротивляться нам, не прекратит войну и смуты до тех пор, пока мы терпим его, не уничтожим или не покорим своей власти»⁹³².

Да, продолжал Мехмед II, осада потребует значительных расходов, но они окупятся в быстрое время. Кроме того, византий-

цы слабы и осада не представит большой опасности для османов. К тому же разве можно исключить, что, пока османы думают, кто-то более сильный захватит Константинополь? Безусловно, стены и укрепления византийской столицы кажутся неприступными. Но в действительности их разрушит турецкая артиллерия. Нужно пользоваться моментом, пока помощь со стороны Запада действительно не поступила грекам. Сейчас — или никогда! Присутствовавшие были поражены энтузиазмом и зрелостью мыслей молодого султана. Естественно, никаких возражений не последовало, и визири единодушно провозгласили войну с Византией⁹³³.

Как только решение о войне было принято, султан тут же отдал приказ армии Караджа-бея осуществить нападение на города Селимврию, Перинфос и другие населенные пункты греков на побережье Мраморного и Черного морей. Таким способом Мехмед II попытался *изолировать* императора от его братьев в Морее, которые могли прийти к нему на помощь. И результат оправдал ожидания — города были взяты штурмом, а их укрепления снесены.

Все еще надеясь на некоторую отсрочку, император св. Константин XI направил к Мехмеду II послание, в котором звучат смирение и вызов одновременно. «Если ты, — говорилось в нем, — предпочитаешь миру войну и ни клятвы мои, ни мольбы не в силах вернуть тебя к миру, то да будет на то твоя воля. Прибежище мое — в Господе. Если Им предначертано, что Константинополь окажется в твоих руках, кто сможет спорить с Ним или предотвратить это? Если Он поселит в твоём сердце мысль о мире, я встречу это с радостью. Что касается нынешних дел, то ты нарушил договоры, верность которым я поклялся соблюдать — и да будут они расторгнуты. Впредь я буду держать городские ворота закрытыми. Я буду сражаться за его жителей со всей силой, на какую способен. Действуй и впредь со своей мощью, пока судия Праведный не вынесет приговор каждому из нас»⁹³⁴.

В марте 1453 г. турецкий флот стал стягиваться к Галлиполи. Было собрано более 130 судов различного вида, командование над которыми поручили *Сулейману Балтолгу*, этническому болгарину, перешедшему в ислам и начавшему служить туркам. Турецкий флот курсировал в Мраморном море, а сухопутная армия сосредотачивалась во Фракии. Всю зиму по приказу султана оружейники изготавливали оружие, метательные снаряды и стенобитные орудия. Для похода на Константинополь были призваны в армию *все* взрослые мужчины. На границах оставались лишь заградительные отряды, а в городах — караульные службы, необходимые для поддержания

порядка. Как говорят, всего в рядах турецкой армии насчитывалось как минимум до 150 тысяч человек — громадная сила! Наиболее боеспособные части составляли янычары, примирившиеся с нелюбимым ими султаном после того, как узнали, что идут воевать с «неверными»⁹³⁵. Помимо них, присутствовали отряды из подвластных султану христианских государств — славян и валахов⁹³⁶.

Однако главную опасность представляла *артиллерия*, которая появилась в армии Мехмеда II в громадном количестве — по тем понятиям, конечно. Здесь султану помог счастливый случай. Летом 1452 г. в Константинополь заглянул некий венгр Урбан, инженер, предложивший императору св. Константину XI свои услуги. Но сумма вознаграждения, запрошенная конструктором артиллерии, была совершенно непосильна для Византийского царя, да и многие компоненты, необходимые для изготовления суперпушки, в столице отсутствовали. Тогда венгр направился к Мехмеду II, тут же увеличившему размер просимого вознаграждения в 4 раза⁹³⁷.

За это Урбан в течение 3 месяцев изготовил страшное по размерам и разрушительной силе орудие, которое установили в крепости Румелихисар на Босфоре. Затем султан приказал изготовить орудие, вдвое превышающее первое; приказ был выполнен. Испытание пушки произвело настоящую бурю восторга в душе Мехмеда II, и он приказал 200 солдатам на 60 быках перевезти ее на европейскую часть Босфора. Помимо указанных гигантов, Урбан изготовил еще множество орудий более мелкого калибра. Наконец, в конце марта 1453 г. громадная армия османов двинулась на Константинополь. Они горели жаждой боя и были твердо уверены в том, что каждый храбрец, погибший на поле боя, тут же получит место в раю.

Можно без труда понять, что в самом Константинополе царила *иная* атмосфера и бытовали другие настроения. Если во времена прежних осад византийцы располагали кое-какими союзниками, средствами и вооруженными силами, то теперь не было ничего из перечисленного выше. Хуже того, пролив находился под контролем турецких крепостей, а Морея вот-вот была готова подвергнуться нападению османской армии⁹³⁸.

В течение всей зимы население города укрепляло стены и земляные валы. Был учрежден специальный фонд для обороны столицы, куда вносили деньги рядовые граждане, монастыри и даже многие иностранцы. Срочно закупалось продовольствие, и на острове Хиос организовали склад, из которого 4 корабля перевозили запасы в Константинополь. Еще один большой корабль

ждали из Пелопоннеса. И хотя единодушие царило в душах византийцев, внушая невольное уважение, жители Хиоса откровенно *отпевали* константинопольцев, уверенные, что город будет скоро взят османами⁹³⁹.

Силы греков были очень невелики. Хотя число беженцев и дезертиров было незначительным, а подавляющая часть константинопольцев изъявила горячее желание погибнуть за родину и веру, людские ресурсы Константинополя были ограничены. Рассудительный, как и всегда, император св. Константин XI приказал своему сановнику произвести полную перепись мужского населения, способного держать в руках оружие. Каково же было его удивление и печаль, когда он узнал, что всего 4 тысячи 983 византийца попали в эти списки. Чтобы не смущать соотечественников, василевс приказал никому не называть этих данных⁹⁴⁰. Впрочем, и те, кто смог взять в руки оружие, не относились к числу профессиональных солдат. Позднее, в своих воспоминаниях, архиепископ Леонард писал: «Большинство греков приходилось на людей мирных, применявших щиты и копья, луки и мечи так, как они умели это от природы, а не в соответствии с воинской наукой. Большинство имели шлемы и доспехи из металла или кожи и сражались мечами и копьями. Тех же, кто познал искусство стрельбы из лука или арбалета, оказалось недостаточно для того, чтобы выставить по всем укреплениям»⁹⁴¹.

Император засыпал европейских государей письмами о помощи, но, кроме папы Николая V, никто серьезно на его просьбы не откликнулся. Венецианцы приняли было решение о посылке двух кораблей с 800 солдатами в Константинополь, но тут же потребовали от понтифика оплатить долг 1444 г. Все же папе удалось отправить на трех кораблях в Константинополь закупленное им на собственные средства продовольствие и вооружение. Остальные европейские короли находились в условиях, совершенно препятствующих помощи Византии. Москва воевала с татарами, венгры еще не восстановили силы после двух крупных поражений от османов, сербы являлись вассалами султана и боялись его гнева, как огня⁹⁴².

Но хотя официальные власти не желали помочь гибнущей Византии, нашлось множество людей, пожелавших принять последний бой вместе с греками. Венецианская колония в столице приняла решение о том, что *ни один* их корабль не покинет Константинополь до окончания осады. Они выставили 9 судов под командованием капитанов Габриэле Тревизано и Альвизо Диега.

Самые знаменитые фамилии Венеции были представлены в списке защитников Константинополя — Корнаро, Мочениго, Контарини, Вениеро. К ним присоединился кардинал Исидор, также поклявшийся не покидать город.

Нашлись и генуэзцы, пожелавшие добровольно явиться на помощь византийцам. 29 января 1453 г. в столицу прибыл известный кондотьер Джованни Джустиниани Лонго во главе отряда из 700 солдат. Затем подошли Маурицио Катанео, братья Джеронимо, три брата Боккиарди и Леонардо ди Лангаско с новым отрядом генуэзцев⁹⁴³. Это были *настоящие герои*, добровольцы, прекрасно понимавшие, *что* случится с ними в случае взятия города турками. Каталонцы прислали отряд во главе с Пере Хулиа, из Кастилии прибыл дворянин дон Франсиско из Толедо, были даже несколько шотландцев и османы из числа приближенных Орхана, проживавшего в Константинополе. Но все равно разница в силах была чрезвычайно велика: против османского войска византийцы вместе с союзниками смогли набрать не более 7 тысяч солдат, должных оборонять 20 км крепостных стен и море⁹⁴⁴. Не случайно один современник тех далеких событий со скорбью записал: «Мы получили от Рима такую же помощь, как от султана из Каира»⁹⁴⁵. Упрек едва ли справедливый непосредственно по отношению к Римскому епископу, но абсолютно объективный для оценки помощи всего Запада в целом.

Глава 2. Осада и последний штурм Константинополя. Гибель Священной Римской империи

Пасха 1453 г. выдалась ранняя и пришлась на 1 апреля. Но константинопольцы думали не о весне, многоцветно пришедшей на берега Босфора, а только о том, чтобы светлый день Христова Воскресения не был омрачен османами. По счастью, только 2 апреля передовые турецкие части показались на горизонте. Они были отбиты с потерями разведывательными отрядами византийцев, но вскоре подошла уже вся османская армия во главе с султаном Мехмедом II и 5 апреля окружила Константинополь с сухопутной стороны⁹⁴⁶. Соответственно защитники города заняли свои места, определенные им по диспозиции. Однако даже не столько вид османской армии поразил греков, сколько *громадный флот*,

который никто не ожидал увидеть. Никогда ранее византийцы всерьез не опасались штурма своей столицы с моря, но теперь им пришлось подвергнуться и такому испытанию. Стоит ли говорить, что настроение защитников города резко упало, и некоторое время в Константинополе царило уныние?⁹⁴⁷

Мехмед II не напрасно провел столько зимних вечеров и ночей в раздумьях относительно будущей осады Константинополя. Как только его армия подошла к стенам византийской столицы, все части заняли строго отведенные им участки. Каждый полк имел свои отличительные знаки, и каждый солдат знал, какое место отведено ему в походной палатке. Как говорят, можно привести мало примеров столь высокой военной организации. Наступила ночь, и в турецком лагере крики имамов соседствовали с христианскими песнопениями — османы проявляли большую терпимость по отношению к своим вассалам. К негодованию архиепископа Леонарда, наблюдавшего за этим из-за крепостной стены, среди турецких отрядов можно было обнаружить поляков, венгров, чехов, немцев и даже русских. Их ранее захватили в плен на молдавской границе и заставили служить султану⁹⁴⁸.

Утром 6 апреля 1454 г. султан исполнил *формальность*, предусмотренную законами ислама, предложил гарнизону и жителям Константинополя сложить оружие. В противном случае, говорилось в ультиматуме, при взятии города никто не будет пощажен. Однако защитники Константинополя отвергли данное предложение. Тогда флот под командованием Балтолгу попытался блокировать побережье Мраморного моря, а затем прорваться через цепь, заграждающую проход в бухту Золотой Рог.

Вечером 6 апреля 1453 г. начался первый штурм столицы Византии. Вначале пустили в ход артиллерию, которая разрушила часть стены в районе Харисийских ворот. Но защитники города сумели под покровом темноты восстановить разрушения. Султан пустил в атаку корабли Балтолгу, но и тот не имел успеха. Император приказал протянуть заранее подготовленную цепь поперек бухты Золотой Рог, чтобы турецкие суда не смогли проникнуть во внутреннюю часть Константинополя. А также вывел наперерез османам свои корабли: три из Венеции, один из Кастилии, один французский корабль из Прованса, три корабля с Крита, одно судно из города Хандакса и два из Кидонии⁹⁴⁹.

Поджидая подхода крупной артиллерии и остальных судов, Мехмед II распорядился захватить два византийских замка, расположенных неподалеку, в Ферапии и в деревне Студиос. Гарни-

зоны отчаянно защищались, но пали, и оставшихся в живых греков султан приказал посадить на кол. Попутно Балтолгу захватил укрепления на Принцевых островах, где встретил неожиданное сопротивление на острове Принкипос. Но крепость подожгли, а оставшихся в живых солдат казнили. Все население острова продали в рабство за то, что те допустили сопротивление туркам на своей земле. Действительно, Мехмед II не знал жалости⁹⁵⁰.

12 апреля начался обстрел города из тяжелой артиллерии. Хотя пушки стреляли очень редко (не более 7 раз за день) и каждый выстрел требовал больших усилий прислуги, зато разрушения от них были очень существенны. Грохот от выстрелов и падающих камней стоял страшный. Непривычные к такому шуму, константинопольцы в панике выбегали из домов, крестились, плакали: «Кирие элейсон!» «Господи, помилуй!» И, рыдая, восклицали: «Господи! Господи! Как мы далеко отступили от Тебя. Это Твой суд за наши грехи!» Чтобы немного успокоить сограждан, император приказал постоянно звонить колоколам, и теперь шум орудий, страшный, как в день последнего Суда, перекликался с серебряным звоном храмовых колоколов⁹⁵¹.

Защитники попытались обкладывать стены тюками кожи и шерсти, чтобы смягчить удар громадных ядер, но это мало помогало. Однако византийцы и их союзники проявляли замечательную стойкость и терпение. Каждую ночь они восстанавливали развалы, заграждая пробоины в стенах камнями, землей и деревьями. В этот же день турецкий флот вновь сделал попытку проникнуть через цепь Золотого Рога, но византийские суда, более высокие, оказывались недоступными для их корабельной артиллерии, и византийские корабли под командованием мегадюки Луки Нотараса сами перешли в успешную контратаку. В результате турки с большими потерями отступили назад.

День проходил за днем, и всю первую половину апреля византийцы вместе с храбрыми итальянцами успешно отражали турецкие атаки. Нередко они делали вылазки, причинявшие османам немало вреда. Но затем василевс по совету Джустиниани приказал не ввязываться в локальные столкновения, поскольку на одного христианского воина приходилось 20 османов. Было решено беспокоить турок стрельбой из мелких орудий, расположенных на внешней крепостной стене, арбалетов и луков. И эта тактика дала неплохие результаты. Но вскоре турки быстро позаимствовали ее у греков и также начали постоянный обстрел византийских позиций⁹⁵².

Мехмед II воспринял неудачи как кровное оскорбление. Он немедленно приказал инженерам усовершенствовать конструкцию корабельных орудий, и, действительно, вскоре его приказ был выполнен. Первым же выстрелом турки потопили одну из греческих галер, погубив множество матросов⁹⁵³.

Решив, что греки и их союзники уже утомлены, султан приказал армии 18 апреля начать штурм Константинополя. Как обычно, под конец дня стройные отряды османов поднялись в атаку под шум труб и грохот барабанов. Византийцы не ожидали нападения, а потому вначале несколько смешались. Но потом пришли в себя и открыли мощный огонь из пушек, пищалей, арбалетов и луков. Вот турки заполнили собой ров, вот они уже лезут на стены. Началась рукопашная схватка, самый страшный вид боя. По словам современника, участника тех событий, «от грохота пушек и пищалей, и звона колоколов, и воплей и криков с обеих сторон, и треска доспехов — словно молния, блистало оружие сражающихся, — а также от плача и рыдания горожан, и женщин, и детей казалось, будто небо смешалось с землей, и оба они содрогаются. И не слышно было, что один человек говорит другому: слились вопли, и крики, и плач, и рыдания людей, и грохот пищалей, и звон колокольный в единый гул, словно гром великий. И тогда от множества огней и пальбы пушечной и пищальной с обеих сторон клубы дыма густого покрыли город и все войско так, что не видели сражающиеся, кто с кем бьется»⁹⁵⁴.

Несмотря на мужество и отчаянную храбрость османов, византийцы сбросили их в ров. Туркам пришлось отступать в свой лагерь. Потери были столь велики, что ни о каком продолжении атаки не могло быть и речи. Говорят, когда сражение закончилось, потрясенный султан произнес: «Если бы 37 тысяч пророков сказали мне, что эти неверные за одну ночь сделают то, что они сделали, я бы не поверил!»⁹⁵⁵

Это был пиковый момент: если бы в ту минуту к Константинополю подошли войска Запада, участь турок была бы предрешена. Увы, этого не произошло, а потому время обратилось для Константинополя *вспять*⁹⁵⁶.

Прошло 2 недели осады, и на горизонте показалось три генуэзских судна, нанятые папой Николаем V. 15 апреля они подошли к проливу Дарданеллы, где к ним присоединилось 3 грузовых византийских судна. Флотоводец Балтолгу бросился в погоню за вражескими кораблями, и на виду константинопольцев завязалось морское сражение. Христианские суда занимали лучшую пози-

цию, да и были хорошо вооружены; первый натиск турок не удался. Но тут внезапно затих ветер, и турецкие весельные галеры начали медленно окружать христианский флот. Генуэзцы были хорошо вооружены и дисциплинированы, а на византийских торговых судах находился знаменитый «греческий огонь». Поэтому турки несли большие потери. И все же к вечеру стало казаться, что османы потопят союзные суда. Но тут внезапно вновь подул сильный ветер и вынес христианские корабли из опасной близости с турками. Под восторженные крики защитников города корабли зашли в гавань Золотой Рог. Во время боя Мехмед II в нетерпении сидел верхом на лошади и ждал победы. Когда казалось, что успех начинает сопутствовать османам, он едва не поплыл на лошади к своим кораблям. Но затем удача отвернулась от мусульман, и Мехмед II не простил нанесенной ему Балтолгу «обиды».

Поражение взбесило султана — ведь турки потеряли более 400 матросов убитыми и ранеными, а христиане всего 23 человека. Флотоводец Балтолгу избежал казни только потому, что был ранен в сражении, и многие офицеры турецкого флота лично перед Мехмедом II засвидетельствовали его храбрость. Но он был лишен всех постов, подвергся палочным ударам, его имущество было конфисковано. Любопытно, что наносил ему палочные удары сам султан (видимо, он все же был *садист* от рождения), причем бил его золотой палицей, изготовленной по личному заказу; весила она 15 кг. Изгнанный с глаз султана, бывший великий флотоводец османов Балтолгу провел остаток дней в полной нищете. Бог поругаем не бывает...⁹⁵⁷

Чтобы поднять свой престиж и выместить всю ненависть на осажденных, султан приказал усилить артобстрел Константинополя. В результате сильнейшего огня 21 апреля 1453 г. большая башня в долине Ликоса была превращена в руины, но ночью, как обычно, все бреши в обороне заделали землей и камнями. В это время султан придумал решение, как обойти цепь, закрывавшую его кораблям проход в Золотой Рог, и немедленно приступил к исполнению собственного плана. Утром 22 апреля дым артиллерийской канонады скрыл от защитников Константинополя удивительное зрелище — тысячи рабочих тащили по суше, по бревнам, турецкие корабли. И когда греки наконец увидели их, почти 70 кораблей противника с поднятыми парусами уже спускались к Долине источников⁹⁵⁸.

Срочно собрали совет, на котором венецианец Джакомо Коко предложил императору св. Константину XI во главе команды храбрецов сжечь турецкие корабли, и получил согласие. Однако не-

обходимо было подготовить корабли-дебаркадеры, и операцию отложили до ночи 24 апреля 1453 г. В принципе эта смертельно опасная для исполнителей операция еще могла иметь шансы на успех, если бы не обычное скрытое противостояние между венецианцами и генуэзцами. Генуэзцы запротестовали, что их не подключили к операции, и вызвались подготовить *свои* суда для нападения на османов. Собственно говоря, эта совсем не обязательная размолвка и предопределила провал смело задуманной операции⁹⁵⁹.

Пока шли споры, срок начала операции перенесли на 28 апреля. Но тем временем османы подтянули в Долину источников артиллерию и войска, да и приготовления союзников невозможно было скрыть на долгое время. И когда латиняне в намеченный день подплыли к турецким кораблям, венецианские и генуэзские суда были потоплены огнем турецкой артиллерии. Сам Коко погиб, а 40 пленных христианских моряков османы казнили на глазах константинопольцев. В ответ по приказу императора на стенах Константинополя, на глазах у османов, были казнены 260 пленных турок. Впрочем, это стало слабым утешением, поскольку турецкие корабли уже стояли в Золотом Роге и блокировали Константинополь с моря⁹⁶⁰.

Но, одержав важную стратегическую победу, Мехмед II не спешил со штурмом города. По его приказу артиллерия продолжала обстрел Константинополя, но уже с двух сторон: моря и суши. Видимо, он решил выждать время, тем более что оно работало против византийцев. Дело в том, что после блокирования Золотого Рога исчез естественный источник продовольствия для Константинополя, поставляемый через Галату. Еще перед началом осады генуэзцы Галаты направили к Мехмеду II послов для подтверждения ранее заключенного торгового договора. В обмен на его пролонгацию генуэзцы обещали сохранить нейтралитет и не помогать византийцам. Но на самом деле они тайно организовали подвоз в Константинополь продовольствия. Конечно, вскоре султан узнал о «двойной игре» генуэзцев, но не подал виду. Он сказал своим приближенным: «Я позволю змее спать, пока не поражу дракона. А потом прихлопну и ее». Но теперь, когда турецкие корабли стояли в бухте Золотой Рог, надежды на помощь Галаты растаяли⁹⁶¹.

И вскоре осажденные стали испытывать серьезный *голод*. Когда в начале мая он стал совершенно одолевать защитников города, василевс решил создать специальный фонд и скупить за счет его средств все продовольствие в Константинополе с последующим распределением его между жителями и гарнизоном. Деньги жерт-

вовали и Церковь, и частные лица. Часть церковных драгоценностей для покупки продовольствия и оплаты содержания войску царь реквизирует, и его поступок не вызвал никаких споров. Кроме того, еще раз были пересчитаны все боеспособные мужчины, а священникам и остальным клирикам было приказано денно и нощно молиться в храмах о даровании Господом спасения Константинополю⁹⁶².

Хотя получившиеся пайки были скудны, они позволяли константинопольцам держаться на ногах. Но и эта мера имела свой естественный срок. Вскоре голод вновь стал душить защитников Константинополя. Все очень рассчитывали на венецианский и папский флот, по слухам, должный прибыть в город с минуты на минуту. К несчастью, однако, союзники откровенно медлили с отправкой столь желанных для Византии кораблей, и греки не знали, что в самом лучшем случае те могли прибыть не ранее конца мая⁹⁶³.

Вновь возникли серьезные трения между венецианцами и генуэзцами. Дошло до открытых стычек, и император св. Константин XI в отчаянии воззвал к ним: «Достаточно того, что война у наших дверей! Так, ради Бога, не начинайте ее между собой!» Как рассказывают, ввиду тяжести ситуации, василевс тайне попытался наладить с султаном дипломатические отношения и, как полагают, они даже обменялись послами. Святой Константин XI предложил султану определить размер ежегодной дани и обещал оплачивать ее. Но Мехмед II был непреклонен в своем решении: Константинополь должен быть сдан! Взамен он обещал подарить *лично императору* жизнь и отдать ему Морею, а братьям предоставить другие уделы в собственность. «В противном случае, — угрожал Мехмед II, — я войду в город с боем, тебя и всех твоих вельмож поражу мечом, а остальной народ отдам на растерзание войска. Мне же хватит и пустого Константинополя».

Конечно, св. Константин XI это предложение даже не рассматривал. К чести византийцев, никто из них также не помышлял о сдаче столицы туркам, и, кроме того, едва ли верил в милосердие Мехмеда II. Был дан обстоятельный ответ, в котором особенно запоминается окончание: «Владей же будто бы по праву несправедливо похищенными у нас укреплениями и землей. Ибо как знать: надеясь выиграть, получишь ли ты что-нибудь? А отдать тебе Константинополь не в моей власти, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по нашему общему решению все мы добровольно умрем и не пощадим наших жизней»⁹⁶⁴.

В эти дни среди высших государственных сановников Византии возникло предложение об эвакуации императора. Очень многие полагали, что св. Константин XI должен покинуть город и отправиться в Морею, к братьям, чтобы оттуда организовать сопротивление османам. Но царь спокойно и решительно отклонил данное предложение, решив разделить свою судьбу с судьбой остальных византийцев⁹⁶⁵.

6 мая 1453 г. турки возобновили обстрел города, в том числе из пушки-гиганта, сконструированной венгром Урбаном. А на следующий день турки бросились в атаку на участок стены Месотихиона с лестницами и крюками для преодоления остатков крепостных сооружений. Их число было очень велико, но византийцы храбро отбивали приступ за приступом. Особенно отличился солдат Рангавис, лично убивший знаменосца султана, но сам павший на поле боя. Но и этот штурм не удался: османы отступили с большими потерями, весь ров наполнился трупами павших турецких солдат. Мертвые грудами лежали в канавах, и кровь стекала с их безжизненных тел⁹⁶⁶.

В последующие дни активность проявлял главным образом турецкий флот, обстреливавший Влахерны и пытавшийся пробиться в город со стороны моря. Особенно опасной стала ночь 21 мая, когда весь город был разбужен звуком барабанов и труб с османских кораблей. Все посчитали, что начался последний штурм, но это была только *демонстрация силы*.

Все эти дни сухопутная армия спешно пыталась устроить многочисленные подкопы и преодолеть ров, ведущий к первой цепи крепостных сооружений. Но подрывники Лука Нотараса рыли контрподкопы и нейтрализовали все попытки турок⁹⁶⁷. Им активно помогал германец Иоганн Грант, прибывший в Константинополь вместе с Джованни Джустиниани. А затем напротив почти разрушенной части стены Месотихиона появилась громадная деревянная башня, должная прикрывать турецких солдат во время штурма. Ночью османы попытались ее испытать, но кто-то из безвестных византийских героев в темноте подложил под башню бочонок с порохом и взорвался вместе с ним; башня была разрушена. А к утру осажденные восстановили разрушенный участок крепостной стены⁹⁶⁸.

23 мая 1453 г. константинопольцам и защитникам города довелось пережить радость еще одной победы. В этот день византийцам удалось захватить врасплох нескольких турецких подрывников, которые под пытками указали место под влахернской стеной, где

был установлен заряд пороха. Иоганн Гранд в течение короткого времени уничтожил все турецкие подкопы, и с тех пор османы прекратили эти работы. Нет сомнения в том, что в противном случае падение Константинополя свершилось бы раньше.

Но радость сменилась отчаянием, когда сквозь строй турецких судов в Константинополь прорвалась венецианская бригантина, которую ранее отправляли на поиски флота Венеции и Римского папы. Как сообщили матросы, решившие вернуться в обреченный город, никакого флота поблизости нет, и теперь Константинополь предоставлен сам себе. Святой Константин XI обвел взором собравшихся вокруг соотечественников и спокойно объявил, что *ни одно* христианское государство не собирается поддерживать их в борьбе за веру. Остается уповать только на милость Христа, Богородицы и основателя города св. Константина Равноапостольного. Это была страшная весть, поскольку после долгой осады ряды защитников Константинополя постоянно таяли. И теперь вместо 7 тысяч бойцов в строю осталось не более 4 тысяч изнуренных воинов, к тому же *голодных*⁹⁶⁹.

Началась паника: кое-где на улицах на императора изливалась хула и сквернословие. Но св. Константин XI отвечал своим обидчикам словами пророка Давида: «А я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает своих уст; и стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа. А враги мои живут и укрепляются, и умножаются ненавидящие меня безвинно» (Пс. 37, 14, 15, 20). А потом даже пошутил, вспомнив старую греческую пословицу: «У счастливых все друзья, а у несчастных сам Создатель не друг»⁹⁷⁰.

Однако, как казалось, и Небо отвернулось от греков. Когда ночью 24 мая 1453 г. икону Богородицы «Одигитрие» водрузили на носилки и понесли вокруг стен, наступило Лунное затмение, а затем в полной темноте икона упала на землю. Все закричали и бросились поднимать святыню, но она как будто налилась свинцом и никак не поддавалась человеческой силе. С большими усилиями икону поставили на место, но тут пошел проливной дождь, разогнавший торжественную процессию. Поток вод был настолько силен, что многих детей едва не смыло — помогли мужчины, стоявшие рядом и успевшие подхватить их. А под утро над куполом Святой Софии видели таинственное свечение, как будто Святой Дух покидал храм и сам город. Примечательно, что это явление видели не только византийцы, но и османы из своего лагеря. От радости турки кричали:

«Бог оставил христиан!» Императору вновь предложили покинуть Константинополь, но он мужественно отказался⁹⁷¹.

От отчаяния начались некоторые ссоры и размолвки. Джусти-ниани попросил Луку Нотараса прислать ему в подмогу несколько пушек, поскольку считал свое направление самым опасным. Но и мегадука Нотарас видел, сколь малы силы, которыми он располагал на своем участке обороны. Дошло до открытой ссоры и оскорблений. Нотарас обозвал итальянца обидными словами, а тот назвал Луку «злодеем» и «врагом родины». Но тут вмешался император. Он пригласил обоих и сказал: «Братья, теперь не время нам так поступать друг с другом, так говорить и сеять раздор! Простим же и ненавидящих нас и помолимся Богу, чтобы спастись из зияющей пасти этого столь явно грозящего нам дракона». И ссорящиеся помирились⁹⁷².

Справедливости ради следует сказать, что 7-недельная осада подорвала дух не только защитников Константинополя, но и самих османов. Несмотря на большие разрушения, никто из турецких солдат так и не смог проникнуть за стены города, а потери были весьма чувствительны. Султан всерьез опасался венецианского флота, о котором говорили, что тот вскоре прибудет, и венгерской армии, способной оказаться за спиной у осаждавших. Турецкий флот хотя и проник к городу, но до сих пор терпел только поражения. В самом близком окружении Мехмеда II все чаще раздавались голоса о необходимости снять осаду.

Не желая раздражать солдат и придворных, султан решил провести переговоры и направил к византийцам некоего молодого сановника Исмаила. Тот проник в Константинополь и вместе с сопровождавшим его византийцем 25 мая 1453 г. вернулся в лагерь султана. Довольно любезно Мехмед II заявил, что готов снять осаду, если император поклянется выплачивать ему ежегодную дань в размере 100 тысяч золотых монет. Это условие огласили на императорском совете, где всем было известно, что таких денег у Византии нет. Василевс направил Мехмеду II встречное предложение: забрать все, чем император владеет, кроме Константинополя. Но *теперь* султан, на самом деле не собиравшийся отказываться от захвата Константинополя, ответил, что византийцам остается либо сдать город, либо умереть от турецкой сабли, либо принять ислам⁹⁷³.

Дабы дать выговориться недовольным военачальникам, султан вновь созвал совет, на котором сразу же столкнулись два мнения: снять осаду и попытаться организовать решительный штурм. Ставленник и верный соратник Мехмеда II Заган-паша напом-

нил Халиль-паше, стороннику мира с византийцами и их тайному агенту, что Святой Дух покинул Константинополь. Он довольно обстоятельно объяснил, почему не следует опасаться помощи византийцам с Запада: «Они о многом совещаются, думают и говорят, но мало делают; и решение, принятое вечером, утром им неудобно. Когда же решение окончательно, они медлят с делами ради того, чтобы улучшить момент для осуществления своих желаний и намерений. Даже когда они приступают к какому-нибудь делу, ничего не выходит из-за споров»⁹⁷⁴.

Несмотря на сопротивление, победила вторая точка зрения, активно поддержанная молодыми турецкими командирами. Два дня, пятницу и субботу, продолжалась яростная бомбардировка Константинополя. Затем огонь был сосредоточен на участке Месохитиона. В воскресенье султан объезжал войска и клялся Кораном, что в ближайшие дни османы возьмут город. Воодушевленные турки собирали оружие, порох, готовили лестницы. Всю ночь в лагере раздавались песни и играли музыкальные инструменты — мусульмане готовились к бою. Понедельник был объявлен днем отдыха перед битвой. Мехмед II в последний раз созвал своих командиров на совет и заново объяснял, что Константинополь не является отнюдь неприступной крепостью, поднимая их боевой дух.

«Этот город, — громко вещал султан, разжигая аппетиты солдат, — обладает удивительным и несметным богатством, которое скрывается в царских покоях, в домах знатных и простых горожан, но самые прекрасные сокровища хранятся в храмах. Все это станет вашим. Кроме того, вы захватите в плен отважных и знатных мужей, одни из которых станут вашими рабами, а другие будут проданы. Вы получите достойнейших и красивейших жен, юных и прекрасных дев, благородных красавиц из знатных семей, до сих пор недоступных мужским взорам. Вы приобретете многое: наслаждение, услужение и богатство, многочисленных и прекраснейших рабов благородного происхождения, сокровища, великолепные дома, сады и многое другое, что радует глаз, дарит счастье, удовольствие и наслаждение. Я отдаю вам на разграбление большой, многолюдный и царственный город древних ромеев, достигший вершин богатства, славы и удачи, вставший во главе всего мира»⁹⁷⁵.

Весь понедельник 28 мая в обоих лагерях царила странная тишина, даже турецкие орудия молчали. Византийцы понимали, что следующий день станет *последним* для столицы великой христианской Империи. По существу, все готовились к смерти. Во многих храмах снимали иконы, и священники забирали их к себе домой.

Звонили колокола, по улицам проходили многочисленные процессии со святынями, которым все желали помолиться в последний раз. Все шли рядом — православные и католики, пели одинаковые молитвы и псалмы. Император св. Константин XI вышел из дворца и присоединился к шествию. Затем во дворце в присутствии близких людей он напомнил, что каждый должен быть готовым умереть за веру, родину, семью и императора. Василевс вспоминал славные страницы древней истории, благородные традиции Римской империи, своих предков. И греков, и итальянцев он просил не падать духом, но бороться за Христа до самой смерти. «Если за мои грехи, — закончил император свою речь, — Бог отдаст победу нечестивцам, то мы будем биться за нашу святую веру, дарованную нам кровью Христа, — и это важнее всего. Какова польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Царь не обошел никого из присутствующих своим вниманием. Отдельно он поочередно обратился к венецианцам, генуэзцам и византийцам. Все присутствующие встали и заверили василевса, что готовы отдать свои жизни за Римскую империю и царя. Святой Константин XI обошел всех, обнял и поцеловал, прося простить за вольную или невольную обиду, которую он мог причинить кому-нибудь. Все остальные последовали его примеру⁹⁷⁶.

К вечеру, когда колокола Святой Софии зазвонили к вечерней службе, бесчисленные толпы константинопольцев устремились в храм, который отказывались посещать как «униатский» в последние полгода. Священники-ортодоксы стояли рядом с «униатами» и латинянами, вместе с греческими епископами был виден кардинал Исидор. Внутри храма на фоне прекрасных мозаичных изображений Христа, Богородицы и святых, императоров и императриц, мерцали десятки тысяч свечей. Все, кроме караульных, стояли здесь: каталонцы, германцы, генуэзцы, венецианцы, испанцы, шотландцы, греки. Неминуемая смерть примирила всех, все обиды и разногласия оказались забытыми. Действительно, в этот вечер произошло *настоящее объединение* Восточной и Западной церквей в одну Кафолическую Церковь. Император и сановники исповедались и причастились Святых Даров, а итальянцы Джустиниани вошли во внутреннюю часть крепостных укреплений, затворив за собой двери, отрезав себе все пути отступления. Сам св. Константин XI после службы объехал на арабском скакуне весь город, прощаясь с ним⁹⁷⁷.

Ночью 28 мая 1453 г. весь турецкий лагерь пришел в движение. Десятки тысяч людей устремились к орудиям и шатрам, с другой

стороны византийцы и итальянцы поднялись на стены. Начался сильный дождь, но он не мог помешать османам, начавшим последний штурм Константинополя. Загрохотали барабаны, вверх понеслись звуки флейт и труб, турки двинулись к крепостным стенам. Все константинопольцы, до сих пор еще стоявшие в храме Святой Софии, включая женщин и детей, бросились помогать солдатам. Немошные старики остались в храмах и продолжали молиться о победе христианских воинов.

А сражение уже началось. Противники яростно обстреливали друг друга, тучами летели стрелы, пращники метали камни и свинцовые снаряды, повсеместно мелькали дротики и копья. Слышались проклятия раненых и стоны умиравших солдат. Хотя расстояние между врагами было еще довольно большим, обе стороны сразу же понесли ощутимые потери⁹⁷⁸.

Вначале султан бросил на приступ башибузуков — нерегулярные части своей армии, за спинами которых стояла военная полиция и янычары, подгонявшие нерешительных воинов вперед мечами. Но эта атака захлебнулась, только в районе долины Ликоса башибузуки имели некоторый успех. После двух часов боя башибузуки выдохлись и получили команду отойти. Они выполнили главную задачу — измотали гарнизон в тяжелом бою. Теперь в бой пошла вторая линия — анатолийские янычары Исхак-паши, сосредоточившие главный удар на воротах св. Романа. Целых три часа продолжался их штурм, подкрепляемый артиллерией. В один момент ядро пробило широкую брешь, в которую рвануло около трех сотен янычар, но конная дружина царя во главе со св. Константином XI перебила их всех до одного. На остальных участках фронта турки также не имели решительного успеха⁹⁷⁹.

Приближалось утро, и византийцы надеялись, что штурм окончен. Но Мехмед II, разгневанный неудачей анатолийцев, пустил в бой свой последний резерв — гвардейских янычар. Те продвигались вперед стройными колоннами, демонстрируя удивительное презрение к смерти, под грохот канонады, с распущенными знаменами. Хотя христиане были уже истощены, бой продолжался с переменным успехом еще 4 часа. Падали убитые, стонали раненые, а за спинами византийцев звенели храмовые колокола. Возможно, и этот штурм мог быть отбит, хотя османы дрались уже на внутренних укреплениях, но тут все решил *случай*⁹⁸⁰.

В самом углу влахернской стены находилась башня Керкопорта, имевшая скрытую дверь для вылазок осажденных. По чьей-то небрежности она оказалась открытой, и в нее проникло около 50 яны-

чар. Смелъчаки были бы безусловно уничтожены итальянцами, но именно в этот момент пуля из турецкой пищали (по другим сведениям, стрела) поразила храброго Джустиниани. Итальянцы дрогнули, отвлеклись, и этих мгновений оказалось достаточно для того, чтобы янычары успели отворить внутренние ворота. Император был рядом и убеждал своих боевых товарищей, что резервов у османов уже не осталось. Что нужно выдержать этот натиск и победа останется за христианами. Но и защитники Константинополя уже изнемогали от усталости, а потому медленно начали отступать к кораблям⁹⁸¹.

Этот успех не укрылся от глаз султана, находившегося неподалеку, и он тут же бросил в прорыв новый отряд янычар. И хотя византийцы почти всех их уничтожили, враги все время прибывали. Постепенно, отбивая удары врагов, защитники Константинополя отходили к внутренней стене, и, наконец, над одной из башен взвился турецкий флаг. Раздался громкий вопль сотен глоток: «Город наш!», и османы с новыми силами рванули вперед. Император с остатками резервного отряда своей гвардии поспешил на помощь последним защитникам, но не в его силах было отбить ворота. Тогда св. Константин XI под защитой испанского рыцаря Франсиско из Толедо, своего двоюродного брата Феофила Палеолога и Иоанна Далматаса поспешил назад, чтобы собрать хоть какой-то отряд для контратаки, однако сопротивление было уже сломлено. Последние защитники пытались отбиться от турок и скрыться в городе. Феофил Палеолог прокричал, что умрет, но не пустит османов в Константинополь, и смело бросился на врага. Император св. Константин XI сбросил с себя знаки царского достоинства и вместе с двумя товарищами устремился за братом. «Город захватывают, а я все еще жив?» — крикнул св. Константин XI. И это были последние слова, которые слышали от него; больше царя никто не видел ни живым, ни мертвым⁹⁸².

Между тем на стенах и башнях один за другим взлетали вверх турецкие флаги. Возле Керкопорта еще продолжали сражаться братья Боккиарди, но вскоре были окружены и они. Все же храбрым итальянцам удалось пробиться сквозь кольцо турок к Золотому Рогу, где они сели на суда генуэзцев, перевезших их в безопасное место. В других местах отчаянная храбрость венецианцев натолкнулась на железный натиск янычар. Венецианцы были окружены и почти все перебиты. Единственное место, где греки еще держались, оказался район Ликоса. Но турки ударили византийцам в тыл и почти всех перебили. Только несколько раненых греков, включая военачаль-

ников Дмитрия Кантакузена и Филиппо Контарини, были взяты в плен. В районе Студитов принц Орхан вместе со своими воинами сражался до самой смерти, прекрасно понимая, что в плен ему сдаваться нельзя. Возле императорского дворца еще держались каталонцы, но и они почти все приняли смерть, не оставив позиции. Кардинал Исидор, смело управлявший обороной, увидел, что сопротивление безнадежно и попытался скрыться. У входа в Золотой Рог критские матросы мужественно отбили все атаки турок и спокойно спустили свои суда на воду, а затем отплыли. Восхищенные их мужеством, османы не решились преследовать христиан. Два итальянца, братья Паоло и Троило, еще сражались, когда увидели, что Константинополь взят турками. Один сказал другому: «Солнце — содрогнись, земля — возопи. Город взят, и *прошло время сражаться*»⁹⁸³.

У ворот св. Романа случилась давка, и множество византийских воинов, пытавшихся максимально быстро прорваться обратно в город, нашли свою смерть почти без боя. Обессиленных византийцев турки поражали в спину. Османы преодолели Большую стену и ворвались в Константинополь. Кое-где еще продолжалось сопротивление, но оно не могло остановить волну мусульман⁹⁸⁴.

Город уже был предан незамедлительному грабежу турок, что спасло немало жизней. Генуэзцы на своих кораблях собирали последних солдат и сотни мирных жителей и увозили их подальше от Константинополя. Пользуясь тем, что матросы турецких кораблей оставили суда и предались грабежу, несколько византийских галер сумели ускользнуть из Золотого Рога с беженцами. Правда, так продолжалось только до полудня, когда султану удалось восстановить на флоте порядок. Теперь бухта контролировалась османами, и все попытки бегства были пресечены⁹⁸⁵.

Константинополь пал, но султан удержался и до вечера не въезжал в него, дав волю алчности своих солдат. Он встречал делегации и с нетерпением ждал результатов поиска трупа императора св. Константина XI. Впоследствии утверждали, что на поле боя было найдено обезглавленное тело, на ножных латах которого красовался герб Палеологов. И вроде бы султан приказал отдать его византийцам для погребения. Даже приводили подробности его гибели — будто бы раненый василевс просил хоть кого-нибудь умертвить его, и двое турок, не узнав в нем императора, убили героя⁹⁸⁶.

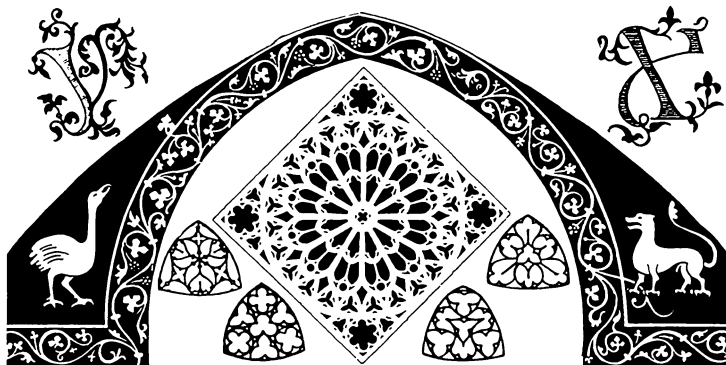
Но насколько эта история правдива, не знает никто. Однако ни у кого, включая удовлетворенного султана, не осталось сомнений в том, что последний Римский император св. *Константин XI Па-*

леолог погиб⁹⁸⁷. Надо сказать, храбрость св. Константина XI Палеолога поразила даже османов. Как писал об императоре турецкий хронист, «правитель Константинополя отличался храбростью и не просил пощады»⁹⁸⁸. И вплоть до начала XX века в одном из уголков бывшего Константинополя, а ныне Стамбула местные жители показывали могилу императора, над которой постоянно горела лампада. Нет сомнения в том, что эта безымянная могила не имела ничего общего с последним Римским царем, но сам факт ее оберегания со стороны турок-мусульман весьма красноречив⁹⁸⁹.

Так оборвалась прекрасная ветвь христианских императоров великой Всемирной Державы, которая началась со святого и равноапостольного Константина I Великого, рожденного святой Еленой, и завершилась святым Константином XI Палеологом, сыном святой Ипомонии (Елены). Наверное, это очень символично.

Ни далекие потомки византийцев, ни Православная Церковь не забыли подвига нашего героя, и в 1992 г. Священный синод Элладской церкви принял тропарь и другие песнопения, посвященные «святому Константину Палеологу, славному *Царю-мученику*»⁹⁹⁰. Закрылась последняя страница истории Византийской империи.





ПОСЛЕ ВИЗАНТИИ

Начиная последний штурм, султан Мехмед II обещал своим солдатам отдать город на разграбление на 3 дня. И, ворвавшись в Константинополь, османы пользовались каждой минутой, чтобы удовлетворить свои низменные инстинкты. Не разбирая в пылу сражения, кто находится перед ними, турки ожесточенно убивали всех встречных, и кровь ручьями лилась по улицам города. Начался грабеж, турки бросились к Влахернскому дворцу и спешно выносили из него ценности. Кто-то побеждал в храмы Хоры и вытаскивал оттуда драгоценную святыню — икону Богородицы «Одигитрие», написанную, по преданию, самим Евангелистом Лукой. Турки содрали с нее оклад, а саму икону разбили на четыре части⁹⁹¹. Из храмов вытаскивали за волосы молящихся в них женщин и детей и тут же объявляли своими рабами. Насиловали монахинь, мужчин убивали на месте.

Наконец, добрались до храма Святой Софии, где еще шла Литургия. Турки ворвались в главный православный храм в тот момент, когда священник вместе с хором вышел с освященными Дарами из алтаря. По преданию, не давая осквернить святыню, он направился к южной стене, которая *разомкнулась перед ним* (!), приняла вовнутрь и тотчас закрылась. Как утверждают, священник с чашей выйдет из стены вместе с хором только тогда, когда Константинополь вновь станет христианским городом⁹⁹². Если это и легенда, то очень красивая и символичная. Византийская империя была захвачена физически, но духовно осталась недоступной, по Божьей милости, своим завоевателям.

К вечеру грабеж почти завершился. Более 4 тысяч мирных константинопольцев были убиты османами на улицах города и в

собственных домах, почти 50 тысяч попали в плен, из них насчитывалось только около 500 солдат⁹⁹³. Вероятно, число жертв могло быть иным, но вначале турки просто не знали числа константинопольцев, оставшихся в городе. Османы полагали, что им противостоит большое войско, не менее 50 тысяч воинов, а потому в первые часы «спокойно» предавались убийствам, полагая, что рабов хватит на всех. И лишь потом опомнились и проявили «миролюбие»⁹⁹⁴.

Султан Мехмед II *Завоеватель*, как его теперь станут называть, во главе своей гвардии вошел в Константинополь и направился к Святой Софии. Въехав в храм верхом на лошади, он какое-то время молчал, а потом приказал переделать его в мечеть. Вид величественной Святой Софии настолько поразил его, что, несколько неожиданно для себя, султан приказал туркам освободить группу греков, столпившихся у стены и ожидавших неминуемой смерти от османского меча. «Так окончилась история великого города Константина, в свое время достигшего великой славы, могущества, богатства, и совершенно затмившего все существовавшие до него города, вызывавшие восхищение своей славой, богатством, силой, величием и многими другими достоинствами»⁹⁹⁵.

На следующий день Мехмед II приказал собрать всю добычу для дележа. На удивление, многих знатных византийских пленников султан выкупил у собственных солдат и отпустил на свободу, включая Луку Нотараса. Зато пленных итальянцев не пощадил. Венецианец Минотто был казнен вместе с сыновьями, та же участь постигла вождя каталонцев Пере Хулиа, Катарино Контарини и принца Орхана. По счастью для кардинала Исидора, его не опознали в лохмотьях нищего, и он выбрался из города. Зато казнили какого-то бродягу, прельстившегося красивыми и богатыми одеждами и надевшего их — его приняли за кардинала. Повезло и архиепископу Леонардо Хиосскому, которому удалось выскользнуть из Константинополя живым и невредимым⁹⁹⁶.

Впрочем, через несколько дней подозрительный султан по совету своих сановников казнил Луку Нотараса вместе с двумя его сыновьями. Желая поддержать дух детей, идущих на казнь, Нотарас обратился к ним со словами: «Вчера вы видели все потери, которые мы понесли в этот роковой день. Слава дивная, которую мы имели в этом великом городе, а через него и во всех странах, населенных христианами, — все погибло. В этот час у нас ничего не осталось, кроме жизни. Но и она не будет бесконечной, и рано или поздно мы все умрем. Где наш император? Разве он не погиб вчера? Где мой сват? Где протостратор Палеолог и двое его сыновей? Разве они не

пали вчера в бою? Во имя Распятого за нас, умершего и воскресшего, умрем и мы, дабы с Ним вкусить и блага Его». Даже в последний час Нотарас не утратил присущего ему мужества. Единственная просьба отца к палачам заключалась в том, чтобы умереть после юношей, которых он хотел ободрить перед смертью. Не правда ли, очень напоминает картину убиения императора святого Маврикия и его детей?

Затем обезглавили еще 9 высших сановников Византийской империи. Правда, вскоре султан пожалел о содеянном поступке и даже приказал казнить нескольких своих советников, предложивших ему умертвить греков. Больше всех повезло *Геннадию Схолларию* (1454—1456), которого разыскивали, представили султану, а тот приказал избрать его в Константинопольские патриархи. Интронизация Геннадия произойдет 6 января 1454 г.⁹⁹⁷

21 июня 1453 г. Мехмед II оставил опустошенный и нищий город, отправившись в свою столицу в Адрианополь. Ему даже стало жалко этой разрушенной красоты и величия: «Какой город отдали мы на разрушение и разграбление!» — сквозь слезы прошептал он⁹⁹⁸.

А чуть ранее, 9 июня 1453 г., на остров Крит прибыли три корабля из Константинополя, привезшие весть о кончине великой Империи. Срочно последовало сообщение в Венецию, и вскоре весь христианский мир узнал о страшной катастрофе. Европа была подавлена, повсеместно царила паника и растерянность. Один корреспондент так описывал папе Николаю V свое состояние: «Что может быть ужаснее тех новостей, чем те, которые пришли к нам по поводу Константинополя. Мои руки дрожат, даже когда я пишу, моя душа потрясена». Но реакция реакции — рознь. Например, Венецианский совет принял решение направить к Мехмеду II посла с уведомлением о нерушимости ранее заключенного с ним торгового договора. «Замечательно», что по решению Совета все имущество византийцев-эмигрантов, доставленных в Венецию, включая одежду, *подлежало конфискации* в пользу Республики (!) — венецианцы стремились любыми способами возместить свой ущерб от взятия Константинополя. Почти аналогичную позицию заняла Генуя, опасавшаяся потери своих торговых путей и неизбежных убытков⁹⁹⁹.

И лишь Римский папа Николай V нисколько не сомневался в том, что нужно собирать новую экспедицию для освобождения Константинополя. 30 сентября 1453 г. он разослал всем христианским государям Европы буллу с объявлением Крестового похода.

Кардиналы Исидор Московский и Виссарион Никейский активно поддерживали его, обращаясь к некоторым лицам с собственными посланиями, умоляя присоединиться к общехристианскому мероприятию. И повсеместно их обращения вызывали *внешне* горячий отклик¹⁰⁰⁰.

Увы, поход так и не случился. Германский император был беден и не располагал необходимыми силами. Арагонский король *Альфонсо V* (1416—1458) — стар, в Англии разгорелась Война Алой и Белой розы, Франция отходила от лихолетья Столетней войны. Объявилось много добровольцев из числа незначительных правителей или даже отдельных рыцарей, но нужна была сила, к которой можно было бы присоединиться. А ее как раз и не оказалось. Возможно, в скором времени еще что-то можно было поправить, но папа Николай V скончался в начале 1455 г., а его преемник *Каликст III* (1455—1458) не пользовался авторитетом¹⁰⁰¹.

Правда, в 1459 г. следующий Римский епископ *Пий II* (1458—1464) созвал конгресс с целью примирить вечно воюющих друг с другом латинян. В своей яркой речи он заявил: «Мы сами позволили туркам завоевать Константинополь, столицу Востока. И пока мы в беспечности и праздности сидим дома, армии этих варваров продвигаются к Дунаю. В городе Восточной империи они умертвили *преемника Константина Великого* и весь его народ, осквернили храмы Божьи, запятнали знаменитый собор Юстиниана омерзительным культом Мухаммеда. Они уничтожили образы Божьей Матери и других святых, опрокинули алтари, бросили мощи мучеников свиньям, перебили священников, перерезали знатных людей Константинополя, перенесли образ распятого Спасителя к себе в лагерь с издевательствами и поношениями, осквернили его грязью и плевками. Все это случилось прямо у нас на глазах, но вы валялись, объятые глубоким сном»¹⁰⁰². Ему удалось начать *локальные* военные действия, но дальше отдельных отвоеванных у турок островов в Средиземном море дело не пошло.

Осколки Священной Римской империи ненадолго пережили Константинополь. Уже в 1460 г. деспот Мореи *Фома Палеолог* (1449—1460) был вынужден покинуть родину и эмигрировать в Рим, увозя с собой великую святыню — голову святого апостола Андрея Первозванного. Его сын *Андрей Палеолог* (1465—1502), считавшийся титулярным наследником престола Римских царей, хотя и выдавал грамоты о титулах западным аристократам в обмен на потенциальную помощь, но никакой силы собой не представлял. Его сестра Зоя, или Софья, Палеолог вскоре выйдет замуж за Ве-

ликого Московского князя *Ивана III* (1462—1505). К тому времени Морея будет полностью захвачена турками, а за ней и последние христианские области Греции¹⁰⁰³.

В 1459—1460 гг. на границе Трапезундской империи появились первые отряды Мехмеда II. А весной 1461 г. османский флот, собранный в Константинополе, и сухопутная армия, сконцентрированная в Бруссе, двинулись в поход. Как всегда, султан очень хорошо организовал поход, и его войско ни в чем не испытывало недостатка. Был взят Синоп, а 14 августа того же года турки подошли к Трапезунду. Последний император Трапезунда *Давид* (1458—1461) получил ультиматум: либо сдаться султану, либо подвергнуть город тотальному уничтожению. Давид не пожелал продолжить «константинопольскую традицию» и вышел к султану вместе с женой и детьми. Его отправили в Стамбул, многих юных трапезундских греков призвали в турецкую армию, девушек взяли в рабство. Но другие греки остались жить при условии уплаты хараджа. После этого можно было смело говорить, что Священная Римская империя *полностью* завоевана османами¹⁰⁰⁴. Мечта Мехмеда II сбылась...

Итак, тысячелетняя (а если считать от основания Рима, то двухтысячелетняя) Священная Римская империя пала, и это стало свершившимся фактом. Погибла праматерь христианской цивилизации, центр православной культуры, живой носитель имперского идеала и старинных традиций. Пусть это была «*империя застывших форм*», как ее иногда называют, стремящаяся к христианскому идеалу нередко в ущерб действительности, но без Византии в мире не осталось ни знания этого идеала, ни того «проводника», который мог бы указать путь к нему. «Это — восточный *Civitas Dei* (“град Божий”), в котором Церковь есть как бы сердце и увенчание христианского мира, воплощенного в царстве. Царство есть некое священное вместилище Церкви, ее, так сказать, мирская проекция. И потому между ними, в сущности, нет абсолютной грани: все, что касается царства, касается Церкви, и наоборот. Для Византии характерно постоянное желание закрепить и веру, и жизнь в окончательных формах, все свести к неизменяемому, *вечному началу*»¹⁰⁰⁵.

Византийская империя являла собой *живой идеал христианской государственности* — об этом мы говорили еще ранее, и повторяться нет смысла. Римская империя стремилась к отождествлению себя с Царством Небесным, политической Ойкумены с Вселенской Церковью, государственного закона с христианской этикой,

к признанию лица *человеком* не по национальному признаку, а по принадлежности его к Империи и Православию. По словам замечательного современного историка А.Н. Боханова, Римская империя являлась «*пространством спасения*» для всех народов Ойкумены, «свечой Православия» вне зависимости от того, как менялась ее территория. Только Византии была присуща *христианская имперская идея* «*translatio confessionis*» («трансляция веры») вместо римской языческой «*translatio Imperii*» («трансляция власти») ¹⁰⁰⁶.

И во главе этого «вечного начала» (об этом говорят далеко не всегда даже те, кто согласен с высокой оценкой самой Византии) возвышался Римский император, без которого византийская «симфония» в принципе не могла бы ни создаться, ни существовать. Царь, обладающий формально ничем и никем не ограниченными полномочиями, абсолютный в своей власти, самодержавие которого обуславливалось, был в свою очередь *вассалитетом императора* по отношению к Христу. Римский царь был наместником Бога на земле, и это являлось абсолютной истиной для современников со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями василевса.

Если бы даже царь вдруг неожиданно забыл об основе своей власти, проигнорировал ее, его правление закончилось бы в тот же день. Но это было просто физически невозможно в условиях издревле сформировавшейся политической культуры Византии и правосознания ромеев. Императору могли многое простить: ошибки, дурной характер, неудачные войны, отсутствие денег, потерю территорий, но только не измену Православию, не выпадение из образа христианского царя. И это соответствие царя идеальному образу находилось под постоянной и пристальной оценкой всего общества. Не случайно один исследователь применял именно к Византии термин, который буквально должен звучать как «*народная монархия*» — в известной степени это справедливо ¹⁰⁰⁷.

Вообще говоря, участие народа (если под ним понимать и сенат, и Церковь, и армию, и различные партии) в определении личности императора чрезвычайно широко по сравнению с традиционной монархией, где власть передается по наследству. Но беспочвенно было бы полагать, будто старые римские понятия о народе как источнике власти в государстве сохранились неизменными до последних дней существования Римской империи, и именно на них основывалась эта практика. Участие народа в лице своих групп в судьбе верховной власти обуславливалось как раз тем, что именно он, как «*страж благочестия*», по выражению Святых Отцов, судил,

насколько император соответствует образу православного царя. Поскольку Церковь и государство представляли собой в Византии единое органическое целое, ничего искусственного, нелогичного в этом нет. Понятно, что оценка никогда не может вестись по перечню критериев, заранее оговоренных окончательным списком, — как правило, применяются лишь общие характеристики и некоторые понятия, имеющие абсолютное значение. Таким критерием в первую очередь выступало Православие в контексте «общего блага» государства. Все остальное принадлежало к области конкретных нюансов.

И поэтому даже переход императора Иоанна V Палеолога в католичество (хотя в то время такого словосочетания просто не существовало, и формально царь лишь признал истинной латинскую редакцию Символа и власть папы) не привел к его падению, поскольку василевс действовал во благо Церкви и Римской империи. Византийское общество, тонкое и чуткое к нюансам реальных событий, благосклонно приняло эту *личную жертву* царя для спасения родины.

Император являлся средоточием всей римской христианской цивилизации. И необратимые последствия возникли даже не после гибели Константинополя — еще формально оставалась Морея в Пелопоннесе, а смерти последнего *законного царя*, св. Константина XI Палеолога. Именно его кончина на поле брани означала конец истории христианской Империи.

Они все прошли перед нами, от святого равноапостольного Константина I Великого до святого царя-мученика Константина XI. Среди них далеко не все были гениями, но и крайне редко встречаются типажи, наподобие императоров Юлиана Отступника и Фоки Солдата, — пожалуй, только Андроник I Комнин, и то лишь в определенной степени. Потомки скажут о них: «Это были суровые и энергичные люди, часто не знавшие ни угрызений совести, ни жалости, с властной и твердой волей, более заботившиеся о том, чтобы их боялись, чем о том, чтобы их любили. Но вместе с тем это были государственные деятели, воодушевленные мыслью о величии Империи, знаменитые полководцы, чья жизнь проходила на полях сражений, среди солдат, которых они ценили, видя в них источник могущества Империи. Это были умелые администраторы с упорной и несгибаемой энергией, ни перед чем не останавливавшиеся, когда дело шло об общественном благе»¹⁰⁰⁸.

Степень благочестия царей также разнилась, но при них Кафолическая Церковь жила своей нормальной жизнью. Интересная

статистика: из 109 реально царствовавших императоров и императриц (если считать от времени св. Константина Великого) *ни один* не был анафематствован Церковью. Зато 25 самодержцев и две порфирородные царевны, не считая патриархов св. Стефана I и св. Игнатия, урожденных царевичей, местнотимого в отдельных областях Западной Европы императора св. Гонория, боковых детей и близких родственников василевсов, прославлены ей. Невероятно много!

Вполне объяснимые лакуны в личности и способностях императоров компенсировали священноначалие, народ, аристократия, сама государственно-правовая традиция Византии наконец. Зато выдающийся царь становился мощнейшим катализатором общественных процессов, мог *сотворить невероятное*, невозможное для другого правителя в иной политической формации. Сделать, к примеру, христианство государственным законом Римской империи, как св. Константин Великий, или вытащить Империю из пропасти гибели, как императоры Македонской династии, Комнины, Ласкариды или Палеологи. И вот теперь, 29 мая 1453 г., царя не стало...

В истории человеческой цивилизации известно немало случаев гибели великих государств и даже империй. Задолго до рождения первого Византийского императора возникли и пали Ассирийское и Вавилонское царства, Египетская и Персидская империи, держава Александра Македонского, а затем империя гуннов, готская цивилизация и Арабский халифат. Но ни один из известных прецедентов не сопоставим по своим последствиям для истории человечества с падением Константинополя в 1453 г.

С гибелью Римской империи христианский мир стал качественно иным, другим. Он перестал быть единым, Вселенским, *Римским*; мир стал рассыпаться. В соответствии с особенностями германского духа, мало обращавшего внимания на идеальную, нравственную составляющую имперской идеи, национальные интересы отдельных европейских государств начали превалировать над общехристианскими ценностями. И, конечно, германский дух не был готов принять образ Византийского царя, возвышавшегося над остальными, — германцам был нужен контролируемый свободными людьми «первый среди равных». Разница двух цивилизационных типов стала особенно заметна чуть позднее на фоне *разлагающейся* Германской империи, «конфедеративной федерации» с выборным и бессильным императором. Этот процесс разложения проявлялся и до 1453 г. Но тогда рядом с Германской

империей существовала империя *Римская*, заставляя германцев стремиться к идеальным конструкциям, вольно или невольно подражать им. А после того как она пала, «германская модель» заняла безальтернативное положение — себе же на погибель, о чем еще германцы не догадывались.

Более того, факт падения Византии некоторые недалекие умы в Западной Европе ассоциировали с «ошибочностью», «непрактичностью» ее политических, правовых и культурных традиций, как и унижение Восточной церкви приписали ее «схизме». Это лишь подстегнуло центробежные силы в западной политике и европейской политической философии и некритичное развитие действительно ошибочных католических идей в богословии. И такое положение дел привело к тому, что Римская церковь все более и более отдалялась от святоотеческой практики и начала грешить новеллами (догматического и канонического свойства), продиктованными сиюминутными соображениями. Лишившись векового оппонента, Римская церковь продолжила медленное угасание. Уже через несколько десятилетий после падения Константинополя ее zalьет новый раскол, связанный с появлением мощной ветви западного христианства, *Реформация* и рожденный ей *протестантизм*. Наступит новая многовековая война, и кровь европейских христиан польется, как вода.

Апогеем этого противостояния католического и протестантского мира станет *Тридцатилетняя война* 1618—1648 гг., приведшая к полному обескровливанию Западной Европы, разрушению Германской империи и тяжелому поражению католицизма. В результате по Вестфальскому договору 1648 г. Германская империя будет разделена на 300 независимых государств и более 1 тысячи имперских владений, имевших почти самостоятельный статус. Разоренная войной, Западная империя лишится в результате *европейской бойни* почти 75 % населения¹⁰⁰⁹. Затем придут «просветители», Французская революция, «братская», но кровавая, I и II Ватиканские Соборы, «старокатолики» и «лефевристы».

В политической сфере естественное следствие реализации *германского духа* привело к тому, что вскоре вся Западная империя утратила последние черты какого-либо единства. Она перестала быть «империей» в буквальном смысле этого слова. Для *ромеев* православное вероисповедание любого лица и его подчинение власти Византийского императора автоматически означало, что тот также является «римлянином» вне зависимости от этнической принадлежности. Так некогда было и в Западной Европе, когда существо-

вал пример для подражания, осиянный веками традиций и седой древностью. Но процесс разложения единого политического тела на автономные политические образования, начавшийся еще при детях Карла Великого, привел в конце концов к тому, что Римская империя стала ассоциироваться с одной *конкретной нацией*.

Уже после 1430 г. все чаще и чаще в официальных документах встречается словосочетание «*deutsche Lande*» («немецкие земли»). Но поскольку сюда попадали помимо германцев еще венгры, скандинавы и поляки, было внесено уточнение — «*Alemanica nation*», «германская нация». В 1441 г. в документах были объединены понятия «*Sacrum Imperium*» («священная империя») и «*germanica nation*» («германская нация»), а в 1486 г. впервые появилось официальное наименование — *Священная Римская империя Германской нации* («*Heiliges Römisches Reich deutscher Natio*»). Резко возросла ксенофобия, и вскоре у немцев начала открыто проявляться антипатия к французам и итальянцам. Появились *германские* пророчества, согласно которым Германия должна взять на себя руководящую роль в мире и однажды снова завладеет им, когда изберет сильного императора, реформирует Церковь и выберет папу не в Риме, а в Майнце, заменив *Ecclesia Romana* на *Ecclesia Germanica*¹⁰¹⁰. Процесс «национализации» Германской империи, как можно без труда догадаться, проходил под эгидой «личных прав», противоположаемых «общему благу».

Конечно, в этом процессе распада уже не осталось не только римского духа, но и духа Карла Великого. Национальное государство, желающее всемирного господства, — типично *языческие* мотивы дохристианских времен. Почти одновременно с германцами аналогичные права на всемирное господство заявили французы и англичане. Со временем образуется *три* империи — Французская, Английская, Германская, не имеющие никаких шансов договориться между собой и ввергнувшие мир в катастрофу Первой мировой войны. Конечно, никакой идеи христианского единства они в себе не несли. Как заметил один исследователь, Священная Римская империя Запада не была ни священной, ни римской, ни империей. Она «была знакома с идеей божественного наместничества императора лишь в туманной форме; причем глубоко погрязшая в феодальных и национальных традициях, она и не пыталась воплотить эту идею»¹⁰¹¹.

Сформировавшуюся западную государственность для пушей убедительности решили назвать возрожденной «Римской империей». Поскольку же Константинополь *мешал* этой исторической

аберрации, но истребить его дух казалось невозможным, «просто» *исказили* память о великом государстве ромеев-греков и таким способом устранили конкурента на роль преемника священной Римской державы. Уже Эдуард Гиббон в XVIII веке преуспел в деле доказывания того, что вся история Римской империи с момента принятия ею христианства до последних дней представляет собой период постепенного, но *неуклонного упадка* (!). Но он все же не осмелился отказать Империи св. Константина Великого в наименовании «Римская империя». Его последователи оказались менее стеснительны: в 1863 г. в Европе был выдуман термин «*Византия*» (по древнему названию Константинополя¹⁰¹² — Византий), ранее никому не известный и нигде не употреблявшийся. И память о великом мировом государстве подверглась безобразному секвестру: начали утверждать, что Византия — это всего лишь *часть* Священной Римской империи, ушедшая в «схизму», заселенная греками и подвергнувшаяся агрессивной атаке со стороны эллинизма и восточной культуры. Иными словами, страна, не принадлежащая к европейской цивилизации.

И хотя эта ложь была вскоре развеяна, термин остался. История его интересна — он начал применяться в ином, *положительном контексте*, как часть истории Священной Римской империи с момента принятия ею христианства до падения Константинополя. Теперь «Византия» звучит романтически и возвышенно, как будто это государство — не от мира сего; что, впрочем, для наших дней является чистой правдой.

Кардинальные изменения коснулись, конечно, не только Запада. Лишенная своего защитника, дефензора, главы, Восточная церковь стала *иной*, наполненной в понимании турок исключительно людьми *второго сорта*. Раньше Церковь и государство были объединены властью Римского царя. И хотя в действительности его власть могла быть очень слабой, иногда почти номинальной, в идеале он по-прежнему являлся главой христианской Вселенной, представителем Бога перед людьми и христиан перед Спасителем. Теперь же императора не стало, и Церковь оказалась *отделенной* от государства, Османской империи. Раньше некоторые патриархи волновались чрезмерным, как им казалось, вмешательством василевса в дела церковного управления. Наверное, теперь их мечта сбылась: царь уже не руководил клиром, но Константинопольского архиепископа, «Вселенского патриарха», ставил на кафедру *мусульманин*¹⁰¹³. Достойная альтернатива...

Политическое подчинение Восточной церкви Османскому султану не прибавило ей жизнеспособности. Более того, все наиболее негативные явления, включая вероотступничество, папизм и симонию, расцвели пышным цветом. Здесь не место приводить печальные и даже омерзительные примеры, достаточно сказать, что *покупались* не только епископские кафедры, но и патриарший престол. Но мечта о христианской Вселенной, управляемой единым императором, ставленником Божьим на земле, не исчезла. И в далекой России буквально в эти же годы зарождается учение о «Москве — Третьем Риме». Возникла удивительная, уникальная по своей истории, но выросшая все же на византийских корнях *Русская православная цивилизация*.

Безусловно, византийское наследие не смогло заменить самой Византии. Между постоянно светящим и греющим землю Солнцем и взорвавшейся звездой, в последний раз выплеснувшей на окружающий мир свою энергию, есть большая разница. Как бы ни казалась призрачной идея воссоединения всех христиан в лоне единой Кафолической Церкви и Империи, но она имела шансы на реализацию, пока существовала Римская (Византийская) империя. Это государство было настолько величественно своей древностью, обладало такой глубочайшей культурой, что все остальные альтернативные и позднейшие «империи» просто не дотягивали до него. Несмотря на все старания, в поствизантийскую эпоху Кафолическая Церковь не смогла воссоединиться, а вслед за этим наступили вполне очевидные, хотя и медленно развивающиеся, вековые процессы *дехристианизации человечества*.

«Мир ушел от христианства — таков основной факт “новой истории”, — писал относительно не так давно протопресвитер Александр Шмеман (1921—1983). — Эпоха власти христианства над миром кончилась «освобождением» мира от этой власти. Средневековый синтез, в котором была сделана попытка разрешить изначальный антагонизм Церкви и “мира сего”, распался. Но этот новый разрыв не есть просто возвращение к раннему, доконстантиновскому положению вещей. Тогда христиане шли к победе. Теперь победа уже позади и оборачивается поражением. Тогда мир еще не верил в христианство, теперь он уже больше не верит в него. Правда, он хотел бы сохранить кое-что из своего христианского прошлого — христианские “принципы” и “основы”... Мы живем в мире, полном христианских “памятников”. Когда он не борется с христианством открыто, он даже готов честно признать свои “истоки” христианскими. И все же нужно быть слепым, чтобы не

видеть, что по-настоящему вдохновляют, по-настоящему “двигают историю” новые и уже совсем не христианские “откровения”, в них вкладывают человеческие стада свою неумирающую веру в земной прогресс, в земное счастье. А так называемые “христианские принципы” оказываются все бессильнее перед грозящей задушить нас волной грубой силы, цинизма и лжи. Увы, большая дорога истории давно уже проходит мимо христианства»¹⁰¹⁴.

И едва ли случайно, что мир все более и более тянется к Византии. Даже сегодня, в эпоху жесточайшего прагматизма и искаженного сознания, когда свобода человека отождествляется исключительно с наличием у него потребительских способностей и возможностью их удовлетворения, интерес к ней не пропал. Можно с уверенностью сказать, что *ни одна* культура, ни одно государство не притягивает к себе на протяжении более 500 лет такого повсеместного, многочисленного, разностороннего внимания и интереса, как держава православных Римских царей. В Германии, Франции, Италии, Греции, Болгарии, Сербии, Чехии, Словакии, Румынии, Великобритании, России, — словом, везде, где Византия оставила свой материальный или духовный след, и даже в США, интерес к ней огромен. Живут миллионы византинистов и любителей истории этого уникального государства, изданы сотни тысяч исследований и монографий по самым различным аспектам. Византия и сегодня, и ранее способна примирить католика с протестантом, а их вместе с православным христианином, поскольку она сама несла в себе собирательное начало.

Осознанно или нет, но мы ищем в этих «застывших» формах утраченную истину, ответ на современные вопросы, *ищем свою историю*. И, даст Бог, найдем.

Приложение № 16

«Римские императоры»

святой и равноапостольный Константин Великий (306—337)
Константин II (337—340)
Констант I (337—350)
Констанций (337—361)
Юлиан-Отступник (361—363)
Иовиан (363—364)
Валентиан I (364—375)
Валент (364—378)
Грациан (367—383)
Валентиан II (375—392)
святой Феодосий I Великий (379—395)
Аркадий (394—408)
святой Гонорий (395—423)
святой Феодосий II Младший (408—450)
Валентиан III (423—455)
святая Пульхерия (450—453)
святой Маркиан (450—457)
Петроний Максим (455)
Авит (455—456)
Юлий Валерий Майориан (457—461)
святой Лев I Великий (457—474)
Либий Север (461—465)
Прокопий Антемий (467—472)
Олибий (472)
Лев II Младший (473—474)
Глицерий (473—474)
Юлий Непот (474—475)
Ромул Август (475—476)
Зенон (474—475, 476—491)
Василиск (475—476)
Анастасий I (491—518)
Юстин I (518—527)
святой благочестивый Юстиниан I Великий (527—565)
Юстин II (565—574)
Тиверий (574—582)

святой Маврикий (582—602)
 Фока-узурпатор (602—610)
 Ираклий Великий (610—641)
 святой Константин III «Новый» (641)
 Ираклон (641)
 Констант II (641—668)
 Константин IV (668—685)
 Юстиниан II (685—695, 705—711)
 Леонтий (695—698)
 Тиверий II (698—705)
 Филиппик (711—713)
 Анастасий II (713—715)
 Феодосий III (715—717)
 Лев III Исавр (717—741)
 Константин V (741—775)
 Лев IV Хазар (775—780)
 Константин VI (780—797)
 святая Ирина (797—802)
 Никифор I Геник (802—811)
 Ставракий (811)
 Михаил I Рангаве (811—813)
 Лев V Армянин (813—820)
 Михаил II Травл (820—829)
 Феофил (829—842)
 святая Феодора (842—856)
 Михаил III (842—867)
 Василий I Македонянин (867—886)
 Лев VI Мудрый (886—912)
 Александр (912—913)
 Константин VII Порфирородный (913—959)
 Роман I Лакапин (919—944)
 Роман II (959—963)
 святой Никифор II Фока (963—969)
 Иоанн I Цимисхий (969—976)
 Василий II Болгаробойца (976—1025)
 Константин VIII (1025—1028)
 Роман III Аргир (1028—1034)
 Михаил IV Пафлагон (1034—1041)
 Михаил V Калафат (1041—1042)
 Зоя (1042—1050)
 Константин IX Мономах (1042—1055)

Феодора (1042—1056)
 Михаил VI Стратиотик (1056—1057)
 Исаак I Комнин (1057—1059)
 Константин X Дука (1059—1067)
 Евдокия (1067)
 Роман IV Диоген (1068—1071)
 Михаил VII Дука Параспинак (1071—1078)
 Никифор III Вотаниат (1078—1081)
 Алексей I Комнин (1081—1118)
 Иоанн II Комнин (1118—1143)
 Мануил I Комнин (1143—1180)
 Алексей II Комнин (1180—1183)
 Андроник I Комнин (1183—1185)
 Исаак II Ангел (1185—1195, 1203—1204)
 Алексей III Ангел Комнин (1195—1203)
 Алексей IV Ангел (1203—1204)
 Алексей V Дука Мурцуфл (1204)
 Феодор I Ласкарис (1204—1222)
 святой Иоанн III Дука Ватац (1222—1254)
 Феодор II Ласкарис (1254—1258)
 Иоанн IV Ласкарис (1258—1261)
 Михаил VIII Палеолог (1261—1282)
 Андроник II Палеолог Старший (1282—1328)
 Михаил IX Палеолог (1295—1320)
 Андроник III Младший Палеолог (1328—1341)
 Иоанн V Палеолог (1341—1391)
 Иоанн VI Кантакузен (1347—1354)
 Матфей (1354—1357)
 Андроник IV Палеолог (1376—1379)
 Иоанн VII Палеолог (1390)
 святой Мануил II Палеолог (1391—1425)
 Иоанн VIII Палеолог (1425—1448)
 святой Константин XI Палеолог (1448—1453)

Приложение № 17

«Императоры Западной империи»

Период правления	Правитель
Франкские императоры	
800—814	Карл Великий
814—840	Людовик I
840—855	Лотарь I
855—875	Людовик II
875—877	Карл II
881—887	Карл III
891—894	Гай Сполетский
894—896	Ламберт Сполетский
896—899	Арнульф
901—905	Людовик III
905—924	Беренгар I
Итальянские императоры	
924—926	Рудольф Бургундский
926—945	Гуго Прованский
945—950	Лотарь
950—962	Беренгар II
Германские императоры	
911—918	Конрад I
918—936	Генрих I
962—973	Оттон I
973—983	Оттон II
983—1002	Оттон III
1002—1024	Генрих II
1024—1039	Конрад II
1039—1056	Генрих III
1056—1105	Генрих IV
1105—1125	Генрих V

ПРИЛОЖЕНИЕ

1125—1137	Лотарь II
1138—1152	Конрад III
1152—1190	Фридрих I
1191—1197	Генрих VI
1197—1218	Отто IV
1218—1245	Фридрих II
1247—1250	Вильгельм II
1250—1273	Конрад IV
1273—1291	Рудольф I
1292—1298	Адольф
1298—1308	Альберт I
1308—1313	Генрих VII
1314—1330	Фридрих III
1314—1347	Людовик IV
1347—1378	Карл IV
1378—1400	Венцеслав
1400—1410	Руперт III
1410—1411	Джобст
1410—1437	Сигизмунд
1438—1439	Альберт II
1440—1493	Фридрих V

Приложение № 18

«Римские папы»

Святой апостол Петр
Святой апостол Лин до 76 (78)
Анаклет 76 (78) — 88 (90)
Св. Климент I 88 (90) — 97 (99)
Эварист 97 (99) — 105 (107)
Сщмч. Александр I 105 (107) — 115 (116)
Сикст I 115 (116) — 125
Телесфор (125—136)
Сщмч. Иггин Философ (136—140)
Пий I 140 — (154) 155
Аникита (154) — (165) 166
Сотирий (165) 166 — (174) 175
Сщмч. Елевферий I (174) 175—189
Виктор I 189—199
Зефирин 199—217
Наталис, антипапа (199—?)
Каликст I (217—222)
Сщмч. Ипполит Римский, антипапа (217—235)
Урбан I (222—230)
Понтиан (230—235)
Сщмч. Анфир (Антер) (235—236)
Сщмч. Фавий (Фабиан) (236—250)
Корнилий (251—253)
Новатиан, антипапа (251—268)
Лукий I (253—254)
Стефан I (254—257)
Сщмч. Сикст II (257—258)
Дионисий (259—269)
Феликс I (269—274)
Евтихий (275—283)
Сщмч. Гай (283—296)
Маркеллин (296—304)
Маркелл I (308—309)
Евсевий (309—310)
Мильтиад (Мельхиад) (311—314)

Свт. Сильвестр I (314—335)
 Марк (336—336)
 Юлий I (337—352)
 Свт. Ливерий (352—366)
 Дамас (366—384)
 Феликс II, антипапа (355—358; 365)
 Урсин, антипапа (366—367)
 Сириций (384—399)
 Анастасий I (399—401)
 Иннокентий I (401—417)
 Зосима (417—418)
 Бонифатий I (418—422)
 Евлалий, антипапа (418—419)
 свт. Келестин (Целестин) I (422—432)
 Сикст III (432—440)
 Свт. Лев I Великий (440—461)
 Иларий (461—468)
 Симплиций (468—483)
 Феликс II (483—492)
 Геласий I (492—496)
 Анастасий II (496—498)
 Симмах (498—514)
 Лаврентий, антипапа (498, 501—505)
 Гормизд (514—523)
 Иоанн I (523—526)
 Феликс III (526—530)
 Бонифатий II (530—532)
 Диоскур (антипапа) (530)
 Иоанн II (533—535)
 Свт. Агапит I (535—536)
 Сильверий (536—537)
 Вигилий (537—555)
 Пелагий I (556—561)
 Иоанн III (561—574)
 Бенедикт I (575—579)
 Пелагий II (579—590)
 Свт. Григорий I Великий (590—604)
 Сабиниан (604—606)
 Бонифатий III (607)
 Бонифатий IV (608—615)
 Адеодат I (Деуседит) (615—618)

Бонифатий V (619—625)
 Гонорий I (625—638)
 Северин (640)
 Иоанн IV (640—642)
 Феодор I (642—649)
 Свт. Мартин I Исповедник (649—653)
 Евгений I (654—657)
 Виталиан (657—672)
 Адеодат II (672—676)
 Домн (676—678)
 Прп. Агафон (678—681)
 Лев II (682—683)
 Бенедикт II (684—685)
 Иоанн V (685—686)
 Конон (686—687)
 Феодор, антипапа (687)
 Пасхалий, антипапа (687—692)
 Сергей I (687—701)
 Иоанн VI (701—705)
 Иоанн VII (705—707)
 Сисинний (708—708)
 Константин (708—715)
 Григорий II (715—731)
 Григорий III (731—741)
 Захарий (741—752)
 Стефан II (752)
 Стефан II (III) (752—757)
 Павел I (757—767)
 Стефан III (IV) (768—772)
 Константин II, антипапа (767—769)
 Филипп, антипапа (768)
 Адриан I (772—795)
 Лев III (795—816)
 Стефан IV (V) (816—817)
 Пасхалий I (817—824)
 Евгений II (824—827)
 Валентин (827)
 Григорий IV (827—844)
 Иоанн, антипапа (844)
 Сергей II (844—847)
 Лев IV (847—855)

Бенедикт III (855—858)
 Анастасий, антипапа (855)
 Николай I (858—867)
 Адриан II (867—872)
 Иоанн VIII (872—882)
 Марин I (882—884)
 Адриан III (884—885)
 Стефан V (VI) (885—891)
 Формоз (891—896)
 Бонифатий VI (896)
 Стефан VI (VII) (896—897)
 Роман (897)
 Феодор II (897)
 Иоанн IX (898—900)
 Бенедикт IV (900—903)
 Лев V (903)
 Христофор, антипапа (903—904)
 Сергей III (904—911)
 Анастасий III (911—913)
 Ландон (913—914)
 Иоанн X (914—928)
 Лев VI (928)
 Стефан VII (VIII) (928—931)
 Иоанн XI (931—935)
 Лев VII (936—939)
 Стефан VIII (IX) (939—942)
 Марин II (942—946)
 Агапит II (946—955)
 Иоанн XII (955—963)
 Лев VIII (963—965)
 Бенедикт V, антипапа (964)
 Иоанн XIII (965—972)
 Венедикт VI (973—974)
 Бонифаций VII, антипапа (в первый раз) (974)
 Бенедикт VII (974—983)
 Иоанн XIV (983—984)
 Бонифаций VII, антипапа (во второй раз) (984—985)
 Иоанн XV (985—996)
 Григорий V (996—999)
 Иоанн XVI, антипапа (997—998)
 Сильвестр II (999—1003)

Иоанн XVII (1003)
 Иоанн XVIII (1004—1009)
 Сергей IV (1009—1012)
 Бенедикт VIII (1012—1024)
 Григорий VI, антипапа (1012)
 Иоанн XIX (1024—1032)
 Бенедикт IX (в первый раз) (1032—1044)
 Сильвестр III (1045)
 Бенедикт IX (во второй раз) (1045)
 Григорий VI (1045—1046)
 Климент II (1046—1047)
 Бенедикт IX (в третий раз) (1047—1048)
 Дамасий II (1048)
 Лев IX (1049—1054)
 Виктор II (1055—1057)
 Стефан IX (X) (1057—1058)
 Бенедикт X, антипапа (1058)
 Николай II (1058—1061)
 Александр II (1061—1073)
 Гонорий II, антипапа (1061—1072)
 Григорий VII (1073—1085)
 Климент III, антипапа (1080, 1084—1100)
 Виктор III (1086—1087)
 Урбан II (1088—1099)
 Пасхалий II (1099—1118)
 Теодор, антипапа (1100—1102)
 Альберт, антипапа (1102)
 Сильвестр IV, антипапа (1105—1111)
 Геласий II (1118—1119)
 Григорий VIII, антипапа (1118—1121)
 Каликст II (1119—1124)
 Гонорий II (1124—1130)
 Целестин II, антипапа (1124)
 Иннокентий II (1130—1143)
 Анаклет II, антипапа (1130—1138)
 Виктор IV (Григорий), антипапа (1138)
 Целестин II (1143—1144)
 Луций II (1144—1145)
 Евгений III (1145—1154)
 Анастасий IV (1154)
 Адриан IV (1154—1159)

Александр III (1159—1181)
 Виктор IV, антипапа (1159—1164)
 Пасхалий III, антипапа (1164—1168)
 Калликст III, антипапа (1168—1178)
 Иннокентий III, антипапа (1179—1180)
 Луций III (1181—1185)
 Урбан III (1185—1187)
 Григорий VIII (1187)
 Климент III (1187—1191)
 Целестин III (1191—1198)
 Иннокентий III (1198—1216)
 Гонорий III (1216—1227)
 Григорий IX (1227—1241)
 Целестин IV (1241)
 Иннокентий IV (1243—1254)
 Александр IV (1254—1261)
 Урбан IV (1261—1264)
 Климент IV (1265—1268)
 Григорий X (1271—1276)
 Иннокентий V (1276)
 Адриан V (1276)
 Иоанн XXI (1276—1277)
 Николай III (1277—1280)
 Мартин IV (1281—1285)
 Гонорий IV (1285—1287)
 Николай IV (1288—1292)
 Целестин V (1294)
 Бонифаций VIII (1294—1303)
 Бенедикт XI (1303—1304)
 Климент V (1305—1314)
 Иоанн XXII (1316—1334)
 Николай V, антипапа (1328—1330)
 Бенедикт XII (1334—1342)
 Климент VI (1342—1352)
 Иннокентий VI (1352—1362)
 Урбан V (1362—1370)
 Григорий XI (1370—1378)
 Урбан VI (1378—1389)
 Климент VII, антипапа (1378—1394)
 Бонифаций IX (1389—1404)
 Бенедикт XIII, антипапа (1394—1417)

Климент VIII, антипапа (1423—1426)
Бенедикт XIV, антипапа (1425—1430).
Иннокентий VII (1404—1406)
Григорий XII (1406—1415)
Александр V, антипапа (1409—1410)
Иоанн XXIII, антипапа (1410—1415)
Мартин V (1417—1431)
Климент VIII, антипапа (1423—1429)
Бенедикт XIV, антипапа (1425—1430)
Евгений IV (1431—1447)
Бенедикт XV, антипапа (1433—1438)
Феликс V, антипапа (1439—1449)
Николай V (1447—1455)

Приложение № 19

«Константинопольские патриархи»

Апостол Андрей (основатель)
Стахий (38—54)
Онисим (54—68)
Поликарп I (71—89)
Плутарх (89—105)
Седекион (105—114)
Диоген (114—129)
Елевтерий (129—136)
Феликс (136—141)
Поликарп II (141—144)
Афинодор (Афиноген) (144—148)
Евзой (148—154)
Лаврентий (154—166)
Алипий (Олимпий) (166—169)
Пертинак (169—187)
Олимпиан (187—198)
Марк I (198—211)
Филадельф (211—217)
Кириак I (Кириллиан) (214—230)
Кастин (Константин) (230—237)
Евгений I (240—265)
Тит (242—272)
Руфин (284—293)
Пробус (303—315)
Митрофан I (306—314)
Александр (314—337)
Павел I (337—339)
Евсевий (339—342)
Павел I (вторично) (341—342)
Македоний I (342—346)
Павел I (в третий раз) (346—351)
Македоний I (вторично) (351—360)
Евдоксий (360—370)
Евагрий (370)
Димофил (370—380)

Григорий I (379—381)
 Максим (380)
 Нектарий (381—397)
 Св. Иоанн I Златоуст (398—404)
 Арсакий (404—405)
 Аттик (406—425)
 Сисиний (426—427)
 Несторий (428—431)
 Максимиан (431—434)
 Прокл (434—446)
 Флавиан (446—449)
 Анатолий (449—458)
 Геннадий I (458—471)
 Акакий (472—489)
 Фравита (489)
 Евфимий (489—495)
 Македоний II (495—511)
 Тимофей I (511—518)
 Иоанн II Каппадокийский (518—520)
 Епифаний (520—535)
 Анфим I (535—536)
 Мина (536—552)
 Евтихий (552—565)
 Иоанн III Схоластик (565—577)
 Евтихий (вторично) (577—582)
 Иоанн IV Постник (585—595)
 Кириак (595—606)
 Фома I (607—610)
 Сергей I (610—638)
 Пирр (638—641)
 Павел II (641—653)
 Пирр (вторично) (655)
 Петр (655—666)
 Фома II (667—669)
 Иоанн V (669—675)
 Константин I (675—677)
 Феодор I (677—679)
 Георгий I (679—686)
 Феодор I (вторично) (686—687)
 Павел III (687—693)
 Каллиник I (693—705)

Кир (706—711)
 Иоанн VI (712—714)
 Герман I (715—730)
 Анастасий (730—754)
 Константин II (754—766)
 Никита I (766—780)
 Павел IV (780—784)
 Тарасий (784—806)
 Никифор (806—815)
 Феодот (Касситера) (815—821)
 Антоний I (Кассимата) (821—836)
 Иоанн VII Грамматик (836—842)
 Мефодий I (842—846)
 Игнатий (846—858)
 Фотий (858—867)
 Игнатий (вторично) (867—877)
 Фотий (вторично) (877—886)
 Стефан I (886—893)
 Антоний II Кавдеа (893—901)
 Николай I Мистик (901—907)
 Евфимий (907—912)
 Николай I (вторично) (912—925)
 Стефан II (925—928)
 Трифон (928—931)
 Феофилакт (931—956)
 Полиевкт (956—970)
 Василий I Скамадрин (970—974)
 Антоний III Студит (974—980)
 Николай II Хрисоверг (984—995)
 Сисиний II (996—999)
 Сергей II Мануилит (999—1019)
 Евстафий (1020—1025)
 Алексей Студит (1025—1043)
 Михаил I Керулларий (1043—1059)
 Константин III Лихуд (1059—1063)
 Иоанн VIII Ксифилин (1063—1075)
 Козьма I Иерусалимит (1075—1081)
 Евстратий Гарида (1081—1084)
 Николай III Гамматик (1084—1111)
 Иоанн IX Агапит (1111—1134)
 Лев Стипп (1134—1143)

Михаил II Курку (Оксеит) (1143—1146)
 Козьма II Агтик (1146—1147)
 Николай IV Музалон (1147—1151)
 Феодот II (1151—1153)
 Неофит I (1153)
 Константин IV Хлиарин (1154—1156)
 Лука Хрисоверг (1156—1169)
 Михаил III (1170—1177)
 Харитон Евгениот (1177—1178)
 Феодосий Ворадиот (1178—1183)
 Василий II (Филакопул) (1183—1186)
 Никита II Мунтан (1187—1189)
 Леонтий Феотокит (1189—1190)
 Досифей (1190—1191)
 Георгий II Ксифилин (1191—1198)
 Иоанн X (1198—1206)
 Михаил IV Авториан (1207—1213)
 Феодор II Ириник (Копа) (1213—1215)
 Максим II (1215)
 Мануил I (Харитопул) (1215—1222)
 Герман II (1222—1240)
 Мефодий (1240)
 Мануид II (1240—1255)
 Арсений Авториан (1255—1260)
 Никифор II (1260—1261)
 Арсений (вторично) (1261—1267)
 Герман III (1267)
 Иосиф I (1267—1275)
 Иоанн XI Векк (1275—1282)
 Иосиф I (вторично) (1282—1283)
 Григорий II (Георгий) Кипрский (1283—1289)
 Афанасий I (1289—1293)
 Иоанн XII (Козьма) (1294—1304)
 Афанасий I (вторично) (1304—1310)
 Нифонт I (1311—1315)
 Иоанн XIII Гликос (1316—1320)
 Герасим I (1320—1321)
 Исайя (1323—1334)
 Иоанн XIV Калека (1334—1347)
 Исидор I (1347—1349)
 Каллист I (1350—1354)

Филофей (1354—1355)
Каллист I (вторично) (1355—1363)
Филофей Коккин (вторично) (1364—1376)
Макарий (1376—1379)
Нил (1380—1388)
Антоний IV (1389—1390)
Макарий (вторично) (1390—1391)
Антоний IV (вторично) (1391—1397)
Каллист II Ксанфопул (1397)
Матфей (1397—1410)
Евфимий II (1410—1416)
Иосиф II (1416—1439)
Митрофан II (1440—1443)
Григорий III Маммас (1443—1453)
Афанасий (1450)
Геннадий II Схоларий (1454—1456)

Приложение № 20

«Александрийские патриархи»

Апостол и евангелист Марк (42 — 62/63)

св. Аниан (62/63—83/84)

св. Авилий (84—98)

Кердон (98—109)

Прим (110—121)

Юст (Юстин) (121—130)

Евмен (131—144)

Марк II (Маркиан) (144—154)

Келадион (Келладий) (154—167)

Агриппин (Агриппа) (167—180)

Юлиан (Юлий) (180—189)

Димитрий (189—231)

Иракла (231 или 232—246/47)

св. Дионисий Великий (247/48—264/65)

св. Максим (Максимиан) (264/65—282)

св. Феона (282—300)

Пётр Александрийский (300—311)

Ахилла (312—313)

св. Александр I (313—328)

св. Афанасий Великий (328—336)

Пист (337—338)

св. Афанасий, повторно (337—339)

Григорий (339—346)

св. Афанасий, 3-й раз (346—356)

Георгий (357—358)

Георгий, повторно (361)

Лукий (361)

св. Афанасий, 4-й раз (362)

св. Афанасий, 5-й раз (364—365)

Лукий, повторно (365)

св. Афанасий, 6-й раз (366—373)

Петр II (373—374)

Лукий, в 3-й раз (375—378)

Петр II, повторно (379—380)

св. Тимофей I (380—384)

Феофил, Патриарх (384—412)
 св. Кирилл Великий (412—444)
 Диоскор (444—451)
 св. Протерий (451—457)
 Тимофей II Элур (457—460)
 Тимофей III Салофакиол (460—475)
 Тимофей II Элур повторно (475—477)
 Петр III Монг (477)
 Тимофей III Салофакиол, повторно (477—482)
 Иоанн I Талайя (482)
 Петр III Монг, повторно (482—489)
 Афанасий II Килит (489/90—496/97)
 Иоанн II Мелис (496—507)
 Иоанн III Никиот (507—516/17)
 Диоскор II (516/17—520)
 Тимофей IV (520—535)
 Феодосий I (535—537)
 Гайна (Гайан) (537)
 Павел Тавеннисииот (539—540/41)
 Зоил (541—551)
 св. Аполлинарий (551—568)
 Иоанн IV (569—579)
 св. Евлогий (580—607/08)
 Феодор Скрибон (607/08—609)
 св. Иоанн V Милостивый (609/10—619/20)
 Георгий I (621—630)
 Кир (630/31—642)
 Петр IV (642—644)
 вдовство кафедры
 Иоанн VI (?)
 Евтихий (?)
 Петр V (?)
 Петр VI (?) (кон. VII в.)
 Косма I (731 — после 767)
 Политиан (до 787 — ок. 801)
 Евстафий (ок. 801 — ок. 805)
 Афанасий II (?)
 Христофор I (ок. 805—836... 841)
 Софроний I (836... 841—17.11.859)
 Михаил I (Сиаил) (859—871/72)
 Михаил II (871/72—903)

Иоанн VII Майюма (?)
 Христодул (Абд аль-Масих) (907—932)
 Евтихий II (Саид ибн-Батрик) (933—940)
 Софроний II (941)
 Исаак (941—954)
 Иов (Иаков) (954—960)
 Илия I (964—972)
 Илия II (972—1000)
 св. Арсений I (1000—1010)
 Феофил II (Филофей) (1010—1020)
 Георгий II (1021—1052)
 Леонтий (1052—1059)
 Александр II (1059—1062)
 Иоанн VIII Кодонат (1062—1100)
 Савва (после 1100—1122)
 Феодосий II (1122—1137)
 Кирилл II (?)
 Евлогий II (?)
 Софроний III (1166)
 Илия III (1171—1175)
 Елевферий (1175—1180)
 Марк III (1180—1209)
 Николай I (1210—1235)
 Григорий I (1235—1243)
 Николай II (1243—1276)
 Афанасий III Синаит (1276—1308)
 Григорий II (1308—1332)
 Григорий III (1332—1350)
 Нифонт (1350—1371)
 Марк IV (1371—1385)
 Николай III (1385—1397/98)
 Григорий IV (1397/98—1412)
 Николай IV (1412—1417)
 Афанасий IV (1417—1425)
 Марк V (1425—1437)
 Филофей I (1437—1459)

Приложение № 21

«Антиохийские патриархи»

Апостол Пётр
Евод (53—68)
Игнатий I (68—104)
Ирон I (104—126)
Корнилий (127—151)
Ирон II (151—169)
Феофил (169—188)
Максимин (188—192)
Серапион (192—212)
Асклипиад (212—220)
Филипп (220—232)
Зевин (232—240)
Вавила (240—252)
Фавий (252—255)
Димитрий (256—262)
Амфилохий (262—266)
Павел I Самосатский (267—270)
Домн (270—273)
Тимей (273—277)
Кирилл I (277—279)
Тиранн (299—308)
Виталий (308—314)
Св. Филогоний (314—324)
Роман (324)
Павлин I (324 и 332)
Евстафий (324—331)
Евлавий (332—333)
Евфроний (333—334)
Плакентий (334—341)
Стефан I (341—345)
Леонтий (345—356)
Евдоксий (357—358)
Анний (359)
Мелетий I (360—381)
Евзой (360—376)

Павел II (362—388)
 Виталий II (375)
 Дорофей I (376—380)
 Флавиан I (381—404)
 Евагрий (388—392)
 Порфирий (404—408)
 Александр I (408—418)
 Феодот (418—427)
 Иоанн I (427—443)
 Домн II (443—450)
 Максим (450—456)
 Василий (456—459)
 Акакий (459—461)
 Мартирий (461—465)
 Петр II Сукновал (465—466, 474—475 и 475)
 Юлиан (466—474)
 Иоанн II Кодонат (475 и 495—497)
 Стефан I (477—?)
 Стефан II (? —481)
 Иоанн Калландион (481—484)
 Петр II Сукновал (482—488)
 Палладий (488—498)
 Флавиан II (498—512)
 Севир Антиохийский (512—518)
 Павел II (III) (518—520)
 Евфрасий (521—527)
 Ефрем (526—545)
 Домн III (545—559)
 Анастасий I (559—570 и 593—598)
 Григорий I (570—593)
 Анастасий II (599—610)
 Григорий II (610—620)
 Македоний (620—628 и 639—649)
 вакантно (628—639)
 Георгий I (649—656)
 Макарий I (653—680)
 Феофан (680—687)
 Севастиан (687—690)
 Георгий II (690—695)
 Александр II (695—702)
 вакантно (702—742)

Стефан IV (742—748)
 Феофилакт (748—757)
 Федор I (757—797)
 Иоанн IV (797—810)
 Иов I (810—826)
 Николай I (826—834)
 Симеон (834—840)
 Илия (840—852)
 Феодосий I (852—860)
 Николай II (860—878)
 Михаил I (878—889)
 Захария (890—901)
 Георгий III (902—917)
 Иов II (917—937)
 вакантна с 937 по 939 г.
 Евстафий (939—959)
 Христофор I (960—967)
 Федор II (970—976)
 Агапий (977—995)
 Иоанн V (995—1000)
 Николай III (1000—1002)
 Илия II (1003—1010)
 Георгий IV или Феодор III (1010—1015)
 Макарий II (1015—1023)
 Елевферий (1023—1028)
 Петр II (1028—1051)
 Иоанн VI (1051—1062)
 Емилиан (1062—1075)
 Феодосий II (1075—1084)
 Никифор (1084—1090)
 Иоанн VII (1090—1099)
 вакантно (1099—1155)
 Иоанн VIII (1155—1159)
 Евфимий I (1159—1164)
 Макарий III (1164—1166)
 Афанасий II (1166—1180)
 Феодосий III (1180—1182)
 Илия III (1182—1184)
 Христофор II (1184—1185)
 Феодор IV (1185—1199)
 Иоаким (1199—1219)

Дорофей I (II) (1219—1245)
Симеон II (1245—1260)
Евфимий II (1260—1269)
Феодосий IV (1269—1276)
Феодосий V (1276—1285)
Арсений (1285—?)
Дионисий (1293—1308)
Марк I (1308—1342)
Игнатий II (1342—1353)
Михаил II (1353—1369)
вакантно (1369—1386)
Пахомий I (1386—1393)
Нил (1393—1401)
Михаил III (1401—1410)
Пахомий II (1410—1411)
Иоахим II (1411—1426)
Марк II (1426—1436)
Дорофей II (III) (1436—1454)

Приложение №22

«Иерусалимские патриархи»

Иаков брат Господень (62)
Симеон (106—107)
Иуст (111)
Закхей
Товия
Вениамин I
Иоаким I
Матфей I
Вениамин II, называемый Филиппом
Сенека
Иуст II
Левий
Ефрем I
Иосиф I
Иуда
Марк (134)
Кассиан
Пувлий
Максим I
Юлий
Гай или Гайан I
Симмах
Гай II
Юлиан или Уалис
Капион
Максим II
Антоний
Уалис
Долихиан (185)
Нарцисс I (185—213)
Элиос или Зевс (211)
Германион (211)
Гордей (213—215)
Александр (213—251)
Мазаван (251—260)

Именей (260—298)
 Замвда (298—300)
 Ермон (300—314)
 Макарий I (314—333)
 Максим (333—348)
 Кирилл I (350—386)
 Иоанн II (386—417)
 Правлий I (417—422)
 Ювеналий (422—458)
 Анастасий I (458—478)
 Мартирий (478—486)
 Саллюстий (486—494)
 Илья I (494—516)
 Иоанн III (516—524)
 Петр I (524—552)
 Макарий II (552)
 Евстохий (552—564)
 вакантная кафедра (564—575)
 Иоанн IV (575—594)
 Амос (594—601)
 Исаакий (601—609)
 Захария (609—632)
 Модест (632—634)
 Софроний I (634—638)
 Анастасий II (706)
 Иоанн V (706—735)
 Феодор I (735—770)
 Илья II (770—797)
 Георгий II (797—807)
 Фома I (807—820)
 Василий (820—838)
 Иоанн VI (838—842)
 Сергей I (842—844)
 Соломон (855—860)
 Феодосий (862—878)
 Илья III (878—907)
 Сергей II (908—911)
 Леонтий (912—929)
 Афанасий I (929—937)
 Христодул I (937)
 Агафон (950—964)

Иоанн VII (964—966)
 Христодул II (966—969)
 Фома II (969—977)
 Иосиф (980—983)
 Орест (984—1005)
 Феофил (1012—1020)
 Никифор I (1020)
 Иоанникий (1020—1084)
 Софроний II (1084)
 Евфимий I (1084)
 Симеон II (1084—1106)
 Савва (1106)
 Иоанн VIII (1106—1156)
 Николай (1156)
 Иоанн IX (1156—1166)
 Никифор II (1166—1170)
 Леонтий II (1170—1190)
 Досифей I (1191)
 Марк II (1191)
 Евфимий II (1223)
 Афанасий II (1224—1236)
 Софроний III (1236)
 Григорий I (1298)
 Фаддей (1298)
 Афанасий III (1313—1334)
 Григорий II (1332)
 Лазарь (1334—1368)
 Арсений (1344)
 Дорофей (1376—1417)
 Феофил II (1417—1424)
 Феофан I (1424—1431)
 Иоаким (1431—1450)
 Феофан II (1450—1452)
 Афанасий IV (1452—1460)

Библиография

- Аверинцев С.С.* Другой Рим. СПб., 2005.
- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
- Аверинцев С.С.* Словарь-София-Логос. Киев, 2005.
- Агафий Миринейский.* О царствовании Юстиниана. М., 1996.
- Агрономов А.И.* Джихад: «Священная война». М., 2002.
- Адам Бременский.* Деяния архиепископов Гамбургской церкви. В 4 книгах//Славянские хроники. М., 2011.
- Адамов И.И.* Святитель Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад, 2006.
- Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.
- Азаревич Д.* История византийского права. Т. 1. Ярославль, 1876.
- Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета // Киннам Иоанн. Краткое изложение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Рязань, 2003.
- Акрополит Георгий.* Эпитафия прославленному императору Иоанну Дуке // Акрополит Георгий. История. СПб., 2005.
- Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. М., 2004.
- Аллар Поль.* Христианство и Римская империя от Нерона до Феодосия. СПб., 1898.
- Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. М., 1880.
- Альфан Луи.* Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI в. М., 2006.
- Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007.
- «Анонимная Сирийская хроника 1234 г.».
- «Антология восточно-христианской богословской мысли». В 2 т. М., 2010.
- Асмус Валентин, протоиерей.* Всемирное воздвижение Честного и Животворящего Креста (Эортологический этюд) // «Имперское возрождение». № 1. 2004.
- Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по истории Церкви.
- Асмус Валентин, протоиерей.* О Константинопольской кафедре // Вестник русского христианского движения. №195. 2009.

Асмус Валентин, протоиерей. Отношения Церкви и государства по законам императора Юстиниана I (Великого) // http://oroik.Netda.chten_99/asmus.htm

Асмус Валентин, протоиерей. Происхождение царской власти (к истолкованию I Царств VIII) // *Regnum Aeternum*. М.—Париж, 1996. № 1.

Асмус Валентин, протоиерей. Пятый Вселенский Собор // Журнал Московской Патриархии. №12. 2003.

Асмус Валентин, протоиерей. Рецензия на книгу Афиногенова Д.Е. «Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784—847)». М., 1997 // Богословский вестник. № 4. 2004.

Асмус Валентин, протоиерей. Свяtitель Епифаний Кипрский // Журнал Московской Патриархии. № 5. 2003.

Асмус Валентин, протоиерей. Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви // *Regnum Aeternum*. М.—Париж, 1996. № 1.

Асмус Валентин, протоиерей. Четвертый крестовый поход (1198—1204). Речь на годовичном праздничном акте Московской духовной академии 14 октября 2002 г. // <http://www.netda.ru/belka/texty/asmus-4kp.htm>

Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия Византийских императоров // Двенадцать писем об Империи / сб. ст. под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. СПб., 2003.

Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия императоров в поздней Византии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002.

Ауров О.В. Королевства вестготов в истории средневекового Запада // Вестготская правда (книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследования. М., 2012.

Афиногенов Д.Е. Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. М., 2004.

Балдуин В. Маршал. Александр XIII и Двенадцатый век. СПб., 2003.

Банников А.В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011.

Банников А.В. Эволюция римской военной системы в I—III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.—М., 2013.

Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV—XII вв.). СПб., 2013.

Бармин А.В. Полемика и схизма. История Греко-латинских споров IX—XII веков. М., 2006.

Барсов Е.В. Древнерусские памятники венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царской власти на Руси. М., 1883.

Барсов Т.В. Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью. СПб., 1878.

Барсов Т.В. О каноническом элементе в церковном управлении. М., 1882.

Батишев Д.А. «Священная война» в контексте Крестовых походов. М., 2012.

Баха Ад-Дин. Саладин, победитель крестоносцев. М.—СПб., 2009.

Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл // Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Любарский Я.Н. Михаил Пселл: личность и творчество. СПб., 2001.

Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004.

Бейкер Дж. Юстиниан. Великий законодатель. М., 2004.

Беляев Д.Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. В 2 книгах. Книга 2. СПб., 1893.

Беляев Н.Я. Догмат папской непогрешимости. Историко-критический обзор. Выпуск первый: папский догмат в процессе образования и развития до XIV в. Казань, 1882.

Беневич Г.И. Никифор Влеммид, Григорий Кипрский и др. Вопрос об исхождении Святого Духа // Антология восточно-христианской богословской мысли. В 2 т. Т. 2. М.—СПб., 2009.

Берман Гарольд Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.

Бернацкий М.М. Григорий Палама // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006.

Бибиков М.В. К социально-психологическому анализу писем Григория Кипрского: бедность, бедствия, болезни // Византийский временник. № 56 (81). 1995.

Бирюков Д.С. О диспуте свт. Григория Паламы с Никифором Григорой и его изложение Факрасисом // Факрасис Георгий. Диспут свт. Григория Паламы с Григорой философом. Святая гора Афон, 2009.

Близнюк С.В. Короли Кипра в эпоху Крестовых походов. СПб., 2014.

Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998.

Боголепов Н.П. Учебник истории римского права. М., 2004.

Богородский А.Я. Еврейские цари // Еврейские цари и первосвященники / Сост. Р.А. Андреев. М., 2011.

Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. В 4 т. М., 1994.

Болотов В.В. История Церкви в период Вселенских Соборов. М., 2007.

Боханов А.Н. Византия — навсегда! // Имперское возрождение. № 2. 2010.

Боханов А.Н. Ромейская имперская традиция и русское имперское пере-
воплощение в XV—XVI веках.

Браунворт Ларс. Забытая Византия, которая спасла Запад. М., 2012.

Брентано Л. Народное хозяйство Византии. М., 2010.

Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. // Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. СПб., 2006.

Бриллиантов А.И. Лекции по истории древней Церкви. СПб., 2007.

Буданова В.П. Великое переселение народов. В 6 лекциях.

Буганов Р.Б., Э.П.Г. Иоанн III Дука Ватац // Православная энцикло-
педия. Т. 23. М., 2010.

Бэрд Ч. Реформация XVI века в ее отношении к новому мышлению
и знанию. СПб., 1897.

Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до кон-
ца VII века. СПб., 2008.

Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в свя-
зи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.

Васильев А.А. Византия и арабы. Т. 1. Политические отношения Визан-
тии и арабов за время Амврийской династии.

Васильев А.А. Византия и арабы. Т. 2. Политические отношения Ви-
зантии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I,
Лев VI и Константин VII Багрянородный. СПб., 1902.

Васильев А.А. История Византийской империи. В 2 т. СПб., 1998.

Васильев А.А. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л.,
1925.

Васильевский В.Г. Избранные труды по истории Византии. В 2 книгах.
М., 2010.

Васильевский В.Г. Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008.

Вениаминов В. Краткие сведения о жизни и мысли св. Григория Пала-
мы // Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолв-
ствующих. М., 1995.

Вернадский Г.В. Византийские учения о власти царя и патриарха // Сбор-
ник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926.

Вертеловский И. О заслугах императора Феодосия Великого по отноше-
нию к вере и Церкви // Христианские императоры Рима. Пермь, 2005.

Византийские легенды. СПб., 2004.

Виймар Пьер. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны.
СПб., 2008.

Виктор Витенский. История гонений в Африканских провинциях // Церковные историки IV—V веков. М., 2007.

Виллардуэн Жоффрау де. История завоевания Константинополя // Жан де Жуанвилль. Жоффрау де Виллардуэн. История Крестовых походов. М., 2008.

Виноградов А. Император и апостолы: храм и мавзолей // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2009.

Вис В. Эрнст. Фридрих II Гогенштауфен. М., 2005.

Владимир (Гетте), архимандрит. Римское папство как основа раскола Церквей, или Рим в своих сношениях с Восточной церковью. М., 2007.

Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010.

Владимирский А.В. Саладин, победитель крестоносцев. М., 2013.

Властарь Матфей, иеромонах. Алфавитная синтагма. М., 2006.

Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Минск, 2000.

Володин Э. Византийский дар. Наследие Византийской империи.

Вольфхерий Хильдесхаймский. Альтайские анналы // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012.

Воробьев С.М. Несколько замечаний к вопросу об историческом значении Персидской империи Ахеменидов // Имперское возрождение. № 1 (21). 2009.

Вриенний Никифор. Исторические записки. М., 1997.

Вселенские соборы. Издание Свято-Успенской Почаевской Лавры, б/г.

Гаген С.Я. Григорий Акиндин // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006.

Гарнак Адольф. Монашество, его идеалы и его история // *Teologia teot-onica contemporanea.* Германская мысль конца XIX — начала XX в. о религии, искусстве, философии. СПб., 2006.

Гарро Альбер. Людовик Святой и его королевство. СПб., 2002.

Гергей Е. История папства. М., 1996.

Геростергиос Астериос. Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010.

Герцберг Г.Ф. История Византии. М., 1896.

Гибб Гамильтон. Дамасские хроники крестоносцев. М., 2009.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи. В 7 т. М., 2008.

Гидулянов П.В. Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1908.

Гийу Андрэ. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

Горчаков Михаил, протоиерей. Вселенские Соборы // Христианство: энциклопедический словарь. В 3 т. М., 1993.

Гладстон В. Рим и папа пред судом совести и истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903.

Грабар А. (А.Н.). Император в византийском искусстве. М., 2000.

Грановский А.В. История короля Ричарда I Львиное Сердце. М., 2007.

Грановский А.В. Крестовые походы. В 2 т. СПб., 2013.

Грегоровиус Фердинанд. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009.

Грегоровиус Фердинанд. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008.

Грибовский В.М. Народ и власть в византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897.

Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Рязань, 2004.

Григорий Турский. История франков. М., 2009.

Гримм Э. Исследование по истории развития римской императорской власти. В 2 т. Т. 2. СПб., 1901.

Данте Алигьери. Монархия. М., 2010.

Девриз Келли, Дикки Йен, Догерти Мартин, Джестайс Филлис, Йоргенсен Крис, Павкович Майкл. Великие сражения крестоносцев (1097—1444). М., 2009.

Державин Н.С. История Болгарии. М.—Л., 1946.

Дюмезиль Брюно. Королева Брунгильда. СПб., 2012.

Деяния Вселенских Соборов. В 4 т. СПб., 1996.

Дигесты Юстиниана. В 6 т. Т. 1. М., 2002.

Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2008.

Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007.

Джилмал Артур. Сарацины от древнейших времен до падения Багдада. М., 2007.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.

Диль Ш. История Византийской империи. М., 1947.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.

Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1909.

Дмитриев В.А. Всадники в сверкающей броне. Военное дело Сасанидского Ирана и история Римско-персидских войн. СПб., 2008.

Дмитриевский И.И. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. М., 2009.

Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М., 2009.

Доманин А.А. Крестовые походы. Под сенью Креста. М., 2010.

Дринов М.С. Южные славяне и Византия в X веке. М., 1876.

Дука Михаил. История // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006.

Дюрюи Виктор. История Франции с древнейших времен. В 2 т. Минск, 2014.

Дюшен Л. История древней Церкви. В 2 т. М., 1914.

Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006.

Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

Евсевий Памфил. Церковная история. М., 2001.

Евтушенко Григорий, священник. Храм Святой Софии в Константинополе. СПб., 2008.

Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 2003.

Жаворонков П.И. Положение и роль этнических групп в социально-политической структуре Никейской империи // Византийский временник. № 56 (81). 1995.

Жанэ Поль. История государственной науки в связи с нравственной философией. В 2 т. Т. 1. СПб., 1876.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. В 13 т. М., 1910.

Жуанвиль Жан де. Жизнь Людовика Святого // Жан де Жуанвиль. Жоффруа де Виллардуэн. История Крестовых походов. М., 2008.

Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2012.

Загурский Л.Н. Элементарный учебник римского права. Общая часть. Выпуск I. Харьков, 1897.

Задворный А. История Римских пап. От св. Феликса II до Пелагия II. М., 1997.

Занемонец А.В. Иоанн Евгеник и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб., 2008.

Захаров Г.Е. Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV — начало V). М., 2012.

Захария Ритор. Церковная история // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006.

Максим Исповедник. Полемика с оригенизмом и моноэнергизмом. СПб., 2007.

- Иванов К.А.* Средневековое папство и его представители. М., 2014.
- Император Юлиан. Сочинения. СПб., 2007.
- Иерофей (Влахос), митрополит.* Святитель Григорий Палама как святогорец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011.
- Иоанн Бикларский.* Хроника // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006.
- Иоанн (Соколов), архимандрит.* Опыт курса церковного законоведения. Т. 1. СПб., 1851.
- Иоанн Никиусский.* Хроника // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006.
- Иоанн, иеромонах.* Обрядник византийского двора (De ceremoniis aulae Byzantinae), как церковно-археологический источник. М., 1895.
- Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский.* Церковь и Евхаристия. Богородице-Сергиева пустынь, 2009.
- Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878.
- Историческое сказание инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858.
- История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. В 3 т. М., 1967.
- История Средних веков: сб. ст./ Под ред. М.М. Стасюлевича. В 3 т. СПб. — М., 2001.
- Каждан А.П.* Византийская культура. СПб., 2006.
- Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
- Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958.
- Казаков М.М.* Епископ и Империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995.
- Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. М., 2009.
- Камениат Иоанн.* Взятие Фессалоники // Две византийские хроники. М., 1957.
- Кантакузен Иоанн.* Беседа с папским легатом. Против иудеев// Кантакузен Иоанн. Беседа с папским легатом. СПб., 2008.
- Канторович Эрнст.* Два короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014.
- Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.
- Карташев А.В.* Вселенские Соборы. М., 2006.
- Катанский А.* История попыток к соединению Церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. СПб., 1868.
- Кеннеди Хью.* Великие арабские завоевания. М., 2009.
- Киннам Иоанн.* Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов // Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна

и Мануила Комнинов. Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Рязань, 2003.

Клари Робер де. Завоевание Константинополя. М., 1986.

Клишан де Филипп дю Пии. Рыцарство. СПб., 2004.

Кло Андре. Харун Ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». СПб., 2012.

Князький И. О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб., 2010.

Колесницкий Н. Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность.

Колпакова Г. С. Искусство Византии. В 2 т. СПб., 2004.

Колташев В. Г. Армия Византии // Los ejércitos de Bizancio.

Комнин Анна. Алексиада. СПб., 1996.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901.

Книга епарха // Эклога. Книга епарха. Рязань, 2006.

Кравчук Александр. Галерея Римских императоров. М., 2009.

Кравчук Александр. Императоры. М., 2011.

Красножен М. Толкователи канонического права Восточной Церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. Юрьев, 1911.

Кривов М. В. Византия и арабы в раннем Средневековье. СПб., 2014.

Кривов М. В. Об одном малоизвестном походе Константа II в Закавказье // Византийский временник. Т. 48.

Критовул Михаил. Историческое сочинение // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006.

Кроули Рожер. Константинополь. Последняя осада 1453 г. М., 2008.

Куглер Бернгард. История Крестовых походов. СПб., 1895.

Кулаковский Ю. А. История Византии. В 3 т. СПб., 2003.

Кулаковский Ю. А. К вопросу о фемах Византийской империи // Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3. СПб., 2003.

Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984.

Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.

Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. Рязань, 2009.

Ламберт Херсфельдский. Анналы. М., 2013.

Ласкин Г. Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века. Харьков, 1889.

Лашкарев П. А. Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. Киев—СПб., 1889.

Лебедев А. П. Вселенские Соборы IV и V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. СПб., 2004.

Лебедев А.П. Вселенские Соборы VI, VII и VIII веков. С приложениями к Истории Вселенских Соборов. СПб., 2004.

Лебедев А.П. Духовенство древней Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 2003.

Лебедев А.П. История Византии. М., 2005.

Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века. СПб., 2001.

Лебедев А.П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1999.

Лебедев А.П. Исторические очерки состояния Византийско-Восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998.

Лебедев А.П. Очерки внутренней истории Византийско-Восточной Церкви в IX, X и XI веках. СПб., 2003.

Лебедев А.П. Собор при Дубе (403 г.), или Тяжкое испытание в жизни святого Иоанна Златоуста // *Лебедев А.П.* Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. СПб., 2004.

Лебедев А.П. Смуты в византийской иерархии и общее ее состояние в IX, X и XI вв.

Лебедев А.П. Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. СПб., 2004.

Лебек Стефан. Происхождение франков. М., 1993.

Лев Диакон. История. М., 1988.

Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. СПб., 2014.

Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе. М., 1995.

Левченко М.В. История Византии. М.—Л., 1940.

Ливий Тит. История Рима от основания города. В 3 т. Т. 1. М., 1989.

Липищ Е.Э. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX веков // Вестник древней истории. № 1. 1939 г.

Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.

Лиутпранд, епископ Кремонский. Книга об Оттоне // Лиутпранд, епископ Кремонский. Антаподонис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006.

Лиутпранд, епископ Кремонский. Отчет о посольстве в Константинополь // Лиутпранд, епископ Кремонский. Антаподонис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006.

Лозинский С.Г. История папства. Смоленск, 2004.

Ломизе Е.М. Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439) // Византийский временник. № 80. 1994.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.

Лот Фердинанд. Последние Каролинги. СПб., 2001.

Луговой О.М. Крестоносцы-наемники в Византии // <http://www.templiers.info>

Лэмб Гарольд. Карл Великий, основатель империи Каролингов. М., 2010.

Любарский Я.Н. Царь-мим (К проблеме образа Византийского императора Михаила III) // Византия и Русь. М., 1989.

Люилье Петр, архиепископ. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005.

Люттвак Эдвард. Стратегия Византийской империи. М., 2010.

Маасен Фридрих. Девять глав о свободной Церкви и о свободе совести. Ярославль, 1882.

Малала Иоанн. Хронография // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006.

Малх Филадельфиец. Византийская история в семи книгах // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003.

Марцеллин Аммиан. Римская история. М., 2005.

Махлаюк А., Негин А. Римские легионы в бою. М., 2009.

Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003.

Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Рим, Константинополь, Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2005.

Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Пасхальная тайна. М., 2013.

Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003.

Межерицкий Я.Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.—Калуга, 1994.

Михаил (Семенов), иеромонах. Законодательство Римо-византийских императоров о внешних правах и преимуществах Церкви (от 313 до 565 года). Казань, 1901.

Михаил Сириец. Хроника // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006.

Мишо Жозеф. История Крестовых походов. М., 2001.

Монусова Е. История Крестовых походов. М.—СПб., 2010.

Морозов М.А. Социальная структура и организация служилой собственности в Никейской империи // Университетский сборник. Вып. 1. СПб., 2002.

Муравьев Алексей. Учение о христианском царстве у преп. Ефрема Сирина // *Regnum Aeternum*. № 1. М.—Париж, 1996.

Муравьев Алексей. Церковь и государство в византийском представлении // Русский архипелаг.

Мюллер Август. История ислама. В 2 т. М., 2004.

Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012.

Никифор, патриарх Константинопольский. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. В 2 частях.

Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский. Правила Православной Церкви. В 2 т. М., 2001.

Николь Д., Хэлдон Дж., Тернбулл С. Падение Константинополя. Последние дни Византии. Полумесяц над Босфором. М., 2008.

Новиков Василий. Отношения Церкви и государства в Византии по данным богослужебных текстов.

Норвич Джон. История Венецианской республики. М., 2009.

Норвич Джон. История Византии. М., 2009.

Норвич Джон. История папства. М., 2014.

Норвич Джон. Нормандцы в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016—1130. М., 2005.

Норвич Джон. Расцвет и закат Сицилийского королевства 1130—1194. М., 2005.

Норвич Джон. Срединное море. История Средиземноморья. М., 2009.

Нуждин О.И. Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия // Византийский временник. № 57. 1997.

Два византийских военных трактата конца X века. СПб., 2002.

Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Огицкий Д.П. Сущность римского католицизма // Хрестоматия по сравнительному богословию. М., 2005.

Олимпиодор Фивянин. Выписки из исторических книг // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Меландр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003.

Опл Фердинанд. Фридрих Барбаросса. СПб., 2010.

Осарес Ф. Византийская армия по «Стратегикону» императора Маврикия. СПб., 2007.

Острогорский Г.А. Владимир Святой и Византия // Владимирский сборник. В память 950-летия крещения Руси. 988—1938. Белград, 1938.

Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011.

Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа / Сборник статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973.

Острогорский Г.А. Über die Vermeintliche Reformtatigkeit der Isaurer // Byzantinische Zeitschrift. 30, 1929—1930.

Остроумов М.А. Догматическое значение Седьмого Вселенского Собора. СПб., 1884.

Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002.

Павел Диакон. История лангобардов.

Пападакис Аристидис. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. М., 2010.

Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах // Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Патриарх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004.

Пеликан Ярослав. Христианская традиция: история развития вероучения. В 2 т. М., 2009.

Петр Магистр. Исторические события // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003.

Петр Сицилиец. Полезная история.

Петросян Ю.А. Османская империя. М., 2003.

Плач о Константинополе // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006.

Победоносцев К.П. Власть и начальство // Московский сборник. М., 1896.

Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.

Покровский И.А. История римского права. Петроград, 1915.

Поморцев Алексей, иерей. Историческое обозрение Соборов, бывших в первые три века христианства. Орел, 1861.

Попов Александр, священник. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. В 2 частях. СПб., 1903.

Попов И.Н. Иоанн IV Дука Ласкарь // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010.

Попов И.Н. Иоанн VII Палеолог // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010.

Попов Николай, протоиерей. Император Лев VI Мудрый и его царствование. М., 2008.

Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М., 2000.

Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000.

Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000.

Православная энциклопедия. В 33 т. М., 2000—2013.

Прииск Панийский. Сказания // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Сказания Прииска Панийского. Рязань, 2005.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 2009.

Прокопий Кесарийский. Война с вандалами // Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. Война с персами. Тайная история. М., 1993.

Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.

Прокошев П. Церковное судопроизводство в период Вселенских соборов (accusatio) и влияние на него римо-византийского процессуального права. Казань, 1900.

Пселл Михаил. Хронография. Краткая история. СПб., 2003.

Пузыревский А. История военного искусства в Средние века (V—XVI столетия). В 2 частях. СПб., 1884.

Пухта Г.Ф. История римского права. М., 1864.

Пфайльшифтер Георг. Теодорих Великий. СПб., 2004.

Разин Е.А. История военного искусства. В 5 т. СПб., 1994.

Рансимен С. Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб., 2006.

Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 2008.

Рансимен С. Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. СПб., 2007.

Рансимен С. История первого Болгарского царства. СПб., 2009.

Рапп Франсис. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2008.

Рестон Джеймс. Священное воинство. М., 2007.

Рихер Реймский. История. М., 1997.

Робертсон Дж. С. История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. В 2 т. Т. 1. Пг., 1916.

Рожков Владимир, протоиерей. Очерки по истории Римо-католической церкви. М., 1998.

Рудоквас А.Д. О христианизации римского права в эпоху императора Константина Великого // Древнее право. № 1 (9). 2002.

Савва Н. Московские цари и Византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти Московских государей. Харьков, 1901.

Саксон Анналист. Хроника. 741—1139. М., 2012.

Салимбене де Адам. Хроника. М., 2004.

Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

Свенцицкая И.С. Знаки власти в изображениях Римских императоров // Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2009.

Святитель Афанасий Великий. Творения. В 4 т. М., 1994.

Святитель Григорий Богослов. Творения. В 2 т. М., 2007.

Святитель Григорий Палама. Полемика с Акиндином. Святая Гора Афон, 2009.

Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. В 12 т. М., 2006.

Святитель Ириней Лионский. Против ересей. СПб., 2008.

Святого отца нашего Амвросия Медиоланского слово на смерть Феодосия Великого // Христианские императоры Рима. Пермь, 2005.

Святого отца нашего Амвросия Медиоланского слово утешительное на смерть императора Валентиана Младшего // Христианские императоры Рима. Пермь, 2005.

Себеос, епископ. Повествование об Иракле // Епископ Себеос. Повествование об Иракле. Никифор Вриенний. Исторические повествования (976—1087). Рязань, 2006.

Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология // Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. М., 2000.

Сергеевич В.И. Русские юридические древности. В 3 т. Т. 2. СПб., 1893.

Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII вв. СПб., 2006.

Сивери Жерар. Филипп Август. СПб.—М., 2013.

Сидаш Т.Г. Император Юлиан // Император Юлиан. Сочинения. СПб., 2007.

Сильвестрова Е.В. Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V—X вв. н.э. М., 2007.

Сироул Сильвестр. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). М., 2010.

Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 т. СПб., 2004.

Скабаланович Н.А. Разделение Церквей при патриархе Михаиле Керулларии // Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 т. СПб., 2004.

Скарлакидис Харрис К. Святой Свет. Чудо в Святую субботу на Гробе Христа. Афины, 2011.

Скворцов И.М. Записки по церковному законоведению. Киев, 1861.

Скилица. История захвата Никифором Фокой императорского престола // Лев Диакон. История. М., 1998.

Скилица. Недостатки правления императора Никифора // Лев Диакон. История. М., 1988.

Соколов Василий, священник. Леонтий Византийский: его жизнь и литературные труды // Леонтий Византийский. Сборник исследований: сб. исследований под ред. А.Р. Фокина. М., 2006.

Соколов И.И. Вселенские суды в Византии // Соколов И.И. О Византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские суды в Византии. СПб., 2003.

Соколов И.И. Лекции по истории Греко-восточной церкви. От Торжества Православия в 843 г. до падения Константинополя в 1453 г. В 2 т. СПб., 2005.

Соколов И.И. О византинизме в церковно-историческом отношении // Соколов И.И. Сочинения. СПб., 2003.

Соколов И.И. Печалование патриархов перед василевсами в Византии X—XV вв. // Соколов И.И. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной академии. Печалование патриархов перед василевсами в Византии X—XV вв. Патриарший суд над убийцами в Византии X—XV вв. О поводах к разводу в Византии IX—XV вв. СПб., 2005.

Соколов И.И. Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии // Соколов И.И. Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. СПб., 2004.

Соколов И.И. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела // Соколов И.И. Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. СПб., 2004.

Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842—1204). СПб., 2003.

Соколов Н.К. Из лекций по церковному праву. В 2 выпусках. М., 1874.

Соколов П. Церковно-имущественное право в Греко-римской Империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896.

Сокольский В. Пособие при изучении внешней истории римского права. Ярославль, 1877.

Солодовников В. Ранние соборы. Меровингская Галлия VI—VIII вв. М., 2004.

Спасский А.А. Вопрос о подлинности правил Сардикийского собора (343 г.) // Спасский А.А. Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский Собор в Никее. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2007.

Спасский А.А. Германцы, их быт и союзы // *Спасский А.А.* Лекции по истории западноевропейского Средневековья. СПб., 2006.

Спасский А.А. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). Сергиев Посад, 1906.

Спасский А.А. Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский Собор в Никее // *Спасский А.А.* Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский Собор в Никее. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2007.

Спасский А.А. Обращение императора Константина Великого в христианство // *Спасский А.А.* Обращение императора Константина Великого в христианство. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2007.

Спасский А.А. Эпоха Великого переселения народов и ее ближайшие результаты // *Спасский А.А.* Лекции по истории западноевропейского Средневековья. СПб., 2006.

Стратегикон Маврикия. СПб., 2004.

Сугерий, аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108—1137). М., 2006.

Суворов Н.С. Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902.

Суворов Н.С. Девять глав о свободной Церкви доктора Фридриха Маасена // *Временник Демидовского юридического лицея.* Книга 29. Ярославль, 1882.

Суворов Н.С. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. По поводу книги профессора А.С. Павлова «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и древнерусского церковного права». Ярославль, 1893.

Суворов Н.С. Курс церковного права. В 2 т. Ярославль, 1889.

Суворов Н.С. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских соборов. Ярославль, 1884.

Суворов Н.С. Римское папство до разделения церквей // *Временник Демидовского юридического лицея.* Книга 29. Ярославль, 1882.

Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1913.

Сфрандзи Георгий. Хроника // *Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г.* СПб., 2006.

Тассо Торквато. Освобожденный Иерусалим. СПб., 2007.

Терновский С. Очерки из церковно-исторической географии. Области восточных патриархов Православной Церкви до IX века. Казань, 1899.

Терновский Ф.А., Терновский С.А. Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). Киев, 1883.

- Тейс Лоран.* Наследие Каролингов. М., 1993.
- Титмар Мерзебургский.* Хроника. В 8 книгах. М., 2005.
- Томпсон Э.А.* Гунны. Грозные воины степей. М., 2008.
- Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. Минск, 2006.
- Тьерри Амадей.* Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. М., 1884.
- Уоллес-Хедрилл Дж.* – М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. СПб., 2002.
- Уильямс Стивен.* Диоклетиан, реставратор Римской империи. СПб.—М., 2014.
- Успенский К.Н.* Очерки по истории Византии. Часть 1. М., 1917.
- Успенский Ф.И.* Богословское и философское движение в Византии в XI и XII вв. // Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001.
- Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. В 5 т. М., 2001—2002.
- Успенский Ф.И.* История Крестовых походов. М., 2005.
- Успенский Ф.И.* Очерки истории Трапезундской империи. СПб., 2003.
- Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности // Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001.
- Уэр Каллист, епископ.* Православная Церковь. М., 2012.
- Фазоли Джинна.* Короли Италии. СПб., 2007.
- «Факрасиса протостратора краткое изложение диспута святейшего Фессалоникийского кир Григория и Григория философа, который состоялся в палатах пред лицом императора» // *Факрасис Георгий.* Диспут свт. Григория Паламы с Григорой философом. Святая Гора Афон, 2009.
- Фавье Робер.* Капетинги и Франция. СПб., 2001.
- Феодорит Кирский.* Церковная история.
- Феокист (Попов), иеродиакон.* Император Юстиниан и его заслуги в отношении к Церкви Христовой // Христианские императоры Рима. Пермь, 2005.
- Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта // Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Прииск Понтийский. Сказания Прииска Понтийского. Рязань, 2005.
- Феофилакт Симокатта.* История. М., 1996.
- Филипс Джонатан.* Четвертый Крестовый поход. М., 2010.
- Филосторгий.* Церковная история // Церковные историки IV—V веков. М., 2007.

Флори Жан. Алиенора Аквитанская, непокорная королева. СПб., 2012.

Флори Жан. Боэмунд Антиохийский, рыцарь удачи. СПб.—М., 2013.

Флоринский Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888.

Функ Ф.К. История христианской Церкви от времен апостольских до наших дней. М., 1911.

Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община: исследование о культе, праве и учреждениях Греции и Рима. М., 1903.

Халкокондил Лаоник. Историческое повествование // Византийские истории о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006.

Хачатурян Н.А. Король-*sacre* в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в Средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатуряна. М., 2006.

Хвостов В.М. История римского права. М., 1908.

Хефер Манфред. Император Генрих II. М., 2006.

Хониат Никита. Из Константинопольской истории//Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. В 2 т. Т. 2. Рязань, 2003.

Хониат Никита. О событиях по взятии Константинополя// Хониат Никита. История со времени царствования императора Иоанна Комнина. В 2 т. Т. 2. Рязань, 2003.

Хониат Никита. История со времен царствования Иоанна Комнина. В 2 т. Рязань, 2003.

Хроника анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе.

Хэгерманн Дитер. Карл Великий. М., 2005.

Хэлдон Джон. История Византии. История византийских войн. М., 2007.

Цыпин Владислав, протоиерей. Вселенский Собор // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005.

Цыпин Владислав, протоиерей. Курс церковного права. Клин, 2002.

Чекалова А.А. У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2007.

Чекалова А.А., Даркевич В.П. Культура Византии IV—XII вв. Быт и нравы. Прикладное искусство. М., 2010.

Чернявский С.Н. Алексей Комнин — спаситель Византийской империи. СПб., 2013.

Чернявский Н.Ф. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Сергиев Посад, 1913.

- Чичерин Б.Н.* История политических учений. В 5 т. Т. 1. М., 1869.
- Шабанов Д.* «Примат Петра» в Антиохийском патриархате и Селевкийском католикозе V века.
- Шафф Филип.* История христианской Церкви. В 7 т. СПб., 2006—2009.
- Шейнэ Жан-Клод.* История Византии. М., 2006.
- Шиканов В.Н.* Византия — орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. СПб., 2006.
- Шиканов В.Н.* Византия — щит Европы. Арабо-византийские войны VII—XI вв. СПб., 2004.
- Шиканов В.Н.* Византия: гроза над Дунаем. Северные войны Византии V—XIV вв. СПб., 2009.
- Шилов К.* К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // Византийский временник. № 60 (85). 2001.
- Шкаренков П.П.* Королевская власть в остготской Италии по «Variae» Кассиодора. Миф, образ, реальность. М., 2003.
- Шмеман Александр, протопресвитер.* Судьба византийской теократии // Шмеман Александр, протопресвитер. Собрание статей 1947—1983. М., 2009.
- Шмеман Александр, протопресвитер.* Церковь и история // Шмеман Александр, протопресвитер. Собрание статей 1947—1983. М., 2009.
- Шувалов П.В.* Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491—641 гг. СПб., 2006.
- Эвнапий Сардиец.* Продолжение истории Дексипповой // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003.
- Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Византийская книга епарха. Рязань, 2006.
- Энман А.* Легенда о Римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896.
- Эпоха Крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Смоленск, 2002.
- Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. М., 2013.
- Эйкен Гейнрих.* История и система средневекового мирозерцания. М., 2010.
- Юревич Октавиуш.* Андроник I Комнин. СПб., 2004.
- Яхья Антиохийский.* Летопись. Книга I // Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011. С. 514.
- ² *Куглер Бертран.* История Крестовых походов. СПб., 1895. С. 316.
- ³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 5. М., 2002. С. 159-161.
- ⁴ *Васильев А.А.* История Византийской империи. В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 187, 188.
- ⁵ *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 102—107.
- ⁶ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 518, 519.
- ⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. В 2 т. Т. 2. СПб., 2013. С. 31.
- ⁸ *Виллардуэн Жоффрау де.* История завоевания Константинополя // Жан де Жуанвилль. Жоффрау де Виллардуэн. История Крестовых походов. М., 2008. С. 94.
- ⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 5. М., 2002. С. 33, 36.
- ¹⁰ *Хониат Никита.* О событиях по взятии Константинополя // Хониат Никита. История со времени царствования императора Иоанна Комнина. В 2 т. Т. 2. Рязань, 2003. Глава 7. С. 280, 281.
- ¹¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 32.
- ¹² *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Рязань, 2004. Книга 1, глава 2. С. 37.
- ¹³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 42.
- ¹⁴ *Клари Робер де.* Завоевание Константинополя. М., 1986. Глава СІХ. С. 76.
- ¹⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 41.
- ¹⁶ *Виллардуэн Жоффрау де.* История завоевания Константинополя. С. 118, 119.
- ¹⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 51.
- ¹⁸ *Виллардуэн Жоффрау де.* История завоевания Константинополя. С. 135, 136.
- ¹⁹ *Иречек К.Ю.* История болгар. Одесса, 1878. С. 316—320.
- ²⁰ *Клари Робер де.* Завоевание Константинополя. Глава СХІV. С. 78.

- ²¹ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. М., 2010. С. 293—296.
- ²² *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета//Киннам Иоанн. Краткое изложение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Рязань, 2003. Глава 17. С. 287, 288.
- ²³ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 322—324.
- ²⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 52.
- ²⁵ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 324, 325.
- ²⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т.5. С. 99.
- ²⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 101, 102.
- ²⁸ Там же. Т. 5. С. 103.
- ²⁹ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009. С. 280, 281.
- ³⁰ *Дворник Франтишек*. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 132, 133.
- ³¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 177.
- ³² *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 329—331.
- ³³ *Хониат Никита*. О событиях по взятии Константинополя. Глава 13. С. 309, 310.
- ³⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1896. С. 361.
- ³⁵ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 18. С. 290.
- ³⁶ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 180—182.
- ³⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 203.
- ³⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 205.
- ³⁹ *Хониат Никита*. О событиях по взятии Константинополя. Глава 16. С. 322.
- ⁴⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 207.
- ⁴¹ *Виллардуэн Жоффруа де*. История завоевания Константинополя. С. 109.
- ⁴² *Хониат Никита*. О событиях по взятии Константинополя. Глава 8. С. 285.
- ⁴³ *Виллардуэн Жоффруа де*. История завоевания Константинополя. С. 109, 110.
- ⁴⁴ *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. С. 97—100.
- ⁴⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 209.
- ⁴⁶ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 6. С. 272, 273.
- ⁴⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 211.
- ⁴⁸ *Виллардуэн Жоффруа де*. История завоевания Константинополя. С. 145—148.
- ⁴⁹ Там же. С. 152, 153.

- ⁵⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 212, 213.
- ⁵¹ Там же. Т. 5. С. 216, 217.
- ⁵² *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 522.
- ⁵³ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 376.
- ⁵⁴ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Книга 1, главы 3, 4. С. 39—42.
- ⁵⁵ *Мюллер А.* История ислама. В 4 т. Т. 3. М., 2004. С. 221.
- ⁵⁶ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 183.
- ⁵⁷ *Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета. Глава 16. С. 287.
- ⁵⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 220, 221.
- ⁵⁹ *Норвич Джон.* История Венецианской республики. М., 2009. С. 203.
- ⁶⁰ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 188, 189.
- ⁶¹ *Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета. Глава 14. С. 284, 285.
- ⁶² *Грегоровиус Фердинанд.* История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). С. 295.
- ⁶³ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 190, 191.
- ⁶⁴ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Книга 1, глава 4. С. 42.
- ⁶⁵ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 524.
- ⁶⁶ *Норвич Джон.* История папства. М., 2014. С. 224.
- ⁶⁷ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. М., 2013. С. 535.
- ⁶⁸ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 41, 42.
- ⁶⁹ *Куглер Бертран.* История Крестовых походов. С. 327.
- ⁷⁰ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 538, 539.
- ⁷¹ *Мишо Г.* История Крестовых походов. М., 1999. С. 212.
- ⁷² *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 46, 47.
- ⁷³ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 541.
- ⁷⁴ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 50, 51.
- ⁷⁵ *Мишо Г.* История Крестовых походов. С. 215.
- ⁷⁶ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 56.
- ⁷⁷ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 544—546.
- ⁷⁸ *Куглер Бертран.* История Крестовых походов. С. 343, 344.
- ⁷⁹ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 548, 549.
- ⁸⁰ *Норвич Джон.* История папства. С. 233.
- ⁸¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 222, 223.

- ⁸² *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 18. С. 289, 290.
- ⁸³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 224.
- ⁸⁴ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 186.
- ⁸⁵ *Буганов Р.Б., Э.П.Г. Иоанн III Дука Ватац* // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 592, 593.
- ⁸⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 2, глава 1. С. 43.
- ⁸⁷ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 52. С. 344.
- ⁸⁸ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 401.
- ⁸⁹ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 2, глава 7. С. 57, 58.
- ⁹⁰ Там же. Т. 1. Книга 2, глава 7. С. 57.
- ⁹¹ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 22. С. 292, 293.
- ⁹² *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 2, глава 3. С. 46.
- ⁹³ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 23. С. 294.
- ⁹⁴ Там же. Глава 55. С. 347.
- ⁹⁵ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 192.
- ⁹⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 226, 227.
- ⁹⁷ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 2, глава 2. С. 44, 45.
- ⁹⁸ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 21. С. 291.
- ⁹⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 159.
- ¹⁰⁰ Там же. Т. 5. С. 167, 168.
- ¹⁰¹ Там же. Т. 5. С. 228, 229.
- ¹⁰² *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 26. С. 298.
- ¹⁰³ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 334.
- ¹⁰⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 392.
- ¹⁰⁵ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 335—337.
- ¹⁰⁶ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Главы 27, 28. С. 300, 301.
- ¹⁰⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 393.
- ¹⁰⁸ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 25. С. 297, 298.
- ¹⁰⁹ *Катанский А.* История попыток к соединению церковей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. СПб., 1868. С. 97, 98.
- ¹¹⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 189, 190.
- ¹¹¹ *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 225.

- ¹¹² Доманин А.А. Крестовые походы. Под сенью Креста. М., 2010. С. 325—327.
- ¹¹³ Катанский А. История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 100—103.
- ¹¹⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 232, 233.
- ¹¹⁵ Там же. Т. 5. С. 237—239.
- ¹¹⁶ Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 33. С. 305.
- ¹¹⁷ Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 394.
- ¹¹⁸ Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 36. С. 308, 309.
- ¹¹⁹ Там же. Глава 38. С. 312, 313.
- ¹²⁰ Там же. Глава 37. С. 310, 311.
- ¹²¹ Иречек К.Ю. История болгар. С. 348, 349.
- ¹²² Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 2, глава 5. С. 51, 52.
- ¹²³ Дворник Франтишек. Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 140.
- ¹²⁴ Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 40. С. 316, 317.
- ¹²⁵ Мюллер А. История ислама. Т. 3. С. 301, 303.
- ¹²⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 242, 243.
- ¹²⁷ Вис В. Эрнст. Фридрих II Гогенштауфен. М., 2005. С. 94, 95.
- ¹²⁸ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 549, 550.
- ¹²⁹ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 2. С. 65.
- ¹³⁰ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 553, 554.
- ¹³¹ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 2. С. 61, 62.
- ¹³² Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 556.
- ¹³³ Салимбене де Адам. Хроника. М., 2004. f 355 а. С. 381.
- ¹³⁴ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 2. С. 69.
- ¹³⁵ Там же. Т. 2. С. 72.
- ¹³⁶ Шафф Филип. История христианской Церкви. В 7 т. Т. 5. СПб., 2008. С. 174, 175.
- ¹³⁷ Эйкен Гейнрих. История и система средневекового мирозерцания. М., 2010. С. 227.
- ¹³⁸ Рансимен С. Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. СПб., 2007. С. 32, 33.
- ¹³⁹ Норвич Джон. История папства. С. 242.
- ¹⁴⁰ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 558.

- ¹⁴¹ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 28.
- ¹⁴² *Гарро Альбер.* Людовик Святой и его королевство. СПб., 2002. С. 76, 77.
- ¹⁴³ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 559.
- ¹⁴⁴ *Девриз Келли, Дикки Йен, Догерти Мартин, Джестайс Филлис, Йоргенсен Крис, Павкович Майкл.* Великие сражения крестоносцев (1097—1444). М., 2009. С. 173, 174.
- ¹⁴⁵ *Салимбене де Адам.* Хроника. f 284 а. С. 194.
- ¹⁴⁶ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 92.
- ¹⁴⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 243, 244.
- ¹⁴⁸ *Воскобойников О.* О чем молчит булла 1245 года? Философские основания низложения Фридриха II // Власть и образ. Очерки постаранной имагологии / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 276.
- ¹⁴⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 201.
- ¹⁵⁰ *Вис В. Эрнст.* Фридрих II Гогенштауфен. С. 159.
- ¹⁵¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 246.
- ¹⁵² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 399, 400.
- ¹⁵³ *Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета. Главы 45, 46. С. 326—329.
- ¹⁵⁴ Там же. Главы 42—44. С. 319—325.
- ¹⁵⁵ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 204.
- ¹⁵⁶ *Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета. Главы 47, 48. С. 329, 330.
- ¹⁵⁷ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 95, 96.
- ¹⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 97.
- ¹⁵⁹ *Жуанвиль Жан де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2012. С. 39, 139.
- ¹⁶⁰ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 570.
- ¹⁶¹ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 98.
- ¹⁶² *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 571.
- ¹⁶³ *Близнюк С.В.* Короли Кипра в эпоху Крестовых походов. С. 45.
- ¹⁶⁴ *Жуанвиль Жан де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. С. 45, 156—164.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 47, 48, 177—182.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 53, 207.
- ¹⁶⁷ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 582.

- ¹⁶⁸ Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. С. 56—62, 218—247.
- ¹⁶⁹ Эсбридж Томас. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 586.
- ¹⁷⁰ Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. С. 71, 72, 289—293.
- ¹⁷¹ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 2. С. 103, 104.
- ¹⁷² Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. С. 74—76, 304—311.
- ¹⁷³ Грановский А.В. Крестовые походы. Т. 2. С. 105.
- ¹⁷⁴ Мишо Г. История Крестовых походов. С. 267.
- ¹⁷⁵ Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. С. 90, 374—379.
- ¹⁷⁶ Мишо Г. История Крестовых походов. С. 272, 273.
- ¹⁷⁷ Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 2, глава 6. С. 55, 56.
- ¹⁷⁸ Рансимен С. Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 45—47.
- ¹⁷⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 251, 252.
- ¹⁸⁰ Там же. Т. 5. С. 252, 253.
- ¹⁸¹ Пападакис Аристидис. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 315.
- ¹⁸² Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 2, глава 8.
- ¹⁸³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 261, 262.
- ¹⁸⁴ Акрополит Георгий. Эпитафия прославленному императору Иоанну Дуке // Акрополит Георгий. История. СПб., 2005. С. 140, 141.
- ¹⁸⁵ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 257.
- ¹⁸⁶ Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 1. С. 62.
- ¹⁸⁷ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 282.
- ¹⁸⁸ Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия императоров в поздней Византии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002. С. 75.
- ¹⁸⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 287.
- ¹⁹⁰ Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 269, 270.
- ¹⁹¹ Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах // Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Патри-

арх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004. Книга 1, главы 13, 14. С. 31, 32.

¹⁹² Герцберг Г.Ф. История Византии. С. 402.

¹⁹³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 267, 268.

¹⁹⁴ Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 2. С. 206.

¹⁹⁵ Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. С. 275, 276.

¹⁹⁶ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 284—286.

¹⁹⁷ Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 2. С. 231.

¹⁹⁸ Морозов М.А. Социальная структура и организация служилой собственности в Никейской империи // Альманах «Университетский сборник». Вып. 1. СПб., 2002. С. 43, 44, 57.

¹⁹⁹ Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 53. С. 344, 345.

²⁰⁰ Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 1. С. 64.

²⁰¹ Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 62. С. 360, 361.

²⁰² Там же. Глава 57. С. 350.

²⁰³ Там же. Глава 58. С. 351, 352.

²⁰⁴ Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 3. С. 68.

²⁰⁵ Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 60. С. 358, 359.

²⁰⁶ Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 1, глава 8. С. 21, 22.

²⁰⁷ Там же. Книга 1, глава 12. С. 29, 30.

²⁰⁸ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. С. 281.

²⁰⁹ Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия императоров в поздней Византии.

²¹⁰ Катанский А. История попыток к соединению церковей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 111, 112.

²¹¹ Жуанвилль Жан де. Жизнь Людовика Святого // Жан де Жуанвилль. Жоффруа де Виллардуэн. История Крестовых походов. С. 280.

²¹² Салимбене де Адам. Хроника. f. 296 c, f. 296 d, f. 297 c. С. 226—228.

²¹³ Успенский Ф.И. История Крестовых походов. М., 2005. С. 336.

²¹⁴ Гарро Альбер. Людовик Святой и его королевство. С. 109.

²¹⁵ Карпов С.П. История Трапезундской империи. С. 368, 369.

²¹⁶ Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 69. С. 375.

²¹⁷ Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 1, глава 12. С. 27.

- ²¹⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 280.
- ²¹⁹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 2. С. 68.
- ²²⁰ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 1, глава 17. С. 40, 41.
- ²²¹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 3. С. 68—70.
- ²²² *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 1, главы 21, 22. С. 48, 49.
- ²²³ *Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета. Глава 76. С. 388.
- ²²⁴ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 1, глава 7. С. 55—57.
- ²²⁵ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 4. С. 73, 74.
- ²²⁶ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 209.
- ²²⁷ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 5. С. 74—76.
- ²²⁸ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 2, глава 1. С. 65, 66.
- ²²⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 300.
- ²³⁰ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 1. С. 78.
- ²³¹ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 2, глава 4. С. 68.
- ²³² *Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета. Глава 77. С. 389.
- ²³³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 301.
- ²³⁴ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 2, глава 8. С. 71—73.
- ²³⁵ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 1. С. 79.
- ²³⁶ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 2, глава 15. С. 80, 81.
- ²³⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 306.
- ²³⁸ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 1. С. 80.
- ²³⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 210.
- ²⁴⁰ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 2. С. 81, 82.
- ²⁴¹ Там же. Книга 4, глава 2. С. 83.
- ²⁴² *Акрополит Георгий.* Летопись великого логофета. Глава 86. С. 409, 410.
- ²⁴³ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 2, глава 30. С. 103, 104.

- ²⁴⁴ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 88. С. 412, 413.
- ²⁴⁵ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 2. С. 84, 85.
- ²⁴⁶ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 2, главы 32, 33. С. 108, 109.
- ²⁴⁷ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 4. С. 87.
- ²⁴⁸ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 3, глава 2. С. 114, 115.
- ²⁴⁹ Там же. Книга 3, глава 10. С. 125, 126.
- ²⁵⁰ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 2. С. 138.
- ²⁵¹ *Попов И.Н.* Иоанн IV Дука Ласкарь // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 595.
- ²⁵² *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 274.
- ²⁵³ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 4. С. 72, 73.
- ²⁵⁴ *Акрополит Георгий*. Летопись великого логофета. Глава 50. С. 336—339.
- ²⁵⁵ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 1, глава 9. С. 22.
- ²⁵⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 3, глава 2. С. 65.
- ²⁵⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 272, 279, 280.
- ²⁵⁸ *Диль Ш.* История Византийской империи. М., 1948. С. 128, 129.
- ²⁵⁹ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 288, 289.
- ²⁶⁰ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 547, 548.
- ²⁶¹ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. 5. С. 474—476.
- ²⁶² Эпоха Крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Смоленск, 2002. С. 265—267, 371.
- ²⁶³ *Ранн Франсис*. Священная Римская империя германской нации. С. 253, 254.
- ²⁶⁴ *Жаворонков П.И.* Положение и роль этнических групп в социально-политической структуре Никейской империи // Византийский временник. № 56 (81). 1995. С. 140, 142, 143.
- ²⁶⁵ *Хачатурян Н.А.* Король-*sacre* в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в Средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатуряна. М., 2006. С. 24, 25.

- ²⁶⁶ *Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII в. СПб., 2006. С. 98.
- ²⁶⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 414.
- ²⁶⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 298, 299.
- ²⁶⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 314—316.
- ²⁷⁰ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 3, главы 11—13. С. 126—131.
- ²⁷¹ Там же. Книга 3, глава 19. С. 138, 139.
- ²⁷² *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 88.
- ²⁷³ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 3, глава 24. С. 145, 146.
- ²⁷⁴ Там же. Книга 3, глава 26. С. 154.
- ²⁷⁵ Там же. Книга 4, глава 1. С. 161—163.
- ²⁷⁶ Там же. Книга 4, глава 2. С. 163, 164.
- ²⁷⁷ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 4. С. 88, 89.
- ²⁷⁸ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 4, главы 7, 8. С. 172, 173.
- ²⁷⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 343, 344.
- ²⁸⁰ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 4, глава 11. С. 177.
- ²⁸¹ Там же. Книга 4, главы 17, 18, 21. С. 186, 191, 192.
- ²⁸² *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 8. С. 97.
- ²⁸³ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 4, глава 25. С. 195, 196.
- ²⁸⁴ Там же. Книга 4, глава 28. С. 200.
- ²⁸⁵ Там же. Книга 5, глава 2. С. 214.
- ²⁸⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 319.
- ²⁸⁷ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 550, 551.
- ²⁸⁸ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 4, глава 6. С. 92.
- ²⁸⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 297, 298.
- ²⁹⁰ *Люттвак Эдвард.* Стратегия Византийской империи. С. 212, 213.
- ²⁹¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 286.
- ²⁹² *Норвич Джон.* Срединное море. История Средиземноморья. М., 2009. С. 232.
- ²⁹³ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 607, 611.
- ²⁹⁴ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 88—91.

- ²⁹⁵ *Рапп Франсис*. Священная Римская империя германской нации. С. 252.
- ²⁹⁶ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 104, 105.
- ²⁹⁷ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 131—133.
- ²⁹⁸ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 893.
- ²⁹⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 324, 325.
- ³⁰⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 415—417.
- ³⁰¹ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 118, 119.
- ³⁰² *Гергей Е.* История папства. М., 1996. С. 142.
- ³⁰³ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 134.
- ³⁰⁴ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 128, 129.
- ³⁰⁵ *Рапп Франсис*. Священная Римская империя германской нации. С. 252, 253.
- ³⁰⁶ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 164, 166, 167.
- ³⁰⁷ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 917.
- ³⁰⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 331.
- ³⁰⁹ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 9. С. 231, 232.
- ³¹⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 418.
- ³¹¹ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 8. С. 225, 226.
- ³¹² *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 552.
- ³¹³ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 136, 137.
- ³¹⁴ *Эбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 618, 619.
- ³¹⁵ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 140, 141.
- ³¹⁶ Там же. Т. 2. С. 143, 144.
- ³¹⁷ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 169—171.
- ³¹⁸ *Грановский А.В.* Крестовые походы. Т. 2. С. 146.
- ³¹⁹ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 414.
- ³²⁰ *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. Глава XXXIV.
- ³²¹ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 418.

- ³²² *Эсбридж Томас*. Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 627, 628.
- ³²³ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 173—176.
- ³²⁴ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 923.
- ³²⁵ *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории Средневекового папства. СПб., 1901. С. 127.
- ³²⁶ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 418.
- ³²⁷ *Куглер Бернгард*. История Крестовых походов. С. 422.
- ³²⁸ *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. Глава XXXIII.
- ³²⁹ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 180.
- ³³⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 333.
- ³³¹ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 4, глава 29. С. 203.
- ³³² *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 553, 554.
- ³³³ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 361, 362.
- ³³⁴ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 189, 190.
- ³³⁵ *Катанский А.* История попыток к соединению церковей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 138.
- ³³⁶ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 12. С. 235, 236.
- ³³⁷ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 319, 320.
- ³³⁸ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 2. С. 108, 109.
- ³³⁹ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, главы 14, 15. С. 238, 239.
- ³⁴⁰ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 2. С. 109.
- ³⁴¹ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 16. С. 240.
- ³⁴² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 339.
- ³⁴³ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 17. С. 242.
- ³⁴⁴ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 194, 195.
- ³⁴⁵ *Салимбене де Адам*. Хроника. f. 414 с. С. 532.
- ³⁴⁶ *Мишо Жозеф*. История Крестовых походов. Глава XXXV.

³⁴⁷ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 146.

³⁴⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 349, 350.

³⁴⁹ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 925.

³⁵⁰ *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 316.

³⁵¹ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 198—201, 212, 213.

³⁵² *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 18. С. 243, 244.

³⁵³ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 291.

³⁵⁴ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 22. С. 250, 251.

³⁵⁵ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 207—209.

³⁵⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 351, 352.

³⁵⁷ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 210, 211.

³⁵⁸ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 6. С. 120.

³⁵⁹ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 932, 933.

³⁶⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 356.

³⁶¹ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 158, 159.

³⁶² *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 364, 365.

³⁶³ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 24. С. 255, 256.

³⁶⁴ Там же. Книга 6, глава 10. С. 281, 282.

³⁶⁵ Там же. Книга 6, главы 18, 23. С. 288, 299, 301.

³⁶⁶ Там же. Книга 6, главы 14—16. С. 284—286.

³⁶⁷ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 224, 225.

³⁶⁸ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 165.

³⁶⁹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 3. С. 111, 112.

³⁷⁰ *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 6, главы 20, 21. С. 292—295.

³⁷¹ Там же. Книга 6, глава 24. С. 301—306.

- ³⁷² *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. М., 2009. С. 79, 80.
- ³⁷³ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 228, 229.
- ³⁷⁴ Там же. С. 232, 233.
- ³⁷⁵ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 554.
- ³⁷⁶ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 6, глава 30. С. 314.
- ³⁷⁷ *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История Средиземноморья в XIII веке. С. 251, 252.
- ³⁷⁸ Там же. С. 257—259.
- ³⁷⁹ Там же. С. 263, 264.
- ³⁸⁰ *Салимбене де Адам*. Хроника. f. 427 c — f 4282 b. С. 572, 573.
- ³⁸¹ *Норвич Джон*. Срединное море. История Средиземноморья. С. 257, 260, 261.
- ³⁸² *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 561.
- ³⁸³ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 456.
- ³⁸⁴ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 7. С. 123.
- ³⁸⁵ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 6, глава 36. С. 327—330.
- ³⁸⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 7. С. 125, 126.
- ³⁸⁷ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 96.
- ³⁸⁸ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 171—173.
- ³⁸⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 361, 362.
- ³⁹⁰ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 7. С. 126, 127.
- ³⁹¹ *Дилль Ш.* История Византийской империи. С. 129.
- ³⁹² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 432.
- ³⁹³ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. М., 2010. С. 76.
- ³⁹⁴ *Канторович Эрнст*. Два короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 289.
- ³⁹⁵ *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. СПб., 2003. С. 171, 172, 175.
- ³⁹⁶ *Чичерин Б.Н.* История политических учений. В 5 т. Т. 1. М., 1869. С. 141, 142.
- ³⁹⁷ *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901. С. 109.

- ³⁹⁸ *Канторович Эрнст*. Два короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 370, 371.
- ³⁹⁹ *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. С. 177.
- ⁴⁰⁰ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 77.
- ⁴⁰¹ *Балдуин В. Маршал*. Александр III и Двенадцатый век. С. 179, 180.
- ⁴⁰² Там же. С. 182, 183.
- ⁴⁰³ *Эйкен Гейнрих*. История и система средневекового мирозерцания. С. 242, 243.
- ⁴⁰⁴ *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. С. 117.
- ⁴⁰⁵ *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т. 1. С. 148.
- ⁴⁰⁶ Там же. Т. 1. С. 150.
- ⁴⁰⁷ Там же. Т. 1. С. 151, 152.
- ⁴⁰⁸ *Канторович Эрнст*. Два короля. Исследование по средневековой политической теологии. С. 168.
- ⁴⁰⁹ Там же. С. 117—119.
- ⁴¹⁰ Там же. С. 120, 129.
- ⁴¹¹ *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 147—150.
- ⁴¹² Там же. С. 301—304.
- ⁴¹³ *Норвич Джон*. История папства. С. 253.
- ⁴¹⁴ *Лозинский С.Г.* История папства. С. 186, 187.
- ⁴¹⁵ *Грегориус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 959.
- ⁴¹⁶ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 522, 523.
- ⁴¹⁷ *Норвич Джон*. История папства. С. 272, 273.
- ⁴¹⁸ *Гергей Е.* История папства. С. 159, 160.
- ⁴¹⁹ *Функ Ф. К.* История христианской Церкви от времен апостольских до наших дней. М., 1911. С. 382.
- ⁴²⁰ *Данте Алигьери*. Монархия. Книга III, X, XI. С. 51, 53.
- ⁴²¹ Там же. Книга III, XIV. С. 56.
- ⁴²² *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. С. 125, 126.
- ⁴²³ *Бэрд Ч.* Реформация XVI века в ее отношении к новому мышлению и знанию. СПб., 1897. С. 11, 12.
- ⁴²⁴ *Гергей Е.* История папства. С. 169.
- ⁴²⁵ *Рапп Франсис*. Священная Римская империя германской нации. С. 288—291.

- ⁴²⁶ *Гергей Е.* История папства. С. 173.
- ⁴²⁷ *Норвич Джон.* История папства. С. 286, 287.
- ⁴²⁸ *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 530, 531.
- ⁴²⁹ *Лозинский С.Г.* История папства. С. 224.
- ⁴³⁰ *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. С. 135.
- ⁴³¹ *Норвич Джон.* История папства. С. 293, 294.
- ⁴³² *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 536.
- ⁴³³ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 1188.
- ⁴³⁴ *Гергей Е.* История папства. С. 182, 183.
- ⁴³⁵ *Лозинский С.Г.* История папства. С. 229.
- ⁴³⁶ *Лаврентий из Бржезовой.* Гуситская хроника. Рязань, 2009. С. 30, 31.
- ⁴³⁷ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 1198.
- ⁴³⁸ *Лаврентий из Бржезовой.* Гуситская хроника. С. 39.
- ⁴³⁹ *Гергей Е.* История папства. С. 186—188.
- ⁴⁴⁰ *Лозинский С.Г.* История папства. С. 236.
- ⁴⁴¹ *Гергей Е.* История папства. С. 189, 190.
- ⁴⁴² *Лаврентий из Бржезовой.* Гуситская хроника. С. 42.
- ⁴⁴³ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 1203, 1204.
- ⁴⁴⁴ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 580.
- ⁴⁴⁵ *Левченко М.В.* История Византии. М.—Л., 1940. С. 241.
- ⁴⁴⁶ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 580, 581.
- ⁴⁴⁷ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 175.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 176, 177.
- ⁴⁴⁹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 1. С. 128—131.
- ⁴⁵⁰ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 232, 233, 236, 237.
- ⁴⁵¹ *Васильев А.А.* Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925. С. 87.
- ⁴⁵² *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 1. С. 133, 134.
- ⁴⁵³ Там же. Т. 1. Книга 6, глава 2. С. 137.
- ⁴⁵⁴ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 179, 180.

⁴⁵⁵ *Беневич Г.И.* Никифор Влеммид, Григорий Кипрский и др. Вопрос об исхождении Святого Духа // Антология восточно-христианской богословской мысли. В 2 т. Т. 2. М.—СПб., 2009. С. 432.

⁴⁵⁶ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 2. С. 135.

⁴⁵⁷ *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 329.

⁴⁵⁸ Там же. С. 337, 345.

⁴⁵⁹ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. С. 179.

⁴⁶⁰ Там же. С. 180, 181.

⁴⁶¹ *Беневич Г.И.* Никифор Влеммид, Григорий Кипрский и др. Вопрос об исхождении Святого Духа. С. 434.

⁴⁶² *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 4. С. 141, 142.

⁴⁶³ *Бибииков М.В.* К социально-психологическому анализу писем Григория Кипрского: бедность, бедствия, болезни // Византийский временник. № 56 (81). 1995. С. 58, 59.

⁴⁶⁴ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 5. С. 144, 145.

⁴⁶⁵ Там же. Т. 1. Книга 6, глава 7. С. 149, 150.

⁴⁶⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. В 7 т. Т. 7. М., 2008. С. 112.

⁴⁶⁷ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. С. 191—194.

⁴⁶⁸ *Нуждин О.И.* Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия // Византийский временник. № 57. 1997. С. 96.

⁴⁶⁹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 9. С. 157.

⁴⁷⁰ *Соколов И.И.* Печалование патриархов перед василевсами в Византии X—XV вв. // Соколов И.И. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной академии. Печалование патриархов перед василевсами в Византии X—XV вв. Патриарший суд над убийцами в Византии X—XV вв. О поводах к разводу в Византии IX—XV вв. СПб., 2005. С. 56, 57.

⁴⁷¹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 7, глава 1. С. 164.

⁴⁷² *Соколов И.И.* Печалование патриархов перед василевсами в Византии X—XV вв. С. 58, 59.

⁴⁷³ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 7, глава 9. С. 193—195.

- ⁴⁷⁴ Там же. Т. 1. Книга 7, глава 11. С. 200, 201.
- ⁴⁷⁵ Там же. Т. 1. Книга 8, глава 2. С. 213.
- ⁴⁷⁶ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 204, 205.
- ⁴⁷⁷ *Властерь Матфей, иеромонах.* Алфавитная синтагма. М., 2006. Глава 8. Буква «Пи». С. 339, 340.
- ⁴⁷⁸ *Асмус Валентин, протоиерей.* О Константинопольской кафедре // Вестник русского христианского движения. № 195. 2009. С. 96—98.
- ⁴⁷⁹ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С. 412, 413.
- ⁴⁸⁰ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 93.
- ⁴⁸¹ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб., 1878. С. 233, 234.
- ⁴⁸² *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 197.
- ⁴⁸³ Там же. С. 129—130.
- ⁴⁸⁴ Там же. С. 130.
- ⁴⁸⁵ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8, глава 13. С. 267.
- ⁴⁸⁶ *Соколов И.И.* Вселенские судьи в Византии // Соколов И.И. О Византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003. С. 225—229.
- ⁴⁸⁷ *Соколов И.И.* Вселенские судьи в Византии. С. 230, 231, 233.
- ⁴⁸⁸ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 3. С. 139.
- ⁴⁸⁹ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 585, 587.
- ⁴⁹⁰ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8, глава 6. С. 230.
- ⁴⁹¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 299, 300.
- ⁴⁹² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 371, 372.
- ⁴⁹³ Там же. Т. 5. С. 372, 373.
- ⁴⁹⁴ Там же. Т. 5. С. 375—377.
- ⁴⁹⁵ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 634, 635.
- ⁴⁹⁶ *Градовский А.В.* Крестовые походы. С. 164, 165.
- ⁴⁹⁷ *Эсбридж Томас.* Крестовые походы. Войны Средневековья за Святую землю. С. 638—640.
- ⁴⁹⁸ *Градовский А.В.* Крестовые походы. С. 172, 173.
- ⁴⁹⁹ *Куглер Бертран.* История Крестовых походов. С. 433.
- ⁵⁰⁰ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 312.

- ⁵⁰¹ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 11. С. 160, 161.
- ⁵⁰² *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 308.
- ⁵⁰³ *Дворник Франтишек*. Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 184, 185.
- ⁵⁰⁴ *Нуждин О.И.* Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия. С. 97, 99, 100, 103.
- ⁵⁰⁵ Там же. С. 109.
- ⁵⁰⁶ *Дворник Франтишек*. Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 148, 149.
- ⁵⁰⁷ *Мюллер А.* История ислама. Т. 3. С. 382.
- ⁵⁰⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 300.
- ⁵⁰⁹ *Петросян Ю.А.* Османская империя. М., 2003. С. 23—25.
- ⁵¹⁰ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 378, 379.
- ⁵¹¹ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 10. С. 158—160.
- ⁵¹² *Грегоровиус Фердинанд*. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). С. 367, 368.
- ⁵¹³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 385.
- ⁵¹⁴ Там же. Т. 5. С. 388, 389.
- ⁵¹⁵ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 7, глава 3. С. 167—170.
- ⁵¹⁶ Там же. Т. 1. Книга 7, глава 4. С. 173—175.
- ⁵¹⁷ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 304.
- ⁵¹⁸ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 7, глава 6. С. 185, 186.
- ⁵¹⁹ Там же. Т. 1. Книга 7, глава 7. С. 187—190.
- ⁵²⁰ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). С. 412, 413.
- ⁵²¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 305.
- ⁵²² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 394—396.
- ⁵²³ Там же. Т. 5. С. 399, 400.
- ⁵²⁴ *Дворник Франтишек*. Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 142.
- ⁵²⁵ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 7, глава 8. С. 191.
- ⁵²⁶ Там же. Т. 1. Книга 7, глава 8. С. 192, 193.
- ⁵²⁷ Там же. Т. 1. Книга 7, глава 10. С. 196—200.
- ⁵²⁸ Там же. Т. 1. Книга 6, глава 8. С. 154—156.
- ⁵²⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 401.
- ⁵³⁰ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 6, глава 6. С. 146—149.

- ⁵³¹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 371.
- ⁵³² *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 7, глава 5. С. 177, 178.
- ⁵³³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 372, 373.
- ⁵³⁴ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 7, глава 5. С. 179—183.
- ⁵³⁵ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 374, 375.
- ⁵³⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. В 7 т. Т. 7. М., 2008. С. 113.
- ⁵³⁷ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8, глава 1. С. 207—209.
- ⁵³⁸ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 7. С. 113.
- ⁵³⁹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8, глава 3. С. 215, 216.
- ⁵⁴⁰ Там же. Т. 1. Книга 8, глава 4. С. 218, 219.
- ⁵⁴¹ Там же. Т. 1. Книга 8, глава 6. С. 226—228.
- ⁵⁴² Там же. Т. 1. Книга 8, глава 6. С. 231.
- ⁵⁴³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 404.
- ⁵⁴⁴ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8, глава 6. С. 232.
- ⁵⁴⁵ Там же. Т. 1. Книга 8, глава 12. С. 254—257.
- ⁵⁴⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 405.
- ⁵⁴⁷ Там же. Т. 5. С. 406.
- ⁵⁴⁸ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 9, глава 1. С. 277, 281.
- ⁵⁴⁹ Там же. Т. 1. Книга 9, глава 2. С. 283—285.
- ⁵⁵⁰ Там же. Т. 1. Книга 9, глава 3. С. 286, 287.
- ⁵⁵¹ Там же. Т. 1. Книга 9, глава 3. С. 286—289.
- ⁵⁵² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 407.
- ⁵⁵³ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 9, глава 6. С. 296.
- ⁵⁵⁴ Там же. Т. 1. Книга 9, главы 6, 7. С. 299—303.
- ⁵⁵⁵ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 7. С. 117.
- ⁵⁵⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 410.
- ⁵⁵⁷ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 10, глава 2. С. 328—332.
- ⁵⁵⁸ Там же. Т. 1. Книга 10, глава 1. С. 327.
- ⁵⁵⁹ *Асмус Валентин, протоиерей.* Церковные полномочия императоров в поздней Византии.

⁵⁶⁰ *Асмус Валентин, протоиерей*. Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви // *Regnum Aeternum*. № 1. С. 67.

⁵⁶¹ *Асмус Валентин, протоиерей*. Церковные полномочия императоров в поздней Византии.

⁵⁶² *Серафим (Соболев), архиепископ*. Русская идеология // Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. М., 2000. С. 122.

⁵⁶³ Плач о Константинополе // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006. С. 158.

⁵⁶⁴ *Акрополит Георгий*. Эпитафия прославленному императору Иоанну Дуке // Акрополит Георгий. История. СПб., 2005. С. 142.

⁵⁶⁵ *Победоносцев К.П.* Власть и начальство // Московский сборник. М., 1896. С. 248.

⁵⁶⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Рязань, 2004. Книга 10, глава 1. С. 327, 328.

⁵⁶⁷ *Асмус Валентин, протоиерей*. Церковные полномочия Византийских императоров // Двенадцать писем об Империи / Сб. ст. под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. СПб., 2003. С. 43.

⁵⁶⁸ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. М., 2009. С. 79, 80.

⁵⁶⁹ Там же. С. 84, 93.

⁵⁷⁰ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 897.

⁵⁷¹ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 10, глава 8. С. 357, 358.

⁵⁷² *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 6, глава 31. С. 315.

⁵⁷³ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998. С. 60, 121, 127.

⁵⁷⁴ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8.

⁵⁷⁵ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер*. Рим, Константинополь, Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2005. С. 125.

⁵⁷⁶ *Ломизе Е.М.* Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439).

⁵⁷⁷ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8, глава 13. С. 267.

⁵⁷⁸ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. С. 246.

⁵⁷⁹ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов // Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна

и Мануила Комнинов. Акрополит Георгий. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. С. 29.

⁵⁸⁰ *Дагрон Жильбер*. Император и священник. Этюда о византийском «цезаропапизме». СПб., 2010. С. 35, 38.

⁵⁸¹ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. В 3 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 297, 298.

⁵⁸² Там же. С. 348, 349.

⁵⁸³ Там же. С. 350.

⁵⁸⁴ Там же. С. 393, 394.

⁵⁸⁵ *Вриенний Никифор*. Исторические записки. М., 1997. С. 16, 17.

⁵⁸⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. С. 87, 88.

⁵⁸⁷ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 155.

⁵⁸⁸ Там же. Т. 1. С. 163.

⁵⁸⁹ *Пселл Михаил*. Хронография. СПб., 2003. С. 176—178.

⁵⁹⁰ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 1, гл. 10. С. 29—31.

⁵⁹¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 490—491.

⁵⁹² *Пселл Михаил*. Хронография. С. 167.

⁵⁹³ *Васильев А.А.* История Византийской империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 311.

⁵⁹⁴ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 8. С. 207, 208, 215, 227.

⁵⁹⁵ Там же. Книга 2, глава 25. С. 110.

⁵⁹⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 11, глава 11. С. 389, 390.

⁵⁹⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 411.

⁵⁹⁸ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 455.

⁵⁹⁹ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 9, глава 8. С. 304, 305.

⁶⁰⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 460.

⁶⁰¹ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 9, глава 9. С. 306, 307.

⁶⁰² *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 606.

⁶⁰³ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 9, глава 9. С. 309.

⁶⁰⁴ *Соколов И.И.* Вселенские судьи в Византии. С. 242.

⁶⁰⁵ Там же. С. 243.

⁶⁰⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 11, глава 3. С. 375.

- ⁶⁰⁷ Там же. Т. 1. Книга 9, глава 10. С. 311, 312.
- ⁶⁰⁸ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 386, 387.
- ⁶⁰⁹ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 9, глава 12. С. 320, 321.
- ⁶¹⁰ *Дворник Франтишек.* Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 150.
- ⁶¹¹ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 393.
- ⁶¹² *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 10, глава 4. С. 339, 340.
- ⁶¹³ Там же. Т. 1. Книга 10, глава 4. С. 342.
- ⁶¹⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 414.
- ⁶¹⁵ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 10, глава 7. С. 347, 348.
- ⁶¹⁶ Там же. Т. 1. Книга 10, глава 8. С. 351.
- ⁶¹⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 416, 417.
- ⁶¹⁸ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 11, глава 2. С. 370—373.
- ⁶¹⁹ Там же. Т. 1. Книга 11, глава 3. С. 373, 374.
- ⁶²⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 419, 420.
- ⁶²¹ Там же. Т. 5. С. 420, 421.
- ⁶²² Там же. Т. 5. С. 417, 418.
- ⁶²³ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 11, глава 4. С. 376, 377.
- ⁶²⁴ Там же. Т. 1. Книга 11, глава 11. С. 387.
- ⁶²⁵ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. С. 303.
- ⁶²⁶ *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2008. С. 742.
- ⁶²⁷ *Иерофей (Влахос), митрополит.* Святитель Григорий Палама как святогорец. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2011. С. 19.
- ⁶²⁸ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. С. 303.
- ⁶²⁹ Там же. С. 303, 304.
- ⁶³⁰ *Гаген С.Я.* Григорий Акиндин // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 662, 663.
- ⁶³¹ Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 652.
- ⁶³² *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности // Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История Крестовых походов. М., 2001. С. 223.
- ⁶³³ *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. С. 743.

- ⁶³⁴ *Гаген С.Я.* Григорий Акиндин. С. 664.
- ⁶³⁵ *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. С. 747.
- ⁶³⁶ *Вениаминов В.* Краткие сведения о жизни и мысли св. Григории Паламы // Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995. С. 354.
- ⁶³⁷ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 224, 225.
- ⁶³⁸ *Гаген С.Я.* Григорий Акиндин. С. 664.
- ⁶³⁹ *Соколов И.И.* Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии // Соколов И.И. Свт. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Церковная политика Византийского императора Исаака II Ангела. СПб., 2004. С. 84, 85.
- ⁶⁴⁰ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 273, 274.
- ⁶⁴¹ *Вениаминов В.* Краткие сведения о жизни и мысли св. Григории Паламы. С. 356.
- ⁶⁴² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 462.
- ⁶⁴³ Историческое сказание инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858. С. 2.
- ⁶⁴⁴ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 379.
- ⁶⁴⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 422.
- ⁶⁴⁶ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. В 3 т. Т. 3. М., 1967. С. 136.
- ⁶⁴⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 423.
- ⁶⁴⁸ Там же. Т. 5. С. 423.
- ⁶⁴⁹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 387.
- ⁶⁵⁰ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 279.
- ⁶⁵¹ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 395, 396.
- ⁶⁵² *Кантакузен Иоанн.* История. Книга 3, глава 28 // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 275.
- ⁶⁵³ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 137.
- ⁶⁵⁴ *Иерофей (Влахос), митрополит.* Святитель Григорий Палама как святогорец. С. 214, 215.
- ⁶⁵⁵ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 141.
- ⁶⁵⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 440.
- ⁶⁵⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 464, 465.

- ⁶⁵⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 426.
- ⁶⁵⁹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 388.
- ⁶⁶⁰ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 143, 144.
- ⁶⁶¹ Там же. Т. 3. С. 144, 145.
- ⁶⁶² *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 397.
- ⁶⁶³ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 145.
- ⁶⁶⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 443.
- ⁶⁶⁵ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 399.
- ⁶⁶⁶ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 145, 146.
- ⁶⁶⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 444, 445.
- ⁶⁶⁸ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 146, 147.
- ⁶⁶⁹ *Флоринский Т.Д.* Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888. С. 4, 5.
- ⁶⁷⁰ *Дворник Франтишек.* Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 150, 151.
- ⁶⁷¹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 317.
- ⁶⁷² *Флоринский Т.Д.* Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. С. 14, 15.
- ⁶⁷³ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 400, 401.
- ⁶⁷⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 444.
- ⁶⁷⁵ Там же. Т. 5. С. 446.
- ⁶⁷⁶ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 466.
- ⁶⁷⁷ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 391.
- ⁶⁷⁸ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 631, 632.
- ⁶⁷⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 324, 325.
- ⁶⁸⁰ *Норвич Джон.* История Венецианской республики. С. 287, 288.
- ⁶⁸¹ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 150, 151.
- ⁶⁸² Там же. Т. 3. С. 151, 152.
- ⁶⁸³ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 306.
- ⁶⁸⁴ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 153, 154.
- ⁶⁸⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 449.
- ⁶⁸⁶ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 154, 156.
- ⁶⁸⁷ *Норвич Джон.* История Венецианской республики. С. 290, 291.
- ⁶⁸⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 451.
- ⁶⁸⁹ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 157.
- ⁶⁹⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 453.
- ⁶⁹¹ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 158, 159.
- ⁶⁹² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 455.
- ⁶⁹³ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 3. С. 159, 160.
- ⁶⁹⁴ *Бирюков Д.С.* Григорий Акиндин // Антология восточно-христианской богословской мысли. С. 493, 497.

⁶⁹⁵ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* Евхаристический догмат в богословских спорах XIV столетия // Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Пасхальная тайна. М., 2013. С. 600, 601.

⁶⁹⁶ *Святитель Григорий Палама.* Полемика с Акиндином. Святая Гора Афон, 2009. С. 27, 28.

⁶⁹⁷ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 282, 283.

⁶⁹⁸ *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской православной Церкви. С. 758.

⁶⁹⁹ *Гаген С.Я.* Григорий Акиндин. С. 665.

⁷⁰⁰ *Бернацкий М.М.* Григорий Палама // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 13.

⁷⁰¹ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. С. 307.

⁷⁰² *Иерофей (Влахос), митрополит.* Святитель Григорий Палама как святогорец. С. 38.

⁷⁰³ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 228, 229.

⁷⁰⁴ *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской православной Церкви. С. 758.

⁷⁰⁵ *Бернацкий М.М.* Григорий Палама. С. 13.

⁷⁰⁶ *Исповедание веры Григория Акиндина, иеромонаха, обращенное к госпоже царице* // Антология восточно-христианской богословской мысли. С. 499.

⁷⁰⁷ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 280.

⁷⁰⁸ *Бернацкий М.М.* Григорий Палама. С. 14.

⁷⁰⁹ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* Византийское общество и культура в XIV столетии: круг религиозных проблем // Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Пасхальная тайна. С. 667.

⁷¹⁰ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 285—289.

⁷¹¹ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 896—899.

⁷¹² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 475.

⁷¹³ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 218, 219.

⁷¹⁴ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998. С. 53.

⁷¹⁵ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 221, 222.

- ⁷¹⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 482, 483.
- ⁷¹⁷ *Бирюков Д.С.* О диспуте свт. Григория Паламы с Никифором Григорой и его изложение Факрасисом // Факрасис Георгий. Диспут свт. Григория Паламы с Григорой философом. Святая гора Афон, 2009. С. 17, 18.
- ⁷¹⁸ Факрасиса протостратора краткое изложение диспута святейшего Фессалоникийского кир Григория и Григория философа, который состоялся в палатах пред лицом императора // Факрасис Георгий. Диспут свт. Григория Паламы с Григорой философом. Главы, 2, 3. С. 23, 24.
- ⁷¹⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 484.
- ⁷²⁰ *Петросян Ю.А.* Османская империя. С. 33, 34.
- ⁷²¹ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 223.
- ⁷²² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 484, 485.
- ⁷²³ *Норвич Джон.* История Византии. М., 2009. С. 498.
- ⁷²⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 486, 487.
- ⁷²⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 486, 487.
- ⁷²⁶ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 417.
- ⁷²⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 478—480.
- ⁷²⁸ *Норвич Джон.* История Византии. С. 499.
- ⁷²⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 487.
- ⁷³⁰ *Норвич Джон.* История Византии. С. 499.
- ⁷³¹ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 289—293.
- ⁷³² *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. С. 79.
- ⁷³³ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 228, 229.
- ⁷³⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 487, 488.
- ⁷³⁵ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. С. 60.
- ⁷³⁶ *Норвич Джон.* История Византии. С. 500.
- ⁷³⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 488.
- ⁷³⁸ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 230—233.
- ⁷³⁹ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 428.
- ⁷⁴⁰ Там же. С. 430.
- ⁷⁴¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 489, 490.
- ⁷⁴² *Петросян Ю.А.* Османская империя. С. 34.
- ⁷⁴³ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. С. 65, 66.
- ⁷⁴⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 490.
- ⁷⁴⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 490, 491.
- ⁷⁴⁶ *Асмус Валентин, протоиерей.* Полномочия императоров в поздней Византии.

- ⁷⁴⁷ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 429.
- ⁷⁴⁸ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 497.
- ⁷⁴⁹ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 443, 444.
- ⁷⁵⁰ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 494.
- ⁷⁵¹ *Петросян Ю.А.* Османская империя. С. 36.
- ⁷⁵² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 501.
- ⁷⁵³ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 278, 279.
- ⁷⁵⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 494.
- ⁷⁵⁵ *Попов И.Н.* Иоанн VII Палеолог // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 598.
- ⁷⁵⁶ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 502.
- ⁷⁵⁷ *Васильев А.А.* Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925. С. 55.
- ⁷⁵⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 509, 510.
- ⁷⁵⁹ *Норвич Джон.* История Византии. С. 509.
- ⁷⁶⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 495.
- ⁷⁶¹ Там же. Т. 5. С. 496, 497.
- ⁷⁶² *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 328, 329.
- ⁷⁶³ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 508.
- ⁷⁶⁴ *Норвич Джон.* История Византии. С. 510.
- ⁷⁶⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 495.
- ⁷⁶⁶ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 235.
- ⁷⁶⁷ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 2008. С. 95.
- ⁷⁶⁸ *Разин Е.А.* История военного искусства. В 5 т. Т. 2. СПб., 1994. С. 228, 229.
- ⁷⁶⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 513.
- ⁷⁷⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 499.
- ⁷⁷¹ *Васильев А.А.* Падение Константинополя. Эпоха Палеологов (1261—1453). С. 57.
- ⁷⁷² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 515.
- ⁷⁷³ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 331, 332.
- ⁷⁷⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 516.
- ⁷⁷⁵ *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 398, 399.
- ⁷⁷⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 500.
- ⁷⁷⁷ *Норвич Джон.* История Византии. С. 512.
- ⁷⁷⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 333.
- ⁷⁷⁹ Там же. Т. 2. С. 334.
- ⁷⁸⁰ *Мюллер Август.* История ислама. Т. 3. С. 361—373.
- ⁷⁸¹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 97.
- ⁷⁸² *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 2. С. 231, 232, 235—239.

- ⁷⁸³ *Мюллер Август.* История ислама. Т. 3. С. 410—412.
- ⁷⁸⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 501.
- ⁷⁸⁵ *Норвич Джон.* История Византии. С. 514, 515.
- ⁷⁸⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 502.
- ⁷⁸⁷ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 102.
- ⁷⁸⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 502, 503.
- ⁷⁸⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 529.
- ⁷⁹⁰ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 236, 237.
- ⁷⁹¹ *Кроули Рожер.* Константинополь. Последняя осада 1453 г. М., 2008. С. 99.
- ⁷⁹² *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 395.
- ⁷⁹³ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 524.
- ⁷⁹⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 506, 507.
- ⁷⁹⁵ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 103, 104.
- ⁷⁹⁶ *Николь Д., Хэлдон Дж., Тернбулл С.* Падение Константинополя. Последние дни Византии. Полумесяц над Босфором. М., 2008. С. 155.
- ⁷⁹⁷ *Норвич Джон.* История Византии. С. 518.
- ⁷⁹⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 508, 509.
- ⁷⁹⁹ *Сфрандзи Георгий.* Хроника. XXIII. С. 5, 6.
- ⁸⁰⁰ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 2. С. 342.
- ⁸⁰¹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 537.
- ⁸⁰² *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 395.
- ⁸⁰³ Там же. С. 396.
- ⁸⁰⁴ Там же. С. 397, 398.
- ⁸⁰⁵ *Сфрандзи Георгий.* Хроника. XXIII. С. 7.
- ⁸⁰⁶ *Норвич Джон.* История Византии. С. 520.
- ⁸⁰⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 510, 511.
- ⁸⁰⁸ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 104, 105.
- ⁸⁰⁹ *Сфрандзи Георгий.* Хроника. XXIII. С. 8.
- ⁸¹⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 514.
- ⁸¹¹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 550, 551.
- ⁸¹² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 513.
- ⁸¹³ *Норвич Джон.* История Византии. С. 524.
- ⁸¹⁴ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 553.
- ⁸¹⁵ *Девриз Келли, Дикки Йен, Догерти Мартин, Джестайс Филлис, Йоргенсен Крис, Павкович Майкл.* Великие сражения крестоносцев (1097—1444). С. 208.
- ⁸¹⁶ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 106.
- ⁸¹⁷ *Девриз Келли, Дикки Йен, Догерти Мартин, Джестайс Филлис, Йоргенсен Крис, Павкович Майкл.* Великие сражения крестоносцев (1097—1444). С. 214, 216.

- ⁸¹⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 522.
- ⁸¹⁹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 107.
- ⁸²⁰ *Сиропул Сильвестр.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). СПб., 2010. Часть 2, главы 5—8. С. 25—28.
- ⁸²¹ *Ломизе Е.М.* Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439) // Византийский временник. 1994. № 80.
- ⁸²² *Чичерин Б.Н.* История политических учений. В 5 т. Т. 1. М., 1869. С. 284—287.
- ⁸²³ *Гергей Е.* История папства. С. 192, 193.
- ⁸²⁴ *Норвич Джон.* История папства. С. 304.
- ⁸²⁵ *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. Минск, 2000. С. 179.
- ⁸²⁶ *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 550.
- ⁸²⁷ *Гергей Е.* История папства. С. 194.
- ⁸²⁸ *Занемонец А.В.* Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб., 2008. С. 34.
- ⁸²⁹ *Норвич Джон.* История Византии. С. 522, 523.
- ⁸³⁰ *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 105.
- ⁸³¹ Там же. С. 106, 107.
- ⁸³² Там же. С. 108.
- ⁸³³ *Сиропул Сильвестр.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть IV, глава 32. С. 104.
- ⁸³⁴ *Норвич Джон.* История папства. С. 307.
- ⁸³⁵ *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 112.
- ⁸³⁶ *Занемонец А.В.* Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. С. 35.
- ⁸³⁷ *Гергей Е.* История папства. С. 194, 195.
- ⁸³⁸ *Лозинский С.Г.* История папства. Смоленск, 2004. С. 244.
- ⁸³⁹ *Сиропул Сильвестр.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть IV, глава 40. С. 112.
- ⁸⁴⁰ *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 114—116.
- ⁸⁴¹ *Сиропул Сильвестр.* Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть V, глава 16. С. 129.
- ⁸⁴² *Рансимен С.* Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С. 119.
- ⁸⁴³ *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 118, 121.
- ⁸⁴⁴ *Занемонец А.В.* Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. С. 41.

⁸⁴⁵ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 122, 124.

⁸⁴⁶ *Занемонец А.В.* Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. С. 43, 44.

⁸⁴⁷ *Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть V, главы 19—21. С. 131—132.

⁸⁴⁸ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 125, 126.

⁸⁴⁹ *Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть VII, глава 25. С. 201, 202.

⁸⁵⁰ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 141, 142.

⁸⁵¹ Там же. С. 144, 145.

⁸⁵² Там же. С. 216, 217.

⁸⁵³ *Занемонец А.В.* Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. С. 38.

⁸⁵⁴ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 148—150.

⁸⁵⁵ *Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть VIII, главы 28—30. С. 228—230.

⁸⁵⁶ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 153—160.

⁸⁵⁷ Там же. С. 162—166.

⁸⁵⁸ Там же. С. 167—170.

⁸⁵⁹ *Занемонец А.В.* Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. С. 85, 86.

⁸⁶⁰ *Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть X, глава 4. С. 271, 272.

⁸⁶¹ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер*. Рим, Константинополь, Москва. Исторические и богословские исследования. С. 143.

⁸⁶² *Рансимен С.* Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С. 121.

⁸⁶³ *Асмус Валентин, протоиерей*. Церковные полномочия императоров в поздней Византии.

⁸⁶⁴ *Занемонец А.В.* Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии. С. 35.

⁸⁶⁵ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 548.

⁸⁶⁶ *Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438—1439). Часть XII, глава 20. С. 314.

⁸⁶⁷ *Рансимен С.* Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С. 123.

⁸⁶⁸ *Занемонец А.В. Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии.* С. 46.

⁸⁶⁹ *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 188—190.

⁸⁷⁰ *Рансимен С.* Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С. 91.

⁸⁷¹ *Занемонец А.В. Иоанн Евгений и православное сопротивление Флорентийской унии.* С. 48.

⁸⁷² *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 199.

⁸⁷³ *Рансимен С.* Восточная схизма // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 62, 63.

⁸⁷⁴ *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 141.

⁸⁷⁵ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 70, 71.

⁸⁷⁶ Там же. С. 86, 87.

⁸⁷⁷ *Балдуин В. Маршал.* Александр III и Двенадцатый век. С. 196.

⁸⁷⁸ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 106, 107.

⁸⁷⁹ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* Рим, Константинополь, Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2005. С. 126.

⁸⁸⁰ *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. С. 232, 235, 325.

⁸⁸¹ *Дворник Франтишек.* Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 136, 137.

⁸⁸² *Ломизе Е.М.* Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439) // Византийский временник. 1994. № 80.

⁸⁸³ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* Рим, Константинополь, Москва. Исторические и богословские исследования. С. 133, 134.

⁸⁸⁴ *Дворник Франтишек.* Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 149.

⁸⁸⁵ *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 10, глава 8. С. 355.

⁸⁸⁶ *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. М., 2009. С. 113, 114.

⁸⁸⁷ Там же. С. 115.

⁸⁸⁸ *Рансимен С.* Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб., 2006. С. 97.

⁸⁸⁹ *Катанский А.* История попыток к соединению церквей Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 191, 192.

⁸⁹⁰ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 235, 236, 239.

- ⁸⁹¹ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 209.
- ⁸⁹² *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. С. 55.
- ⁸⁹³ *Катанский А.* История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. С. 192, 193.
- ⁸⁹⁴ *Кантакузен Иоанн.* Беседа с папским легатом. Против иудеев // Кантакузен Иоанн. Беседа с папским легатом. СПб., 2008. С. 40, 43.
- ⁸⁹⁵ Там же. С. 44.
- ⁸⁹⁶ Там же. С. 49.
- ⁸⁹⁷ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* Рим, Константинополь, Москва. Исторические и богословские исследования. С. 131, 132.
- ⁸⁹⁸ Там же. С. 139—142.
- ⁸⁹⁹ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. С. 260.
- ⁹⁰⁰ *Каллист Влатос.* Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С. 149, 150.
- ⁹⁰¹ *Рансимен С.* Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С. 100.
- ⁹⁰² *Асмус Валентин, протоиерей.* Полномочия императоров в поздней Византии.
- ⁹⁰³ *Кривовул Михаил.* Историческое сочинение // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006. Глава 72. С. 74, 75.
- ⁹⁰⁴ *Васильев А.А.* Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). С. 71.
- ⁹⁰⁵ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 113, 120, 121.
- ⁹⁰⁶ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). С. 619.
- ⁹⁰⁷ *Кроули Рожер.* Константинополь. Последняя осада 1453 г. М., 2008. С. 73.
- ⁹⁰⁸ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 116, 117, 120.
- ⁹⁰⁹ *Кроули Рожер.* Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 101.
- ⁹¹⁰ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 121, 122.
- ⁹¹¹ *Кроули Рожер.* Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 61.
- ⁹¹² *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 124, 129, 130.
- ⁹¹³ *Кроули Рожер.* Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 66, 67.
- ⁹¹⁴ Там же. С. 68.
- ⁹¹⁵ *Дука Михаил.* История. Глава 37 // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006. С. 86.
- ⁹¹⁶ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 122, 123, 136.
- ⁹¹⁷ *Кроули Рожер.* Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 78.
- ⁹¹⁸ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 141, 142.

- ⁹¹⁹ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 8. С. 23, 24.
- ⁹²⁰ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 87.
- ⁹²¹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 143, 146.
- ⁹²² *Дука Михаил*. История. Глава 35. С. 79.
- ⁹²³ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 147—149.
- ⁹²⁴ *Дука Михаил*. История. Глава 36. С. 81.
- ⁹²⁵ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 152, 153.
- ⁹²⁶ *Дука Михаил*. История. Глава 36. С. 82.
- ⁹²⁷ *Рансимен С.* Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб., 2006. С. 132—135.
- ⁹²⁸ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 103.
- ⁹²⁹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 154—156.
- ⁹³⁰ *Дука Михаил*. История. Глава 36. С. 83.
- ⁹³¹ Там же. Глава 35. С. 80, 81.
- ⁹³² *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 14. С. 31, 32.
- ⁹³³ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 159—161.
- ⁹³⁴ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 90.
- ⁹³⁵ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 164, 165.
- ⁹³⁶ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 137.
- ⁹³⁷ *Дука Михаил*. История. Глава 35. С. 78, 79.
- ⁹³⁸ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 18. С. 37.
- ⁹³⁹ *Дука Михаил*. История. Глава 36. С. 84.
- ⁹⁴⁰ *Сфрандзи Георгий*. Хроника // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006. Глава 4, 6—8. С. 130.
- ⁹⁴¹ *Николь Д., Хэлдон Дж., Тернбулл С.* Падение Константинополя. Последние дни Византии. Полумесяц над Босфором. С. 215.
- ⁹⁴² *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 173, 176.
- ⁹⁴³ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 25. С. 41.
- ⁹⁴⁴ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 177—181.
- ⁹⁴⁵ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 113.
- ⁹⁴⁶ *Дука Михаил*. История. Глава 37. С. 85.
- ⁹⁴⁷ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 22. С. 39, 40.
- ⁹⁴⁸ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 144.
- ⁹⁴⁹ *Сфрандзи Георгий*. Хроника. Главы 4, 3. С. 128, 129.
- ⁹⁵⁰ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 196—199.
- ⁹⁵¹ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 160, 161.
- ⁹⁵² *Дука Михаил*. История. Глава 38. С. 87.
- ⁹⁵³ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 37. С. 50.
- ⁹⁵⁴ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 168.
- ⁹⁵⁵ *Сфрандзи Георгий*. Хроника. Глава 4, 14. С. 133.

- ⁹⁵⁶ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 202—205.
- ⁹⁵⁷ Дука Михаил. История. Глава 38. С. 89.
- ⁹⁵⁸ Критовул Михаил. Историческое сочинение. Главы 42—44. С. 55, 56.
- ⁹⁵⁹ Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 5, 8. С. 138, 139.
- ⁹⁶⁰ Халкокондил Лаоник. Историческое повествование // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006. С. 116.
- ⁹⁶¹ Дука Михаил. История. Глава 38. С. 87, 88.
- ⁹⁶² Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 5, 6. С. 137.
- ⁹⁶³ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 230, 231.
- ⁹⁶⁴ Дука Михаил. История. Главы 38, 39. С. 92, 94.
- ⁹⁶⁵ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 234.
- ⁹⁶⁶ Кроули Рожер. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 215.
- ⁹⁶⁷ Халкокондил Лаоник. Историческое повествование. С. 115.
- ⁹⁶⁸ Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 4, 12. С. 131, 132.
- ⁹⁶⁹ Кроули Рожер. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 264.
- ⁹⁷⁰ Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 6, 4. С. 140.
- ⁹⁷¹ Критовул Михаил. Историческое сочинение. Главы 45—47. С. 56, 57.
- ⁹⁷² Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 7, 2. С. 141.
- ⁹⁷³ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 250, 251.
- ⁹⁷⁴ Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 7, 8. С. 143.
- ⁹⁷⁵ Критовул Михаил. Историческое сочинение. Глава 48. С. 58, 59.
- ⁹⁷⁶ Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 8, 3—15. С. 145—148.
- ⁹⁷⁷ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 264, 265.
- ⁹⁷⁸ Критовул Михаил. Историческое сочинение. Глава 54. С. 63.
- ⁹⁷⁹ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 268—271.
- ⁹⁸⁰ Дука Михаил. История. Глава 39. С. 95.
- ⁹⁸¹ Критовул Михаил. Историческое сочинение. Глава 58. С. 65.
- ⁹⁸² Там же. Глава 72. С. 75.
- ⁹⁸³ Сфрандзи Георгий. Хроника. Глава 10, 2. С. 153.
- ⁹⁸⁴ Халкокондил Лаоник. Историческое повествование. С. 120.
- ⁹⁸⁵ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 281—284.
- ⁹⁸⁶ Дука Михаил. История. Глава 39. С. 98.
- ⁹⁸⁷ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 286.
- ⁹⁸⁸ Кроули Рожер. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 305.
- ⁹⁸⁹ Васильев А.А. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). С. 79.
- ⁹⁹⁰ Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия византийских императоров // Православная государственность. 12 писем об Империи: сб. ст. / Под ред. А.М. Величко и М.Б. Смолина. СПб., 2003. С. 44.
- ⁹⁹¹ Дука Михаил. История. Глава 39. С. 98.
- ⁹⁹² Евтушенко Григорий, священник. Храм Святой Софии в Константинополе. СПб., 2008. С. 201, 202.

- ⁹⁹³ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 67. С. 70.
- ⁹⁹⁴ *Дука Михаил*. История. Глава 39. С. 98.
- ⁹⁹⁵ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 72. С. 75.
- ⁹⁹⁶ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 294, 295, 298, 299.
- ⁹⁹⁷ *Дука Михаил*. История. Глава 41. С. 106, 107.
- ⁹⁹⁸ *Критовул Михаил*. Историческое сочинение. Глава 68. С. 71.
- ⁹⁹⁹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 322.
- ¹⁰⁰⁰ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 314.
- ¹⁰⁰¹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. С. 328—331.
- ¹⁰⁰² *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. С. 318.
- ¹⁰⁰³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 5. С. 552.
- ¹⁰⁰⁴ *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. С. 431—437.
- ¹⁰⁰⁵ *Шмеман Александр, протопресвитер*. Судьба византийской теократии // Шмеман Александр, протопресвитер. Собрание статей 1947—1983. М., 2009. С. 620, 621.
- ¹⁰⁰⁶ *Боханов А.Н.* Византия — навсегда! // Имперское возрождение. № 2. 2010. С. 29.
- ¹⁰⁰⁷ *Грибовский В.М.* Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С. 241, 242.
- ¹⁰⁰⁸ *Дилль Ш.* История Византийской империи. М., 1947. С. 70, 71.
- ¹⁰⁰⁹ *Разин Е.А.* История военного искусства. В 5 т. Т. 3. СПб., 1994. С. 436.
- ¹⁰¹⁰ *Рапп Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. С. 336—338.
- ¹⁰¹¹ *Рансимен С.* Византийская теократия // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 142.
- ¹⁰¹² *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 2008.
- ¹⁰¹³ *Рансимен С.* Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С. 174.
- ¹⁰¹⁴ *Шмеман Александр, протопресвитер*. Церковь и история // Шмеман Александр, протопресвитер. Собрание статей 1947—1983. С. 17.

Оглавление 6-ти томов

I ТОМ

ВВЕДЕНИЕ

«Священная Римская (Византийская) империя»	8
--	---

ДИНАСТИЯ КОНСТАНТИНА

I. Святой равноапостольный Константин Великий (306—337)	26
Глава 1. На пути к единоличной власти	26
Глава 2. Первый Вселенский Собор	48
Глава 3. Переезд в Константинополь, конец жизни	63
II. Константин II (337—340), Констант I (337—350), Констанций (337—361)	74
Глава 1. Соимператорство трех братьев и единоличное правление Констанция	74
Глава 2. Тринитарные Соборы и церковная политика Констанция	93
Глава 3. Личность Констанция	114
III. Юлиан-Отступник (361—363)	124
Глава 1. На пути к царству	124
Глава 2. Царствование и преследования христиан	135
Глава 3. Персидский поход	144

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

IV. Иовиан (363—364), краткое царствование христианского императора	156
<i>Приложение №1. «Варвары и Империя»</i>	<i>162</i>

ДИНАСТИЯ ВАЛЕНТИНИАНА

V. Валентиниан I (364—375), Валент (364—378), Грациан (367—383) и Валентиниан II (375—392)	174
Глава 1. Эпоха четырех императоров	174
Глава 2. Гибель династии Западных царей	193
Глава 3. Церковные дела и религиозная политика императоров.....	206

ДИНАСТИЯ ФЕОДОСИЯ

VI. Святой Феодосий I Великий (379—395).....	218
Глава 1. Святой император	218
Глава 2. Второй Вселенский Собор. Участие императора в делах Церкви.....	236
VII. Императоры Аркадий (394—408) и св. Гонорий (395—423)	254
Глава 1. Аркадий, император Востока	258
Глава 2. Император западных провинций	282
VIII. Святой Феодосий II Младший (408—450) и Валентиниан III (425—455)	296
Глава 1. Святая семья	297
Глава 2. Последние Римские императоры Запада	322
Глава 3. Третий Вселенский Собор 431 г.	333
Глава 4. «Разбойный собор» 449 г.	354
<i>Приложение № 2. Административно-территориальное устройство Церкви и отношения между кафедрами в III—V вв.</i>	<i>366</i>
IX. Св. Маркиан (450—457) и св. Пульхерия (450—453)	393
Глава 1. «Солдатский» царь, избранник Божий, и Четвертый Вселенский (Халкидонский) Собор.....	393
Глава 2. 28-й канон и последние годы великой династии.....	414

ДИНАСТИЯ ЛЬВА

X. Император святой Лев I Великий (457—474)	432
Глава 1. Готский ставленник	432

Глава 2. Война с вандалами	442
Глава 3. Восстановление самодержавия, самовластное правление	448
XI. Лев II Младший (473—474) и Зенон (474—475)	458
XII. Василиск (475—476)	461
Глава 1. Вождь национальной партии	461
Глава 2. Монофизит на троне	464
XIII. Зенон (476—491), повторное правление	468
Глава 1. Исавр у власти. Война с остготами	468
Глава 2. Заговоры и заговорщики, потеря Италии	477
Глава 3. «Энотикон» императора Зенона и «Акакиева схизма»	488
<i>Приложение № 3: «Положение императора в Церкви и Римском государстве в IV—V вв.»</i>	<i>498</i>
XIV. Император Анастасий I (491—518)	514
Глава 1. Избранник жены	514
Глава 2. Дела на Западе и восстание Виталиана	523
Глава 3. Состояние Восточной Церкви и сношения с Римом	531
Глава 4. Результаты царствования Анастасия	545
Примечания	548

II ТОМ

ДИНАСТИЯ ЮСТИНИАНА

XV. Император Юстин I (518—527)	4
Глава 1. Избрание нового царя	4
Глава 2. Восстановление общения с Римом и прекращение церковного раскола	7
Глава 3. Война с Персией. Выбор соправителем св. Юстиниана I и смерть императора Юстина	15
<i>Приложение № 4: «Сакральные полномочия императоров и новый обряд престолонаследия»</i>	<i>19</i>
XVI. Святой благочестивый император Юстиниан I Великий (527—565)	33

Глава 1. Святой Юстиниан и святая Феодора	33
Глава 2. Имперская и церковная идеология св. Юстиниана	40
Глава 3. Кодификация римского права. Каноническое творчество императора	58
Глава 4. Война с Персией и бунт «Ника»	70
Глава 5. Войны на Западе. Освобождение Африки, Испании и Италии	80
Глава 6. Религиозная политика св. Юстиниана. Пятый Вселенский Собор	103
Глава 7. Войны на Востоке и на северной границе	129
Глава 8. Личность и итоги жизни святого императора	140
XVII. Император Юстин II (565—574)	153
Глава 1. Смена имперской политики. Территориальные потери в Италии, Испании, Африке и война с Персией	153
Глава 2. «Энотикон» Юстина II. Хозяйственная деятельность императора. Выбор преемника	164
XVIII. Император Тиверий (574—582)	172
Глава 1. «Новый Константин»	172
Глава 2. Хранитель Православия. Смерть Тиверия и коронация св. Маврикия	181
<i>Приложение № 5:</i> <i>«Римская армия в эпоху первых императоров»</i>	<i>188</i>
XIX. Император святой Маврикий (582—602)	202
Глава 1. Царь милостью Божией	202
Глава 2. Войны с персами, аvaraми и славянами. Мирный договор с Персией 591 г.	211
Глава 3. Война в Африке и Италии. Отношения между Константинопольским патриархом и Римским епископом	226
Глава 4. Гибель святого императора и его семьи	233

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

XX. Фока-узурпатор (602—610)	240
Глава 1. Тиран и палач	240

Глава 2. Восстание Ираклия.	
Падение узурпатора	248

ДИНАСТИЯ ИРАКЛИДОВ

XXI. Император Ираклий Великий (610—641)	254
Глава 1. Разоренная Империя	254
Глава 2. Войны с персами и аvaraми.	
Триумф императора	267
Глава 3. Монофелитская ересь.	
«Эктесис» императора Ираклия	285
Глава 4. Римско-арабская война. Потеря восточных провинций. Смерть императора Ираклия Великого.....	292
XXII. Святой Константин III Новый (641)	
и Ираклон (641).....	310
Глава 1. Династические войны.....	310
XXIII. Константин II (641—668).....	316
Глава 1. Мальчик-император и эпоха его взросления.....	316
Глава 2. «Типос» императора. Святой Максим	
Исповедник и папа св. Мартин.	
Латеранский Собор.....	329
Глава 3. Отмщение судьбы. Смерть императора	341
XXIV. Император Константин IV (668—685)	344
Глава 1. Юный царь и борьба за единовластие	344
Глава 2. Шестой Вселенский Собор.....	351
<i>Приложение № 6: «Рим и Константинополь —</i>	
<i> борьба “Вселенских” патриархов».....</i>	<i>363</i>
XXV. Император Юстиниан II (685—695)	377
Глава 1. Растроченное наследство	377
Глава 2. Трулльский (Пято-Шестой)	
Вселенский Собор.....	385
XXVI. Императоры Леонтий (695—698)	
и Тиверий II (698—705).....	395
Глава 1. Мятежное десятилетие.....	395

XXVII. Император Юстиниан II (705—711), повторное правление	403
Глава 1. Тирания, бесчестье и смерть.....	403
XXVIII. Филиппик (711—713)	414
Глава 1. Реставрация монофелитства.....	414
XXIX. Анастасий II (713—715)	419
Глава 1. Восстановление Православия и новый бунт	419
XXX. Феодосий III (715—717)	423
Глава 1. Царь и претендент	423
Примечания	430

III ТОМ

ИСАВРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

XXXI. Император Лев III Исавр (717—741)	4
Глава 1. Великий полководец. События в Италии	4
Глава 2. Мудрый законодатель	22
Глава 3. Иконоборчество. Папа против императора	28
XXXII. Император Константин V (741—775)	45
Глава 1. Царь и узурпатор	45
Глава 2. Победоносный император. Войны с арабами и болгарами	52
Глава 3. Положение дел в Италии. «Папская революция»	63
Глава 4. Иконоборческий кризис. «Вселенский» Собор 754 г.	79
XXXIII. Император Лев IV Хазар (775—780)	93
Глава 1. Иконоборцы против почитателей икон	93
XXXIV. Император Константин VI (780—797) и императрица святая Ирина (797—802)	101
Глава 1. Мать и сын. Борьба в государстве и Церкви	101

Глава 2. Седьмой Вселенский Собор 787 года	111
Глава 3. Карл Великий — император Западной Римской империи	120
Глава 4. Самостоятельное правление святой Ирины. Конец Исаврийской династии	144
<i>Приложение № 7: Вселенские Соборы</i>	<i>157</i>

ДИНАСТИЯ НИКИФОРА ГЕНИКА

XXXV. Императоры Никифор I Геник (802—811) и Ставракий (811)	182
Глава 1. Несчастливый реформатор. Отношения с Западом .	182
Глава 2. Заговоры, неудачные войны и смерть императоров.	192
XXXVI. Император Михаил I Рангаве (811—813)	206
Благочестивый царь. Ошибки, поражения и неудачная попытка восстановления иконопочитания	206

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

XXXVII. Император Лев V Армянин (813—820)	220
Глава 1. «Рачитель общего блага»	220
Глава 2. Второй этап иконоборчества. Смерть Льва V Армянина	229
<i>Приложение № 8</i>	
<i>Империя Карла Великого. «Дар Константина»</i>	<i>239</i>

АМОРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

XXXVIII. Император Михаил II Травл (820—829)	270
Глава 1. «Шепелявый» царь. Восстание Фомы Славянина	270
Глава 2. Война с арабами. Потеря Крита и Сицилии	281
XXXIX. Император Феофил (829—842)	290
Глава 1. Справедливый государь	290
Глава 2. Война с арабами	296

Глава 3. Агония иконоборчества. Раскаяние императора	315
<i>Приложение № 9</i>	
<i>Император, «симфония властей» и иконоборчество. Греческий национализм</i>	324
XL. Император Михаил III (842—867) и императрица святая Феодора (842—856)	351
Глава 1. Императрица святая Феодора и «Торжество Православия»	351
Глава 2. Начало самостоятельного правления Михаила III. Опала императрицы	361
Глава 3. «Пьяный царь». Война с арабами	370
Глава 4. Патриархи святой Игнатий, святой Фотий и Римский папа Николай I. «Двукратный» Собор 861 года	380
Глава 5. Три императора. Смерть кесаря Варды и Михаила III	400
Примечания	405

IV ТОМ

МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ

XLІ. Император Василий I Македонянин (867—886)	4
Глава 1. «Византийская сказка» — дорога к царству. Начало славных дел	4
Глава 2. Примирение с Римом. «Восьмой Вселенский» Собор 869—870 гг.	15
Глава 3. Война с арабами. Девальвация императорства на Западе	29
Глава 4. Собор «В храме Святой Софии» 879—880 гг. «Прохирон» и «Эпанагога». Смерть императора	46
XLІІ. Император Лев VI Мудрый (886—912)	62
Глава 1. Нелюбимый сын. Философ на троне	62
Глава 2. Царь и патриарх. Четыре брака императора	72
Глава 3. Война с болгарами и арабами	88
XLІІІ. Император Александр (912—913)	103
Глава 1. 13 месяцев царствия патриарха	103

Глава 2. Кризис «папизма» на Западе.	
Распад и воссоздание Западной Римской империи	109
<i>Приложение № 10: «Византийский папизм» и «Эпанагога»</i>	<i>129</i>
XLIV. Императоры Константин VII	
Порфирородный (913—959)	
и Роман I Лакапин (919—944)	152
Глава 1. Патриарх и императрица —	
смертельная схватка	152
Глава 2. Царственный опекун и малолетний император.	
«Семицарствие»	164
Глава 3. Войны, заговоры, войны. Дети против отца	178
XLV. Император Константин VII	
Порфирородный (945—959). Единоличное правление	190
Глава 1. Царствие ученого-императора	190
Глава 2. Неудача на Крите. Стратегический перелом	
в войне с арабами	198
XLVI. Император Роман II (959—963)	206
Глава 1. Возврат Крита. Триумф византийского	
оружия в Сирии	206
Глава 2. Царь, отравленный женой	215
XLVII. Император святой Никифор II Фока (963—969)	220
Глава 1. Царь-монах	220
Глава 2. Завоевание Сирии. Спор о Риме	
и титуле «император» с Оттоном I Великим	227
Глава 3. Любовь старого солдата и юной царицы.	
Убийство царя	241
XLVIII. Император Иоанн Цимисхий (969—976)	253
Глава 1. Разочарование Феофано. Восстановление	
положения императора в Церкви и государстве	253
Глава 2. Война со Святославом, князем русским.	
Победы в Сирии	266
<i>Приложение № 11: Римская армия в VIII—X вв.</i>	<i>279</i>
XLIX. Император Василий II Болгаробойца (976—1025)	296
Глава 1. Соглашение царственных братьев.	
Восстание двух Вард	296

Глава 2. Царь-Болгаробойца. Победные марши византийской армии на Востоке и Кавказе	307
Глава 3. Соперничество с германцами в Италии. Папы-марионетки.....	324
L. Император Константин VIII (1025—1028)	344
Глава 1. Хранитель государственных традиций. Поиск преемника.....	344
LI. Император Роман III Аргир (1028—1034)	352
Глава 1. Новый «Марк Аврелий».....	352
LII. Императоры Михаил IV Пафлагон (1034—1041) и Михаил V Калафат (1041—1042).....	363
Глава 1. Больной царь. Торжество евнуха.....	363
Глава 2. Неблагодарный «сын».....	374
LIII. Императрицы Зоя (1042—1050) и Феодора (1042—1056), император Константин IX Мономах (1042—1055)	381
Глава 1. Три императора	381
Глава 2. Любовные увлечения и политические волнения. Смерть Мономаха и самодержавное правление Феодоры	388
Глава 3. «Клунийская реформа». Папа Лев IX и Григорий Гильдебранд.....	400
Глава 4. Великий раскол 1054 г.....	413
LIV. Император Михаил VI Стратиотик (1056—1057)	431
Глава 1. «Старик», патриарх и мятежные полководцы. Завершение Македонской династии	431
Примечания	445

V ТОМ

ДИНАСТИЯ КОМНИНОВ

LV. Император Исаак I Комнин (1057—1059).....	4
Глава 1. Конец Керуллария. Тихий дворцовый переворот.....	4

ДИНАСТИЯ ДУКОВ

LVI. Император Константин X Дука (1059—1067)	16
Глава 1. Слабость царской власти и торжество «византийского папизма»	16
Глава 2. Турки и норманны	22
LVII. Царица Евдокия (1067) и император Роман IV Диоген (1068—1071)	29
Глава 1. Тайный план императрицы. Битва при Манцикерте и трагедия царской четы	29
LVIII. Императоры Михаил VII Дука Парапинак (1071—1078) и Никифор III Вотаниат (1078—1081)	41
Глава 1. «Смутное время» и бессильный царь	41
Глава 2. «Новое» «Смутное время» и завершение династии Дуков	52
Глава 3. Борьба за инвеституру на Западе. Каносса и Вормс	61

ДИНАСТИЯ КОМНИНОВ

LIX. Император Алексей I Комнин (1081—1118)	90
Глава 1. Надежда Римского государства	90
Глава 2. Надежды почти не осталось. Страшный 1091 г.	102
Глава 3. Византия возрождается. «Тринадцатый апостол»	117
Глава 4. 1-й Крестовый поход	126
Глава 5. Император и три женщины. Анна и Иоанн Комнины. Смерть Алексея I	179
LX. Император Иоанн II Комнин (1118—1143)	184
Глава 1. «Семейный заговор». Войны на Западе	184
Глава 2. «Немного я пробыл в царских чертогах...» Император-солдат	197
Глава 3. Последние годы. Выбор царя	208
LXI. Император Мануил I Комнин (1143—1180)	214
Глава 1. «Новый Юстиниан»	214
Глава 2. 2-й Крестовый поход	227

Глава 3. Война с Сицилией	244
Глава 4. Западная стратегия. Попытки воссоединения Кафолической Церкви	258
Глава 5. Венгерские комбинации царственного паладина	275
Глава 6. Восточная политика	280
Глава 7. Царь — богослов, ученый и канонист	303
<i>Приложение № 12. «Царь — священник, защитник и глава Церкви»</i>	<i>312</i>
LXII. Император Алексей II Комнин (1180—1183)	329
Глава 1. Протосеваст против узурпатора	329
Глава 2. Царственные жертвы	338
LXIII. Император Андроник I Комнин (1183—1185)	344
Глава 1. Авантюрист и предатель	344
Глава 2. Тиран и убийца	351

ДИНАСТИЯ АНГЕЛОВ

LXIV. Император Исаак II Ангел (1185—1195)	360
Глава 1. Император поневоле	360
Глава 2. Второе Болгарское царство и 3-й Крестовый поход	370
Глава 3. Неудачи Болгарской войны. Заговоры и самозванцы	407
LXV. Император Алексей III Ангел Комнин (1195—1203)	413
Глава 1. Похититель императорской власти и разоритель царских гробниц	413
Глава 2. Позоры и бесчестья	423
Глава 3. 4-й Крестовый поход против Византии	431
LXVI. Императоры Исаак II (1203—1204), повторное правление, и Алексей IV (1203—1204) Ангелы	451
Глава 1. Неисполненные обязательства. Конец династии	451

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

LXVII. Император Алексей V Дука Мурпуфл (1204).....	458
Глава 1. «Зачем Ты поразил нас, Господи, и нет нам избавления!».....	458
Глава 2. Латинская империя.....	466
Примечания	471

VI ТОМ**ДИНАСТИЯ ЛАСКАРИДОВ**

LXVIII. Император Феодор I Ласкарис (1204—1222).....	4
Глава 1. Осколки Византийской империи	4
Глава 2. Феодор I Ласкарис и Никейская империя	17
Глава 3. 5-й Крестовый поход.....	30
LXIX. Император святой Иоанн III Дука Ватац (1222—1254)	37
Глава 1. «Фракийский узел». Попытка унии с Римом	37
Глава 2. Возрождение Византийской империи	50
Глава 3. 6-й Крестовый поход и смерть императора	63
LXX. Император Феодор II Ласкарис (1254—1258)	74
Глава 1. «Певец царской власти» и византийский «просвещенный абсолютизм»	74
Глава 2. «Мы во цвете лет состарились душой»	81
LXXI. Император Иоанн IV Ласкарис (1258—1261)	90
Глава 1. Страсти вокруг царственного агнца и «конституционная монархия» Палеолога.....	90
Глава 2. Возвращение Константинополя. Конец династии Ласкаридов	98

ДИНАСТИЯ ПАЛЕОЛОГОВ

LXXII. Император Михаил VIII Палеолог (1261—1282).....	108
Глава 1. «Новая Византия» и ее окружение	108
Глава 2. Покаяние императора.....	119

Глава 3. Сицилия и Византия — смертельное противостояние	128
Глава 4. Лионская уния 1274 г. и попытки ее рецепции.....	150
Глава 5. Провал Лионской унии и «Сицилийская вечерня».....	165
<i>Приложение № 13 «Апостольская кафедра в XII—XV вв. “Авиньонское пленение” пап и “Великий раскол” Римской церкви».....</i>	<i>175</i>
LXXIII. Императоры Андроник II Палеолог Старший (1282—1328) и Михаил IX Палеолог (1295—1320).....	194
Глава 1. Патриархи Константинополя и зилоты. Соимператорство Михаила IX Палеолога	194
Глава 2. Отношения царской власти с Константинопольской церковью. «Вселенский суд»	209
Глава 3. Узлы европейской политики и турецкая угроза.....	215
Глава 4. Каталонская экспансия и война с турками.....	226
Глава 5. Феодалные тенденции в Римской империи и царской семье	235
Глава 6. Дед и внук делят Империю. «Патриарх сделался нашим убийцей!» Конец царствования Андроника II Старшего	240
<i>Приложение № 14 «Культ императора в поздней Византии и преемственность царской власти».....</i>	<i>256</i>
LXXIV. Император Андроник III Младший Палеолог (1328—1341).....	272
Глава 1. Приобретения на Западе, потери в Малой Азии	272
Глава 2. Начало исихастских споров. Июньский Собор 1341 г.	288
LXXV. Императоры Иоанн V Палеолог (1341—1391), Иоанн VI Кантакузен (1347—1354), Матфей (1354—1357), Андроник IV Палеолог (1376—1379) и Иоанн VII Палеолог (1390).....	299
Глава 1. Гражданская война. Кантакузены против Палеологов.....	299
Глава 2. Два самодержавных Иоанна	313

Глава 3. Исихастские соборы	321
Глава 4. Самодержавное правление Иоанна V Палеолога. Заговоры царевичей.....	333
LXXVI. Император святой Мануил II Палеолог (1391—1425)	348
Глава 1. Турецкий заложник. Первые осады Константинополя	348
Глава 2. Заграничный вояж императора. Последние годы мира	355
LXXVII. Император Иоанн VIII Палеолог (1425—1448)	366
Глава 1. Три брака царя. Безнадежные войны с османами	366
Глава 2. Ферраро-Флорентийская уния.....	375
<i>Приложение № 15 «Попытки унии Восточной и Западной церквей»</i>	<i>398</i>
LXXVIII. Император святой Константин XI Палеолог (1448—1453)	415
Глава 1. Последний царь великой Римской империи	415
Глава 2. Осада и последний штурм Константинополя. Гибель Священной Римской империи	432
После Византии	448
<i>Приложение № 16. «Римские императоры»</i>	<i>461</i>
<i>Приложение № 17. «Императоры Западной империи»</i>	<i>464</i>
<i>Приложение № 18. «Римские папы»</i>	<i>466</i>
<i>Приложение № 19. «Константинопольские патриархи»</i>	<i>473</i>
<i>Приложение № 20. «Александрийские патриархи»</i>	<i>478</i>
<i>Приложение № 21. «Антиохийские патриархи»</i>	<i>481</i>
<i>Приложение № 22. «Иерусалимские патриархи»</i>	<i>485</i>
Библиография	488
Примечания	508

Научно-популярное издание

Величко Алексей Михайлович,
доктор юридических наук

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ
От Феодора I Ласкариса до Константина XI Палеолога

Редактор *А.А. Скороход*
Научный редактор *Т.А. Фетисов,*
протоиерей, кандидат богословия
Корректор *О.Н. Афанасьева*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Е-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 24.06.2015. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «НьютонС». Печ. л. 35.
Тираж 500 экз. Заказ .